

Макс
Пембертон

«TERRA» - «TERRA»

Scan Kreyder - 25.12.2018 - STERLITAMAK

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Макс
Пембертон

СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

Том первый

ПОДВОДНОЕ ЖИЛИЩЕ

роман

КРОВАВОЕ УТРО

роман

БРИЛЛИАНТОВЫЙ
КОРАБЛЬ

роман

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

Составитель Т. ПРОКОПОВ

Художник А. АСТРЕЦОВ

Пембертон М.

П24 Сочинения: В 2 т. Т. 1: Подводное жилище; Кровавое утро; Бриллиантовый корабль: Романы / Пер. с англ.; Сост. Т. Прокопов. — М.: ТЕРРА, 1996. — 559 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-00196-1 (т. 1)

ISBN 5-300-00197-X

Популярный английский беллетрист начала века Макс Пембертон был открыт русскому читателю выдающимся книгоиздателем П. П. Сойкиным, включившим его увлекательные романы в свою знаменитую серию «Приключения на суше и на море». Герои книг Пембертона, моряки, предприниматели, любители странствий, совершают подвиги в схватках с пиратами и разбойниками, проявляют мужество и благородство в самых драматических ситуациях.

В первый том вошли приключенческие романы «Подводное жилище», «Кровавое утро» и «Бриллиантовый корабль».

В 4703010000-006 Подписное
А30(03)-96

ББК 84.4Вл

ISBN 5-300-00196-1 (т. 1)

ISBN 5-300-00197-X

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

ПОДВОДНОЕ
ЖИЛИЩЕ
роман

*Перевод с английского
Е. Шабельской*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*в которой Джаспер Бэгг
сообщает о своем намерении
совершить путешествие по Тихому океану
и зафрахтовывает пароход «Южный Крест»
через посредство конторы
«Филиппс Вестбюри и компания»*

Немало друзей и знакомых советовали мне написать историю моих приключений, и я решился, наконец, приняться за этот труд, несмотря на недостаток способностей и подготовки. Моряку по профессии, получившему образование в простой школе родного городишки, мне, капитану Джасперу Бэггу, нелегко объяснить публике необычные происшествия, свидетелем которых довелось мне быть, и сделать правдоподобными для недоверчивых читателей вещи, выходящие из ряда обыкновенных явлений будничной жизни современного человека. Постараюсь справиться с этой трудной задачей по возможности, предоставляя господам журналистам, равно как ученым специалистам, право критиковать, доказывать или отрицать причины, результаты или даже возможность явлений, о которых мне придется рассказывать.

3 мая 1899 года в три часа пополудни наш старший боцман Гарри Дозс первый заметил землю на горизонте. Наше путешествие приближалось к концу. Пятьдесят три дня тому назад выехали мы из Сусемптона, и за все это время никто из экипажа не мог догадаться, для чего предпринято наше путешествие по Тихому океану. Большинство предполагало нечто вроде морской прогулки, вызванной страстью к дальним плаваниям... Они припомнили, что их капитан еще мальчиком бежал из школы на яхту лорда Кэнттона, которой командовал в то время старый товарищ моего отца... Другие удивлялись тому, что наш «Южный Крест» прошел через

Суэцкий канал, чего обыкновенно не делают суда путешественников ради собственного удовольствия, и не понимали, откуда у бедного морского офицера, каким меня все знали, нашлись не только пятьсот фунтов стерлингов для уплаты комиссионной конторе Филиппса Вестбюри, но и еще большая сумма, необходимая для содержания команды, которой я платил лучше многих знатных любителей мореплавания, собственников роскошных паровых яхт. Я предполагал разрешить недоумение экипажа своевременно, намекая лишь изредка на то, что материальные интересы моих подчиненных гарантированы одной богатой леди, по желанию которой предпринято путешествие, но что именно поэтому я и не могу немедленно удовлетворить их любопытство. Мистер Джекоб, мой старший офицер, и Питер Блэй, старый приятель, поехавший со мной потому, что я умел удерживать его от несчастной страсти к пиву, догадывались кое о чем, хотя и не знали ничего определенного. Оба служили уже под моим начальством на яхте мисс Руфь Белленден и помнили, что муж молодой леди увез ее в свадебное путешествие куда-то на дальний Восток. Они не раз намекали, что наша прежняя молодая хозяйка, конечно же, повлияла на выбор пути «Южного Креста», и, в сущности, я не сердился за такое предположение, хотя и должен был держать язык за зубами и не объяснять цели моего путешествия в интересах самой молодой леди...

Итак, 3 мая, в четвертом часу пополудни, старший боцман Гарри Дозс, первый разглядевший землю на горизонте, сошел вниз в сопровождении кое-кого из экипажа, чтобы узнать мои приказания. Мистер Джекоб только что окончил свою вахту, и Питер Блэй, сменивший его, уже собирался посылать за мной, когда я сам поднялся на командирский мостик и навел подзорную трубу на едва виднеющиеся очертания берега. Так как мы находились в это время на сто пятидесятом градусе восточной долготы, то я и предположил вначале, что вижу один из островов, давно известных всем судам, крейсирующим между Сан-Франциско и Японией. Но, приглядевшись внимательно к быстро приближающимся берегам и особенно к скалистой возвышенности на северо-западе, я понял, что мы находимся в виду того самого Кеннского острова, который был целью нашего путешествия.

— Поздравляю, ребята,— обратился я к собравшейся команде,— вот мы и у места назначения. Погода прекрасная, у нас на судне все, слава Богу, благополучно, денька через три-четыре, пожалуй, и в обратный путь можно будет пуститься!

Слова мои были приняты громкими криками радости, а Питер Блэй, ходивший последние две недели намурившимся, вздохнул, как человек, сбросивший с плеч давящую его тяжесть.

— Спасибо за добрую весть, капитан,— проговорил он, улыбаясь всем своим круглым, потемневшим от морского ветра лицом.— Хотя, надеюсь, вы и не сомневаетесь в том, что я готов в точности исполнять свои обязанности во всякую погоду, но, правду сказать, проклятое солнце печет здесь так невыносимо, что способно изжарить самого терпеливого человека, а потому перспектива близкого возвращения на родину особенно приятна моему сердцу... Прикажете уменьшить пары или приготовить якорь?

— Не отдавайте якоря, пока не подойдем ближе! — ответил я довольно нерешительно.— Мы находимся еще очень далеко от берегов, и, судя по карте, на большой глубине... Этим надо воспользоваться... остановиться всегда успеем... Надеюсь, вы со мной согласны, Питер?

— Конечно, капитан. Хотя в данном случае, пожалуй, осторожность не помешала бы,— проговорил он, очевидно желая продолжать разговор.

Но мне было не до того. Я принялся изучать далекую землю с помощью сильного морского бинокля, спеша все осмотреть под лучами заходящего солнца. Перед нами расстилалась береговая линия со смутной неопределенностью полустушевавшейся тени. Однако я мог различить пространство низменностей на юге, тогда как к северу явственно поднималась скалистая возвышенность, уже раньше замеченная мною. Заходящее солнце окрашивало пурпурно-золотистым цветом легкие волнистые облака, утопающие в темной синеве неба, и переливалось огненными полосами на безбрежных волнах изумрудного моря, тогда как прибрежные скалы как бы расплывались мягкими, бархатистыми тенями всех оттенков лилового цвета. Тихо плескались волны о корму судна, огненными змейками разбегаясь

от ударов винта и сверкая, как брильянтовые искры, в отдалении.

Не раз приходилось мне первому разглядывать пустынные берега, сгорая от любопытства, смешанного с естественным беспокойством, но никогда еще мое сердце не билось так мучительно сильно, как при виде этого неизвестного берега, на котором находилось супружеское жилище мисс Руфь Белленден. Что-то найду я в ее доме? Как встретит меня молодая хозяйка? Счастлива ли она? Сожалеет ли о своем так быстро устроившемся браке? Ответ на все эти вопросы получу я там, где темная линия берега начинает сливаться с темнеющими волнами океана, получу через несколько коротких часов, как только заходящее солнце вновь озарит своими золотистыми лучами вечно голубое небо юга!.. Но как невыносимо долго тянутся даже короткие часы человека, приехавшего из далекой Англии ради разрешения мучительных вопросов.

Старший офицер вышел на палубу, желая лично присмотреть за приготовлением якорей. Осторожный по природе, мистер Джекоб советовал мне отложить исполнение моего намерения, каково бы оно ни было, до завтра.

— Полная темнота наступит через какие-нибудь полчаса, капитан! — убеждал он меня. — Не лучше ли нам будет дожидаться утра в открытом море? Встречаться с подводными камнями, особенно ночью, право же, не стоит даже в угоду прекраснейшей из всех женщин!

— Мистер Джекоб, — ответил я, улыбаясь маленькому человеку, одаренному большим остроумием, «обратно пропорциональным его росту», как говорил про него Питер Блэй, — я совершенно согласен с вами в принципе и вполне уверен, что всякая молодая леди предпочтет и вовсе не встречаться с подводными камнями ни днем, ни ночью... Но вот Питер Блэй мечтает о берегу, как школьник о вакациях. Остановись мы немедленно, он от нетерпения не заснет всю ночь. Подите сюда, Питер! Вы слышали, что говорит мистер Джекоб? Ну-с, а ваше мнение каково?

Питер Блэй досадливым жестом сдвинул свой бинокль.

— Черт меня побери, капитан, если я не разделяю мнения мистера Джекоба. Добрый лот, свежая голова

и свежий утренний ветер — прекрасные вещи. Ради них хороший моряк откажется от созерцания всякой леди, будь она белая, черная или желтая... Особенно когда к ней надо пробираться мимо треклятых бурунов, которые начинают напевать свою песню. Слышите, капитан, как ревет море? Наверно, здесь близко целый рой подводных скал. Только темнота мешает их видеть!

Джекоб прищурил свои маленькие глазки, не смея слишком резко противоречить желанию капитана, но все же пробурчал для собственного успокоения вариант на известную поговорку: «Ночью все кошки серы». Никто не успел еще вдуматься в смысл его замечания и сообразить, какую роль играло слово «буруны» в поговорке о «кошках», как широкая полоса электрического света яркой скатертью раскинулась на темной воде, внезапно осветив необозримое пространство грозно пенящихся бурунов в страшной близости от нашего судна. Мы все впились глазами в ужасающее, величественное зрелище. При ярком освещении электричества картина представлялась настолько фантастической, что я не удивился силе впечатления, произведенного ею на мою команду.

— Странная благосклонность зажгла этот фонарь! Оригинальная помощь бедным морякам, являющаяся «после ужина горчицей», предупреждая их об опасности, когда они уже сидят в ней по самые ушки! — проговорил, покачивая головой, мистер Джекоб. — Надеюсь, капитан, вы позволите обратить ваше внимание на то, что мы не более как в полумиле от подводных скал?

— Пройди мы еще только десять минут по этому направлению, никакое чудо не спасло бы нас от знакомства с этими милыми камушками! — проворчал Питер. — У нас в Ирландии выставляют надписи для велосипедистов: «Берегись опасного спуска», здесь же поступают как раз наоборот: предупредительную надпись помещают в глубине оврага, вероятно, для утешения переломавших кости!

Матросы, стоявшие поближе, засмеялись остроте своего начальника, но большинство тихо переговаривалось, смущенно покачивая головами. Выражение их лиц обеспокоило меня. Моряк — самое суеверное существо на белом свете и смущается при виде всего непонятного. К счастью, любопытство моряков почти так

же сильно, как и суеверие. Я решился воспользоваться этим свойством для успокоения моей команды.

— Ребята,—заговорил я быстро,—мистер Блэй справедливо удивляется странной постройке здешних маяков, но познакомиться с ними основательно мы поспеем и завтра утром. Теперь же сообщу вам приятное известие: я уполномочен раздать команде сто фунтов стерлингов в день счастливого прибытия на этот остров, и та же сумма ожидает вас при благополучном возвращении. Благодарю вас, ребята, за хорошее поведение во время всего пути и предлагаю от себя особенный праздничный грог, как только мы уйдем подальше от этого чертова котла с кипятком!

Радостное «ура» отвечало на мою речь. Команда сразу забыла свое беспокойное недоумение и бодро принялась за дело. Мы повернули в открытое море и, уменьшив пары, стали лавировать в виду берегов. Успокоившись относительно вверенного мне судна, я решился открыть мои дальнейшие намерения своим офицерам и пригласил их для этого в нашу небольшую, но удобно обставленную столовую. Взошедший прежде меня мистер Джекоб немедленно налил себе стаканчик рому — с аккуратностью морского журнала он регулярно выпивал свою скромную порцию перед каждым обедом или ужином, но Питер Блэй не решался последовать его примеру и сидел неподвижно, теребя свою шапку с уморительнейшим выражением борьбы между страхом и желанием на загорелом лице.

— Господа,—обратился я к своим товарищам,—не знаю, как вы, а я всегда находил неудобным говорить о делах, не промочив предварительно горла... Поэтому позвольте просить вас осушить по стаканчику, прежде чем приступить к серьезным объяснениям. Надеюсь, Питер, что вы не будете возражать против моего предложения?

— Я никогда не возражаю своему начальству! Стаканчик перед началом беседы всегда полезен. А затем можно и повторить прием! — отвечал ухмыляясь почтенный ирландец, протягивая руку к графинчику.

— Питер, Питер, пора бы вам забыть о повторениях! Немало добрых старых кораблей довели они до преждевременной могилы! — напомнил я доброму старику.

Джекоб же опорожнил свой стакан с лукавой улыбкой.

— Плохое сравнение, капитан! Наш Питер — честное морское судно, он не может окончить свое существование в могиле, как какая-нибудь сухопутная крыса. Для моряка единственно приличная могила: море!

— Не стану отстаивать правильность моего сравнения. Не для пустой болтовни пригласил я вас, а для того, чтобы сообщить вам цель нашего путешествия и условия, при которых мы можем надеяться на скорое возвращение на родину!

Глаза моих слушателей загорелись любопытством. Питер Блэй начал теребить свою фуражку с еще большим ожесточением, чем прежде, а Джекоб принялся тщательно протирать свои золотые очки, что у него всегда было признаком сдерживаемого волнения. Не желая томить их дольше, я немедленно продолжал:

— Я должен отдать полную справедливость вашей деликатности, товарищи. Вы поступили как настоящие джентльмены, воздерживаясь от нескромных вопросов, догадок и комментариев. Теперь за мной очередь доказать вам доверие полной откровенностью. Итак, знайте, что я зафрахтовал «Южный Крест» и предпринял путешествие на Кеннский остров по желанию мисс Руфь Белленден, являющейся, таким образом, нашим арматором!

Хотя мои офицеры, очевидно, ожидали этого сообщения, однако сочли долгом вежливости выразить приличное случаю удивление, причем Питер не преминул воспользоваться удобным предлогом и быстро осушил стаканчик «за здоровье молодой хозяйки судна».

— Я обещал мисс Руфь исполнить ее желание еще до ее свадьбы! — быстро пояснил я обстоятельства дела. — Она оставила тысячу фунтов стерлингов для снаряжения судна у нотариуса, который и передал их мне своевременно, согласно ее письменному распоряжению. «У моего жениха бывают иногда странные прихоти, — так объяснила мне мисс Руфь свое желание. — Он может случайно отлучиться, оставя меня одну на пустынном острове. Поэтому я и желала бы иметь возможность прокатиться в Европу, когда будет угодно. Вам я доверяю, Джаспер Бэгг, а потому и прошу вас разыскать меня на Кеннском острове, через год после мое-

го отъезда. Вы будете капитаном моей яхты, как прежде, и подождете моих распоряжений. Быть может, я отошлю вас обратно, быть может, попрошу остаться на более или менее продолжительное время. Как знать, что может случиться за целый год времени. Хоть я и сирота,— продолжала она улыбаясь,— но все же не совсем одинока. Мой брат жив еще, слава Богу, и остается моим верным другом... Мне тяжело было бы расстаться с ним надолго... А между тем Лондон так далек от Тихого океана...» Тут она замолчала, не dokonчив фразы, и тяжело задумалась.

Питер потянулся за третьим стаканчиком.

— Н-да,— проговорил он многозначительно,— расстояние между Лондоном и Тихим океаном не близкое, и я прекрасно понимаю, о чем задумалась наша молодая хозяйка, рассчитывая, что будет отделена целыми двенадцатью тысячами миль от преданного друга, сопровождавшего ее во всех путешествиях чуть не десять лет подряд!

— Советую вам прикусить язык, Питер, и не выражать нескромных предположений, особенно при команде! То, что я говорю вам обоим, должно остаться между нами. Надеюсь, вы понимаете это? Завтра утром я поеду на берег и постараюсь переговорить с мистрис Кчерни, как зовется теперь наша милая, маленькая мисс Белленден. Если она скажет: «Уезжайте с Богом», то мы завтра же подыдем якорь и уплывем домой с изрядной суммой в кармане, но если она скамандует: «Стоп, машина», то, я думаю, ни один из нас не откажется повиноваться. Для нас она хозяйка, единственный командир нашего судна. И хоть она и замужем, но мы все знаем, что супружество с иностранцем еще не делает англичанку его рабой... Это не то, что брак с соотечественником, англичанином!

— Или с прирожденным ирландцем, капитан! — поправил Питер, наливая себе четвертый стаканчик. — А этот господин с невозможным именем, черт его знает, откуда он взялся!

— Эдмунд Кчерни — венгр по происхождению и скрипач по профессии. Он гениальный артист, в этом всякий должен сознаться... но... что побудило его избрать Кеннский остров целью своего свадебного путешествия, это одному Богу известно! О его прошлом я почти ничего не знаю. Кажется, что он прожил неско-

лько лет в Северной Америке, а потом странствовал по всему свету... Но я должен признаться, что у него прекрасные манеры и поэтическая наружность, которые легко могли очаровать двадцатидвухлетнюю девушку, какой была тогда мисс Белленден.

Джекоб сурово сморщил брови.

— Двадцать два года лета не малые, особенно для такой умной и образованной девушки, как нынешняя мистрис Кчерни. Она могла бы быть осмотнительнее, капитан Бэгг, гораздо осмотнительней в своем выборе. Я говорю это не в осуждение нашей молодой хозяйки, вы знаете, я любил ее, когда она была еще малюткой, а я глубоко сожалею о том, что она не подумала подольше, прежде чем решиться на такой важный шаг, как супружество. Что говорить о том, что сделано и непоправимо. Как бы то ни было, мы, все здесь присутствующие, останемся верными друзьями молодой леди!

— Ну, да утро вечера мудренее, друзья мои. На рассвете съедем на берег и разузнаем подробно обо всем, что нас интересует, а пока пойдем наверх и посмотрим, как ведет себя команда!

Мои собеседники согласились со мной тем охотнее, что их самих интересовало настроение матросов, подробные сведения о котором лучше всех мог сообщить нам общий любимец Долли Вендт. Совсем стемнело, пока мы сидели в каюте, и очертания острова почти совершенно скрылись от наших взоров. Яркий свет невидимого маяка особенно резко выделялся среди темноты, и странное направление его все еще приводило в недоумение наших людей. Я пробовал успокоить их предположением, что свет этот был только случайным, каким-либо условленным сигналом между гаванью и судном, но мне отвечали, что ни одно судно не показывалось на горизонте и что на берегу нигде не видно ничего похожего на рейд с его оживленными берегами, всегда горящими сотнями гостеприимных огньков.

— Ну, какую-нибудь пристань да разыщем, братцы! Нечего ночью головы ломать. Взойдет солнце и осветит все, что нам кажется непонятным в этой темноте.

Когда мои спутники разбрелись по койкам, я остался один на капитанском мостике, не сводя глаз с таинственной полосы света, переливающейся каска-

дами золотых звездочек в белой пене бурунов, и чувство болезненного нетерпения сжимало мое сердце, то самое чувство, с каким влюбленный наблюдает за ярко освещенным окном в спальне своей возлюбленной.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой Джаспер Бэгг
высаживается на берег и узнает странные вещи*

Еще не было шести часов утра, когда капитанская гичка отчалила от правого борта «Южного Креста», направляясь к неведомому берегу. Кроме необходимых двух гребцов со мной отправился наш общий любимец Долли Вендт, исполняющий обязанности четвертого офицера, и старший боцман Гарри Доэс, занявший место на руле.

Мы быстро приближались к берегу, но, несмотря на все наше внимание и на помощь сильнейшего бинокля, не могли открыть ничего похожего на сколь-нибудь сносное место высадки. Достигнув линии бурунов, опоясывающей весь остров, по-видимому, непреодолимой преградой, я замедлил движение шлюпки и принялся давать сигналы криками, свистками и даже выстрелами из карманного револьвера, но никто не отвечал нам, никто не показывался на пустынном берегу, и даже те темные пятна, которые мы было приняли вчера вечером за избушки береговых жителей, превратились при солнечном свете в причудливые группы кустарников.

Мы повернули на юг и поплыли параллельно берегу, осторожно избегая разбросанных повсюду подводных скал. Мои матросы гребли с очевидным неудовольствием, причины которого я не мог угадать, хотя оно невольно стало переходить и на меня. Безуспешные поиски пристани раздражали нас всех. Один Долли Вендт забавлялся препятствиями, благодаря счастливой беззаботности своих семнадцати лет. Он болтал без умолку на ту же тему.

— Да, хорошенький бережок, нечего сказать. Приятная стоянка, капитан! В миленьком положении очутилось бы подъезжающее судно темной ночью, доверившись любезной помощи вчерашнего маяка!

— Как бы то ни было, Долли, но я все же должен пробраться за эти проклятые скалы никак не позже полудня, а для этого надо приналечь на весла, ребята! Но... постойте-ка, братцы... Долли, посмотрите туда, направо, у вас глаза молодые. Кажется, там люди?

Юноша быстро схватил бинокль, но не смог сказать ничего достоверного. Только что взошедшее тропическое солнце заливало нас таким ослепительным светом, что в глазах темнело. Жгучие отблески голубоватых волн прыгали огненными искрами перед глазами, не позволяя разглядеть подробностей береговой линии, еще покрытой тенью высоких скал. Однако мне удалось наметить одну из этих скал, особенно высоко вздымавшуюся на юго-западе, и я направил к ней гичку, надеясь отыскать устье какой-нибудь речки или ручейка, впадающего в море. С осторожностью приблизились мы к линии бурунов, не переставая измерять глубину захваченным лотом. К счастью, в одном месте, между подводными камнями, оказался достаточно широкий проход, в который наша шляпка и проскользнула благополучно. Минут через десять мы уже настолько приблизились к берегу, что я смог разглядеть небольшую бухту, довольно глубоко врезающуюся в песчаный берег. Удобная естественная пристань была найдена. Без сомнения, здесь пристала год тому назад и та яхта, которая привезла мисс Руфь с ее молодым мужем.

Берег казался совершенно необитаемым и поражал мрачной красотой пейзажа. Повсюду скалы всевозможных оттенков: от темно-зеленого, почти черного и до светло-серого, сверкающего яркими отблесками хрусталя. Высокими громадами обрисовывались они на безоблачном небе, сбегая к морю непроходимыми крутизнами. Вдали, к северу, в просветах между скал, мелькала темная зелень лесов, среди которых гордо высились раскидистые вершины стройных пальм. В узких долинах, кажущихся издали небольшими прогалинами, блестели ярко-изумрудные, пышные пастбища. Белый береговой песок сверкал бриллиантовыми блесками. Бледно-голубые волны океана с тихим ропотом разбивались о берег. А там дальше, к северу, чернела узкая полоса земли, казавшаяся длинным скалистым мысом, далеко вдающимся в море. Все вместе составляло картину, полную дикого величия и какой-то таинственной

прелести. Я начинал понимать, что Эдмунд Кчерни поступил не вполне нелепо, предлагая своей молодой жене провести медовый месяц на этом берегу. Любитель красот девственной природы, венгерский артист должен был плениться никому не ведомым тропическим островом. Но каково-то жилось здесь прелестной молодой аристократке, воспитанной в громадных городах Соединенных Штатов и прожившей свои юные годы среди роскоши и комфорта столицы Великобритании? Как-то может обходиться без общества, без цивилизации, быть может, даже без материальных удобств изнеженная наследница миллионов? Сердце мое болезненно сжалось в ожидании решения всех этих вопросов, решения, теперь уже близкого.

Между тем шлюпка вошла в бухту и приблизилась к берегу. Тут только заметил я, что вершина почти отвесных скал, окружавших бухту, соединялась с берегом узкой деревянной лестницей, не отличающейся ни удобством, ни солидностью. Эта лестница являлась, впрочем, единственным признаком человеческого присутствия. Нигде не видно было домашнего скота, нигде не слышался звук топора или пилы. Перед нами лежала пустынная отмель самого неприветливого вида. Тем не менее я заметил на сыром песке свежие следы мужской ноги. Человек, оставивший их, прошел здесь немногим раньше нашего прихода, так как иначе след его был бы смыт приливом. На минуту я призадумался. Таинственный остров принимал нас чересчур странно. Глядя на этот след человека, неизвестно откуда появившегося и неизвестно куда скрывшегося, невольно зарождалась мысль о засадах, нападениях и опасностях. Однако на этот раз присущая каждому опытному моряку осторожность совершенно покинула меня. Страстное желание узнать что-нибудь о судьбе нашей молодой хозяйки овладело моей душой, и без дальних рассуждений я выпрыгнул на берег.

— Пойдем искать хозяев этого прекрасного места, Долли! — решительно проговорил я. — Вы же, ребята, возвращайтесь на корабль. Как раз поспеете к обеду, только смотрите, не опоздайте приехать за нами к солнечному закату. Я ни в коем случае не намерен ночевать на берегу и потому прошу вас быть аккуратными!

Взобравшись по крутой лестнице футов на восемь, мы достигли вершины скалистого гребня и поспешили

оглядеться, надеясь с этой высоты обозреть значительную часть материка. Увы, нам пришлось разочароваться! Правда, удаляющаяся шлюпка, равно как и наш пароход, спокойно качающийся на бирюзовых волнах, были видны как на ладони, и почти так же ясно могли мы разглядеть восточные скалы и гористый мыс на северной стороне острова, но зато по другую сторону скалистого гребня, на котором мы стояли, все пространство оказалось покрытым густым лесом тековых, красных и эбеновых деревьев, закрывающих горизонт сплошной зеленой стеной. Кругом царила глубокая тишина. Изредка только слышался шелест высоких тростников откуда-то из чащи да звонко трещали какие-то птицы в одном месте вокруг ярко-изумрудного пятна, очевидно поросшего травой болота, от которого доносились зловонные испарения, вдвойне невыносимые для легких моряка, привыкшего к чистому морскому воздуху. И с этой стороны остров встречал нас не особенно гостеприимно.

Быстро миновав опасное болото, мы углубились в лес, стараясь добраться до какого-нибудь жилья, как вдруг Долли вскрикнул и начал уверять меня, что заметил каких-то людей, неопределенные очертания которых мелькнули где-то в тени непроглядного тропического леса.

— Что за люди почудились вам, Долли? — спросил я.

— Один из них казался стариком с большой седой бородой, одетым во что-то вроде матросской блузы темного цвета. Он промелькнул между деревьями в то время, когда мы обходили болото. Другой следовал за ним в нескольких стах шагах, осторожно прячась среди кустов. Оба показались мне вооруженными, хотя я и не мог с точностью решить, несли ли они ружья или просто толстые дубины. Слишком велико было расстояние между нами и слишком быстро скрылись они среди деревьев.

— Успокойтесь, Долли, — перебил я рассказ юноши. — Допуская даже, что вы действительно видели этих людей, бояться их нам все же нет причины, будь они немцы, американцы или даже китайцы. Мошенниками они ни в каком случае быть не могут, честные же люди не нападут на безоружных моряков, прогуливающихся по своим делам и обладающих, благодаря Богу,

вполне приличной наружностью. Вы только сообразите, Долли: может ли молодая леди жить в окружении разбойников? Не такова Руфь Белленден, чтобы терпеть вблизи себя нечестного человека. Вы не знаете, что это за светлая личность, Долли. И при этом как умна, как энергична! Попадись ей кто-нибудь не по вкусу, она сумела бы немедленно избавиться от него. Она привыкла распоряжаться на своей паровой яхте, которой я командовал столько лет подряд. Что за прелестное судно был этот «Мангатан», птица по быстроте хода, игрушка по роскоши отделки! Счастливейшее время жизни провел я на этом судне...

Я замолчал, припомнив это счастливое время, и невольно вздохнул при мысли о его невозвратности.

Мой спутник прервал мое молчание откровенным выражением своего любопытства.

— Скажите, капитан, если мой вопрос не покажется вам чересчур нескромным, правду ли болтают некоторые из наших матросов, служивших под вашим началом на яхте этой молодой леди? Они прямо обожают ее и вспоминают о ней чуть не со слезами на глазах.

— Да, она заслуживала обожания, Долли. В этом порукой мое честное слово! Мисс Руфь Белленден действительно редкое создание... Она дочь известного миллионера, нажившего громадное состояние в Северной Америке на акциях Тихоокеанской железной дороги. Исаак Белленден утонул, возвращаясь на родину, в Англию, во время знаменитого крушения «Эльбы». Его единственный сын, Руперт, живет в Лондоне, продолжая банкирское дело, начатое отцом. Дочь же, наша мисс Руфь, была выделена еще при жизни старика и с пятнадцати лет распоряжалась почти совершенно самостоятельно своим состоянием и своей судьбой. Да она и была достойна такого доверия. В этой девушке больше ума и энергии, чем в ином старике дельце. Доброта же ее прямо безгранична. А как она любила море, как храбро выдерживала неудобства и опасности, неразлучимые с жизнью моряка! На своей яхте она два раза ходила вокруг света, не боясь ни усталости, ни жары, ни холода. На этой же яхте застало ее известие о смерти любимого отца. Надо было видеть отчаяние бедной девушки. Не без труда удалось брату, привезшему сестре печальную новость, уговорить ее проехаться по Средиземному морю, чтобы хоть немного раз-

веяться. Увы, это было последнее путешествие на нашем миллом «Мангатане». В Ливорно, где мы остановились устранить какую-то незначительную неисправность, мисс Руфь встретила с венгерским виртуозом, ставшим ее мужем. Он носил графский титул, сорил деньгами по-княжески и до тонкости изучил женское сердце. Прибавьте к этому жгучие черные глаза, интересную бледность красивого лица и музыкальный гений — и вы поймете, что ни одна женщина не устояла бы против его настойчивого ухаживания. Он же, казалось, был без ума от мисс Белленден. Знал ли он о ее миллионах? Желал ли он выгодной женитьбой поправить свои дела? Или действительно увлекся красотой своей невесты? Об этом я судить не берусь. Сердце человека потемки. Сердце же этого венгерского виртуоза оставалось загадкой даже для людей, знавших его ближе, чем я. Каким образом попал скрипач-виртуоз на необитаемый Кеннский остров, этого никто не знает. Всего вероятнее, он побывал здесь как-нибудь случайно, на пути от Сан-Франциско в Японию во время одного из своих артистических турне. Тропическая красота девственной природы могла, конечно, пленить фантазию артиста, но все же это была странная мысль: привезти молодую жену в эту пустыню... Вряд ли другой жених решился бы предложить своей невесте подобное свадебное путешествие. Как бы то ни было, а мисс Руфь согласилась на его предложение, и та же яхта, которую я привел в Ливорно, увезла молодых супругов в глубь Тихого океана!

Все эти подробности почти невольно сообщались мною, скорее, потому, что меня мучила потребность передать кому-нибудь свои мысли, чем для того, чтобы удовлетворить любопытство Долли Вендта. В сущности, юноша слушал даже не особенно внимательно.

Вдруг я услышал грубый человеческий окрик:

— Какие черти там шляются? Откуда они взялись?

С этими любезными словами нам навстречу выбежал коренастый мужчина лет сорока пяти с желтым, изрытым оспой лицом, китайского типа, с небольшими косыми глазами и далеко не симпатичной физиономией. Одет он был в морскую куртку и широкую соломенную шляпу, но оружия у него не было. Место его занимала длинная подзорная трубка, которую он нес на

плече, как солдаты носят ружья. Я сразу узнал этого человека и решился отвечать ему в его тоне:

— Черт побери, приятель, а вам какое дело до того, кто мы и откуда взялись?

Желтое, рябое лицо глядело на нас, вытаращив глаза, точно перед ним появились привидения. Хотя я и видел его всего раза два на яхте Эдмунда Кчерни, но запомнил эту противную физиономию. Раз этот человек был здесь, то становилось очевидным, что мы находились вблизи жилища супруга мисс Руфь. И точно, сделав еще несколько десятков шагов по направлению к столь неожиданно появившемуся матросу мистера Кчерни, я заметил внизу пригорка, покрытого лесом, крышу красивой бамбуковой постройки, окруженной роскошным садом... Еще пять-десять минут, и я увижу свою молодую хозяйку. Я быстро зашагал по просеке, ведущей вниз, в долину, где виднелась постройка, но наш непрошенный спутник решительно преградил мне дорогу.

— Потихе, господа,— заговорил он еще более грубо, чем в первый раз.— Не забывайте, что здесь частное владение, и убирайтесь подобру-поздорову! На здешнем берегу не любят праздношатающегося народа!

— Потихе вы сами, голубчик!— отвечал я ему в тон.— Не забудьте, что я прекрасно знаю, что вы не хозяин этого острова! Да и не ради вашей красивой физиономии привел я сюда мой пароход! Мне надо увидеться с вашей молодой хозяйкой, которую я знал, когда она была еще мисс Белленден и когда ваш почтенный братец еще не дослужился до почетного ордена веревки, полученного им при мне в Сан-Франциско!

Не стану пересказывать ругательств, которыми желторожий страж острова отвечал на мое замечание. Очень уж обидел я его неприятным напоминанием о некрасивой смерти его родного брата, повешенного за грабеж и убийство. Казалось, верный матрос мистера Кчерни собирался отвечать мне не только ругательствами, но и кулаками, но в эту минуту внизу, у ограды сада, мелькнуло белое платье, и на темном фоне зелени ярко вырисовалась грациозная женская фигура, заметив которую наш милый собеседник внезапно переменил тон и стал необычайно любезен.

— Я и не думал оскорблять вас, джентльмены,— заговорил он приторно-ласково, пытаясь изобразить

нечто вроде улыбки на своей противной роже.— Я только хотел узнать, какой счастливый случай забросил вас в нашу пустыню и о ком мне следует доложить нашей молодой леди?

— Мы моряки, как видишь, друг мой,— отвечал я также любезно,— вышли из Сусемптона пятьдесят три дня тому назад и остановились у вашего берега, что ты, наверно, уже успел разглядеть в свою подзорную трубу. Или, может быть, ты наблюдал прекрасных обитательниц острова с помощью этого оптического инструмента? Что же касается до наших имен, то уж, извини, брат, мы предпочитаем войти без доклада к мистрис Кчерни. Проводи нас к ней, и ты узнаешь в пять минут больше, чем мы успеем рассказать тебе в пять часов. А потому советую тебе не задерживать нас дольше, а отправиться скорей к черту или к прекрасным дикаркам, населяющим этот райский остров. Они, наверно, ждут не дождутся такого красавца, как ты!

Желторожий скорчил кислую гримасу, которая ясно выдавала непреодолимое желание узнать побольше о наших личностях и о цели нашего приезда, однако удерживать нас долее он все же не решился и только пошел вслед за нами по узкой и извилистой тропинке, соединяющей невысокий, покрытый лесом пригорок с долиной, среди которой возвышались строения. В окружающем их саду все еще белела стройная женская фигура. Сердце мое сильно забилося при приближении к этому саду, но я старательно подавил охватившее меня волнение, так как сопровождающий нас желторожий шпион не переставал закидывать нас вопросами. Я отвечал как можно осторожнее, стараясь в то же время воспользоваться его болтливостью, свойственной всем необразованным морякам, для того чтобы узнать кое-что о мистере Кчерни, не выдавая причин нашего появления, могущих быть тайной его молодой жены. Моя уловка удалась как нельзя лучше. Матрос мистера Кчерни разговорился.

— Сам губернатор в отъезде,— объявил он нам, между прочим.— Он отправился на яхте в Сан-Франциско, и это большое счастье для вас. Мистер Кчерни недолюбливает посторонних. Он прекрасный человек, настоящий джентльмен, но все-таки лучше не попадаться ему на дороге, особенно когда он не в духе.

Ну да, вы, вероятно, исполните ваше поручение до захода солнца и отправитесь ночевать к себе на пароход. Если же вы простояте здесь еще дня два-три, то непременно дождетесь возвращения хозяина, «губернатора» — как его называют здесь, на острове. Впрочем, я бы вообще не советовал вам оставаться вблизи этого берега — здешний климат очень нездоров!

— Даю вам слово поступить так, как мне заблагорассудится, приятель, и советую тебе не приставать ко мне больше, шафранная рожа, если не хочешь познакомиться с настоящим английским боксом! — отвечал я нетерпеливо и, быстро столкнув с дороги шпиона, отворил решетчатую дверь в сад. Еще минута, и я стоял лицом к лицу с той, которая год тому назад называлась Руфь Белленден.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой Джаспер Бэгг
узнает кое-что, но не знает, на что решиться*

Она сидела в тени цветущей магнолии с какой-то вышивкой в руке рядом с почтенной старушкой, сопровождавшей ее и прежде в ее путешествиях и которую мы все знали только под именем тетюшки Рэчель...

Ни одна из дам не заметила нашего приближения, пока работавший невдалеке китаец садовник не окликнул нашего желтолицего спутника, что и заставило мисс Руфь — для меня она оставалась все той же дорогой и милой мисс Белленден — поднять голову. Наши взоры встретились. Никогда я не забуду этой минуты. Яркий румянец вспыхнул на ее прелестном личике и в ту же секунду сменился смертельной бледностью. Порывистым движением поднялась она со стула, сделала шаг вперед и замерла неподвижно, как статуя. Я, со своей стороны, чувствовал полную невозможность заговорить, хотя бы для спасения собственной жизни! Минуты две продолжалось тяжелое, неловкое молчание, которое надо было прекратить во что бы то ни стало. Собрав всю силу воли, я наконец проговорил прерывающимся от волнения голосом:

— Вот и я, мисс Руфь... И судно со мной... и вся команда тоже... Мы все ждем не дождемся чести видеть

вас, мисс Руфь!.. Надеюсь, вы соблаговолите...— тут я окончательно сбился и замолчал, не кончив фразы.

Она все еще глядела на меня с видом человека, не знающего, живое ли существо стоит перед ним или призрак, созданный его больным воображением. Ее правая рука крепко прижималась к груди, точно желая сдержать болезненное биение сердца, а побледневшие губы беззвучно шевелились, очевидно не находя слов.

Зато тетушка Рэчель разразилась целым потоком разнообразных выражений недоумения. Ее красноречие дало время побороть охватившее нас волнение и собраться с мыслями.

Наконец мисс заговорила своим ласковым голосом, которому легкий американский акцент придавал какую-то особенную прелесть:

— Вы, капитан Бэгг, вы! Вы здесь? Вы сдержали слово?.. Не забыли! О, капитан Бэгг, я глазам своим не верю!.. Вы здесь!..— проговорила она, видимо задыхаясь от волнения, и остановилась. Ее глаза скользнули в сторону шпиона, и она замолчала, опустив головку.

Я понял причину ее смущения и поспешил отвечать со всей осторожностью, очевидно необходимой в данном случае:

— Да, как видите, мисс Руфь, это я — собственной персоной и в сопровождении сотни добрых товарищей. В данное время я команду прекрасным пароходом «Южный Крест», зафрахтованным одной молодой американской леди. По пути из Сан-Франциско в Японию я решил заехать сюда, чтобы узнать о здоровье моей бывшей хозяйки и предложить ей свои услуги, если она в них нуждается. Со мной на судне многие из служивших на вашей яхте, миледи. Вы помните, быть может, мистера Джекоба, старшего офицера «Мангата-на»? Он занимает ту же должность и на «Южном Кресте». Мистер Питер Блэй также с нами, и вот этот молодой человек. Миледи, наверное, не узнает своего бывшего юнгу. Долли Вендт у нас четвертым офицером и отлично справляется, несмотря на свою молодость!

Толкнув вперед смущенного юношу, я невольно улыбнулся, видя, как он вспыхнул, когда маленькая белая ручка мисс Руфь крепко пожала его загорелую руку. Зато он так усердно пожимал руку тетушки Рэчель, когда очередь дошла до нее, что чуть не оторвал ее от

худенького плеча почтенной старушки. Впрочем, тетушка Рэчель, видимо, осталась довольна искренностью этого рукопожатия и не преминула вторично разразиться потоком восклицаний, на этот раз сочувственно-соболезнующих, по адресу «бедных моряков», жизнь которых, по ее словам, являлась непрерывной цепью ужаснейших лишений и страшнейших опасностей.

— Надеюсь, вы останетесь у нас к обеду, капитан Бэгг?— нерешительно спросила мисс Руфь.— Пожалуйста, не отказывайтесь! Неужели вы хотите заставить меня нарушить основные законы гостеприимства? Прошу вас, мистер Вендт, без церемоний, по-деревенски! Дентон,— обратилась она к желторожему шпиону,— пожалуйста, распорядитесь на кухне, чтобы все было готово, да поторопите повара, Дентон!— прибавила она нетерпеливо, видя колебание старого матроса.

Хотя она слегка отвернулась, говоря с Дентоном, но я все же мог уловить взгляды, которыми они обменялись. Ее чудные глаза были полны слез; несмотря на повелительный тон приказания, они ясно говорили: «Прошу вас, не возражайте на этот раз!» В его маленьких китайских глазках ясно было написано колебание и что-то похожее на жалость. Казалось, он хотел предупредить, хотел сказать: берегитесь, вам придется дорого поплатиться. Как бы то ни было, но приказание мисс Руфь было исполнено с кажущимся рвением. Дентон быстро побежал к красивой веранде, сплошь обвитой ползучими цветами, и исчез за углом дорожки, ведущей, по-видимому, в людские. Теперь только я решился обратиться к мисс Руфь с откровенным и прямым вопросом:

— Приказывайте, мисс. Я в вашем распоряжении. Я сам, мой экипаж и мое судно. Скажите одно слово: оставаться нам, ожидать ли вас или же уезжать отсюда?

Я надеялся, что она поймет мою искреннюю готовность служить ей и ответит мне так же искренне, хотя бы одним словом: «Да, ты мне нужен», или «Уезжай, мне ничего не надо!» Каково же было мое удивление, когда мисс Руфь проговорила так тихо, что я один мог расслышать ее слова:

— Уезжайте, Джаспер... Уезжайте немедленно! Но, ради всего святого, не забывайте меня. Возвращайтесь!

Она не договорила и боязливо обернулась. Я почти-точно наклонил голову, как бы в ответ на пустую любезность, и взглянул по направлению взгляда мисс Руфь. Косые глаза «желтого Дена», так называли главного шпиона мистера Кчерни все обитатели острова, злобно глядели мне в лицо. Он так спешил вернуться, что едва переводил дух, отирая со лба крупные капли пота. Слышал ли он последние слова мисс Руфь? К счастью, тетушка Рэчель заговорила о печальной участи моряков, давая нам время овладеть собой и принять равнодушный вид случайно встретившихся знакомых.

Я рассказал старушке несколько невероятнейших морских приключений, к величайшему удовольствию Долли Вендта, едва удерживавшегося от смеха, но он только потому не разразился хохотом, что мисс Руфь принялась расспрашивать его о старых знакомых из экипажа «Мангатана», приехавших вместе с нами на «Южном Кресте». Бедный мальчик млел от восторга, смотря в ясные синие глаза молодой леди. Да и кто бы мог глядеть на нее без восхищения, хоть она и переменилась... ах, как страшно переменилась за короткое время своего супружества! Точно не двенадцать месяцев, а столько же лет прошло с того дня, когда я провожал в церковь прелестнейшую невесту, буквально ослепляющую свежестью своей юной красоты. Увы, от этой свежести и следа не осталось. Теперь матовая бледность покрывала похудевшие щеки, яркие голубые глаза уже не блестели веселым огнем. Они казались больше и глубже от широкой тени, окружающей их; маленький, розовый ротик не раздвигался постоянной улыбкой над жемчужными зубками, а был крепко сжат, придавая всему грустному личику выражение какого-то горького недоумения. Даже роскошные золотые косы, все еще пышным ореолом окружавшие бело-мраморный лоб, казалось, потускнели в эти короткие двенадцать месяцев. И все же, несмотря на печальную перемену, молодая женщина оставалась очаровательной по-прежнему, и я вполне понимал восхищение, с которым мой Долли слушал ее милую болтовню. «Желтый Ден» прислушивался к разговору с видом цепной собаки, которая и хотела бы укусить, да цепь не пускает. Его косые глаза не переставали пытливо огляды-

вать нас, отравляя мне все удовольствие свидания с мисс Руфь. Оставаться обедать при таких условиях казалось мне весьма сомнительным удовольствием, и я решил лучше удалиться, извиняясь невозможностью принять любезное предложение хозяек из-за неотложных дел на суде.

— И рад бы остаться, многоуважаемая мистрис Рэчель,— обратился я к почтенной старушке, пытавшейся нас удержать,— да служба не позволяет. Мой арматор недаром дама, она любит аккуратность, и я поручился за то, что «Южный Крест» не опоздает более чем на двое суток. Поэтому я мог заехать к вам только на самое короткое время, по пути из Йокогамы в Сан-Франциско. Если у вас есть поручения в Англию, мистрис Кчерни, я буду очень рад услужить вам. Письмо или посылка к вашему брату дойдут с «Южным Крестом», пожалуй, даже скорей, чем по почте!

Я говорил все это с целью уничтожить подозрение о действительной цели моего приезда, если бы таковое зародилось в голове противного желторожего шпиона. Мне было уже вполне ясно, что мисс Руфь больше всего боялась, как бы он не догадался о том, что я приехал по ее приказанию и что «Южный Крест» и его команда, не говоря уже о капитане, готовом рисковать жизнью по первому ее слову, находятся в ее распоряжении. Поняв мое намерение, мисс Руфь заметно успокоилась и, улыбаясь, согласилась не удерживать долее «столь ревностных исполнителей приказаний своей арматорши».

Поблагодарив меня еще раз за то, что я «не побоялся свернуть в сторону, чтобы узнать о здоровье старой знакомой», и пожелав мне «быстрого возвращения и счастливого пути», молодая хозяйка сама проводила нас до садовой калитки. Очаровательный мистер Дентон, конечно, ни на шаг не отставал от «своей миледи». Рядом с ее грациозной, воздушной фигурой он казался неуклюжим бульдогом, стоящим на задних лапах и злобно рычащим на всякого прохожего.

Еще пожатие руки, еще последний поклон — и мы пошли в гору по узкой, извилистой тропинке, ведущей в уже знакомый нам лес.

Трижды оглядывался я, посылая привет оставшимся дамам. Три раза взмахнул по воздуху белый платок мисс Руфь, а затем еще поворот, и волшебный сад окончательно скрылся из виду, и с ним вместе скры-

лись и глубокие, синие глаза прелестной женщины, наполняющей все мои мысли. Мы снова были в тени вековых деревьев, среди роскошной тропической природы. Надломленный пережитым волнением, я остановился под гигантским платаном у самой опушки.

— Пойдите на минуту, Долли. Мы должны кое о чем условиться, прежде чем вернуться на борт. Скажите мне откровенно, друг мой, что вы предпочтете: оставаться ли на судне или сопровождать меня на берег? И там и тут вы будете одинаково полезны, но я не хочу навязывать вам приключений, не предупредив вас об опасностях, которые могут ожидать нас!

Веселое лицо юноши вспыхнуло. Он гордо выпрямился, но не успел еще договорить и первого слова, как вдруг умолк, широко раскрыв удивленные глаза. Над самым моим ухом пролетело что-то с жужжанием и свистом. Кто хоть раз в жизни слышал этот характерный звук, этот мягкий и равномерный полет, тот уже не мог смешать его ни с чем другим. Это пролетела пуля! Пролетела так близко, что мы ясно почувствовали колебание воздуха, произведенное ею. В ту же секунду до нас долетел и громкий звук выстрела. Не было сомнения: стреляли в нас и стреляли из дома мистера Кчерни. Мы переглянулись, побледнев той бледностью, которая покрывает лицо самого храброго человека, когда его минует неожиданная смертельная опасность.

— Скорее в кусты, Долли, и быстрым шагом к берегу! От подобных приветствий честным людям приходится убегать, раз они не захватили с собой подходящего оружия, чтобы посчитаться с негодьями, стреляющими в незащищенных гостей, как в рябчиков или зайцев. Ну, да что отложено, то не потеряно. Только бы наша шлюпка не опоздала сегодня!

— Неужели вы хотите вернуться на борт, не проучив подлых убийц?—с негодованием воскликнул юноша, гневно сжимая кулаки.

Я крепко сжал ему руку.

— Не беспокойтесь, дитя мое! Мы уедем сегодня, но вернемся завтра утром при более благоприятных условиях, и тогда посмотрим еще, чья возьмет!

Осторожно укрываясь за деревьями, мы поспешили обратно к месту высадки. С каждым шагом мысли мои становились все мрачней и мрачней. Мне было страшно, не за себя, конечно. Мне было страшно за прелест-

ную молодую женщину, которая, очевидно, подвергалась тысяче неведомых опасностей на этом неведомом берегу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Джаспер Бэгг решается действовать

Вернувшись на борт, я пригласил господ офицеров к себе в каюту, поспешил рассказать моим слушателям все случившееся и услышал от них, в свою очередь, известие о том, что команда немало беспокоилась об участии своего капитана. Матросы, вернувшиеся на пароход, слышали выстрел на берегу и сообразили, что нам, не захватившим с собой оружия, могла грозить немалая опасность. Нужно было все влияние мистера Джекоба для того, чтобы помешать немедленному отправлению целой экспедиции нам на помощь. Поблагодарив товарищей за участие, я открыто высказал свои дальнейшие намерения:

— Ни за что на свете не уеду я отсюда, не разузнав тайны этого берега. Для этого нам, очевидно, придется прибегнуть к хитрости. Нас не впустили в парадную дверь, попробуем войти по черной лестнице. Днем не удалось — попытаем счастья ночью. Ручаюсь вам за одно: так или иначе, но я проберусь в таинственное жилище этого венгра, хотя бы оно охранялось сотней желторожих чертей, вроде его китайского шпиона!

Глубокое сочувствие отразилось на лицах моих слушателей. Они придвинулись ко мне поближе.

— Видите ли, друзья мои, — заговорил я снова, объясняя причины своих подозрений, — мисс Руфь разговаривала со мной так равнодушно и о таких обыденных вещах, как будто мы вчера только расстались где-нибудь на углу одной из улиц Лондона. Согласитесь, что это довольно странно при встрече с людьми, проехавшими двенадцать тысяч миль для того, чтобы исполнить ее желание.

— Да это и не похоже на мисс Белленден! — проговорил мистер Джекоб. — Она говорила со всяким так ласково, так терпеливо, что сердце радовалось! Вероятно, она не смела говорить откровеннее! — задумчиво прибавил он.

— Вероятно, вы угадали, Джекоб! Мне достаточно было пяти минут, чтобы вполне оценить положение бедняжки. Она не смеет раскрыть рта, не оглянувшись три раза на того желторожего шпиона, о котором я вам рассказывал. Он же ни на шаг не отходит от молодой леди, добросовестно исполняя свои малоблагородные обязанности. На одну только минуту удалось мисс Руфь услатить этого соглядатая под предлогом передачи приказаний повару. И что же сказала она мне в эту единственную свободную минуту? «Уезжайте, Джаспер Бэгг, но, ради всего святого, не оставляйте меня,— возвращайтесь». Надеюсь, это понятно, господа? И я решился буквально исполнить приказание, то есть уехать сегодня и вернуться завтра.

— Для того чтобы привезти ее к нам на судно! — быстро добавил мистер Джекоб. — Здесь она может спокойно говорить все, что ей угодно, и свободно распорядиться собой и нами!

— Не знаю, удастся ли мне уговорить мисс Руфь последовать за мной на судно, но мы должны быть готовы ко всякой случайности. Поэтому прошу вас внимательно выслушать меня и аккуратно исполнить мои распоряжения. Вас, мистер Джекоб, я оставляю вместо себя на все время моего отсутствия. Я знаю, в чьи руки вручаю участь судна и команды, и отлучаюсь со спокойным сердцем. Сегодня мы уйдем в море и скроемся от береговых наблюдений. Вечером же судно опять приблизится к берегу и будет держаться до рассвета под парами, на возможно близком расстоянии в ожидании нашего возвращения. Дай Бог, чтобы нам удалось добраться до мисс Руфь в ту же ночь, тогда мы можем спокойно удалиться к утру. В противном случае судно вернется завтра еще раз, повторяя те же маневры ежедневно, впредь до возвращения нашей шлюпки. Мы же, высадившиеся на берег, останемся там до тех пор, пока мне удастся повидать и переговорить с мисс Руфь. В этом последнем случае, Джекоб, дожидайтесь нашего возвращения или новых распоряжений не более недели. Если на восьмой день после моего отъезда не получите известий,— надо и это предвидеть,— тогда не теряйте времени напрасно и спешите на всех парах в Сан-Франциско, откуда пошлите депешу Руперту Беллендену, подробно сообщая ему о печальном положении его

сестры. Пусть он примет энергичные меры для ее освобождения!

— В чем я немало помогу ему, капитан, вернувшись сюда в сопровождении первого встретившегося военного корабля. Я уверен, что каждая нация охотно придет на помощь порядочным людям против разбойников!

— Пожалуй, что и так, Джекоб! Поступайте, как знаете! В Сан-Франциско наверняка найдется хоть какая-нибудь канонерская лодка, американская, английская или русская, в данном случае безразлично, готовая пожертвовать несколькими днями для спасения женщины и уничтожения гнезда пиратов. Но вернемся к моей береговой экспедиции. Я возьму с собой Питера и Долли, который был бы в отчаянии, если бы я оставил его на пароходе. Мы прихватим еще боцмана Гарри Дозса да плотника Баркера, малого на все руки. Для гички вполне достаточно этих двух гребцов. На берегу же большее число людей может только помешать, привлекая внимание и затрудняя возможность укрываться. Само собой разумеется, мы уже не высадимся безоружными, как сегодня утром.

Джекоб и Питер принялись за ужин, к которому присоединился и Долли, гордый своим участием в опасной экспедиции. Вскоре я остался один на палубе, не сводя глаз с быстро удаляющегося берега. Наш «Южный Крест», вышедший в открытое море с убранными парусами и под малыми парами, должен был совершенно исчезнуть из поля зрения обитателей острова. Перед нами же все еще довольно ясно обрисовывались уже знакомые нам береговые скалы, приближение к которым не могло быть затруднительным даже в темноте.

Перед наступлением сумерек на горизонте показался дымок. В первую минуту я подумал, что это возвращается яхта «губернатора», но проходящий вдали пароход выкинул испанский флаг и сигнал «Все благополучно». Это было торговое судно «Санта Крус», идущее в Японию. Оно быстро скрылось в наступающей темноте.

Мы еще засветло принялись снаряжать гичку. Мистер Джекоб позаботился о запасе сухарей и воды, а Питер Блэй принял на себя ревизию оружия, хотя каждый из нас имел при себе револьвер и охотничий

нож, но мы все же брали с собой три прекрасных карабина с изрядным количеством патронов.

Начинало темнеть, когда мы надели кожаные плащи и приготовились спуститься в шлюпку; но в эту минуту мистер Джекоб обратил мое внимание на явление, которое, быть может, ускользнуло бы от меня среди хлопот отъезда. Взглянув по направлению его протянутой руки, я чуть не вскрикнул от удивления. Вчерашний электрический свет вновь появился. Широкий луч его ослепительно блестел на потемневших волнах... Не было уже сомнения в том, что свет этот не случайный сигнал, а постоянное и обдуманное явление. Мы же знали по опыту, какое губительное направление указывал этот свет несчастным судам, выманивая их прямо на подводные скалы.

— Плохо дело, мистер Джекоб,— сказал я задумчиво.— Этот маяк зажег либо сумасшедший, либо отъявленный негодяй!

— Быть может, и то и другое вместе, капитан! — ответил мне старый товарищ с дрожью в голосе.— Но неужели мы допустим проходящие суда до гибели, не предупредив их об этой подлой ловушке?

— Полно, приятель,— вмешался Питер.— Что же мы можем поделать? Не стоять же нам здесь, поджидая проходящие суда! Да кроме того, у нас своих забот полон рот. Своя рубашка к телу ближе, как говорил мой покойный отец!

Питер Блэй внезапно замолчал, пораженный вспышкой ракеты, взлетевшей, как казалось, довольно близко от нас. Яркой дугой прорезала она темный воздух и сейчас же рассыпалась тысячью разноцветных огненных звездочек. Вслед за ракетой раздался пушечный выстрел, последняя отчаянная мольба гибнущего судна — мольба о помощи, сжимающая сердце каждого моряка, особенно когда она раздается темной ночью, среди бушующих волн неведомого моря.

В ту же минуту раздался с кормы голос плотника:

— Эгей! Корабль в бурунах!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Странные явления на берегу и на море

При этих словах, страшный смысл которых сразу понятен каждому опытному моряку, вся команда, как один человек, столпилась вокруг меня, ожидая распоряжений. Каждый был уверен в том, что мы, как честные христиане, не могли оставить гибнуть без помощи несчастных товарищей. Я не успел еще договорить распоряжения о спуске всех шлюпок, как мои люди уже принялись за дело, сознавая важность каждой потерянной минуты. Не надо было уговаривать их или побуждать торопиться, каждый делал свое дело быстро и спокойно, зная, что в подобном случае для него сделала бы то же самое команда судна, гибнущего в тех ужасных бурунах... С сильно бьющимися сердцами обменивались мы наблюдениями. Первый высказал свое мнение мистер Джекоб, тщательно рассматривавший судно, налетевшее на подводные камни.

— Это тот самый испанский пароход, с которым мы обменялись сигналами всего два часа назад. Плохое он выбрал место для стоянки!

— Да, берег не хорош, а жители и того хуже,— внезапно заговорил Питер Блэй, наводя бинокль на северный мыс острова.— Уж не знаю, как и назвать людей, стрелявших в экипаж судна, потерпевшего крушение у их берегов!

— Вы с ума сошли, Питер! — воскликнул я недоверчиво.— Подобная жестокость была бы неслыханным делом!

Но тут мои слова были заглушены звуками выстрелов. Это уже не сигнальная пушка просила о помощи погибающим, это был залп нескольких десятков ружей, яркая вспышка которых огненно-красной лентой сверкнула на вершине северной скалы, далеко вдавшейся в море.

Проклятые разбойники! Они стреляли в несчастных моряков, потерпевших крушение благодаря их же дьявольскому маяку. Бешеное негодование овладело всеми нами.

— Ребята! — закричал я.— Неужели мы не поможем несчастным, попавшим между двух смертей? Не-

ужели не отомстим подлым убийцам, нарушающим священные законы человеколюбия?

Единодушный крик одобрения вырвался из груди всех присутствовавших. Вся команда, как один человек, изъявила желание поспешить на помощь несчастным и истребить негодяев, засевших на острове, хотя бы для этого пришлось вести долгую осаду их проклятого логовища. Пришлось умерить негодование матросов, чтобы слишком громкими криками не выдать нашего присутствия преждевременно.

Тем временем спустили шлюпки. Вооруженная команда дожидалась только моего приказа, чтобы занять свои места, как вдруг Джекоб положил мне руку на плечо.

— Простите, капитан,— нерешительно проговорил он,— но я должен высказать вам свое мнение. Мне кажется, что несчастному испанскому пароходу никто уже не сможет помочь!

— Почему? — вскрикнул я нетерпеливо.

— Да потому, что его уже не видно, капитан! — с грустью договорил мой старший офицер.

С ужасом схватился я за бинокль. Действительно, там, где пять минут назад еще чернел остов погибающего судна, уже не было видно ничего, кроме яростно бушующих волн. Наша помощь опоздала!

— Все равно, поедем! — горячо заговорил Питер.— По крайней мере, отомстим негодьям, стреляющим по безоружным, а может быть, и подберем кого-либо из несчастных, спасающихся на шлюпках!

Спокойный и рассудительный мистер Джекоб только печально покачал головой.

— Нет, Питер, мы не достигнем ни того, ни другого и только рискуем погубить своих людей понапрасну. Посмотрите на море, капитан. Погода начинает разыгрываться не на шутку. При таком волнении наши шлюпки не дойдут до места крушения раньше чем через полтора или два часа. Ведь до северных рифов не меньше двух миль. Сами посудите, какая лодка сможет выдержать двухчасовую трепку между этими проклятыми бурунами? Несчастные, спасающиеся на шлюпках, утонут, не дождавшись нашего прибытия. Но, даже допуская, что им удалось бы каким-нибудь чудом проскользнуть между подводными камнями и высадиться, мы видели, какая встреча ожидает их на этом го-

степриимном берегу. Чем же мы можем помочь им? Лезть в открытое сражение с разбойниками, не зная ни их числа, ни условий их жизни, было бы с нашей стороны бесполезным безумием, даже, простите мою откровенность, капитан, безумием преступным!

Мы не должны забывать о цели нашего путешествия. Мы обязались оставаться в распоряжении мисс Белленден и можем понадобиться ей, быть может, тоже для спасения ее жизни. Какое же мы имеем право оставить без помощи женщину, вверившуюся нашей чести, женщину, которую мы еще можем спасти, ради неизвестных, которым мы уже не можем помочь ничем, кроме молитвы?

Мы молча слушали спокойные слова опытного моряка и не могли не согласиться с его доводами. Сочувственный шепот команды окончательно убедил меня в невозможности спешить на помощь потерпевшим крушение.

— Что делать, ребята? Из двух обязанностей приходится выбирать важнейшую. Мы действительно обязаны всем пожертвовать ради спасения мисс Белленден. Я оставляю мистера Джекоба командиром на время моего отсутствия, друзья мои! Надеюсь, вы будете повиноваться ему так же, как повиновались мне, и исполните ваш долг, как подобает честным морякам. До свидания! До скорого и, надеюсь, благополучного свидания! Пожелайте успеха отплывающим и берегите наш «Южный Крест»! Поручаю его вам, ребята... Я уверен, что вы не обманете моего доверия!

Сдержанным, но душевным «ура» отвечала мне команда, и пять искателей приключений оттолкнулись от правого трапа. Еще несколько минут — и маленькая гичка потонула во мраке.

Потемневшее море высоко вздымало волны, на гребне которых мгновенными искрами вспыхивала белоснежная пена. «Южный Крест» еще виднелся вдали, покачиваясь, подобно громадной, черной рыбе.

Все огни на судне были потушены, все люки прикрыты темными занавесями. Только два-три «дежурных» фонаря слабо мерцали на палубе и казались блуждающими огоньками, вспыхивающими на темной бесконечности моря. Задумчивым взглядом провожал я быстро удаляющееся судно, не подозревая, что вижу его в последний раз. А между тем неопределенное

тяжелое предчувствие закрадывалось в мою душу... Но обстоятельства были не таковы, чтобы предаваться бездейственной меланхолии. Нам предстояла нелегкая задача: отыскать пристань, положение которой было нам почти неизвестно, и эта задача усложнялась темнотой и необходимостью проскользнуть мимо грозно бушующих бурунов. Нужно было неусыпное внимание, чтобы счастливо миновать опасную линию подводных скал. К счастью, почти полная луна освобождалась иногда от покрова гонимых ветром туч и помогала нам ориентироваться. Вот уж вдали заблестел прибрежный песок. Еще четверть часа усилий, и мы вошли в уже знакомую бухту. Никто не помешал нам высадиться и спрятать шлюпку в небольшом заливчике между двумя скалами, совершенно скрывающими ее от взглядов береговых обитателей. Я оставил нашего шкипера при гичке, снабдив его оружием и припасами.

— Если заметите что-нибудь опасное, Гарри Дозс, то предупредите нас ружейным выстрелом. Впрочем, я надеюсь вернуться благополучно и найти вас спокойно покуривающим вашу вечную трубку!

— Дай-то Бог, капитан! — прошептал старый боцман таким голосом, который заглушил бы любой рупор, провожая нас до подножия уже знакомой лестницы. Здесь мы расстались.

Гарри Дозс вернулся к гичке, мы же начали карабкаться по головоломным ступенькам на вершину скалы.

Человеку, дожившему до тридцати пяти лет, не зная чувства страха, бояться, конечно, не приходилось, но все ж сердце мое усиленно билось. Да иначе и быть не могло. Все, что мы видели и слышали, давало нам право предполагать вещи, далеко не утешительные. Сомневаться в том, что наша жизнь подвергалась серьезной опасности, было уже невозможно. Мы шли по земле, населенной безжалостными разбойниками, без проводника, темной ночью, окруженные лесом и болотами, могущими поглотить нас при первом неверном шаге. Как тут было не прислушиваться ко всякому шороху, не хвататься за револьвер при каждом подозрительном движении кустов!

Я шел впереди, стараясь разглядеть дорогу, по которой мы с Долли пробирались вчера утром. В темноте это было не так легко. Поминутно приходилось наталкиваться на трясины и пробираться сквозь чащу ко-

лючего кустарника, чуть не на четвереньках. Но мне все же удалось отыскать последний висячий мост через широкий ручей, невдалеке от которого начинается спуск в долину, где находилось жилище мисс Руфи. Радостным шепотом сообщил я своим спутникам о близости цели нашего опасного пути и ускорил шаги, пользуясь временным проблеском луны, пробивающимся сквозь начинающие редеть деревья леса.

Вот и начало извилистой дорожки, ведущей к ограде сада, окружающего постройки. Оставалось только незаметно проскользнуть через открытую лужайку между лесом и садом, деревья которого укрыли бы нас своей тенью. Мы уже собирались лечь на землю, чтобы, пользуясь прикрытием высокой травы, пробраться ползком через освещенное луной пространство, как вдруг Питер Блей насторожил уши.

— Что это значит, капитан? Послушайте! Никак женские голоса? Поют что-то. Уж не феи ли это или русалки, собравшиеся для того, чтобы своими дьявольскими песнями погубить наши христианские души! Их целых три, капитан! И каких еще! Вы посмотрите только! Право же, это феи здешнего леса, встреча с которыми не предвещает ничего доброго. Мой покойный отец всегда говорил...

— Да оставьте вы вашего покойного отца в покое, Питер, и не болтайте вздора. Какие там феи! Просто молодые девушки, обитательницы этого острова!

Успокаивая суеверного ирландца, я и сам находил нечто волшебное в зрелище, представившемся нашим взорам.

В двух- или трехстах шагах от нас кружились и порхали три воздушные фигурки очаровательнейших созданий в мире! Никакая фантазия художника не могла бы придумать более нежных и прелестных девушек. Высоко поднимая зажженные факелы своими белыми ручками, они то прятались в темной глубине чащи, мелькая как волшебные видения среди колеблющегося отблеска пламени, то выбегали на лужайку и как будто тонули в голубых лучах месяца, изредка всплывающего из-за собирающихся темных облаков. Все три были одинаково прекрасны, одинаково молоды, одинаково беззаботны. Подобно молодым ланям, резвились они на зеленом склоне холма, то бегая взапуски, то сплетаясь руками в одну неподражаемо грациозную группу,

то разбегались и скрывались за выступами скал или под тень какой-нибудь гигантской пальмы. При этом они не переставали напевать своими нежными голосками, звонкими и чистыми, как соловьиное пение, мелодичными, как журчание прозрачного ручья! В этой песне мне чудились то французские, то немецкие слова, перемешанные с каким-то третьим, совершенно неизвестным языком.

— Вот так история,— шептал Питер, не переставая креститься.— Воля ваша, капитан, а без нечистого тут не обошлось! Ну, виданное ли дело, чтобы христианские девицы бегали ночью по лесам и болотам да еще в подобных костюмах.

— Да что же дурного в этих костюмах, Питер? — отвечал я шепотом.— Меня удивляют не костюмы, а присутствие этих очаровательных детей на этом проклятом острове. Что это не дикарки, а европейки, и притом девушки благовоспитанные, за это я готов поручиться головой!

И действительно, достаточно было одного внимательного взгляда для того, чтобы убедиться в истине моего предположения. В каждом движении, в каждой позе таинственных красавиц отражалось то девственное изящество, та благородная грация, которые даются только рождением, расой. Одеты они были в довольно фантастические костюмы из какой-то светлой материи, мягкими складками облегающей стройные формы их девственного тела, оставляя открытыми прелестные ручки, шею и маленькие ножки в светлых туфельках. Гирлянды живых цветов окаймляли подолы платья, обвивались вокруг белых шеек и украшали роскошными коронами очаровательные головки, спускаясь на плечи вместе с длинными, развевающимися локонами. При этом волшебном освещении, в этом фантастическом наряде, три юных очаровательных создания напоминали балетных артисток не только красотой и костюмом, но и легкостью и плавностью своих грациозных движений. Глядеть на них было чистым наслаждением. Но пока мои глаза любовались прелестной картиной, мысли мои неотвязно работали, стараясь решить вопрос: как, откуда и зачем очутились эти нежные создания в этом ужасном месте?

— Как вы думаете, Питер, на каком языке болтают эти райские птички?

— А черт их знает, капитан! Не то по-французски, не то по-немецки, а может, и по-китайски! Во всяком случае, разговор их ни за что не понять христианину. Мой покойный отец говорил мне не раз, что у русалок свой особенный язык: русалочий!

— Да забудьте вы хоть сегодня вашего отца, Питер,— перебил я нетерпеливо суеверного ирландца.— Прислушайтесь-ка лучше повнимательней! Может, и пойдем что-нибудь из их слов!

К сожалению, как раз в эту минуту лесные нимфы отбежали довольно далеко вниз, к ограде сада мисс Руфи, в тени которого они бы совершенно скрылись, если бы красный свет факелов в руках не освещал их стройных маленьких фигурок. При всем внимании мы могли уловить только одно постоянно повторяемое слово: «Розамунда», которое, произносимое нараспев, звучало точно щебетанье весенних ласточек.

Грациозная группа этих девушек после ужасных видений на море не могла не поразить моих спутников. Слишком велико было противоречие между этими нимфами леса и теми кровожадными разбойниками, которые стреляли по несчастной команде погибающего судна. Мысль о волшебстве невольно появлялась в головах суеверных моряков, и с ней вместе жуткое чувство пробуждалось в их храбрых сердцах. Беспокойство товарищей еще усиливалось от окружающей нас таинственной обстановки и от колеблющихся, поминутно скрывающихся за набегаящими тучами лучей луны. Я не мог не заметить этого опасного настроения и поспешил рассеять его шуткой, всегда помогающей в подобных случаях.

С недоумением наблюдали мы новое явление, не понимая его значения.

Наши очаровательные нимфы стояли в полном освещении, окружая какую-то странную фигуру, которую, действительно, так же легко можно было принять за громадного орангутанга, как и за старика неопределенных лет. Длиннейшая, седая грива (волосами нельзя было назвать густую растительность, покрывающую голову этого существа) спускалась на его спину почти до пояса, а громадная седая же борода закрывала почти всю его грудь. Полумужская, полуженская одежда придавала еще более фантастический вид таинственному обитателю лесов. На нем было надето нечто вроде

юбки, доходящей до щиколоток, поверх которой падала длинная матросская блуза, прикрытая на спине старой женской шалью, накинутой вроде плаща. Босые ноги странного человека обуты были в род лаптей из древесной коры, а седую обнаженную голову обвивал роскошный венок из роз и лилий, надетый маленькой ручкой одной из трех красавиц. Все три девушки осыпали его ласками и поцелуями, болтая наперебой на своем таинственном языке, звуки которого доносились до нас, нежные и непонятные, как щебетанье весенних ласточек. Минуты две или три могли мы наблюдать за удивительной группой, потом таинственный старик и его прелестные спутницы повернули куда-то вправо и скрылись так же внезапно, как и появились.

Раза два еще донеслось до нас нежное слово «Розамунда». Потом и оно замолкло. Мы были одни по-прежнему, на опушке темного леса, перед внезапно потемневшей поляной. Казалось, даже луна сожалела об исчезновении прекрасного видения и поспешила скрыться за облака, чтобы не освещать прозаические фигуры английских моряков.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой Джаспер Бэгг наконец
добывается свидания с мистрис Кчерни*

Решившись не пренебрегать никакой предосторожностью, я оставил плотника Баркера караулить у опушки леса, спрятал Питера в тени у садового забора и отрядил Долли Вендта в обход вдоль усадьбы для наблюдения за проклятой скалой, с которой стреляли по гибнущему судну. При первом подозрительном шорохе каждый из них должен был подать сигнал и бежать обратно к месту, где мы расставались. Распорядившись таким образом, я попробовал отворить дверь сада. К моему удивлению, она оказалась незапертой и беззвучно распахнулась при первом толчке. Полная тишина царила в темных аллеях. Ни звука не слышно было в окрестностях. Нигде не залаяла собака, нигде не шелхнулась спугнутая птичка.

Кое-как выбравшись на более открытое место цветника, разбитого перед верандой главного дома, я с ра-

достью заметил две полосы света, прорезывающих темноту и лежащих яркими пятнами на спящие цветы роскошных клумб. Свет выходил из окон в нижнем этаже,—прямо над террасой, утонувшей в тени вьющихся растений. Различные цвета шелковых портьер на обоих окнах указывали на то, что они принадлежали двум различным комнатам. В которую же из них должен я был пробраться для того, чтобы увидеть мисс Руфь или, правильнее, мистрис Кчерни? Пришлось действовать наугад.

Подняв маленький камешек, я бросил им в ближайшее окошко, отступив в то же время в глубокую тень ближайших деревьев. В ответ на слабый стук в комнате раздался отчаянный лай маленькой собачки, которая, казалось, поставила себе задачей перебудить весь дом и донести всем и каждому о посещении непрошеного гостя. Я уже готовился дорого продать свою жизнь в случае нападения кого-либо из разбойников... но, к моему крайнему удивлению, никакого нападения не последовало. Бешеный лай прекратился так же внезапно, как и начался. Опять воцарилось молчание, только свет погас в одном из окон. Не успел я еще сообразить, что бы это могло значить, как дверь на веранду отворилась, и на пороге ее показалась она сама, мисс Руфь, во всей своей победоносной прелести. Освещенная ярким лучом луны, выплывшей в эту минуту из-за туч, прекрасная молодая женщина медленно сошла с террасы в сад и направилась прямо ко мне, точно влекомая неведомой силой, говорившей ей о моем присутствии. Убедившись в том, что мы одни, я молча выступил из своей засады. Мисс Руфь не вскрикнула, не удивилась. Она так же молча повернула обратно, вошла в дом и затворила за собой двери, сделав мне знак приблизиться. Через минуту окно в темной комнате отворилось, как бы приглашая меня войти. Я быстро пробежал несколько шагов, отделяющих меня от веранды, перепрыгнул через ее невысокие перила и спустя минуту очутился около мисс Руфь... Наконец-то моя рука сжимала ее руку крепким, горячим пожатием, которое, казалось мне, никогда не должно было кончиться.

— Джаспер Бэгг,—заговорила она тихим шепотом, и голос ее звучал в моем сердце, как шелест весеннего ветерка в кустах цветущих роз,—Джаспер Бэгг, это вы! Я знала, я была уверена, что вы вернетесь, не за-

будете, не оставите меня! Но я держу вас в темноте!.. Дайте мне зажечь свечи, капитан!..

Нежная, маленькая ручка попробовала освободиться из моих рук, но я решительно удержал ее.

— О, мисс Белленден, не все ли равно?.. Днем ли, ночью ли, я всегда в вашем распоряжении!.. Сегодня, как вчера, как завтра, я могу только повторять вам то, что сказал, пользуясь минутным отсутствием желтого шпиона: я здесь с добрым судном и с преданной командой, и мы все — судно, команда и я — в полном распоряжении нашей молодой хозяйки! Мы все ждем не дождемся ее появления на палубе «Южного Креста»!

Она слегка отвернула голову, по-видимому, для того, чтобы спустить портьеры на окне и зажечь огонь, на самом же деле, чтобы скрыть свое смущение.

— Не называйте меня мисс Белленден, Джаспер! — заговорила молодая женщина дрожащим голосом. — Вы знаете, что я не имею больше права на это дорогое имя! Вы присутствовали на моей свадьбе с... О, Джаспер, неужели это было всего год назад?!

Ее бледное личико побледнело еще больше. В глубоко впавших глазах промелькнуло то выражение безграничного ужаса, которое вызвал шепот желтого шпиона вчера утром. Этот взгляд, эта бледность сказали мне больше о несчастной судьбе мисс Руфь, чем могли бы сделать длинные, патетические рассказы модных героинь. Печально потупил я голову при воспоминании об этом злосчастном дне. Сегодня минуло ровно тринадцать месяцев со дня, когда мисс Белленден стояла под венцом в старинном соборе Ливорно.

— Время идет быстро, мистрис Кчерни! Особенно для молодых супругов! Признаюсь, я боялся, чтобы новая жизнь не заставила вас забыть ваших старых преданных друзей!

Я не сознавал того, что говорил, и она прекрасно понимала это. Тем не менее она не стала противоречить мне, с деликатностью истинной леди не желая никого посвящать в печальную тайну своих супружеских несчастий. Только легкий вздох обнаружил ее настоящие мысли да невнятно произнесенные слова:

— Время летит быстро для счастливых! Здесь же!.. Здесь бывают бесконечные дни и ужасные, одинокие ночи!.. Мой супруг часто отлучается, слишком часто, мистер Бэгг!

Я молча поклонился, опускаясь в мягкое кресло, предложенное мне ласковым движением маленькой белой ручки. Ее взор скользнул по роскошным часам старинного севрского фарфора, поставленным в углу на одном из мозаичных столиков. Я понял ее беспокойство. Очевидно, времени у нас оставалось немного, поэтому я и заговорил без дальнейших предисловий:

— Мисс Руфь! Простите мне, миледи, но я не могу называть вас иначе! Для меня вы всегда останетесь мисс Белленден, той дорогой, маленькой Руфью, которую я привык... любить... уважать с детства, как... как свою дорогую хозяйку! Еще раз простите бесцеремонную, может быть, слишком бесцеремонную откровенность безусловно преданного вам моряка. Обстоятельства так сложились, что нам некогда тратить время на вежливые фразы. То, что я видел сегодня ночью на северной скале острова... Вы слышали, конечно, выстрелы погибавшего судна, мисс Руфь?

Она вздрогнула, и ее опущенная головка склонилась еще ниже под непосильной тяжестью мрачных мыслей. Сердце мое заныло от болезненной жалости, но надо было убедиться во что бы то ни стало, надо было говорить с отчаянным спокойствием хирурга, решившегося на жестокую, но спасительную операцию.

— Ни один честный человек не решится добровольно оставаться на этом острове, зная то, что я предполагаю, что должен предполагать, мисс Руфь. Вот почему я умоляю вас довериться мне и поскорей покинуть этот берег. Вспомните тот день, накануне вашей свадьбы, когда вы сказали мне: «Джаспер Бэгг, вы нужны мне, друг мой». Теперь я понимаю, что сам Бог внушил вам, неопытной девушке, мысль, показавшуюся мне тогда необъяснимой прихотью. Вы называли меня тогда вашим другом, мисс Руфь. Теперь ваш друг умоляет вас последовать его совету и бежать, бежать немедленно, если уж не ради спасения вашей жизни, то хоть ради спасения вашей чести!

Опять появилось уже знакомое мне выражение ужаса на прелестном бледном личике. Маленькие прозрачные ручки отчаянным жестом прижались к бессильно опущенной головке, точно желая не слышать мучительных слов. Но я уже не мог остановиться. Я должен был договорить и настойчиво продолжал:

— Да, мисс Руфь, вы не должны отказываться от

помощи преданных друзей. Сам Бог привел нас сюда в отсутствие вашего тирана. Не возражайте, дорогая леди. Я знаю, что говорю! Не стану расспрашивать вас о подробностях вашей супружеской жизни, да это и не нужно... У меня здоровые глаза, мисс Руфь, а надо быть слепым, чтобы не видеть, как вы несчастны. Любящий муж не оставил бы вас одну в этой пустыне, не окружил бы вас грязными шпионами, не принудил бы видеть то, о чем я не хочу даже говорить, чтобы не оскорблять вашу чистую душу. Вы молчите, вы страдаете с терпением святой мученицы, но вы не можете скрыть ваших страданий. Достаточно взглянуть на вас, чтобы понять, как вы несчастны, как вас угнетают, быть может, прямо мучают, мисс Руфь!

Я замолчал, испугавшись ее возрастающего волнения. Она уже не могла побледнеть более, но ее измученное личико приняло выражение такой ужасной муки, что у меня сердце сжалось от боли. Крупные капли слез выступили на ее синих глазах и покатались по нежным щечкам неудержимо, как бегут жемчужины с оборванной нитки. Белая, нежная, прекрасная, как надломленная лилия, глядела она на меня минуту, другую и третью и вдруг зарыдала, припав лицом к столу, зарыдала громко, неудержимо, как плачет женщина, пораженная непосильным горем.

— О, Джаспер, что я выстрадала! Что я выстрадала! Если бы вы знали, Джаспер! Если бы вы только знали! — повторяла она среди судорожных рыданий, вздрагивая всем телом, не успевая отирать жгучих слез.

Увы, я ничего не знал, и это было, пожалуй, худшим из моих мучений, но догадывался... догадывался о слишком многом! Страстное чувство нежной жалости заглушало в моей душе все остальные чувства. С каким восторгом привлек бы я это бедное, истерзанное создание к себе на грудь, с какой радостью постарался бы утешить ее горькое горе! Боже мой, да я бы жизнь свою отдал, чтобы только осушить слезы!

Я бы рад был целовать следы ее маленьких ножек, если бы имел на это право! Теперь же, что мог я сделать, чем успокоить такое горе? Сердце мое разрывалось от боли, душа была переполнена горячим сочувствием, а язык не нашел ничего лучшего глупой вчерашней фразы: «Я здесь... И судно здесь!.. И команда!.. Мы все в вашем распоряжении, мисс Руфь!»

Она поняла и оценила искренность моего волнения и улыбнулась сквозь слезы.

— Какой вы добрый, мистер Бэгг! Спасибо вам!.. От всей души спасибо! Но не огорчайтесь так сильно за меня. Я расплакалась, как дитя. Это глупо и бесполезно!.. Теперь только вижу я, как слаба и наивна была в то счастливое время, когда считала себя такой умной, опытной и энергичной. Я ошибалась, как ребенок. Но, Боже мой, как давно это было! Теперь же поздно поправлять ошибку, друг мой! Жизнь не начинают снова. Я не могу уехать вместе с вами, Джаспер!.. Не могу покинуть этого берега, где меня ждет могила, как столько других раньше меня...—договорила она чуть слышно.

В свою очередь, взглянул я на часы и поднялся.

— Послушайтесь вашего верного, старого друга, дорогая мисс Руфь! Накиньте плащ или шаль потемнее и следуйте за мной! Ручаюсь вам головой за то, что доставлю вас в какие-нибудь двадцать минут до нашей лодки, а через час и до нашего судна. К утру вы будете уже в открытом море, далеко от этого проклятого берега!

Отчаянным жестом мисс Руфь заломила руки.

— О, друг мой, вы не знаете, что говорите! Да разве я могу уйти из этого дома, окруженного шпионами? Я и то удивляюсь чуду, дозволившему вам обмануть соглядатаев, расставленных повсюду, и пробраться ко мне. Но, даже допуская второе чудо, вы не могли бы поручиться за благополучное возвращение на борт вашего судна! Благодарите Бога, спасшего ваш «Южный Крест» от участи столько других кораблей, и возвращайтесь домой без меня, друг мой... Меня же ждет могила на этом проклятом берегу!

Пугливо оглянувшись, она быстро вынула из кармана небольшую тетрадь в мягком сафьяновом переплете и протянула ее мне.

— Прочтите эти строки, Джаспер! Я писала их для себя одной! Прочтите это описание моего ужасного существования, когда будете в открытом море, вдали от опасностей этого адского берега. Тогда только вы поймете всю безнадежность, весь ужас моего положения. И если после этого вы все еще захотите помочь мне, если память о друге вашей молодости не угаснет под

гнетом презрения, тогда... тогда возвращайтесь, Джаспер, и вырвите меня из рук моих тюремщиков!

Я заботливо спрятал тетрадку на своей груди, но отвечал решительно:

— Я исполню ваше желание, мисс Руфь, я прочту историю ваших несчастий прежде, чем вернуться сюда. Но напрасно вы считаете честного английского моряка способным отказаться от спасения дорогой ему женщины. Никакие силы и опасности не смогут заставить меня уехать отсюда, не сделав всего возможного для вашего освобождения!

Она улыбнулась своей прежней милой улыбкой, осветившей ее похудевшее личико, как солнечным лучом, но, увы! Этот луч так же быстро погас, как и явился, и она заговорила с прежней горькой серьезностью:

— Вы не поняли меня, Джаспер! Говоря об опасностях, я думал о себе больше, чем о вас! Господь Бог, сохранивший ваше судно от подводных скал и обманчивого маяка,—прибавила она с ударением,—сохранит вас и дальше, если вы не будете безумно рисковать, дожидаясь возвращения того, чьи слуги стреляли в потерпевших крушение. Он же возвращается завтра утром. Я погибла, если он увидит вас не только в доме, но даже на берегу. И вы все погибнете со мной вместе... Он никого не пощадит, а ему повинуются многие десятки людей, не знающих жалости. Вот почему прошу вас выйти в море. Там, на свободе, вы обдумаете мое положение и, быть может, найдете способ помочь мне! До тех же пор... Верьте, Джаспер, я никогда не забуду вашего самоотвержения, никогда не забуду вас, друг мой!

Она протянула мне руки с ангельской улыбкой. Я покрыл долгими, горячими поцелуями ее дрожащие пальчики. Сердце мое трепетно билось. Сладкое предчувствие неземного блаженства заставило меня забыть всякую опасность. Резкий свист разбил мое счастье.

— Это сигнал Питера, мисс Руфь! Что-то случилось! Простите и прощайте... Нет, не прощайте... до свидания... до скорого, счастливого свидания, дорогая мисс Руфь!

Она медленно поднялась, молча отворила окошко и, обернувшись, замерла со сдавленным криком ужаса. И немудрено было испугаться бедняжке. Прикрытая шелковой драпировкой дверь бесшумно отворилась,

и на ее пороге появилась коренастая фигура Дентона, глядевшего на меня с видом злой собаки, готовой броситься на непрошеного гостя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой неожиданная помощь является
в решительную минуту*

При виде противной желтой рожи я не растерялся. Я понял, что в подобном случае малейшее колебание может оказаться гибельным, а потому решительно подошел к ехидно улыбающемуся шпиону.

— Мое почтение, многоуважаемый друг. Пожалуйста, улыбнитесь полюбезнее. Ваша злобная гримаса совсем не подходит к очаровательному цвету вашего лица! Кроме того, позвольте предупредить вас, что вы попались, как крыса в ловушку. Вот что значит неуместное рвение, мистер Дентон. Не в добрый час задумали вы подслушать мой разговор с миледи. Надеюсь, что вы не предполагали, что я мог повторить вчерашнюю глупость и явился сюда безоружный? Нет, приятель, нас здесь много, а ты один! При малейшей попытке помешать мне десяток добрых товарищей расправятся с тобой по-морскому. Поэтому стой смирно у своей двери, пока я буду прощаться с твоей хозяйкой!

Моя смелость так ошеломила мерзавца, что он не нашел ответа и смотрел злобно, вытараща свои косые глаза, пока я наскоро обменивался последними словами с мисс Руфь.

— До свидания, дорогая мистрис Кчерни!.. Мне очень жаль, что вы отказались от прогулки на моем «Южном Кресте», но ваша воля для меня закон! Исполняя ее, мы снимаемся с якоря через два часа и отправимся прямым путем в Сан-Франциско! Там я дождусь известий от мистера Руперта Беллендена, вашего брата, а затем — что Бог даст! Во всяком случае, не пройдет и месяца, как вы получите известие о вашем преданнейшем слуге, капитане Джаспере Бэгге. А до тех пор будьте мужественны и терпеливы, и да хранит вас Бог, дорогая миледи!

Я протянул руку. Мисс Руфь вложила в нее свою дрожащую ручку с видом человека, не вполне сознающего, что происходит вокруг нее, и я решительно шаг-

нул к двери, у которой все еще стоял почтенный соглядатай. Тут только он опомнился и, быстро загородив мне дорогу, нахально положил свою лапу на мое плечо. Признаюсь, я озлился не на шутку, схватил его руку и вывернул ее по всем правилам искусства, в котором я немало упражнялся в Японии, где знание всех уловок бокса сделалось необходимым для каждого европейца. Физиономия желтого Дена искривилась от боли, и почтенный джентльмен заорал таким голосом, который мог разбудить даже мертвого.

— Замолчишь ли ты, проклятый шпион? — крикнул я, еще сильнее стискивая руку негодяя. — Не принуждай меня зажать тебе глотку, так, что ты навсегда лишишься возможности участвовать в пении церковных гимнов, для которых создан твой прелестный голос!

Перепуганный не на шутку желторожий шпион замолчал, растирая свою моментально вспухшую руку. Пользуясь этим мгновением, я быстро распахнул окно и выпрыгнул в темный сад, избегая ловушки, очевидно приготовленной им на веранде. Однако не успел я добежать до спасительной тени первых деревьев, как увидел около себя проклятого шпиона, последовавшего за мною по пятам. В ту же минуту в трех концах сада мелькнули огоньки, и мимо моей головы пролетели, жужжа и свистя, три ружейные пули, врезавшиеся в ствол ближайшей пальмы.

— Так-то, почтеннейший! Вы опять за старое! Опять стреляете в людей, как в куропаток. Ну, так попробуйте же на себе, как приятно ближайшее знакомство с огнестрельным оружием!

С этими словами я схватил револьвер и ударил Дентона по голове с такой силой, что он без звука упал на траву у моих ног.

«Одним меньше! Первый задаток мучителям моей бедной мисс Руфы!» — подумал я, быстро отбегая в ту сторону, где должны были ожидать меня товарищи.

— Вы ли это, капитан? — раздалось у моего уха. — Живы и невредимы? Ну, слава Богу! Но вы одни? Молодая леди не захотела следовать за вами? Я так и думал, хотя оставаться здесь грустная участь для каждого, а тем более для...

Опять не удалось договорить нашему словоохотли-

вому ирландцу. Появление Долли Вендта прервало его речь. Юноша еле переводил дух от быстрого бега.

— Спешите, капитан! Лес полон разбойниками. Я видел вооруженные фигуры, по-видимому немцев, хотя, конечно, ручаться не могу!

— Да это и безразлично,— перебил я юношу.— Будь то немцы, испанцы или гориллы, нам все равно не остается ничего, кроме бегства. Сколько их, Долли?

— Я видел человек десять, капитан, но их, наверно, гораздо больше. Они прячутся в лесу!

— В лесу!— воскликнул Питер.— Ах, Боже мой, а наш-то бедный плотник? Ведь он остался у последнего мостика. Надо предупредить его, если еще не поздно!

— Чего там поздно!— отозвался сам Баркер, внезапно появляясь возле нас. Он так же запыхался, как и Долли, но был гораздо спокойнее и даже улыбался своей обычной добродушно-глуповатой улыбкой.

— Плотник никогда не пропадет среди деревьев,— проговорил он, не обращая ни к кому в частности.— Правда, из-за кустов выскочило с полдюжины каких-то стервецов,— прощенья просим, капитан,— но я не дал им опомниться и уложил первого его же собственной дубинкой. Второй свалился на третьего, а остальные разбежались. Вот она, дубинка-то! Славное оружие. Я захватил ее с собой, пригодится еще голубушка!

И силач грозно размахнулся дубинкой толщиной в добрую оглоблю.

— Молодец, Баркер,— похвалил я добродушного шотландца.— Я был уверен, что ты постоишь за честь нашего флага. Но довольно разговоров, друзья мои. Надо бежать к морю. На море наше спасение. Постараемся пробраться через лес раньше, чем заметят, в какую сторону мы бросились... Добравшись до берега, предупредим Гарри, которому, наверно, удалось укрыть лодку. Или, в крайнем случае, окликнем пароход — он ведь недалеко! Ну, а раз на море — мы спасены. Через какую-нибудь неделю мы будем в Сан-Франциско, где я попрошу у американского правительства защиты для мисс Руфь и возмездия для мистера Кчерни!

Я говорил со спокойствием человека, уверенного в успехе, но душа моя была полна сомнениями. Я слишком хорошо понимал опасность нашего положения.

Четыре человека против доброй сотни разбойников! Как бы храбро мы ни защищались, надежды на спасение оставалось весьма немного. Темнота леса не могла успокоить нашего понятного волнения. Хотя мы были люди нетрусливого десятка и с радостью рисковали своей жизнью для спасения женщины, но никакая храбрость не могла помешать жуткому чувству, невольно возникающему в темной западне, полной убийц, охотящихся за нами, как за перепелками. Неясные фигуры разбойников мелькали издали между деревьями и опять скрывались в абсолютной темноте. Тяжелые тучи заволокли небо, и ни малейший луч света не пробивался сквозь густую листву. Пришлось наугад отыскивать едва знакомую тропинку. Минут пять безуспешного блуждания убедили меня в том, что мы сбились с дороги. Перед нами внезапно оказалась какая-то загородка, охраняемая целой группой вооруженных людей.

— Боб Вильямс, ты? — крикнул нам чей-то грубый голос.

— А вот я покажу тебе Боба Вильямса! — отвечал я, быстро сообразив, что мы должны были во что бы то ни стало пробиться сквозь отряд врагов, загораживающий нам дорогу.

Мои товарищи так же быстро поняли эту необходимость и с отчаянной храбростью бросились вперед. Двумя выстрелами из револьвера уложил я двух ближайших негодяев, пока Питер Блэй необыкновенно удачно отбивался охотничьим ножом от полудесятка врагов, а Сет Баркер молотил своей дубиной направо и налево, разбивая головы, точно спелые орехи. Долли Вендт нервно хохотал, размахивая своим револьвером и не решаясь стрелять в тесно сплоченную кучу людей, чтобы не поранить кого-нибудь из нас. Все это продолжалось не более двух-трех минут. Кругом нас непрерывно свистели пули, по счастью никого не ранившие. В рукопашной свалке трудно верно целить, да и темнота нам много помогла. Озадаченные внезапным нападением, враги не могли сообразить, сколько же нападающих и каковы их намерения. Благодаря этому нам удалось прорваться сквозь цепь разбойников, охраняющих лесную тропинку, и скрыться в густой тени деревьев. Не переводя дух мы бежали вперед, не переставая слышать за собой многочисленные грубые голоса погони, пере-

кликавшиеся в различных направлениях на самых разнообразных наречиях. Очевидно, наши преследователи задались целью окружить нас со всех сторон, отрезав от моря.

Но мы еще не теряли надежды пробраться к берегу, проскользнув между ними благодаря темноте, и ускорили шаг насколько возможно.

— Товарищи, а где же тропинка? Куда она делась? — спросил я, внезапно останавливаясь.

— Какая там тропинка! — пробурчал Питер, с трудом переводя дух. — В этой проклятой темноте собственный нос потерять можно, не только тропинку. Сам черт не разглядит здесь и большой дороги, капитан!

— Ну, а мы, с Божьей помощью, и тропинку разглядим, Питер! Да еще смеяться будем над нашим отчаянием, когда вернемся на судно!

— Хорошо бы вашими устами грог пить, капитан, только вряд ли нам удастся добраться до моря сегодня! — заметил Сет Баркер со спокойствием истого философа. — Мне сдается, что нас собираются угостить добрым стаканчиком дробы. Слышите, как она зашуршала по листьям?

— Точно песок пересыпают! — заметил Долли наивно.

Мы кинулись в сторону, в чашу кустарника, куда не долетели выстрелы, направленные наугад, и сделали еще несколько сот шагов, с трудом пробираясь сквозь колючие ветки, но вдруг я остановился как вкопанный.

— Осторожно! Перед нами какая-то вода. Не то пруд, не то болото. Во всяком случае, вперед идти нельзя!

Внимательно оглядевшись, я узнал тот самый ручей, через который перекинут был высокий висячий мостик, черная линия которого виднелась немного правее. В том месте, на котором мы стояли, ручей разливался в широкий пруд или, вернее, болото с топкими берегами, грозящими засосать нас при первом неосторожном шаге. Черная стоячая вода казалась глубокой и имела мрачный и унылый вид. Почти вся поверхность ее была покрыта водяными растениями, между которыми блески яркие фосфорические полосы, выдающие изобилие гниющих органических веществ. Ядовитые испарения неслись нам навстречу, стесняя дыхание и вызывая

своим зловонием тошноту. И это-то ужасное болото должны мы были переплыть, несмотря на очевидное изобилие ядовитых гадов, которыми кишит каждая стоячая вода под тропиками... Другой дороги не было. Направо и налево поднимались какие-то загородки из колючих кустарников, перебраться через которые темной ночью было совершенно невозможно. Приходилось либо пускаться вплавь, рискуя сто раз погибнуть от укусов ядовитых гадов или утонуть в болотной тине, отыскивая брод, или же возвращаться обратно мимо наших преследователей и выбиться на настоящую дорогу. Между тем крики разбойников все приближались. Их круг постепенно сужался.

Наступала решительная минута. Нам оставалось одно — возможно дороже продать свою жизнь... и только.

Вдруг Сет Баркер, шедший впереди, раздвигая своей дубинкой колючие кусты, внезапно остановился.

— Что это там, направо, капитан? Не то блуждающие огоньки, не то факелы или фонари?

Мы быстро обернулись и увидели в указанном направлении несколько светящихся точек, быстро меняющих свое положение.

— По-моему, это блуждающие огни,— прошептал Долли,— они всегда являются на болотах!

— А по-моему, это факелы проклятых русалок, явившихся на помощь разбойникам, чтобы окончательно погубить христианские души! — с дрожью в голосе прошептал суеверный ирландец.

— Как вам не стыдно болтать пустяки! — резко перебил я.— Вероятно ли, чтобы молодые и прелестные девушки были сообщницами кровожадных убийц! Мне кажется, появление этих красавиц может принести нам только пользу. Притаитесь здесь, за кустами, пока я постараюсь узнать от них, нет ли здесь где-нибудь другой, более безопасной дороги к морю!

Не обращая внимания на возражения, я быстро направился к мелькающим вдали огонькам, оказавшимся действительно факелами в руках прелестных девушек, уже виденных нами раньше...

Заметя меня, они быстро скрылись между деревьями, но вместо них мне навстречу вынырнуло из чащи то странное существо, которое Сет Баркер называл морским львом или орангутангом.

Быстрым и ласковым движением схватил он меня за руку.

— Следуйте за мной, капитан Бэгг! Доверьтесь старому Оклеру. Он ваш друг. Он прислан вам на помощь!

Не дожидаясь ответа, странный человек юркнул в кусты, кажущиеся совершенно непроходимыми, но среди которых внезапно вновь замелькали факелы очаровательных русалок.

Недолго думая, я последовал за ним, а подбежавшие товарищи — за мною.

Ползком пробрались мы сквозь туннель, образовавшийся среди густо сплетенных лиан и колючих кустарников, и через десять минут очутились на противоположном скате холма, оставив далеко в стороне своих преследователей, голоса которых теперь уже едва доносились до нас.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой Джаспер Бэгг
знакомится с «гнездом» в скалах*

Глубокая тишина охватила нас, едва мы оставили за собой последние кустарники. Вместо диких криков «Держи! Лови! Не выпускай!», которыми весь лес казался наполненным, вокруг нас слышалось только случайное падение оторвавшегося камня, плеск ручья, сбегающего со скалы, да отдаленный ропот моря. Несмотря на свою женскую юбку, наш проводник скользил с какой-то фантастической быстротой, сначала под гору, потом опять в гору, вверх по скалистой тропинке, не проходимой ни для кого, кроме диких коз да моряков, убегающих от смертельной опасности. Сознание подобной опасности делает всякую дорогу удобной. Нам она буквально придавала крылья. Мы карабкались на почти отвесные скалы, не замечая глубоких обрывов справа и слева. Звуки прибоя, казавшиеся близкими, стали постепенно удаляться, хотя все еще доносились с ясностью, доказывающей, что лежащее где-то под нами море не отделялось от нас ни лесом, ни постройками. Судя по страшной крутизне тропинки, по которой мы поднимались, и по времени, прошедшему от начала подъема, мы должны были находиться уже

на весьма значительной высоте, а между тем наш проводник продолжал карабкаться все выше и выше.

Страшные трудности горной дороги, однако, давали себя чувствовать.

Собравшись с силами, я все-таки добрался до вершины, оканчивающейся небольшой площадкой, и тут только остановился, чтобы перевести дух и помочь по возможности моим бедным товарищам. Сет Баркер не нуждался в помощи. Со своим обычным хладнокровием взбирался он на скалу прямо на четвереньках, осторожно и уверенно, как хорошая охотничья собака, избегающая напрасной траты сил. Долли Вендт довольно удачно играл роль дикой козы, очевидно не забыв еще того времени, когда он, будучи юнгой, получил от матросов лестное прозвание «Морская обезьяна». Только бедному Питеру плохо приходилось. Он еле двигался, распластавшись на брюхе, как черепаха. Пришлось нашему проводнику спускаться ему на помощь и втаскивать несчастного толстяка под руки. При этом старик продолжал добродушно ободрять нас на своем ломаном языке:

— Не бойтесь, друзья, вы здесь в безопасности. Я люблю моряков и сам был матросом. Здесь переждете день или два, пока преследующие вас собаки не устанут. Теперь они потеряли ваш след и не найдут его больше, за это ручается ваш старый Оклер. А там можно будет и к морю спуститься. Ваше судно подождет вас, конечно? А очутитесь на палубе, уезжайте поскорее, друзья! Уезжайте, благо, это вы можете сделать. Бедный Оклер не может уехать, и бедные девочки тоже не могут. Мы должны умереть здесь все вместе. Вам же дай Бог вернуться на родину, друзья. Старик Оклер желает вам этого от всей души!

Без малейшего колебания последовал я за стариком, приглашавшим нас в темную пещеру, вход в которую скрывался за группой громадных камней. Узкая деревянная лестница вела в глубь большой круглой впадины, футов двадцать в глубину. Добравшись ощупью до конца этой лестницы, мы остановились, не смея пошевелинуться в темноте, пока наш хозяин не зажег фонарь, с помощью которого нам удалось оглядеться. Пещера оказалась довольно просторной. Ее убранство доказывало, что в ней жили люди, не чуждые цивилизации. В одном углу находился весьма приличный очаг

с дымовой трубой и навесом, не пропускающим дождя. Около него, на прибитых к стене досках, помещались кастрюли, горшки, кружки, миски и т. п. хозяйственная утварь невероятной чистоты. В противоположном углу было устроено нечто вроде постели с подстилкой из сухих листьев и трав, покрытых мягкими шкурами, поверх которых лежали подушки и пара теплых фланелевых одеял. Пол был обмазан глиной и чисто выметен. Посередине стоял деревянный, грубо сколоченный стол, покрытый чистым куском толстого полотна, и две деревянных скамейки. Ясно было, что хозяин этого странного дома, напоминавшего собою, скорее, недоступное гнездо горного орла, чем человеческое жилище, постарался устроиться возможно удобнее в пещере, скрытой от нескромных взоров. Ясно было и то, что хозяин этот не кто иной, как старик, приведший спасенных им моряков в свое собственное жилище.

Глубокое чувство благодарности наполнило мое сердце. Со слезами на глазах протянул я обе руки странному, но великодушному созданию.

— Спасибо вам, добрый друг. Никто из моих спутников никогда не забудет того, что вы сделали для нас сегодня! Дай нам Бог возможность отплатить вам тем же. Честное слово моряка, я с радостью буду рисковать жизнью за вас, как вы сегодня рисковали ею для спасения неизвестных вам людей. И если вы захотите оставить этот ужасный остров, клянусь вам: капитан Джаспер Бэгг и весь экипаж «Южного Креста» будут счастливы оказать вам и вашим молодым барышням гостеприимство и отвезти вас, куда вам будет угодно!

Мы пожали друг другу руки так искренне и дружески, как будто были старыми приятелями. Затем наш хозяин поставил фонарь на стол и стал хлопотать по хозяйству, не выказывая ни малейших признаков усталости. Казалось, будто он только что встал с кровати, а не карабкался более двух часов подряд на головоломные крутизны и отвесные скалы. Зато гости его все еще не могли прийти в себя. Питер Блэй бросился ничком на постель, пыхтя и хрипя, точно запыхавшийся паровоз, и призывая в промежутках между припадками удушливого кашля всех бесчисленных святых католического календаря. Сет Баркер припал с разгоревшимся лицом к ведру с водой и пил не отрываясь, точно лошадь, пробежавшая десяток верст по жаре, да

и я все еще не мог отдышаться, чувствуя удушье и колотье в левом боку. Один Долли Вендт встряхнулся, как молодая собака, вышедшая из воды, и, взобравшись на верхние ступеньки приставной лестницы, принялся рассматривать окрестности, хотя разглядеть что-либо в окружающей темноте было совершенно невозможно. Но такова молодость. Напоминание о «молодых барышнях», очевидно, возбудило в сердце юноши надежду увидеть одну из прелестных нимф леса, и эта надежда освежила юношу лучше трехчасового отдыха.

Между тем наш хозяин продолжал болтать без умолку на своем странном языке, понимать который было нелегко без привычки.

— Сюда никто не придет, друзья! Это безопасное место. От всего безопасное, даже от сонного времени. Здесь вы отдохнете хорошенько, а завтра к вечеру дадите вашему судну сигнал, чтобы оно прислало за вами лодку, которую я проведу к пристани, известной мне, и никому больше. Туда вы можете безопасно пробраться горными ущельями никем не замеченные. А там уезжайте с Богом. Поскорей уезжайте, благо, вы можете уехать, благо, у вас есть родина, есть родные. У меня никого нет. Старый Оклер стал всем чужим на своей родине. Никто не вспомнит о нем после двенадцати лет отсутствия. Зачем же я стану уезжать отсюда, где прожил так долго? Двенадцать лет — время немалое, друзья. Первые пять лет я жил здесь круглый год, даже тогда, когда все остальные умирали во время сонного сезона. Где же мне уезжать отсюда? Но вы поторопитесь уехать до появления смертельного сна!

Мы все насторожили уши при этих странных словах. Долли Вендт не смог сдержать своего любопытства и поспешил заговорить со стариком на его родном языке. Юноша прекрасно знал французский, так как его отец женился на девушке, служившей долгое время гувернанткой в Париже и передавшей сыну свои познания. Трудно передать радость, с которой старик услышал родной говор. Он чуть не расцеловал юношу, и оба заговорили наперебой, точно побившись об заклад кто произнесет в возможно меньшее время возможно большее количество слов.

— Спросите, Долли, что это за чертовщину болтал наш старик о каком-то «сонном времени»? Послушать, так выходит, будто мы здесь должны бояться сна боль-

ше всего на свете! Неужели же порядочный человек не должен никогда спать на этом острове? Что значит эта бессмыслица, Долли?

Обращаясь к Долли, я совершенно упустил из виду, что гостеприимный хозяин понимал по-английски. Услыша мои слова, он повернул голову в мою сторону и быстро проговорил:

— Не бессмыслица, а истинная правда! Два-три раза в году наступает страшное время. Никто о нем не знает, когда и отчего и надолго ли. Знаю только, что всякий, кто остается на острове, засыпает, чтобы уж никогда не проснуться... Заснете и вы, если не поспеете уехать раньше! Оттого и надо торопиться, чтобы не дожидаться ужасного сонного времени!

Старик, видимо, старался выразиться возможно яснее, но мы все же поняли не больше, чем если бы он говорил по-китайски. Долли сделал отчаянную попытку узнать что-либо более определенное, расспрашивая старика на родном языке, но французский рассказ оказался не понятнее английского объяснения.

— Он говорит, что японцы называют этот остров «сонным берегом»,—переводил Долли слова старика,—и уверяет, что ежегодно раза два или три здесь поднимаются от болот какие-то особенно ядовитые туманы! Вот от этих туманов, так я понял, по крайней мере, непривычные люди болеют какой-то странной болезнью, по-видимому неизлечимой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой «Южный Крест»
исчезает в неведомой дали*

К середине ночи ветер превратился в настоящую бурю. Рев бушующего моря в темной глубине под нами смешивался с величественными раскатами неумолкающего грома, с грозным воем урагана и с грохотом камней, скатывающихся в невидимые пропасти. Ежеминутно вспыхивающий огненный зигзаг молнии на мгновение прорезывал черные тучи и освещал мертвенным светом весь безотрадный скалистый пейзаж. После каждой подобной вспышки черная ночь казалась еще чернее, плеск дождя о голые скалы еще унылее. Мрач-

ные думы одолевали нас. Забота об участии судна пере-
силивала заботы о собственной судьбе. Что случилось
с нашим «Южным Крестом»? Удалось ли бедному
Гарри одному на легкой гичке выйти в море, несмотря
на волнение, и, благополучно добравшись до судна,
предупредить мистера Джекоба о случившемся на бере-
гу? И если удалось, то что предпринял мой верный по-
мощник? На его опытность и осторожность я мог вполне
рассчитывать. Не было моряка искуснее старого
Джекоба, но, как преданный друг, решится ли он оста-
вить своего капитана на произвол судьбы и выйти в от-
крытое море, не попытавшись спасти товарищей? Ме-
жду тем наше судно могло только в открытом море вы-
держивать такую бурю.

Наш добрый, старый хозяин понимал наше угнетен-
ное настроение и не мешал нам неуместными разгово-
рами. Он скоро улегся где-то в уголку, предоставив нам
свою мягкую постель, и заснул так спокойно, как ре-
бенок спит в своей люльке, убаюканный нежной пес-
ней любящей матери.

Зато он же первый и открыл глаза, едва показался
слабый луч рассвета, и закричал нам:

— Вставайте, друзья! Солнце встало. Спешите по-
дать сигнал вашему судну. Ветер ревет, но моряки не
боятся ветра. Они радуются, когда поселяне дрожат.
С корабля пришлют лодку — и все окончится благопо-
лучно. Только бы лодка не опрокинулась. Волнение бо-
льно велико. Скверная погода на море, ох какая сквер-
ная погода!

Мы выползли из пещеры и пробрались между бес-
порядочно нагроможденными скалами до небольшой
площадки, с которой открывалась обширная панорама.
Ветер свирепствовал, точно желая оторвать нас от
скалы, за которую мы цеплялись, и сбросить в бездну
под нашими ногами. Но мы храбро боролись с урага-
ном и достигли, наконец, места, защищенного высту-
пом скалы настолько, что можно было безопасно
глядеть по всем направлениям. Восходящее солнце уже
золотило последние обрывки туч, разогнанных ночным
ураганом. Ярко-голубое небо высоким куполом взды-
малось над нашими головами. Яркое голубое море без-
брежной далью расстилалось под нашими ногами. Си-
льное волнение не уничтожало голубого цвета его
волн, но пятнало поверхность моря яркими полосами

белоснежной пены, вспыхивающей ослепительным блеском в косых лучах утреннего солнца. Взор уходил далеко-далеко в эту голубую бесконечность, и, увы, нигде не виднелось темного пятна тени, падающей от корабельного корпуса, нигде не поднималось тонкой линии мачт, так резко вырисовывавшихся на горизонте, нигде не белело легкое облачко белых парусов, нигде не вздымался вьющийся дымок паровой трубы. Всюду вода! Всюду пустыня! «Южный Крест» исчез, ушел, покинул нас! Страшная истина как громом поразила нас. Первая минута была поистине ужасна. Сознание беспомощности и одиночества охватило нас с такой силой, что мы тщетно пытались заговорить, тщетно искали слов для взаимного ободрения. Питер Блэй опомнился первый. Старый, опытный моряк скорее всех нашел объяснение, могущее хоть отчасти успокоить обескураженных.

— Чего же мы так перепугались, капитан? В сущности, ведь отсутствие судна вещь вполне естественная. Мистер Джекоб и не должен был поступить иначе, чем поступил. Он был бы глупее всякого осла, если бы остался у берегов при этой адской погоде. Это было бы не только идиотство, это было бы настоящее преступление — прямое самоубийство, не правда ли, капитан? Ни одно честное христианское судно не могло оставаться здесь из-за бурунов в такую ночь, как прошлая. «Южный Крест» ушел в открытое море для спасения собственной шкуры, но он вернется, как только успокоится эта дьявольская буря! Не правда ли, капитан?

Я должен был отвечать на это второе воззвание ему в тон, уверенно и спокойно:

— Само собой разумеется, Питер, вы вполне правы! Мистер Джекоб не может не вернуться. Не такой он человек, чтобы оставить товарищей без помощи. Очевидно, Гарри Дозс добрался до судна и сообщил о нашем положении. Джекоб понял, что нам удалось где-нибудь скрыться до ночи, и, наверно, пришлет за нами лодку. Оставаясь в виду берега вчера ночью, он нарушил бы первый свой долг: заботиться о безопасности судна, от которого, в сущности, зависит и наша безопасность. В открытом море «Южный Крест» может спокойно переждать, пока уляжется волнение, и затем подойти, как только стемнеет, то есть буквально исполнить мои распоряжения!

— Ну, конечно, капитан,— уже совсем весело заговорил Долли Вендт.— Иначе и быть не могло! Надо только нам не прозевать возвращения судна и дать ему знать о нашем местопребывании. Вот вам приятная задача, мистер Блэй: сидеть спокойно в тени куда приятнее, чем лазить по обрывам!

Во время этого разговора к нам подошел наш хозяин, куда-то исчезнувший несколько минут назад.

— Вы, надеюсь, не прочь поесть, друзья? Отлично! Теперь самое подходящее время для завтрака. Очень рад, что отсутствие вашего судна не лишило вас аппетита. Да, впрочем, оно, конечно, вернется. Не сегодня, так завтра или послезавтра. Дай Бог, чтобы поскорее, чтобы вам удалось уехать отсюда до наступления «сонного времени». Ну, а до тех пор есть все-таки надо. Милости просим за мной, друзья! Завтрак сейчас будет готов!

Питер даже подпрыгнул от радости.

— О, благородный старец,— патетически воскликнул он, обнимая добродушного старика,— вы вторично спасаете нам жизнь. Надеюсь, за завтраком будет что-нибудь мясное? Хорошенький бифштекс фунтика по три на брата, небольшая свинка, или годовалый козленок, или что-либо иное в этом же роде?

Питер Блэй даже облизнулся, заранее предвкушая прелести хорошо изжаренного ростбифа. Он уже начал совещаться с Долли Вендтом о большей или меньшей вероятности найти в хозяйстве нашего спасителя хоть немного перцу, без которого, по его уверению, «никакое жаркое порядочному человеку в рот не полезет». Каково же было наше удивление при виде прекрасно накрытого стола с простой, но чистой посудой и букетом роскошнейших цветов посередине. На грубоватой, но снежно-белой скатерти стоял большой дымящийся кофейник, нежное желтое масло, прекрасный сыр, холодное мясо (в изобилии, могущем удовлетворить даже проголодавшегося моряка) и целая корзинка аппетитнейших, очевидно, свежее испеченных хлебцев. Перед столом стояли три очаровательные девушки, уже знакомые нам со вчерашнего вечера, держа в руках деревянную тарелку янтарного меда и тростниковые корзиночки, полные свежих орехов, миндаля, апельсинов, персиков и других фруктов благословенного юга.

Одна за другой подходили к нам сестры.

Видя их вблизи, нельзя было усомниться в родственном сходстве прелестных созданий. Просто и естественно, как настоящие дети природы, они называли нам свои имена.

— Я — Розамунда! — весело заявила первая.

— А я — Сильвия, — сказала вторая, протягивая мне свою маленькую ручку.

— А меня зовут Целеста! Это я пекла вам булочки! — наивно проговорила третья, улыбаясь такой очаровательной улыбкой, что бедный Долли Вендт весь вспыхнул.

Прелестные молодые хозяйки наперебой хлопотали о нашем удобстве. Они усадили нас вокруг стола, разлили душистый кофе в большие фарфоровые кружки и не переставали угощать нас, болтая наперебой, перемешивая французские слова с английскими так же, как и старый Оклер, только это оригинальное наречие, уморительное в устах странного старика, звучало как райская музыка на розовых губках хорошеньких девушек.

Старик Оклер, очевидно гордящийся красотой прелестных девушек, вкратце рассказал нам свою историю.

— Я был артистом у себя на родине, оттого и дал артистические имена этим детям — дочерям моего старого друга и директора. Надо вам сказать, что я был актером. Играл в театрах драму, комедию и трагедию. А эти молодые леди — дочери доброго старого антрепренера, который взял меня на сцену. Я служил у него много лет. Раньше же я был моряком, в молодости, в те же годы, как вот ваш юный товарищ!.. Я же посоветовал моему директору поехать путешествовать, когда дела на родине стали плохи. В дороге мать этих малюток умерла от желтой лихорадки, и я остался при них вместо няньки. А тут и второе несчастье случилось: наше судно разбилось, когда мы возвращались из Сан-Франциско! Весь экипаж погиб... Погиб и мой старый директор... Мне одному удалось спастись вместе с малютками... С тех пор прошло уже двенадцать лет... Мы остались здесь поневоле!.. Как видите, никто нам не мешает жить, как нам угодно, и я устроился здесь очень недурно! Увы, у этих берегов разбивается столько судов!.. Боже меня сохрани взять что-нибудь от разбойников, которые грабят погибающих, но море выбрасы-

вает разную разность на берег, а нужда учит из малого делать многое... К счастью для нас, никто не обращает на нас внимания. Когда губернатор в духе или в отъезде, я спускаюсь вниз, в долину. Когда он сердит, мы скрываемся в нашем «гнезде». Когда наступает «сонное время», приходится поневоле всем уходить в подводный замок. Я должен был решиться на это ради девочек, которые страдали, проводя целые недели на этой высоте. Для девочек я все готов перенести. Их отец поручил их мне, умирая, просьба умирающего священна. Не так ли, товарищи?

Я редко слышал что-нибудь более трогательное, чем простая история этого старика и этих очаровательных детей. Надо было слышать, как они рассказывали о самоотвержении своего «дедушки» на своем наречии, похожем на щебетанье чужеземных птичек. Надо было видеть их блестящие глазки, с безграничной любовью глядящие на старика, заменившего отца, мать, няньку, и общество, и родину осиротелым девочкам, чтобы понять, что даже черствые сердца разбойников не могли устоять против прелести этих невинных существ; что касается туземцев (если на острове существовали дикари малайского племени), то они, наверно, должны были принять эти прелестные, воздушные фигурки за неземные создания, а их старого пестуна — за волшебника и колдуна. Цивилизованных же подданных губернатора (если разбойники заслуживали это название), конечно, не могли пугать беззащитные девочки. Остров был достаточно велик для того, чтобы они могли целыми месяцами не попадаться на глаза тем, с кем не желали встретиться.

Во всем, что рассказывал нам почтенный старик, мне оставался непонятным только один пункт: упоминание о каком-то подводном замке, в котором якобы укрывались обитатели острова во время таинственного «сонного времени». Признаюсь, это название немало заинтриговало меня. Я никак не мог понять, что хотел сказать Оклер. Возможность действительного существования какого-нибудь подводного жилища я, понятно, не мог допустить и предполагал, что старик просто-напросто не умел найти слов для объяснения своей настоящей мысли.

Во время завтрака, к которому прибавилась прекрасно зажаренная с перцем и пряностями задняя нога

дикой козы, я пробовал расспросить девушек, но как ни мило болтали они, все же их знание английских выражений было так невелико, что нам нелегко было объясняться без переводчика. Тем не менее я заговорил со старшей сестрой, которая присела около меня, очищая своими маленькими ручками великолепный ананас.

— Нравится ли вам этот остров, мисс Розамунда? Довольны ли вы вашей здешней жизнью?

Она отвечала без всякого жеманства, просто и естественно:

— В солнечные месяцы очень довольна... Но уж, конечно, не в сонное время. Ах, это ужасное время. Надеюсь, вы уедете отсюда раньше его наступления?— спросила она.

— Право, не знаю, как ответить вам, мисс Розамунда. Наш отъезд зависит не от нас самих, а от возвращения нашего судна. Мой старший помощник увел его в открытое море, чтобы не быть выброшенным бурей на береговые скалы, и я не знаю, когда он найдет возможным вернуться за нами. Но предположим даже, что это возвращение замедлится и что так называемое сонное время наступит раньше нашего отъезда... Объясните мне, мисс Розамунда, чем оно может повредить нам?

— Ради Бога, не предполагайте этого, капитан!.. Вы должны покинуть остров раньше наступления сонного времени. Иначе вы погибли! Мы— другое дело... Мы проводим это время в подводном замке, но туда не пускают никого чужого! Губернатор никогда не потерпел бы этого. Здесь же, на острове, все засыпает смертельным сном, и вам не избежать этой участи, если вы не уедете вовремя. Ради Бога, уезжайте, мистер Бэгг, уезжайте поскорей!

Девушка повторяла ту же нелепицу, которой угощал нас ее старый воспитатель. Как мог поверить ей моряк, знакомый с климатическими условиями большинства островов Тихого океана? Времена, когда путешественники пугали таинственными опасностями невежественную публику, давно миновали. Мне невольно захотелось улыбнуться, видя ужас, отразившийся на лицах всех трех девушек при упоминании о каком-то сонном времени.

— Я надеюсь, мисс Розамунда, что успею уехать благополучно до наступления этого странного време-

ни, которого вы так боитесь, хотя признаюсь, сам не очень-то беспокоюсь о том, солнечные ли месяцы будут царить на берегу или так называемое сонное время, если меня призовет обратно долг — священная обязанность. Скажите мне, знакомы ли вы с мистрис Кчерни? — спросил я после короткого колебания.

Она утвердительно кивнула своей хорошенькой головкой.

— О да, я ее видела много раз! В солнечные месяцы она живет на берегу, а в сонное время в подводном замке, только никто не знает, в которой его части! Она — жена губернатора, но я давно замечаю, что она, должно быть, очень несчастна. Если вы ее друг, то вы должны помочь ей. Это было бы очень благородно с вашей стороны, мистер Бэгг. Ведь вы знаете, что она несчастна? Не правда ли?

Увы, я слишком хорошо знал не только несчастья моей бедной мисс Руфь, но и их причину. Желая, однако, выпытать мнение малютки, я не высказал своих предположений.

— Как может быть несчастна леди, живущая в роскоши, с молодым и любимым мужем? — проговорил я, стараясь казаться равнодушным. Но мисс Розамунду не так легко было обмануть, как я думал. Ее детское личико приняло выражение очаровательного лукавства, и она шутливо погрозила мне пальчиком.

— О, как нехорошо говорить неправду, капитан Бэгг! Какой это большой грех. Вы прекрасно знаете, что мистрис Кчерни очень несчастна. Оттого-то вы и приехали сюда. Вы хотите помочь ей. Я прекрасно все это знаю. Я многое знаю, капитан, и вы напрасно притворяетесь передо мной!

— Быть может, вы и правы, мисс Розамунда, — отвечал я, слегка сконфуженный. — И уж конечно не из недоверия к вам я умолчал о своих намерениях. Быть может, я расскажу их вам очень скоро и даже попрошу вашей помощи. Но покуда расскажите мне что-нибудь о губернаторе. Что он за человек? Я уверен, что вы можете сообщить мне о нем много интересного!

Она отрицательно покачала головой.

— Опять вы шутите, мистер Бэгг! Вы прекрасно знаете, что я не могу вам рассказать ничего, чего вы сами бы не знали. Какой человек губернатор? Да кто же это может знать наверное? И не все ли это равно для

нас, обитателей его острова, добр ли он или жесток? Любим ли мы его или ненавидим, не все ли равно? Он губернатор — сила на его стороне, и мы должны ему повиноваться. Когда он возвращается сюда на своей яхте, никто не смеет ослушаться его приказаний. А уж особенно в сонное время, которое продолжается десять, пятнадцать, иногда двадцать дней подряд. Тогда уж наверно никто не посмеет возражать ему, даже в мелочах, чтобы не поплатиться очень жестоко. Все это вам, конечно, уже рассказала мистрис Кчерни. Я знаю, вы ее друг, а от друга нельзя иметь никаких тайн! Вы же расспрашиваете меня только для того, чтобы посмеяться... Все моряки любят смеяться над маленькими девочками. Дедушка Оклер часто предупреждал нас об этом. И теперь я вижу, что вы такой же, как и все, недобрый!

Маленькая кокетка потупила глазки с очаровательной гримаской обиды, так что поневоле пришлось извиняться и прекратить расспросы, а между тем мое любопытство разыгралось не на шутку. Из всего слышанного я понял только то, что губернатора ненавидели и боялись, что несчастная супружеская жизнь его бедной жены не был ни для кого тайной и что шпионы мистера Кчерни, очевидно, догадывались о цели моего прибытия, так же как догадалась эта милая девочка. Затем начинался ряд загадок. Таинственной опасности какого-то сонного времени я, впрочем, не придавал особого значения, всецело поглощенный мыслью о том, как бы выручить мисс Руфь из рук ее тюремщиков.

Мои размышления были прерваны пушечным выстрелом. Старик Оклер быстро вскочил из-за стола и кинулся к лестнице.

— Какого черта они стреляют в такую рань? Неужто опять какой-нибудь дурак умудрился попасть в буруны среди белого дня? — пробурчал Питер Блэй, спокойно доедая апельсин, предложенный ему мисс Сильвией.

— Это салют в вашу честь, мистер Блэй, — смеясь, ответил Долли Вендт, на минуту отрываясь от особенно интересного разговора с мисс Целестой. — Вам следовало бы бежать вниз и поблагодарить жителей за любезность!

— Сам беги, глупый мальчишка, у тебя ноги помоложе моих! — проворчал Питер, закуривая трубку.

Появление старика Оклера прервало наши шутки. Его лицо было бледнее обыкновенного. Нагнувшись к нам, он закричал дрожащим от волнения голосом.

— Беда, товарищи! Губернатор вернулся!.. Скорей за мной!.. Спасайтесь, пока не поздно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой друзья мисс Руфи
находятся в сравнительной безопасности*

Расстроенный вид старика пояснил нам больше, чем его испуганное восклицание, всю опасность нашего положения.

Не дожидаясь дальнейших объяснений, девушки схватили свои корзиночки, обменялись несколькими быстрыми французскими словами с «милым дедушкой», наскоро шепнули нам: «До свидания», на бегу чмокнули седую голову доброго старика и исчезли среди скал прежде, чем мы успели добраться до верха лестницы, хотя мы карабкались с поспешностью людей, сознающих, что их жизнь зависит от быстроты их ног. Затем началась бешеная скачка через камни, рвы и овраги. Мы взбирались на крутые скалы, ползли по краю отвесных обрывов, перескакивая через дико ревущие потоки, и в конце концов очутились на высочайшем пункте всего горного кряжа. Размытые дождями скалы образовали здесь нечто вроде площадки, с трех сторон окруженной как бы естественным парашютом из беспорядочно нагроможденных гранитных глыб. Только одна узкая расщелина открывала доступ в эту природную крепость, совершенно скрытую от нескромных взоров обитателей острова. Здесь остановился наш старый проводник.

— Друзья,— заговорил он, окинув беглым взглядом безбрежное море и окружающие нас горные вершины,— здесь вы в безопасности. Оставайтесь здесь и не выходите из-за стен этой площадки, существование которой известно только мне и моим девочкам. Здесь вас никто не отыщет, даже если бы кому-нибудь пришлось в голову искать вас среди скал, окружающих мое

«гнездо». Поэтому оставайтесь здесь и ожидайте моего возвращения. Я должен показаться губернатору, чтобы не возбудить его подозрений. Но не беспокойтесь, я вернусь завтра утром с запасом провизии. А до тех пор — терпение и осторожность, друзья мои!

Мы молча пожали руку доброму старику, быстро удалившемуся в направлении своего «гнезда». Не до разговоров нам было! Место, в котором мы находились, могло сделать молчаливым даже моряка, не знакомого с головокружениями. Представьте себе балкон, на страшной высоте повисший над морской бездной, без какого-либо рода перил со стороны этой бездны, и четырех человек на этом балконе, не знающих, какая будущность ожидает их завтра, не знающих, удастся ли им когда-либо увидеть что-либо, кроме бесконечной синевы моря под ногами да бесконечной синевы неба над головой.

Шесть суток прожили мы в этой воздушной темнице. Как проводили мы медленные, скучные часы дня, мучительно долгие часы ночи? Какие мысли родились и умирали в наших головах?.. Какие планы строили мы? Какие надежды угасали медленно, но неудержимо? Не все ли равно! Мы избегали лишних разговоров, боясь каким-либо неосторожным словом разбередить болезненную рану чужой души. Мы молились и проклинали судьбу, надеялись и отчаивались втихомолку, по целым дням не спуская взглядов с синей бесконечности океана. Нас поддерживала надежда на появление спасительного судна. Но увы! «Южный Крест» не возвращался! Товарищи либо забыли нас, либо сами погибли во время последней бури. Правда, провидение не совсем оставило нас своими милостями, послав нам преданных и великодушных друзей. Два раза в день, ранним утром и поздним вечером, старик Оклер или какая-нибудь из его прелестных «девочек» с опасностью для собственной жизни пробирались по ужасной тропинке к нашей воздушной темнице, принося нам воду, хлеб, мясо, фрукты и новости, которых мы ожидали едва ли не с большим нетерпением, чем пищи. Таким образом, мы знали все, что делалось на острове и даже в доме мисс Руфи. Увы, знали и то, что нигде не было даже следа нашего судна и, значит, не было возможности покинуть ужасный остров.

На седьмой день утром мы тщетно ждали появления

кого-либо из наших милых хозяев. Солнце поднялось из-за моря. Обычный час посещения давно прошел, а мы все еще ждали, все еще надеялись. Прошел и полдень, солнце начало опускаться, и надежда превратилась в отчаяние. Наверное, никто уже не придет к нам сегодня.

Каждый из товарищей, очевидно, ломал себе голову, подыскивая объяснение печальным фактам. Долли Вендт решился заговорить первым:

— Вчера ночью была моя очередь дежурить. Сменив Баркера в десять часов вечера, я часа полтора не видел и не слышал ничего особенного, признаться, слегка задремал от скуки, как вдруг до меня донесся колокольный звон. Сначала я подумал, что ошибся... Море страшно шумело, разбиваясь о камни, и ветер выл и свистел на этой высоте так сильно, что ничего ясно разобрать нельзя было. Однако скоро звон колокола повторился... Этот необычайный звук так сильно заинтересовал меня, что я решился дойти до «орлиного гнезда», откуда видна большая часть острова. Зная, что никакая опасность не грозит нам в нашем каменном ящике, я не счел нужным будить кого-либо из вас, отлучаясь на какой-нибудь час, и пробрался потихоньку до расщелины, а оттуда на тропинку, ведущую к убежищу старого француза. Благодаря лунному свету, я довольно легко нашел дорогу к его пещере, и тот же лунный свет позволил мне рассмотреть все подробности красивого берегового пейзажа. Не успел я полюбоваться чудной картиной, как услышал в третий раз, и на этот раз совершенно явственно, тот же колокольный звон. В то же время началось какое-то необычайное движение вокруг белых домиков, принадлежащих, очевидно, европейским обитателям острова. Казалось, что все население внезапно проснулось, разбуженное звуком колокола. Многочисленные факелы двигались в разных местах, поспешно собираясь в группы, которые быстро удалялись все по одному и тому же направлению: на север, в сторону того мыса со скалистой оконечностью, с которого падал луч света фальшивого маяка в ночь гибели несчастного судна. Я ясно видел лодки, снующие около берега и направляющиеся к той же скале, и многочисленные человеческие фигуры на гребне северного горного кряжа. Вся вершина длинной скалы, далеко вдающейся в море, была покрыта этими темны-

ми фигурами, которые как-то совершенно внезапно исчезли, дойдя до одного места, точно сквозь землю провалились, именно в то мгновение, когда набежавшее облако закрыло полную луну. В эти короткие мгновения человек не мог уйти далеко, да и скрыться на голой и гладкой скале большому количеству людей было физически невозможно. А между тем, когда луна выплыла из-за облака — я едва успел бы просчитать до двадцати за это время, — вершина скалы была совершенно пуста. И что всего страннее, капитан, в продолжение этих коротких минут темноты мне показалось — да ведь так ясно показалось, что я сам себя ущипнул за руку, чтобы увериться в том, что не сплю, — мне показалось, что громадное пространство около северного мыса ярко осветилось, не тем фосфорическим блеском, который знаком каждому моряку, а каким-то особенным — ярко-золотым светом, ну точь-в-точь, как светится вода в Лондонском аквариуме, когда на дне бассейна зажгут большой электрический фонарь. Только море осветилось на очень большом пространстве, на котором ясно видно было, как переливались зеленые волны и блестела белая пена на их гребнях. Все это показалось мне так необыкновенно, что я до сих пор не решался рассказать вам о своем видении, боясь, чтобы товарищи не сказали, что я принял сон за действительность!.. Но если до вечера никто не придет к нам, капитан, то, быть может, мое открытие и пригодится на что-нибудь. Я сведу вас на то место, откуда видел освещенную часть моря, и вы сами проверите, ошибался ли я!

Как ни невероятен был рассказ Долли Вендта, но товарищи слушали его с полным доверием. Моряки недаром суевернейшие создания на свете. Все чудесное привлекает их и кажется им вполне возможным. Что касается меня, то, выслушай я подобный рассказ три недели тому назад, я бы, конечно, рассмеялся и спросил бы Долли, с которых пор он прогуливается во сне. Но теперь... теперь у меня в кармане лежала тетрадь, объясняющая мне не только невероятное видение нашего молодого товарища, но и многое другое, еще более невероятное. Прочтя дневник мисс Руфи во время нашего шестидневного невольного затворничества, я понял многое и уже не считал себя вправе скрывать страшную истину от верных друзей, добровольно разделивших со мной опасности экспедиции, предпринятой для спасе-

ния женщины, написавшей эти строки, — строки, наполнившие ужасом мое сердце за нее еще больше, чем за нас.

— Друзья мои, — заговорил я решительно, — Долли Вендт рассказывает нам странные вещи, но, как ни невероятны они на первый взгляд, не надо считать их противоестественными. В природе все еще осталось много неисследованного, несмотря на все усилия ученых изучить и объяснить тайны земли и неба. Кеннский остров одна из таких еще не разгаданных загадок природы. Когда старый француз говорил нам о солнечных месяцах и о сонном времени, мы предполагали, что он не умеет выразить своей мысли, и только смеялись над его рассказами... А между тем он был прав. Неделию тому назад я получил от мисс Руфи вот эту тетрадку. Это дневник ее пребывания на острове, здесь я нашел объяснение всего, что мне казалось до сих пор непонятным. Если хотите, я сообщу вам все то, что может интересовать вас, друзья мои!

Я вынул драгоценную тетрадку из кармана и начал задумчиво перелистывать ее страницы. Увы, это были первые строки, написанные рукой дорогой женщины, попавшие в мое владение, и как ни печально было содержание этих строк, все же они мне были безгранично милы и дороги. Развернув заветную тетрадь, которую я уже успел не раз перечитать во время бесконечных дней, проведенных нами на этой бесплодной высоте, я в коротких словах объяснил моим товарищам причину возникновения этих записок.

— Десять месяцев тому назад мисс Руфь, или, вернее, мистрис Кчерни, высадилась на этот ужасный берег в сопровождении своего мужа. Что произошло между супругами в первые три месяца после свадьбы, где и как провели они это время, мне неизвестно. Мисс Руфь не принадлежит к числу тех женщин, которые вечно жалуются на свою судьбу и поверяют печальные тайны своего несчастного супружества всем и каждому. Я знаю только то, что она несчастна, несчастна, как только может быть несчастна честная девушка, отдавшая свою руку негодяю. В этом дневнике молодая женщина не жалуется, она только объясняет, каким образом ужасные тайны этого берега дошли до ее сведения, навеки убив ее счастье и спокойствие. Причины ее несчастья можно объяснить в двух словах, назвав род заня-

тий мистера Кчерни. Знаете ли, друзья мои, почему этот венгерский граф избрал своим местопребыванием далекий и пустынный остров? Потому, что он собирает здесь обильную дань не с диких жителей острова, не с его тучных нив и роскошных лесов, а с кораблей, обманутых предательскими сигналами и разбивающихся среди подводных скал, окружающих этот ужасный берег!

Не забудьте, друзья мои, что эта тетрадка отдает в наши руки венгерского разбойника. С Божьей помощью мы выберемся когда-нибудь из его разбойничьего гнезда и достигнем берегов, на которых признаются общечеловеческие законы. Там доведем мы до сведения правосудия любой цивилизованной страны ужасы, совершаемые здесь целой шайкой негодяев, повинующихся самозваному губернатору. Тогда припомните и подтвердите присягой все, что мы здесь видели и слышали, и нашего показания будет достаточно для того, чтобы довести до заслуженной виселицы красавца скрипача и его сообщников. Теперь же, товарищи, забудем о нем на время и подумаем о самой важной и самой близкой опасности, угрожающей нам. Увы, друзья мои, я должен сказать вам, что все, что старый француз говорил о смертельном сонном времени, истинная правда!

Да, друзья мои, Руфь Белленден верит в существование сонного времени, а раз она в него верит, то и нам не приходится больше сомневаться!

Я открыл тетрадку, нашел одну из давно намеченных страниц и начал читать, выбрасывая некоторые, слишком интимные или неинтересные для посторонних, места из дневника мисс Руфи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Дневник мистрис Кчерни

«14 августа, через три недели после моего прибытия сюда, я проснулась, разбуженная еще никогда не слышанным звуком большого колокола. Не успела я еще отдать себе отчет в том, откуда доносились эти странные звуки, напоминающие жалобный стон набата, как в мою спальню, запыхавшись, вбежала доверенная эко-

номка, заведовавшая хозяйством в доме мистера Кчерни до его свадьбы и называемая всеми, начиная с него самого, бабушкой Маргаритой. Дрожащим от волнения голосом старуха просила меня торопиться и сама помогала мне одеваться, не давая мне ни докончить прически, ни выбрать подходящее платье. Я была еще не совсем готова, как в спальню вошел мистер Кчерни и так же торопливо, хотя все же улыбаясь, пригласил меня немедленно перейти на яхту. Признаюсь, я была несколько удивлена крайней поспешностью этого неожиданного переселения, и удивление мое еще усилилось, когда я увидела все население острова, за исключением немногих местных уроженцев малайского племени, усаживающимся на лодки и направляющимся к северному мысу, около которого на якоре стояла и наша яхта. Эдмунд объяснил мне, что на нашем прелестном острове наступает опасный сезон, во время которого ни один европеец не может безнаказанно оставаться на берегу, и что этот сезон продолжается от одной недели до месяца».

Здесь я перевернул несколько листков и прибавил несколько объяснительных слов.

— Как видите, друзья, четырнадцатого августа мисс Руфь еще не знала истины о характере своего мужа и об его образе жизни на острове. Несколькими неделями позже она пишет уже гораздо ясней.— Найдя нужную страницу, я продолжал читать:

«21 сентября с удивлением узнаю о существовании необыкновенного «подводного замка», в котором спасаются обитатели во время опасного сезона. В этом замке останусь и я на время отсутствия моего мужа, собирающегося на днях в Сан-Франциско или Японию... не знаю наверно, так как он не сообщил мне подробностей о предполагаемом путешествии.

На мою просьбу сопровождать его я получила отказ. Муж объясняет его необходимостью проводить все время в скучнейших деловых разговорах и спешных переездах, при которых общество дамы может быть только стеснительным. Он обещает мне, что отсутствие его продолжится очень недолго и что он постарается возвратиться не позже как через четыре или пять недель. Не стану спорить и настаивать, зная, как мужчины дорожат своей свободой и как боятся они так называемой «тирании» молодых жен.

13 ноября. Мистер Кчерни опять собирается убежать, на этот раз в Лондон, хотя он вернулся всего несколько дней назад из Сан-Франциско. Опять просила я его взять меня с собою. Мне так хочется повидаться с братом, но опять получила отказ. На этот раз мне было отказано в таких выражениях, которых мужьяджентльмены должны были бы избегать в разговоре со своими женами. На мой вопрос о причинах отказа мистер Кчерни коротко ответил: «Я не привык давать отчет в своих поступках кому бы то ни было!» Подобные ответы никогда не изглаживаются из сердца женщины, оскорбленной в своих священнейших чувствах.

12 декабря. О Боже, помоги мне. Я знаю! И он знает, что его тайна мне известна. Но не все ли ему равно? Кому могу я доверить страшную истину? Разве волнам океана или ветрам, проносящимся над этим ужасным берегом... тучам, летящим на запад, к далекой, дорогой родине. Никто другой не может услышать меня в этой пустыне. О Боже, помоги мне, несчастной!.. Дай мне силы забыть или, по крайней мере, вспоминать о страшной тайне без чувства ужаса, наполнившего мою душу мучительным гнетом.

25 декабря. Вчера был канун Рождества. Величайший праздник моей дорогой родины. Там все радуются, все молятся. Все семьи в сборе. Я же здесь одна, одна в своей подводной тюрьме. С тоской вспоминаю я о том, что было год тому назад. Только год назад, а сколько перемен, сколько разочарований, сколько горя! Но к чему сравнивать светлое прошлое с ужасным настоящим? К чему вспоминать невозвратное? Сердитые волны бьются об окна моей тюрьмы. Их однообразный плеск наполняет бесконечной тоской мою больную душу. Мне кажется, что сердитое море шепчет вечно одну и ту же фразу: «Никогда, никогда больше». Ночью, во время отлива, я открыла верхнее окно, с громким рыданием взывая о помощи. К кому? Кто услышит мои рыдания?.. Кто поможет моему горю? Я больше ни на что не надеюсь, ни на что, кроме милосердного Отца небесного!

1 января. Мистер Кчерни вернулся из своего путешествия. Он ездил в Европу «по моим делам». Каким? Мне становится страшно. Иногда мне кажется, что он уверил брата в моей смерти. Недаром же он вытребовал от меня полную доверенность. Воспоминание об

ужасной сцене, после которой я должна была подписать нужные бумаги, не выходит у меня ни из головы, ни из сердца!

8 января. Вот уже восьмая неделя, как продолжается сонное время. Из разговоров старожилов я узнала некоторые подробности об этом удивительном явлении природы. По их рассказам, в это время остров окутывается, как туманом, какими-то особенными ядовитыми испарениями, смертельными для всякого, кроме немногих туземцев малайского племени. Одни объясняют эти испарения разложением каких-то особенных растений, встречающихся только в здешних лесах, другие считают ядовитый туман естественным последствием скопления болотных газов после сильных дождей. Достоверно известна только безусловная ядовитость этих газов или испарений. В продолжение опасного времени все живущие на острове погружаются в смертельный сон, следствие отравы ядовитыми газами. Отсюда и название «сонного», под которым этот остров известен японцам. Ядовитый туман так же внезапно исчезает, как и появляется. Особый колокол извещает жителей о наступлении опасности и сзывает их к берегу, откуда лодки перевозят их в подводный замок.

15 января. Мы возвращаемся на остров. Слава Богу!.. Береговая тюрьма все же обширнее подводной! Как жалки и мелочны женщины! Тетушка Рэчель в полном восторге от роскошной обстановки, найденной нами в этой пустыне. Она не перестает восхищаться моим мужем, называя подводный дом «романической прихотью истинно артистической души». Даже отказы мистера Кчерни взять меня с собою в Европу она извиняет, находя для него десятки оправданий. «Здесь, по крайней мере, ты не растратишь своего состояния!» — вот ее главный аргумент. Неужели деньги самое важное в жизни? С каким наслаждением отдала бы я все свое богатство за взаимную любовь, за тихое семейное счастье! Увы, увы! Все это для меня недоступно. Боже, дай мне терпение!

2 февраля. Сегодня муж мой пришел ко мне «объясняться» по поводу «наших недоразумений». Передаю его выражения буквально. Он был так ласков, так нежен. Я вспомнила незабвенные дни Ливорно. О, если бы он только захотел, как мы могли бы быть счастли-

вы! Как прекрасна могла бы быть наша жизнь, если бы он захотел *тогда*. *Теперь слишком поздно!* Я уже не могу ему верить после всего, что узнала. Невольно подыскиваю я причину для неожиданного возвращения его нежности. Уж не боится ли он, что я выдам то, что знаю, что поняла? Но если он боится, то, значит, и моя жизнь в опасности. Что ж, этого надо было ожидать. Да будет воля Господня. Быстрая смерть легче иной жизни.

9 февраля. Я опять живу на берегу. Солнце светит так ярко. Природа так прекрасна! А у меня на сердце тяжело и мрачно, как в глухую зимнюю ночь. О, что я вынесла за эти последние дни! Любовь мистера Кчерни ужаснее его ненависти. И теперь только мы вполне поняли друг друга. Чем кончится наше последнее объяснение?

21 февраля. Письмо, брошенное мною в море, осталось без ответа. Смешно было надеяться! Как мало было шансов для того, чтобы эта бутылка попала в руки человека, способного поспешить на помощь несчастной женщине. Вернее всего, она разбилась о подводные скалы или занесена течением в недосигаемую глубь океана. Теперь у меня осталась только одна надежда. Последняя. На него, на Джаспера!..

3 марта. День и ночь спрашиваю я себя, как встретимся мы с капитаном «Мангатана», если он сдержит свое слово и придет сюда? В нем я не сомневаюсь. Джаспер Бэгг не забудет своего обещания. Он придет. Но сможет ли он помочь мне? Возможна ли какая бы то ни была помощь в моем положении? Я чувствую, что его приезд только растравит рану моего сердца напоминанием незабвенного прошлого, когда я была счастлива и свободна. Если так, то ведь я должна была бы желать, чтобы он не приехал, а между тем мое бедное измученное сердце жаждет увидеть дорогое, честное лицо верного друга. *Я должна желать его отсутствия!* А тем не менее невольно повторяю день и ночь: приезжай! Я жду тебя! Жду! О, как жду я тебя, мой единственный верный друг!

4 апреля. Опять ужасное сонное время! Какое-то несчастное судно разбилось о подводные камни. Команда спаслась в лодках, не подозревая о новой опасности. Бедные моряки высадились вблизи северного мыса, так что я могла видеть их из окна подводного замка. И

я видела! Я видела все подробности их бесконечной агонии. Один за другим падали они на берегу, освещенные ярким светом луны, и засыпали, засыпали навеки! Я уткнулась головой в подушки, чтобы не глядеть на коченеющие трупы, но они преследовали меня всю ночь, мешая мне спать, мешая молиться!

3 мая. Еще раз кинула я письмо в море. О, детская наивность неумирающей надежды! Но я так одинока! Мне не с кем поделиться своим горем, не у кого попросить совета, помощи... О Боже, ты один слышишь мои стоны, видишь мое отчаяние. Боже милосердный, помоги несчастной».

Я замолчал, задыхаясь от волнения, и вопросительно взглянул на своих товарищей. Питер Блэй совсем забыл о своей потухшей трубке. Долли Вендт украдкой отирал глаза, а круглые щеки Баркера лоснились от крупных слез, которых он даже и не замечал, увлеченный слушанием рассказа, бывшего, в сущности, как бы историей нашей собственной печальной будущности.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Свет под водой

День выдался особенно жаркий. Солнце невыносимо пекло, как и подобает тропическому солнцу. Отражение его лучей в ярко-голубых волнах утомляло наши глаза до того, что мы, чуть не в первый раз за эту неделю, укрылись в тени небольшой пещеры, в самом дальнем углу нашей воздушной темницы. Кое-как разместившись в этом узком пространстве, мы все же не находили покоя. Поминутно кто-либо из нас подползал к самому краю обрыва, чтобы окинуть испытующим взглядом голубую безбрежность Тихого океана или же поглядеть вниз, на скалистую тропинку, ведущую к «гнезду» старого француза. Но увы, нигде не виднелся белый парус или темный столб дыма из трубы приближающегося парохода, нигде не мелькала седая грива Оклера или развевающиеся темные локоны одной из прелестных сестер. Изредка только обменивались мы несколькими словами, все об одном и том же. Что задержало наших друзей? Почему мистер Джекоб не возвращался? Что могло приключиться с нашим судном?

Никто из нас, понятно, не мог подыскать удовлетворительного ответа на эти три вечно повторяющиеся вопроса, и потому разговор каждый раз быстро обрывался. Грозный признак неминуемой гибели леденил наши сердца, как ни старались мы скрывать друг от друга свою заботу.

В конце концов Питер не выдержал и начал посылать ко всем чертям треклятого губернатора, заманившего честных христиан в свою мерзкую ловушку.

Наконец решено было дожидаться вечера и затем спуститься в долину для разведок и розыска пропитания...

Томительно долго тянулся бесконечный жаркий день. Около пяти часов пополудни Долли Вендт заметил на горизонте легкий черный дымок, могущий быть признаком приближающегося парохода, но через час темная линия дыма исчезла на горизонте и снова потянулись однообразные минуты, из которых каждая казалась нам целым часом. Наконец, солнце стало клониться к западу. Последние багровые лучи его облили пурпурным светом вершины противоположных скал и затем начали быстро гаснуть. Мы все сразу вскочили на ноги, движимые одним и тем же желанием поскорее узнать решение нашей участи.

После короткой, но горячей молитвы мы двинулись вниз по головоломной тропинке к «гнезду» старого француза. Никогда партия туристов, любителей опасных горных экспедиций, не карабкалась так храбро, как четверо моряков, подстрекаемых самым могущественным из человеческих инстинктов — чувством голода. Самые опасные места казались нам пустяками. Точно на крыльях, несло нас желание поскорее добраться до места, где ожидало освобождение или смерть, то есть, в сущности, тоже свобода, но уже окончательная.

Добравшись до «орлиного гнезда», мы осторожно спустились по оставленной лестнице, предварительно убедившись, что никто не подстерегал нашего приближения. К сожалению, в пещере не нашлось ничего, кроме большой кадки со свежей водой. С невыразимым наслаждением утолили мы жажду, от которой нам приходилось страдать чуть ли не больше, чем от голода, и вымыли разгоревшиеся лица и руки. Освеженные, с новой силой двинулись мы в путь, не без труда ориентируясь между беспорядочно нагроможденными скала-

ми. Вспоминая впоследствии это путешествие, я всегда удивлялся его благополучному окончанию. Спокойные люди вряд ли нашли бы дорогу среди лабиринта скал и пропастей, мы же скользили, точно тени, каким-то чудом избегая опасных мест и двигаясь так быстро, как будто перед нами лежала удобная шоссейная дорога. Видно, голод и любопытство такие чувства, которые побеждают всякие препятствия.

Спустившись до вершины первых покрытых зеленью холмов, возвышающихся примерно на восемьсот — девятьсот футов над общим уровнем долины, мы остановились и с любопытством начали вглядываться в развернувшуюся перед нами картину низменности. Хотя солнце уже закатилось, но последние отблески сумерек позволяли нам еще довольно ясно различать предметы.

Первое, что поразило нас, это полное отсутствие какого бы то ни было тумана. Воздух над лесом и лугами был чист и прозрачен, и взгляд беспрепятственно уходил в далекую глубину перспективы. Правда, воздух имел какой-то странный, зеленоватый оттенок. Казалось, что смотришь вдаль сквозь слабо окрашенное зеленое стекло. Над наиболее низкими частями долины этот зеленый оттенок сгущался настолько, что превращался как бы в сеть тонких, колеблющихся теней, вполне прозрачных, но постоянно меняющих оттенки. Но все это так мало походило на туман, что мы начали считать рассказы старого француза, как и дневник мисс Руфь, простой ошибкой. Быть может, «губернатор» умышленно пугал мисс Руфь и других жителей острова, чтобы удерживать их в своей полной зависимости. Отсутствие тумана почти совершенно успокоило нас, тем более что никакого зловония до нас не долетало, хотя мы находились почти на одной высоте с крайними деревьями леса. Правда, у меня в ушах как-то странно звенело и мысли слегка путались. Но это было очевидным следствием усталости после быстрого спуска с гор, а может быть, и после насильственного поста последних полутора суток. По крайней мере, мои товарищи объясняли подобным образом свои ощущения.

— Ну, что, капитан? — воскликнул Питер Блэй, улыбаясь во весь рот. — Говорил я вам, что вся эта туманная история сущие пустяки! Никакого тумана и в заводе нет! Стоило пугаться, нечего сказать. Хорошо

еще, что мы вовремя спохватились, капитан. Авось, Бог даст, проберемся благополучно к одной из хижин и найдем добрую душу, не принадлежащую к шайке губернаторских разбойников, которая уступит нам хорошенького козленка или пару куриц за приличное вознаграждение, а не уступит — что ж, делать нечего, и так возьмем. Наше дело военное! Да и голодный желудок церемониться не станет!

Пока Питер громко мечтал о будущем ужине, Долли Вендт пытливо вглядывался своими молодыми глазами в подробности красивой картины, расстилающейся у наших ног, и голос его зазвучал довольно неуверенно, когда он обратил мое внимание на гробовое молчание, окружающее нас.

— Посмотрите, капитан, нигде не слышно ни звука, не видно души человеческой. Ни в одном из домиков не блестит огонь, ни откуда не доносится стук топора, или пение пастуха, или выстрел охотника. Точно весь остров внезапно вымер. Куда же могли деваться все его довольно многочисленные обитатели?

Я не успел еще собраться с мыслями и придумать какое-либо объяснение действительно странного отсутствия жителей, как Сет Баркер закричал во все горло, не будучи в силах удержать выражение своего удивления:

— Смотрите, капитан! Ведь правду говорил мистер Вендт. Поглядите туда, к северу, видите огонь под водой? Ей-Богу же, море горит, точно освещенное снизу электричеством!

Питер Блэй даже присел от изумления.

— Вот так история, капитан! Вот уж ни за что бы не поверил, если бы не видал собственными глазами. Огонь под водой! Слышанное ли дело? Ведь это чудо, капитан!

Зрелище было, действительно, до того поразительное и невероятное, что возглас почтенного ирландца казался естественным. Вся оконечность далеко вдавшегося в море северного мыса была окружена ярко светящейся полосой воды. Не только пенящаяся линия прибрежных бурунов, но и более отдаленная часть спокойного моря казалась огненной тканью, поминутно меняющей оттенки, переливаясь от ярко-золотистого до изумрудно-зеленого цвета. На этом сверкающем фоне высокие волны разбивались миллионами сверкающих

бриллиантов, то медленно вздымаясь сплошной массой темно-зеленого огня, то быстро разбегаясь тысячью лент, как бы сотканных из расплавленного серебра. Несмотря на довольно значительное расстояние, отделяющее нас от ярко освещенной водной поверхности, мы довольно ясно могли разглядеть очертания человеческих фигур под водой! Они двигались на неведомой глубине, то ясно вырисовываясь темными контурами на сверкающем фоне воды, то скрываясь под набегаящими волнами, кажущимися массой расплавленных изумрудов. Поразительное зрелище было так прекрасно, что заставило нас забыть все на свете, даже то, что мы были предупреждены дневником мисс Руфи о существовании этого подводного света.

Увы, воспоминание об этом дневнике напомнило мне в ту же минуту и другое его предупреждение: о смертельной опасности, грозящей каждому европейцу, остающемуся на острове во время сонного сезона. В его существовании я уже не сомневался больше, получив доказательство справедливости рассказа мисс Руфи о подводном замке. Если это удивительное жилище оказалось не сказкой, то и существование ядовитых газов не могло быть отрицаемо. Почти незаметные зеленоватые пары были ядовиты. В этом нельзя уже было сомневаться, взглядевшись в лица моих товарищей. С широко раскрытыми глазами, с пылающими лицами глазели они на ярко освещенное море, перебрасываясь замечаниями, сопровождаемыми громким смехом, неестественность которого сразу поразила меня. Долли Вендт заливался хохотом, как ребенок, чуть не подпрыгивая на месте.

Желая привлечь внимание товарищей, я заговорил о том, что должно было интересовать нас еще больше, чем необычайное зрелище освещенного моря и прогуливающихся под водой людей:

— А не пора ли нам подумать об ужине, Питер? Вы, кажется, совсем забыли, что мы не только не обедали, но даже и не завтракали сегодня!

Старый товарищ провел рукой по своему влажному лбу, точно просыпаясь от сна.

— И в самом деле, я и забыл о голоде, капитан! — проговорил он умиленным голосом.

— Да и как не забыть всего на свете, видя подобное

зрелище! — перебил Долли с громким смехом. — Мне даже есть расхотелось, капитан!

С беспокойством поглядел я на разгоревшееся лицо юноши, на его как-то странно мигающие глаза и предложил поскорей спуститься вниз, чтобы попытаться добраться до жилища мисс Руфи, где мы могли скорей всего найти помощь и сочувствие.

Мы довольно скоро нашли уже знакомую нам тропинку через лес, у опушки которого находился бамбуковый дом мистера Кчерни. Темнота сумерек, позволившая нам любоваться волшебным зрелищем подводного света, уступила место блестящему лунному освещению. Никогда не видал я ничего подобного прелести этого бледного света, лежащегося необыкновенно нежными лиловыми тенями на ярко-зеленые ковры лугов и на темно-малахитовую листву спящего леса. Никакой художник не смог бы передать таинственное очарование тишины, в волшебном соединении голубых лучей месяца с зеленоватым паром, как бы витающим в воздухе. Что-то непонятное происходило у меня в душе. Меня манила эта ласкающая природа, мне бы хотелось никогда не расставаться с этим мягким светом, хотелось забыться под этими благоухающими кустами, забыться и заснуть... заснуть среди этих роскошных зеленых лугов. Какие чудные грезы должны сниться под этим синим небом! Какие видения должны витать под сенью этих обвитых розами пальм! Мы все молчали, быть может опасаясь высказать свои ощущения, быть может сами не сознавая их.

Внезапно громкий голос Питера прозвучал болезненным диссонансом среди торжественной тишины волшебной ночи.

— Капитан! Друзья, постойте!.. Глядите-ка в эту сторону!.. Что это: живые люди или трупы? — проговорил он останавливаясь, каким-то странным, точно надтреснутым голосом.

Я остановился при этих словах, и все остановились вслед за мною. Справа от нас высокие кусты махрового жасмина и каких-то незнакомых розовых цветов образовали род полуоткрытой беседки. Зеленый газон мягким бархатным ковром покрывал землю. Яркий лунный свет широкой струей врывался в промежуток между ветвями и заливал небольшую поляну тихо колышавшейся сетью ярко-лиловых лучей. Он осветил

бледные лица моих товарищей, странно горящими глазами глядящих на человеческие фигуры, раскинувшиеся в тени цветущих кустов. Головы лежащих мужчин можно было прекрасно разглядеть при таинственном освещении лунных лучей. Один из них был уже мертв. Его стройная фигура лежала, спокойно вытянувшись, и только синеватая бледность красивого лица да стеклянный блеск черных глаз говорили о смерти. Другие два еще дышали. Все трое были одинаково одеты в морские куртки, и все трое казались уроженцами юга. Лежащий ближе к нам глядел широко открытыми глазами перед собой, в каком-то экстазе упоения любуясь невидимым волшебным видением. Другой, видимо, уже находился в агонии и, запустив руку в густые черные волосы, шептал прерывающимся голосом непонятные мне испанские слова. Помочь мы ничем не могли. Нам в пору было думать о собственном спасении, если оно было еще возможно. С тяжелым вздохом отвернулся я от бедных умирающих.

— Помилуй, Господи, неизвестных товарищей. Мы не можем им помочь, друзья мои, и не должны терять времени в бесплодных сетованиях. Эти несчастные лучшее доказательство того, что мисс Руфь права... Нам грозит смертельная опасность. Поспешим к берегу! Быть может, нам еще удастся уйти в море!

Питер Блэй быстро зашагал по дороге, бормоча что-то непонятное. Никто не обращал внимания на его несвязные речи, в которых молитвы и проклятия смешивались с восторженными восклицаниями и с описаниями различных лакомых блюд.

Долли Вендт заметно шатался, так что мне пришлось поддерживать бедного мальчика, совершенно обессиленного и только изредка улыбающегося бессмысленной и болезненной улыбкой. Сет Баркер казался менее чувствительным к влиянию ядовитого газа. Он грузно шагал передо мной, ломая все на своем пути, точно буйвол среди тростника, изредка только запевая какую-то дикую шотландскую песню. Что касается меня, то я еще не чувствовал себя вполне обезумевшим и довольно ясно сознавал все окружающее. Только голова у меня кружилась да болезненное желание спокойствия, отдыха и забвения все более овладевало мной.

Долго ли мы шли среди леса и каким образом очутились в саду, окружающем жилище мисс Руфи, я ни-

когда не мог объяснить себе... Только здесь, в саду, полное сознание на минуту вернулось ко мне при виде группы спящих девушек. Казалось, они принадлежали к какому-то желтому племени, но при фантастическом лунном освещении, в прозрачных белых одеждах, с цветами на роскошных распущенных волосах, они показались мне прекрасными, как феи. Спали ли они или были мертвы? Решить это мы уже были не в состоянии. Но даже если их сон был смертельным, то все же он казался легок и спокоен. Ни малейшего следа страдания не видно было на их нежных личиках, а их чуть побледневшие губы улыбались детски счастливой улыбкой. Смутно помню, что это обстоятельство послужило мне утешением.

— Наша агония не будет мучительна! — произнес я вслух и сам удивился звуку своего голоса, а еще более тому, что громко произнес фразу, о которой не хотел бы даже думать, не только что выговорить.

— Смотри, Долли, какая прелестная группа девушек. Пять красавиц для четырех моряков. Какова удача! — заорал Питер, держась рукой за пальму.

Долли попробовал что-то сказать, но только молча шевелил губами... Я понял, что бедный мальчик уже не стоит на ногах, и обхватил его за талию.

— Не робей, дитя мое! Мы у пристани! Сейчас сядем в лодку и поедем обратно! Там нас ждет Руфь Белленден!

Юноша попробовал сделать несколько шагов, но ноги под ним подломились, и он упал на колени.

— Бросьте меня, капитан, — пробормотал он. — Торопитесь в лодку. «Южный Крест» ждет вас! А я хочу заснуть. Иначе я опоздаю к матушке на Пасху!.. Не держите меня, капитан! Я спешу на свадьбу сестры!

Но я упорно держал его под руку. Последний проблеск угасающего рассудка подсказывал мне необходимость укрыться куда-нибудь от влияния ядовитого воздуха.

— Идем, дитя мое, — говорил я, сознавая, что язык уже не вполне повинуется мне. — Идем в дом мисс Руфи. Она так прекрасна и добра. Она даст тебе жареную курицу с рисом, и твоя матушка не скажет, что я не уберег ее мальчика!

Он уже не отвечал, очевидно потеряв сознание. Пи-

тер свалился на ступени террасы, и только Баркер еще боролся с отравой, дико размахивая своей дубинкой.

— Выломай дверь, Баркер!—крикнул я отчаянно.— Каждая минута может стоять нам жизни!

Баркер налег плечом на дверь. Она широко распахнулась, и я вошел, вернее, ввалился в темный коридор, увлекая с собой совершенно бесчувственного Долли и громко крикнув Баркеру приказание помочь войти полубесчувственному Питеру. Я смутно сознавал, что никого не найду в доме, сознавал и то, что отравленный воздух не пощадит нас и в комнатах, но все это как-то исчезло в моей памяти, утонув в инстинктивном животном стремлении укрыться где-нибудь хоть на минуту.

— Двери!.. Двери! Тащи мистера Блэя и запирай двери, Баркер!—крикнул я с последним проблеском сознания.— Не давай ядовитому туману войти вместе с нами! Слышишь, Баркер?

— Затворите двери, если вам дорога жизнь!—крикнул сзади меня другой, незнакомый мне голос.

В то же время луч света прорезал темноту, и тот же незнакомый голос дружески, но убедительно повторил свое приказание:

— Ради Бога, не оставляйте дверей открытыми, иначе мы все погибнем!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Танец смерти

Никакие слова не в силах передать моего удивления при виде человека, осмелившегося остаться на острове, несмотря на несомненную опасность сонного времени. Кто был этот неожиданный обитатель жилища мисс Руфи? Сообщник ли губернатора или такая же жертва, как и мы все? Могли ли мы довериться ему, или не лучше ли было бы нам оставаться умирать в саду, где, по крайней мере, нам нечего было бояться долгих мучений? Все эти вопросы вихрем пронеслись в моей больной голове в короткие мгновения, пока Сет Баркер втаскивал обессиленного Питера в освещенный коридор и заботливо затворял наружные двери. Но

таинственный незнакомец прервал мои колебания несколькими дружелюбными словами.

— Входите скорее, господа! — быстро проговорил он, открывая дверь из коридора в комнату, которую я не видел во время моего посещения мисс Руфи. — Входите, не теряя времени. Я вижу, вы прогуливались, пока здешний милый воздух не обессилил вас в достаточной степени, но, благодаря Богу, вы еще вовремя добрались до спасительного порта!

Он первый вошел в ярко освещенную комнату, помогая мне нести бесчувственного Долли. Мое недоверие как-то сразу исчезло. Ласковый голос незнакомца, его симпатичное, умное и открытое лицо и более всего — какое-то непреодолимое внутреннее чувство убедило меня в том, что провидение во второй раз чудесно спасло нас, послав нам в последнюю отчаянную минуту помощь преданного друга. С любопытством оглядел я небольшую, но прекрасно убранную комнату с плотно занавешенными окнами и дверями. Добрую треть ее занимали какие-то странные машины, напоминающие отчасти гидравлические аппараты...

Длинные стеклянные цилиндры, соединенные резиновыми трубками, проведены были по стенам и по потолку. На небольшом очаге горел яркий газовый огонь, распространяя не теплоту, как бы следовало ожидать, а какую-то особенную свежесть, показавшуюся моему наболевшему мозгу райским блаженством. С чувством невыразимой признательности протянул я руку нашему неизвестному спасителю.

— Мы не верили в ядовитость здешнего воздуха и неосторожно спустились с гор в лесную долину! — проговорил я слабым голосом. — Почувствовав отраву, мы инстинктивно искали спасения под кровлей этого дома. К несчастью, этот бедный мальчик оказался чувствительней нас всех. Если вы знаете причину и свойство его болезни, в чем я не сомневаюсь после ваших слов, то помогите ему ради Бога, если это еще возможно. Докончите спасение, начатое вами!

Незнакомец внимательно оглядел неподвижного юношу, с закрытыми глазами лежащего на софе, затем взор его скользнул по осунувшемуся лицу Питера, бесильно опустившегося на первый попавшийся стул, и по ярко-красной роже великана-шотландца Баркера, оказавшегося пострадавшим менее всех нас, хотя и

в его глазах виднелся тот мутный блеск, который замечается в безумных взглядах горячечных больных. Улыбка удовольствия скользнула по тонким губам нашего гостеприимного хозяина, и он проговорил успокоительным тоном:

— Юноша придет в себя через четверть часа, вы же, остальные, и того раньше. Минут через пять вы все будете здоровее прежнего. Благодарите Бога, доведшего вас благополучно до этой комнаты. Здесь вы в безопасности пока. Как видите, я заранее принял нужные предосторожности, закупорив двери и окна. При помощи вот этих машин, изобретенных мною, воздуха здесь хватит на всех нас. Правда, я не рассчитывал на такое значительное прибавление потребителей кислорода, но все же рад неожиданным гостям. Нас пятеро, значит, воздуха хватит на три дня. А потом... Ну, да потом увидим! — закончил доктор с добродушной улыбкой, очевидно не сознавая даже своего великодушного героизма.

Я же не находил слов для выражения своей благодарности и своего удивления. Откуда взялся этот ученый? Цель его пребывания в этом доме была очевидна: он остался на берегу для того, чтобы исследовать ядовитые газы сонного времени и, быть может, найти для них противоядие, но каким образом допустил мистер Кчерни этого, несомненно, порядочного и дальновидного человека поселиться в своем доме? Этого я не мог себе объяснить в том состоянии нервного возбуждения, которое все еще наполняло меня лихорадочным беспокойством, очевидным последствием отравления. Товарищи мои молчали, понемногу приходя в себя. Долли Вендт открыл глаза и слегка шевельнулся. Доктор — я не ошибся, считая нашего спасителя ученым-врачом, — доктор поспешил придвинуть к юноше одну из стеклянных банок, из воронкообразного горлышка которой вылетала непрерывная струя свежего, живительного воздуха. Затем он слегка уменьшил огонь газового очага и принялся протирать различные стеклянные трубки, в то же время обращаясь ко мне с короткими вопросами.

— Каким образом остались вы на берегу, господа, а не последовали за вашими товарищами? — внезапно спросил он, очевидно считая нас принадлежащими к команде мистера Кчерни.

С минуту я не знал, что ответить. Осторожнее было бы выдать себя за друзей домохозяина, особенно перед, очевидно, близким к нему человеком, но, с другой стороны, мне невыносимо казалось прослыть за участника грабежей и убийств, да, кроме того, было бы неблагодарностью обманывать человека, спасавшего нам жизнь, жертвуя собственной безопасностью. Поэтому я решил ответить вполне откровенно.

Сообщив наши имена, я наскоро объяснил, что хотя мы и знакомы с мистером Кчерни, но уж никак не можем быть причислены к его друзьям, упомянув при этом, что я приехал на остров не ради его самого, а ради его жены, мистрис Руфь Кчерни.

— Да разве здесь существует какая-нибудь мистрис Кчерни? — недоверчиво проговорил доктор. — Уверены ли вы в том, что дама, о которой вы говорите, действительно законная жена князя, владельца Кеннского острова?

Несмотря на свою слабость, я вскочил от негодования, услыша подобное сомнение.

— Уверен ли я? Да как я могу быть не уверенным, когда я сам был шафером мисс Руфи Белленден, теперьшней мистрис Кчерни! А вот почему вы называете этого господина «князем», я не могу понять! Я достоверно знаю, что он просто венгерский скрипач-виртуоз, называющий себя графом только на афишах, на самом же деле не имеющий никаких серьезных прав на какой бы то ни было титул. Жена его добрейшее и совершеннейшее создание, заслуживающее лучшей участи, чем быть жертвой такого мужа!

Доктор задумчиво покачал головой и как-то загадочно улыбнулся.

— Вот так открытие! Признаюсь, я не ожидал ничего подобного, высаживаясь три дня тому назад. Я приехал сюда из Сан-Франциско вместе с князем, или графом, или просто мистером Кчерни на его яхте и в первый раз слышу о существовании здесь законной княгини. Это преинтересная новость! Чрезвычайно интересная новость — особенно для дам. Я знаю нескольких прекрасных леди, которые крайне огорчились бы, услыша ваше невероятное сообщение!

С досадой перебил я словоохотливого ученого:

— Ради Бога, объяснитесь, доктор! Ваши слова и еще больше ваши улыбки и недомолвки возбуждают

во мне самые печальные подозрения. Умоляю вас, скажите мне всю правду! Если хотите, я вам подам пример откровенности, сообщив, что я давнишний друг мистрис Кчерни. Я знал ее еще ребенком, будучи капитаном яхты «Мангатан», принадлежащей ей, тогда еще мисс Руфь Белленден!

В первый раз с начала нашего разговора спокойное и слегка насмешливое лицо доктора заметно оживилось неподдельным участием.

— Белленден! — воскликнул он. — Это имя мне знакомо. Оно пользуется большой известностью у нас в Америке! Вы говорите, что здешняя супруга князя Кчерни — мисс Белленден?

— Да, она дочь того миллионера, который погиб во время знаменитого крушения «Эльбы». Теперь она круглая сирота. Ее единственный брат Руперт Белленден живет частью в Лондоне, частью в Нью-Йорке. Она же вышла замуж немного больше года назад в Ливорно. Ради нее-то я и приехал сюда на специально зафрахтованном пароходе. Стечение несчастных обстоятельств задержало нас четверых на берегу. Судно же наше принуждено было искать спасения от бури в открытом море, но, вероятно, оно и там не могло выдержать страшного урагана, так как вот уже больше недели, как мы не имеем о нем известий!

В коротких словах рассказал я дальнейшую историю наших злоключений. Американский ученый выслушал мой рассказ с величайшим вниманием.

— Понимаю! — задумчиво проговорил он. — Вы приехали на собственном пароходе и надеялись уехать на нем же, быть может, даже в обществе мистрис Кчерни... Но скажите, она знала о том, что вы должны были приехать?

— Конечно, знала! Я исполнял ее специальную просьбу, зафрахтовывая пароход. Но, прося меня приехать через год после ее свадьбы, бедная невеста, конечно, не могла предполагать всего, что ожидало ее здесь. Ах, доктор, если бы вы знали, как ужасна судьба этой несчастной молодой женщины!

Громкий стон Питера прервал меня. Доктор с беспокойством оглянулся и увидел нашего почтенного ирландца, раскачивающегося на своем стуле и издающего жалобные звуки.

— Что с вами, мистер Блэй? — заботливо спросил

доктор, уже знавший наши имена.— Болит у вас что-нибудь?

— Желудок,— простонал Питер.— Еще бы не болеть, когда он пустует со вчерашнего утра. Чуть не двое суток не евши! Шутка ли! Такой муки никакая собака не выдержит!

Доктор весело рассмеялся и поспешил открыть большой резной буфет, стоящий между двумя окнами.

— Простите рассеянность ученого, господа! Забота о доставлении здорового воздуха заставила меня позабыть об ужине. Пожалуйста, помогите мне хозяйничать, мистер Блэй. Здесь, в буфете, вы найдете различные консервы, хлеб, яйца и т. п. Остальные запасы внизу, на кухне, куда вы можете спуститься через эту маленькую дверь, ведущую на лестницу, надев вот этот респиратор. Благодаря ему, вы можете провести около часа в кухне, где успеете развести огонь и изжарить пару бифштексов. Мы же здесь тем временем накроем на стол и будем ожидать вас с нетерпением.

Действительно, через полчаса мы уже сидели за обильным ужином, веселые и беззаботные, забыв на некоторое время не только о перенесенных, но и об ожидающих нас опасностях.

Не раз вспоминал я впоследствии этот ужин и предшествующую ему сцену. Не раз рисовались мне все подробности этого неправдоподобного вечера. Так невероятны были наши приключения, что, казалось, ничто уже не могло удивить нас более. Мои товарищи, по-видимому, так и решили и ничему не удивлялись более. Самым спокойным образом поедали они прекрасные бифштексы, как будто бы мы сидели не в единственной комнате, спасавшей от смертельного тумана, а в столовой нашего собственного судна. Питер Блэй совсем развеселился после третьего стакана виски и не переставал уверять нашего гостеприимного хозяина в своей безграничной признательности.

— Мы, ирландцы, умеем чувствовать благодарность, потому что у нас нежное сердце. Вы, как доктор, должны знать это. Извините, благородный друг, но я не имел удовольствия расслышать имя знаменитого ученого, которому мы обязаны не только жизнью, но и этим превосходным ужином!

Наш спаситель скромно улыбнулся.

— Слово «знаменитый», пожалуй, излишне, мистер

Блэй. Хотя надо правду сказать, если вы назовете доктора Дункана Грэя в Соединенных Штатах, то шесть человек из десяти, наверно, скажут вам, что это имя им неизвестно. В Бостоне же, пожалуй, и каждый грамотный объяснит вам, что профессор Грэй посвятил свою жизнь изучению токсикологии и специально ядовитых газов. Ради этих-то милых газов я и попал на Кеннский остров, и они же доставили мне честь и удовольствие познакомиться с вами, джентльмены!

— Признаюсь, мне было бы приятнее познакомиться с вами в другом месте, доктор! Как ни прекрасна природа этого острова, но он мне далеко не симпатичен. Удивляюсь только, как мало знают в Европе о его милых особенностях. Правда, лет пятнадцать назад Кеннский остров был занесен на морские карты, но о его убийственном сонном времени я никогда и ни от кого не слышал. Вы, доктор, знали, конечно, больше моего, это доказывает уже ваше присутствие здесь и эти, очевидно, специально изготовленные удивительные машины. Я всегда жалею, что учился на медные деньги. Химия и естественные науки ужасно интересовали меня, но когда же было учиться бедному моряку, содержащему старую мать и маленькую сестру?! А как бы я желал быть знаменитым ученым, подобно вам, мистер Грэй...

Худощавое лицо американского профессора осветилось необыкновенно симпатичной, слегка ироничной улыбкой, придающей его умной и энергичной физиономии особенно приятное выражение. В ответ на мой комплимент он только скромно улыбнулся.

— Я начинаю понимать, что ничего не знаю. И это уже очень много, капитан. Венгерский князь, граф или виртуоз, хозяин этого острова, привез меня в своего рода природный университет для дальнейшего образования. Надеюсь, что мне удастся выйти из этой школы с некоторым запасом новых знаний. Я вижу, вас интересует, почему мистер Кчерни решил допустить меня сюда? Мне кажется, что я догадываюсь о причинах его любезности. Недаром же я знаю того, кто раньше мистера Кчерни посетил этот берег, знаю так же и то, как и когда он встретился с теперешним владельцем Кеннского острова!

При этих словах доктор как-то загадочно улыбнулся и замолчал, очевидно не желая продолжать раз-

говор на эту тему. Я не настаивал из чувства понятной деликатности, и через минуту наш хозяин предложил нам прилечь, так как часы показывали уже полночь. Никто не возражал против этого предложения, и четверть часа спустя мы все уже расположились по возможности удобно. Долли на диване, Питер в большой качалке, к которой он подвинул мягкий пуф. Сет Баркер прямо на ковре у окошка, а сам хозяин в гамаке, привешенным в одном из углов комнаты. Я остался сидеть в своем удобном кресле, пожелав доброй ночи товарищам.

Беспокойные мысли долго не давали мне уснуть. Мне то чудились стоны и крики, вой ветра и свист пуль, то слышался милый голос мисс Руфи, зовущий меня на помощь, то громкая команда мистера Джекоба, торопящего матросов. Словом, целый рой бессвязных, но мучительных видений преследовал меня даже тогда, когда усталость осилила меня и заставила задремать... Сколько времени продолжался мой сон, не знаю, но он был внезапно прерван громким криком отчаяния. Никогда не слышал я такого ужасного, душу раздирающего крика. Казалось, где-то в двух шагах от нас кричала несчастная жертва кровавого насилия, и так ужасен был этот крик, что мы все разом вскочили на ноги и замерли, не смея шевельнуться, не зная, что делать, куда бежать, что предпринять для спасения призывающих на помощь. Доктор первый пришел в себя. Подбежав к окну, он быстро откинул двойные портьеры и отшатнулся. Мы кинулись к нему и, припав к прозрачным зеркальным стеклам, так и замерли при виде фантастически ужасного зрелища.

Перед нами расстился роскошный цветник, весь залитый тем чудным золотисто-лиловым светом, которым скрашивал лунные лучи таинственный туман Кеннского острова. В этом волшебном освещении плясала целая толпа людей, мужчин и женщин... европейцев и туземцев. Одни — одетые в матросские куртки, другие — едва прикрытые какой-нибудь тряпкой. Увлекаемые безумием, они прыгали, вертелись и кривлялись с дикими, судорожными жестами. Адский хоровод кружился с бешеной быстротой, недостижимой даже фанатическим дервишам и факирам. Часть несчастных безумцев поднимала руки к небу то со злобной угрозой, то с отчаянной мольбой. Другие рвали на себе

волосы и одежды или размахивали ножами, не замечая, что кровь лилась уже из их порезанных членов. Третьи катались по траве, бешено взрывая землю ногтями, или впивались зубами в кисти собственных рук. Все это сопровождалось дикими криками, отчаянными стонами, истерическим хохотом, бешеными проклятиями и безумными рыданиями. Ужасная картина, дающая понятие об адских мучениях преисподней. Ежеминутно один из несчастных падал, чтобы более не подниматься. Другие судорожно катались по земле в муках бесконечной агонии, третьи, бессильно скорчившись, замирали где-нибудь под кустом и оставались неподвижными в самых неестественных позах, с вывернутыми руками и ногами, с искаженными лицами. Минут пять продолжалась эта адская пляска смерти, пять минут, показавшихся нам целой вечностью. Затем судорожные движения распростертых на земле тел прекратились. Последний жалобный стон умолк. Наступила торжественная тишина, которой равнодушная природа отвечала на отчаянные крики несчастных. А над их обезображенными трупами по-прежнему переливался волшебным прекрасным золотисто-лиловым светом, и пестрые группы роскошных тропических цветов качали своими душистыми головками, нежно перешептываясь с ночным ветерком. Какое дело вечной природе до мучительной смерти нескольких жалких человеческих созданий.

Мы долго стояли как прикованные у окошка, не будучи в силах отвести глаз от ужасной картины. Наконец доктор Грэй медленно опустил портьеру дрожащими руками и молча принялся что-то исправлять в своем аппарате.

Никто из нас не решался заговорить, но он понял наш немой вопрос и отвечал глухим голосом:

— Своего рода белая горячка. Токсикология давно знает отравления подобного рода, хотя до сих пор признавала спирт единственной причиной, производящей столь ужасное нервное расстройство. Это нечто вроде так называемой пляски святого Витта, со всеми ее мучениями.

Доктор замолчал и, еще раз поправив газовый огонь, проговорил задумчиво:

— На три дня нам воздуха хватит. А дальше?.. Ну

что ж, теперь мы знаем, что ожидает нас дальше, если Бог не сделает для нас третьего чуда: не пошлет скорого окончания сонного времени!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Между бурей и пламенем

Профессор Грэй обещал нам трое суток безопасности, но человек предполагает, а Бог располагает! Не прошло и одного дня со времени нашего знакомства с американским ученым, как нам уже пришлось покинуть его спасительную комнату.

Крепко заснули мои товарищи после ужасных волнений, перенесенных нами. Не спал только сам ученый, каждые полчаса поднимавшийся с места, чтобы посмотреть, все ли в порядке в его машинах. Несколько раз видел я его умное, задумчивое лицо, склоненное над пламенем газового очага, и когда, наконец, усталость взяла свое и сон осилил меня, то это же энергичное, слегка насмешливое лицо продолжало грезиться мне, принимая какое-то фантастическое участие в беспорядочно сменяющихся картинах моей прошлой жизни.

Очнувшись, я оглядел незнакомую комнату, на этот раз освещенную дневным светом. Огонь в газовом очаге горел по-вчерашнему, но шелковые портьеры на окнах были отдернуты, и утренний свет беспрепятственно проникал сквозь высокие стекла. Только свет этот был как-то непохож на яркие, золотые лучи тропического солнца. Какой-то он был бледный, безжизненный, точно проникающий сквозь молочное стекло. Что это, рассвет или сумерки? Но вот сверкнул ослепительный зигзаг молнии, на секунду залив синим огнем роскошный цветник, и старые деревья сада, и нашу маленькую комнату, и бледные лица спящих товарищей. Сверкнул и погас в то самое мгновение, когда сильный удар грома до основания потряс стены легкого бамбукового здания.

— Да, буря разыгралась не на шутку! Кстати, пора переменить элементы в моей батарее, не то нам кислорода не хватит! — сказал мне доктор Грэй, продолжая хлопотать около своих машин.

И точно, воздух в комнате был значительно тяжелее, чем вчера вечером, и к нему примешивался легкий

сернистый запах, очевидно просочившийся снаружи. Я подошел к окну и сразу понял причину страшной белой окраски света, удивившего меня в первую минуту. Густой туман скрывал не только горизонт, но и ближайшие группы деревьев. Его молочно-белые волны колебались, точно опаловые облака на летнем небе, изредка принимая ярко-золотой оттенок от случайно прорвавшегося солнечного луча или же превращаясь в синие огненные горы при мгновенном освещении молнии. Сплошная молочно-белая полоса тумана резко оканчивалась на известной высоте, там, где начинались голые вершины скал, ясно вырисовывающихся на темно-сером фоне неба... Быстро мелькающие тучи сплошь покрывали его, и сквозь темную пелену изредка только сквозил золотистый край невидимого солнца. Ветра не было слышно, хотя быстрый полет облаков доказывал его стремительность. Очевидно, сплошная масса тумана не пропускала его в низменные части берега. Гробовая тишина нарушалась только постоянными раскатами грома, которые усиливались по мере приближения грозы. Облегченно вздохнул я полной грудью.

— Слава Богу, гроза очистит воздух, а буря унесет проклятый туман и покончит с сонным временем!

— Дай-то Бог, капитан! Это было бы большое счастье! — задумчиво отвечал мне доктор Грэй, принимаясь растапливать камин.

С особым удовольствием глядел я на веселый огонек, затеплившийся под заботливой рукой ученого. Наш милый хозяин принялся готовить завтрак. Он заварил кофе, расставил чашки, нарезал сыр, хлеб, холодное мясо. Я так любовался его быстротой и ловкостью, что совсем позабыл предложить ему свою помощь. Но доктор даже не заметил моей невежливости, поглощенный какой-то неотвязной мыслью. Внезапно он подошел ко мне, положил руку на плечо и проговорил, вопросительно подчеркивая каждое слово:

— Что же вы намерены предпринять в будущем, капитан Бэгг? Знаете ли вы, что у этого Кчерни более ста человек в распоряжении? Нас же всего пятеро! Как ни считай, больше пяти не выйдет!

Растроганный, схватил я лежащую на моем плече руку храброго, честного и великодушного человека. В этом уже нельзя было сомневаться после его послед-

них слов. Мы заговорили откровенно, как старинные друзья. Тут только я узнал, что доктор Грэй прекрасно знал Руперта Беллендена еще с того времени, когда тот учился в Бостоне. Видел он и его отца, и сестру, тогда еще маленькую девочку. От всей души желал бы он помочь ей и избавить от гнусного тирана — ужасного мужа. Это я сразу понял, несмотря на то, что доктор общительностью не отличался и лишних слов тратить не любил. С глубочайшей признательностью пожал я его руку, от всей души благодаря Бога за то, что он послал бедной женщине такого умного, знающего и энергичного друга.

Доктор Грэй отвечал мне таким же дружеским рукопожатием и затем продолжал заниматься утренним хозяйством. Только окончив приготовление завтрака, он опять подошел ко мне и спросил так же отрывисто, без дальнейших предисловий:

— А как вы думаете, капитан, зачем я приехал сюда?

— Вероятно, для того, чтобы проверить рассказы об отравляющих газах сонного времени, доктор? Вы сами нам вчера говорили об этом, и я полагал...

Насмешливая улыбка доктора помешала мне окончить мою фразу.

— Нет, дорогой капитан, проверять мне было нечего. Я прекрасно знал ядовитые свойства здешнего тумана, и не они, не одни они, по крайней мере, привлекли меня сюда, хотя все американские газеты прославляют храброго ученого, «рискующего своею жизнью ради науки». То же думает и мистер Кчерни, то же сказал я и вам вчера, не зная наверно, принадлежите ли вы к числу его сообщников или нет. На самом же деле...

Доктор Грэй остановился и окинул глазами комнату. Мои товарищи все еще крепко спали. Питер Блэй громко храпел, а на губах Долли Вендта мелькала блаженная улыбка, и он чуть слышно шептал во сне: «Розамунда!» Доктор тоже улыбнулся доброй улыбкой старика, радующегося молодому счастью, и продолжал, слегка понизив голос, как человек, сообщающий важную тайну:

— На самом деле меня привлекла сюда иная причина, капитан! Надо вам сказать, что я как-то вылечил старшего боцмана яхты, ожидавшей мистера Кчерни в Сан-Франциско. Случайно находясь в этом городе,

я так же случайно, как живший вблизи пристани врач, был призван к моряку, упавшему с мачты и переломавшему себе несколько ребер. Надежды на его спасение уже не было, и врачи морского госпиталя единогласно отказались от несчастного пациента. Меня заинтересовал интересный случай, да и захотелось мне показать коллегам, что они ничего не смыслят в хирургии. И вот я принялся ухаживать за матросом, как за родным братом, так усердно, что в конце концов мне удалось спасти его. Конечно, мой пациент воспылал ко мне безграничной благодарностью и таким же доверием. А так как он вообще отличался словоохотливостью, то и выболтал мне целую массу сведений о своем патроне, «князе Кчерни», как он называл губернатора Кеннского острова, и о его тихоокеанских владениях. Я думаю, не поблагодарил бы его господин губернатор, если бы знал, что я знаю от его главного поверенного. К счастью для бедного боцмана, да и для нас с вами, капитан, мистер Кчерни этого не знает. Но не в том дело, а в том, что этот самый боцман сообщил мне, что он и мистер Кчерни первые европейцы, открывшие Кеннский остров. Собственно, первым был мой пациент. Его как-то море выбросило едва живого на неизвестный берег после бури, разбившей его судно о подводные скалы. Спасенный прожил несколько недель на берегу и был возвращен в Европу случайно зашедшим туда китобойным судном. Поступив на яхту мистера Кчерни и заслужив его доверие, боцман впоследствии сообщил ему о своем открытии — и уж конечно не даром. Но опять-таки не в этом дело... Оба молодца уверены в том, что раньше их никто не знал о существовании Кеннского острова, и оба ошибаются. Более ста лет назад один немецкий путешественник был также заброшен кораблекрушением на пустынный берег и, вернувшись в Америку, описал свое пребывание на нем. Путешествие это долго считалось вымыслом и было давно всеми забыто, когда рассказ моего пациента напомнил мне о его существовании. Не без труда нашел я экземпляр старой книги в Вашингтонской публичной библиотеке и прочел ее весьма внимательно!

Доктор Грэй остановился еще раз с видом человека, сообщавшего другому нечто чрезвычайно важное. Признаюсь, я все еще не понимал, к чему клонится его

речь, но он не объяснил мне своей мысли до конца, круто переменив разговор.

— Этот венгерский виртуоз чертовски хитер, спору нет! Но все же мы посмотрим, перехитрит ли он американского профессора. Особенно если ему будет помогать опытный английский моряк. Как вы думаете, капитан, не предпринять ли нам что-нибудь на пользу мисс Белленден? Авось, даст Бог, буря разыграется и разгонит проклятый туман и вернет нам свободу действий. Должна же гроза, на самом деле, очистить воздух!

Страшный удар грома раздался над нашими головами, точно гроза хотела подкрепить слова американского ученого, разыгравшись с той страшной силой, которая присуща только тропическому климату. Оглушительный треск и яркий блеск молнии, заливший всю комнату ослепительным светом, разбудили крепко спящего Питера. Он вскочил как ужаленный.

— Что за черт, во сне я или наяву? Мне снилось, что я тону, а теперь кажется, что дом разваливается. Вот так удар! От него оглохнуть впору!

Питер весело улыбался, не предполагая, что его шутка превратится слишком скоро в печальную действительность. Проснулись и Долли и Баркер, с недоумением прислушиваясь к громовым ударам. Буря усиливалась. Густой слой тумана уже не мог сдерживать бешеных порывов дико завывающего ветра, он только колебался и рвался на клочья под его свирепым дуновением. Мертвая тишина, нарушаемая только громовыми раскатами, внезапно сменилась свистом и ревом урагана, который с грохотом пролетал между скалами, с треском выворачивал столетние деревья и до основания свирепо потрясал стены нашего жилища. Не было никакого сомнения в том, что легкая бамбуковая постройка не сможет долго выдержать бешеного натиска бури. Ничего подобного я ни разу еще не видал за все время моих странствий по южным морям. Темнота наступила такая, что можно было принять полдень за глухую ночь. Только непрерывно вспыхивающая молния кровавым заревом освещала гнущиеся до земли деревья сада, сорванные ураганом и носящиеся по воздуху доски и балки и бешено мчащиеся на север черные облака. Непрерывный гром смешивался с диким воем бури и буквально оглушал нас. Молча

глядели мы на грозно-прекрасную картину бушующих стихий, не находя слов для выражения наших ощущений, подавленные величиим божественных явлений природы. Даже Питер забыл о завтраке, даже Долли не улыбался больше, и только Сет Баркер довольно равнодушно глядел в окно через наши спины, не понимая, отчего это «господа офицеры» не садятся за давно накрытый стол.

Увы, бедняге так и не удалось дожидаться желанного завтрака. Внезапно послышался звон разбитых стекол, и в комнату ворвался громадный клубок ослепительно яркого лилового огня. Шипя и свистя, пролетел он между нами, ударился о противоположную стену и разлился кровавым морем пламени по всей комнате, засыпав нас целым каскадом огненных искр. В то же время удушливый серный запах наполнил комнату, и оглушительный удар грома раздался так близко над нами, что я невольно схватился за голову, которая казалась мне разбитой ужасным грохотом. Все огни в комнате сразу потухли... Настала страшная темнота, и только в одном углу сквозь щель полуоткрытой двери виднелось пламя, живое, яркое пламя горящего дерева. Это горели стены нашего дома, зажженные молнией.

— Горим! Пожар! Горим! — крикнул Питер, обезумев от ужаса. — Скорей в сад, пока огонь не окружил нас!

Мы все бросились к окну, забывая, что там, в саду, ожидала нас смерть, столь же верная, столь же ужасная, как и здесь, в пылающем здании.

К счастью, доктор Грэй не растерялся.

— Стойте, кому жизнь дорога! — крикнул он громовым голосом. — Выскочить из окна всегда успеем. Прежде всего надо принять некоторые предосторожности. Вспомните о сонном тумане и о вчерашней пляске смерти, друзья мои!

Слегка дрожащими руками схватил он какую-то большую склянку и вылил находящуюся в ней жидкость на первую попавшуюся связку салфеток. Затем он заботливо завязал этими салфетками нижнюю часть лица каждого из нас, причем мне бросился в голову сильный запах эфира и камфоры, и только тогда махнул рукой по направлению к окну. Выйти в двери было уже невозможно, так быстро пламя охватило весь коридор. Еще минута, и оно прорвалось сквозь наскоро запер-

тые двери в нашу комнату, зажигая развевающиеся волосы доктора, оставшегося последним.

Описать то, что с нами было дальше, я не в состоянии. Как во сне, помню я море пламени, в которое пришлось нам прыгать из окна горящего дома. Казалось, весь сад горел, как огромный сплошной костер!.. Густой туман, насквозь насыщенный электрическим огнем молний, душил нас резким запахом серы, ураган кидал нас из стороны в сторону, громадные деревья, за стволы которых мы пробовали удержаться, ломались, как щепки, тяжелые пылающие головни носились по воздуху, ежеминутно угрожая нам смертью, и над всем этим стоял непрерывный гул, грохот, гром, свист урагана и грозный рев пламени!.. Ужасный кошмар! Адская музыка, способная свести с ума самого хладнокровного человека...

Сколько времени боролись мы с разъяренными стихиями, прежде чем успели выбраться за ограду сада из страшной близости пылающих строений, и каким чудом удалось нам не потерять друг друга в ужасном хаосе бури и пожара, я и до сих пор не понимаю. Помню только, что мы внезапно очутились в глубине леса, среди вековых деревьев и беспорядочно нагроможденных камней, отчасти защищающих нас от урагана. Здесь в первый раз сосчитал я своих товарищей. Все были налицо, истомленные, растерянные, перепуганные почти до потери сознания.

— Помоги, Господи! — шептал Питер Блэй побледневшими губами. — Помоги, Господи, дойти до моря. Клянусь, никогда больше не поставлю ноги ни на один берег!

Бедняга, очевидно, сам не понимал того, что говорил.

Долли Вендт бессильно упал на землю, повторяя со слезами на глазах:

— Я так устал, капитан! Так ужасно устал! Я не могу больше ходить! Я домой хочу, капитан!

Сет Баркер добродушно утешал его, приговаривая, как малому ребенку:

— Ничего, мистер Вендт, отдохните здесь маленько, здесь мы в безопасности! Я, впрочем, всегда в безопасности между деревьями, на то я и плотник!

Признаюсь, я сам плохо понимал, что происходит вокруг нас. Один доктор Грэй казался необыкновенно

спокойным, хотя лицо его было бледно и измучено. Он поминутно отирал пот с высокого лба, на который спутанными прядями падали обгорелые, седеющие волосы.

— Еще есть средство к спасению,— медленно проговорил он, улучив минуту между двумя раскатами грома,— последнее средство. Я могу указать вам дорогу в безопасное убежище, если только вы захотите воспользоваться этой дорогой, капитан!

— Излишний вопрос, доктор! Людям в нашем положении выбирать не приходится. Куда бы ни вела ваша дорога, мы должны ею воспользоваться! — отвечал я решительно.— Не так ли, товарищи?

Американец взглянул испытующим взором мне в глаза.

— А если эта дорога ведет к подводному жилищу мистера Кчерни? — прошептал он мне на ухо.— Что вы тогда скажете, капитан Бэгг?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

К лесному болоту и дальше

Мы находились приблизительно на расстоянии одной мили от берега моря и около трехсот шагов от того пруда или болота, возле которого чуть не погибли в ночь моего свидания с мистрис Кчерни. В глухой чаще векового леса вой ветра был менее слышен. Здесь мы были в безопасности от пожара и урагана. Но зато нам грозила другая опасность. Гроза не очистила воздух, как мы надеялись, а только разорвала на клочья сплошную массу тумана. Молочно-белыми массами носились эти клочья вокруг нас, подобно облакам на высоких горах, то отдаляясь и открывая вид на довольно значительное расстояние, то окружая нас так плотно, что мы с трудом могли видеть друг друга. В такие минуты моя голова начинала кружиться и сердце болезненно биться по-вчерашнему. Становилось ясно, что при свирепствующем урагане мы не успеем добраться до высоты, недоступной тяжелому туману. Ядовитые газы неминуемо убьют нас раньше. Надо было искать спасения где бы то ни было, только бы оно

явилось немедленно. Поэтому я вторично отвечал за своих товарищей:

— Ведите нас куда угодно, доктор! Все лучше, чем ужасная агония от отравления сонным туманом!

Товарищи повторили мои слова, и, не теряя времени на дальнейшие объяснения, американский ученый быстро повернул в сторону, заботливо рассматривая какие-то заметки на деревьях, и повел нас напрямик через лес. Чуть не бегом следовали мы за ним, не обращая внимания на препятствия. Густые ветки колючих кустарников, точно цепкие руки, впивались в наши одежды и царапали нам лица. Свалившиеся деревья преграждали нам путь, но мы ни на что не обращали внимания, сознавая, что каждая минута промедления может быть гибельна.

Но вот перед нами блеснула блестящая поверхность воды. Не без удивления узнал я тот самый пруд или болото, которое мы не решались переплыть темной ночью. Днем его поверхность имела менее страшный вид. Роскошные водяные цветы отражались в темной, но прозрачной воде, и целые стаи птиц реяли в воздухе над его поверхностью и покрывали прибрежные деревья, спасаясь от бури и пожара. Тем не менее перспектива искать брод через болото, очевидно наполненное ядовитыми пресмыкающимися, была не особенно приятна, и я вздохнул свободно только тогда, когда наш проводник начал огигать берег около самой широкой части пруда. Берег этот с каждым шагом становился выше и каменистее. Кустарники, цветы и трава совершенно исчезли в скалистой местности, и только старые деревья еще поднимались кое-где, не без труда пробив своими могучими столетними корнями беспорядочно нагроможденные камни, и закрывали своими густыми ветвями длинную, темную расщелину между высокими, почти отвесными скалами.

— Сюда, друзья мои,—проговорил доктор, останавливаясь, чтобы перевести дух.—Здесь мы можем спокойно передохнуть, не опасаясь проклятого тумана. Сейчас я разыщу лампу и освещу вам дальнейшую дорогу!

С удивлением оглядели мы мрачный пейзаж, окружающий нас. Перед нами угрюмые черные скалы спускались неправильными уступами к черной воде болота. За нами — полутемный коридор, оканчивающийся

совершенно темным отверстием, очевидно, входом в какую-нибудь пещеру. Трудно придумать что-либо безотраднее этой пустынной, дикой и бесплодной местности.

Удивленно оглядывался я по сторонам, не понимая, каким образом доктор Грэй брался привести нас к подводному жилищу мистера Кчерни. Я знал, что оно находится возле северного мыса и отделено от этой части острова широкой полосой морской воды. Лодки у ученого, очевидно, не было, иначе он бы упомянул о ней. Да и кроме того, допуская даже, что пруд, вблизи которого мы находились, соединялся каким-нибудь образом с морем, мы успели бы трижды умереть от отравленного тумана, прежде чем достигли цели. Предположив же, что туннель, у входа в который мы стояли, доходит до самого берега моря, все же без лодки мы не могли достичь северного мыса. Пускаться вплавь даже на небольшое расстояние среди бурунов и при сегодняшней буре было бы настоящим безумием. Я только что собрался попросить у доктора объяснения его намерений, как он сам обратился ко мне, крикнув из глубины темного туннеля:

— Пожалуйста сюда, капитан! Дайте друг другу руки, господа! Вот так! Сюда, направо! Еще два шага! Ну, слава Богу, вот и моя лампа, цела и невредима. Не удивляйтесь, капитан! Я ведь недаром читал мемуары немецкого путешественника. На другой же день после моего приезда я отправился в лес «ботанизировать» и разыскал это интересное место, где и спрятал кое-что на всякий случай! Никогда не лишне иметь запасное жилище в чужом месте!.. Мало ли, что может случиться! Вот оно пригодилось нам сегодня. А вот и свет готов, друзья мои! — С этими словами доктор Грэй зажег небольшую рудокопную лампу, ярко осветившую темные гранитные стены туннеля, напоминающего подземные шахты, прорытые терпеливыми руками человека.

Медленно подвигались мы вслед за нашим проводником, осторожно переступая через обвалившиеся камни, местами почти совершенно заграждающие дорогу. Через несколько сот шагов эти трудности подземного пути прекратились, и своды подземной галереи начали заметно расширяться, становясь в то же время все вы-

ше. Еще несколько минут, и перед нами открылось невиданное, волшебное зрелище.

Высокий подземный зал казался выточенным из куска цельного хрусталя. Тонкие колонны причудливых форм переливались разноцветными огнями, отражая свет нашей лампы. С высокого потолка изящными фестонами спускались прозрачные сталактиты, точно оборки из тончайшего кружева. По блестящим стенам из белого кварца, гладко отполированным водой, когда-то наполнявшей эти гроты, желтыми пятнами змеились яркие жилки чистого золота. На полу мягким ковром расстился красивый желтый песок. Воздух был чист и прохладен, проходя в невидимые скважины горной породы. И целый ряд таких подземных залов открывался перед нашими удивленными взорами. Одни — громадные и величественные, как готические соборы, другие — маленькие и уютные, как будуар хорошенькой женщины. Одни — сверкая яркой белизной прозрачных сталактитов, другие — блестя гладко полированными стенами черного гранита, третьи — отливая пурпуром стен из красного порфира, точно облитых свежей кровью. Какой волшебник создал этот подземный дворец для плененной им водяной феи?

Доктор Грэй решительно поднял свою умную, седую голову.

— Не стану более от вас скрывать истину, друзья мои. Этот подземный дворец был найден немецким путешественником, о котором я уже говорил вам. Он долго укрывался в нем от туманов сонного времени и пользовался только одним ходом в лес, охота в котором давала ему средства к существованию. К счастью для нас, мистер Кчерни не знает книгу немецкого путешественника, следовательно, не подозревает и о существовании этих подземных залов, вход в которые, как вы сами видели, скрыт массой обвалившихся камней и защищен близостью к болоту, главному источнику ядовитых испарений. Я сам никогда не нашел бы этого входа, если бы не видел подробный план всех подземелий этого острова в той же книге. Поэтому-то я и могу с уверенностью сказать вам, что если мы пойдем далее этой дорогой, то, несомненно, наткнемся на вход в так называемый подводный замок мистера Кчерни. Предоставляю вам самим решить, желаете ли вы рисковать встречей с господином губернатором или же предпочитаете

оставаться здесь и погибнуть от сонной болезни или голода? Говорите, друзья мои! Я подчинюсь общему мнению!

Спокойная речь доктора Грэя произвела сильное впечатление на моих товарищей, сразу убедив их в том, что нам оставалось одно: из трех зол выбрать меньшее. Вопросительно глядели они на меня, как бы передавая мне право окончательного решения, и я отвечал за всех, не колеблясь далее:

— Вы правы, доктор, теперь, как и всегда. Назад нам нет дороги, впереди же имеются некоторые шансы на спасение. Лучше рискнуть сражением с врагами, чем издыхать от голода, как лисица в западне. Трусами английские моряки никогда не были и не будут, а потому вперед. Не так ли, товарищи?

— Вперед! — отвечали они в один голос, решительно следуя за доктором, быстро поднявшимся со своего камня.

Наверное, ни один живой человек не совершал более странного путешествия по более невероятной и причудливой дороге...

Роскошные подземные залы мало-помалу превратились в узкую галерею, род естественной шахты, как бы выдолбленной в гранитных скалах и постепенно подымающейся неровными уступами. Прихотливые извилины этого подземного коридора доказывали, что не расчетливая рука человека проводила его, а непобедимая сила природы, не заботящаяся об излишнем труде и о бесполезной потере времени. Местами с трудом карабкаясь через груды наваленных камней, местами едва пробираясь сквозь узкие расщелины, мы незаметно поднимались все выше и выше и, наконец, достигли высочайшего пункта подземелья, отделенного от поверхности земли сравнительно незначительной массой гранита. Это предположение подтверждалось тем, что в нескольких местах виднелись узкие скважины, сквозь которые слабо доходил до нас дневной свет и виднелось голубое небо. Свежий воздух раза два пахнул нам в лицо, и дикое завывание бури донеслось до нашего слуха. Но все-таки дышалось легко, и воздух оставался чист и безвреден. Очевидно, подземная галерея достигла уже высоты, недоступной для тяжелых газов ядовитого тумана. Внезапно узкая шахта повернула к северу и стала так круто спускаться, что в какие-нибудь двад-

цать минут мы, наверно, достигли бы уровня моря. Невроятно быстро скользили мы по наклонной плоскости, едва удерживаясь от падения на гладком гранитном полу. Тяжелый гранитный потолок так низко висел над нашими головами, что местами приходилось пробираться чуть не ползком. Воздух становился теплее и тяжелее, а галерея все спускалась, как бы желая привести нас к самому центру земли. Рудокопная лампа в руке нашего проводника слабо освещала черные стены, черную землю, черные глыбы, нависшие над нашими головами. Масса черного камня давила нас своей тяжестью, порождая странные галлюцинации. Нам чудился шум морских волн где-то далеко, над нашими головами. Неприятное ощущение сырости прокрадывалось сквозь наши одежды. Воздух казался насыщенным соленой влагой. Какой-то фантастический ужас овладевал мыслями. Невольно думалось о том, что будет, если море, плещущееся над нами, прорвет скалистую преграду и хлынет всесильной массой в эту узкую подземную галерею? А узкая галерея все извивается бесконечными, причудливыми зигзагами... Свет лампы временами совершенно исчезает за углом какого-нибудь внезапного поворота, и тогда идущий впереди сдавленным голосом спрашивает следующего: «Все ли здесь?»

«Все ли здесь?» — пробегает боязливый вопрос от первого до последнего, и только после пятого ответа осторожный проводник вновь пускается в бесконечный путь.

Но вот новая остановка!.. Что такое? Голос доктора кричит издали:

— Подходите осторожно. Держитесь ближе к свету!

Мы прибавляем шаг, заворачиваем за последний угол узкого коридора и через минуту стоим все пятеро в ряд на берегу громадного подземного озера! Сколько можно судить, озеро это имеет добрую треть мили в окружности. Прозрачная вода его наполняет бассейн из блестящего белого кварца, отражение которого усиливает свет нашей лампы. О глубине этого подземного моря мы не можем составить себе никакого понятия, так как неизмеримо большая часть его поверхности скрывается в темноте. Подземная галерея, из которой мы вышли, оканчивается у самой воды, но находится несколькими аршинами выше ее поверхности. Идти дальше, по-видимому, невозможно. Высоко над нами, во-

круг всего озера, поднимаются неровные гранитные стены, уступы которых теряются в темноте.

Недоумевая, стояли мы на берегу этого подземного моря, волны которого со слабым плеском разбивались у наших ног. Доктор Грэй внимательно вглядывался в скалистые стены позади нас, заботливо освещая своей лампой каждый их выступ. Я также внимательно следил за его движениями, как вдруг Сет Баркер, забавлявшийся сталкиванием камней в спокойную воду, крикнул испуганным голосом:

— Смотрите, капитан, что это за чудовище? Вот там, в воде, у самого берега!

С криком ужаса отпрыгнули мы при виде громадной головы, вооруженной двумя длинными мясистыми и гибкими лапами или хоботами, аршин по шести каждая. Голова эта высунулась на поверхность помутившейся воды и уставила на нас небольшие свирепые глаза, сверкавшие фосфорическим зеленым блеском.

Не обвиняй нас в трусости, читатель! Вспомни, сколько томительных дней пришлось нам пережить в ежеминутном ожидании гибели, сколько отчаянных часов непрестанной борьбы принесли нам последние сутки! Прими во внимание ослабляющее действие ядовитого тумана, все еще отзывавшегося на нашей нервной системе, вспомни, наконец, наше положение на узком гребне почти отвесной скалы, на страшной глубине под землей, в темноте, едва рассеиваемой слабым светом лампы, и близко от нас неведомое чудовище, могущее одним взмахом своего хобота стащить нас в громадную пасть, свободно перекусывающую взрослого человека, вспомни все это и сообрази, могли ли человеческие нервы выдержать подобный ужас, могло ли человеческое сердце не сжаться от страха в подобном положении? Но и этот естественный страх продолжался недолго. Через две-три минуты мы уже несколько оправились от первого испуга, увидав неожиданно вынырнувшего врага, и сообразили, что он не сможет достать нас на высоте, занимаемой нами. Затем еще две-три минуты, и мы уже с любопытством разглядывали чудовищную фигуру «морского черта», в то время как профессор Грэй сообщал нам любопытные подробности об этом еще мало известном жителе южных морей, существование которого и до сих пор отвергается некоторыми учеными, в то время как дру-

гие спорят, не зная, причислять ли его к рыбам или к млекопитающим. Находящийся перед нами экземпляр был одним из самых громадных. Форма его тела напоминает всем известную рыбу тюрбо, конечно, в соответственно увеличенном масштабе. Для определения громадности морского черта, глядящего на нас из подземного озера, достаточно сказать, что щупальца, или хоботы, в форме бычачьих рогов, растущие по обеим сторонам его пасти, имели не менее шести аршин в длину, толщиной же были примерно в ладань взрослого человека. Помещавшаяся между этими щупальцами пасть открывалась аршина на два в ширину, показывая ярко-красную внутренность чудовищной глотки, усаженной многочисленными рядами громадных зубов, острых и блестящих, как у акулы. Маленькие зеленые, немигающие глаза, помещающиеся, как у камбалы, по одной линии, на верхней стороне головы светились чисто дьявольской злобой. Огромное, плоское тело чудовища скрывалось во мраке, и только длинный мясистый хвост с широким плавником в форме лопаты на конце не переставая бил по воде с шумом, напоминающим плеск небольшого водопада. Брызги долетали до нашей высоты и ярко сверкали, отражая свет лампы. Освоившись с видом чудовища, мы даже начали подтрунивать над его бесплодными попытками схватить нас своими щупальцами.

— Друзья мои,—проговорил американец, улыбаясь своей милой полуулыбкой,—надо избежать этого соседства. Что это возможно, я знаю из записок немецкого путешественника, хотя, кажется, и не особенно легко. Но после всего вынесенного нами, мне кажется, что нам уже ничто не может показаться чересчур трудным. А потому следуйте за мной! Пока вы разглядывали морского черта, я разыскал дорогу, означенную на плане. Это нечто вроде ступеней в прибрежных скалах. С Божьей помощью мы сможем по ним обойти благополучно проклятое озеро с его дьявольским обитателем и доберемся до начала подземной галереи на противоположном берегу. Держитесь только ближе друг к другу, чтобы свет от лампы освещал путь каждому, и не делайте ни одного необдуманного движения!

Началось путешествие по скалам, нависающим над неподвижной черной водой, в которой ясно виднелась освещенная лучами лампы чудовищная голова

морского черта, плывущего вслед за нами, поминутно выставляя свою кровавую пасть и пытаюсь схватить кого-либо из нас своими длинными гибкими щупальцами, высовывающимися из воды аршин на пять с половиной.

Правда, мы шли или, вернее, ползли на высоте нескольких саженей, оставаясь, таким образом, недостижимыми для чудовища, злобно провожающего нас своими сверкающими зелеными глазами. Но мысль о том, что при первом неверном шаге ожидало нас, леденила наши сердца. Не будь этой мысли, дорога казалась бы нам далеко не такой затруднительной. Припоминая прошлое, я должен признаться, что мы проходили не раз по гораздо более опасным местам и при худших условиях темноты, буря и дождя. Но тогда нас как бы гипнотизировала черная поверхность воды и злобно горящие жадные глаза морского чудовища. Ни на мгновение не выходила у меня из головы мысль о возможности споткнуться, упасть и скатиться вниз, в эту страшную черную воду, к этим ужасным, жадным глазам.

Что это? Тяжелый камень внезапно скатился передо мной и с грохотом хлопнулся об воду. Холодные брызги плеснули мне в лицо. Затем раздался слабый крик: «Господи, спаси и помилуй» — и шорох мягкого тела, быстро скользящего вниз. Затем что-то ужасное, гибкое, скользкое и холодное мелькнуло в двух шагах под моими ногами, и молния дьявольской радости блеснула в жадных зеленых глазах там внизу, в черной воде! Инстинктивно выхватил я револьвер и выстрелил пять раз подряд в адские жадные глаза чудовища, успевшего-таки схватить ногу бедного доктора одним из своих страшных хоботов-щупальцев.

Что произошло дальше в короткие мгновения, показавшиеся нам вечностью, не поддается описанию!

Мы все точно замерли в ледящем ужасе!

Высоко подняв лампу в неподвижной, точно окаменелой руке, стоял около меня Сет Баркер, громко крича какие-то бессмысленные слова. Питер рыдал, как дитя, закрыв лицо руками, чтобы не видеть ужасной картины, а перепуганный до полусмерти Долли Вендт припал лицом к скалам в состоянии полного бесчувствия. Со мной происходило нечто невообразимое. Я глядел широко раскрытыми глазами на ужасную картину под

моими ногами, глядел, продолжая держать в руке бесполезный, разряженный револьвер, глядел, не будучи в силах шевельнуться, чтобы спешить на помощь несчастному другу. Да и возможна ли была какая-либо помощь? Правда, доктор еще держался за скалу с силой отчаяния, уцепившись руками и ногами за выдающиеся камни, но ужасный хобот не выпускал его ноги, а второе щупальце уже поднималось, чтобы окончательно оторвать несчастного от берега. Никто из нас не успел еще сообразить, возможно ли прийти ему на помощь, как эта помощь уже оказалась лишней. Еще дым от моих выстрелов не рассеялся, еще не умолкло раскатистое эхо, вызванное ими, как уже спасенный доктор стоял возле меня. Разумная воля человека, его сознательная храбрость сделали чудо и одолели адскую неразумную силу бессознательного чудовища. Там, где помощь была невозможна, разум и воля человека помогли сами себе. Правда, много ли таких людей, как доктор Грэй? Я видел, как его мертвенно-бледное, искажившееся от страшной боли лицо внезапно оживилось, видел, как он, мгновенно решившись, отдернул правую руку от скалы и выхватил из-за пояса большой охотничий нож, видел, как сверкнуло острое лезвие и скрылось в желтом мясе громадного щупальца. Ярко-красная волна крови хлынула на темный камень и обагрила дрожащую руку доктора, но рука эта не выпустила спасительного оружия. Еще и еще раз сверкнула окровавленная сталь, и вдруг... на моих глазах чудовищный кусок желтой кожи и красного рыбьего мяса бессильно хлестнул по воздуху и скрылся в мгновенно покрасневшей воде. Еще минута, и адские зеленые глаза потухли. Темная тень гигантского тела скользнула вниз и исчезла. Доктор же стоял возле меня, бледный, с судорожно подергивающимися губами, и машинально дрожащей рукой вытирал окровавленный нож о землю.

— Вы живы, спасены! Господи, благодарю тебя! — закричал я, бросаясь ему на шею.

— Как видите, жив покуда! — отвечал доктор глухим голосом и, нервно дрожа, присел на скалу.

В одну минуту мы все столпились около него, пожимая ему руки, смеясь и плача в одно и то же время. И пусть тот, кто никогда не рисковал потерять близкого человека, посмеется над нашими слезами! Расспросам и комментариям конца не было. Всякий строил

свои предположения о судьбе морского черта, исчезнувшего бесследно. Тщетно Сет Баркер, первый пришедший в более нормальное состояние, пытался рассмотреть что-либо, освещая своей лампой возможно большее пространство озера. Мы убедились только в том, что вода у берега приняла розоватый оттенок и что, следовательно, чудовище не осталось безнаказанным. Убили ли его мои выстрелы или же оно обесилело от потери крови из перерубленного доктором хобота—этого решить невозможно. Да, в сущности, это было безразлично.

— Нам некогда заниматься такими пустяками, друзья мои,— решительно произнес доктор, не без труда ступая ногой, вокруг которой он наскоро повязал свой носовой платок.— По моим соображениям, мы всего в нескольких стах шагах от входа в жилище Эдмунда Кчерни. Не много домовладельцев охраняют свои двери подобными собаками! Под стражей этого морского черта никакие воры не опасны. Как вы думаете, капитан, знал ли мистер Кчерни о его существовании? Пожалуй, еще придется нам извиниться перед ним за повреждение домашнего животного!

Доктор Грэй мог шутить и смеяться после всего случившегося! Поистине железная натура была у этого человека, на которого мы начинали смотреть с невольным почтением, как на существо высшего разряда. Тщетно просил я его позволить мне осмотреть его пораненную ногу.

В глубоком молчании прошли мы еще несколько сот шагов. Изредка только опираясь на мое плечо, доктор спокойно шел вперед, ни звуком, ни жестом не выдавая своего страдания. Но вот он остановился у входа в громадную пещеру, лежащую значительно выше уровня подземного озера. Несколько темных галерей примыкали к этой подземной зале, разбегаясь по различным направлениям. В глубине ее тонкая полоска света, пробиваясь откуда-то сверху, падала на высокую узкую лестницу, оканчивающуюся у квадратной железной опускающейся двери. Мы были у подводного замка мистера Кчерни.

— Прислушайтесь, капитан!— прошептал доктор Грэй, указывая на эту лестницу.— Что это за звуки там, наверху?

До моего слуха ясно долетал шум морских волн,

разбивающихся над нашими головами, но вместе с тем мне слышались и другие звуки, не узнать которые было невозможно. Там, за железной дверью, слышались человеческие голоса! Я вопросительно взглянул на доктора Грэя. Он утвердительно кивнул мне головой.

— Да, друг мой! С Божьей помощью, мы благополучно дошли до подводного замка. Дай нам Бог так же благополучно выбраться из него! — прошептал он с тихим стоном, бессильно опускаясь мне на руки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*Еще раз дневник мистрис Кчерни **

«5 мая. Мои молитвы услышаны. Джаспер Бэгг здесь! Что он думает обо мне? Что я чувствую? Не знаю, да и не хочу знать! Я ни о чем не хочу думать, кроме того, что я уже не одна. Возле меня преданный, великодушный друг. Точно камень свалился с моей души при этой мысли.

6 мая. Сегодня ночью я видела его. Он ушел, исполняя мое желание. Дай Бог, чтобы он благополучно добрался до своего судна. Он все тот же. Этот год ни в чем не переменял честного, храброго и благородного моряка. Теперь так же, как и прежде, он все тот же стройный красавец с откровенными голубыми глазами, с роскошными каштановыми волосами, с манерами настоящего джентльмена. Сколько раз удивлялись мои аристократические знакомые его изяществу в то счастливое время, когда он был командиром моей яхты. Я же так привыкла к его вниманию, к его дружбе, что почти не замечала их. Теперь только я узнала, как необходимы были мне это внимание и дружба, как тяжело мне было без них. Джаспер Бэгг сдержал свое обещание и приехал в условленный срок. Его пароход счастливо избежал всех опасностей этого ужасного берега и ждет моих распоряжений. Джаспер Бэгг уговаривает меня уехать с ним вместе. О Боже, как бы я желала последо-

* Издатель поместил здесь отрывки из дневника мисс Руфи, сообщенные капитану Джасперу Бэггу гораздо позже, но касающиеся событий, о которых говорится в прошлых главах. (*Примеч. пер.*)

вать его совету! Какое счастье очутиться вновь в Европе, увидеть брата, жить среди честных людей, не дрожать ежеминутно за жизнь десятков несчастных. Увы! Все это невозможно! Мой добрый друг не имеет понятия о моем ужасном существовании. Как может уйти женщина, которую караулят десятки шпионов?

7 мая. Старый француз Оклер прибежал ко мне потихоньку на рассвете. Все еще спали, и он успел рассказать мне все нужное. Не знаю, плакать или радоваться тому, что я узнала. Джаспер Бэгг здесь, на берегу. Ему удалось укрыться в скалах, при помощи Оклера и его милых девочек. Он цел и невредим, так же как и его храбрые спутники, но его судно принуждено было спасаться от бури и ушло в открытое море. Что дальше? Один Бог знает! Но все же сердце мое радостно бьется. Отчего? Я знаю, он не может помочь мне. Но все же он здесь, близ меня. Я уже не одна, всеми брошенная и всеми забытая. Вчера еще я была несчастна, как только может быть несчастна женщина в полном душевном одиночестве. Сегодня же возле меня друг, верный, честный и преданный друг. Бог даст, его судно вернется. Оно должно вернуться. И тогда?.. Увы, я не смею предаваться слишком радостным мечтам, боясь разочароваться!

10 мая. Я прожила самые ужасные дни моей ужасной жизни. «Южный Крест» все еще не вернулся, и Джаспер Бэгг с товарищами продолжают скрываться в скалах. Не без труда умудряемся мы доставлять им пищу. Но может ли это долго продолжаться? А между тем мои враги не спят. Я боюсь худшего и не смею ни на что решиться. Ужаснее всего сознание полной невозможности помочь друзьям, подвергающимся страшной опасности ради меня.

10 мая (вечером). Мистер Кчерни вернулся из одной из своих таинственных поездок. Он уже уведомлен о посещении Джаспера. За обедом он заговорил о нем в необыкновенно любезном тоне. Тетушка Рэчель присутствовала при этом разговоре, так что я не могла отвечать откровенно. С очаровательной улыбкой мой супруг и повелитель изволил шутить над моим «невидимым другом».

— Не понимаю, отчего он не дождался моего возвращения! Я был бы чрезвычайно рад увидеть капитана Бэгга и показать ему, что мы не хуже его заботимся

о нашем милом «Мангатане». Удивляюсь, милая Руфь, как тебе не пришло в голову предложить ему гостеприимство у себя в доме? Ты знаешь, я не ревнив! Право, я не проглотил бы вашего старого друга!

Тетушка Рэчель восторженно улыбалась, слушая эти любезные шутки. Я же внутренне дрожала от негодования. Мне кажется, что бывают дни, когда мистер Кчерни хочет сам себя уверить в том, что он, в сущности, прекраснейший и добрейший человек в мире. О, как я боюсь таких дней! Горький опыт научил меня, что они всегда предшествуют бешеным вспышкам, во время которых он забывает не только человеческие, но и Божеские законы.

11 мая. Мой муж сообщил мне с насмешливой улыбкой, что старого Оклера видели на скалах западного берега. У меня сердце так и упало. Что, если начнут подкарауливать, если узнают, что он приносит пищу несчастным, укрывающимся в этих скалах? Страшно подумать, что может случиться! Сегодня ночью ужасные сны преследовали меня. Я видела Джаспера, окровавленного, израненного, умирающего, подобно стольким несчастным. О Господи, если ты допустишь подобное несчастье, что станет со мною? Он — последний друг бедной Руфи Белленден! Если он погибнет, никто уже никогда не вспомнит о несчастной женщине, умирающей на этом проклятом берегу.

13 мая. Сегодня ночью раздался знакомый звук набата, означающий наступление ужасного сонного времени. С обычной быстротой собрались все в путь. Сильный южный ветер, всегда сопровождающий появление ядовитого тумана, окутывал своей тяжелой влажностью бегущих к северному мысу. Дорога запружена, по обыкновению, массой спасающихся от неизбежной смерти. Всего три месяца назад провели мы две недели под водой, и опять то же. Сердце мое сжимается мучительной болью. Не за себя я боюсь на этот раз, а за тех, кто остается на берегу. Кто поможет им? Кто предупредит их? О, бедный друг, бедный Джаспер! Сердце мое обливается кровью за всех несчастных, остающихся на ужасном берегу, но больше всего за тебя, дорогой мой, любимый друг.

13 мая (ночью). Подводный замок находится в северной стороне, среди широкой полосы рифов, окружающих скалистый мыс узкого полуострова почти на

целую милю. Удивительнее этого жилища ничего представить себе невозможно. По всей вероятности, весь этот клочок земли в доисторические времена был выдвинут из глубины океана подземным огнем, причем северный мыс был, очевидно, главным кратером ныне угасшего вулкана. В настоящее время дорога, служившая когда-то выходом для кипящей лавы, служит входом в жилище мистера Кчерни. Вся внутренность скалистого полуострова изрыта наподобие громадного пчелиного улья. Бесчисленные галереи и подземные залы, большие и малые, высокие и низкие, длинные и круглые, тянутся бесконечными рядами и этажами на неведомую глубину. Не знаю, мой ли муж или кто-либо из его команды открыл этот удивительный подземный лабиринт, но приспособил его к своим целям мистер Кчерни сравнительно недавно. Он проделал в верхних этажах отверстия разнообразнейшей формы, заделанные толстыми корабельными стеклами. В этом подводном мире живешь какой-то особенной внечеловеческою жизнью. Подземные залы так многочисленны, что могли бы вместить народонаселение целого города и еще осталось бы места достаточно. Мои личные апартаменты величиной и высотой, скорее, похожи на готический собор, чем на комнату современной квартиры. Однако они убраны со всей роскошью моды и с удивительным комфортом. Там собрано все, чего может пожелать самая избалованная кокетка двадцатого века.

14 мая. Сегодня уже третий день нашего переселения в подводный замок, но только сегодня утром удалось старому французу тайком пробраться в мою комнату. Он принес мне ужасное известие. Джаспер остался на острове. «Они в безопасности на высотах,— говорил мне дрожащим голосом старик.— Если бы я успел запасти достаточное количество съестных припасов, то был бы за них спокоен. Но сонное время наступило так внезапно и за мной стали так усердно наблюдать, что я не смог даже предупредить их».

16 мая. С величайшим удивлением узнаю я, что на даче остался европеец: гость моего мужа, какой-то американский ученый, профессор доктор Грэй. Он приехал на остров ради исследования ядовитого тумана. Мистер Кчерни говорил о нем с плохо скрытым недоверием. А между тем он сам пригласил его на свою яхту.

Сегодня за завтраком он сообщил мне о вероятной гибели американца, либо сгоревшего в доме, зажженном молнией, либо отравленного сонным туманом, подобно стольким другим. Злорадная улыбка, сопровождающая этот рассказ, объяснила мне многое. Одним преступлением больше! Приглашая бедного ученого с собой, мистер Кчерни, очевидно, рассчитывал на какой-нибудь счастливый случай, который помог бы избавиться от человека, ставшего почему-либо неудобным. О, какой ужас и какое лицемерие! Но, впрочем, чему я удивляюсь? Ведь я уже давно поняла характер моего мужа. И в его руках жизнь моего бедного друга. Джаспер, что с ним случилось? Ужасная неизвестность терзает меня больше всего остального.

16 мая (поздней ночью). Проходя из столовой через большую гостиную к себе в спальню, я услышала шорох за одной из портьер. Кто-то осторожно дотронулся до моего платья. Я вся похолодела от испуга, но, сообразив, что это мог быть кто-нибудь из прислуги, желающий попросить моего заступничества, к счастью, не вскрикнула, а только спросила дрожащим голосом: «Кто там? Что надо?» Никто не отвечал мне, только чья-то горячая рука схватила меня за руку. Я быстро оглянулась. Передо мной стоял он — Джаспер! Он пришел спасти меня!»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, *в которой Джаспер Бэгг продолжает свой рассказ*

Не подозревая, что доктор Грэй мог быть опасно ранен, мы все страшно перепугались, когда он упал мне на руки и остался без движения, как мертвый. Долли Вендт скорее всех сообразил, в чем дело, и начал распоряжаться с уверенностью профессионального фельдшера.

Приложив ухо к груди доктора и убедившись прежде всего в том, что сердце его бьется хотя слабо, но правильно, он, видимо, успокоился.

— Нечего тревожиться, капитан! Простой обморок, вызванный болью и потерей крови. Должно быть, проклятый морской черт сильно-таки повредил ему

ногу. Перелома нет, иначе он бы не мог дойти сюда, а что именно с ним случилось, сейчас посмотрим. Посветите-ка мне, Баркер! Поднимите фонарь повыше, вот так! Ага, теперь я понимаю, в чем дело. Перерубая хобот проклятого чудовища, доктор сам поранил себя ножом. Посмотрите, платок, которым он наскоро обмотал рану, насквозь вымок в крови, да и теперь еще кровь сочится из глубокого пореза. Ну, да это не опасно. Только бы прикосновение кожи морского черта не было ядовитым! Верхняя часть проклятого щупальца все еще обвиняется вокруг ноги, у самого пореза. Это-то и раздражает рану. У кого из вас есть перочинный ножик, господа? Дайте-ка его поскорей, да добудьте мне полотна. Платков мало будет, мне надо бинты подлиннее. Разорвите кто-нибудь рубашку, нам тут не перед кем стесняться!

В одну минуту мы все стали раздеваться и, конечно, оказались бы скоро в костюмах Адама, если бы Долли не умерил нашего рвения. С удивительной ловкостью юноша отделил, с помощью перочинного ножика, зачоченевший обрубок громадного щупальца, впившегося в ногу доктора, и с отвращением швырнул в сторону этот окровавленный кусок зловонного рыбьего мяса. Затем он нежно и осторожно промыл рану водой из моей походной фляжки, которую я, к счастью, догадался наполнить еще в пещере старого Оклера, соединил края глубокого пореза и крепко забинтовал их полосами из рубашки Питера Блэя, успевшего первым приготовить нужные куски полотна. Все это заняло не более десяти минут, в продолжение которых мы обменялись только несколькими негромкими словами. Немедленно по окончании перевязки доктор Грэй слегка вздохнул.

— Помогите ему приподняться, капитан! — распорядился наш доморощенный хирург. — Я уверен, что через пять минут он придет в полное сознание!

Долли Вендт осторожно зажег лампу и осветил бледное лицо американского ученого, все еще недвижимо сидящего, прислонившись к стене пещеры... Его глаза были открыты, но сознание еще не вполне к нему возвратилось. Осторожно приподнял Долли бессильно наклоненную голову ученого и, приложив к его губам мою фляжку с водой, прошептал едва слышно:

— Постарайтесь проглотить глоток воды, доктор! Это сразу оживит вас!

Понял ли больной справедливость этого совета или последовал ему машинально, но только он сделал два-три глотка, как взор его начал терять свою мутную неподвижность.

— Что за странное место? — прошептал он, очевидно не соображая, где находится. — Скажите, как мы сюда попали, капитан Бэгг?

Обрадованный тем, что наш больной узнал меня, я горячо пожал его бессильную руку.

— Слава Богу, что вы очнулись, доктор! Если бы вы знали, как напугали нас своим обмороком! Мы все до того растерялись, что не будь Долли опытнее и благоразумнее нас, старых моряков, вы и до сих пор, пожалуй, лежали бы без чувств!

Наш раненый начал припоминать все случившееся. Не без труда вытянул он перевязанную ногу и, морщась от боли, но все же довольно бодро проговорил:

— Помню, все помню! Скалы, и морского черта, и мое падение. А теперь мы на другом берегу подземного озера у дверей дома мистера Кчерни. Не так ли, капитан?

— Так, дорогой друг! — отвечал я осторожным шепотом.

Разделив скудные съестные припасы по-братски, мы уселись в глубокой темноте и принялись закусывать, запивая скромную пищу из моей фляжки, сдобренной коньяком доктора.

Положение наше было далеко не завидно. Это мы понимали без дальнейших размышлений. Лишенные не только пищи, но и питья, так как подземное озеро было наполнено морской водой, мы не могли долго оставаться в этой пещере, даже если бы нас и не нашли здесь разбойники. Оставалось идти напролом и смело просить гостеприимства у хозяина подводного замка.

— Я бы сам отправился к нему, — объявил мистер Грэй после подробного обсуждения нашего положения, — если бы раненая нога не мешала свободе моих движений. Кто знает, что ожидает нас за этим железным трапом? Быть может, придется скрываться более или менее продолжительное время, а для этого хромой калека не годится!

— Да мы и не позволим вам рисковать собой! —

решиительно объявил я.— Вы единственный человек, знающий подробности о подземной дороге, как и о многом другом. Вы одни можете спасти моих товарищей в случае, если со мной что-нибудь случится. Я же никому не уступлю обязанности первому подвергаться опасности. Быть может, мне удастся мирно объясниться с мистером Кчерни, тогда я сообщу ему о вашем местопребывании. Но если бы я не явился к вам по прошествии двадцати четырех часов, то тогда вам придется самим позаботиться о своем, а может быть, и о моем спасении. В таком случае я вполне рассчитываю на вас, дорогой доктор!

— Ладно!— просто и спокойно отвечал мне ученый.— К чему лишние слова между нами? Делайте свое дело, а я сделаю свое. Можете быть спокойны, капитан. Даст Бог, еще все устроится к лучшему. Но, конечно, вы должны отложить попытку пробраться наверх, пока сторожащие там разбойники не разойдутся или не напьются до бесчувствия!

В каком-то тупом оцепенении провели мы несколько часов в глубокой темноте, то засыпая, то просыпаясь и только изредка обмениваясь несколькими осторожными словами. Над нами слышались голоса, иногда превращаясь в грубые крики, иногда перемешиваясь со звуками нестройного и дикого пения. Настало время расставания с товарищами по приключениям.

Осторожно поднявшись по ступенькам железной лестницы, я ощупал трап руками, боясь встретить замок или запоры. К счастью, ничего подобного не оказалось. Дверь поднялась легко и без шума, я очутился наверху, на кухне или в людской подземного жилища, как я предполагал сначала. Однако мое предположение оказалось ошибочным. Освещенная большим электрическим фонарем пещера, очевидно, не служила жилым помещением, так как была совершенно пуста. Несколько отверстий, завешенных толстыми коврами, вели в другие подземные комнаты. Изобилие этих выходов поставило меня в немалое затруднение. Я остановился, раздумывая, куда идти, как вдруг услышал голоса где-то вблизи, хотя и не мог разобрать, за какой именно занавеской. Простояв несколько минут в нерешимости, я осторожно приподнял ближайшую портьеру и тотчас же снова опустил ее, оставив только крошечную скважину для наблюдения. Сквозь нее я уви-

дел, что в соседней очень большой пещере работало несколько человек около ярко пылающего огня, отражение которого придавало их мрачным фигурам вид каких-то окровавленных демонов. Широкие приводные ремни и толстые резиновые рукава какой-то большой машины, стоящей посреди пещеры, равно как своеобразные рычаги, которыми она приводилась в движение, позволили мне угадать род занятий этих полуобнаженных людей. Они накачивали воздух в глубокое подземное помещение.

Я так быстро отскочил от занавеса и так осторожно опустил его, что никто из работающих у воздушного насоса не заметил моего внезапного появления и не прекратил своего занятия. Еще раз на цыпочках обошел я вокруг пустой подземной залы, заглядывая за все занавесы и не находя ничего, кроме совершенно темных или слабо освещенных пещер, очевидно никем не обитаемых. Я уже начинал отчаиваться, как вдруг заметил узкую щель, не прикрытую ковром. Осторожно заглянув в нее, я увидел род темного коридора, круто поднимающегося кверху. Вдали слабо мерцал свет. Во мне родилось подозрение: не этот ли коридор ведет в верхние этажи подводного жилища, занимаемого мистером Кчерни и его приближенными? Быстро решившись, я смело пошел длинным и извилистым подземным ходом, не обращая внимания на бесконечное количество отверстий в его стенах, постоянно встречаемых мной, то справа, то слева. Сквозь полуопущенные занавесы или ковры, закрывавшие эти отверстия, взор мой беспрепятственно проникал в подземные залы различных форм и убранств, то совершенно пустые и темные, то освещенные и наполненные людьми в разнообразнейших костюмах, среди которых, впрочем, преобладали морские блузы. Одни крепко спали на подвешенных к потолку койках. Другие играли в карты или в кости, третьи громко кричали, сидя за столами, уставлены бутылками и стаканами. Никто не обращал на меня внимания даже тогда, когда я не успевал укрыться в каком-нибудь темном углу от идущих мне навстречу. Я понял, что нахожусь в безопасности, благодаря моему костюму, ничем не отличающемуся от одежды большинства подчиненных мистера Кчерни. Понятно, что среди сотни моряков нелегко было знать каждого в лицо. Мне стало ясно, что я мог сравни-

тельно спокойно разыскивать самого губернатора или старого француза, который, наверно, находится в этом подземном лабиринте и укажет мне, как добраться до его таинственного хозяина.

Так как самый длинный коридор когда-нибудь да кончается, то и я дошел до конца своего коридора и остановился с новым недоумением на площадке, на которую выходило несколько тяжелых, старательно запертых железных дверей. Взломать такие двери, даже обладая всеми нужными инструментами, не было бы возможности, не наделав шума. Стучаться было более чем рискованно. Звать же кого-либо из пьющих внизу матросов я не решался, возвращаться ни с чем я тоже ни за что не хотел, а между тем и ждать до бесконечности было небезопасно. В раздумье стоял я, не зная, на что решиться, как вдруг — представьте себе мою радость — одна из железных дверей отворилась и на пороге ее показалась одна из трех хорошеньких «внучек» нашего доброго старика Оклера. Узнав меня, что было нетрудно, так как висящая за дверью электрическая лампочка светила мне прямо в лицо, прелестная мисс Розамунда ахнула, по счастью, не очень громко для того, чтобы привлечь чье-либо внимание, и прошептала, боязливо озираясь:

— Капитан Бэгг, вы здесь? Какими судьбами? Зачем?

Обрадованный счастливой встречей, я без церемонии сжал маленькую ручку девушки.

— Сам Бог привел вас сюда, мисс Розамунда! Скорее скажите мне, куда ведут эти двери и где я могу увидеть мистера Кчерни? Этим вы окажете неоценимую услугу всем нам!

— Я знаю, что Бенно Ренато, специально прислуживающий губернатору, ушел на кухню за своим ужином и что он не скоро вернется оттуда, потому что любит разговаривать с сестрой Целестой, — проговорила она задумчиво, — и я, конечно, поспела бы сбегать вниз и была бы очень рада услужить вам, капитан, но, право, я боюсь!

Нежный голос девушки дрожал неподдельным участием, и мне стало искренне жаль ее перепуганного личика. Я попробовал успокоить ее, насколько мог, рассказом о моем прошлом знакомстве с мистером Кчерни.

— Если вы сами боитесь спускаться, мисс Розамунда,— сказал я в заключение,— то укажите мне помещение доброго старика Оклера, и я попрошу его об этой услуге!

Я не договорил, заметя слезы на глазах девушки.

— Ах, мистер Бэгг,— заговорила она, бледнея,— бедный дедушка прогневал губернатора и жестоко наказан за то, что осмелился помогать вам. Его увезли с собой в подводный замок, в этом я уверена. Но куда его заперли, никому не известно, и я боюсь худшего. Теперь вы сами видите, что за человек мистер Кчерни. Наверно, вы понимаете, почему я боюсь указывать вам дорогу к его комнатам?

— Не отчаивайтесь преждевременно, милая мисс Розамунда. Даст Бог, все еще устроится. Я надеюсь, что мне удастся сговориться с вашим губернатором, и поверьте, я не забуду долга признательности к мистеру Оклеру и сделаю все возможное для его пользы. Повторяю вам, проводите меня только к мистеру Кчерни, а за остальное я ручаюсь! Он, конечно, здесь? — спросил я, видя, что девушка продолжает колебаться.

— Здесь или у себя на яхте! Никто не знает наверное, где находится губернатор, так как он всегда может оставить подводный замок другим ходом, с моря. Но если он у себя, то вот в этой стороне! — закончила она, робко отворяя вынутым из кармана ключом вторую дверь, противоположную той, из которой она вышла.— Здесь комнаты его и молодой леди. Идите все прямо. Там всегда освещено, и вы не можете сбиться с дороги. Но помните, я предупреждала вас, и не обвиняйте меня, если с вами случится что-нибудь дурное!

Я решительно отдернул занавес, закрывающий вход в следующее помещение.

Передо мной была огромная, круглая комната со стенами, совершенно закрытыми драгоценными гобеленами, с громадным органом в одной стороне и несколькими роскошными электрическими люстрами, спускавшимися на серебряных цепях со сводов, расписанных великолепной живописью. Очевидно, это была гостиная или музыкальная зала венгерского виртуоза.

Быть может, я еще долго любовался бы роскошным помещением, если бы слабый говор не привлек моего внимания. Беззвучно скользя по мягкому ковру, я пере-

сек залу и, слегка приподняв тяжелую плюшевую портьеру, заглянул в следующую комнату, очевидно столовую.

Обед или ужин только что кончился. На роскошно накрытом столе еще виднелись остатки десерта. Прямо передо мной стояла та, ради которой я перенес столько опасностей.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,
*в которой Джаспер Бэгг
пробирается в подводный замок*

Мисс Руфь, очевидно, только что встала из-за стола с намерением удалиться. С кем говорила она минутой раньше, кто остался в столовой — я не разглядел, потеряв способность видеть что-либо, кроме нее. Медленно направлялась она к двери. Еще несколько шагов, и она могла столкнуться со мною. Поняв опасность встречи в этом ярко освещенном зале, вблизи от лиц, могущих услышать самый легкий крик удивления, сорвавшийся с ее уст, я быстро решил спрятаться куда бы то ни было. На цыпочках перебежав роскошную гостиную, скользнул я в первую попавшуюся боковую дверь и очутился в полутемной комнате, около какой-то драпировки, прикрывшей меня своими мягкими складками. В ту же минуту мисс Руфь появилась на пороге. Она была одна и шла медленно, понутив свою прелестную головку. Еще десять, еще пять шагов, и она поравнялась с драпировкой, за которой я стоял, дрожа всем телом от невыразимого волнения. Убедившись последним быстрым взглядом в том, что мы одни, я осторожно протянул руку из-за портьеры и слегка дотронулся до ее руки.

— Мисс Руфь,—проговорил я так тихо, что сам удивился, как могла она расслышать мои слова,— мисс Руфь, это я, Джаспер Бэгг, не пугайтесь, ради Бога!

Она не вскрикнула, не зашаталась, даже не протянула мне руки. Быстрее мысли кинулась она к дверям, потом к другим и, только убедившись, что нас никто не видит и не слышит, заговорила дрожащим голосом, с непередаваемым выражением радости в блестящих слезами глазах:

— Джаспер, вы? Вы живы? Вы здесь, со мной?.. О Боже, благодарю тебя!..

Она упала на колени и подняла руки к небу. Затем она быстро вскочила, крепко сжала мне руку и еще раз подошла к дверям. Осторожно заперла она обе двери на ключ и на задвижку и тогда только зажгла электричество и, взяв меня за руку, усадила возле себя на мягкую оттоманку, закидывая вопросами и не дожидаясь ответа, смеясь и плача в одно и то же время.

Мы были одни, в первый раз одни, не боясь шпионов, не имея тайн друг от друга, одни на глубине нескольких десятков сажений под водой, в волшебном прекрасном помещении, подобного которому невозможно было бы найти в целом мире!

Глубокая радость и искреннее участие, звучащие в голосе прекрасной хозяйки волшебного дворца, скоро ободрили меня. Мисс Руфь все еще не выпускала моей руки из своих нежных, сверкающих перстнями пальчиков и повторяла почти бессознательно:

— Вы здесь, Джаспер? Вы со мной?.. Какое чудо привело вас сюда, друг мой?

— Не чудо, мисс Руфь, а неотложная необходимость,— отвечала, оправившись от первого волнения.— Мы не могли существовать на острове и умирали от голода в скалах. Случай позволил нам найти подземную дорогу сюда. Какова была эта дорога и что перенесли мы, пока добирались до вас, об этом после. Теперь скажу только одно: я решил откровенно переговорить с мистером Кчерни, так как без его помощи мы все неминуемо должны погибнуть!

Мисс Руфь молча выслушала меня, молча встала и раза два прошлась по комнате. Ее оживленное радостным волнением личико как-то сразу побледнело и осунулось, точно потухло. Глубокая горесть и мучительный страх ясно отпечатались в ее чудных синих глазах.

— Нет!— вскрикнула она наконец, решительно подходя ко мне.— Нет, друг мой! Мой муж не должен видеть вас. Я не допущу этого!— Она подняла глаза с умоляющим выражением и не договорила начатой фразы. Слезы покатались по ее бледным щекам.— О Джаспер,— воскликнула она испуганно,— как вы изменились, бедный друг мой! Боже мой, на кого вы похо-

жи! Теперь только я поняла, что вы перестрадали за это время!

— Не беспокойтесь обо мне, дорогая мисс Руфь. Я не красная девушка и могу кое-что вытерпеть, хотя не хочу скрывать от вас, что положение наше очень тяжелое. Наше судно исчезло. Почему, не знаю наверно, но предполагаю, что с ним случилось несчастье, иначе мой помощник, вы знаете исполнительность мистера Джекоба, конечно, не ушел бы раньше назначенного времени или вернулся бы за мною. В отсутствие же «Южного Креста» нам нет иного спасения, как просить гостеприимства у мистера Кчерни. Не может же он отказать в нем честным морякам, не сделавшим ему никакого зла!

Опять она ничего не отвечала и только испуганно подбежала к одной из запертых дверей. Успокоенная глубоким молчанием, нарушаемым только отдаленным шумом морских волн, слабо плескавшихся о толстое стекло окна, мисс Руфь осторожно приотворила другую дверь, ту, в которую она вошла, скрылась на несколько мгновений за парчовой портьерой и вернулась, держа в руках большой серебряный поднос с бутылкой, стаканом и наскоро собранной закуской.

— Мистер Кчерни крепко спит. Он всегда засыпает после... после коньяку! — прошептала она, вся вспыхнув. — Я здесь одна... Он куда-то уснул тетушку Рэчель сегодня утром, всего на несколько дней, как он объяснил мне, но, я думаю, навсегда. Та начинала мешать ему. Единственный слуга, допускаемый в наши комнаты, всегда уходит после обеда, да его задержит маленькая француженка Целеста. Итак, мы здесь в безопасности. Но прежде всего поешьте, дорогой друг! Не отказывайтесь, прошу вас! А потом мы попробуем отыскать выход из этого ужасного положения!

С очаровательной живостью, напомнившей мне более счастливые времена, налила мне мисс Руфь стакан старого портвейна и своими руками положила ломтик холодного мяса на тарелку. Чтобы не огорчать ее отказом, я проглотил несколько кусков; старое вино согрело и оживило меня. Она же продолжала говорить, будучи, видимо, не в силах сдерживать своего мучительного волнения:

— Если бы вы знали, как я измучилась за вас, друг мой! Представьте себе, ведь я знала, что вы остались на

острове! Знала и то, что старый француз не смог ни предупредить вас, ни оставить вам пищи. Знать все это и не сметь, не иметь возможности прийти на помощь — это такая пытка, Джаспер! Как ни тяжело было вам, но вы, наверно, страдали не больше моего, друг мой! Такова наша женская участь! Болеть душой за дорогих нам людей и бессильно глядеть на их страдания. И теперь, теперь, когда вы здесь, когда я так счастлива, видя вас возле себя, я все-таки терзаюсь и дрожу, умирая от страха, не зная, на что решиться!

— Попросите сюда вашего мужа, мисс Руфь, и сообщите ему о моем присутствии и о моем желании. Это единственный приличный выход из нашего положения! — проговорил я грустно, но твердо.

Она взглянула на меня и, заломив руки с немим отчаянием, опустилась на кресло, по другую сторону камина, у которого я пытался согреть свои дрожащие, холодные руки.

— Джаспер, — сказала она с видимым усилием, — скажите мне: прочли ли вы мой дневник?

— От строчки до строчки, мисс Руфь!

— И несмотря на это, вы хотите отдаться в руки мистера Кчерни? — вскрикнула она с каким-то болезненным недоумением.

— Мисс Руфь, будем говорить спокойно, — отвечал я, стараясь не поддаваться волнению. — Я прочел ваши записки и глубоко скорбел душой, читая их. Но, скажите мне, не слишком ли строго судите вы вашего мужа? Все, что здесь случилось несчастного, могло случиться и без его прямого участия. Вы сами знаете, что он был в отсутствии, когда фальшивый маяк заманил несчастное испанское судно на подводные скалы. Быть может, и большинство ужасных происшествий, свидетельницей которых вы были, совершились без его ведома или, по крайней мере, без его приказанья. Наконец, как бы он ни был жесток в своем гневе, но в спокойном состоянии не захочет же он осудить на гибель пять человек, ничем не повредивших ему и явившихся добровольно просить помощи в отчаянную минуту? На такую ужасную жестокость, на такое издевательство над святейшими законами человеколюбия не способен ни один христианин!

С нервным хохотом вскочила она с места.

— Вы называете его христианином, Джаспер? Вы

обвиняете меня в том, что я слишком строго сужу его? Так поглядите, сами поглядите, что он сделал со мной, с женщиной, которой он клялся перед алтарем быть защитником и покровителем!

Отчаянным жестом она сорвала со своих плеч кружевную накидку, закрывавшую их до сих пор, и я вскрикнул от ужаса, увидя кровавые рубцы на белоснежной коже! Да, да! Еще свежие следы недавних ударов, почти одного цвета с ярко-красными рубинами, обвивающими двойной ниткой ее нежную шею! С проклятием схватился я за ручку револьвера и, не помня себя от негодования, кинулся к двери, чтобы потребовать к ответу злодея, решившегося терзать это прелестное, беззащитное создание, но мисс Руфь решительно преградила мне дорогу.

— Пойдите, Джаспер, выслушайте меня сначала! Вы видите следы нагайки на моих плечах и приходите в ужас. Я же говорю вам, что это ничтожнейшее из преступлений этого ужасного человека. То ли еще заставил он меня вытерпеть?!

С тяжелым стоном, обессиленная волнением, упала она на диван, дрожащими руками кутаясь в свою мантию, как бы испуганная собственными словами. Я стоял как громом пораженный. Ничего подобного я не ожидал, несмотря на записки мисс Руфи. Бедная женщина, какая ужасная судьба выпала на ее долю! И чем я мог помочь ей, я, бедный, бесприютный моряк, не могущий ручаться даже за собственную жизнь. И все-таки я должен был успокоить ее, должен был указать ей луч надежды, хотя бы на всемогущего Бога, никогда не оставляющего истинно верующих в Его милосердие.

— Мисс Руфь,— произнес я торжественно, взяв ее за руку,— будущее в руках Божьих! Его воля привела меня к вам, он же укажет нам путь к спасению. Только слепой или неблагодарный может сомневаться в этом после всех опасностей, от которых нас уже спасало милосердие Божие в эти последние дни. Как и когда удастся мне покинуть этот ужасный остров, я не знаю, но, клянусь вам всем, что только священо для человека, когда бы это ни случилось, я уеду не один! Мисс Руфь, надеюсь, вы поняли меня и поможете мне сдержать мою клятву?

Она только крепко сжала мне руку, и в ее заплаканных глазах блеснул луч невыразимой радости.

— Джаспер,— прошептала она,— вы помните день моей свадьбы?

Признаюсь, я был удивлен этим вопросом и отвечал с горькой усмешкой:

— Да разве мужчина может забыть день, отдающий другому сокровище, на которое он сам глаз поднять не смел?

Она не остановила смелых слов на моих губах, а только еще ниже опустила свою прелестную головку, вспыхнувшую ярким румянцем стыдливости.

— Не обвиняйте меня в легкомыслии, Джаспер, за то, что я поверила ему! Вы знаете, каким счастливым, балованным ребенком росла я. Никто не сдерживал порывов моей фантазии, увлекающей меня в волшебную, романтическую даль, сулящую какое-то неведомое, неземное блаженство. Вокруг меня были только родные, обожающие меня, или ухаживатели, слишком явно интересующиеся моими миллионами. О, проклятое золото! Оно губит даже тех, у кого нет в нем недостатка. Их, пожалуй, скорее всех. Вы не знаете, как недоверчивы становятся так называемые богатые невесты, если только они не тщеславные дуры, не корыстолюбивые куклы. Среди всех мужчин, окружающих меня, я верила только одному...

— Одному? — перебил я невольно. — Кому же? Кому?

Она не отвечала на мой вопрос, а только взглянула на меня своими синими глазами с таким выражением, что я невольно закрыл глаза, ослепленный внезапно сверкнувшим лучом блаженства...

Она же продолжала говорить, едва слышно, как бы оправдываясь:

— Да, был один, которому я верила, вполне и безусловно! Но он не знал... не понял. Он глядел на меня, как на ребенка, да я и в самом деле была еще ребенком, несмотря на свои двадцать два года. Я увлеклась красавцем виртуозом, который, казалось, так беззаветно, так искренне полюбил меня. Да и как было не увлечься им? Вы его видели в Ливорно, Джаспер. Весь город сходил от него с ума. Он же видел одну меня. Подозревать его в расчете было невозможно. Он передал моему брату для меня сумму, вдвое большую всего

моего состояния. Как он говорил о своем волшебном королевстве среди синих волн Тихого океана! Как чудно описывал он райскую жизнь вдвоем, вдали от прошлого и фальшивого света, среди чудес тропической природы! О Джаспер, как могла я не увлечься красноречием человека, который все знал, все видел, все испытал, человека, который говорил так же прекрасно, как играл на скрипке?! А его игрой восхищался весь цивилизованный мир!

Она остановилась и посмотрела на меня робкими, смущенными глазами, как бы ожидая от меня слов сочувствия.

Увы, я не мог ей отказать в этом утешении. Я слишком хорошо помнил увлекательную личность гениального музыканта, слишком хорошо помнил, что ни одна женщина не могла устоять перед его любовью, и я имел мужество откровенно высказать ей свое мнение. Ее благодарная улыбка была моей наградой.

После минутного молчания она продолжала с заметным колебанием:

— Мы поехали сначала в Сан-Франциско. И, правду надо сказать, первые недели моего супружества пролетели как волшебный сон! Я жила в каком-то очарованном мире, опьяненная сладким благоуханием роз и лилий, опьяненная его любовью. Увы, это опьянение продолжалось недолго! Первые три недели нашей жизни на Кеннском острове прошли счастливо, в блаженном неведении. Но в конце месяца у берегов разбилось большое купеческое судно. Мой муж поспешил на помощь погибающим, подумала я и бросилась с биноклем в руках на бельведер, откуда виднелось море, чтобы полюбоваться на подвиги моего героя. Увы! Я увидела!.. Но, Джаспер, вы знаете все, что я должна была увидеть. Не заставляйте же меня рассказывать вам возмутительных подробностей всех пережитых мной ужасов. Вернувшись домой, мистер Кчерни вышел из себя, узнав, что меня допустили видеть то, о чем я не должна была знать. По его приказанию вся прислуга, не удержавшая меня хотя бы силой, как он выразился, была тут же повешена, несмотря на мои слезы и мольбы за этих несчастных. С этой минуты я поняла, какому человеку отдалась я в руки. Понял и он, что я никогда не соглашусь быть его сообщницей. Никогда не примирюсь

с его разбойничьей жизнью. С этой минуты начались мои мучения!

Она замолчала, закрыв руками бледное личико. Молчал и я, понимая весь ужас нашего положения. Такой человек, очевидно, не пощадит людей, которым известны его постыдные тайны, людей, одного слова которых в первом цивилизованном городе будет достаточно для того, чтобы привести его на виселицу.

— Боже мой, как мог дойти до таких преступлений такой богато одаренный человек? — прошептал я. — Ведь он должен быть богат! Зачем же ему новые убийства, новые грабежи?

— Ах, Джаспер, я уже сказала вам, что золото губит каждого, кто только допустил это чудовище завладеть своим сердцем. Эдмунд Кчерни страшно, невероятно богат. Богаче многих монархов. Но он ненасытен в своей жажде золота. Мое сравнительно небольшое состояние так же понадобилось ему. Недавно он заставил меня подписать духовное завещание в свою пользу. Следы этого «супружеского объяснения» вы видели на моих плечах, Джаспер! И теперь я уверена, что скоро, очень скоро это завещание будет представлено моему брату вместе с известием о моей смерти. О том же, чтобы это известие оказалось справедливым, мистер Кчерни сумеет позаботиться, верьте мне, Джаспер, недолго уж осталось мне жить. Отослав сегодня тетюшку Рчель, он сделал первый шаг к моему убийству!

Она закрыла лицо руками, дрожа от ужаса. И признаюсь, я, мужчина, дрожал не меньше ее, дрожал за жизнь дорогого существа, спасение которого представлялось мне столь же невозможным, как и наше собственное. Нелегко было вырваться из пасти кровожадного тигра, устроившего свое логово в этом подводном жилище, в котором я чувствовал себя как бы в ловушке. Но я не успел еще вполне обдумать весь ужас нашего положения, как над нашими головами раздался пушечный выстрел. Мы быстро вскочили на ноги.

— Что это? — прошептал я, сжимая руки мисс Руфи.

— Корабль в бурунах! — ответила она мне так же тихо, замирая в боязливом ожидании.

В ту же минуту в глубине подводного жилища зазвучал большой колокол. Громкие голоса доносились

к нам издали. Торопливые тяжелые шаги раздавались во всех направлениях. Мне стало ясно, что команда Кчерни собиралась в свою обычную экспедицию.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Джаспер Бэгг

спешит воспользоваться счастливой случайностью

Наши враги проснулись. Странный шум, внезапно наполнивший подземные залы, скоро убедил нас в этом. Громкие слова команды смешивались со звуками призывного колокола и шумом оружия. Суматоха все усиливалась в продолжение двух или трех минут, пока, наконец, не послышался голос начальника. Я сразу узнал красивый, мелодичный голос, не раз слышанный мною на яхте мисс Белленден, тот самый голос, который отвечал на роковой вопрос священника в старом соборе Ливорно: «Обещаешь ли любить эту женщину и быть ей верным другом и покровителем?» — громким и внятным: «Да, обещаю!»

— Торопитесь, ребята! — грозно кричал голос мистера Кчерни. — В южных рифах застряло купеческое судно. Скорей по местам, чтобы оно не освободилось, прежде чем мы подойдем к нему «на помощь»!

Грубый хохот нескольких десятков разбойников приветствовал остроумную шутку начальника, голос которого мне показался неестественно дрожащим, как у пьяного или горячечного. Еще две-три минуты продолжался шум, гам и крики. Десятки тяжелых ног бежали по невидимым лестницам, десятки грубых голосов перекликались на всевозможных наречиях. Затем так же внезапно наступила полная тишина, точно сразу все вымерло в таинственном подводном жилище.

— Уехали, — прошептал я на ухо мисс Руфи. — Это счастливая случайность, посланная нам Божественным милосердием!

Она не сразу поняла смысл моих слов. При первом звуке голоса мужа страшное волнение охватило ее... Дрожа как в лихорадке, она бессильно упала на колени, шепча побелевшими губами:

— О Господи, спаси и помоги!

Я понял, что она молилась о тех несчастных, смерть

которых была решена ужасным сборищем демонов, хотавших в двадцати шагах от нас.

— Как вы думаете, мисс Руфь, уехал он вместе с другими? — проговорил я громко.

— Да, — ответила она, — мистер Кчерни всегда участвует в подобных экспедициях. С ним уезжает почти вся команда. Мы с вами теперь одни, Джаспер, на этом этаже, по крайней мере!

Я быстро открыл дверь и, пройдя столовую, вошел в роскошную гостиную. Обе комнаты были пусты. Мисс Руфь покорно следовала за мной, очевидно все еще не понимая моих намерений.

— Скажите мне, мисс Руфь, мне кажется, что в машинном зале должны оставаться люди? Ведь воздушный насос нельзя оставлять надолго без прислуги. Да и часовых, наверно, всегда ставят у входа. Словом, как вы думаете, сколько людей остается здесь, когда команда уезжает в экспедицию, подобную сегодняшней?

Она страшно побледнела, поняв, наконец, мою мысль.

— О Джаспер, берегитесь. Не подвергайтесь новым опасностям, друг мой! — вскрикнула она, ломая руки.

— Моя жизнь в руках Божьих, мисс Руфь! Не задерживайте меня. Вспомните, с каким беспокойством ждут известий мои несчастные товарищи, и помогите мне спасти их и вас, мисс Руфь! Скажите мне, сколько караульных и рабочих может оставаться в нижних залах? — серьезно повторил я мой вопрос.

Она решительно встряхнула своей прекрасной головкой и начала соображать.

— Сколько помню, внизу должно оставаться человек пять или шесть, на различных сторожевых постах, и, пожалуй, столько же в машинном зале. Вот эта дверь ведет в главный коридор, оканчивающийся у трапа к необитаемой пещере около подземного озера, где ждут ваши товарищи. Железная лестница никогда не снимается, но около трапа должны быть караульные. О Джаспер, неужели вы решились на такой ужасный риск? — внезапно вскрикнула она, обессиленная волнением.

— Я хочу исполнить святую обязанность, дорогая мисс Руфь, и надеюсь на помощь Божию! Дайте мне то-

лько привести сюда товарищей, а там мы запрем оба входа. Ведь здесь два входа, мисс Руфь?

— Да,— прошептала она, задыхаясь от сдерживаемых слез,— через знакомое вам подземелье для команды и через площадку северного мыса, недоступную даже самому сильному приливу. Это специальный ход мистера Кчерни. О Джаспер, если бы вы могли в самом деле укрепиться здесь!

— Мы сделаем все возможное, мисс Руфь, как честные и храбрые моряки, за это могу вам поручиться, а остальное в руках Божиих! Но что бы ни случилось, вы должны оставаться в стороне. Прошу вас, дорогая моя, зайдите в своей комнате и молитесь за нас! Ваша молитва будет полезнее вашего присутствия, могущего только смутить нас в минуту опасности!

Она поняла, что я прав, что Господь указал нам единственную дорогу к спасению, и, шатаясь, удалась в свою комнату. Я остался один, готовый на все, чтобы только спасти дорогую женщину. Осторожно отворил я первую дверь из красивого розового дерева, с инкрустациями из бронзы и перламутра, и, распахнув ее, очутился лицом к лицу с первым караульным, дремлющим, прислонившись к тяжелым засовам железных ворот, ведущих в уже знакомый мне коридор. Этот человек стоял между мной и товарищами, загораживая мне путь к освобождению. Мне некогда было долго думать. Одним прыжком очутился я возле него и, схватив его левой рукой за горло, правой приставил дуло моего револьвера к его виску.

— Отворяй, Бенно Ренато,— проговорил я, машинально повторяя имя, слышанное мною от маленькой француженки.

Внезапно разбуженный караульный совершенно растерялся. Дрожа всем телом, глядел он бессмысленными глазами мне в лицо, очевидно не понимая, откуда взялся этот незнакомый человек и что ему надо. Я тоже пытливо взглянул на своего врага. Это был еще совсем молодой человек, по-видимому, итальянец или испанец, красивый и стройный, с незлым и неглупым лицом, внушающим скорее симпатию и доверие, чем страх или отвращение.

— Отворяй скорее, Бенно Ренато,— повторил я,— если тебе жизнь дорога. Одна минута промедления — и ничто уже не спасет тебя от смерти!

— О сударь, пощадите меня, я готов повиноваться! — пролепетал он, послушно отворяя железные двери.

Я понял, что верно угадал его имя, и решительно толкнул его вперед.

— Веди меня кратчайшим путем к железной лестнице в подземелье. Но предупреждаю тебя, Бенно Ренато, при первом подозрительном движении моя пуля отправит тебя туда, откуда нет возврата!

Бедняга дрожал всем телом и покорно прошептал:

— Не бойтесь, сударь, я всей душой предан мистрис Кчерни! Я не обману вас!

— Ладно, там увидим! Марш вперед! — сурово командовал я, не опуская револьвера.

Мы быстро подвигались по длинному, спускающемуся вглубь коридору, по которому я час назад добрался до мисс Руфи. Уходя, я накрепко запер железную дверь в ее помещение... Она должна была быть ограждена от всякой опасности. Никто не задержал нас, и мы скоро и спокойно добрались до большого подземного зала, который еще так недавно был полон народа. На этот раз в нем находилось всего пять или шесть человек, частью лежащих на койках, частью сидящих за большим столом, спиной к коридору. Я мог проскользнуть незамеченным, но в таком случае за мной оставалось бы значительное число врагов, могущих оказать нам отчаянное сопротивление в несравненно более выгодной позиции, посреди незнакомого нам лабиринта подземных ходов. Не зная, на что решиться, я колебался, как вдруг мне пришла спасительная мысль, навеянная словами моего несколько оправившегося от страха проводника.

— В этой комнате такая же железная дверь, как и наверху! — прошептал он мне на ухо. — Только она редко запирается!

Я сразу понял важность этого сообщения. Осторожно подкравшись, я быстро захлопнул тяжелую дверь, стараясь не шевельнуть спущенной занавеси и не встревожить спящих или дремлющих разбойников. Когда массивный ключ повернулся в громадном замке, я вздохнул несколько свободнее.

Я усмехнулся, но не успел ответить, так как запертые в большом зале разбойники, очевидно, слышали наши голоса, хотя мы говорили шепотом. Они подо-

шли к двери и, найдя ее запертой, почуяли что-то неладное. Мы еще и трех шагов не успели отойти, как услышали громкие крики и стук. Пойманные в западню разбойники ломились в дверь с дикими проклятиями. Хотя я и был уверен в прочности замка и железных засовов, но все же беспокоился, так как страшный шум мог привлечь кого-либо из часовых раньше, чем я успею впустить своих товарищей. К моему радостному удивлению, я нашел дорогу к подземной лестнице свободной. Быстро подняв железный трап, я наклонился и громко крикнул:

— Скорей, друзья! Баркер, полезай первым! Долли, помоги доктору. Спешите, друзья мои! Каждая минута может стоить нам жизни!

Могу себе представить удивление моих бедных товарищей, ослепленных внезапным светом и пораженных моим отчаянным голосом.

Однако они не растерялись и с криками радости кинулись к лестнице.

— Ура! Капитан жив и здоров! — вопил зычный голос Питера. — Ура! На приступ! Не робей, ребята, вперед!

Через пять минут мы все пятеро стояли в первом подземелье у накрепко запертого железного трапа, и доктор Грэй спрашивал меня голосом, слегка дрожащим от жестокой боли в раненой ноге:

— Что дальше, капитан?

— Прежде всего надо овладеть вторым выходом! — быстро ответил я и сейчас же обратился с вопросом к итальянцу: — Скажите мне, Бенно Ренато, да только говорите правду ради мисс Целесты! — С радостью заметив, как вспыхнуло лицо молодого человека при этом имени, я поспешил прибавить: — Мы — друзья молодых француженок и хотим спасти их, так же как и мистрис Кчерни. Помогите же нам ради них и ради себя самого, Бенно Ренато!

— Я все готов сделать для вас и для миледи! — отвечал итальянец с очевидной искренностью.

— Так скажите нам, какой вход важнее? Этот или тот другой — верхний?

— Главный ход на площадке важнее, — не колеблясь отвечал Ренато, — он укреплен особенно старательно, через него губернатор постарается пробраться сюда!

— Ладно, мы сами с зубами! Попробуем защищаться! На то и щука в море, чтобы карась не дремал, как говорил мой покойный отец! — пробурчал Питер Блэй, с удивительной быстротой задвигая запасные засовы двери.

Только выйдя из первого подземного зала в длинный извилистый коридор с бесчисленными дверями по обеим его сторонам, услышали товарищи отчаянные крики запертых негодяев и поняли, в какое опасное положение, в какое удивительное жилище забросила нас судьба. Несмотря на отчаянные обстоятельства, они не могли удержаться от восклицаний удивления и от любопытных взглядов, пока я наскоро спрашивал у доктора Грэя о состоянии его ноги. Он отвечал, весело улыбаясь, хотя я и заметил, что каждый шаг причинял ему страдание.

— Не обращайтесь на это внимания, капитан,— решительно заявил он.— Я вижу и понимаю, что нам некогда нежничать. Укажите мне, куда идти, и, поверьте, я не отстану от вас и, в случае нужды, сумею отбиться от разбойников не хуже, чем от морского черта!

— С Божьей помощью мы победим их, доктор! — отвечал я, указывая товарищам дорогу.— Этот коридор ведет в комнаты мисс Руфи, которую надо оградить прежде всего. Поручаю это вам, доктор, и вам, Долли! Мы же, остальные, постараемся овладеть главной лестницей. Ее защищают четыре часовых. Нас трое: как видите, партия почти равная!

Партия оказалась даже совершенно равной, но только не у главного входа, а в том же полутемном коридоре. Увлеченный и ошеломленный необычайностью обстановки, а отчасти и первым успехом, я совершенно забыл о разбойниках, оставленных в машинном зале. Как ни громко шумели рычаги воздушного насоса, как ни звучно стонало море над нашими головами, но крики и стук негодяев, запертых в большом зале, все-таки привлекли внимание их товарищей. Внезапно выскочив из своего логовища, они появились перед нами, полуобнаженные, растрепанные, покрытые грязью и копотью, вдвойне ужасные своей отвратительной наружностью. Впереди всех шел гигантский немец, очевидно пьяный, окликнувший нас хриплым голосом:

— Какой тут черт шумит? Что вы за люди? Как сюда попали?

— А вот сейчас увидишь! — отвечал я, быстрым движением поднимая руку, вооруженную заранее приготовленным кастетом. Разбойник понял мое намерение и кинулся на меня. Но я успел схватить его правую руку и свернуть ее тем самым приемом, который так не понравился желтому Дену. Он еще не опомнился от боли, как мой кастет уже ударился о его висок. С диким криком свалился гигант, давая мне возможность поспешить на помощь кому-либо из товарищей, защищающихся от других разбойников. Я оглянулся. Питер Блэй уже справился со своим противником, старавшимся раздробить ему голову большим топором. Ловко увернувшись от удара, наш ирландец всадил свой охотничий нож в грудь негодяя, который испустил дух, не успев даже вскрикнуть. Одному Долли Вендту приходилось худо, так как он имел дело с ловким и сильным разбойником, вооруженным тяжелой полосой железа, которая удерживала в почтительном отдалении короткий нож бедного юноши.

— Держись, Долли, я сейчас помогу тебе! — крикнул я смелому юноше, ловко увертывающемуся от страшных ударов противника. Но не успел я еще сделать и шага ему на помощь, как Сет Баркер как-то умудрился проскользнуть между врагами и, внезапно очутившись сзади разбойника, схватил его за горло так крепко, что тот выронил свое оружие, захрипел и свалился на неподвижные тела своих товарищей. Мы вышли победителями из первой битвы.

— Семь да три — десять! — с торжеством считал я выбывших из строя врагов. Разгоряченный сражением, побуждаемый опасностью, я не мог чувствовать жалости к убитым.

— Осталось всего четыре, друзья мои. Наши шансы уравновешены. Скорей к главному выходу, там решится наша судьба!

— О сударь, — воскликнул молодой итальянец, глядевший неподвижно на короткое, но страшное побоище, — не ходите туда! Верхний вход оберегают вооруженные часовые. У вас же нет ружей. Без ружей вам ни за что не справиться с караульными!

— Никто, как Бог, голубчик Ренато! — отвечал я. — Ты видишь. Он за нас покуда. Веди же нас к верхнему входу, а там что Бог даст!

— Вот эта дверь ведет к галерее, кончающейся та-

кой же лестницей, как и нижняя,— объяснял нам дорогой итальянец,— но, ради Бога, капитан, подумайте. Ведь там двое часовых, да двое на другом посту, недалеко оттуда. И у всех есть ружья!

— Поздно думать, друг мой! — сказал я решительно, отворяя железную дверь и делая знак Питеру и Баркеру следовать за мной. Доктор Грэй и Долли Вендт остались на площадке перед железной дверью, ведущей в комнаты мисс Руфи, с приказанием наблюдать за итальянцем и убить его при малейшей попытке к измене.

Передо мной открылась небольшая круглая пещера, освещенная только слабым отблеском какого-то тусклого света, мелькающего где-то вдали. Я сообразил, что это виднелся свет в конце коридора, примыкающего к пещере, и смело пошел вперед, оставив Питера и Баркера дожидаться меня на месте. С револьвером в руке, осторожно подвигался я по узкому и темному проходу, круто поднимающемуся кверху. И тут только стало мне ясно, почему шум нашей борьбы с разбойниками и дикие крики их запертых товарищей не привлекли внимания часовых. Рев моря над моей головой усиливался ежеминутно и мог бы заглушить, пожалуй, даже целый ружейный залп. Было ясно, что темный ход вел к поверхности моря, то есть к той площадке, о которой говорила мне мисс Руфь. Слабый свет приближался, не делаясь ярче. Я понял, что видел клочок ночного неба. И точно, вскоре я наткнулся на узкую и высокую железную лестницу, оканчивающуюся такой же подъемной дверью, как и та, через которую мы вошли в подводный замок. Этот трап был откинут, и сквозь его четырехугольное отверстие я ясно мог видеть свод неба и вырвавшуюся из-под мрачного покрова свинцовых туч, ярко горящую одинокую звездочку. Вид этой блестящей точки наполнил мою душу новой надеждой и горячей благодарностью к Создателю, сохранившему нас среди стольких опасностей. Не для того же спасал он меня до сих пор, чтобы в последнюю минуту позволить погибнуть защитникам правого дела! С удвоенным мужеством начал я подниматься по ступеням железной лестницы, сообразив, что караульные должны были стоять снаружи, на скале, оберегая вход от нападения внешних, а не внутренних врагов. И я не ошибся, так как скоро расслышал звук шагов, гулко отдающихся от скалистого грунта. Еще осторожнее стал я подвигаться

вверх по узкой лестнице, держась левой рукой за перила, правой же сжимая рукоятку револьвера. Еще двадцать ступеней,—и свежий ночной воздух пахнул мне в лицо. Голова моя уже находилась в уровень с поверхностью земли. Едва дыша, поднялся я еще на одну ступеньку и остановился без движения. Прямо передо мной, к счастью, лицом к морю, медленно прогуливались двое часовых с ружьями на плечах. Внимательно глядели они вдаль, на южную сторону острова, где должно было находиться погибающее судно. Насколько я мог судить, площадка была невелика и, должно быть, возвышалась крутым обрывом над бешено шумевшими волнами. Быстро решившись, я начал подкрадываться к ближайшему караульному. Нас разделяло шагов пять, не более, когда он внезапно обернулся.

— Кто это? Что надо? — удивленно проговорил он на ломаном английском языке и не успел закончить вопроса. Выстрел из револьвера ответил ему. Он зашатался, сделал несколько шагов назад и вдруг сорвался и исчез. Громкий плеск воды показал мне, что бездыханное тело упало в море. Второй часовой услышал звук выстрела. В два прыжка очутился возле меня и, очевидно принимая меня за одного из своей шайки, начал быстро говорить что-то на непонятном мне языке. Видя его оружие, я понял невозможность терять время на объяснения и попробовал вырвать его у него из рук. Тут он понял, что имеет дело не с сообщником, и, выпустив из рук оружие, выхватил из-за пояса громадный нож и кинулся на меня. Боясь привлечь внимание других часовых, которые, по словам Бенно Ренато, должны были находиться где-нибудь поблизости, я не посмел вторым выстрелом покончить с негодяем, не смел также и вступить врукопашную, не зная места, на котором находился, но опасность которого доказало мне падение моего первого врага. Поэтому я отступил к входу в подземелье и, упершись ногой в железную дверь, твердо ожидал нападения. С диким криком подскочил ко мне разбойник, высоко взмахнул ножом, но я избежал удара, быстро пригнувшись к земле... Затем я, в свою очередь, замахнулся ружьем, оставшимся у меня в руке. Раздался глухой неприятный треск пробитой кости, слабый стон и вторичный всплеск воды. Второй часовой исчез в волнах, как и первый. Бог сбе-

рег меня еще раз. Не решаясь ступить ни шагу вперед в опасной темноте, я спустился вниз и захлопнул за собой железную дверь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

*которая доказывает,
что злодеи предвидят все, кроме того,
что должно погубить их впоследствии*

Через пять минут мы все, в том числе и молодой итальянец, очевидно искренне желающий услужить друзьям хорошенькой француженки, покорившей его сердце, стояли на площадке, на которой так недавно еще мерно прохаживались часовые мистера Кчерни. Не без опасения вышли мы на поверхность, предупрежденные Бенно Ренато о существовании двух караульных у другого входа, предназначенного специально для подчиненных губернатора.

— Они также вооружены ружьями,—боязливо говорил Бенно Ренато,—дальнобойными ружьями, капитан, которые бьют на тысячу шагов и даже больше! Они легко могут перестрелять вас всех поодиночке, когда вы будете выходить из подземелья. Позвольте мне, по крайней мере, выйти первому. Меня они знают, и, быть может, мне удастся отвлечь их внимание. Я же буду рад доказать свою преданность добрым и хорошим людям, пришедшим освободить невинных женщин, и заслужить ваше доверие, капитан Бэгг!

Осторожно вышли мы на площадку вслед за ним и принялись внимательно осматриваться.

— О капитан!—воскликнул вдруг Бенно Ренато в безумном восторге.—Пресвятая Дева сделала для вас истинное чудо! Оба часовых исчезли. Они, наверно, уплыли в своей лодке, чтобы принять участие в грабеже бедного погибающего судна. Теперь мы можем быть спокойны, капитан, совершенно спокойны! — повторил итальянец нараспев, смешивая английские слова с итальянскими и прыгая от радости на одном месте.

Мы скоро поняли справедливость его слов, ознакомившись с местностью. На расстоянии нескольких десятков шагов от скалистого утеса, на котором мы стояли, начинались группы подводных камней, из которых некоторые выступали наружу во время отлива. Эти-то

подводные камни и были причиной тех гибельных бурюнов, в которых разбилось уже столько несчастных судов. К счастью, крутой выступ юго-западного берега отчасти закрывал то место, где в данную минуту находилась шайка мистера Кчерни, так что она не могла бы заметить нас даже в менее темную ночь. По другую сторону нашей высокой площадки, но значительно ниже нее, тянулся темный горный кряж, соединяющий скалистую оконечность мыса с материком. Этот горный кряж почти сплошь покрывался водой сильных приливов. Только в одном месте на расстоянии приблизительно тысячи шагов от нас находилась небольшая возвышенность почти на такой же высоте, как и наша площадка. Здесь-то и находился второй вход в подводный замок. Существование третьего входа, по которому провел нас доктор Грэй, не было никому известно, в этом я уже успел убедиться. По объяснению Бенно Ренато, у второго входа всегда стояли двое часовых, так же как и на нашей площадке. Куда они исчезли, нетрудно было догадаться. Услышав сигнал боевого колокола и увидев гибнущее большое судно, жадные разбойники пожелали принять участие в выгодном грабеже и, воспользовавшись лодкой, оставленной в их распоряжении, уплыли вслед за товарищами. Это спасло нас истинно чудесным образом.

— Скажите мне, Бенно Ренато,— обратился я к итальянцу,— здесь, наверно, должно оставаться оружие. Не могли же они забрать с собой все ружья!

Он не сразу понял мой вопрос и не сразу смог отвечать мне. Не без труда разобрал я, наконец, значение его восторженных жестов и восклицаний.

— О да, капитан Бэгг, здесь ружей куча! Два! Три! Сорок! Сто и более! — говорил он на своем ломаном языке. — И все хорошие ружья, бьют далеко-далеко. Да что ружья! Здесь есть оружие лучше этого. Я сам слышал, как губернатор говорил своему любимцу боцману, что сам черт, — суеверный итальянец набожно перекрестился, произнося это слово, — сам черт не сможет пробраться в замок, пока это оружие стоит у входа. Я мирный человек и не понимаю в ружьях, но вы — моряки, значит, военные люди, вы, наверно, сумеете управиться с этим оружием. Вот оно здесь, посмотрите сами, капитан Бэгг!

Молодой итальянец нажал кнопку электрическо-

го фонаря. Моментально загоревшаяся лампа осветила часть площадки и на ней небольшую стальную пушку, укрепленную на подвижном лафете, по всем правилам артиллерийского искусства.

— Ура, капитан! Пушка! Настоящая скорострельная крупновская пушка! — в восторге закричал Долли Вендт, чуть не обнимая блестящее дуло заботливо вычищенного орудия.

— Дайте мне теперь десятка два картечных зарядов, капитан, и я справлюсь с целым полком чертей! — весело крикнул Питер Блэй, и даже Баркер радостно прибавил, высоко подбрасывая свою изодранную фуражку:

— Недаром служили мы в артиллеристах, капитан! Мы пушечное дело до тонкости понимаем!

Отсутствие снарядов несколько умерило общий восторг.

— Друзья мои, — решительно объявил я, — попробуем поискать оружие и снаряды. Я пойду вниз пошарить, а вы, Питер, оставайтесь здесь с вашим ружьем. К счастью, оно заряжено. В случае появления кого-либо из часовых у второго входа — стреляйте. Я знаю верность вашего глаза и надеюсь, что вы не промахнетесь даже на таком расстоянии!

— Будьте спокойны, капитан, — отвечал Питер со спокойной уверенностью хорошего стрелка. — Я понимаю, что если мы допустим этих мерзавцев поднять переполох и привлечь сюда всю шайку раньше, чем мы успеем укрепиться, то нам плохо придется. Идите с Богом и принесите пищу для нашей молодой девицы, а за остальное я отвечаю!

— Пойдем со мной, Бенно, — обратился я к молодому итальянцу, спускаясь по железной лестнице. — Я уверен, что здесь должен быть оружейный и пороховой склады. Вы, как близкий человек, специально прислуживающий хозяину, должны знать, где они находятся.

Он отвечал мне, ни минуты не колеблясь:

— Я знаю только то, что оружейный склад находится где-то в комнатах самого губернатора. Но где именно, не знаю. Когда надо было доставать снаряды, мистер Кчерни никого не брал с собой, кроме боцмана, желтого Дена и еще двух особенно преданных людей, одного из них вы только что отправили на дно морское, капитан! Знаю я еще то, что ключи от оружейного

склада губернатор всегда берет с собой. Наверно, и теперь взял. Клянусь всеми святыми, я говорю правду, капитан Бэгг!

Почти бегом направились мы к верхнему этажу. Роскошная большая гостиная была теперь ярко освещена, и я заметил в ней несколько женских фигур, среди которых узнал и прелестную маленькую француженку Целесту, обменивавшуюся быстрым, но многозначительным взглядом и улыбкой с моим проводником. Мисс Розамунда, видимо, собиралась поговорить со мной, но мне некогда было останавливаться. Каждая минута промедления увеличивала опасность, приближая время возвращения губернатора и его шайки.

— Вот это кабинет хозяина,— проговорил Бенно, поднимая тяжелую малиновую атласную, всю расшитую золотом портьеру, закрывающую солидную железную дверь.— Сюда я никогда не входил, капитан Бэгг. Мистер Кчерни никого не впускал в свои комнаты. В них убирал его главный доверенный слуга, желторожий Дентон, а на ночь или в отсутствие хозяина эта дверь накрепко запиралась.

По счастью, на этот раз железная дверь оказалась незапертой. Очевидно, мистер Кчерни не успел или забыл принять обычную предосторожность, внезапно разбуженный звуками боевого колокола. Даже электрическое освещение не было потушено в громадной пышно убранной комнате, стены которой были заставлены великолепными шкафами из резного черного дерева, наполненными книгами в изящных дорогих переплетах. С любопытством оглядел я красивое помещение, в котором было собрано больше драгоценных редкостей и чудных произведений искусства, чем в музее иной столицы.

В другое время я, может быть, долго любовался бы оригинальной красотой окружающей обстановки. Но одна мысль наполняла все мое существо, мысль о том, где бы могла находиться оружейная. Конечно, где-нибудь в нижнем этаже. Не мог же осторожный человек устроить пороховой погреб рядом с жилыми комнатами, где случайно брошенный окурочек сигары причинил бы страшное несчастье. Внимательно оглядевшись, я отворил одну за другой три двери, ведущие в другие, столь же роскошно меблированные комнаты, и затем принялся осматривать пол кабинета, бывшего, очевид-

но, любимым помещением губернатора. Недаром же он отделялся бронированными дверями от остальных комнат. Довольно скоро заметил я, что роскошный бархатный ковер, сплошь покрывающий пол громадного кабинета, в одном месте не доходил до его стены. Наклонясь поближе и отодвинув в сторону два тяжелых мягких кресла, я увидел скрытую под ними дверь. Не было более сомнения—это был вход в оружейную. Оставалось только открыть эту железную дверь. Схватив первый попавшийся кинжал из богатой коллекции, украшающей одну из стен кабинета, я попробовал было сломать замок, но все усилия оказались тщетными. Дверь не поддавалась. Замок не открывался. Холодный пот выступил у меня на лбу... Неужели же мы должны потерпеть неудачу в самую последнюю минуту? Утонуть у берега вдвойне обидно! Я злобно оглянулся. Бенно стоял бледный и дрожащий в уголку у двери, повторяя едва слышно:

— Наверно, он взял ключи с собой!.. Всегда так было! И теперь тоже!.. Его сам нечистый защищает!

С внезапным приливом бешенства принялся я искать проклятый ключ.

Радостный голос Бенно Ренато образумил меня.

— Капитан Бэгг, касса не заперта!—кричал итальянец.— Ключ в замке, посмотрите сами! Наверно, и тот ключ остался в этом железном шкафу!

Дрожащими руками схватил я небольшой стальной ключик, торчащий в замке несгораемого шкафа. Зная устройство подобных касс, я понимал, что присутствие этого ключа еще не много значило. Человек, не знающий слова, на которое заперт замок, и с ключом в руках не сможет отворить его. Представьте же мою радость, когда я увидел, что небольшая железная дверца кассы поддалась при первом прикосновении. Она была не заперта! С понятным волнением отворил я верхнее отделение кассы. Яркий блеск золота и бриллиантов на мгновение ослепил меня, но я не обратил внимания на все это богатство. В данную минуту я отдал бы все миллионы Ротшильда за два десятка картечных зарядов для нашей пушки. Мимо груд золота, мимо сверкающих драгоценностей, наполняющих оба верхних отделения кассы; взгляд мой впился в большой стальной ключ, лежавший на нижней полке, на груде каких-то процентных бумаг.

Это должен был быть ключ от оружейной. Дрожа как в лихорадке, схватил я его и, захлопнув кассу перед глазами ослепленного блеском золота Бенно, кинулся к двери. О радость, ключ сразу вошел в замок и легко повернулся. Стальная дверь медленно опустилась на невидимых шарнирах, и взор мой проник в большой, довольно глубокий погреб, слабо освещенный одной электрической лампочкой в потолке, окруженной сеткой из толстой металлической проволоки. Я находился в пороховом погребе, среди массы ружей и всевозможных боевых снарядов, достаточной для вооружения целого батальона и целой батареи.

О, справедливость Провидения! Собирая это оружие, Эдмунд Кчерни, конечно, не подозревал, что приготавливает его для своих врагов, на свою погибель.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Первое нападение на подводный замок

С лихорадочной поспешностью принялись мы переносить ружья и боевые снаряды на верхнюю площадку. Не только Бенно Ренато, но даже хорошенькие француженки усердно помогали нам своими маленькими ручками. Покончив с этим делом, я сошел вниз, вполне полагаясь на распорядительность Питера Блэя, оставленного в качестве главного военачальника на площадке.

В небольшой гостиной я нашел доктора Грэя полулежащим на диване. Одна из женщин, помогавших нам, доканчивала перевязку его раненой ноги, под заботливым наблюдением мисс Руфи, уже возобновившей знакомство со старым приятелем своего брата.

— Надеюсь, вы позволите мне распорядиться по хозяйству, дорогой доктор! — заметила мисс Руфь с улыбкой. — Я вижу, что вы, господа полководцы, в пылу стратегических соображений, совершенно забываете об одном, довольно важном предмете: об интендантской части. Позвольте мне поправить вашу ошибку и заранее накормить наших храбрых воинов!

С очаровательной живостью, напоминавшей мне счастливые дни нашей первой молодости, мисс Руфь надавила пуговку электрического звонка и отдала не-

сколько приказаний маленьким француженкам, поспешно прибежавшим из столовой. И не успел я еще приказать принести доктору Грэю на всякий случай несколько ружей и разложить на столе, вблизи железной двери, полсотни патронов, как прелестная молодая хозяйка уже пригласила нас к столу, с нежной улыбкой прося «нашего милого раненого» опереться на ее руку. В то же время хорошенькие француженки проскользнули мимо нас в сопровождении двух женщин и Бенно Ренато, нагруженных подносами, заставленными самыми изысканными яствами и напитками в количестве, достаточном для двух десятков голодных моряков. Питер Блэй не мог пожаловаться на недостаток провианта.

Наскоро подкрепившись, я встал из-за стола, еще раз поручил мисс Руфь заботливости доктора, еще раз прижал к губам маленькую дрожащую ручку дорогой женщины. Тяжелая железная дверь щелкнула, послышался лязг задвигаемых изнутри засовов, и я быстро побежал по узкому коридору наверх, к своим товарищам. Они стояли на самом краю площадки вместе с Бенно Ренато и с особенным волнением глядели по направлению юго-западных рифов. Я скоро понял причину этого волнения. Сильный ветер успел разогнать темные тучи, и всплывшая полная луна залила своим серебряным светом безбрежное пространство успокоившегося океана. В ее лучах ярко блестела белая полоса бурунов, а за ней виднелся огненный силуэт горящего судна, вынесенного ветром из-за скрывавшего его берега настолько, что мы могли ясно видеть все подробности пожара, заженного разбойниками.

— Каковы негодяи! — с негодованием крикнул Питер Блэй мне навстречу. — Они зажгли бедное погибающее судно. Смотрите, вот там виднеются их лодки, вправо от несчастного парохода, а там, немного дальше, видите черный силуэт? Это яхта Кчерни, наш старый дорогой «Мангатан». Мое сердце обливается кровью, видя превращение честной яхты мисс Белленден в разбойничий притон!

— Успокойтесь, Питер, надеюсь, нам удастся освободить яхту вместе с ее хозяйкой! — отвечал я, внимательно рассматривая подробности печальной, но величественной картины.

На ярко-пурпурном фоне зарева отчетливо вырисовывались темные лодки, наполненные вооруженными

людьми. Огненные языки пламени отражались красными блестками на блестящей стали ружейных стволов. Над нами виднелось темно-синее небо тропической ночи, насквозь пронизанное серебряным светом луны, под нами тихо струились бледно-зеленые волны, усыпанные миллионами бриллиантовых искорок. Только у юго-западного берега серебристое море внезапно окрашивалось кровавым отблеском пожара, так что волны казались тяжело переливающейся раскаленной лавой. На этом ярком, пурпурном фоне очертания пылающего судна казались вылитыми из золота. Пламя пожирало мачты, снасти и паруса, превращая каждую веревку в яркую огненную линию. Отблеск пожара долетал до берега, окрашивая зеленоватый туман, все еще окутывающий остров, в красновато-лиловый цвет. А над всем этим широкой воронкой поднимался иссиня-черный столб дыма и расстилался мрачной пеленой над зловещей картиной, точно желая скрыть ее от взоров того, кто царит над этой грешной землей.

Молча смотрели мы на это поразительное зрелище, с чувством невольного ужаса думая о людях, решившихся на подобное злодеяние.

— Капитан!—объявил Питер.—Лодки отчалили от погибшего парохода. Задние, кажется, направляются к яхте, но передние две идут, несомненно, сюда!

— За дело, друзья мои! По местам! Встаньте сюда, Питер, под прикрытием этой скалы, и окликните первую лодку, как только она приблизится. Если она остановится и повернет назад, тем лучше!

— О капитан,—жалобно перебил Долли,—неужели мы отпустим негодяев без выстрела? У меня руки так и чешутся, да и наша красавица ждет не дождется начала бала!

— Успеете натешиться, Долли,—проворчал Питер,—капитану надо повиноваться, а не рассуждать о его приказах!

Настала томительная тишина. Стоя около пушки, я не мог видеть ближайшей поверхности моря, но ровный плеск весел донесся до моего слуха, выдавая приближение враждебной шлюпки.

— Капитан!—громко доложил Питер.—Первой идет гичка с четырьмя гребцами. За ней следует большой катер, в котором десяток вооруженных людей!..

— Не подпускайте их слишком близко, Питер! Внимание, Долли!

Но юношу надо было, скорее, сдерживать, чем возбуждать. Весь бледный от нервного нетерпения, он стоял наготове у заряженного картечью оружия, ожидая только моего приказа.

— Эгой! — раздался внезапно громкий вопрос Питера. — Кто гребет?

— Свои! — крикнул с моря чей-то грубый голос.

— Кто свои? Под каким флагом? За какой надобностью?

Ровный плеск весел прекратился. Очевидно, гичка остановилась, не понимая случившегося. Видя свет и человеческие фигуры у входа, подплывающие разбойники были уверены, что встретят здесь своих товарищей, и недоумевали, услыша незнакомый голос, очевидно недружелюбно окликающий их... После короткого совещания человек, уже отвечавший нам, закричал вторично:

— Боб Вильямс, ты, что ли? Чего ты дурачишься, старый черт?

— Боб Вильямс был одним из поверенных губернатора. Вы сбросили его в море, капитан! — быстрым шепотом пояснил нам Бенно Ренато.

— Ладно, — крикнул Питер. — Я за него сегодня! Эгой, гичка, слушай! Боб Вильямс отправился на завтрак к морским чертям и завещал вам убираться по-доброму-поздорову, если не хотите очутиться там же с доброй порцией свинца в желудке для возбуждения аппетита!

Недоумение в лодке, очевидно, усилилось, так как до нас долетели громкие восклицания. Но пристать гичка все же не решалась и остановилась вдали, поджидая вторую шлюпку, о приближении которой скоро было мне сигнализировано Питером. Между новоприбывшим катером и гичкой начался такой громкий разговор, что отдельные фразы его слышны были даже нам. Из них я скоро понял намерения разбойников и, признаюсь, смертельно испугался...

— Направо! Греби! Навались, ребята! К первому входу! — раздалась команда внизу, и весла мерно ударились о воду.

— Плохо дело, Долли, — прошептал я. — Их втрое больше нашего, и они вооружены не хуже нас. Если им

удастся ворваться в подземный ход, они могут выломать нижнюю дверь и освободить заключенных внизу товарищей. Тогда нам придется сражаться одному против четырех!

Но храбрый юноша только головой покачал, не выказывая ни малейшего беспокойства.

— Не бойтесь, капитан, мы не допустим их до галереи! Ведь наша пушка установлена на подвижном турникете!

— Знаю, но что ж из этого? — отвечал я.

Долли снисходительно улыбнулся.

— Видно, что вы не служили в артиллерии, капитан. Благодаря этому турникету мы можем поворачивать орудие во все стороны и обстреливать не только море, но и берег!

Я чуть не расцеловал смелого юношу за его сообщение и принялся с жаром исполнять его распоряжения, помогая изо всех сил спасительному повороту тяжелого орудия.

— Капитан, они высаживаются! — закричал Бенно испуганно.

— Ну, Долли, с Богом! Показывай свое искусство! — крикнул я решительно, увидя четырех человек, появившихся на площадке у второго входа, почти на одной высоте с нами.

Раздался выстрел. Яркая вспышка огня сверкнула перед моими глазами. Маленький клубок белого дыма оторвался от стального жерла и медленно расплылся в воздухе, прежде чем я пришел в себя и решился взглянуть вслед смертоносному снаряду. На скале, где только что стояли четыре живых и здоровых человека, виднелась только лужа крови. Два исковерканных трупа валялись на берегу, свалившись с крутизны. Другие два разбойника медленно ползли по скалистому спуску, отчаянно цепляясь окровавленными руками за скользящие вместе с ними камни. Громкими криками призывали они на помощь товарищей, подплывающих на катере.

— Bravo, Долли! — восторженно кричал Питер. — Молодец, мальчик! Ну-ка, еще раз! Не зевай, голубчик! Видишь, второй транспорт выгружается. Не пускай мерзавцев наверх. Жарь их хорошенько. Отплати за сожженное судно!

Высадившиеся с катера разбойники быстро караб-

кались на вершину скалы, торопясь достигнуть внутреннего входа, не доступного нашим выстрелам, не обращая внимания на жалобные крики раненых, умоляющих взять их в лодку и поскорей уходить от проклятой пушки. Мы ясно слышали их дикие проклятия и громкие стоны, и сердца наши невольно сжимались. Но, увы, необходимость заставляла нас быть жестокими. Они или мы! Другого выбора не было. Вот уже головы первых разбойников показались на площадке. Вот один из них поднял ружье, прицеливаясь в Питера, неосторожно высунувшегося из-за прикрывающей его скалы.

— Пли! — скомандовал в эту минуту звонкий голос Долли. Раздался выстрел. Точно широким веником хлестнул невидимый богатырь по противоположным скалам. Это картечь зашуршала по камням обнаженной вершины. Раздались крики, стоны, проклятия.

— Пли! — вторично крикнул свежий молодой голос. Опять тяжелый рев стального орудия, опять треск, свист и шуршание картечи, опять проклятия и стоны. С ужасом глядел я на залитую кровью площадку. О, какая страшная, душу леденящая картина!.. Оторванные руки и ноги, изломанные и изорванные тела, искаженные ужасом и болью лица, и кровь... всюду кровь! Возмутительное и отвратительное зрелище! Не дай Бог никому видеть его. Совесть моя была спокойна, хотя сердце болезненно сжималось. Мы должны были защищаться и защищались один против двадцати.

Опустевшая гичка, пробитая нашими снарядами, несколько минут еще держалась на волнах. Затем она медленно наполнилась водой и скрылась навсегда в той же пучине, в которой скрылись люди, управлявшие ею.

Первая атака подводного замка была отбита. Мы остались победителями.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Что принес осажденным следующий день

Ночь приближалась к концу, когда я решился отправить товарищей вниз отдохнуть. Близкой опасности не предвиделось. Даже если кому-либо из атакующих

нас разбойников и удалось спастись в уцелевшей лодке, то пока они, раненные и обессиленные, добрались бы до далекой яхты и пока мистер Кчерни принял бы какое-нибудь решение, мои утомленные товарищи успели бы, во всяком случае, поспать хоть несколько часов. Не без труда уговорил я их оставить меня одного наверху, обещая разбудить следующего караульного не позже чем через два часа, при первых лучах рассвета. В конце концов мои убеждения подействовали, и храбрые моряки спустились вниз, в гостиную, где уже спокойно отдыхал мистер Грэй, и, расположившись на мягких диванах, скоро позабыли все на свете, уснув здоровым, крепким сном.

Недолго оставался я один на своем посту. Только еще начинало светать, как послышались легкие шаги, шелест шелкового платья и вслед за тем маленькая ручка дотронулась до моего плеча. Мисс Руфь стояла у входа в простом темном платье, в теплой накидке из какой-то белой мягкой материи на золотистых волосах. Ее прелестное личико было бледно и утомлено, чудные синие глаза казались еще больше от широких темных полос, окружающих их. Весь ее вид ясно говорил о тревожной ночи, проведенной без сна и покоя.

— Я не могла заснуть, Джаспер,—нерешительно заговорила она,—не могла забыться, несмотря на все старания. Не сердитесь, если я помешала, но мне так хотелось поговорить с вами, друг мой!

Я нежно поднес ее белую, исхудалую ручку к своим губам.

— Неужели вы сомневаетесь в том, что видеть вас всегда было для меня величайшим счастьем, мисс Руфь? Я искренне признателен вам за ваше появление. Мне самому хотелось поговорить с вами, а между тем у нас нет возможности терять время на разговоры!

— Скажите мне...—внезапно заговорила она другим тоном, очевидно, побуждаемая новой мыслью.— Скажите мне, какая судьба постигла вчерашнее судно?

Я молча указал рукой на юго-запад, где еще виднелся дымящийся остов обгорелого парохода, недалеко от яхты мистера Кчерни, окруженной десятком лодок различных форм и размеров.

— Оно сгорело, мисс Руфь, как видите!

— А его команда? —спросила она дрожащим голосом.

Я только печально махнул рукой.

— Большая часть экипажа должна была высадиться на берег, к которому умышленно оттеснили их шлюпки разбойников. Несчастные матросы, конечно, не могли предвидеть опасности смертельного тумана и теперь уж наверно погибли. Перед рассветом я слышал на берегу отчаянные крики, и сердце мое разрывалось от боли, но чем мог я помочь, не имея даже лодки в своем распоряжении?

Она всплеснула руками.

— Господи, помилуй бедных мучеников! Неужели все погибли, мужчины и женщины? Ведь судно было торговое, насколько я слышала. Наверно, там были и женщины и дети?—с тоской допытывалась она.

— Вероятно, мисс Руфь! Но не думайте о погибших. Лучше поглядите вон туда, в море. Видите там, вдали черную точку? Это одна из шлюпок сгоревшего судна. Счастливый случай уберег ее от ужасной участи остальных. Насколько я мог рассмотреть в бинокль, на ней должно находиться около десяти человек, и между ними, кажется, есть женщина. Они ушли в море, спасаясь от пиратов, и теперь, очевидно, не знают, на что решиться!

— О Джаспер, если бы вы могли спасти их!—вскрикнула мисс Руфь с увлечением, забывая о себе.

— Подумайте, Джаспер, безоружные, измученные и напуганные бедняги, они не в силах будут спастись, если вы не поможете им!

— Я и сам об этом думал, дорогая моя! Взгляните вверх. Видите белый флаг над нашими головами? Это мой сигнал. Я вывесил его, как только начало светать, и, кажется, он уже замечен несчастными беглецами.

— Отчего же они не спешат сюда, под нашу защиту?

— Ах, милая, поставьте себя на их место! Разве могут несчастные сразу поверить честности наших намерений? Напуганные неожиданным нападением, они легко могли принять наш сигнал за новую хитрость пиратов. Хотя, впрочем, мне кажется... Да, я не ошибаюсь! Они решились приблизиться и плывут сюда. Ну, слава Богу, теперь есть надежда на их спасение!

Мисс Руфь взяла из моих рук большой бинокль

и принялась внимательно рассматривать далекую черную точку.

— Ах, Боже мой, Джаспер! — внезапно вскрикнула она испуганным голосом, переводя бинокль в сторону, где стояла яхта мистера Кчерни. — Ах, Боже мой, посмотрите скорей. Мне кажется, что от яхты отделились две лодки. Как бы они не погнались за теми несчастными!

Увы, она верно поняла намерения разбойников. После минутного наблюдения я уже не мог сомневаться в этом. Два катера отделились от флотилии мистера Кчерни и направились навстречу лодке спасенных от кораблекрушения, очевидно желая не допустить беглецов до соединения с нами. Негодяи, конечно, предвидели, что подобное соединение увеличит силы их противников.

— Мисс Руфь, — быстро проговорил я, — сойдите скорее вниз! Я не смею покинуть своего поста и потому должен беспокоить вас поручением разбудить товарищей и прислать мне сюда поскорее Долли и Баркера. Авось, наши артиллеристы помогут мне спасти этих несчастных!

Она молча крепко сжала мне руку, еще раз полными слез глазами взглянула на далекую лодку и быстро скрылась в подземелье.

Через пять минут Долли Вендт стоял около меня, и мы внимательно следили за тремя шлюпками, напрягающими все усилия своих гребцов для того, чтобы обогнать друг друга.

— Приготовим на всякий случай оружие, капитан! — проговорил Долли озабоченно. — Авось, несчастным беглецам удастся подойти к нам поближе. Тогда они спасены. Но, надо признаться, я очень боюсь, что им помешают!.. — храбрый юноша не договаривал, заботливо принимаясь поворачивать и наводить оружие и готовить заряды.

— Ох, капитан, плохо дело! — крикнул Сет Баркер, продолжавший в бинокль наблюдать за лодками. — Разбойники здорово нагоняют. Задний катер гребет наперерез, чтобы закрыть дорогу в открытое море, но передний заметно приблизился. Посмотрите сами, капитан Бэгг!

Добрый шотландец был прав. Усталые и измученные пассажиры сгоревшего парохода не могли соперни-

чать с опытными и сильными гребцами разбойничьих шлюпок. В бинокль можно было уже совершенно ясно видеть как спасающихся жертв, так и их противников. Беглецов было восемь человек мужчин и одна женщина, бессильно лежащая на скамейке. Погоня состояла из двенадцати человек, по счастью вооруженных не ружьями, а только револьверами и ножами. Они поочередно сменялись на веслах ради усиления скорости хода, и, вероятно, именно необходимость этой быстроты и была причиной отсутствия ружей, стесняющих движения гребцов. Вторая лодка разбойников оставалась в отдалении, очевидно не считая нужным помогать товарищам, в полной уверенности, что они и без них справятся с безоружными.

— Ну, Долли, пора! — проговорил я, задыхаясь от волнения. — Без нашей помощи беднягам не уйти. Смотрите, как быстро настигают их враги. Несчастные жертвы, видимо, выбились из сил!

— Капитан, — крикнул Сет Баркер, — разбойники готовят револьверы. Ах, Господи, они перестреляют несчастных, как уток, на наших глазах!

— Да стреляй же, ради Бога, Долли! — отчаянно закричал я.

У бедного юноши слезы стояли на глазах.

— Не могу, капитан, — почти простонал он. — Бесполезно будет! Они держатся вне выстрелов. Мерзавцы осторожны и умеют рассчитывать дистанцию. Наши снаряды не долетят на несколько сот шагов до их лодки. Мы ничем не можем помочь беднягам, капитан!

Я невольно закрыл лицо руками, чтобы не видеть ужасного зрелища резни беззащитных людей. Для меня было ясно, что бедным жертвам уже не уйти от преследователей, которые спокойно начали готовить оружие для своего кровавого дела. Одно чудо могло спасти несчастных. И это чудо совершилось. По чьей чистой молитве? Про то знает милосердный отец небесный! Я же знаю только то, что меня заставил опомниться радостный крик Сета Баркера, не отрывающего бинокля от глаз:

— Капитан, смотрите, какая история! Лодка разбойников остановилась. Они перестали грести. Что-то у них случилось! Вишь, как они переполошились и оружие побросали. Постойте, да никак они воду выкачивать принялись? Верно, капитан! Смотрите сами, у них

в лодке течь. А вот и молодцы поняли свое счастье. Ишь, как навалились на весла. Теперь они успеют уд- рать. Второму катеру их не догнать, далеко больно! — весело кричал Сет Баркер, сообщая подробности мучи- тельной драмы, разыгрывающейся на море. Одним прыжком очутился Долли около него, и оба принялись с восторгом размахивать платком для ободрения спа- сającychся. Я уже хотел последовать за ними, как вдруг меня остановил голос Питера, зовущий снизу:

— Капитан Бэгг, подите на минуту сюда. Я не хочу кричать. Меня послал доктор Грэй предупредить вас!

В мгновение очутился я внизу.

— Что случилось, Питер? С мисс Руфь что-нибудь?

— Нет, не с ней. Хуже! Доктор Грэй разбудил меня, послал к вам. Женщины, ходившие за провизией куда- то вниз, слышали чужие голоса. Не в том зале, где бы- ли заперты негодяи, а в каких-то других помещениях. Их ведь здесь черт знает сколько!

— Боже мой, они разбили двери и ворвались туда, где женщины!

— Об этом не беспокойтесь, капитан. Доктор Грэй приказал сказать вам, что он принял все предосторо- жности. Между верхними комнатами и машинным эта- жом чуть не полдюжина железных дверей, которые не так легко выломать. Мы их все крепко позапирали. Доктор Грэй боится другого!

— Чего же? Не томите, Питер, говорите скорее!

Но Питер, видимо, медлил и колебался.

— Доктор Грэй боится, как бы негодяи не испорти- ли машин, а главное, воздушного насоса. Мисс Руфь объяснила нам, что он должен действовать регулярно в известные часы, иначе мы все погибнем от недостатка воздуха, которого хватает не более как на сутки!

— Ну, значит, еще есть время, Питер! Успеем про- гнать негодяев, будь их целая дюжина! — отвечал я, стараясь казаться спокойным, хотя в душе моей начи- нала зарождаться мысль о невозможности спасения. Каждый новый день открывал новые опасности. Не об этом ли говорила мисс Руфь сегодня утром? Или, мо- жет быть, завтра найдется другая неведомая опасность? Тяжело было у меня на душе, пока я поднимался обрат- но на лестницу, сопровождаемый верным ирландцем. К счастью, наверху меня ждало утешительное известие.

За короткие минуты нашего разговора с Питером

катер разбойников уже настолько наполнился водой, что безвыходность положения стала вполне очевидной. Откуда взялась течь, спасшая несчастных беглецов, усиленно гребущих, спеша подплыть к нашей скале, я не берусь решать. Долли уверял нас, что узнает катер, который пробовал атаковать нас сегодня ночью и в котором, вероятно, спасся кто-либо из раненых разбойников.

Если юноша не ошибался, то один из наших выстрелов легко мог повредить лодку недостаточно сильно для того, чтобы повреждение сразу бросилось в глаза, особенно ночью, но достаточно для того, чтобы оказаться опасным, когда наполненная людьми шлюпка опустилась в воду. Как бы то ни было, но вода так быстро наполняла катер, что разбойники даже не пытались вычерпывать ее. Они только отчаянно кричали, размахивая руками и призывая товарищей, слишком отдаленных для того, чтобы поспеть помочь вовремя. Как прикованный, следил я в бинокль за ужасной картиной отчаянной борьбы со смертью. Исказившиеся, обезображенные страхом лица разбойников выражали ужас и озлобление. Ни одного проблеска человеческой мысли, ни одной искры раскаяния или христианского умиления не видно было на зверских лицах, выражающих только скотский ужас и злобное отчаяние. Больно было смотреть на эти исковерканные страхом озверелые физиономии. Больно и противно было слушать их проклятия и богохульства. Вода в катере все поднимается. Она уже оmyвает ноги разбойников, отчаянно ругающих изменников. Еще минута — и он покачнулся, зачерпнув бортом, и еще раз выпрямился. Последний бешеный взрыв безобразных проклятий донесся до нас. Еще раз зачерпнула лодка носом, затем погрузилась в воду кормой и вдруг сразу исчезла. На поверхности моря показались искаженные, мертвенно бледные лица. В воздухе мелькнули судорожно сжатые руки... еще и еще раз поднялись к небу сжатые кулаки, точно угрожая самому Богу. Синее море навсегда сомкнулось над погибшими. Они нашли могилу в тех самых волнах, в которых утопили стольких несчастных, невинно погибших ради их обогащения. Да, грозен гнев Божий! И если иногда кажется медленной его высшая справедливость, то тем ужаснее поражает она преступников!

Мы не имели права жалеть этих погибших. Их смерть спасала девять человеческих жизней!

Четверть часа спустя лодка с несчастными беглецами причалила к нашей скале. Быстро сбежали мы на помощь утомленным пассажирам сгоревшего судна. Сет Баркер бережно вынул из лодки бесчувственную женщину своими сильными руками и, как ребенка, снес ее в нижний этаж, где уже ждал доктор Грэй, готовый оказать помощь пострадавшим. Мы же, растроганные и счастливые, крепко обнимали спасенных мужчин и благодарили Бога за неожиданное чудесное увеличение маленького гарнизона, защищавшего подводный замок от армии мистера Кчерни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

*в которой передаются записки Джаспера Бэгга
о шестидесятичасовом ожидании нападения*

Около полудня в субботу мы спасли несчастных беглецов, а в понедельник после полуночи окончилось наше заключение в подводном замке. Это короткое время наполнено было столькими событиями и ощущениями, что я никогда не смог бы рассказать их, если бы, по счастью, не сохранил старой записной книжки, в которую заносил час за часом все случившееся в продолжение этих шестидесяти часов. Передавая эти записки в той самой бесхитростной форме, в какой они были набросаны, под влиянием минуты, я лучше всего передам и впечатления пережитого.

27 марта. Суббота, после полудня. Спасенные уже сообщили нам некоторые подробности о себе и о своем судне. Все они родом американцы. Между ними старший механик «Колокола» (так называлось погибшее судно) Джон Питер, капитан несчастного парохода мистер Нипен и пять матросов. Двухлетнюю дочь капитана мисс Изабелла, сопровождавшая отца в Иокогаму, спаслась вместе с ним, но бедная девушка до того напугана и измучена всем пережитым, что все еще находится в бесчувственном состоянии. Доктор Грэй уверяет, что это только глубокий обморок, и ручается за ее жизнь. Я вполне доверяю его словам, хотя мне легче было бы принять бедняжку за мертвую, чем за

живую. Спасенные мужчины оправились довольно скоро после солидного завтрака, но все еще не могут прийти в себя от удивления при виде подводного замка. Капитан Нипен выслушал короткий рассказ о наших приключениях как какую-то волшебную сказку. Мне кажется, он принял бы нас за помешанных, если бы окружающая фантастическая обстановка и обгорелый остов несчастного «Колокола» не подтверждали истины моих слов.

Тогда же. Четвертый час. Я крепко заснул, предоставив мисс Руфи и доктору Грэю позаботиться о размещении спасенных нами. Необходимость подкрепиться несколькими часами сна после двух бессонных ночей давала себя знать. Едва держась на ногах, добрел я до первой попавшейся комнаты, упал на какой-то диван и проспал мертвым сном часа четыре. Спал бы, конечно, и гораздо дольше, если бы меня не разбудил незнакомый голос. Быстро приподнявшись, я увидел спасенного нами капитана американского судна, наклонившегося надо мной.

Он принес неприятное известие о том, что какие-то люди пытались прорваться из нижнего помещения в верхние этажи, подкараулив минуту, когда женщины открыли железные двери, ведущие в кухню и кладовые. По счастью, их план не удался. Женщины были не одни, и спутники их, вооруженные револьверами и ножами, довольно легко отбили нападение, причем некоторые из нападающих были ранены. К сожалению, все это произошло так быстро, что никто из женщин не мог узнать лиц врагов и решить, те ли это негодяи, которые были заперты в общей зале, или другие, пробравшиеся в подземелье снаружи.

Тогда же, несколькими часами позже.

Мы только что вернулись из подземной экспедиции. Это было странное, фантастическое путешествие, полное таинственного ужаса и неведомых опасностей. Не без волнения открыли мы железную дверь, у которой часа два назад происходила короткая, но кровавая стычка. Следы крови и до сих пор видны на каменном полу. В длинном коридоре по-прежнему горели редкие, очевидно, постоянные лампы, но боковые помещения оставались неосвещенными. Между тем их-то и надо было исследовать, так как в них, скорее всего, могли укрываться разбойники и напасть на нас внезапно,

с тыла. Добравшись до первого перекрестка, я радостно вскрикнул, услышав отдаленный, равномерный стук воздушного насоса. Очевидно, предсказание доктора Грэя сбылось. Разбойники должны были позаботиться о свежем воздухе для самих себя, если не ради нас. Да и пора было позаботиться об этом. Это стало всем ясно, когда мы почувствовали, насколько легче становилось дышать по мере приближения к машинному отделению. Струя свежего воздуха неслась нам навстречу, вызывая вздох облегчения из груди каждого. Отправив большую половину нашего гарнизона наверх с разрешением отдыхать всем, исключая караульных, я взял с собой пять человек, вооруженных ружьями и револьверами, и решительно направился далее по одной из боковых галерей, которая, согласно объяснению Бенно Ренато, должна была привести нас к машинному отделению, так же как в главный коридор. Осторожно пройдя несколько сот шагов в совершенной темноте, мы вышли наконец в длинную галерею, освещенную прорубленными в скале окнами; только окна эти, расположенные на еще большей глубине, пропускали лишь слабый зеленый полусвет и открывали поразительные картины подводной жизни.

Беспрепятственно прошли мы целый ряд пещер и вышли в уже знакомый нам главный коридор, как раз напротив железной двери в общую залу, в которой были заперты шесть негодяев. Теперь дверь эта была выломана, но электрические лампы все еще горели, ярко освещая громадную подземную комнату, вмещающую в себе около тридцати коек. Очевидно, здесь была одна из главных спален команды мистера Кчерни. В ней царил невообразимый беспорядок. Из железных кроватей были выломаны ножки, которые, очевидно, употребили вместо ломов, отбивая засовы и замки запертой двери. Холодное и огнестрельное оружие валялось на полу и на постелях попеременно с различной одеждой. На столах и на земле возле них валялись разбитые стаканы и пустые бутылки. Словом, ясно было, что обитатели этой комнаты убегали с крайней поспешностью. Молча, медленно и осторожно подвигались мы по направлению к машинному залу, из которого все еще доносился стук работающего насоса. Очевидно, там оставались люди, боявшиеся прекратить работу, ради собственной безопасности. Равномерный шум по-

степенно усиливался, доказывая близость машинного зала, находящегося в нижнем этаже, рядом с пещерой, через которую мы пробрались в подводный замок.

— Вот мы и у цели, мистер Нипен. Получив в свои руки воздушный насос, мы обеспечим себе самое необходимое: здоровый воздух, недостаток которого уже начинал чувствоваться сегодня.

Я еще не успел договорить, как вдруг в темном углублении перед нами сверкнул быстрый огонек, и пуля просвистела мимо моих ушей. Как ни мгновенна была вспышка этого выстрела, все же она позволила мне узнать злобно искривленное отвратительное лицо желторожего Дена. Его голова была повязана окровавленным платком и на щеке ясно виднелись следы удара, которым я оглушил его в ночь нашего первого дружеского объяснения. Злобным хохотом сопровождал главный шпион мистера Кчерни свист пули, прожужжавшей у моего уха и глухо ударившейся во что-то мягкое позади меня. Послышался слабый крик, и один из матросов, как сноп, свалился на обгавленную кровью землю.

Первая жертва сложила свою жизнь ради спасения Руфи Белленден. Не дожидаясь команды, все мы схватились за оружие и залпом ответили на смертельный выстрел проклятого убийцы... Темный коридор наполнился пороховым дымом, из которого слышались болезненные крики, проклятия и стоны и затем шаги быстро убегающих людей. Но над всем этим звучал насмешливый хохот желтого дьявола, очевидно пощаженного нашими пулями. Затем настало полное молчание, прерываемое только медленным и равномерным стуком все еще работающего воздушного насоса.

Внезапно мне пришла странная мысль. Очевидно, разбойники скрылись через подземный ход; наверное, их было несколько человек. Ведь мы ясно слышали многочисленные голоса и шаги. Кто же оставался в машинном зале? Кто продолжал работать для сохранения необходимого воздуха? Неужели враг мог с таким самоотвержением заботиться о безопасности людей, стреляющих в его товарищей? Не вернее ли было предположить существование друга?

— Мистер Нипен,— решительно проговорил я,— сделайте одолжение, вернитесь до первого перекрестка

темных галерей. Я боюсь, как бы убежавшие мерзавцы не воспользовались каким-нибудь боковым проходом и не прорвались бы за нашей спиной в верхний этаж. Будьте настороже и подождите там, пока я вернусь из машинного зала. Мне необходимо увидеть, кто там работает, не обращая внимания на выстрелы и крики!

Почтенный американец с видимым неудовольствием выслушал мое распоряжение. Я редко встречал более смелого человека, чем этот спокойный и серьезный старик американец. Мысль о том, что он должен будет оставаться бездеятельным часовым на сравнительно безопасном посту в то время, как я иду навстречу новым приключениям и опасностям, не на шутку огорчала его. На его лице так и написано было страстное желание преследовать убежавших разбойников хоть до самого центра земли, и я невольно улыбнулся, когда он заговорил участливо:

— Право, вы неосторожны, капитан Бэгг! Можно ли идти одному навстречу Бог знает скольким разбойникам?

— Успокойтесь, мистер Нипен. Я оставляю при себе двух товарищей. Да, кроме того, я почти уверен в том, что не встречу никаких врагов в машинном зале!

Почтенный американец удивленно взглянул мне в глаза.

— Как так? Ведь мы же слышим шум воздушного насоса. Не может же машина работать без помощи рук человеческих!

— Конечно, нет, но, может быть, руки эти принадлежат не врагам, а другу. Позвольте мне расследовать это дело. Я могу ошибаться, но если я не ошибаюсь, то найду честнейшего человека и вернейшего друга там, где ожидал найти негодяев и врагов. Это длинная история, капитан Нипен, и я расскажу ее вам на свободе, когда мы вернемся из этой подземной экспедиции. А пока очень прошу вас вернуться на перекресток и подождать меня там!

Медленно удалился старый американец, поминутно оглядываясь, я же быстро направился к машинному залу, близость которого доказывал заметно усиливающийся стук воздушного насоса. Вот, наконец, показался красный свет большого очага. Вот мелькнули длинные тени рычагов и приводных ремней, и среди них вырисовывалась темная фигура человека. Еще не-

сколько шагов, и мы стояли посреди зала, вблизи самого очага. Работающий человек оглянулся, услышав наши шаги, и я вскрикнул от радости, узнав тонкое и умное лицо старика Оклера. Но, Боже мой, что сделалось с моим добрым «морским львом»! Бедный француз казался собственной тенью... Он страшно исхудал и едва держался на ногах, работая, очевидно, из последних сил.

— Старый друг, наконец-то я нашел вас! — закричал я, с восторгом обнимая нашего доброго спасителя.

Он громко плакал от радости.

— О, капитан Бэгг, я давно жду вас! Я узнал ваш голос в тот самый день, когда вы пробрались сюда и сражались с теми тремя негодьями. Я все слышал... и, Боже, как я измучился душою за вас! Но я не мог помочь вам, так как был заперт, по приказанию губернатора, в темной пещере за машинным залом, называемой «голодным карцером». Когда вы ушли наверх, один из нападавших на вас очнулся и дополз до меня. Он и теперь еще жив и убежал вместе с желтым Дентоном. Он освободил меня, так как был не в состоянии один справиться с воздушным насосом, а работать было необходимо, чтобы самим не задохнуться. Вдвоем мы кое-как доставляли нужный воздух, хотя в конце концов усталость и голод страшно измучили нас. Подумайте только, я трое суток не видал ни куска хлеба, ни глотка воды. Вчера ночью удалось, наконец, вырваться шести разбойникам, запертым в общем зале. Они помогли нам сначала накачать воздуха, а затем решили прорваться наверх и перебить вас всех!.. Дентон знал, что вас всего четверо, и уверял, что замком легко овладеть. Слава Богу, он ошибся в расчетах! Видя, что его попытка не удалась, остальные, вероятно, охотно сдались бы, так как между ними есть трое добрых малых, остающихся у губернатора только страха ради, чтобы не погубить своих жен, служащих заложницами!

Но желтый Ден не хотел и слышать о покорности и грозил застрелить первого, кто заговорит об этом. Заслыша ваше приближение, он решил спрятаться в темноте, чтобы подкараулить и перестрелять вас. Но Бог справедлив. Он оберегает добрых и честных людей. И вас он уберег, дорогой капитан. Что касается меня, то я наотрез отказался следовать за Ден-

тоном, хоть он и грозил мне своим ножом. Очень уж он зол на вас, капитан Бэгг, за рану, нанесенную ему в ночь вашего бегства. Он поклялся отомстить вам во что бы то ни стало. Вот почему я и предупреждаю вас: пока он на свободе, мы не можем быть спокойны. Меня он оставил здесь только потому, что за меня заступились остальные и убедили его в том, что я принесу им большую пользу у воздушного насоса. Я и старался работать, насколько мог, но, к несчастью, силы меня совсем оставили. Я изнемогаю от голода и жажды, капитан! Ради Бога, дайте мне стакан воды и кусок хлеба!

Бедный старик едва мог говорить, до того обессилен он от голода и усталости. Мы заботливо подняли его на руки и вынесли наверх, где его прелестные девочки с безумной радостью кинулись на шею доброму старику. Как горячо благодарил я Бога, позволившего мне уплатить священный долг благодарности и спасти жизнь человеку, рисковавшему своей жизнью ради моего спасения. Благодарность маленьких французенок, не помнящих себя от радости, наполняла мне сердце новой надеждой и новым мужеством.

Тогда же, восьмой час вечера.

Начинаю верить справедливости указаний Бенно Ренато. Действительно, кажется, что в подводном замке осталось не более двенадцати человек, из которых пятеро уже не опасны. Оставленные в машинном зале американцы спокойно проработали указанное время и сменились беспрепятственно. Часовые на обоих перекрестках подземных галерей также тщетно ждали какого-либо нападения. Только полчаса назад к ним приблизились двое совершенно истомленных голодом и усталостью людей. Робкие, безоружные и окровавленные, покорно и униженно просили они пищи и воды. Желание их было исполнено тем охотнее, что старик Оклер ручался за этих двух несчастных, утверждая, что только страх удерживал их на ужасной службе. Жаль было смотреть, с какой жадностью бедняги набросились на пищу, и особенно на воду, после мучительных трех суток голода и жажды. Оба перебежчика божатся и клянутся, что во всем подземелье осталось всего пять человек, из которых двое ранены, и что все они с радостью побросали бы оружие и пришли просить у нас пощады, если бы не боялись желтого Дентона, грозящего застрелить каждого уходящего. Самим рассказчикам

едва удалось ускользнуть от этого озлобленного негодя, пославшего вдогонку беглецам несколько выстрелов. Одна из его пуль попала в плечо убежавшему, другая оторвала ухо его товарищу. Доктор Грэй немедленно занялся перевязкой их не особенно опасных ран. Я остался в обществе мисс Руфи и капитана Нипена, мистер Джон Пиккер ушел к мисс Изабелле, своей обрученной невесте, как сообщил мне ее отец. Спокойно провели мы около двух часов в дружеском разговоре и затем с аппетитом пообедали все вместе за отлично сервированным столом. Мисс Руфь улыбалась, утешая бедного отца, беспокоящегося о здоровье своей дочери. К счастью, мисс Изабелла уже настолько оправилась, что могла, опираясь на руку жениха, выйти к десерту и выпить с нами чашку кофе. Надо было видеть радость старого капитана! Как горячо благодарил он нашего искусного доктора и нашу очаровательную хозяйку, переодевшую бедную девушку, промокшую до костей в ужасную ночь бегства, в один из своих изящных парижских костюмов. Как короток показался мне этот счастливый промежуток спокойствия и отдыха среди стольких опасностей.

Часом позже.

Мы решили поехать на берег, чтобы разузнать о судьбе пассажиров сгоревшего судна. Это опасное предприятие, могущее нам самим стоить жизни, но я не имею права уговаривать капитана Нипена отказаться от попытки спасти людей от мучительной смерти, которой я сам избежал только благодаря милосердию Божию. Надежды найти кого-либо из высадившихся еще живым, конечно, мало. По всей вероятности, они давно уже уснули смертельным сном. Я говорил об этом с доктором, и он разделяет мое мнение, хотя все же допускает возможность исключений.

Тогда же. После 10 часов.

Немного раньше девяти часов вечера уселись мы в лодку. Кроме меня и капитана Нипена с нами отправился Питер Блэй, занявший место рулевого; Сет Баркер и один из американских матросов взяли за весла. Все мы были вооружены ружьями и револьверами. Осторожно отчалила наша лодка от северного мыса и направилась к острову, оставаясь по возможности дольше под прикрытием нашей пушки. Понятно, что мы выбрали направление, наблюдая за тем, чтобы шлюп-

ки разбойников не могли перерезать нам дорогу к подводному замку. Ночь была таинственно прекрасна в своей молчаливой торжественности. Поверхность моря искрилась от ярких лунных лучей, и наша лодка как бы скользила по серебристой тропинке, оставляя за собой светящуюся полосу пены, рассыпающейся миллиардами бриллиантовых искр. Все молчало на земле, как и на море. Изредка только доносился к нам болезненный крик, последний отчаянный вопль умирающего, либо отдаленный пушечный выстрел с яхты, все еще стоящей на якоре, позади белой линии юго-западных бурунов.

— Чего они стреляют?—с недоумением спросил Питер Блэй.— Не по нам же, в самом деле! Мы закрыты береговыми скалами, а в виду яхты нет никого, кроме собственных шлюпок господина губернатора!

— По ним-то он и стреляет, должно быть!—отвечал опытный старый американец!— Это надо было предвидеть. Между подобными негодьями согласие продолжается только до первого неуспеха. Принимая в соображение более чем вероятный недостаток пищи на яхте Кчерни, почтенный губернатор не сможет прокормить всех своих подчиненных. Этим и объясняется присутствие лодок, наполненных людьми, вокруг его яхты. Очевидно, мистер Кчерни не желает пустить их к себе на борт. Усталым же разбойникам, понятно, надоело сидеть в маленьких лодках, и требования их легко могли принять размеры настоящего бунта, принудившего начальника успокаивать своих достойных слуг неопровержимыми аргументами—огнестрельным оружием!

— А пожалуй, вы правы, капитан Нипен! Похоже на то! Смотрите, вот две лодки повернули по направлению к берегу. Ну, не поздоровится им, если они высадутся на берег!—проговорил Питер Блэй, внимательно наблюдающий за всем происходящим около яхты.

— Только бы нам не наткнуться на них!—отвечал с беспокойством американский матрос, еще не забывший ужасного впечатления при встрече с разбойниками.

— Пустяки, приятель!—весело ответил ему наш ирландец.— Они направились к юго-западной бухте, мы же постараемся высадиться где-нибудь поближе к нашему северному мысу!

Окутанный туманом берег был всего в нескольких стах шагах.

— Надевайте респиратор, мистер Нипен! — обратился я к капитану, который должен был вместе со мной сойти на землю для розысков.

Остальные должны были оставаться в лодке и крейсировать в безопасном отдалении от смертельного берега. Через пять минут корма нашей шлюпки врезалась в белый песок, и мы вышли на берег. Перед нами расстилалась длинная полоса пастбища, покрытого мягкой и высокой травой и спускающегося пологим наклоном к морю, от которого отделял его только белый пояс прибрежного песка да узкая цепь гранитных скал, окружающих весь остров каменным кольцом различной высоты.

— Не видите ли вы, не слышите ли чего-нибудь? — спросил я капитана Нипена.

— Слышу! — внезапно отвечал он. — Слышу женский голос и даже узнаю его. Это кричит сестра одного из наших пассажиров, мисс Дрипер. Она была в первой лодке вместе с двумя маленькими сыновьями своего брата. Наверно, она блуждает здесь поблизости!

Сначала я принял слова капитана Нипена за галлюцинацию, но в эту минуту и до моего слуха донесся жалобный крик. Женский голос звал на помощь раздирающим душу, отчаянным криком. Сомнения не было: это кричало живое существо, а не создание нашей больной фантазии.

Мы кинулись бегом, перепрыгивая через спящих коров и лошадей, даже не шевелящихся при нашем приближении. Должно быть, и на них сонный туман действовал одуряюще, хотя я и знал от мисс Руфи, что животные не умирали от него, подобно людям. В несколько минут очутились мы у опушки леса, там, где между высокими кустами каких-то необыкновенно красивых и до одурения душистых цветов змеился прозрачный ручеек, окутанный зеленой дымкой особенно густого смертельного тумана. На самом берегу этого ручья стояла женщина, ноги которой почти касались воды. Ее изящное белое кружевное платье и модная шляпка с перьями странно противоречили с фантастической обстановкой. Она была молода и красива, но смертельная бледность покрывала ее нежное личико, а большие, широко открытые глаза глядели безумным, бессмыслен-

ным взглядом. К ее юбке прижимались два маленьких мальчика, трех и пяти лет, в богатых костюмчиках, с длинными золотистыми локонами, развевающимися по плечам. Они робко озирались, потихоньку призывая «милую Дайси, дорогую маленькую тетю». Но несчастная ничего не слыхала, ничего не понимала. Очевидно, страшная отравка поразила уже ее мозг, отняв память и сознание. Она не обратила ни малейшего внимания на наш окрик и не заметила даже, как моя рука дотронулась до ее плеча. Жалобным, дрожащим голосом продолжала она петь какую-то монотонную песенку, машинально удерживая в своей судорожно сжатой руке маленькие ручки испуганных племянников.

— Ее надо поскорей донести до моря, на свежий воздух! — закричал я. — Берите обоих детей на руки, капитан Нипен, а я возьму девушку, и бежим поскорее, не то они погибли, да и мы вместе с ними!

Один из мальчиков доверчиво обхватил шею старика, другой лепетал ему что-то непонятное, в чем, однако, ясно выражалась радость. Очевидно, дети узнали старого капитана, но девушка не так легко дала совладать с собою. Внезапно какая-то страшная галлюцинация овладела ею. Она дико закричала и с ужасом бросилась от меня. Хотя я скоро догнал истомленную женщину, но она начала отчаянно отбиваться, умоляя о пощаде. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы, к счастью, слабость, граничащая с обмороком, не сломила сил бедной девушки. Быстро подняв полубесчувственную на руки, я кинулся к берегу вслед за капитаном, понимая, что усиливающееся сердцебиение предупреждало меня о том, что каждая минута промедления может быть смертельна.

Не оглядываясь, пробежали мы весь луг. Перед нами уже темнели гранитные скалы, отделяющие нас от моря, от свежего воздуха, от спасения. Я вздохнул облегченно и вдруг остановился как окаменелый. Нам навстречу неслись дикие крики, бешеные вопли, угрозы и проклятия. Еще минута, и на гребне скал показалась целая группа людей, — нет, не людей, а каких-то чудовищ, озверелых, обрызганных кровью, с свирепыми сверкающими, безумными глазами и с ружьями в руках.

— Это разбойники! — с каким-то неестественным хладнокровием проговорил капитан Нипен. — Мое предположение, очевидно, оказалось справедливым.

Почтенный мистер Кчерни нашел нужным отослать часть своей команды на берег, должно быть, для сохранения своего пороха. Сонный туман покончит с нами вернее всякой картечи!

Старый американец засмеялся. Он мог смеяться в такую минуту! Признаюсь, я взглянул на него с удивлением. Много видел я храбрых людей, да и сам, благодаря Бога, не трус, но никогда во всю свою жизнь не встречал я человека с большим наслаждением глядящего в глаза опасности, чем этот старый морской волк из Соединенных Штатов!

Не торопясь посадил он на землю обоих мальчуганов, заслонил их своей могучей, широкоплечей фигурой и крикнул мне чуть-чуть повышенным голосом:

— Сюда, ко мне, капитан Бэгг! Этих мерзавцев всего двенадцать, как раз по числу зарядов наших револьверов! Нам же не могут быть страшны пули полупьяных зверей... Бог за правое дело!

Почти не целясь, выстрелил я раз и два вслед за храбрым товарищем. Раздался дикий рев — и четыре негодяя свалились с каменного гребня. В ответ на наши выстрелы раздался целый залп. Одно мгновение стояли мы, ослепленные, окутанные пламенем, дымом, но, видно, Бог действительно стоял за правое дело: пули разбойников пронесли над нашими головами.

— Ура, капитан Бэгг! — кричал старый американец, торжествуя. — Четверо из двенадцати, осталось восемь, да и то полупьяных мерзавцев, вооруженных только ножами, не опасными в дрожащих руках. Вперед! Мы побьемся между этими злобными животными!

Я бросился вперед, побуждаемый необходимостью, быть может, даже поддерживаемый нервной экзальтацией отравы. Что произошло дальше, я и сам не знаю. Не знаю хорошенько и того, как нам удалось пройти мимо врагов. Знаю только то, что мы очутились по другую сторону скал прежде, чем кто-либо из разбойников смог удержать нас. Затем смутно помню отчаянную погоню, дикие крики и громкую ругань негодяев. Помню какие-то трупы у берега, на которые мы чуть не споткнулись. Помню страшную усталость, исчезающие силы, настигающую погоню и вдруг мягкий свист чего-то тяжелого, промчавшегося над нашими головами и с треском рассыпавшегося по камням... Это была картечь. Но стреляли не с нашей батареи, закрытой скала-

ми, стреляли с яхты мистера Кчерни... Еще раз спас он своих врагов, конечно не желая и не подозревая этого. Есть Бог на небе! И пути его непостижимы для слабого разума человеческого!

Перепуганные разбойники остановились на мгновение. Затем быстро повернули, оставив жалобно стонущих раненых, и кинулись в лес, осыпая адскими проклятиями своего начальника.

Мы были спасены! Я чувствовал, как дрожат мои ноги, как руки отказываются нести тяжелое тело бесчувственной девушки. Но уже к нам навстречу бежали Питер Блэй и Сет Баркер, привлеченные криками разбойников и звуками выстрелов. Спустя минуту мы уже сидели в лодке и с восторгом вдыхали живительный морской воздух, медленно приводивший нас в нормальное состояние.

От Питера мы узнали, что к тому месту, где мы вышли на берег, не приставала ни одна лодка. Очевидно, разбойники, числом около двадцати, высадились где-нибудь выше и, идя по берегу, нечаянно наткнулись на нас. Их более продолжительное пребывание на земле объясняло и то, что восемь человек свалились еще раньше нашей встречи с их товарищами. На эти-то бесчувственные тела мы и наткнулись, спускаясь к морю. Остальных разбойников ожидала не лучшая участь! Не успели мы отплыть несколько сот футов от берега, как на яхте мистера Кчерни опять вспыхнуло пламя, а тяжелое ядро грузно шлепнулось в воду, не долетев до нас.

— Ого! Он не унимается. Уж не принимает ли он нас за милых подчиненных? За такое оскорбление его следовало бы на дуэль вызвать! — шутливо заметил Питер Блэй, направляя лодку в тень береговых скал, где она уже не могла служить целью для выстрелов неприятеля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Окончание шестидесяти часов

У берегов Кеннского острова. Тогда же, после полуночи.

Мы не решались вернуться домой до тех пор, пока существовала хоть какая-нибудь надежда спасти еще кого-либо из несчастных пассажиров погибшего судна. Медленно подвигалась наша шлюпка на возможно близком расстоянии от берега, и с напряженным вниманием прислушивались мы все к каждому звуку, ежеминутно ожидая, не долетит ли до нас призывный крик просящего о помощи. Но скоро до нашего слуха перестали доноситься даже дикие завывания и отвратительные проклятия подчиненных мистера Кчерни, очевидно уже засыпавших под влиянием ужасного тумана.

Окинув последним пытливым взглядом остров смерти, как бы застывший в очарованном молчании теплой южной ночи под покровом своего ужасного золотисто-зеленого тумана, я скомандовал: «Назад!» Шлюпка наша, как птица, понеслась по волнам, и все облегченно вздохнули, когда свежий морской воздух унес последние испарения ядовитого берега, оставшегося за нами грозной призрачной массой, точно таинственный маяк, остерегающий неосторожного моряка от приближения к гибели. Не успели мы выехать из тени прибрежных скал в ярко освещенную луной полосу моря, как выстрелы стали опаснее. Ядра начали падать ближе, и одно из них упало в воду в двух шагах от нас, окатив сидевшего на корме Питера целым фонтаном брызг. К счастью, эта опасность уменьшалась по мере приближения к нашей крепости. Уже я мог разглядеть в бинокль стоящего на верхней площадке старого француза, седая грива которого развевалась на ветру и казалась серебряной в волшебных лучах луны. Рядом со стариком была видна стройная молодая фигура Долли Вендта, небрежно опиравшегося на свою любимую пушку, а еще дальше виднелась грациозная темная тень, в который мое сердце сразу узнало мисс Руфь. О, дорогое, прелестное создание! Она не сводила своих чудных синих глаз с того места, где скрылась наша шлюпка и где, по ее мнению, она должна была вновь появиться, возвращаясь домой.

Увы, ее молитва не могла предотвратить последней опасности. Увлеченные поисками на берегу, мы неосторожно приблизились к яхте Кчерни настолько, что передовые лодки разбойников могли заметить нас. Подобно стае голодных волков, мимо которых пробегает раненый олень, пустились они за нами в погоню. Погоня эта не особенно смутила нас, так как мы были уверены в том, что им никогда не удастся догнать нас раньше, чем мы очутимся под прикрытием нашей пушки. Питер Блэй даже громко расхохотался, видя отчаянные усилия разбойников, гребущих изо всех сил! Он не переставал сыпать ирландскими прибаутками, называя их ершами, затеявшими ловить щуку в море. Он забыл, что у ерша есть щетины, как у щуки зубы. На нашей батарее уже наводили орудие на передовую лодку разбойников. Я ясно видел, как Долли Вендт поспешно распоряжался, как вдруг один из негодаев, преследующих нас, поднял ружье. Раздался выстрел, и наш правый гребец громко вскрикнул, схватившись за грудь. Пуля попала ему прямо в сердце. Несчастный судорожным движением вскочил на ноги, зашатался и свалился в море, прежде чем кто-либо успел удержать его. Мы все ахнули, но было уже поздно! Труп бедного американца, как ключ, пошел ко дну. Вторая жертва сложила свою жизнь за защиту справедливого дела... Однако этим и окончилось дело, и мы без дальнейших приключений возвратились домой.

Понедельник. Шесть часов утра. Я не мог заснуть и опять сменил часового на площадке. Только на этот раз на часах стоял старик Оклер, не захотевший уходить отдыхать.

— Я не устал, капитан Бэгг,—спокойно сказал он,—и, если позволите, предпочитаю остаться с вами. Какое-то смутное предчувствие подсказывает мне, что сегодня надо ожидать чего-то нового, и это не дает мне покоя!

— И мне тоже, добрый друг! Я сам не знаю чего, но с минуты на минуту я жду чего-то. Быть может, окончания сонного времени?—отвечал я, вопросительно оглядывая берега острова.

— Пожалуй, что ждать придется уже недолго!—с внезапной торжественностью перебил меня старик, быстро наводя бинокль на чернеющее вдали судно.—Если я не ошибаюсь, на яхте и на лодках начинается ка-

кое-то необычайное движение. Посмотрите сами, капитан Бэгг, у вас глаза помоложе моих!

С понятным волнением схватил я сильный морской бинокль. Действительно, среди шлюпок, окружающих яхту, заметно было волнение. Они, видимо, приготовлялись к нападению. Я даже мог разглядеть, как через борт судна передавали в лодки съестные припасы и оружие. Косые лучи утреннего солнца ярко отражались на блестящих стволах ружей и на широких лезвиях кинжалов. Команда мистера Кчерни приготовлялась к решительной атаке на подводный замок.

Понедельник. Три часа пополудни. После завтрака собрался военный совет в большой гостиной, на котором все оказались одного мнения. Никто не сомневался в том, что мистер Кчерни должен атаковать нас сегодня, и, конечно, не раньше наступления полной темноты.

Измученный несколькими бессонными ночами, я немного заснул после нашего военного совета и был разбужен приятной новостью. Четверо из оставшихся в подземелье разбойников явились с повинной, прося пощады и пищи. Их, конечно, напоили и накормили и заперли вместе с повинившимися раньше товарищами в одну из комнат верхнего этажа. Наши пленные пожелали переговорить с Бенно Ренато и просили его передать нам свое желание сражаться с нами заодно. Я послал Оклера узнать действительное настроение этих людей. Он скоро вернулся, уверяя нас в том, что бедняги искренне раскаиваются и желают заслужить свое прощение, защищая подводный замок. Тогда мы решили простить всех шестерых.

Нечего и говорить, что перебежчики рассыпались в выражениях благодарности и клятвах верности. Я немедленно отправил их в машинный зал, а для надзора отрядил двух американцев, которые должны были сменяться каждые два часа, чтобы храбрым морякам не слишком обидно было проводить время в безопасном подземелье, когда товарищи будут сражаться под открытым небом.

Капитан Нипен с тремя товарищами должен был занять важный пост у второго входа и оставаться там, как бы в засаде, спрятавшись между скалами и ожидая удобной минуты для того, чтобы появиться в тылу неприятеля в случае, если бы он атаковал исключительно

главную площадку, или же не допустить его высадку в случае, если мистер Кчерни вздумает разделить свои силы и появиться сразу у обоих входов. Доктор Грэй в качестве раненого во-первых и врача во-вторых оставался внизу, вместе с Бенно Ренато для защиты мисс Руфи и других женщин, из которых часть тоже вооружилась револьверами, «на всякий случай», как весело объяснила мне хорошенькая маленькая мисс Розамунда, блестящими глазками поглядывая на внезапно побледневшего Долли. Питер Блэй, Сет Баркер и молодой американский механик должны были оставаться под начальством нашего главного артиллериста, я же не имел определенного поста, чтобы быть там, где понадобилась бы поддержка.

Тогда же. 11 часов ночи.

Вот уже два часа, как мы ждем нападения, два часа, как каждый из нас занял свой пост.

Тогда же. Около полуночи.

Все та же тишина, та же темнота, та же неизвестность!.. Американец матрос улегся на землю подле меня, подложив под голову камень, и спокойно заснул. Долли Вендт тихо перешептывается с маленькой, стройной тенью, голосок которой выдает мне мисс Розамунду. Сет Баркер пристально вглядывается в темноту, неподвижный, как гранитная глыба, с которой сливается его гигантская фигура. Мистер Пиппер, механик погибшего судна, о чем-то мечтает или молится. Один Оклер беспокойно бежит взад и вперед, стараясь проникнуть взглядом в непроницаемую темноту. Неужели вся ночь пройдет в этом лихорадочном ожидании? Неужели мистер Кчерни отложил нападение до завтрашнего утра?

Но нет! Слава Богу, конец мучительной неизвестности!.. Полоса пламени внезапно осветила темноту кровавым светом, и десятки пуль затрещали о каменные глыбы. Шестидесятичасовое ожидание окончилось. Теперь судьба наша скоро решится.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Второе нападение на подводный замок

Первые выстрелы были направлены не на нашу площадку у главного входа. Хотели ли враги отвлечь наше

внимание? Думали ли они не найти часовых у входа в нижнюю галерею — решать не берусь! Но каковы бы ни были их предположения, они не оправдались. Капитан Нипен сторожил не менее внимательно, чем мы, и его предупреждающий окрик долетел до нас вместе с первыми выстрелами.

— За дело, Долли! Десяток добрых картечей достигнет эту сволочь! — исступленно кричал Питер Блэй, помогая поворачивать пушку.

Долли радостно улыбался, приготавливая свое оружие. Храбрый юноша как будто забавлялся опасностью, сопровождая каждый новый заряд веселыми прибаутками. Остальные товарищи молчали в мучительном нервном напряжении. Ужасная темнота страшно затрудняла наше положение. Казалось, все звезды небесные погасли навсегда, так черно было небо, низко нависшее над нашими головами. Шум невидимого моря доносился откуда-то из черной глубины, и когда выстрелы на мгновение освещали мрак, нам казалось, что перед нами открывалась чудовищная черная пасть, готовая поглотить наш крошечный утес.

Первая атака продолжалась недолго. Очевидно, неудачная попытка овладеть неожиданно вторым ходом изменила план разбойников. Их выстрелы прекратились так же внезапно, как и начались. Глубокая тишина снова воцарилась вокруг нас. Только издалека донесся до нас спокойный голос предупреждающего нас капитана Нипена:

— Слушай! Все целы! Берегись! За вами очередь!

И опять тишина, томительная, убийственная тишина среди души удручающей темноты.

— И в самом деле теперь наша очередь, Долли! — прошептал я. — Скорее поворачивай оружие к морю. Я чувствую, что главная атака близко!

— У меня все готово! — бодро отвечал наш юный артиллерист. — Не беспокойтесь, капитан, не подпустим!

Мистер Кчерни разделил свою флотилию на несколько частей, пытаясь высадиться сразу в нескольких пунктах. Тогда, конечно, я не знал этого наверняка, но инстинкт моряка раскрывал мне план разбойников, и я так же, как и все товарищи, догадывался, что первое нападение было сделано только для отвода глаз и что

нам у главного входа придется выдержать главную атаку.

Прошло десять—двадцать минут томительного ожидания. Мы стояли наготове, с оружием в руках и с отчаянным напряжением вглядывались в непроницаемую темноту, окружающую нас. Наконец, до слуха моего долетел слабый звук весел. Опасная близость этого слабого звука удивила бы меня, если бы молодой механик, стоящий рядом со мною, не прошептал мне на ухо:

— Разбойники обернули весла мягкими тряпками. У наших краснокожих научились, должно быть!

Спустя минуту раздалось трение дерева о камни. Очевидно, лодки были уже у самого берега.

— Пора, Долли, не допускай высадки,—громко крикнул я.—Стреляй наугад в темноту! Картечь своих найдет!

Дикие крики нападающих почти покрыли звук первых пушечных выстрелов.

— Вперед, ребята!.. Бей их! Не давай пощады!—ревели хриплые голоса откуда-то снизу, из неведомой глубины. Как будто легион демонов вырвался из преисподней, чтобы наброситься на нас.

Что произошло дальше, рассказать невозможно! Не забудь, читатель, что мы стояли у самой пушки, как бы в центре огненного круга, буквально оглушенные ревом нашего орудия и непрерывной трескотней ружейных выстрелов. Пули поминутно свистели вокруг нас, сливаясь с дикими воплями нападающих разбойников. В меня стреляли, и я стрелял не соображая, не целясь и не рассуждая, стрелял, повинаясь чисто инстинктивному желанию отвечать выстрелом на выстрел. Из ужасающей темноты, окружающей нас своим непроницаемым покровом, доносились до нас озлобленные зазывания и отчаянные стоны. И над всем этим, заглушая даже металлический гул пушки, звучали последние вопли смертельно раненных, неизменно оканчивающиеся всплеском невидимого моря. Сколько времени продолжалась эта адская перестрелка? Час или минуту?.. Никто из нас не мог решить этого!.. Мы как бы опьянели от порохового дыма, от грома выстрелов, от криков, стонов и проклятий!..

Разбудила меня ужасная неожиданность. Внезапно при вспышке выстрела я увидел врагов на площадке, в непосредственной близости. Надежда мистера Кчер-

ни оправдалась. Разделив свою флотилию, он совершенно верно рассчитывал на то, что мы не сможем помешать высадке в нескольких пунктах сразу и что хоть одной из лодок удастся высадить свой экипаж на берег. Так и случилось. Пока мы отстреливались от главных сил и сосредоточили все внимание на одном пункте, с другой стороны к нашей скале тихо подплывала большая лодка. Экипаж ее, вероятно, не без труда вскарабкался по крутому склону, но разбойникам нечего было бояться опасных встреч. Гул выстрелов и крики сражающихся заглушили бы и более сильный шум, чем приближение осторожных шагов. Я заметил присутствие новых врагов только тогда, когда они уже стояли на площадке, в каких-нибудь пятидесяти шагах от нашей батареи. Кровавый свет выстрелов поминутно освещал своими зловещими вспышками зверские лица, блестящие злобой глаза, судорожно сжатые руки, вооруженные громадными ножами. Разбойников было не менее двенадцати человек. Нас всех — семеро возле пушки, бессильной на столь близком расстоянии. У меня сердце замерло при виде неожиданной опасности. Сможем ли мы выдержать натиск этих демонов? Всего несколько шагов отделяло их от входа в подземную галерею, где молились о нашем спасении слабые женщины, где спали беззащитные дети. С отчаянной решимостью обратился я к товарищам, стоящим возле меня:

— Долли, голубчик, сбереги оружие во что бы то ни стало и продолжай стрелять по лодкам. Я же попытаюсь сбросить этих негодяев в море. Иначе мы все погибли. Питер, Баркер, товарищи, вы поможете мне, не правда ли?

— За честь сочтем, капитан, — отвечал Питер. — За честь и удовольствие!

Сет Баркер ничего не отвечал и только приложил руку к голове, на которой уже давно не было фуражки, унесенной вражеской пулей.

— И я с вами, капитан, — решительно крикнул молодой механик. — Я поклялся умереть за мисс Изабеллу!

Мы кинулись на нападающих с безумной отвагой. Я умышленно пишу это слово, сознавая, что только безумные, возбужденные до полной бессознательности люди могли броситься в рукопашный бой четверо против двенадцати на узком пространстве земли, окружен-

ном обрывами, в темноте, не позволявшей разглядеть собственную протянутую руку. Но в эту отчаянную минуту никто из нас не думал о безумии нашего поступка. Мы помнили только то, что появившихся наверху разбойников необходимо было столкнуть в море, иначе они ворвутся на нашу батарею, задавят нас своим числом и доберутся до подземных галерей, где были женщины, где была Руфь. Эта мысль наполняла мою душу какой-то нечеловеческой отвагой. О ком думали мои храбрые спутники, не знаю, но сражались они как герои, как львы. Сет Баркер даже не вынул своего револьвера. Схватив за дуло первое попавшееся разряженное ружье, он молотил им, как цепом, кружа тяжелое оружие над головой. И куда опускалась эта тяжесть, там раздавался зловеющий треск переломанных костей, там слышались стоны и проклятия. Питер хладнокровно подвигался вперед с револьвером в каждой руке, и каждый его выстрел освещал искажившееся лицо падающего человека. Молодой американец бешено размахивал большим охотничьим ножом, сверкающая сталь которого покраснела до самой рукоятки. Что я делал, не помню. Я сражался совершенно бессознательно. В моем мозгу, как маятник, отбивала одна мысль: «Надо очистить площадку, надо спасти мисс Руфь!» — и четыре честных человека восторжествовали над двенадцатью разбойниками.

И мы очистили площадку! С поражающей быстротой, точно во сне, куда-то исчезли наши противники. Непрерывно раздавалось громкое шуршание человеческих тел, срывающихся и ползущих вниз вместе с камнями, за которые тщетно пытались ухватиться коченеющие руки. Вслед за тем слышался громкий всплеск волн над свалившимся трупом, и на площадке оставалось одним врагом меньше. А пушка продолжала стоять, осыпая картечью лодки тех, кто пытался пристать, пользуясь произведенной другими счастливой высадкой. Металлический рев выстрелов покрывал крики и проклятия наших врагов и, казалось, заглушал своим могучим голосом всякий страх, всякую мысль, кроме одной, гвоздем засевшей в мозгу.

Надо очистить площадку. Надо спасти мисс Руфь!

Страшная боль в плече заставила меня вторично очнуться от опьянения битвой. Передо мной стояла высокая, темная фигура с высоко поднятым топором. Злоб-

ное смуглое лицо мелькнуло и исчезло, освещенное мгновенно потухшей вспышкой выстрела. Воспользовавшись тем, что внезапная боль заставила меня выронить оружие, высокий разбойник обхватил меня своими длинными, мускулистыми руками. Ноги мои поскользнулись в луже крови, и мы оба упали на землю. Но, к счастью, присутствие духа не оставило меня. Я вцепился здоровой рукой в горло разбойника, и мы долго, как змеи, катались по мокрой от крови земле, как вдруг мой враг начал ослабевать. Его руки разжались. Он дико вскрикнул и покатился вниз, все еще пытаясь увлечь меня с собой. Но я успел зацепиться за скалу и повис над бездной. Как во сне слышал я, как где-то далеко внизу невидимое море плеснуло, смыкаясь над упавшим трупом, и на секунду потерял сознание. Дружеская рука помогла мне встать на ноги.

— Победа, капитан Бэгг! Площадка очищена! — кричал чей-то хриплый голос. Не сразу узнал я знакомый ирландский говор Питера. С трудом переводя дыхание, поднялся я на ноги, прошел, шатаясь, несколько шагов и с недоумением огляделся.

Глубокая тишина сменила страшный шум сражения. Глубокая темнота опять окружала нас. Ни звука на море. Ни звука на земле. Только издалека, со сторожевого поста у первого входа, слабо доносился голос капитана Нипена, охрипший и изменившийся, как и у всех нас:

— Слушай! Все ли целы? У нас все благополучно!

— У нас тоже! Гляди в оба! — прозвучал ответный успокоительный крик Питера.

Медленно, поминутно оглядываясь с каким-то недоверчивым недоумением, вернулись мы на нашу «батарею», так называл Долли Вендт место около пушки, защищенное скалами.

Глубокая тишина по-прежнему никем не нарушалась. Слабо освещал нас фонарь, горящий около орудия, при свете которого я посмотрел на часы. Было два часа ночи. Ужасная битва продолжалась не более полутора часов. Нам они показались вечностью. Молча, не переставая прислушиваться, уселись мы и принялись оглядывать друг друга, все еще не веря тишине, все еще ежеминутно ожидая нового нападения, все еще сомневаясь в том, что мы все здесь, все целы и невредимы. Да, впрочем, целы ли мы? В сущности, совершенно не-

вредимым остался один Долли. Все остальные получили более или менее тяжелые ранения. Мое плечо страшно болело. Из-под фуражки Питера, надвинутой на самые брови, медленно просачивалась алая кровь и бежала тонкими струйками по его смуглым щекам. Сет Баркер засунул левую руку между двумя пуговицами куртки, повторяя на все вопросы: «Это пустяки. Не помешает еще раз померяться с негодяями!» Бедный американский матросик сидел, прислонившись к стенке, не будучи в силах стоять на простреленной ноге, а шея молодого механика была обвязана окровавленным платком. Старика Оклера вовсе не видно было. Неужели бедняга свалился в море? Сердце мое больно сжалось.

— Собрание инвалидов! — печально проговорил я. — Простите, братцы, я виноват перед вами. Нам не надо было выходить из-под прикрытия, теперь я сознаю это. Тогда же...

— Полно, капитан Бэгг, — отвечал мне из глубины темного угла добродушный голос старого француза. — Вот мы с Бенно и не выходили, а посмотрите на нас! У одного рука прострелена, а другой лежит с пулей в груди. Только мистер Вендт каким-то чудом не получил ни царапины, хотя уж он, конечно, щадил себя не больше остальных!

А кругом все та же тишина. Все то же черное небо над нами, все та же бездна внизу, где шумит невидимое море.

— Неладно это, капитан! — ворчит Питер Блэй. — Ох неладно! Затевают что-то разбойники. Придумывают какую ни на есть пакость, черт их раздери!

— И я так думаю, Питер. Не станут они откладывать нападение до завтра. Темнота им лучшая помощь. Благодаря темноте они чуть не ворвались сюда. Они должны возобновить атаку до рассвета. И тогда... Как знать, выдержим ли мы, Питер? Мы все ранены, все устали!

Молча переглядываются храбрые товарищи, молча опускают головы. Наскоро, кое-как перевязанные платками, а то и вовсе не перевязанные раны дают себя чувствовать. Настороженная тишина режет нервы после адского шума прошлых минут. Ночной мрак наполняет душу невольным ужасом.

Один Долли Вендт продолжает улыбаться. Его мо-

лодая отвага играет со смертельной опасностью, как ребенок с заряженным оружием.

— Мисс Розамунда! — вдруг радостно вскрикивает он.

— Она собственной персоной! — отвечает маленькая француженка, улыбаясь своими розовыми губками. — Я хотела лично убедиться, все ли здесь благополучно, да и молодая леди послала меня просить капитана Джаспера сойти к ней на минутку! — говорит она, с кокетливой скромностью опуская глазки, но нежный взгляд этих блестящих глазок исподтишка направляется на красивое лицо нашего молодого товарища и выдает тайную цель ее появления среди грязных, закопченных и окровавленных моряков.

— Идите, капитан! — упрощает меня Питер. — Ваше плечо опаснее моей расцарапанной морды. Да и ваше присутствие здесь будет нужнее моего на случай внезапной атаки!

— Идите скорее, капитан! — повторяет хорошенькая француженка, как-то незаметно очутившаяся около пушки, внушающей ей, по-видимому, необыкновенный интерес. — Молодая леди очень беспокоится и запретила мне возвращаться без вас!

Как было не повиноваться такому приказанию? Я быстро спускаюсь с лестницы, не обращая внимания на то, что мисс Розамунда замешкалась наверху, занятая разговором с Долли, который объясняет ей что-то необыкновенно интересное.

В нижней части большой гостиной наскоро устроено нечто вроде перевязочного пункта. Все окна наглухо закрыты ставнями, чтобы не пропускать света, могущего послужить маяком нашим врагам. На одном из столов разложены хирургические инструменты, бинты, корпия, стоят скляночки, пузырьки и банки с лекарствами.

— Запасливый человек этот Кчерни! Чего только нет в его подводном замке! Разве птичьего молока здесь не найдешь. Лаборатория и аптека такая, что хоть госпиталь открывай! — весело встречает меня доктор Грэй, наряженный в большой белый фартук и окруженный женскими фигурами в таких же белых фельдшерских передниках.

Но я ничего не вижу, кроме прелестной, стройной

женщины с золотыми косами, кинувшейся мне навстречу и замершей на моей груди.

— О Джаспер, вы ранены! — шепчет нежный голос, и ясные синие глаза роняют слезу за слезой на мои окровавленные, закопченные порохом руки.

— Успокойтесь, мисс Руфь! — говорит доктор Грэй. — Рана капитана не может быть опасна, раз он на своих ногах спустился вниз. Сейчас мы приведем все это в порядок. Уйдите-ка на минутку, мисс Руфь! Нам придется раздеваться, это во-первых, а во-вторых, не дамское дело смотреть на кровь и раны!

— Ради Бога, доктор, оставьте меня здесь! Я не испугаюсь и не помешаю вам. Подумайте, ведь он за меня сражается, за меня страдает! — упрасивает любимый нежный голос.

Но доктор неумолим, и мисс Руфь печально повинуется, заставив его поклясться, что он позовет ее немедленно после перевязки. Благодаря Богу, рана моя в самом деле не особенно опасна, хотя кость руки и перебита немного ниже плеча, но перелом самый простой, да и рука, по счастью, левая. Искусно забинтованная, она не мешает мне защищаться. На душе у меня весело. Мучительная боль почти исчезла после перевязки. Выпитый стакан вина подбодрил меня, а мысль о том, что мисс Руфь здесь, близко, что она страдает за меня, наполняет мою душу счастьем. Я даже удивляюсь, видя, как лицо доктора омрачается.

— Питер Блэй тоже ранен? — спрашивает он меня с видимым беспокойством.

— Да, и американский механик тоже, но, кажется, не опасно, — отвечаю я. Доктор недоверчиво покачивает своей умной седой головой, и его энергичное лицо становится задумчивым.

— Опасно или неопасно, почти безразлично в данном случае, капитан Бэгг! Всякая, даже самая неопасная рана неминуемо ослабляет человека. Теперь вы еще не замечаете этого, но когда пройдет нервное возбуждение, вы сами почувствуете печальную истину моих слов, а с ними и все остальные. Ведь, кроме Долли, у нас нет ни одного человека не раненного. Старик Оклер не может шевельнуть правой рукой, я уже перевязал его, а у бедняги Бенно Ренато пуля засела в груди, около плеча, и как он ни храбрится, но к утру у него начнется лихорадка. Я уложил его в соседней комнате под при-

смотром мисс Целесты. Баркера и американца вы сами видели, а какова рана механика, еще неизвестно. Как же вы будете сражаться в случае нового нападения? Ну, положим, я уже распорядился отослать двух раненых вниз, для присмотра за рабочими в машинном зале. Скажу больше, я уверен, что оставшиеся там люди Кчерни честно помогут нам защищаться. За четверых, по крайней мере, отвечают их жены, оставшиеся с нами. Бедняги искренне раскаиваются, да они и не принимали прямого участия в грабежах, а были частью механиками, частью слугами, которых заманили на службу к мистеру Кчерни, они же не подозревали, какова эта служба. Все это мне объяснили маленькие француженки, прекрасно знающие всех женщин острова. Но все же, считая этих людей, число наше слишком незначительно сравнительно с массой разбойников. Плохо придется нам, если они возобновят нападение сегодня ночью!

— Вас ли я слышу, доктор? — раздался знакомый милый голос на пороге гостиной. — Вы ли приходите в уныние преждевременно? Вы, мужчина! Мне ли, слабой женщине, успокаивать вас? Я не боюсь больше ничего. Господь, помогавший нам до сих пор, не захочет оставить нас в последнюю минуту. Верьте этому, и вы будете непобедимы. Не правда ли, Джаспер?

Мисс Руфь говорила с ласковым упреком, со спокойной уверенностью. Чем мог я отвечать обожаемой женщине, кроме уверений в готовности отдать свою жизнь ради нее?

Еще час прошел в том же безмолвии. Мы все еще сидим с оружием в руках, все еще прислушиваемся к каждому шороху, все еще с болезненным напряжением вглядываемся в непроницаемую темноту. Пробыло три!.. Через два часа наступит рассвет. Доживем ли мы до него? Увидим ли мы еще раз золотые лучи восходящего солнца? Храбрая маленькая француженка уговорила нас съесть по куску холодного мяса и выпить по стакану старого портвейна. Это заметно подбодрило нас всех. Никто из раненых еще не чувствует слабости, предсказанной доктором. Но зато нервное возбуждение достигло высшего предела. Нас бьет лихорадка нетерпения. Скорее бы появились разбойники. Скорее бы решилась наша участь. Все шире открываем мы глаза, стараясь проникнуть сквозь непроницаемую завесу темноты.

И вдруг сзади нас раздается женский крик. Испуганно поворачиваю я голову. Какая-то темная тень скользит вдоль слабо освещенного коридора. Мы не успеваем разобрать, кто это, не успеваем вскочить, как она уже среди нас. Я чувствую, скорее, инстинктивно, чем действительно вижу, как поднимается чья-то дрожащая рука, протягивая револьвер в мою сторону. Раздается глухой выстрел, и яркая вспышка освещает окровавленное, истомленное желтое лицо. Злобные, косые глаза светятся адским торжеством, широкий рот раскрывается над оскаленными, как у волка, зубами, и раздается дикий насмешливый хохот. Так должны смеяться демоны в аду при виде отданных в их власть грешников. Шипящий голос хрипло кричит ужасные слова, которые я слышу, как во сне,—слышу, не понимая их смысла.

— Желтый шпион отомстил красивому англичанину! — шипит противный змеиный голос с адской насмешкой. — Вы все погибнете! Все потоните, как крысы в море! Вспомните тогда желтого Дентона!

Длинная, крючковатая рука опять вытягивается, но я уже не слышу свиста пули. Между мной и Дентоном вырастает маленькая стройная фигурка. С неожиданной силой отклоняет белая женская ручка грубую желтую руку, вооруженную револьвером.

— Берегитесь, капитан Бэгг! Это главный поверенный губернатора! — кричит смелая маленькая француженка, не выпуская руки негодя, изо всех сил старающегося вырваться.

Но где же нежной, маленькой ручке удержать мужчину, силы которого удесятерятся отчаянием? Злобно скрежеща зубами, Дентон отбрасывает бедную девушку в сторону так, что она со стоном падает на землю. Желторожий шпион одним прыжком перепрыгивает через пушку и кидается к обрыву.

— Держи, держи! — кричат испуганные голоса. Питер и Баркер со всех ног кидаются за убегающим. Но уже поздно. Дентона уже нет на площадке. Только камни шуршат под его ногами. Все ниже и ниже раздается этот шум.

— Стреляйте вдогонку негодя! — кричит кто-то около меня.

Но для этого уже слишком поздно. Желтый шпион уже скрылся в темноте. Он, должно быть, уже у берега

невидимого моря. Снизу доносится еще раз его адский хохот и хриплый, злобный, насмешливый голос:

— До свиданья, друзья мои! Плыву к губернатору сообщить ему, что подводный замок сделался жилищем рыб и крабов!

Не успели мы еще оправиться от оцепенения, вызванного этой сценой, не успели сообразить, что значат таинственные угрозы негодяя, как внизу уже раздаются громкие крики женщин:

— Капитан Бэгг! Капитан Бэгг, скорее бегите к доктору! Вода заливает нижние галереи. Желтый Дентон открыл подводный трап и впустил море в наше убежище.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Последний день подводного замка и шайки мистера Кчерни

Трудно описать впечатление, произведенное ужасными словами на наши и без того напряженные нервы. Однако никто не поддался отчаянию, все остались на местах, продолжая сжимать оружие в дрожащих руках.

— Пройдите вниз, капитан Бэгг! — хладнокровно заметил старый американец, боцман погибшего парохода, только что сменившийся с поста в машинном зале. — Узнайте толком, в чем дело, и постарайтесь спасти людей, оставшихся внизу. Очевидно, гибель не так еще близка, если доктор Грэй зовет вас вниз, вместо того чтобы присылать всех сюда наверх!

— Вы правы, друг мой, — отвечал я, приходя в себя. — Оставайтесь здесь, товарищи, и сторожите внимательнее! Вероятно, уведомленные Дентоном, разбойники не преминут воспользоваться его сообщением и нападут на нас немедленно!

— А я думаю, что негодяю вряд ли удастся доплыть до них, — возразил Питер. — Я сильно сомневаюсь в этом, так как при всем внимании я не мог слышать ни малейшего звука, выдающего присутствие лодок поблизости. По-моему, нападающие удалились, так что желтому шпиону придется проплыть немалое расстояние, прежде чем он до них доберется. Ну, а на это

у утомленного и раненного мерзавца вряд ли сил хватит!

Я быстро добрался до большой гостиной, по дороге успокаивая бедных женщин, принесших нам известие об угрожающей опасности. Доктор Грэй уже распоряжался со своей обычной спокойной храбростью и осторожной осмотрительностью опытного полководца. Рядом с ним стояла мисс Руфь, бледная, но спокойная и улыбающаяся. И эта улыбка всеми обожаемой молодой женщины имела какое-то магическое влияние на каждого приближающегося к ней, внушая новое мужество и пробуждая новые надежды.

— Доктор, неужели это правда? — спросил я, пока он наскоро отдавал какие-то приказания женщинам. — Неужели нет спасения? Неужели нельзя остановить воду и исправить повреждение?

Он отвечал ровным и твердым голосом:

— Исправить повреждение невозможно, потому что никто не знает, где оно находится. Я спрашивал Оклера, Ренато и людей, работающих в машинном зале. Все они знали о существовании какого-то таинственного механизма, с помощью которого мистер Кчерни мог, при желании, затопить все этажи, но где находится этот механизм, никто не знает. По всей вероятности, в одной из нижних галерей, в каком-либо из нежилых подземелий!

— Но, Боже мой, доктор, тогда мы все погибли! И, прежде всего, погибли люди в машинном зале. А наш сторожевой пост у второго входа? Ведь подземное сообщение прервано, раз нижний этаж затоплен. Бедный капитан Нипен! Что же с ним станется?

— Не отчаивайтесь, дорогой друг, дело еще не так плохо! — перебила меня мисс Руфь со своей героической улыбкой. — Иначе мы с доктором не были бы так спокойны. К счастью, один из работавших в машинном зале заметил Дентона, пробежавшего по главному коридору, и расслышал его угрозу. Поняв его ужасное намерение и не имея возможности остановить негодя, быстро скрывшегося в темном лабиринте нижних, почти неисследованных этажей, этот человек все-таки успел предупредить своих товарищей и сообщить нам об угрожающей беде. Таким образом, мы можем принять некоторые меры предосторожности и сохранить надежду. В настоящее время все мужчины, работавшие

в машинном зале, так же как и женщины под руководством старого Оклера заняты переноской необходимых запасов из нижних галерей. Все железные двери, разделяющие этажи почти непроницаемыми перегородками, накрепко заперты, что должно сильно задержать наводнение. Судя по тому, что вода еще не вполне затопила даже машинный зал, можно быть уверенным, что она будет подниматься очень медленно и, во всяком случае, не дойдет до верхнего этажа раньше суток. А за сутки мало ли что может случиться!

Доктор, продолжая речь, одобрительно кивнул головой мисс Руфи:

— Кроме того, мы можем продержаться довольно долго на нашей площадке, недоступной самым сильным приливам, раз у нас останутся запасы воды и пищи. За нашими же друзьями к нижнему входу можно будет добраться на лодке, когда рассветет. Только бы негодяи не воспользовались темнотой и не повторили нападения!

— Не бойтесь этого,— решительно перебила мисс Руфь.— Мне говорит внутреннее чувство, что нападение не повторится и что все наши приключения окончатся скорее, чем мы думаем!

И опять потянулись бесконечные, томительные минуты. Опять сидим мы близ заряженной пушки, сжимая оружие усталыми руками, опять напряженно вглядываемся в темноту, ставшую еще непроницаемее при приближении рассвета. Опять кругом нас мертвящая тишина. Господи, неужели эта ужасная ночь никогда не кончится?

Раз только безмолвная ночь огласилась звуками выстрелов. Мы встрепнулись, вскочив на ноги и остановившись в недоумении, не понимая, откуда доносились эти далекие выстрелы.

— Стреляют где-то около западного берега! — заметил Долли.

— Там, где разбилось наше бедное судно! — прибавил американец механик.

— Что бы это значило? — удивленно спрашиваю я, не обращаясь ни к кому в отдельности.

— Мне кажется, что я догадываюсь! — отвечает мне на ухо знакомый голос старика француза. — Мне кажется, что эти далекие выстрелы возвещают нам спа-

сение. Но я не смею громко говорить об этом, чтобы не возбудить надежды, быть может, ошибочной!

Отдаленные выстрелы скоро прекратились. Опять мертвая тишина. Опять непроглядный мрак... опять томительное ожидание... О Господи, неужели эта ночь никогда не кончится?.. Неужели спасительное солнце никогда не разгонит этот ужас наводящий мрак? Слабость, предсказанная доктором, начинала овладевать ранеными. Мучительная жажда не давала нам покоя. Лихорадочные видения заставляли нас поминутно вздрагивать... Нам чудилось, что непроглядная тьма наполнена разбойниками, чудились таинственные ужасы там, внизу, в невидимой клокочущей воде. А минуты тянутся бесконечной чередой. Усталую голову невыносимо ломит... Раны болят... Страшные видения мелькают перед воспаленными глазами... И вдруг... яркий свет, и прелестное кроткое лицо обожаемой женщины...

— Не бойтесь, друзья мои,—говорит нежный голос, кажущийся больной душе голосом ангела небесного.—Нападения не будет больше! Сейчас четыре часа. Уже светает, ужасная ночь кончилась! Разбойники оставили нас в покое!

Нежные, ловкие руки заботливо подносят что-то прохладное, кислое и вкусное к запекшимся губам, заботливо укладывают раненых на мягкие подушки, заботливо покрывают теплыми одеялами.

— Спите, друзья мои,—ласково говорит спокойный твердый голос доктора Грэя.—Скоро светает. Ночь кончилась. Опасность миновала. Засните часок-другой, бедные раненые. Мы, здоровые, покараулим за вас. Не бойтесь, оружие у вас под рукой. При первом выстреле вы будете на ногах!

Никто из нас не в силах сопротивляться ласковым, дружеским рукам. С наслаждением вытягиваемся мы на импровизированных постелях, здесь же, около заряженной пушки, и последний взгляд наших закрывающихся глаз падает на светлую полосу на востоке. Ночь окончилась. Мы в самом деле отбили нападение разбойников.

С радостным сознанием засыпаю я крепким укрепляющим сном.

Проснулся я от веселых восклицаний... Мои раненые товарищи еще спали, и только доктор Грэй стоял

на площадке, опираясь на плечо Долли Вендта, и внимательно рассматривал в бинокль поверхность моря. Солнце стояло уже довольно высоко, его косые лучи золотили далекую синеву моря, освещая умное и энергичное лицо доктора каким-то особенно мягким светом. Долли Вендт чуть не прыгал от радости, громко повторяя:

— Нигде нет! Яхта исчезла!.. Разбойники в самом деле бросили осаду и ушли искать счастья в другом месте!

Я вскочил на ноги и бросился к обрывистому берегу. В ту же минуту к нам донесся голос капитана Нипена со сторожевого поста у первого входа:

— Слушай! Яхта исчезла! Все ли благополучно?

Дрожащими руками схватил я бинокль и навел на то место, откуда вчера еще разбойничье судно посылало нам свои убийственные выстрелы. Обгорелые остатки несчастного парохода еще виднелись между подводными скалами, но от яхты Кчерни не осталось и следа. Очевидно, разбойники воспользовались темнотой ночи, чтобы удрать незаметно.

— Скатертью дорога,— философски заметил Питер Блэй, протирая заспанные глаза.— От одного врага избавились, теперь можно и о другой опасности подумать на свободе!

Эти слова старого ирландца напомнили мне об угрожающем нам наводнении. С беспокойством принялся я расспрашивать доктора о положении дел в нижних галереях.

— Не волнуйтесь преждевременно, капитан,— успокаивал меня почтенный ученый.— Мистер Кчерни недаром был великим механиком. Его железные двери настолько задерживают воду, что наши женщины могут еще спокойно оставаться в верхних комнатах, по крайней мере, до завтра — до полуденного прилива.

— А что дальше?— безнадежно спросил я, печально опуская голову.

— Дальше, что Бог даст,— спокойно отвечал ученый.— Отчаиваться преждевременно, во всяком случае, не следует. Мы с вами и из худших положений выходили невредимыми, капитан Бэгг! Не забудьте, что мы успели спасти некоторое количество припасов и пресной воды и, следовательно, можем спокойно прожить несколько дней на этой скале. Там, Бог даст,

окончится сонное время или какое-нибудь проходящее судно подберет нас! Мало ли что может случиться за несколько дней!

— А что капитан Нипен? Знает ли он о неминуемой гибели подводного замка?

— Ожидая нападения разбойников, мы не считали нужным, да и не имели возможности предупредить его. Теперь же, когда до наших товарищей можно добраться на лодке, не рискуя натолкнуться на врага, я уже распорядился отправить за ними нашу шлюпку. Вон она уже около их скалы. Через десять минут капитан Нипен будет здесь, с нами!

— И вы думаете, что разбойники в самом деле ушли? — все еще недоверчиво допытывался Питер. — Неужели они были так глупы, что ушли, не воспользовавшись сообщением желторожего негодяя? Ведь это было бы сущим идиотизмом с их стороны!

— Их уход доказывает мне только, что вы были правы, предполагая, что Дентон пойдет ко дну раньше, чем успеет доплыть до своих товарищей. Очевидно, мистер Кчерни никогда не узнает об услуге, оказанной ему его верным слугой!

Через полчаса мы все опять сидели за столом в большой столовой за последним завтраком в подводном замке. Не без грусти глядел я на роскошное убранство комнаты, на картины и зеркала, на дорогую мебель и на бесчисленные произведения искусства, обреченные на неминуемую гибель... Вода уже затопила машинный зал и дошла до первого перекрестка... Через десять часов она дойдет до верхнего этажа и ничто уже не может остановить ее победоносного напора... Несмотря на это, мы не поддавались отчаянию.

Вдруг сверху прибежал старик Оклер, оставшийся в качестве часового вместе с бывшим боцманом погибшего «Колокола».

— Капитан Бэгг, капитан Нипен! — кричал он, запыхавшись. — Скорее пожалуйста наверх! К нам приближается лодка разбойников!

— Опять разбойники! — вскрикнули женщины, бледнея, но старый француз поспешил успокоить их:

— Не волнуйтесь. Разбойников не много. Всего одна лодка и, кажется, без враждебных намерений!

— Во всяком случае, пусть дамы остаются внизу! — решил доктор Грэй тем спокойным и уверенным голо-

сом, которому никто не решается противоречить.— Мы же пойдем посмотрим, в чем дело, и пришлем вам немедленно известие!

Выйдя на площадку, я скоро убедился в истинности предположения старого француза. Подплывавшие к нам разбойники, очевидно, не имели неприязненных намерений, несмотря на то, что были вооружены. Истомленные, окровавленные, бледные, они жалобно кричали, прося пощады и умоляя дать им пищи и воды — прежде всего воды. Несчастные умирали от жажды. От них мы узнали, что яхта Кчерни исчезла совершенно внезапно, умышленно или нечаянно забыв их лодку, не успевшую подплыть вовремя. Всех оставшихся было человек восемнадцать, и почти все раненные. Тут только мы увидели, с каким страшным успехом работала наша картечь прошлой ночью. Положение этих брошенных было действительно жалкое, и сердце у меня сжималось, видя их измученные лица и слыша их отчаянные просьбы.

Но как помочь им? Впустить восемнадцать вооруженных разбойников к себе на площадку было более чем рискованно. Они могли одолеть нас и завладеть нашими запасами. Поделиться с ними водой и пищей казалось проще, но сообщение доктора Грэя удержало меня и от этого великодушного решения.

— Не забывайте, капитан Бэгг,— серьезно прошептал мне ученый,— что резервуары с водой и опреснитель в машинном зале были затоплены прежде всего, так что мы успели сохранить весьма незначительное количество воды. Ее хватит на два, много на три дня! Отдавая часть этого запаса, мы рискуем жизнью наших женщин и детей!

Он был прав, конечно, но, Боже мой, как ужасны были крики и мольбы несчастных, изнемогающих от жажды, вдвойне мучительной для раненых. А солнце, как нарочно, пекло невыносимо, несмотря на легкие облака, поминутно пробегающие по небу. От моря поднимался какой-то легкий туман, насыщая воздух теплой влажностью, расслабляюще действовавшей на нервы. Нам, заботливо перевязанным, сытым и отдохнувшим, тяжело становилось в этой удушливой атмосфере. Каково же было этим несчастным, раны которых, кое-как завязанные платками и разорванными ру-

башками, должны были невыносимо болеть, этим несчастным, не пившим и не евшим со вчерашнего утра?

Молодое сердце Долли первое не выдержало ужасного зрелища. Со слезами на глазах подошел он ко мне с просьбой позволить ему передать беднягам хоть маленький бочонок воды.

— Я от своей порции лучше откажусь, капитан, благо, меня Бог уберег от малейшей царапины. Но я не могу вынести стонов и криков этих бедных раненых!

Мы не могли отказать доброму мальчику — и только молча кивнули головой в знак согласия.

— Не высаживайтесь! — поспешно крикнул Долли вниз, в лодку, стоящую на расстоянии всего нескольких десятков шагов от берега. — Впустить вас наверх мы не можем. А водой и пищей поделимся, насколько сможем. У нас самих немного осталось, к несчастью, мы находимся в положении не многим лучше вашего, бедные люди!

В ответ на эти ласковые слова на лодке совершенно неожиданно раздались ругательства.

— Проклятые лжецы, сами катаются как сыр в масле, а нас оставляют издыхать, как собак, — грубо крикнул один из разбойников, разряжая свое ружье почти не целясь. Результат этого выстрела на столь близком расстоянии был ужасен. Пуля пробила грудь одному из сдавшихся матросов мистера Кчерни и застряла в плече стоящего за ним американского механика.

— Проклятые душегубы! — с негодованием крикнул капитан Нипен. — Картечью их, мистер Вендт! Потопите анафемскую шайку!

Но ошеломленный юноша не успел исполнить жестокого приказа озлобленного старика, как наказание уже постигло убийцу. Его собственные товарищи напали на него с негодованием. В то время как одни с ругательствами столкнули его в море, другие быстро выкинули за борт свое оружие, не переставая уверять нас в своей невинности и упрашивать не вымещать на невинных преступление одного негодяя.

Мучительное недоумение опять овладело нами. Жалость боролась с осторожностью. Мы буквально не знали, на что решиться!.. Но сама судьба разрешила наши сомнения. Нетерпение несчастных не позволило им дожидаться окончания нашего совещания. Кому-то из них пришла в голову смелая мысль добаться до нашей

площадки сзади, по скалам, верхушки которых начали появляться из воды благодаря наступающему отливу.

С лихорадочной поспешностью обогнула лодка разбойников оконечность мыса и направилась к линии подводных скал, соединяющих нашу площадку с возвышенностью, на которой находился второй вход подземной галереи. Скалы эти не представляли сплошной линии, а выступали из воды отдельными вершинами, разделенными более или менее глубокими и широкими пространствами воды. С некоторой ловкостью, перепрыгивая с одного камня на другой, можно было добраться до нашей площадки. Мы не сомневались в том, что отчаянным людям, предпринявшим это опасное путешествие, их план удастся, но все же не решились помешать им.

Но, видно, сам Бог осудил людей, всю жизнь проживших среди убийств и грабежей, осудил на смерть, ужаснее которой не могла бы придумать фантазия самого жестокого человека. И теперь еще я содрогаюсь, вспоминая о последних минутах последних членов шайки мистера Кчерни.

С понятным волнением следили мы за их движениями. Довольно легко выскочили они из лодки на широкую, плоскую вершину ближайшего подводного камня и еще легче перескочили на следующий, отделенный всего пятью или шестью шагами от первого. Но дальше надо было пройти чуть не по пояс в воде, так как выступающая вершина следующей подводной скалы отделялась уже большим пространством воды — шириной в несколько сажен. Перепрыгнуть через него было совершенно невозможно, но можно было пройти вброд через неглубокую воду. И разбойники не задумываясь так и решили. В бинокли мы видели, что они ничем не рискуют, так как под прозрачной водой чернела сплошная каменная глыба. Шага два-три сделали первые по этой черной глыбе почти по пояс в воде. кинулись за ними с разбега, спеша добраться до сухого места. Как вдруг случилось нечто невероятное. Черная каменная глыба внезапно шевельнулась под ногами бегущих людей, шевельнулась и исчезла в воде. Вместо нее появилась на поверхности моря громадная голова чудовища, с кроваво-красной пастью и с жадными немигающими, зелеными глазами. Адской злобой сверкали эти ужасные глаза перед испуган-

ными, попадавшими в воду разбойниками. Раздались крики ужаса. Мы все невольно ахнули, узнав отвратительную морду морского черта. Но что же мы могли сделать? Еще не умолк наш крик, как из воды высунулся громадный хобот и обвился вокруг плеч одного из несчастных. Остальные пробовали спастись, карабкаясь на скалы, цепляясь один за другого, скользя на мокрых камнях и сталкивая друг друга в бездну. А в этой бездне ждала их ужасная гибель. Казалось, океан прислал сюда всех мрачных обитателей своих. Все пространство между скалами как в котле кипело! Перед нашими испуганными глазами мелькали ужасные щупальца и раскрывались чудовищные пасти, в которых один за другим исчезали несчастные, обезумевшие от ужаса люди. Кровь из перекушенных человеческих членов быстро окрасила воду, но из этого кровавого моря продолжали высовываться страшные лапы морского черта, отвратительные щупальца гигантских осьминогов, бездонные пасти зловещих акул. Ни один из несчастных не спасся. От шайки мистера Кчерни ничего не осталось. Беспощадные стражи подводного замка поглотили последних верных слуг его хозяина. Бледные, дрожащие, едва дыша, глядели мы на кровавую казнь разбойников, и волосы шевелились от ужаса на наших головах. Громкие рыдания заставили меня прийти в себя. Упав на колени, молились оставшиеся в живых сообщники мистера Кчерни, благодаря Бога за свое спасение и проклиная свою прошлую жизнь. В искренности их клятвы оставаться честными людьми трудно было сомневаться после ужасного урока, полученного ими.

Около четырех часов пополудни тяжелые серые облака заволокли все небо. Жара становилась все невыносимее, хотя лучи солнца уже не могли пробиться сквозь серую пелену туч.

Еще через час начался дождик. Сначала редкими, крупными каплями, потом все быстрее и быстрее; вскоре целыми потоками зашумела небесная вода по каменному грунту нашей скалы.

Старый Оклер весело прибежал к мисс Руфи с этим известием.

— Конец сонному времени, миледи. Оно всегда дождем кончается!

Мисс Руфь набожно подняла глаза к небу.

— Пора было, Джаспер! Доктор Грэй только что объявил нам, что вода прорвалась во второй этаж. К завтрашнему приливу здесь уже дышать будет нечем!

— К утру мы будем на берегу, дорогая моя! Господь сжалился над нами. Наши испытания окончились! — радостно отвечал я, прижимая к губам маленькую ручку любимой женщины. Еще раз мы были спасены, и на этот раз окончательно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, *в которой кончается сонное время и наши приключения*

К рассвету мы были уже на острове, совершенно очистившемся от смертельных паров. Опять все сияло и смеялось в золотых лучах тропического солнца. Опять кругом благоухали роскошные цветы и щебетали пестрые птички. Из всей шайки мистера Кчерни в живых осталось семь человек, бывших с нами в подводном замке, да Бенно Ренато. С ними вместе съехал и я первым на берег, чтобы разыскать и похоронить многочисленные трупы, вид которых не должен был омрачать женщин, ожидавших нас в полузатопленном подводном замке. К счастью, оказалось, что эту тяжелую задачу еще ночью исполнили немногочисленные туземцы, которых мистер Кчерни молча терпел на своем острове, зная, что бедные и робкие маори не могут никому рассказать подробностей его ужасной жизни. Странно действует ядовитый туман на этих медножелтых людей. Он не убивает их, как европейцев, а только погружает в летаргический сон совершенно так же, как и животных. С наступлением сонного времени туземцы — мужчины, женщины и дети — засыпают где попало и как попало и спят непробудным, крепким сном по две-три недели и даже более, не чувствуя ни голода, ни жажды.

С прекращением сонного времени все спящие люди, животные и птицы просыпались голодные и ослабевшие, но совершенно здоровые и принимались за прерванные занятия как ни в чем не бывало.

Только одного человека не посмели эти робкие туземцы выбросить в море без всяких церемоний, как

других, на пищу акулам. Дрожа от страха, привели они всем известного и всеми любимого Оклера к тому месту, где лежало недвижимое и холодное тело страшного губернатора. Взмолванный старый француз прибежал за мною. Молча стояли мы с доктором над безжизненным телом, молча глядел я на красивое, бледное лицо гениального человека, сумевшего завладеть сердцем мисс Руфи. Мучительная ревность, терзавшая меня, пока он был жив, угасла при виде мертвого, и искренняя жалость к погибшему таланту наполнила мое сердце. Как мог дойти столь богато одаренный человек до таких преступлений?

— Мисс Руфь не должна видеть его! — прошептал мне старый француз на ухо. — Но эта смерть для нее большое счастье и для вас также, капитан Бэгг. Теперь уже никто не помешает вам любить друг друга!

Добрый старик прочел в наших сердцах раньше нас самих. После краткой, но горячей молитвы мы зарыли труп Эдмунда Кчерни под тенью стройной пальмы в его любимом лесу. Но скрыть его смерть от мисс Руфи нам все-таки не удалось. Она скоро заметила мою задумчивость, волнение доктора и смущение старика француза и сразу догадалась, в чем дело.

Ни слова не сказала она о покойном и только вопросительно взглянула на меня. Я молча опустил голову... Она глубоко вздохнула и набожно подняла глаза к небу. Губы ее шевелились в беззвучной молитве. Затем она стерла слезы с прекрасных глаз и с внезапной решимостью протянула мне обе руки.

— Теперь я свободна, Джаспер. Я могу быть твоей, если ты захочешь назвать своей женой вдову Эдмунда Кчерни!

Хотел ли я? Да я десять жизней отдал бы за это счастье. Должно быть, она прочла этот ответ в моих глазах, так как вся вспыхнула и спрятала свое прелестное, зардевшееся личико на моей груди.

Весело проходили дни в обществе очаровательных молодых женщин, скоро позабывших прошедшие волнения. Молодость и любовь все поглотили своим всеильным блеском. Мисс Розамунда и Долли, молодой американский механик и дочь капитана Нипена, Бенно Ренато и мисс Целеста были так счастливы, что всех заражали своей веселостью. Даже печальная мисс Дайси, потерявшая брата и невестку, начинала оправляться от

перенесенных страданий и находить утешение в ласках хороших мальчиков, спасенных ее самоотвержением.

На четвертый день нашего возвращения на берег мисс Руфь внезапно взяла меня под руку и увлекла подалее от других, на самый берег моря.

— Джаспер,— заговорила она решительно,— я хочу переговорить с тобой об очень важных вещах. Ты знаешь, я была богата. Надеюсь, что и теперь еще мое состояние не вполне растрачено покойным. Нет, нет, не перебивай меня! Я знаю, что ты хочешь сказать. Знаю, что, останься я нищей, ты бы все-таки любил меня. Знаю и то, что ты никогда не пожелал бы воспользоваться миллионами, добытыми грабежом и убийствами!

Я молча поцеловал руку любимой женщины, не отвечая на слова, которые для каждого честного человека сами собой были ясны.

Моя дорогая невеста продолжала говорить своим нежным, мелодичным голосом:

— Если бы было возможно возвратить награбленные миллионы тем, у кого они отняты, то дело уладилось бы очень просто. Но, увы, Джаспер, почти все ограбленные уснули навсегда на этом ужасном берегу!

— Да ведь и богатства Эдмунда Кчерни покоятся также на дне океана! — перебил я.

Но мисс Руфь лукаво улыбнулась в ответ.

— Не все, Джаспер! Я ведь недаром практичная полуамериканка! Я слишком уважаю деньги или, вернее, ту пользу, которую они могут принести, чтобы позволить бесследно погибнуть громадным капиталам. Пока вы спасали нас от врагов, я занялась спасением миллионов мистера Кчерни, и это отчасти удалось мне. Конечно, мы с тобой не воспользуемся никогда ни одним шиллингом из этих денег, но мне кажется, что я облегчу участь погибшего, если употреблю награбленное им золото на добрые и полезные дела, и прежде всего — на вознаграждение потерпевших и увлеченных им жертв!

Я мог ответить на это великодушное предложение только восторженным поцелуем.

На десятый день нашего возвращения на берег нас принял на борт проходивший мимо американский военный корабль «Гаттерас».

От офицеров «Гаттераса» узнали мы, что несколько

дней назад судно их встретило на море обломки какого-то, очевидно, сгоревшего парохода и даже подобрали опасно раненного матроса, уцепившегося за большую доску. Несчастный умер через несколько часов, но все же успел рассказать о гибели яхты «Мангатан» капитана Эдмунда Кчерни, загоревшейся по неосторожности перепившейся команды. В журнал военного корабля была занесена со всеми обычными формальностями смерть мужа мисс Руфи Белленден. Ничто уже не препятствовало его молодой вдове переменить имя и сделаться женой капитана Джаспера Бэгга, автора этого правдивого и бесхитростного рассказа.

КРОВАВОЕ УТРО

роман

Перевод с английского
А. А. Энkvист

I

НАИБОЛЕЕ КРУПНАЯ ЛИЧНОСТЬ

— Человек этот — негодяй и мошенник! — безапелляционно решил пастор и с видом человека, исполнившего свой священный долг, благодушно сложил на животе пухлые руки, устремив свой бесстрастный, созерцательный взгляд на обширный горизонт, открывавшийся с палубы большого океанского парохода. — Я говорю это не потому, что имел случай убедиться в этом или слышал от других дурные отзывы об этом человеке. Нет! Я говорю это как старый, опытный наблюдатель: есть люди, которых можно видеть насквозь, со всеми их пороками и недостатками, как бы они ни старались их скрывать. Именно таков и этот господин: даже походка обличает его, в ней есть что-то подозрительное, а глаза его как будто говорят: «Я знаю, что на меня смотрят, и знаю, что я негодяй, но что же из того!» И он не жалуется, что все мы чуждаемся его, избегаем его общества. Он сам сознает справедливость такого отношения к нему. Он умен и не желал бы быть негодяем, но тем не менее он мошенник и негодяй. Наше внимание льстит его самолюбию, и это весьма естественно: это доказывает, что он представляет собой известную величину. Да, очень немногие обладают достаточной твердостью, чтобы отвернуться от порока, когда он проходит мимо них в своем привлекательном виде. Что касается меня лично, каюсь, я восхищаюсь им, как восхищаются люди природой: он привлекает меня, и будь я женщина, мне кажется, что он поглотил бы меня целиком!

И пастор засмеялся густым, звучным смехом, в кото-

ром слышались самодовольство и снисходительность к людским слабостям.

Джесси Голдинг брезгливо подобрала свои юбки, чтобы негодяй не коснулся их, проходя мимо, но ее светлый, ясный взгляд упорно провожал его с выражением детского любопытства.

— Я желала бы знать, горят ли у него уши? — сказала она вполголоса. — Впрочем, он, должно быть, успел привыкнуть к этому. Ведь за эти два дня весь пароход только и делал, что говорил о нем. Будь он Теодор Рузвельт, и то не возбудил бы здесь большего внимания! Я думаю, что вы назвали его негодяем потому, что ничего не знаете о нем. Разве это христианское милосердие?

Ее так заинтересовала эта высокая, несколько сутуловатая фигура «Негодяя», остановившегося на секунду в дверях курительной комнаты, что она почти не слышала возражений высокочтимого викария, как она называла мистера Джона Трю, старавшегося оправдаться в ее глазах.

— Все мы до известной степени мошенники и обманщики, — решил он допустить, — и чем виднее наше общественное положение, тем милее и привлекательнее наше мошенничество. Доктора, юристы, а особенно дипломаты должны быть до некоторой степени мошенниками, обманщиками, то есть теми, кого мы, англичане, называем негодяями. Я даже себе иногда говорю: «Негодяй, твой язык обманывает тебя!»

— И он в самом деле обманывает вас? — спросила девушка. — Ну да я уверена в этом, — продолжала она, отвечая сама на свой вопрос. — Вы даете людям понять, что небо оставило для них лазейку, в которую они могут пролезть, если не пожалеют долларов. И вот богатые люди скупают все лучшие места в раю, а бедным остается только смотреть и вздыхать, между тем как богатые преспокойно отправляются обедать, не тревожась более о спасении своей души. Я и сама так делала, а потом очень сожалела. Но ваше мошенничество прекрасно!

Викарий улицы Соквилль набожно сложил руки с видом добродушного проповедника и сказал:

— Если бы мы могли собирать только одни небесные сокровища и питать только ими наших бедных и сирот, то этот обычай церковных сборов, конечно, был бы

уничтожен. Но, увы! Есть много таких вещей, которые принадлежат к области мечты!

— Да, ну а «Негодяй» принадлежит к числу фактов, не так ли? Я заметила, что вы потупили взгляд, когда он проходил мимо. Чувствовали вы себя совершенно правым по отношению к нему? Что же касается меня, то я не могу этого сказать, мне кажется, что я несколько сожалела...

— Это призвание вашего пола: всех жалеть и всем сочувствовать. Вы, женщины, восхищаетесь добродетелью и высокими качествами человека, но сторонитесь его, а когда речь пойдет вот об этом господине или другом, ему подобном, то я готов держать пари, что любая из вас здесь, на пароходе, в глубине души говорит: «Бедняжка! Каково-то ему!» А будь он миллионер, вернувшийся от дикарей, все наши дамы стали бы говорить: «Фи, какой он скучный». Взгляните только на нашего «Негодая», он боролся с искушением каких-нибудь двадцать секунд, а теперь все-таки пошел играть в карты. Бедную «Овцу», наверно, порядком постригут, но уж таков удел овец, сами они кротки, но их влекут к себе волки и мошенники, они восхищаются ими и завидуют им. Их руно, подобно женским сердцам, приносится им в жертву, а когда их порядком остригут, бедные овцы ждут к себе сострадания и не находят его, потому что мошенники и обманщики завоевали себе все симпатии.

При этом викарий испытующе взглянул на свою молодую собеседницу. Головка Джесси покоилась на спинке кресла, свежий морской ветерок раздувал ее светлые, как лен, выющиеся волосы, щеки ее разругались, а глаза светились живым огнем.

Она не могла дать себе в данный момент отчета, раздражал ли ее высокочтимый викарий или он просто только наскучил ей. И вдруг, резко изменив тон и манеру, Джесси обратилась к своему собеседнику:

— Послушайте, мистер Трю, слышали вы, что через две недели я должна выйти замуж?

— Возможно ли человеку, читающему американские газеты, чего-либо не знать? Ведь они сообщают решительно все, что только было, есть и будет в Старом и Новом Свете!

— Так, значит, вам уже все известно? Ну, прекрасно. Но предположим, что я — овца...

— Подобное предположение совершенно недопустимо в данном случае!

— Я выхожу замуж за лорда Истрей, надо вам сказать!

— Прелестнейший господин. Это одна из наших древнейших фамилий!

— Да, но я должна стать женой не его фамилии, а его самого!

— Понятно, о нем очень много говорили в наших газетах и в обществе в последнее время! — заметил викарый.

— По поводу его банкротства, не правда ли? Разве это не хорошо его рекомендует?

— О, мы в этом отношении полагаемся на американцев, чтобы вывести нас из подобного маленького денежного затруднения... Вы, конечно, будете жить в Монктон-Кэстле, в замке Монктон, который в настоящее время, кажется, находится в руках неких Мейерштейнов, если не ошибаюсь?

— Да, что-то такое со словом Штейн, отец мой говорит, что это еврей... Ну, да это все верно... Но скажите, Монктон — действительно великолепный замок?

— О да, я прошлым летом специально ездил, чтобы посетить это древнее родовое гнездо лордов Истрей...

— Что ж, у меня будет широкая и роскошная лестница и статуя какого-нибудь великого человека посреди парадного двора, целый ряд восковых манекенов будет глядеть на меня, когда я буду ложиться спать в своей опочивальне?..

— Все это вы, без сомнения, найдете в замке Монктон!

— Говорят, что часовня превращена в нем теперь в синагогу, не правда ли? Как жаль! Я думаю превратить ее в католическую капеллу, мы кстати приобрели в Риме несколько очень ценных картин с библейскими и евангельскими сюжетами. Скажите, вам не известно, какого, собственно, вероисповедания лорд Истрей?

— Хм, я полагаю, что он принадлежит к той же церкви, что и его предки!

— А разве они принадлежали к какой-нибудь церкви? Как это интересно, право! Я полагала, что они только пили портвейн и курили дорогие сигары, да еще осенью охотились во время охотничьего сезона. И те-

перь все эти господа сделаются и моими предками, не так ли? И я буду иметь возможность смотреть на них, то есть на их портреты в родовой портретной галерее, и называть их «папа!». О, я уже сейчас чувствую себя членом древнего рода, хотя мне всего только двадцать лет.

— Через каких-нибудь десять лет вы уже не будете так охотно говорить о вашем возрасте!

— Вы полагаете, что я буду скрывать? Нет, я думаю, что не стану этого делать, пусть годы сами за себя говорят. Если женщине на вид двадцать лет, то ей, наверное, уже тридцать, что пользы говорить об этом! Но вот я случайно узнала ваши года и ни за что не скажу вам о них: ведь вы, мужчины, в этом отношении гораздо скрытнее нас, вы возненавидели бы меня на все оставшееся время нашего совместного путешествия!

— О, прелестная мисс Голдинг! Да разве это возможно, чтобы кто-либо мог возненавидеть вас?! Скажите, сколько мне лет, я отнюдь не буду в претензии! Если хотите знать — мне пятьдесят три года, и я горжусь этим, но говорю это только вам, так как вы — одно из тех Богом благословенных существ, которым мужчина способен сказать все свои душевные тайны. В наше время мы не обмениваемся с нашими друзьями-дамами сувенирами, но обмениваемся сердечными и иными тайнами. За то короткое время, что мы находимся здесь, на пароходе, я сказал вам больше, чем какой-либо женщине в течение всей своей жизни, за исключением только моей матери, но убежден, что если бы то, что я доверил вам, делало меня достойным внимания... я все же уверен, что вы бы не выдали меня!

— Неужели вы в этом уверены? Но ведь мы, американки, так общительны, так болтливы. Я никогда еще не встречала молоденькой американки, которая могла бы промолчать полных пять минут. И всякий мужчина, который не имеет или не хочет поддерживать разговор, мне кажется несносным и только раздражает меня. Вы, англичане, производите иногда такое впечатление, как будто уже высказали все, что вам было нужно высказать, несколько веков назад и теперь уже не хотите повторять все снова. У меня за столом справа сидит один господин, от которого ни за что нельзя добиться ни слова, кроме: «В самом деле? Ах, как интересно!» Он, словно попугай, затвердил эти слова и теперь, ка-

жется, машинально повторяет их всякий раз, когда к нему обращаются. Право, у меня является желание поместить его в музей как образец скучного англичанина.

— Пощадите нацию, которую вы собираетесь осчастливить, мисс Голдинг! Мы — люди сдержанные и стали такими главным образом вследствие того, что принуждены были убедиться в своем превосходстве над остальными народами. Американцы же постоянно говорят и беседуют потому, что им еще надо многому научиться и многое узнать. Я готов согласиться, что люди словоохотливые в большинстве случаев прямодушны, но нередко поверхностны и пусты. Если же человек очень молчалив, то он почти всегда или глубокий мыслитель, или глупый человек, или же, наконец, мошенник. Как видите, это относится и к нашему «Негодяю»!

— Мне хотелось бы знать, выигрывает он или проигрывает сегодня?

— Стоит вам только повнимательнее присмотреться к «Овце» сегодня за обедом, и вы получите ответ на ваш вопрос!

— Он сидит за другим столом, и я вижу только его спину! — возразила Джесси.

— Ну, в таком случае присмотритесь к мистеру Бэнтаму!

— Ах, Бэнтам, эта прелестная китайская фигурка!

— Которая вот уже десять минут, как не спускает с вас очарованных глаз. Позвольте мне предложить ему местечко в моем раю. Моя религия учит меня самоотречению и братолюбию!

— Да, да, пусть он идет сюда, позовите его к нам, и я поглажу его крошечную ручку. Он, кажется, выдает себя за юриста, не так ли? Я никогда бы не поверила, что его маленькие ручки могут схватить какую бы то ни было взятку!

Высокочтимый викарий движением головы пригласил упомянутого господина приблизиться и любезно указал ему на стул.

Тот не заставил себя просить и поспешил на зов.

Это был маленького роста человек с громадной безобразной головой, уродливо торчащими в стороны ушами и громадными, неуклюжими руками. Джесси прозвала его «Бэнтамом». Его упорство было столь же замечательно, как и его память на всякие неприятные факты. Он мог вам рассказать что-нибудь грязное и по-

зорное почти о любой родовой семье в Европе и, казалось, изучил всю их подноготную до малейших мелочей.

— А «Негодяй» опять уже дуется в карты,— начал он подходя.— Я полагал, что вам будет интересно знать— он выиграл только что пятьдесят два фунта. Я убежден, что его когда-нибудь застрелят! Понятно, что проигрывает «Овца»!

— А вы все, большие, сильные и справедливые люди, допускаете это! — воскликнула Джесси возмущенно.— Мне, право, стыдно за вас. Отчего вы ничего не сделаете, господин викарий?

— Поверьте мне, дорогая мисс Голдинг, что все окончится благополучно, обещаю вам это!

— То же самое говорят у нас, когда казнят судом Линча в Кентукки!

— Но почему вы так ненавидите этого человека, мисс Голдинг? — спросил Бэнтам.

— Потому, что это так принято!

— А между тем вы никогда не обмолвились с ним и парой слов!

— Очень может быть, что если бы я с ним поговорила, то перестала бы ненавидеть его. Он положительно не выходит у меня из головы, я даже вижу его во сне, когда мне вообще что-нибудь снится!

— Так он вам снится! Как это интересно, я никогда не знал никого, кому бы я снился!

— Вы недостаточно скверны!

Викарий рассмеялся этому ответу.

— Вы должны совершить для этого какое-нибудь преступление, мистер Бэнтам!

— Это именно то, что я старался сделать в течение всей своей жизни!

— Да, но вам это никогда не удастся! — сказала Джесси.— У вас нет надлежащей закваски. Взгляните на «Негодяя». Ведь когда он проходит мимо, невольно содрогаешься, так и чувствуется, что за ним скрывается такая страшная вещь, от которой у вас волосы на голове встанут дыбом!

Мистер Бэнтам многозначительно покачал головой.

— Когда мы сойдем на берег в Ливерпуле, вы обо всем узнаете! — сказал он таинственно.

— Так, значит, это правда, что над ним что-то тяготеет? Все говорят, что это так...

— Время покажет! — все так же таинственно сказал Бэнтам и снова пошел следить за игрой.

II

ВЕЛИКИЙ СЛУЧАЙ

«Негодяй» поместился возле углового столика в курительной комнате на верхней палубе парохода, а Хуберт Лэдло, «Овца», сел против него на край качалки; остальные же два партнера были хорошо известны на всех пароходах компании «Красная звезда». Это были Ричард Маркс, известнейший игрок в покер, и Бертран Седжвик, его пособник и союзник в мошенничестве и плутовстве. Если люди, с одной стороны, удивлялись, что такие игроки-специалисты садились играть с «Негодяем», то, с другой стороны, они были почти уверены, что трое из игроков преследуют одну и ту же общую цель. На пароходе ходило множество слухов относительно безрассудств и громадного состояния бледнолицего, веснушчатого юноши, которого «Негодяй» сумел перетащить в свою каюту. Но в одном все были уверены: новые друзья этого юноши обернут его до ниточки, и когда они придут в Ливерпуль, то у бедняги не останется ни гроша даже на то, чтобы купить себе билет до Лондона.

Некоторые решались предостерегать молодого человека, но он всем неизменно отвечал:

— Я знаю, что делаю! Мюрри Вест — прекрасный человек! Я ему безусловно доверяю!

Мюрри Вест было то имя, под которым путешествовал тот, кого прозвали «Негодяй». Настоящее же имя этого человека было известно, вероятно, одному Богу. Тем не менее он умел внушать доверие, и «Овца», очевидно, с полной готовностью предоставлял этим ловким господам стричь себя, вследствие чего даже все доброжелатели решили предоставить его судьбе. Те люди, которые случайно обменивались несколькими словами с Вестом, не могли отказать ему в уме, такте и умении держать себя, не могли не сознаться, что в разговоре он весьма интересен и, судя по всему, был

настоящий джентльмен. В настоящее же время его смелость и риск в картежной игре удивляли всех. Такого рода мнение о нем не способствовало возможности уединения, которого так желали игроки, так как временами вокруг стола собиралась целая толпа зрителей, следивших с живым интересом за игрой. Только благодаря упорной настойчивости «Негодяя» игра продолжалась в курительной комнате, куда мог во всякое время войти каждый, кто желал.

— Я люблю иметь руки развязанными,— говорил Вест,— здесь просторно, а в моей каюте тесно! Кроме того, я люблю видеть руки своих партнеров!

— Это обидное замечание!— упрекнул его еврей Маркс, но не дал даже себе труда извиниться.

— Я, во всяком случае, не беру своих слов обратно. Если вы желаете играть, прикажите подать карты, если же не хотите, то идите себе с Богом и пойте гимны, для меня безразлично!

И каждый раз кончалось тем, что игроки приказывали подать карты, а потом в своей каюте жаловались друг другу, что связались со змеей и что, пожалуй, назначенная жертва уйдет у них из рук.

— Мне ни разу не удалось вчера сдать те карты, что были у меня в кармане брюк, так как этот человек одарен зоркостью ястреба, и вам постоянно кажется, что его пальцы готовы вас схватить за горло. Сколько же он выиграл вчера у этой английской вафли? Добрую кучу денег, надо полагать!

— Пятьсот пятьдесят фунтов, я сам отсчитывал. Ведь это же наши деньги! Провались он совсем! Пусть я утону, если не пырну его когда-нибудь ножом в бок! Этот пароход не даст нам ни гроша заработать до тех пор, пока он будет тут!..

— Ну, посмотрим, что будет сегодня! Я просто заплачу, если сегодня будет не легче, чем вчера. Просто обидно подумать, какой славный доход мы могли бы иметь с этой вафли, если бы Мюрри Вест остался на берегу!

В таком расположении духа оба игрока спустились в курительную комнату, где застали Лэдло-вафлю, и присели к столу в надежде, что на сей раз он всецело попадет в их руки и что никто не будет оспаривать у них добычу. Но радость их оказалась преждевре-

менной, так как едва успели они приказать подать карты, как «Негодяй» вошел и занял свое обычное место.

Ричард Маркс поднял глаза на вошедшего и сказал что-то вполголоса своему товарищу, который, подавив проклятие, стал проворно сдавать карты, как бы желая скрыть ловкий, подготовленный заранее прием. Хуберт Лэдло беспокойно ерзал на своем стуле. Человек вошел, поставил на стол три бокала пива и спросил, не потребуется ли еще один, но, получив резкий ответ, поспешно удалился.

— Меня просто тошнит от этих ставок по пяти долларов! Смотрите, мистер Лэдло сейчас заснет над такой игрой! — сказал Маркс ворчливым тоном, небрежно перетасовывая карты. — На что же мы будем играть? Я ставлю семь долларов, и дело с концом!

— О, что касается меня, то не беспокойтесь! — со странной усмешкой заметил Лэдло. — Я согласен играть, на что угодно, если мой приятель, мистер Вест, будет согласен. Что вы скажете на это, Мюрри?

Тот равнодушно пожал плечами и сказал:

— Если вы выложите деньги на стол, я готов играть по какой угодно ставке.

— Я полагаю, наши деньги не хуже ваших! — едко заметил Маркс, не сразу уловивший смысл этого предложения.

— Мы это увидим, когда вы нам покажете их! — ответил спокойно «Негодяй».

Несколько зрителей собралось вокруг стола; сверху доносился говор дам, оживленно беседовавших между собой, ленивый плеск волн о борта парохода и мерный шум поршней в машине. Было пять часов пополудни; пароход уже двое суток находился в море и через четыре дня должен был пристать в Куинстоуне. Никому в голову не приходило, что многое могло случиться за это время.

Игра началась вяло и неинтересно, несмотря на крупные ставки. Сначала Лэдло выиграл фунтов десять у Маркса и почти столько же у Седжвика. Затем счастье как будто повернулось, и выигрывать стал Маркс, небрежно придвигавший к себе одну за другой кучки золота, громоздившиеся на столе. Раза два «Негодяй» бросал карты и отказывался от игры; в таких случаях Лэдло проигрывал неизменно. Улыбаясь, уплачивал Лэдло свой проигрыш, а Маркс вполголоса делал заме-

чение, что такая игра все одно, что игра в прятки сам с собою, если партнеры поминутно будут отказываться ставить. Но Вест не обратил на это никакого внимания. За короткое время двое союзников выиграли у «Овцы» свыше ста фунтов и около половины этой суммы у Мюрри Веста. Тем не менее было ясно, что присутствие этого последнего смущало и стесняло их. Они играли как люди, ожидающие с минуты на минуту какого-нибудь неожиданного нападения, для которого потребуются все их силы и способности, а потому, когда удар, наконец, разразился, они были до известной степени подготовлены к нему.

«Негодяй» сдал карты, а Маркс поставил сто фунтов. Седжвик, как послушный подручный, также выложил на стол свои сто фунтов. На этот раз Лэдло впервые отказался играть, так что игра шла только с Вестом.

— В таком случае я ставлю двести пятьдесят! — торжествующим тоном заявил Маркс.

— Триста! — крикнул Седжвик, выкладывая деньги на стол.

Оба партнера обернулись к Весту, который сидел, откинувшись на спинку стула, и чуть заметно сардонически усмехался, глядя в свои карты. Затем, достав из кармана пачку ассигнаций и банковских билетов, он небрежно кинул их на стол.

— Я полагаю, что здесь будет тысяча фунтов! Это моя ставка! — сказал он.

Эта сумма и то напряженное молчание, что воцарилось на мгновение среди игроков, возбудили любопытство в безучастных зрителях, которые теперь придвинулись поближе.

— Прекрасно, я полагаю, сегодня английский банк чувствует себя прекрасно! — пошутил Маркс.

— Вероятно, несколько лучше, чем вы чувствуете себя в данный момент! — отозвался «Негодяй».

— Кто вам сказал, что я чувствую себя не совсем хорошо? Неужели вы думаете, что тысяча фунтов может разорить меня?

— Я жду вашего ответа! — сказал Вест.

— Вам недолго придется ждать его. Вот, смотрите! Это что?

— Это, — сказал Мюрри спокойным, уверенным

тоном, — весьма плохая подделка тысячефранковой ассигнации!

— Как! Вы утверждаете?..

— Да, утверждаю!

— Ну, если вы против французских денег, попробуем что-нибудь другое... Ну, а это достаточно доброкачественно для взыскательных вкусов англичанина? — с этими словами он выложил на стол несколько ассигнаций на сумму в двенадцать тысяч английских фунтов.

— Вот моя ставка! — добавил он.

— Я удваиваю ее! — заявил Вест таким странным тоном, что зрители невольно переглянулись.

Как и в первый раз, он достал из бокового кармана сверток ассигнаций и, не дав себе труда пересчитать их, положил на стол. Глаза его ни на минуту не отрывались от Седжвика, все время небрежно вертевшего в руках карты, но теперь с озадаченным видом уставившегося на Веста, равно как и Маркс. Дело в том, что у обоих союзников вместе было теперь не более ста фунтов, а им оставалось или сейчас же выложить на стол две тысячи четыреста фунтов чистоганом, или же отдать поставленные ими на карту тысячу двести фунтов. Их приводило в недоумение то, что партнер мог располагать такими деньгами, когда они готовы были десять минут назад побиться об заклад, что в его распоряжении никак не больше пятисот фунтов.

— Я сел играть вовсе не для того, чтобы сдирать шкуру с медведя! — сердито заметил Маркс, пересчитывая ассигнации и бросив карты на стол. — Вы можете искать себе других партнеров. Это не игра! Порядочные люди так не играют!.. Я не играю, Седжвик! — обратился он к своему приятелю. — Пусть он делает, что хочет, я беру свои деньги обратно!

«Негодяй» тоже бросил карты и, быстрым, энергичным движением схватив руку Седжвика, удержал ее на столе. Тот до того растерялся, что привстал на своем стуле, причем пять карт, которые он держал у себя на коленях, упали на пол, а из рукава его выпал на стол шулерский аппарат для подтасовки карт и лежал теперь на зеленом сукне, на глазах у всех. В высшей степени удивленный этим, Хуберт Лэдло смеялся, как мальчик, разглядывая хитроумный аппаратик. Присутствующие переглядывались между собой, а лицо «Негодяя» выражало негодование.

— Я этого только и ждал! — сказал он, опуская в карман аппаратик, и, воспользовавшись минутным смущением Маркса, выхватил у него из рук банковские билеты и стал пересчитывать и складывать их.

— Все вы видели, — обратился он к стоявшим вокруг зрителям, — что эти господа оказались именно тем, что я и предполагал, — не только профессиональными игроками, но и шулерами. Они обыграли вчера моего приятеля на восемьсот фунтов, и я намерен возвратить ему эти деньги. Остальные же деньги принадлежат мне, и я беру их назад!

Отсчитав восемьсот фунтов, он вручил их Лэдло, а остальные положил в свой бумажник. Маркс за все это время не проронил ни слова. Очевидно, он не находил, что сказать себе в защиту или оправдание, и сознавал, что все присутствующие относятся к нему недружелюбно, а потому молчал.

— Клянусь Богом, я заставлю вас пожалеть об этом! — пробормотал он вполголоса и вышел из курительной комнаты в сопровождении неразлучного с ним Седжвика.

Вслед раздался сдержанный смех, и на лицах всех отразилось недоумение. Что бы это могло значить, что один мошенник восстал против другого такого же мошенника, и почему «Негодяй» вручил эти восемьсот фунтов «Овце», которого он и привез-то с собой с намерением хорошенько «постричь»? Уж не для того ли, чтобы зарекомендовать себя с хорошей стороны пассажирам судна? Или, действительно, этот человек должен был выступить теперь перед ними в новом свете, и все они прежде заблуждались на его счет? Никто не мог на это ответить, а непроницаемый взгляд и выражение лица молодого человека ничего им не говорили. Он не сближался ни с кем и теперь оставался все тем же скрытным и сдержанным господином, каким был раньше. Когда он вышел на верхнюю палубу, десятки языков заговорили о нем, но никто не мог сказать ничего нового. Только под вечер кто-то сообщил, будто его видели беседующим у машинного отделения с евреем Марксом, что дало повод к нескончаемым предположениям.

Высказывали даже догадку, что это не более чем

ловкая штука, чтобы отстранить Маркса с компанией и удержать «Овцу» для себя.

Правда, Маркс, подкараулив Веста у машинного отделения, смело подошел к оскорбившему его публично человеку и заявил, что желает с ним говорить. Вест согласился на это требование из чистого любопытства. Он отлично знал, что не так-то легко отделаться от этих людей, но ради собственной безопасности готов был выслушать Маркса. Большинство пассажиров удалились в свои каюты, чтобы переодеться к обеду, и на палубе позади машинного отделения было безлюдно.

— Я знал, что будет так! — сказал Вест. — Вы желаете получить обратно ваши деньги, не так ли? Но знайте, что вы не получите от меня ни гроша! Я обещал проучить вас и проучил! Надеюсь, что когда вы в другой раз встретите кого-нибудь из моих друзей, то оставите его в покое. Советую вам это в ваших же интересах!

Маркс заложил руку за борт своего сюртука и готовился возразить что-то резкое, но затем вдруг изменил тон.

— В Джексон-Сити все было иначе, когда я играл с Эбом Виншоу! — заметил он многозначительно. — Мне случалось видеть не раз, как Эб в свое время стриг «овец», он был чрезвычайно ловкий парень в этом деле. Ну, а теперь он разыгрывает строгого методиста на одном из пароходов компании «Красная звезда». Скажите, вы знавали его, этого Эба Виншоу, о котором я говорю?

— Вам хорошо известно, что я его знаю! Он проучил двух-трех из вас, помнится, но, как видно, вам его уроки не пошли на пользу. Но теперь он сделал свое и выбился на дорогу, теперь у него есть другое дело, мистер Маркс, бывший некогда Робертом Торном!

Маркс рассмеялся при упоминании одного из его многочисленных имен.

— Удивительно, как смешиваются фамилии, когда толкаешься по свету. В данный момент вы под английским флагом, а я под немецким, но, полагаю, суть все та же, и это самое важное. Но вот в чем дело, Мюрри Вест, вы захватили тысячу двести фунтов моих денег...

— Из них восемьсот взяты вами с моего друга вчера вечером!

— Я этого не отрицаю! Но что с вами случилось, что вы ссоритесь с людьми из-за восьмисот фунтов чужих денег, взятых в игре?

— Разве я не предупреждал вас?

— Что же из того? Я ему не бабушка, чтобы оберегать его. Раз он любит честную игру...

— Честную! — повторил с особым выражением Вест.

— Ну, полноте, не будем ссориться! Вы угадали мой прием, и я, так и быть, готов поплатиться за свою неловкость пятьюдесятью фунтами из моего кармана. Отдайте ему четыреста фунтов, и я скажу, что мы квиты!

— Он уже получил свои деньги!

— Я видел, но вы можете изменить это. Пусть он получит четыреста, и мы заключим мировую!

— Ведь я уже сказал, что не отдам вам ни гроша. Разве вы когда-либо видели, чтобы я изменил своему слову?

— Но на этот раз вам придется это сделать!

— А-а, мы доходим до крупного разговора! Вот как!

— А знаете ли вы, кто едет на этом пароходе?

— Кто?.. Во-первых, вы, а во-вторых, другой такой же шулер, как вы, по имени Седжвик!

— Оставьте его в покое! Это совсем неважно! А вот скажите мне лучше, слышали ли вы имя мисс Джесси Голдинг? Она занимает каюту-люкс номер двадцать три. Она едет в Англию, где должна состояться ее свадьба, так как теперь траур по брату ее Лионелю Голдингу, который был убит в прошлом году в Джексон-Сити.

— Ну, так что же?

— Да ничего! Когда я получу свою долю...

— Сейчас же, сию минуту! — с необычной горячностью ответил Вест, и, прежде чем Маркс успел спохватиться, он схватил его за шиворот и с непостижимой силой швырнул головой вниз, в трюм.

III ПРАХ ОТ НОГ ЕЕ

На следующий день поутру высокочтимый викарий Джон Трю, достав из портсигара большую дорогую сигару, благодушно закурил и стал говорить о самопожертвовании и самоотвержении.

— Через три недели я буду на своей кафедре, а вы будете праздновать свой медовый месяц! Позволительно ли мне сказать, что я охотно поменялся бы с вами?

— Сделайте одолжение! В Америке мы говорим все, что нам хочется сказать, и вот почему нас некоторые люди называют вульгарными. Но заметьте, высокочтимый викарий, что пароход является поистине превосходным местом для всякого рода болтовни, шалостей и глупостей! Вот почему, быть может, все мы так прекрасно себя чувствуем здесь. Здесь сбрасывается всякая маска стеснительных приличий, и всякий делает, что хочет, что ему вздумается. Здесь дышится легко и свободно. Взгляните только, что делается с нашей интеллигенцией, как только она почувствует себя в открытом море! Смотрите, вон тот пожилой господин с длинными баками, что забавляется киданием картошки в волны,— ведь это глава и председатель одной из крупнейших издательских фирм Нью-Йорка! Могу себе представить, что сказали бы члены его клуба, если бы увидели его за таким занятием! А вон ваш приятель-священник из Дургамы с таким усердием увлекается игрой в шарики! Что, если бы он потратил столько же усердия на свое дело; он мог бы обратить в свою веру половину дикарей на земном шаре. А через недели две он будет, как и прежде, читать свои проповеди и молитвы, как будто ничего не случилось!

То-то и есть,—сказала задумчиво Джесси,— что на пароходах никогда ничего не случается! Мы встаем поутру и ложимся спать, потому что так надо. Но взгляните только на это море и спросите, кому здесь охота думать о делах или приняться за какое-нибудь дело, кроме как только следить целыми часами за прибоем волн, за их бесконечной игрой и переливами. О, как я люблю море! Я люблю думать, что эти волны и через тысячи лет будут все те же, что теперь, что море всегда одинаково, что никто, увидев его даже через

много лет, не воскликнет: «О, как оно изменилось!», или «Где-то любимое мое местечко, которое так нравилось мне когда-то?» Нет, мне кажется, что если бы кто-нибудь простоял здесь миллион лет, то море осталось бы все то же! И эта уверенность в нем, это сознание, что оно никогда вас не разочарует, никогда не обманет вас...

— Разве только в тех не совсем поэтических обстоятельствах, когда нельзя бывает являться к общему столу, — шутливо заметил викарий. — Но в такой день, как сегодня, об этом легко забыть!

Действительно, погода стояла такая великолепная, что у всех на душе было весело; звонкий смех и шутки раздавались со всех концов палубы. Океан, как бы нежась на солнце, лениво дремал, глубоко вздыхая во сне полной грудью.

— Ах, как это великолепно! — воскликнула Джесси в порыве искреннего энтузиазма. — Но, вероятно, потому, что такое великолепие не будет продолжительным, а если бы всегда так было, то мы перестали бы признавать всю красоту этой картины. Предположим, что кто-нибудь заявил бы нам, что все это — и яркое солнце, и спокойное море, и наше мнимое бездействие, которым мы так жадно наслаждаемся эти дни, — продолжится месяцы и годы. Не показалось ли бы нам все это скучным и неинтересным?

— Пожалуй, и ваш приятель издатель тоже не стал бы забавляться бросанием картофеля! — заметил викарий.

— Ах, он такой славный и жена его тоже. Она вчера дала мне какой-то роман или повесть и просила меня прочесть. Ведь ее Том, муж, особенно дорожит мнением девушек, так как они больше всех читают повести и романы. И когда я сказала ей, что всегда одалживаю книги, она, видимо, изменила мнение обо мне. Видите ли, если все будут только одалживать друг у друга книги, то у издателей совсем не пойдет торговля. Некоторые положительно не могут выносить людей, которые прямо или косвенно вводят их в убытки!

— А между тем большинство людей старается одалживать книги и зонты, — ядовито заметил викарий, — и общество одинаково снисходительно относится к тому и другому, к людям, которые одалживают

книги и раскрытые зонты. Посмотрите, например, на нашего «Негодяя»...

Джесси быстро обернулась, как будто ожидала увидеть его у себя за спиной.

— Где же он? — спросила она.

— Я только упомянул о нем, — продолжал викарий, — чтобы сказать, что он отличается от общего уровня ему подобных тем, что носит украденный зонт аккуратно сложенным и в чехле. На ручке зонта даже имя владельца! Ах, да, я вспомнил, что вчера разыгралась какая-то крупная сцена, воры были наказаны! Но получили ли свое честные люди, этого я не знаю...

— Мистер Дарниль, театральный антрепренер, говорил, я слышала, что молодому Лэдло возвратили четыре тысячи долларов. Я бы хотела знать, что это была за штука, как это все случилось. А знаете ли, господин викарий, что я сегодня опять всю ночь видела нашего «Негодяя» во сне! Он положительно преследует меня. Нет, я должна пойти и поговорить с ним, я не могу иначе. Знаете, если он мне скажет: «Джесси, прыгни за борт», мне, право, кажется, что я прыгну!

— Я советовал бы вам от души поменьше интересоваться этой подозрительной личностью. Мистер Бэнтам скажет вам, вероятно, то же самое!

— О, Бэнтам! — воскликнула Джесси. — Смотрите, он беседует с девицами из казино, а не далее как вчера он уверял, что они становятся выносимы только тогда, когда выходят замуж за лордов. А теперь он, словно отец-исповедник, беседует с ними!

— Я должен сознаться, что мисс Лотти Каустон весьма интересная девушка и что ее подруга — ее, кажется, зовут Дора — прекрасная душа, она так мило, так дружелюбно разговаривала со мной и даже обещала прийти послушать мои проповеди в Лондоне.

— Ах, какой прогресс, как это утешительно! Право, вам следует пригласить и «Негодяя». Это был бы прекрасный семейный кружок слушателей!

Викарий неодобрительно покачал головой.

— Вы, как вижу, задумали возродить этого мошенника! Не забудьте только, что я предостерегал вас. Видите, мистер Бэнтам зовет меня, верно, что-нибудь касательно сегодняшнего концерта. Простите, если я покину вас на минуту.

— Я почитаю в ваше отсутствие вашу книгу, —

сказала Джесси и расположилась в кресле. Но не прочла она и трех страниц, как ее неудержимо потянуло к обществу живых людей. Она вскочила с кресла и направилась к кормовой части палубы. Почтенный издатель продолжал свое прежнее занятие, а супруга его уже опять убеждала какую-то барышню читать романы, издаваемые ее мужем. Девушек из казино мужчины уговаривали полюбоваться какими-то картинками, и при этом те и другие громко смеялись. Театральный антрепренер растянулся во весь рост в качалке и, сдвинув на лицо панаму, сладко спал. Здесь же, неподалеку, Джесси увидела и «Негодяя». Он стоял совершенно один и, облокотившись на перила, задумчиво смотрел вдаль, в ту сторону, где лежал Американский материк. Его густые черные волосы выбивались из-под охотничьей дорожной фуражки, высокая фигура как будто утратила свою обычную сутуловатость в костюме из темной фланели, а большие, грустные черные глаза, светившиеся на его немного бледном, чрезвычайно интеллигентном лице, смотрели задумчиво и глубокомысленно. Джесси казалось, что в данный момент он выглядел молоденьким мальчиком, вопреки своему тридцатипятилетнему возрасту, какой ему приписывали здесь, на пароходе.

Поравнявшись с ним, она почти бессознательно остановилась, и ее желание заговорить с ним, пользуясь простотой нравов на палубе парохода, заговорить и познакомиться было так сильно, что она не могла сдвинуться с места. Какое торжество — услышать историю этого «Негодяя» из его собственных уст! Когда-нибудь, не сейчас, конечно! А если нет, то что он мог сделать ей здесь, на пароходе? И, не подозревая даже, что один взгляд, одно слово с этим человеком изменят все ее планы, изменят всю ее жизнь, она необдуманно приблизилась к этому опасному человеку и обратилась к нему с вопросом:

— Ведь вы не можете видеть отсюда Америку, не правда ли? — в тоне и голосе ее слышалась легкая насмешка.

Он обернулся и окинул ее своим пронизательным взглядом с головы до ног, заглянул ей в самую душу, как ей показалось. Джесси чувствовала, что от такого взгляда нельзя никуда уйти, и невольно покраснела.

— Почему вы так думаете? — ответил «Него-

дай». — Разве мы не можем видеть мысленно то, чего уже не может уловить наше зрение? Я могу видеть теперь Америку так же ясно, как вижу вас, и даже яснее и живее, чем кого-либо из проходящих здесь в нескольких шагах от меня!

И он немного посторонился, чтобы дать Джесси местечко рядом с собой, как будто был уверен, что она останется здесь, подле него.

Она действительно не пошла дальше, а стояла, любясь волнами и задумчиво следя за их змеиными хребтами. «Негодяй» тоже молча глядел на море, и его вдумчивое настроение как-то невольно передавалось ей.

— Как странно! Вы действительно правы, мы видим многое, чего не видят наши глаза! Когда я была еще ребенком, то любила воображать себя кем-нибудь другим и говорила себе мысленно: «Смотри, Джесси смотрит на тебя!» Или когда, бывало, огонь разгорался в камине, мне тоже казалось, что я вижу в нем свое лицо. Мне кажется, что все мы это испытали. Не правда ли?

— Да, я так полагаю, за исключением, конечно, тех случаев, когда человек очень уж много о себе мнит. Человек самодовольный никогда не может отрешиться от своей особы, его самомнение всегда заслоняет ему его истинный облик. Он никогда не хочет беседовать по душам со своим сокровенным «я». Я же особенно люблю всматриваться в оборотную сторону моего «я» в разные моменты своей жизни и каждый раз, когда вспоминаю или думаю о прошлом, то переживаю его еще раз мысленно во всей его реальной полноте. В тот момент, когда вы пришли, я именно переживал одну из таких сцен.

— Ах, расскажите мне, пожалуйста, что-нибудь об этом! Я так бы желала знать! — воскликнула Джесси.

— Прежде я хочу вам задать один вопрос, — сказал он, спокойно глядя ей прямо в глаза. — Зачем вам хочется знать? Это, не правда ли, совершенно резонный вопрос?

— Да, но что я должна вам ответить на него?

— Я хотел бы, чтобы вы мне сказали, какой интерес может возбуждать в вас человек, одно случайное прикосновение которого вам кажется настолько отталки-

вающим, что вы подбираете свои юбки, когда он проходит мимо?

Милое личико Джесси было красно, как пион, когда она подняла глаза на своего собеседника, чтобы ответить. До этого момента, как большинство легкомысленных, непосредственных натур, она никогда не думала о том, что каждое явно выраженное ощущение или впечатление, будь то чувство симпатии или отвращения, неизбежно влечет за собой последствия рано или поздно.

— О, право же, вы ошибаетесь! Вы хотите смутить меня!

— А-а... Так это была не более как женская уловка, мимолетное желание польстить тому скучно-умному господину, которого вы величаете викарием... Это, конечно, возможно! А ему это, быть может, даже дает новый повод проповедовать милосердие и долготерпение и затем сладко спать по ночам. Это — клерикальный инстинкт, который мне часто приходилось наблюдать у людей его профессии. Все они склонны к дремоте, потому что для этого всего более подходят мягкие, рыхлые, покойные натуры, не испытывающие позывов к проявлению своей личной энергии, своих душевных сил, не стремящиеся вперед по новому пути, а следующие по пятам других, оттого и взялось слово «последователь».

— Скажите, вы англичанин? — спросила Джесси.

— Я был им десять лет назад и, быть может, стану опять, но однажды я отряхнул прах с ног моих и сказал, что никогда больше не вернусь в эту страну. Однако прах родной страны липнет к ногам. Вам, американцам, можно многое простить именно за то, что, несмотря на некоторую натяжку в выражениях и слишком высокое мнение о себе, вы все же питаете к своей стране ничем не поколебимую любовь. За это-то я и люблю вас!

— Только за это и ни за что более?

— О нет, у вас много хороших качеств, почти столько же, сколько и дурных! Ваш финансовый гений поразителен, ваши женщины прелестны и милы, но очень немногие из них женщины. Вы презираете как будто бы своих соперников, а между тем стараетесь подражать им во всем. Вы сознаете свою силу и мощь и склонны хвастать этим. Когда вы в гневе, в вас нет истинного ве-

ликодушия великой нации. Вы еще не совсем знаете мировую игру, но вы учитесь ей и, быть может, уж недалеко то время, когда вы сможете стать величайшей нацией, если только успеете. Ваша главная беда — богатство, капиталы и социальный вопрос!

Джесси слушал его не то с удивлением, не то с негодованием, и в душе ее зарождалось сомнение: все говорят, что этот человек негодяй, а между тем он мыслит и говорит, как развитый, сердечный и порядочный человек. Но его шутливое отношение задело девушку за живое.

— Вы, кажется, смеетесь над Америкой. Я никому не позволю этого! — воскликнула она несколько вызывающим тоном. — Ни один англичанин не может нас понять, а между тем все вы пишете о нас целые книги. Вероятно, едва вы успеете сойти на берег, как вас возьмут в осаду разные газетные писаки, и вы станете сообщать им разные небылицы!

— Когда я сойду на берег, то уйду подальше от всяких газетных писак, как вы изволили выразиться, мисс!

— Так, значит, это неправда, что...

И Джесси снова вспыхнула и смолкла на полуслове; она чуть было не передала ему те слухи, которые ходили о нем среди пассажиров парохода. Его, видимо, забавляло ее смущение, и явилось желание поддержать в ее глазах ту скандальную роль, какую ему навязывали здесь.

— Прошу извинения, все это сущая правда! Я действительно человек с некоторым прошлым, которое я осужден повсюду носить с собой. И когда я сказал вам, что могу видеть Америку, то хотел сказать этим, что могу видеть нечто из моего прошлого, что я рад был бы совершенно забыть, а именно — прощание с другом и его доверие к человеку, не заслуживавшему этого доверия. В тот момент, когда вы пришли, я видел себя вместе с этим другом на бивуаке после выгодной продажи скота, за дымящейся миской супа. Поверите ли, я сейчас ощущаю тот самый голод, что испытывал тогда. Это, вероятно, морской воздух возбуждает аппетит!

— Нет, это потому, что думаешь о еде! Я никогда не могу читать, что героиня ест или пьет, без того, чтобы мне самой не захотелось поестъ или выпить того же,

что она. Это, быть может, смешно и глупо. Но ведь так многое в жизни глупо!..

— Простите, мне кажется, что ничто не глупо, кроме того, что вульгарно или притворно. Глупы те, кто судит о человеке, не зная его! Я, конечно, не говорю о женщинах, так как для них истинное суждение не играет большой роли. Они сегодня мило говорят одно, а завтра другое и верят всему, но им никто не верит, и порою они сами бывают не рады, когда к их словам относятся серьезно.

— Вы это говорите об американках?

— Обо всех женщинах вообще!

— Да вы, как видно, женоненавистник. В таком случае зачем вы разговариваете со мной?

— Я стараюсь вас научить, как можно видеть Америку на расстоянии тысячи миль!

Джесси вздохнула несколько патетично.

— Ах, я люблю Америку! — сказала она.

— И готовитесь покинуть ее добровольно! — добавил Вест.

— Все американцы на время покидают ее и возвращаются опять!

— Но вы, например, не возвратитесь назад. Вы продали свое родовое право за обладание замком и родовитыми предками!

— Как вы смеете говорить так со мной? Что я такое сделала?..

— Вы поставили мне вопрос, и я ответил вам на него. Когда вы вернетесь к тому чернорясому господину, который хвастливо именует себя служителем Бога, то можете подтвердить ему, что вы видели шулера, паразита, бездельника, который не достоин коснуться вашего подола. Но он не оправдывается и не просит вас думать о нем лучше, он только хочет научить вас, как видеть Америку, которую вы легко можете забыть!

Джесси, привыкшая к льстивой похвале мужчин, к постоянному обожанию их и преклонению перед ее красотой и богатством ее отца, почувствовала при этих словах «Негодяя», словно кто-то ударил ее по щеке. Она, как все молодые американки, обладала достаточной долей самообладания, но этот резкий тон, это презрение к ее мнению и мнению общества кольнуло ее до глубины души, и, гневно топнув ногой, она повернулась и ушла в свою каюту.

А «Негодяй» остался на прежнем месте и, по-видимому, продолжал прерванную нить своих размышлений.

Поступки, о которых он желал бы забыть, вставляли перед ним; годы изгнания, одиночества, нужды, годы бесприютных скитаний оживали в его душе; неблагоприятные поступки говорили ему о былом позоре, внутренний голос упрекал и обвинял его. Лица, которые он охотно схоронил бы навеки в глубоких могилах, обступали его, и постоянно мучивший его страшный призрак отчаяния снова вставал перед ним и рушил его настоящее, отвергая его. Нетерпеливо топнув ногой, Мюрри Вест принялся нервно ходить взад и вперед по палубе, не глядя ни на кого и никого не замечая. Вдруг еврей Маркс дотронулся до его локтя.

— Что же, заплатите вы мне теперь? — спросил он.

— Ни гроша! Я уже сказал!

— Но я видел вас с Джесси!

— Что же из того?

— А то, что я хотел бы знать, известно ли ей, отчего умер ее брат Лионель! Полагаю, что ей это неизвестно... Ну, так вы заплатите мне сегодня же?

Вест сделал порывистое движение и схватил Маркса за руку.

— Нет! — проговорил он. — Нет, этого не будет! — И при этом так сжал руку еврея, что тот завопил, как дитя. Когда он после взглянул на свои пальцы, то они были сини и багровы, как будто побывали в железных тисках.

IV

О МЕДОВОМ МЕСЯЦЕ

По утрам в яркие солнечные дни, какие стояли все время, палуба кишела всякого рода людьми. Пестро разряженные американские певички из казино порхали то тут, то там, словно бабочки, перелетавшие с цветка на цветок. Степенные старые джентльмены, немолодые или совсем древние, в сопровождении важных, упитанных врачей, благодушно грелись на солнце или читали газеты.

Молодежь громко шутила и смеялась, шумно выражая свое жизнерадостное настроение. Неизбежный на-

доедала, не могущий жить без того, чтобы не устроить какое-нибудь развлечение, переходил от одних к другим, сообщая всем свои проекты и программы предстоящих увеселений, причем каждый охотно давал ему свой доллар, лишь бы отвязаться от него. Викарий очень серьезно беседовал с Джесси о предстоящем ей замужестве, а затем разговор незаметно перешел на медовый месяц.

— Я проведу его сперва в Париже, — весело щебетала Джесси, — мне положительно весело думать, как вокруг меня будут суетиться все эти проворные маленькие француженки, предлагая мне самые изящные, самые невообразимые шляпки, настоящие блестящие фантазии из кружев и перьев... Мы будем целые дни ходить по магазинам, закупая все, что только мне захочется, а когда нам уже нечего будет покупать, тогда мы поедем на итальянские озера. Как вам кажется, господин викарий, благоразумно ли будет с моей стороны повезти мужа на итальянские озера?

— Вы, вероятно, опасаетесь, что, обезумев от ваших ухаживаний при содействии портных и модисток, он будет искать спасения в водах озер?..

— Нет, не то, но почему бы мне не насладиться вполне своим медовым месяцем?! Мой отец покупал мне решительно все. Как видите, он купил мне даже мужа. Но Нью-Йорк наскучил мне, я там все видела, все знаю... Как вы думаете, буду я счастлива замужем?

— Я всей душой надеюсь, что вы будете счастливы, насколько только может предвидеть человек, ваше счастье мне кажется обеспеченным!

— Вы хотите этим сказать, что может случиться многое, чего мы вовсе не ожидаем! Например, судно это может потонуть, вы можете свалиться в воду и т. д.?

— Боже упаси! Я твердо верю в милосердие Божие и потому уверен, что судно это не потонет. Кроме того, капитан говорил мне, что на нем есть помещение с непроницаемыми перегородками...

— Если так, то я желала бы, чтобы в одно из этих помещений заперли вон того человека. Я чувствую, что он стоит у меня за спиной и смотрит на меня своими грустными глазами. Я положительно боюсь его, господин викарий, от его взгляда меня мороз подирает по коже, как будто кто-то водит скребницей по моей спи-

не. Ведь он стоит там, как раз подле большого чана, не правда ли? Я надеюсь, что у него нет при себе фотографической камеры! Только, Бога ради, не говорите мне, что у него есть камера! — забавно волновалась Джесси.

— Ничего подобного! — успокаивал ее высокочтимый викарий. — Он даже не смотрит в нашу сторону!

— Ну, это уж вовсе нелюбезно и немилостиво с его стороны! — надув губки, продолжала она. — А все-таки я очень рада, что у него нет при себе фотографического аппарата!

Викарий усмехнулся.

— Да, он ушел... Вам нечего более бояться. Он, кажется, разговаривает с этими маленькими каскадными певичками! — сказал викарий. — Боже мой, как время-то идет! — вдруг воскликнул он. — Уже одиннадцать часов, а я еще не пил свой утренний кофе!

— Так почему же вы не идете пить его? Люди могут подумать, что мы с вами помолвлены, если мы всегда будем сидеть так друг подле друга! Ведь мы же не помолвлены с вами, не правда ли?

— Боже сохрани, у меня жена и пятеро детей в Лондоне! — скороговоркой промолвил викарий и с деловым, озабоченным видом поспешно спустился вниз.

Оставшись одна, Джесси подбежала к своей тетке, сопровождавшей ее в Европу, «последней розе минувшего лета», как ее прозвал Бэнтам.

— Как вы думаете, тетя, папа встретит нас в Ливерпуле? — спросила она.

— Я уверена, да!

— Так что, если этот господин вздумает преследовать меня, папа сумеет помешать ему?

— С чего тебе пришла подобная мысль в голову, Джесси? Этот человек даже никогда не смотрит на тебя. Что за глупости для такой разумной девушки!..

— Я вовсе не разумная, тетя Эва, а то я не согласилась бы стать женой лорда Истрей.. Взять старый исторический замок и несколько партий каких-то чужих предков, как говорит мистер Вест!

— Да будь же ты логична, Джесси, ты готовишься занять высокое положение!

— И он говорил мне то же самое! Но, право, тетя Эва, я не намерена больше разговаривать с этим человеком, если только меня к тому не вынудят особые обстоятельства!

— Какого же рода обстоятельства могут вынудить тебя? Я прожила сорок один год на свете, и ни один мужчина, который мне почему-либо не нравился, не осмелился заговорить со мной! Я не хотела знать никаких обстоятельств!

Джесси взглянула на остроносое, вытянутое лицо своей тетки и охотно поверила ей, что никакие обстоятельства не могли заставить мужчину без особого желания с его стороны разговаривать с нею.

— Во всяком случае, я не желаю себе портить удовольствие от этой поездки из-за того, что какой-то мужчина вздумал смотреть на меня! — решила Джесси. — Вот и все! У меня остается всего несколько дней полной свободы. Ведь Джеральд говорит, что мне пора становиться степенной и серьезной, и уж конечно если у меня будет желтая штофная карета с фамильными гербами и все тому подобное... Ах, Боже мой, для чего я все это сделала!.. Зачем он не берет вас вместо меня, тетя?

Возмущенная такой речью, тетушка не нашлась даже, что ответить, и Джесси, опасаясь, что та сейчас разразится градом упреков, поспешила убежать вниз, в музыкальный зал, и, присев к инструменту, стала изливать волновавшие ее чувства в шумных аккордах какой-то бравурной пьесы.

Но странно, каждый из этих аккордов словно дразнил ее, насмешливо повторяя ей слово: «Обстоятельства, обстоятельства!»

Действительно, в этот вечер, когда все палубы были ярко освещены и пароходный оркестр играл у главной лестницы, ведущей в кают-компанию, среди пассажиров вдруг разнесся слух, что один из резервуаров с аммиаком лопнул и что люди внизу задыхаются, а несколько машинистов уже задохнулись. Переполох произошел страшный, и только благодаря замечательному хладнокровию и решительности капитана Росса удалось успокоить пассажиров. Он просил всех оставаться на местах, уверяя, что это сущий пустяк, что пароходу не грозит ни малейшей опасности и что к спасению трюмных пассажиров приняты все необходимые меры, что доктор уже оказывает помощь беднякам, находящимся на пароходе, но что если в числе пассажиров первого и второго классов есть врачи, то участие их будет не лишнее. Затем он поспешил сам вниз, что-

бы разрядить атмосферу и водворить порядок на нижней палубе.

Между тем люди, выбегавшие снизу, уверяли, что там настоящее пекло, печь огненная, что никто там пяти минут жив не останется. Но Мюрри Вест оттолкнул их в сторону и быстро сбежал вниз, а на другой день люди говорили, что он работал, как никто, что он вынес на своих руках десятки человек, что трое умерло на его глазах, но он не переставал помогать страждущим до глубокой ночи. А когда капитан за обедом принес ему при всех свою благодарность и благодарность пострадавших, он, видимо, чувствовал себя неловко и старался укрыться от всеобщего внимания.

Джесси следила с верхней палубы за тем, что происходило внизу, там, где люди теряли сознание и задыхались, но следила не из пустого любопытства, а с глубоким чувством сострадания и в душе восхищалась самоотверженным героизмом человека, затронувшего ее чувство самоуважения, и искренне желала и сама быть полезной пострадавшим. И вот в то время, как другие с охами и воплями бежали в свои каюты и прятались в безопасных местах, Джесси спустилась вниз, в свою каюту, захватила все, что могла найти из тряпок и одежды, и, пройдя на нижнюю палубу, стала, как умела, помогать женщинам, озябшим и измученным, укутывая их, перевязывая ушибы и ссадины пострадавших.

За этим занятием застал ее Мюрри Вест и одобрил. Она отвечала ему без малейшего признака гнева или раздражения, как будто между ними никогда не было неприятного разговора.

— Я желал бы отнести эту женщину в каюту: здесь так холодно, — сказал он про женщину, которую Джесси только что укутала своим плащом, — но капитан сообщил, что он уже распорядился поставить койки во втором классе!

— Ее можно перенести в наши парадные каюты. Кюта моего дяди свободна, он не смог поехать с нами. Я сейчас отведу ее туда! Но что можем мы сделать для бедных кочегаров?

— О них не беспокойтесь; добрая порция водки сразу оживит их, и через десять минут они снова будут на ногах!

К утру стало известно, что катастрофа стоила жи-

зни двум из людей экипажа и трем пассажирам. Господа, не шевельнувшие пальцем, чтобы помочь пострадавшим, собравшись в курительной комнате, много говорили об этом, а дамы, перепуганные случившимся, словно тени, бродили по палубе, где их застал рассвет. В числе этих дам была Джесси, но не потому, чтобы она боялась оставаться в своей каюте,— она отлично знала, что всякая опасность миновала,— а потому, что впечатление от всего только что пережитого ею было еще слишком живо в ее воображении. И она не могла не сознаться, что была рада, когда к ней подошел «Негодяй». Он уступил свое теплое дорожное пальто одному из пострадавших кочегаров, а сам стоял теперь на холодном ветру в одном сюртуке.

— Ну что, как ваша пациентка? — спросил он, подходя к ней с другой стороны палубы.

— Спит! — ответила Джесси. — Она просыпалась всего только один раз, чтобы спросить свою швейную машину!

— Привычка к своему рабскому труду! И днем и ночью бедняжка заботится о насущном куске хлеба. Вот она, прелесть современной цивилизации! Эти люди умирают со своими швейными и пишущими машинками в руках! Некогда люди умирали с распятием в руках, но это было давно...

— Я постараюсь сделать что-нибудь для нее там, в Англии, — сказала Джесси.

— Вы уже сегодня отдаете ей свой сон и спокойствие.

— Ах, нет, мне просто не спалось! Мне все кажется, что я вижу ту женщину, которая умерла у вас на руках, и я хотела сказать вам, что это было так хорошо с вашей стороны!

— Пустяки, вы просто хотели, чтобы я сказал вам, что вы поступили хорошо, вот и все! Вы действительно не потеряли голову, как другие, и теперь очень гордитесь этим.

Джесси с негодованием топнула ногой.

— Вы самый грубый человек, какого я когда-либо встречала!

— Если так, то вы должны быть довольны, что отплыли на этом пароходе. Вы увидели здесь то, чего раньше никогда не видали, и, затрудняясь темой разговора

за столом, теперь всегда можете начать с самого грубого человека, какого вам приходилось встречать,— сказать, что он был картежник, шулер, что вы подбирали свои юбки, чтобы он не коснулся их... и многое тому подобное.

— Вы очень мрачно настроены сегодня!

— О, я веселье всецело оставляю на вашу долю! Если бы женщины не смеялись, смерть была бы невыносима. Именно потому, что вы легкомысленны и пусты, вы не способны испытывать глубокого горя. Женщина способна долго горевать только о своем возлюбленном или о своих детях, но вне этой родной ей сферы у нее мало души!

Джесси молча отвернулась от него, но все же не успела скрыть слез, катившихся у нее по щекам.

— Почему вы так говорите?— спросила она подавленным голосом.

— Потому, что я безумец. Да! Меня однажды забыла одна женщина, и я никогда не мог простить ей этого. Впрочем, что пользы вспоминать об этом? У вас горе на душе, а я говорил так грубо, так жестоко. Прошу вас, постарайтесь забыть мои слова и поверить мне, что я отношусь к вам с искренним сочувствием!

— Я в этом уверена,— сказала Джесси, которой не верилось даже, что этот еще минуту назад столь суровый голос мог перейти к таким теплым, задушевным нотам.— Ведь так легко обидеть, оскорбить и так трудно залечить нанесенную рану... Я верю, что вы не дали себе времени подумать. Впрочем, мужчины всегда таковы. Когда им представляется случай сказать что-нибудь остроумное, то они не думают о том, что это может причинить кому-нибудь страдание!

— Я заслужил то, что вы мне сейчас сказали! Но, быть может, вы все же поделитесь со мной вашим горем, мисс Голдинг?

Против этого непривычного ему тона и голоса трудно было устоять. Джесси только что решила, что ни за что не расскажет ему ничего о себе, а оказалось, что она рассказала ему все, и с особым наслаждением.

— Кроме отца моего, я в своей жизни любила только одного человека, моего брата Лионеля!— сказала она.— Когда он умер, мне казалось, что вместе с ним кончилась и моя жизнь! Все, все стало иным, ничто

меня не радовало и не веселило. Каждый пустяк напоминал мне о нем и о том, что его уже нет со мной. Мы еще не были богаты тогда, а Лионель всегда находился в Джексон-Сити. Он там и умер. Вест о его смерти пришла к нам ночью. Я услышала голос отца и побежала к нему. Мы сначала не поверили этому, не могли понять, как это нашего дорогого Лионеля вдруг не стало. Прошли недели, прежде чем я сумела убедиться в том, что это действительно была правда и что я никогда, никогда больше не увижу брата. Иногда мне казалось, что он дома и спит в своей комнате... что он всегда недалеко от меня. Ведь мы можем чувствовать близость усопших, не правда ли?

— Я в этом убежден,— подтвердил Вест,— и именно это общение с загробным миром является в моих глазах лучшим доказательством нашего бессмертия. Вернее, то, что брат ваш всегда делит с вами и радость и горе. И это не чудо, что наша любовь бессмертна. Любовь есть в нашей природе, и природа не дает ей погибнуть!

И Вест, и Джесси смолкли и, погружившись каждый в свои думы, стали следить, как на краю горизонта, постепенно поднимаясь из тумана, выплывало лучезарное солнце.

— Ваш брат умер в Джексон-Сити? — вдруг спросил ее снова Мюрри Вест. — А известны вам подробности его смерти?

Джесси подняла на него вспыхнувшие огнем гнева глаза.

— Он был убит кем-то в ссоре! — сказала она. — Отец мой не жалел ничего, чтобы узнать, кто тот человек, который застрелил его... О, если бы мы только знали его имя! Если бы мы только знали... Но настанет время, когда мы узнаем, я в этом уверена...

— И вы никогда не простите этому человеку его поступка?

— Никогда! — воскликнула она со свирепой решимостью. — Никогда я не могла бы спать спокойно, пока его не постигнет должное наказание. Мало того, мне кажется, что я могла бы сама, своими руками убить его! Да не смотрите на меня так, вы не знаете, вы не можете знать, что я выстрадала!

И она закрыла лицо руками. Мюрри с минуту смо-

трел на нее, словно в нерешимости, и затем, не сказав ни слова, отошел, оставив ее одну с ее горем.

V

КОЛЬЦО И ЧЕЛОВЕК

Проспав всего несколько часов после того, как он расстался с Джесси, Мюрри Вест проснулся нервный и раздражительный, вероятно, вследствие того, что мало спал, и тотчас же принялся искать что-то. Всегда крайне деликатный по отношению к другим, Вест в этот раз искал, нервно сдвигая вещи с места, шумел и громыхал, невзирая на то, что его товарищ Хуберт Лэдло спал и что было еще очень рано. Наконец, долго-терпение последнего истощилось, и, сердито вскочив, он воскликнул:

— Какого черта! Что за шум? Чего ты так возишься?

Мюрри ответил ему крепким словом и затем добавил:

— У меня пропало кольцо. Его кольцо, понимаешь?

— Я только и слышу, что его имя...

— Ты сердишься, Хуберт, но я должен найти его во что бы то ни стало!

— Провались ты вместе с этим кольцом, не мешай мне спать! — огрызнулся Лэдло и, завернувшись в одеяло, повернулся к стене и захрапел. Но вскоре снова проснулся и, потянувшись, спросил: — Который час?

— Посмотри на свои часы!

— Они стоят... Слушай, у меня что-то болит голова, прикажи мне подать стакан содовой с коньяком!..

— Низа что! Встань и выйди на воздух. Это лучшее лечение. Ты, право, настоящий ребенок, Хуберт!

— Очень может быть. Мы это увидим в Англии... Ну что, нашел кольцо?

— Нет, я, вероятно, обронил его вчера, когда лопнул резервуар... И неприятно то, что я не могу дать об этом объявление!

— Ты боишься, что она узнает? Что же из того? Кому до нее дело?

Мюрри сидел на своей койке, неопределенно глядя куда-то, как человек, погруженный в думы.

— Мне до нее есть дело! — сказал он тихо и спокойно.

— Что? Тебя интересует эта маленькая бостонская куколка? Нет, Мюрри, ты шутишь, ты слишком умен для этого!

— Мужчина никогда не может быть слишком умен, когда дело касается женщины. Это ведется еще с Адама.

— К чертям этого Адама, он не был искушен жизнью и не был разведенным мужем!

— А, ты намекаешь на этого Истрия. Она никогда не будет его женой!..

— Кто это сказал?

— Я тебе говорю!

— Что же тогда со мной будет?..

— О, к тому времени ты совсем успеешь опереться. Я полагаю, что Англия принесет тебе пользу, она даст тебе то, ради чего человек может жить,— самоуважение, честь и самообладание... Ведь ты же сам видишь, Хуберт, что жизнь твоя может сложиться совершенно иначе...

— И это говоришь ты — старый ворон! Да, когда ты стоишь у меня за спиной, то пожалуй...

— Полно, сиделка бывает нужна человеку, только пока он болен, но как только он выздоровел, ему становятся противны и ненавистны даже завязки ее фартука. В Англии ты сумеешь хорошо работать и без меня!

— Возможно, если только нечистый попустит меня добраться до Англии. Но скажи, неужели ты серьезно заинтересовался Джесси Голдинг?

— Разве я похож на влюбленного?

— Не совсем, но таких людей, как ты, наружность не выдает. Допустим, что она об этом узнает, что тогда?

— Когда придет время, я сам скажу ей все!

— Неужели и обо мне, Мюрри? Неужели ты способен сделать это?

— Конечно! Я расскажу ей все, как было, так, чтобы мы оба очутились под судом! Я именно тот, кто способен на подобную штуку!

— Я знаю, что ты этого не сделаешь, но она и помимо тебя может узнать. Ты, конечно, не рискнешь дать объявление об этом кольце здесь, на пароходе?

— Я вывешу записку на палубе, в которой попрошу

нашедшего вручить кольцо казначею. Таким образом, никто не узнает, кто владелец кольца, и я обещаю тебе не носить его на руке, пока мы здесь, на пароходе!

— Это так! Ну а теперь скажи, неужели ты не дашь мне глоточка воды?

— Да где же наш графин с водой? Я бы на твоём месте выпил целый ушат!..

Между тем Бэнтам прочел записку на доске объявлений, висевшей у лестницы, и, переходя от одной группы пассажиров к другой, спрашивал всех, не нашел ли кто кольца.

— Кто потерял кольцо, я, конечно, не знаю наверное. Но полагаю, что это наш общий приятель — «Негодяй»! — сказал он, приблизившись к тому месту, где высокочтимый мистер Джон Трю сидел, беседуя с Джесси.

— В таком случае это кольцо, наверное, краденое? — весело вставил викарий.

— О! — воскликнула девушка. — И это кажется вам забавным?! А я так думаю, что вовсе не он потерял кольцо! — заявила она.

— Но записка написана его рукой! Я сам ее видел! — заметил Бэнтам.

— Вероятно, тоже подделанной под чужую! — дополнил викарий. — Без сомнения, записка написана лживым почерком со всякими закорючками и вывертами!

— Мне кажется, что в его вчерашнем образе действий не было ничего ни подленького, ни лживого! — резко вступилась Джесси. — Он, не жалея себя, спасал несчастных в то время, как другие преспокойно храпели на своих койках!

Викарий слегка откашлялся и попытался перевести разговор на другую тему.

— Мы, действительно, должны устроить сбор в пользу этих несчастных, мисс Голдинг! Не правда ли? Наше путешествие грозит стать неблагополучным. Я осмелюсь предложить обратиться с прочувствованной речью к нашим спутникам во время общего обеда, а затем уже мы сделаем сбор по подписке. Все мы должны делать, каждый что может, для наших ближних, этому нас учит наша религия!

— И вы, вероятно, откроете эту подписку, поставив

вначале пожертвование в тысячу фунтов?! — воскликнул Бэнтам, всегда необычайно щедрый, когда дело касалось чужого кармана.

Викарий даже привскочил на стуле.

— Тысячу фунтов! Да у меня такой суммы никогда и не бывало. Нет, нет, не дело церкви давать... это дело мирян... Каждому назначена своя сфера деятельности. Священнослужитель поучает и наставляет свою паству, а паства по его слову творит дела милосердия! Я бы предложил начать подписку с других. Кто я такой, чтобы стоять впереди всех? Это вовсе не подобает апостольскому смирению...

— Я готова пожертвовать пятьсот долларов, — сказала Джесси, чтобы прервать этот разговор. — Вы, Бэнтам, потрудитесь внести эти деньги за меня. У меня, конечно, есть где-то кошелек, но он запрятан так далеко между башмаками и юбками, что я не сразу могу разыскать его. Когда же вы начнете, викарий? Я убеждена, что вы говорите прекрасно!

— Вы должны приготовить для меня маленькую эстраду! — шутил высокочтимый викарий. — Цветов, полагаю, трудно будет достать, кроме тех, которыми украшают наш обеденный стол. Но и этого достаточно. Затем можно будет спеть что-нибудь и уже после начать сбор. Но я полагаю, что нам следует заручиться согласием капитана. Скажите ему, пожалуйста, что я отнюдь не желаю выдвигаться, но если мое слово может иметь какое-нибудь влияние, принести какую-нибудь пользу пострадавшим, то я готов...

— ...Готов уловить для них презренные доллары! — смеясь, закончила за него Джесси. — Правда, это вульгарное выражение... тетя Эва всегда запрещает мне говорить — «презренные доллары». Как вам кажется, это будет очень неприлично, если я в Монктон-Кэстле, в замке Монктон, скажу вдруг: презренные доллары?

— Это, конечно, не шекспировский стиль!

— Ну а мой жених человек в строго шекспировском стиле? — спросила Джесси насмешливо.

— Хм, как вам сказать... Я сказал бы скорее, что он последователь Рабле! Впрочем, литературные вкусы нашего аристократического общества не всегда ясно выражены!

— Особенно когда они читают эту розовую газет-

ку или журналчик... Как его, где еще помещают всякие забавные истории?

— Боже правый... Да она, кажется, намекает на «Pink Un»! — в ужасе прошептал викарий...

Бэнтам громко расхохотался, что, впрочем, нисколько не помогло достопочтенному викарию выйти из затруднительного положения. К счастью, было как раз время идти к утреннему кофе, и мужчины, извинившись перед Джесси, спустились вниз.

Но прежде, чем спуститься, викарий обернулся еще раз к девушке и, согласно своей всегдашней привычке, сказал: «Еще одно словечко!»

— Смотрите, постарайтесь разузнать, кто именно потерял кольцо или у кого оно украдено! Мы с вами напишем целый том во вкусе Габорио на эту тему, прежде чем расстанемся!..

— Да, а на обложке поместим ваш портрет, чтобы все сразу увидели, какие ужасы там описаны! — едко, хотя и шутливо, добавила она.

Все ее стычки и пререкания с викарием неизбежно оканчивались его поражением, и, быть может, именно вследствие этого он постоянно возвращался к ней. Из остальных пассажиров почти все очень скоро наскучили Джесси или казались ей совсем неинтересными.

— Послушайте, Бэнтам, что он от меня хочет, этот дикий человек Маркс? — спросила как-то Джесси Бэнтама. — Где бы я ни была, куда бы я ни пошла, он все бродит, как тень, за мною, поджидает, подстерегает меня. Уж не хочет ли он заманить меня играть с ним в карты? Как вы думаете?

— Если желаете, я осведомлюсь у него о намерениях, — предложил Бэнтам. — А то мне, право, кажется, что он вообразил, что вы сошли с неба!

— Весьма возможно, вот почему меня и не хотят оставить в Америке! — пошутила она.

Между тем Ричард Маркс уже не раз пытался заговорить с Джесси, но каждый раз мужество изменяло ему в самый решительный момент. И только в тот день, когда на пароходе распространился слух о пропаже кольца, он, наконец, воспользовался удобным моментом, когда Джесси после ухода викария и Бэнтама осталась одна. Он подошел к ней и, склонясь над самой

ее головой, так что борода его касалась ее шляпы, проговорил:

— Очень прошу извинить меня, мисс! Вы, кажется, изволили говорить, что кто-то потерял кольцо?

— О! — воскликнула Джесси. — Я ничего решительно не знаю об этом. Отчего вы спрашиваете меня?

— Мне казалось, будто я слышал, что тот господин с красным галстуком говорил, что кто-то потерял кольцо, а я нашел его...

Джесси смотрела на него с нескрываемым недоумением. Этот человек внушал ей положительное отвращение.

— Так почему же вы не обратились к мистеру Бэнтаму?

— Потому... потому, что это утерянное кольцо, вероятно, должно быть знакомо вам! — сказал он и, показав его ей издали, уронил ей затем прямо в колени. Это было самое обычное скромное кольцо, широкий золотой обруч с одной большой бирюзой, но Джесси сразу узнала его, и глаза ее затуманились слезами.

— Да, я видела это кольцо раньше, мистер Маркс! — сказала она тихо.

— И вы знаете, кому оно принадлежит? Ну, значит, вы знаете и человека, который...

— Человека, который... — повторила она и вдруг смолкла, лицо ее вспыхнуло яркой краской, теперь только ей стало ясно, почему этот человек обратился к ней.

— Который застрелил вашего брата, он теперь здесь, на этом пароходе... Да, именно это я и желал вам сообщить! — И, не дожидаясь ее ответа, он, так же крадучись, увильнул от нее.

В этот момент викарий с улицы Соквилль показался на верху лесенки.

— Мой добрый гений не улетел! — шутливо, радостно воскликнул он, увидев Джесси на прежнем месте и направляясь к ней. Но она, не ответив ни слова, встала со стула и медленно, не поворачивая головы, удалилась, оставив высокочтимого викария в глубоком недоумении и огорчении.

VI КАТАСТРОФА

На палубе парохода находились очень немногие из его пассажиров, когда произошла катастрофа. Дело в том, что в это самое время высокочтимый викарий с улицы Соквилль держал пламенную речь о радостях и пользе благотворительности, о важном значении ее для спасения душ, о священном законе братолюбия, и чуть не все население парохода столпилось вокруг него, внимая этой прочувствованной и вдохновенной речи. Джесси уверяла, что, если бы лакеи не разносили стаканов и бокалов, она могла бы вообразить, что находится в какой-нибудь элегантной церкви. Но в тот момент, когда мистер Джон Трю только что приступил к блестящему финалу своей проникновенной речи, двигатель парохода вдруг перестал работать. Если не все сразу уловили смысл и значение этого факта, то все же самый факт этот не остался незамеченным и возбудил всеобщее недоумение и любопытство. Весьма значительная часть аудитории викария без стеснения устремилась наверх. Правда, червонцы и ассигнации поспешно кидались в большой серебряный салатник, предусмотрительно поставленный слугой на пунцовой плюшевой скатерти перед эстрадой оратора, но лишь немногие слушатели остались дожидаться конца. Даже сам высокочтимый мистер Джон Трю слегка побледнел и стал затрудняться в выражениях и подыскивать слова. Созная, что мысли всех присутствующих уносятся наверх, он поспешил закончить свою речь и вслед за другими вышел на палубу с нескрываемым вздохом облегчения.

— Что такое случилось, Бэнтам? — спросил он маленького человечка, которому теперь приходилось отвечать целой группе интересующихся.

— Сущие пустяки! У нас сломался винт, но инженеры и механики уже крепят новый! Через час, не больше, мы снова двинемся! Что, у нас нет инженеров, что ли?

Молодой инженер, проходивший мимо, весь черный и мрачный, грубо засмеялся.

— Так, так, — подтвердил он, — у нас сломался винтовой стержень, и капитан достал новый из кармана

своего жилета. Все обстоит благополучно, леди, не извольте беспокоиться, это сущие пустяки!

— Вот видите! — обрадовался Бэнтам. — Пустяшное дело, всего каких-нибудь десять минут задержки. Что вы скажете, барышни, не устроить ли нам танцы?! Они развлекают как нельзя лучше... — обратился он к девицам из казино.

Те выразили свое полное одобрение его предложению, и, пока маленький человечек метался от одних к другим, уговаривая всех не беспокоиться, досточтимый викарий, разнервничавшийся и встревоженный, расспрашивал всех, не видал ли кто мисс Голдинг. Наконец, после долгих поисков он набрел на нее случайно: она расположилась в тени рулевого помещения, в обществе «Негодяя», что немало смутило и озадачило почтенного старца.

— Как! Разве вы не слушали мою речь? — с едва заметным упреком в голосе обратился он к Джесси.

— Как можете вы быть столь несправедливы и неблагодарны?! Я первая плакала, слушая вас!

— Боже мой! Да, да, ведь вы сидели под органом, рядом с Бэнтамом, я вас видел! Кажется, в том конце залы было довольно шумно?

— О да, мы все были ужасно растроганы, мужчины поминутно требовали крюшон, боясь, что им станет дурно. Кстати, скажите, господин викарий, почему это мужчины постоянно нуждаются в таком громадном количестве подкрепляющих напитков? Уж не потому ли, что они «сильный пол»?

— Нет, это после того, когда первая женщина попросила у мужчины кое-что, с того времени мужчины постоянно это ищут и тратят силы в непрерывных поисках! — вмешался в разговор «Негодяй».

Викарий гневно метнул на него взгляд и затем, желая дать разговору иной оборот, сказал с видом компетентного человека:

— Мне кажется, что у нас сломался винтовой стержень! Насколько я понимаю, мы должны теперь нестись по течению, предавая себя в распоряжение волн и ветров! Это может продлиться несколько часов, положение, думается, во всяком случае, довольно опасное!

— Столь же опасное, как игра в крокет впотьмах, — сказал Мюрри, усмехнувшись. Затем, обратившись

прямо к викарию, сказал: — Надеюсь, вы составили свое завещание?

— Боже мой, неужели вы думаете, что есть какая-нибудь надобность в этом? Нет, вы, конечно, шутите!

Мюрри перегнулся через борт и посмотрел, как плескались волны о борт парохода. Яркая полоса света вырывалась с освещенной лестницы. Пронзительный женский голос доносился из салона. Капитан нервно шагал по мостику, как человек, мучимый беспокойством. Мюрри Вест не сразу ответил викарию, словно его мысли были где-то далеко... Наконец он обернулся и, выпрямившись нервным движением, свойственным ему, во весь рост, сказал:

— Вы думаете, что я шучу? Как раз подходящее время для шуток!.. Прислушайтесь только к этим ударам молотов там, внизу, в машине, ими работают люди, для которых сломавшийся винтовой стержень — чудесная забава! И если вы пойдете к ним с предложением почитать им вслух страничку из юмористического журнала, то они будут этому весьма рады. Вряд ли мы только сможем проболтаться здесь более трех суток, не наскочив на какую-нибудь новую беду! Не правда ли, это смешно и забавно?

Лицо высокочтимого проповедника побелело настолько, что этого нельзя было не заметить даже в полумраке, царившем в этом конце палубы.

— Так вы серьезно говорите, что здесь такого рода авария, которую исправить нельзя?

— Вы узнаете об этом, когда определят, в каком месте произошел перелом стержня. Все, что может быть сделано в открытом море, конечно, будет сделано здешними инженерами, так как это лучшие мастера и механики. Компания «Красная звезда» славится этим. Ведь починили же они однажды такой винтовой стержень на пароходе, который после аварии пришел в Куинстоун с запозданием всего на пять суток. Все зависит от места перелома. Если капитан не ошибается, то у нас сам винт пошел ко дну... В другой раз вам придется выбирать пароход с двумя машинами, господин викарий, если желаете держаться подальше от царства небесного, чем сегодня!

Но из всей этой речи досточтимый мистер Джон Трю не расслышал и половины; опасения его и тревога только еще более усилились.

— Разве у нас нет парусов?

— Можно ли говорить о парусах на пароходах общества «Красная Звезда»?! Взгляните только на эти уродливые мачты! Разве они предназначены для парусов? Три носовых платка можно к ним прикрепить, но не больше... Нет, если вы желаете увидеть Лондон хоть через месяц, не говорите о парусах!

— Боже сохрани! Неужели вы хотите этим сказать, что мы принуждены будем носиться по произволу волн и ветра, пока какое-нибудь проходящее судно не придет нам на помощь?!

— Именно так! Если наши инженеры не смогут починить стержень, то наш пароход останется столь же беспомощным, как пустая бочка, пущенная на воду по течению. На беду, такой же, как наш, пароход «Хадсон Ривер» уже прошел вчера и теперь далеко отсюда. Мы можем проплавать сутки, двое и даже пятеро суток, прежде чем придет помощь. Мне очень жаль, если ваша паства с нетерпением ожидает вас. Ей, быть может, придется долго прождать!

— О, моей пастве нет надобности беспокоиться! Я думал в настоящее время о наших дамах! Возьмем хотя бы, например, мисс Голдинг. Она должна была обвенчаться тотчас по приезде в Лондон! Мы все должны сожалеть о ней!

Джесси, стоявшая несколько в стороне, услышав свое имя и уловив последние слова, подошла ближе к говорившим и спросила:

— Почему вы жалеете меня, господин викарий?

— Потому, что день вашей свадьбы уже назначен и вдруг!..

— Ах, да! Не правда ли, как это трагично, отсутствовать на своей собственной свадьбе? Впрочем, это сочтут за американскую оригинальность... Ведь не могу же я доплыть до Лондона, не так ли?

— Мы будем надеяться на лучшее... Разлука еще более разнеживает сердца, и...

В этот момент к их группе приблизился капитан в сопровождении нескольких инженеров и механиков; они, очевидно, шли осматривать поломанный винт.

— Мы только будем мешать здесь! — заметил Вест. — Не лучше ли нам уйти отсюда прежде, чем нас попросят удалиться? С верхней палубы нам все отлично будет видно.

Джесси молча кивнула головкой и направилась к лесенке, ведущей на верхнюю палубу под капитанским мостиком. Мюрри Вест последовал за ней и отыскивал для нее стул, с которого она могла следить за всем, что происходило внизу, как из ложи театра.

— Какое чудное зрелище, эти электрические иллюминаторы, освещающие воду и ближайшие подводные части судна! Смотрите, как работают эти люди! Вы должны быть им особенно благодарны, ведь они трудятся и стараются для того, чтобы вашу трагедию обратить в комедию! Очевидно, они сознают всю важность присутствия женщины на ее собственной свадьбе!

— Отчего вы называете меня женщиной? Разве я уже так стара?

— Нет, это общий термин для особ вашего пола, и я смотрю на вас, как уже на замужнюю!

— Благодарю! И это ваш поздравительный свадебный визит?

— Ах, нет! Я не имею ни малейшего желания быть у вас в доме! Если женщина подбирает свои юбки, когда мужчина проходит мимо, то этим она дает понять ему, что не желает никакой близости с ним, а тем менее желает видеть его у себя в доме. Я буду, насколько могу, держаться как можно дальше от вас!

— Вежливо, нечего сказать! Но я, право, не помню, чтобы я подбирала свои юбки.

— Вы, может быть, и не помните, но я-то хорошо помню! Вы сделали это так красиво, так изящно, что напомнили мне одну картинку из последнего парижского Салона!

— Расскажите мне, где вы видели эту картинку?

— В каталоге картин Салона, в Джексон-Сити!

— Так вы бывали в Джексон-Сити?

— Я там прожил три года!

— Если так, то вы должны были встречать моего брата Лионеля! — сказала Джесси, и лицо ее приняло серьезное, почти суровое выражение, а Мюрри Вест впервые с момента их знакомства побоялся поднять на нее глаза, побоялся встретиться с ее упорным, тревожным взглядом.

— Да, я знал вашего брата Лионеля! — ответил он тихо.

Джесси не захотела воспользоваться своим минут-

ным превосходством над ним в данный момент и заговорила своим обычным мягким тоном:

— Я хочу сказать вам нечто, я убеждена, что мне следует сказать вам об этом! Весь день эта мысль ужасно мучила меня. Будьте добры, взгляните на это кольцо! Мистер Маркс принес мне его сегодня утром. Он не сказал мне, что вы потеряли его, но мистер Бэнтам уверяет, что это вы. Не откажитесь сказать мне всю правду. Мы никогда не сумеем понять друг друга до тех пор, пока я не услышу от вас всей правды!

Поискав у себя за корсажем, она наконец нашла желаемый предмет и положила ему на руку то самое кольцо, которое он искал. Его необычайное смущение в некотором роде говорило за него, но он все же сделал над собой усилие и сказал:

— Мисс Голдинг, я должен попросить вас поверить мне на слово! Можете вы мне поверить в чем-нибудь?

— Верю! — сказала она.

— Кольцо это действительно принадлежит мне. Оно было дано мне вашим братом как раз перед его смертью. Я был при нем до последней минуты, и если бы он был жив, то, наверное, сказал бы вам, что я был ему другом. Больше я ничего не могу вам сказать, я не имею права сказать ничего более, и только вам, как его сестре, сказал то, что вы сейчас слышали от меня. Если вы не желаете, чтобы мы с вами разошлись теперь же, не будем больше говорить об этом, прошу вас. Это такая печальная повесть, что я желал бы, чтобы и вы и я могли забыть ее. Часто мне кажется, что наша единственная обязанность по отношению к усопшим — это позабыть все, кроме любви нашей к ним. Я никогда не расстанусь с кольцом вашего брата, но уже позабыл тот день, который сделал его моим, и я желал бы, чтобы помогли мне забыть и все остальное!

Джесси слушала его с серьезным, сосредоточенным видом и вместе с некоторым недоумением.

— Почему же мне не говорить, не вспоминать о моем брате?! — воскликнула она наконец. — Я уверена, что Лионель никогда не сделал ничего такого, чего бы я должна была стыдиться. Зачем вы намекаете, будто он что-то сделал?

— Я ничего не придумываю, а просто стараюсь предупредить ваши вопросы. Несчастный случай

и один негодяй поставили меня в это положение, и я ничего не могу сделать, я принужден молчать!

— Вам следовало с этого начать. Если вы одни были подле Лионеля, когда он умирал, то должны знать, как он умер. Отец мой и я имеем право знать, как все это было. Имеем право знать имя его убийцы!

— Он не был убит, поверьте мне!

— Ваше дело доказать это мне!

— Простите, я не вижу для себя такой обязанности!

Джесси тихонько воскликнула:

— Вам известно имя его убийцы, и вы скрываете его от меня!

— Да, и всегда буду его скрывать!

— Так, значит, это ваше имя! Вы, вы виновник! О, как могла я быть так слепа! Это вы! Посмейте отрицать!

— Смею и отрицаю. Не я совершил это дело, ваше подозрение достойно женщины! А теперь, я полагаю, мы можем прекратить наш разговор на этом!

Джесси сдавила до боли свои тонкие пальцы и смотрела на него горящими, безумными глазами.

— Я не верю вам! Не верю, что вы сказали мне правду! — прошептала она задышающим голосом: нервный спазм душил ей горло.

Судорожная улыбка искривила на мгновение лицо Веста.

— Это ваше личное дело, — сказал он, — вы, конечно, не можете рассчитывать, чтобы я стал настаивать и старался заставить вас поверить мне!

— Скажите мне, кто тот человек?

— Я решительно отказываюсь это сделать!

— Мистер Вест, я, конечно, не могу вас заставить открыть мне эту тайну, но человек, владеющий подобной тайной, никогда не может быть моим другом!

— Никогда! Слово великое! Что же делать? Я должен запастись терпением!

— Тут дело не в терпении, мистер Вест, а в справедливости. Лионель был убит каким-то негодяем, и я имею право знать его имя!

— Я не спорю, но только вы не услышите его от меня!

— В таком случае между нами не может быть дружбы. Я вынуждена отклонить наше дальнейшее знакомство!

— Как вам будет угодно! Я ожидал этого. Весьма возможно, что на вашем месте я поступил бы точно так же. Позвольте мне не утруждать вас долее моим присутствием. Если вам так угодно, мы с завтрашнего дня будем чужими друг для друга!

— Да, мне так угодно! — сказала она, глядя ему прямо в глаза.

Мюрри встал и почтительно откланялся. Время было близко к полуночи, но на пароходе почти никто еще не спал. Инженеры и механики все еще продолжали работать; на громадной площади океана, освещенной иллюминаторами, не виднелось ни одного судна. Только стук тяжелых молотов разносился над тихой поверхностью моря, как будто говоря о надежде, о всемогущей силе человеческой воли и неустомимой энергии.

VII БУРЯ

День занялся невеселый, с грозной и мрачной грядой грозных облаков на горизонте. Очень немногие на пароходе сумели вернуть себе прежнее беспечное спокойствие, несмотря на все старания и усилия капитана и офицеров. Случилось нечто такое, от чего последующие дни не могли более походить на предыдущие. Каждый пассажир старался убедить себя, что случай этот самый обыкновенный и что подобные случаи бывали не раз и оканчивались вполне благополучно. Но все же откуда-то прокрадывалось сомнение, и даже самые привычные путешественники чувствовали себя не совсем в своей тарелке, хотя, в сущности, никакой серьезной опасности в настоящее время не было. Так уверял капитан и все офицеры. Так же и доктор уговаривал и вразумлял пассажиров нижней палубы.

Часов около шести утра Мюрри Вест встретился с доктором и отправился вместе с ним выпить чашку кофе перед ранней утренней прогулкой по верхней палубе. Наверху не оставалось теперь почти никого, и оба эти привычных мореплавателя могли говорить не стесняясь об истинном положении дела, так как ни тот ни другой опасности не боялись и привыкли смотреть ей в глаза.

— Это штука скверная! — сказал доктор, усиленно

пыхтя своей трубкой.— Капитан Росс— упрямая шишка, сэр! Он не примет ничьего совета до тех пор, пока пациент не умер... Я его знаю!

— Вы хотите сказать, что он не обратится за помощью до последней крайности? — спокойно заметил Мюрри.

— Одно слово: он — шотландец. Я не знаю лучших моряков, чем шотландцы, но если правда то, что говорит главный инженер-механик, что винт пошел ко дну, а стержень совершенно безнадежен, то Россу нет никакого расчета заставлять нас болтаться здесь без толку. Как ни раздумывай, все же придется просить взять себя на буксир, и чем скорее он это сделает, тем лучше! Только не таков Росс, чтобы расстаться со своими деньгами: посудите сами — заплатить буксиру за весь путь отсюда до Куинстоуна! Да он скорее согласится вырвать свою печенку! Я ручаюсь вам, сэр, что мы проболтаемся здесь на месте трое суток, прежде чем он только подумает о буксире! Затем мы проболтаемся еще три дня, и тогда он спросит совета своего помощника. Вот он каков! Его ничем не прошибешь. Я говорил то же самое внизу, в рулевой, а вы не поверите, что там за народ! Поднялся ропот, стали говорить, что не допустят, чтобы их заперли в этой коробке и утопили, как овец. Не странно ли, в самом деле, что эта беднота всегда больше дрожит за свою жизнь, чем самые богатейшие люди! Быть может, потому, что богатый думает, что, в конце концов, его доллары все же как-нибудь спасут его, тогда как бедному не на что надеяться: он знает, что о нем никому нет корысти заботиться. Я, конечно, отнюдь не думаю, чтобы кто-либо утонул здесь, но пикник наш будет не совсем спокоен... Взгляните-ка туда, милейший сэр. Это небо не предвещает нам ничего хорошего... Это пахнет подкожными впрыскиваниями в первом классе и, быть может, револьвером внизу, в рулевой и на баке! — И он весело закивал головой, как будто его зловещее пророчество доставляло ему огромное удовольствие.

Данное положение в высшей степени интересовало Мюрри; особенно интересными для изучения людских типов и характеров являлись в таких обстоятельствах пассажиры, в том числе весьма интересным представлялся ему сам доктор.

— В настоящее время люди так часто пересекают

океан, что совершенно утратили сознание грозящей им ежеминутно опасности! — сказал Вест. — И это неудивительно. Ведь, в сущности, эти громадные пароходы почти непотопляемы и непроницаемы, и мы так привыкли к тому, что на них почти никогда ничего не случается, что забываем даже думать о грозящей опасности. Между тем бедняки внизу, на нижней палубе, лучше нас знают, что каждое такое путешествие есть гадательный шанс на смерть и жизнь. Они, вероятно, думают, что и шлюпки предоставлены исключительно только первому классу, и меня бы это нисколько не удивило!

— Что за безрассудство! — воскликнул доктор. — Если дело дойдет до серьезного, не будет никаких классов: смерть — великий демократ! Конечно, у нас найдется с десяток шлюпок для океанского пикника. Ну, а пока что я, с вашего разрешения, пойду помыться. Примем добровольно ванну, пока нас не заставили сделать это.

Мюрри Вест выразил свое согласие, и оба направились в ванную комнату. На полпути их встретил викарий, выходявший из купальной. Услышав их веселые голоса, он немного приободрился.

— Я весьма рад, что погода сегодня такая хорошая! — сказал он с простодушной наивностью, чрезвычайно забавлявшей доктора.

— А сделали вы свое завещание, господин викарий? И приготовились, как должно?

— Приготовился к чему? Неужели вы хотите намекнуть на какую-нибудь новую опасность?

— Ну, вы, конечно, не трусите! — продолжал доктор. — А потому позвольте мне дать вам добрый совет: не надевайте на себя ничего, кроме фланели, когда мы сядем в шлюпки! Духовным особам особенно вредна простуда... Поверьте моему опыту! — И веселый, румяный доктор побежал дальше, веселя всех одним своим вечно неунывающим и добродушным видом.

Весь пароход, особенно экипаж, боготворил «Фредли», то есть доктора Фридриха Купера, и каждый из этих людей охотно рискнул бы за него жизнью. Но викарий считал его пустым и легкомысленным человеком и не питал к нему ни уважения, ни симпатии.

— Я не могу одобрять подобного легкомыслия в такой серьезный момент, — неодобрительно заметил

викарий. — Доктор Купер должен бы подумать, сколько нас теперь мучится и страдает!

— Вы говорите о себе, не так ли? — спросил Мюрри.

— Я говорю о многих! Ведь для меня очевидно, что положение наше серьезно! А между тем для многих из нас всякая задержка крайне мучительна! Возьмем, например, мисс Голдинг, которая должна была обвенчаться тотчас по приезде. Для нее всякое промедление должно оказаться весьма тяжким!

— О да! — воскликнул саркастически Вест. — Вам непременно следует поговорить с капитаном! Какое в самом деле громадное несчастье, если брак мисс Голдинг будет отложен на некоторое время! Ее будущему супругу придется, пожалуй, целую неделю платить или, вернее, в долг завтракать в ресторане! Что, собственно, более в обычае у людей его круга? Кажется, последнее, если не ошибаюсь? Это в самом деле ужасно! Я бы на вашем месте предложил немедленно спустить водолазов, чтобы отыскать пошедший ко дну винт, тем более что здесь до дна не более мили, я полагаю... Кстати, они могут выловить нам для забавы молоденькую русалку... Что вы на это скажете? — Но викария уже не было: он поспешил наверх, в надежде найти там кого-нибудь, перед кем он мог бы излить свое горе и опасения.

И не столько за себя, сколько за прелестную Джесси Голдинг скорбело его сердце; ему казалось, что весь мир перевернется, если девушка не очутится как можно скорее в объятиях своего нареченного, ожидающего в туманном Альбионе.

Джесси в своей каюте и не подозревала такой отеческой тревоги и заботы о себе. Она дурно провела ночь, но отнюдь не вследствие опасений, вызванных катастрофой; она так безусловно полагалась на искусство инженеров, что мысль о настоящем серьезном несчастье с этим громадным, величественным пароходом даже не приходила ей в голову. Нет, ее томил и мучил образ Мюрри Веста, он преследовал ее наяву и во сне, в минуты дремы и уединения. Даже здесь, в этой каюте, она будто чувствовала на себе его выразительные глаза. Она почему-то была убеждена, что не пустой случай столкнул ее с ним здесь, на пароходе. Он знал ее брата Лионеля, знал, какой смертью Лионель умер. Ни

одной минуты она не верила и не могла верить, что брат ее умер от руки этого человека, но его скрытность задевала ее за живое, его повелительный тон и манера возмущали гордость своевольного, избалованного ребенка, перед которым все преклонялись. Ее собственное бессилие перед ним бесило ее, и она решила, как только они прибудут в Ливерпуль, совершенно избавиться от его влияния. При этом она вспомнила, что когда она будет замужем, то у нее будет много дел и занятий, и это, а также новизна положения помогут ей перестать думать о нем. С этой мыслью она поднялась, села на постель и окликнула свою тетю Эву.

— Скажи, пожалуйста, тетя, не пора ли вставать? Посмотри на свои часы; мои не желают открыть мне эту тайну! Ах, Господи! Зачем это пароход так качает, право, я сейчас буду одеваться...

— Господь с тобой, дитя, что ты вздумала делать? Ложись сейчас! Ведь еще нет шести часов!

— Я терпеть не могу, чтобы, когда я проснусь, не время было завтракать! — капризным, шутливым тоном заявила Джесси. — Когда я буду хозяйкой в Монктоне, у меня всю ночь будет время завтрака, чтобы, когда я ни проснусь, завтрак был готов для меня. Ах, тетя, знаешь, чего бы я хотела? Я хотела бы быть красивой золотой рыбкой в светлом хрустальном бассейне... Да, это было бы так прекрасно!

— Ах, Боже! Какая ужасная буря... Как это ты можешь ходить по каюте, Джесси? Я уверена, что что-нибудь случилось! Надо будет послать за капитаном!

— Фу, как это несносно, эта качка... Право, если Жеральд любит море, я с ним непременно разведусь!..

Вдруг страшный толчок заставил все предметы в каюте подпрыгнуть кверху и затем покатиться по полу.

— Боже правый! Неужели пароход идет ко дну? — воскликнула тетушка Эва.

— Быть может, они спускают якорь!

— Что ты, дитя, Господь с тобой, спускать якорь в Атлантическом океане. Что за глупости!..

— Все на свете глупости, тетя, а прежде всего замужество!

— Надо будет благодарить Провидение, если тебе удастся вообще выйти замуж! — наставительно замети-

ла тетка.— Это замужество совершенно вскружило тебе голову!

— Не замужество, тетя, а эта качка!

Она молча продолжала одеваться. Одевшись небрежно, на скорую руку, она осторожно пробралась на палубу, где матросы уже натягивали спасательные канаты, которые должны были стать столь необходимыми, когда буря усилится, чего следовало ожидать, судя по всему. Еще капитан не отдал приказания всем пассажирам оставаться внизу, но с минуты на минуту об этом должно было быть объявлено. И Джесси на собственном опыте убедилась в необходимости такого распоряжения, так как, едва успела она выйти из-под прикрытия главной лестницы кают-компаний, как ее ветром чуть не снесло в море, и если бы две сильные руки не успели вовремя обхватить ее, она, несомненно, была бы смыта. С минуту обуявший ее страх лишил ее и силы, и желания вырваться из этих тесных объятий.

— Благодарю вас! — сказала она, оглянувшись и узнав Веста.

Тот выпустил руки, но продолжал удерживать ее за предплечье.

— Смотрите, берегитесь, вы чуть было не скатились в каюту высокочтимого викария! А, насколько мне известно, викарий не вполне готов принять вас. Мерзкая погода, не правда ли? А надо ожидать и еще хуже!

Джесси взглянула на него из-под опущенных век, и невольная улыбка засветилась в ее глазах.

— Видно, это судьба!

— Что судьба? Чтобы вы скатились в каюту викария?

— Нет, не это... Да вы отлично знаете, что... Пустите меня, пожалуйста!..

— Сделайте одолжение! — сказал Мюрри и тотчас же отпустил ее руку. В этот самый момент ветер сдул капюшон с головы девушки, и ее светлые, точно лен, кудри разметались по лбу и вискам. Она была прелестна, как прелестнейшая из грезовских головок. Могучие валы один за другим грозной стеной устремлялись, словно вражеская рать, на пароход, будто он сзывал их на гибель свою, и беспощадный ураган гнал их с ужасающей быстротой, гудел и завывал вокруг парохода

и снова кинул трепещущую девушку в объятия, готовые принять ее.

— Да вы, как я вижу, упорно решились разбудить высокочтимого викария! — заметил Мюрри Вест.

— Ох, пустите меня, мистер Вест, прошу вас, пустите меня... Проводите меня вниз, пока я еще жива! — жалобно просила Джесси.

— С величайшей готовностью! — отозвался Вест. — Но, конечно, как чужой?

Она взглянула на него глазами, полными слез, и воскликнула:

— Боже мой! Что послало вас в мою жизнь? Что бросило вас на моем пути? Почему каждый раз, когда мне нужна помощь, когда я хочу позвать кого-нибудь, каждый раз являетесь вы?

— Случайность! Пустая случайность, не более того! — сказал как-то загадочно Вест. — Ухватитесь за эту веревку, вот так... Теперь вам будет гораздо легче! — добавил он, провожая ее до главной лестницы.

Тем временем качка все усиливалась. Джесси, добравшись до лестницы, грузно опустилась на одну из верхних ступеней, и вся ее твердая решимость быть непреклонно холодной, настойчивой и замкнутой по отношению к этому человеку теперь растаяла, как воск.

— Боже мой, что же мне теперь делать? — прошептала она как бы про себя. — Как я дойду теперь до моей каюты?... Меня так и кидает из стороны в сторону!

— Всего лучше для вас оставаться, где вы есть... Тут не так душно, как в каюте. Кроме того, в такую погоду не стоит завтракать. Лучше выпейте чаю!

— Чаю? Но кто принесет его мне сюда?... Вот если бы я умела ходить по канату!..

— Да это совершенно не нужно и даже не совсем прилично! А чай я могу принести для вас!

Через минуту он принес ей чай, который она выпила с благодарностью. Повсюду и со всех концов парохода требовали чаю и фруктов. Матросы, хватаясь за предохранительные канаты, торопились закрывать железные ставни; голос капитана приказывал задрать все люки.

— Неужели дело так плохо? — спросила Джесси. — Как видно, нам предстоит выдержать настоящую бурю?

— Весьма вероятно! Состояние погоды не предвещает ничего хорошего. Дует настоящий вест... Есть вероятность, что он гонит нас в сторону Ирландии. Пусть это послужит вам в утешение!

— Но я вовсе не желаю в Ирландию! Я хочу в Лондон, где меня ожидает мой жених!

— Ах, да, это действительно ужасно! Свадьба без невесты! Впрочем, многие мужчины очень бы желали именно такого брака. А разве лорд Истрей так нетерпелив?

— Он уверяет, что не в состоянии прожить еще неделю без меня!

— В таком случае можете считать его уже мертвым! Наш пароход совершенно беспомощен, и если даже нас возьмут на буксир, то никакой буксир не в состоянии привести нас в Лондон в двое суток! Вы, во всяком случае, опоздаете, по крайней мере, на десять суток! Я сочувствую вам от души!

— Неправда, вы вовсе не сочувствуете этому горю, вы даже рады! Почему вы не хотите быть чистосердечным?

— В такого рода делах, как свадьба, никто не бывает вполне чистосердечен! — сказал Вест. — Ни священник, венчающий вас и призывающий благословение на ваш союз, ни жених, уверяющий, что невеста — единственная женщина, которую он когда-либо любил, ни невеста, обещающая быть покорной и послушной... Словом, никто. Почему же мне одному быть исключением? Когда я бываю на свадьбах как мужчина, то всегда мысленно задаю себе вопрос, кого любит невеста, и обыкновенно бываю почти уверен, что она любит кого-нибудь, но только не жениха, с которым стоит у аналая... А в данном случае я, конечно, нимало не сомневался в решении этого вопроса!

— Вы положительно грубы, мистер Вест!

— Самый грубый человек, какого вы когда-либо встречали! Ведь это уже решено и подписано! Говорить правду вообще считается грубостью, я это знаю. Не желаете ли еще чаю или, быть может, вы предпочитаете, чтобы я предоставил вас вашим мыслям?..

— Чаю я больше не хочу, а вы можете идти, если желаете, но прежде скажите мне, действительно ли наш пароход находится в опасности? Я бы желала это знать прежде, чем вы уйдете!

— Значит, вы доверяете до некоторой степени моему суждению?

— Да, почему же нет? Я считаю вас умным человеком, хотя иногда и невыносимым!

— Ну, это еще сносная аттестация в устах женщины. Итак, вот вам мое мнение. Такая громадная посуда, как наш пароход, может долго продержаться, даже и в Атлантическом океане, но мы беспомощны, винт не действует, а паруса наши могут быть не больше носового платка! Но, в сущности, я не думаю, чтобы в настоящее время нам грозила серьезная опасность. Буря, конечно, неприятна, но пароходы эти — настоящие плавающие острова, которым сама по себе не страшна никакая буря.

Взяв у Джесси из рук чашку, мистер Вест приподнял свою шляпу и откланялся.

— Всего доброго! — сказал он и спустился в свою каюту, даже не оглянувшись. Здесь он застал своего друга Лэдло сидящим на койке и прихлебывающим из большого стакана крепкую смесь коньяка и воды. Хотя в каюте ни шум волн, ни рев ветра, ни даже самая качка не были так чувствительны, как в каютах верхней рубки, но Лэдло, нервы которого были вообще сильно расшатаны, стал расспрашивать Мюрри тоном перетрусившей женщины:

— Что там такое творится? Ведь это же, наконец, становится невыносимо! Отчего они ничего не предпринимают?

— Право, дорогой мой, тебе следует надеть юбку! Судя по всему, она тебе гораздо более к лицу, чем мужская одежда, Хуберт, а между тем в былое время, до встречи с Лионелем Голдингом, я считал тебя мужчиной.

Лэдло оттолкнул в сторону свой стакан и капризным, раздражительным жестом завернулся в одеяло.

— Я не люблю, Мюрри, когда ты издеваешься надо мной, — проговорил он. — Ты отлично знаешь, что я теперь чувствую себя не так хорошо, как раньше. И к чему ты постоянно упоминаешь о Голдинге? Если ты намерен покинуть меня на произвол судьбы, то сделай одолжение, не стесняйся, я как-нибудь управлюсь!..

Мюрри присел на край его койки и, взяв его горячую руку в свою, ласково стал выговаривать ему:

— Ты прекрасно знаешь, Хуберт, что говоришь глу-

пости. И если я стою за тебя, то потому, что уверен: ты не всецело виновен. В Англии ты начнешь жизнь сначала, начнешь совершенно новую жизнь, а пока забудем о Лионеле...

— Забыть о нем, когда его сестра целый день вертится тут вокруг и около! Она заставит тебя забыть свое обещание, Мюрри. А ведь они застрелили бы меня, как собаку, если бы только знали. Намерен ты продолжать это знакомство и по прибытии в Ливерпуль?

— По прибытии, если только мы туда прибудем, она сейчас ускачет в церковь и через неделю будет справлять медовый месяц. Но я прошу тебя совершенно не принимать ее в расчет, и если из-за нее что-либо выйдет, то я принимаю все это на себя! Неужели ты в самом деле думаешь, что я не сумею управиться с такой девочкой?

— Не то! Я знаю, ты всегда делал с женщинами все, что только хотел, но на этот раз мне казалось, что тут есть что-то особенное! Впрочем, я могу ошибиться. Но скажи, неужели наше положение на этом пароходе так безнадежно, что ты говоришь: «Если только мы прибудем туда»? Что значит эта фраза?

— Ты не ребенок и сам можешь понять, что в такую погоду без руля и с парусами не больше носового платка, на расстоянии тысячи миль от земли, положение парохода незавидное...

— Представь себе, мне снилось, будто пароход пошел ко дну и мы не могли вырваться из нашей каюты потому, что дверь была заперта, вода хлынула бешеным водоворотом в иллюминатор и все кругом погрузилось в страшный мрак!

Мюрри слушал своего друга с нахмуренным лицом.

— Сны — пустяки, притом же весьма естественно, что и тебе и мне привиделся почти один и тот же сон. Мы все легли вчера под впечатлением напугавшей многих катастрофы и, естественно, могли ожидать самых худших случайностей. Это все — игра нервов и воображения. Лучше всего вставай и принимайся делать что-нибудь! Ничего нет хуже, чем валяться днем в постели, в твои годы это непростительно.

Лэдло лениво принялся одеваться, а Вест занялся чем-то над своим чемоданом.

Между тем буря все крепла; пароход кидало из стороны в сторону. Никому не было позволено выходить

наверх, кроме крайней надобности, но Мюрри удалось упросить помощника капитана разрешить ему добраться до прикрытия будки механика. Здесь, держась обеими руками за протянутые веревки, Мюрри Вест стоял и наблюдал за непрерывным прибоем новых могучих валов, ежеминутно заливавших палубу, за беспомощно качавшимся на волнах рассвирепевшего океана грузным пароходом. Но долго оставаться здесь не было никакой возможности: ураган позволял удерживаться на ногах лишь с громадным усилием, страшный ливень слепил глаза и злобно хлестал вместе с ветром в лицо, соль проникала в рот и в нос, вызывая неприятное едкое ощущение. С большим трудом добрался Мюрри Вест до спуска в кают-компанию, сказав себе, что пароход осужден на гибель, если только не случится какого-нибудь чуда.

У подножия лестницы ему встретился доктор.

— Посмотрите, что там делается внизу! — сказал он. — Полный, открытый бунт... Капитан ничего не может сделать, он со своими людьми едва-едва управляется наверху. Высокохотимый викарий внизу урезонивает и уговаривает этих безумцев, которые от страха и ужаса совершенно лишились рассудка. Право, ему надо подивиться... Молодчина этот викарий! Пойдемте туда, вы сами увидите!

— Идемте! Попытаемся и мы сделать, что возможно!

Когда они спустились, им предстала душу раздражающая картина. В трюме было темно, стоны, жалобы и проклятия стояли в воздухе. Женщины прижимали своих детей или молящим жестом протягивали их к вошедшим, прося спасти. Мужчины мрачно потрясали кулаками или, выхватив свои ножи, грозили силой проложить себе дорогу на верхнюю палубу. Особенно свирепствовал и неистовствовал один ирландец — присутствие викария еще более раздражало его.

— Неужели они думают, что я буду тонуть вместе с этими еретиками? Что он тут делает, этот черноризец? Да я лучше буду умирать с некрещеным негром, чем с ним! За один шиллинг я проломлю ему голову!

На это викарий достал из кармана шиллинг и сунул его ирландцу.

— На, возьми, да не трудись принимать грех на душу — все равно мы с тобой будем тонуть в разных кон-

цах парохода! А пока еще до того не дошло, будь мужчиной, смотри, сколько здесь женщин, нуждающихся в утешении! Ты же только смущаешь их своими речами. Если бы пришло нам время умирать, неужели бы капитан запер всех нас здесь?! Речь не о смерти, а об опасности для неразумных! Попробуем, друзья, быть благоразумными! Мы еще вместе будем плясать в Дублине, если все будем дружны между собой! Давай-ка лучше ударим по рукам, дружище, еще не пришел час брататься с русалками!

— Воистину так! Чего мы взбеленились раньше срока? Умного человека всегда хорошо слушать. Скажите-ка, высокочтимый, что же мне теперь делать, повашему? — заговорил совсем другим тоном успокоенный ирландец.

— А вот, сколько помнится, есть у вас здесь концертно. Кто умеет, сыграет, а кто может, тот споет. Вот я первый зятю, хотя давно не певал, а надоест петь, станем плясать!

Предложение это всем понравилось, и его тотчас же привели в исполнение.

— Ну, не говорил ли я вам, — обратился доктор Купер к Мюрри Весту, — что этот викарий — славный парень? Клянусь честью, ведь он спас нам этот день! Теперь здесь на часок-другой забавы и веселья хватит, и все они будут спокойны до поры до времени и без нас! Поэтому пойдемте-ка взглянем, что делают наши дамы. Ведь у них нет ни песен, ни пляски!..

С большим трудом, хватаясь за все притолоки и выступы, поминутно сталкиваясь друг с другом, добрались они наконец до общего салона. Большинство дам не расставалось в этот день со своими койками, но Джесси Голдинг и одна из девиц казино находились в салоне и жались друг к другу.

— Смотрите, — сказал доктор вполголоса, указывая на двух девушек, — не говорил ли я, что море — великий демократ и в минуту опасности все равны?

— Неужели это никогда не кончится, эта качка? Я бы, кажется, Бог знает что дала, чтобы очутиться на твердой земле! — воскликнула не то шутливо, не то жалобно Джесси, обращаясь к вошедшим.

— Как вы полагаете, нам здесь не грозит опасность? — спросила молодая актриса, вся бледная и дрожащая.

— Не больше, чем на сцене театра казино! Но на всякий случай я бы вам советовал взять какую-нибудь книгу и развлечься, а не думать о буре и о качке. Всегда лучше заняться чем-нибудь, когда чувствуешь себя не вполне спокойно! — посоветовал доктор.

— Но я не могу ничем заняться! — плаксиво возразила девушка. — Эта мысль так ужасна... так ужасно подумать, что с нами может случиться что-нибудь. Не правда ли? — обратилась она к Джесси.

— Не говорите таких страшных вещей, моя милая, и будьте благоразумны! — отозвалась та. — Если бы что-нибудь случилось, то, я надеюсь, мистер Вест позаботится обо мне!

Мюрри Вест поднял голову и взглянул на нее очень серьезно.

— О, — воскликнул он, — знайте, что я ловлю вас на слове!

Она рассмеялась, точно все это было не более как шутка, и затем добавила несколько скептически:

— Что бы вы могли сделать?

— Это я скажу вам, когда придет время! — ответил он.

Около пяти часов пополудни буря достигла своей кульминационной точки и затем вдруг разом уступила место мертвому штилю, а на следующие сутки, часам к двум пополудни, пароход и вся безбрежная равнина океана потонули в густом белом тумане, настолько непрозрачном, что с трудом можно было различить человека, стоящего в двух шагах. Тщетно светились прожекторы парохода, тщетно завывала сирена, словно жалобный вопль духа мглы, и пассажиры с нескрываемой тревогой осведомлялись, долго ли еще придется ожидать помощи. Прошло более сорока часов со времени катастрофы, и ропот начинал уже явно раздаваться со всех сторон. Капитан Росс за всю ночь ни на минуту не отлучался со своего поста и даже в восемь утра, на другой день, все еще стоял на мостике, когда, словно страшный призрак, какое-то судно вдруг вынырнуло из тумана и в одно мгновение опрокинуло пароход.

Один страшный, душу раздирающий крик повис на мгновение в воздухе над мертвой поверхностью океана, и затем наступило вечное безмолвие могилы.

VIII ГИБЕЛЬ

Мюрри Вест спал, когда раздался глухой удар наскочившего на их пароход неизвестного судна. Но, как бы предугадав, что случилось, он в одно мгновение был уже на ногах. Наскоро накинув на себя платье, он с трудом растолкал своего спящего товарища, который принялся причитать, как женщина, не находя впотьмах ни своей одежды, ни башмаков и умоляя Мюрри не отходить от него. Но Вест, крикнув, чтобы Лэдло скорее выбегал наверх и ждал его у будки рулевого, кинулся к дверям каюты Джесси и других дам и стал стучать в их двери, торопя всех одеваться и бежать наверх.

Джесси проснулась сразу, узнала голос будившего и поняла страшную опасность. Настойчиво принялась она будить свою тетку, отыскивая ее одежду и прося спешить; сама она была в минуту готова и уже мысленно спрашивала себя, где найдет мистера Веста. Между тем Мюрри спешил от двери к двери, приглашая всех бежать наверх.

Когда Лэдло вышел на палубу, весь ужас близкой, неминуемой гибели стал для него ясен. Бледные, растерянные лица женщин, мрачное выражение мужчин, холодное спокойствие экипажа — все говорило о чем-то зловещем. Внизу, где вначале проявились такие беспорядки, теперь царило сравнительное спокойствие. Мужчины стойко ожидали своей участи, женщины с плачем, но покорно повиновались распоряжениям начальства. Всех гнали наверх и там разделяли на группы для посадки в шлюпки. Мюрри нашел Джесси Голдинг у дверей ее каюты. Старая тетка была тут же, но помощник капитана взял ее за руку и толкнул к одной из групп со словами:

— Прошу дам не нарушать порядка!

Джесси осталась с Вестом, который без утайки разъяснил ей, в чем дело:

— На нас наскочил громадный пароход и разбил наш. Пробоина очень велика. Мы можем продержаться на воде всего несколько минут! Если тот пароход окажет нам помощь, то большого несчастья не будет. Взрыва котлов нам нечего опасаться, так как топки у нас погашены, но нам следует держаться в стороне от

толпы, чтобы не быть смятыми в момент гибели. Лодки не могут вместить всех. Если они будут переполнены, то неминуемо перевернутся. Идите за мной, если вы согласны довериться мне!

— Да, да, но только тетя пошла со всеми. Не следует ли и мне идти за ней? Не дурно ли, что мы разлучимся в такую минуту? Как вы думаете, что мне лучше сделать?

— Делайте, как знаете! Я могу только обещать, что попытаюсь спасти вас, но только вас одну, больше я ничего сказать не могу! — спокойно заявил Мюрри и стал терпеливо ожидать ее решения.

Кругом разыгрывались наводящие ужас картины. Люди опрокидывали и давили друг друга, некоторые, в безумном порыве отчаяния, прямо кидались в воду; друзья не узнавали друг друга. Общая паника овладела теперь всеми; ни громовой голос капитана Росса, ни револьверы его офицеров не в состоянии были образумить несчастных. Большая спасательная шлюпка была уже спущена на воду и переполнена до того, что ее начало заливать, но люди все продолжали тесниться.

— Посмотрите, что тут делается! — проговорил Мюрри Вест. — Ведь они все непременно потонут... Я убежден, что настанет время, когда мы заставим эти пассажирские пароходы иметь наготове соответствующее числу пассажиров количество шлюпок. Но в данном случае и это бы не помогло! Если вы думаете, что вам лучше будет на шлюпке вместе с другими, то решайтесь сейчас, я постараюсь достать вам одно из первых мест! Только спешите, ведь третью шлюпку они уже не успеют спустить, за это я ручаюсь...

— Боже правый, что мне делать! — воскликнула девушка голосом, полным невыразимого отчаяния. — Неужели вы думаете, что наш пароход сейчас пойдет ко дну?

— Он уже идет ко дну! Еще минута, и все будет кончено!

И он почти силой потащил девушку к будке рулевого, к стенке которой были прикреплены пробковые пояса и небольшой плот, наполовину пробковый, наполовину деревянный. Не вдаваясь в объяснения, он надел один пояс на Джесси, другой на себя и с лихорадочной поспешностью стал снимать плот, работая, как привычный матрос. В этом плоту он видел единственное

средство спасения, и Джесси разделяла теперь его убеждение. С ее помощью ему наконец удалось спустить его на воду.

— Смотрите, как он великолепно держится на воде! — заметил он. — Умеете вы плавать, дитя? Можете продержаться на воде хоть минуты две? — спрашивал он. — Если да, так бросайтесь в воду сейчас же, не теряя ни секунды... Если только вам дорога жизнь, кидайтесь!

На палубе между тем происходило нечто неопишемое: крики, стоны, вопли и проклятия так и висели в воздухе. Сильные давили слабых, топтали их безжалостно ногами или сбрасывали прямо в море.

Все это видела Джесси, и в ушах ее звенел бешеный, неистовый голос Мюрри, принуждавший ее кинуться в море, чтобы спастись.

— Или прыгайте, или тоните! — кричал он. — Другого выбора нет! Ваша жизнь висит на волоске, еще секунда и уже будет поздно!

Со слабым криком прижалась она к нему, как бы ища у него защиты. Не то чтобы у нее не хватало мужества для спасения своей собственной жизни, но эта черная ледяная вода, это ощущение ледящей стужи пугало ее, затем ей казалось, что от смерти все равно не уйти.

— Я не могу! Не могу... — простионала она молящим голосом. — У меня нет силы!

— В таком случае, я рискну за вас! — сказал Мюрри Вест и, обхватив ее сильными руками, проворно взобрался на борт и прыгнул в море. Джесси почувствовала, как вода ледяной стужей вливалась ей в уши, ощущала во рту горько-соленую влагу и чувствовала, что погружается в воду все ниже и ниже и что какая-то громадная тяжесть тянет ее ко дну. Дыхание сперло у нее в груди и легкие болезненно сжимались. «Это смерть», — решила она, теряя сознание, впадая в какое-то сладкое и приятное забытие. Когда она снова открыла глаза, белый туман заволакивал все и волны тихо качали ее. Она не сразу вспомнила, что случилось, а только почувствовала, что чьи-то сильные руки приподняли ее за плечи и влили в рот что-то крепкое, отчего у нее жгло горло и спирало дыхание.

— Не надо! Не надо! — протестовала она. — Я задыхаюсь, оставьте меня!

Мюрри беспрекословно опустил к себе на колени хорошенькую головку девушки и снова стал жадно прислушиваться, не раздастся ли где поблизости плеск весла или звук человеческого голоса. Но кругом было тихо, как в могиле, какая-то давящая, зловещая тишина облегла все кругом. «Кто же останется жив, чтобы пересказать страшную историю гибели этого громадного пассажирского парохода, кто из всех донесет весть об этом несчастье до газет английских и американских?» — думалось ему. Вдруг Джесси приподнялась и, заглядывая ему в глаза, спросила до неузнаваемости изменившимся голосом:

— Так, значит, пароход пошел ко дну?

— Да, минут пять назад! Мы едва успели спастись от страшного водоворота, образовавшегося на месте гибели парохода. Будем надеяться, что некоторые спаслись. Я видел, как две шлюпки успели уйти!

— Да, да, будем надеяться! — проговорила девушка. — Я не хочу верить, что все утонули. Это слишком страшно!

— Но не будем более думать об этом! Нам теперь надо позаботиться о себе. Мы нуждаемся в данный момент во всем нашем мужестве. Если ветер не усилится, все будет хорошо! Я на всякий случай привяжу вас к плоту, так будет безопаснее. Мы тогда сможем спать.

Джесси была поражена, что он мог говорить о сне в такое время, а между тем для него сон казался еще более невозможным, чем для нее. Все ужасы пережитого крушения надорвали его нервы; она не знала и половины того, что видел и пережил он. Даже этот плот достался ему не даром: ему пришлось отбиваться от десятков смелых пловцов, хватавшихся за плот, грозя ежеминутно потопить его. Вест то и дело отцеплял судорожно сжимавшиеся вокруг его краев пальцы мертвецов, плывших навстречу плоту, отгонял слабых, тонущих, чтобы спасти свою юную подругу, так как плот мог удержать только двоих. Много таких плотов имелось на пароходе, но никто не подумал о них в минуту опасности. Сколько драм разыгралось на его глазах, сколько отчаянных воплей о помощи, о спасении запахло ему в душу! Он видел, как тонул пароход, видел прощальный луч его прожектора, погасшего лишь тогда, когда остов парохода исчез под водой. При этом даже казалось одно время, что и самой цели, которую он се-

бе поставил, ему не дано будет достичь — девушка, которую он хотел спасти, умрет у него на руках, и это наполняло его душу горьким отчаянием. С лихорадочным возбуждением принимался он растирать коченевшее, безжизненное тело Джесси; пот крупными каплями катился с его лица; расширенные зрачки напряженно следили за девушкой, стараясь уловить хоть малейший признак жизни. Вдруг она раскрыла глаза — о как он был рад, но истощение его в этот момент было так велико, что он боялся соскользнуть с плота.

— Вы говорите, что нам можно будет уснуть?! Неужели вы думаете, что мы когда-нибудь опять проснемся? — слабым голосом спросила Джесси после продолжительного молчания. — Мне кажется, что нет, мистер Вест... Ах, Боже, как мне холодно! Как я зябну!..

— Верю, потому-то я и хотел заставить вас выпить коньяку! Это согрело бы вас! Вот весло, попробуйте грести им, движение прекрасно согревает! Будь у нас горячее молоко с крепким ромом, вот было бы хорошо, но этого нам придется подождать. Если только найдется то и другое на пароходе, который нас подберет, я непременно приготовлю вам этот молочный пунш!

Джесси послушно взяла весло и принялась грести изо всех сил; плот повиновался ее усилию, и это развешило ее.

— Чем же все это кончится, мистер Вест, и где это кончится?

— Это кончится на палубе того парохода, который нас подберет. Я не хочу быть пророком, но мне кажется, что туман предвещает нам хорошую погоду, а это для нас чрезвычайно важно... Смотрите, облака рассеиваются... Вот и Большая Медведица показалась на небе... А вот и Полярная звезда... Какая великая тайна, тайна вечности, кроется в звездах, так всегда думалось мне! — сказал Вест и замолк.

Джесси тоже как будто задумалась и даже перестала грести. Некоторое время длилось молчание.

— Мне хотелось бы знать, — спросила она наконец, — что вы делали в Америке, если только этот вопрос не сердит вас.

— Нисколько! Всегда лучше прямо спросить, чем гадать. Я поехал в Америку, как и очень многие, с тем, чтобы составить себе состояние, и я верил, что для это-

го надо часто менять свой род занятий, к чему меня, впрочем, вынуждали сами обстоятельства. Когда-нибудь я напишу для вас книгу, где опишу подробно карьеру человека, высадившегося в Нью-Йорке с шестью долларами в кармане, и вы увидите, как такой человек принужден бывает ко всему приложить свои руки: добывать руду, возить тачку, вести счета миллионера, стряпать в кухне постоялого двора, закладывать новый город, пускать в ход бумаги, играть на бирже, словом, пережить полную жизненную мелодраму и выйти из нее, унося свою шкуру и богатый опыт. Ну а теперь позвольте мне в свою очередь задать вам один вопрос. Что заставило вас называть меня негодяем? Неужели вы сделали это без всякого основания? Не отрицайте этого, я отлично знаю, что вы меня так называли. Вы не поверите, с какой готовностью люди спешат сообщить своим ближним все обидное и неприятное! Я узнал об этом в тот самый вечер, когда вы в первый раз называли меня обидным словом. Теперь скажите, почему вы это сделали?

— Я не стану оправдываться, но скажу, что мы прозвали вас так из-за тех ваших приятелей. Как вам кажется, не заслуживали они такого названия?

— Быть может, до известной степени... Я не люблю судить поверхностно о людях! Иногда даже приличные люди из-за денег делают весьма странные вещи. Ричарда Маркса я сегодня не стану судить потому, что над ним теперь есть другой, более нелицеприятный судья: его уже нет в живых, мисс Голдинг!

При этих словах Веста Джесси невольно вздрогнула и на время смолкла.

— Да, да, вы правы, мистер Вест! Я также не стану никого осуждать сегодня... Я, право, глубоко сожалею о том, что я сделала! Верьте мне, глубоко сожалею!..

— Не сожалейте... Вскоре мы лучше узнаем друг друга и лучше поймем! Первое впечатление о людях часто бывает обманчиво... А знаете ли, что все, что с нами случилось, я предвидел и заранее все подготовил? Теперь все случилось именно так, как я ожидал и рассчитывал. Не странно ли, в самом деле?

— Неужели и я играла роль в этих ваших расчетах и предположениях?

— Да, без сомнения, и даже главным образом вы! Когда я, наконец, нашел этот плот, я сказал себе: вот

это именно то, что нам нужно, это не перевернется ни от какого ветра, и хотя удобств на плоту мало, но Джесси придется примириться с этим!

— Вы сказали «Джесси»?

— Да, я позволил себе эту вольность. Мне казалось, что в такой обстановке все условности становятся излишними и неуместными, и я сказал себе: буду называть ее Джесси, а она меня Мюрри, а затем, когда мы снова очутимся в обществе людей на каком-нибудь пароходе, ничто не помешает нам стать чужими друг для друга. И все это будет весьма интересно: она поспешит в Лондон венчаться с лордом Истреом, а я отправлюсь ко всем чертям. Быть может, эти пути, в сущности, не далеко расходятся, но, конечно, я не должен этого говорить. Важнее всего было сохранить жизнь, но я мог сделать лишь очень мало в тех условиях, в каких находился. Мне необходимо было скрывать свой план. Я хитростью достал две банки мяса в консервах и небольшое количество сухарей: их у нас на пароходе почти вовсе не было, да вот еще бутылку коньяку, да эту флягу пресной воды. Вот все наши запасы. Теперь необходимо вам закусить для поддержания сил. Я распушу немного веревки, которыми мы привязаны к плоту, — перерезать их я не решусь, так как трудно предвидеть, что может случиться: надо быть осторожными в нашем положении!

С этими словами он достал из большой кожаной сумки жестянку с мясом и несколько сухарей и, приготовив из них тартинку, передал ее Джесси. Между тем легкий южный ветерок постепенно развеял густой белый туман, и высокое звездное небо раскинуло над ними свой шатер. У Джесси стало как-то легче на душе.

— Право, — сказала она почти весело, — это настоящий пикник на Хидсоне! Я в восхищении от этого вяленого мяса, особенно когда его приходится раздирать пальцами! Но как это было предусмотрительно с вашей стороны! Какой вы, право, разумный и заботливый человек!

— На что же, в сущности, и нужны мужчины, как не на то, чтобы думать и за себя, и за женщину?! Думающие женщины, согласитесь, в настоящее время редкость. Женщина кажется нам мила и прекрасна именно тогда, когда она ни о чем не думает. В Америке женщины никогда не думают, они делают

все, что им взбредет в голову, а после сожалеют о том, что сделали. Мне нравится в американках именно их беззастенчивость; нет ничего такого ни на небе, ни на земле, к чему бы молодая американка питала уважение, за исключением только своей портнихи и модистки. Вы представляете собой совершенно новое явление — существа беззаботного, бессодержательного, бездушного и почти всегда опасного, но удивительно привлекательного и прекрасного... Выпейте коньяку, я прописываю его вам как лекарство, и вы должны меня слушаться!

Она послушно выпила все до капли и затем воскликнула:

— В таком случае вы, конечно, никогда не женитесь на американке, мистер Вест!

— Конечно, нет, при нормальном порядке вещей, но прошу вас, не называйте вы меня мистер Вест, меня зовут Мюрри!

— Ну, так мистер Мюрри!..

— Зачем же «мистер»? Это совершенно лишнее!

— Но мне так неловко, так странно!

— Ничего, привыкните. Ну, попробуйте!

— Что же вы называете нормальным порядком вещей?

— То есть я буду в здравом уме и рассудке, а американка — обычный тип молодой американки — белокурая, миловидная, болтливая, экспансивная, легкомысленная и пустая. Но при этом самонадеянная, не способная к привязанности и любви и недостойная любви — вот это обычный тип американской девушки!

— Вы так думаете? Ну, я с вами не согласна! Я уверена, что они умеют любить, и это их лучшее качество. Кроме того, американские девушки умны, — продолжала она, — этого никто не может у них отнять. Они самостоятельны, не боязливы, всегда сумеют сами за себя постоять. Когда мне было восемнадцать лет, я одна ездила из Рима в Лондон и обратно. Молодой англичанке понадобились бы на такое путешествие две тетушки да четыре кузена. Мы ни на кого не обращаем внимания, и это многих сердит. Мы умеем одеваться и знаем, что нам к лицу. Мы любим удовольствия и увеселения — да, я этого не отрицаю, но это не мешает нам также любить свою семью, свой дом, свою родину. В Америке вы встретите больше истинной се-

мейной жизни, чем где-либо. Мы богаты, и это возбуждает к нам зависть, но будь мы бедны, вы все равно не больше бы любили нас! Но нам, американкам, это безразлично, могу вас уверить. Почему же, скажите, если вы, англичане, такого мнения о нас, почему не женитесь у себя дома, а едете искать себе жен у нас, в Америке? Когда я приеду в Лондон... О, Боже, будет ли это когда-нибудь! Я скажу лорду Истрею то, что вы мне сейчас сказали про американских девушек, и если он думает о них так же, как вы, то я немедленно вернусь в Нью-Йорк.

— Если даже он и думает так, то, наверное, не скажет вам этого. Ведь он прелестный, благовоспитанный господин, и я был бы крайне удивлен, услышав, что он обладает способностью размышлять и думать. Но это, конечно, его личная выгода и никто не думает ее оспаривать, а наша личная выгода в настоящий момент — это быть принятыми на какой-нибудь пароход, хотя и здесь никакая беда до поры до времени нам не грозит. Смотрите, как море спокойно и как небо ясно. Они как будто улыбаются нам и говорят: «Мы готовы помочь вам».

— Да,— сказала Джесси,— но знаете ли, мистер Вест...

— Ах, пожалуйста, только не «мистер Вест»!

— Ну, так Мюрри! Я привыкну со временем называть вас Мюрри. Знаете ли, что мы с вами наговорили бездну разных глупостей, и я даже скажу почему: вы все время старались заставить меня забыть о нашем положении. Но подумайте только!..

— Ах, Бога ради, не думайте об этом! — прервал он. — Об этом надо совершенно забыть... Постарайтесь заснуть, несколько часов сна возвратят вам прежнюю бодрость и силы!

— Заснуть! О, Боже, да разве я в состоянии заснуть? — вырвалось у нее из груди каким-то воплем, в котором сказалось все то, что она старалась скрывать. Этот вопль, словно ножом, полоснул Мюрри по сердцу, но он сделал вид, что не слышал его.

— Мы будем нести вахту, как моряки на море, сперва выпитесь вы, а когда проснетесь, то будет моя очередь вздремнуть. Пусть моя грудь заменит вам подушку, не стесняйтесь, отбросьте все эти условности

и постарайтесь скорее заснуть. Вот так!.. Вы озябли, погодите, я сейчас укурю вас!

— Но вы сами озябли, ваши руки холодны как лед!

— Обо мне не заботьтесь, я совершенно не вхожу в расчет... У меня пищеварение страуса и кожа полярного медведя, мне ничего не сделается, если я немного подрожу. Прошу повиноваться. Я капитан этого судна!

Джесси с минуту оставалась в нерешимости, затем послушно положила свою головку к нему на грудь и закрыла глаза.

Он теснее притянул веревки, привязывавшие их к плоту, скинул с себя клеенчатый плащ и накрыл им ее, набросив сверху еще и большой брезент, который находился на плоту, когда он спускал его на воду. Другой защиты от холода и непогоды у них не было.

Успокоившись наконец тем, что сделал все возможное, он прижал к своей груди девушку, дрожавшую, как осиновый лист, и сказал:

— Теперь моя очередь дежурить, и чем скорее вы уснете, тем скорее настанет и моя очередь отдыхать. Ведь вы будете послушны, Джесси, дитя мое?

— Да, Мюрри, буду! — отозвалась она, и ей почему-то было особенно приятно ответить ему так, а не иначе. Ей казалось странно, жутко и вместе с тем приятно лежать в его объятиях, на груди у человека совершенно чужого. Мало-помалу она впала в полудремотное состояние, особенно отрадное, в котором совершенно утрачивалось сознание и времени, и места и хотелось только отдыха и покоя! Наконец, она уснула. Ей приснилось, что она одна носилась по морю, а он куда-то скрылся; она звала его со слезами и мольбой, но никто не отзывался. Нигде кругом не было видно судна, только мрачная, неумолимая фигура богини судьбы неслышно пролетела мимо...

Но все это был сон. Мюрри сидел неподвижно, точно каменное изваяние, и только красноватый огонек его трубочки одиноко вспыхивал во мраке. Ни один человек, следя за ним, не мог бы сказать, какие чувства и побуждения владели его душой — любовь или ненависть, отчаяние или надежда, страдание или спокойное довольство. На его неподвижном лице не отражалось ничего. Время от времени он окидывал горизонт тем особым испытующим и проницательным взглядом, какой усваивают себе люди, которые много охотились

и за которыми много охотились другие, преследуя их. Затем взгляд его падал на детское личико, покоившееся у него на груди, и, бессознательно прижимая стройную, хрупкую фигурку девушки еще ближе к сердцу, он снова впадал в свое прежнее состояние непоколебимого спокойствия и бесстрастия фаталиста. Так застал его рассвет, бледный рассвет тусклого пасмурного утра, развернувший перед ним беспредельный простор океана, расстилавшегося до края горизонта и к югу, и к северу, и к востоку, и к западу. Плот беспомощно несло по волнам в тысяче милях от земли.

IX ГОЛУБОЕ ОБЛАКО

Капитан Кинг лежал вытянувшись на красном бархатном диване своей каюты. Было обычное время капитанского чая и более или менее оживленной беседы со старшим помощником, расчетов, вычислений и различных соображений.

Пробили две склянки. Сейчас должен был явиться Фентон, старший помощник капитана, «единственный толковый и способный офицер на судне», как говаривал Кинг. С обеденного часа и до этого времени никто не смел приблизиться к капитанской каюте. Люди говорили, что он предавался созерцательному блаженству, для чего требовалось только пропустить третью рюмочку доброй настойки, четвертая же рюмка уже влекла за собой в большинстве случаев приступ дикого бешенства. С руганью и бранью выбегал он наверх с большим арапником в руке, беспощадно хлеща им направо и налево, мечась по палубе, как помешанный, рассекая в кровь щеки и плечи людей, которые с воем и плачем, словно бабы, разбегались от него во все стороны. Маленький щедедушный человечек, он обладал приемами и силой завзятого силача и буяна; его злые глаза, изуродованная левая рука, грубая ругань и громовой голос дали ему такую власть, какой мог бы позавидовать самый рослый великан-силач. Все и вся перед ним дрожало и трепетало. Никто не смел даже заикнуться о жалобе или суде.

Трудно поверить, что такое могло твориться в нача-

ле XX столетия на большом океанском пароходе, что такие беспричинные зверства оставались совершенно безнаказанными. Но дело в том, что это надежное, крепкое океанское судно было приобретено контрабандистами Венесуэлы для доставки оружия. В тот момент, когда мы встречаем его, готового улепетнуть от каждого военного судна, которое покажется на горизонте, будь оно американское, венесуэльское или британское, на нем царила, по-видимому, тишина и порядок. С экипажем, набранным из людей всех наций и племен, начиная со шведов и немцев и кончая неграми и мулатами, капитану Кингу нечего было опасаться серьезного возмущения экипажа, так как побои, выпавшие на долю негра, не возмущали немцев и шведов, а истязания шведов и немцев вызывали лишь озлобленное чувство плохо скрытого злорадства в сердцах чернокожих. Поэтому капитан Тэд Кинг нередко бегал как безумный по палубе и хлестал большим арапником правых и виноватых. И никто не смел воспротивиться ему, кроме Фентона, вечно молчаливого и спокойного Фентона, который никогда не возражал, никогда не спорил с ним, а только смотрел на него своими большими честными глазами, взгляда которых Кинг не мог выносить, словно эти добрые, серьезные глаза жгли его, прожигая насквозь его душу. Никто никогда не слышал, чтобы Фентон не только пригрозил кому-нибудь, но даже просто повысил голос, а между тем Кинг боялся его и никогда не осмеливался поднять на него руку, зная, что первый такой удар был бы и последним, который ему пришлось бы нанести в своей жизни,— и он остерегался.

Итак, капитан Тэд Кинг полулежал в своей каюте, под рукой у него стоял наполовину опорожненный графин водки. На нем был новенький щеголеватый мундир и сдвинутая на затылок капитанская фуражка с золотым галуном на околыше; на коленях лежала книга, но он не читал ее, а только делал на полях какие-то вычисления. Он высчитывал возможные барыши, которые могли выпасть на его долю, когда оружие будет благополучно сдано им кому следует. Выходило так, что на его долю могло прийти до десяти тысяч фунтов, на долю же Фентона — не более трети этой суммы. Но при этом он начинал уже обдумывать, как бы ему обчислить своего помощника и часть его прибыли при-

своить себе. «Да, это непременно надо будет устроить»,— решил он, но пока что его насыщенный винными парами мозг не мог подсказать, как это сделать.

В этот момент к нему подошел Фентон—старый моряк, несколько угрюмый и молчаливый, но прямодушный и добросердечный. Вопреки своему обычаю, он на этот раз заговорил первым:

— Пришел доложить вам, сэр, что у нас под ветром мною замечено какое-то горящее судно. Надо полагать, видна струя дыма над водой!

— Ну и пусть себе! Какое мне до этого дело? Ведь не я горю. Пусть горит! Не стану я бегать наверх из-за каждого пустяка!

— Дело в том, сэр, что на том судне есть живые люди, мужчина и женщина, если не ошибаюсь!.. Прикажете остановить машину и выслать шлюпку?

Капитан Кинг грубо рассмеялся.

— Вам бы родиться девчонкой, Фентон! Юбка бы вам хорошо пристала. Вы думаете, я стану терять целые сутки, чтобы вылавливать разных потерпевших крушение, когда каждый час дорог? Пусть они горят или тонут, мне все равно!

Фентон взглянул на него с нескрываемым презрением и заявил со спокойной решимостью:

— В таком случае я сам отдам приказание! Люди только того и ждут. Вам самим плохо с ними придется, если вы этот раз не уступите их желанию, помяните мое слово!

— Что? Эти свиньи показывают зубы? Укажите мне того негодяя, который осмеливается это делать! У меня есть где-то добрый арапник, припасенный для них... Дайте мне руку, чтобы я мог опереться на нее... У меня каждый раз схватывает спину, когда я резко встаю.

Выйдя на мостик, капитан увидел группу матросов, с тревогой смотревших на тонкий столб дыма, вздымавшийся к небу на расстоянии каких-нибудь полутора миль. Младший офицер, некий Кэлли, еще совсем мальчик, также навел свой бинокль.

— Я ничего не могу рассмотреть, сэр! — сказал он, когда капитан и его старший помощник приблизились к нему.

— Всего лучше спустить шлюпку и узнать, в чем дело! — спокойно заметил Фентон.

Капитан сделал вид, будто не слышал его.

— Быть может, старый полуобгорелый бочонок, не более того! Вы скоро станете гоняться за илом! С чего вы взяли, что там есть живые люди?

— Я это видел своими глазами, сэр, я и сейчас вижу, что там стоит человек, мужчина!

Экипаж, теснившийся тут же, явно волновался.

— Вот, вот, и я тоже вижу! И я! Конечно, это живой человек... Ну, ну!

Среди моряков, будь то офицеры или матросы, честные люди или негодяи, безразлично, нет почти никого, кто бы не был во всякое время готов помочь потерпевшим крушение, даже с опасностью для собственной жизни.

— Лучше спустить шлюпку и делу конец! — повторил еще раз Фентон.

— Прекрасно! — согласился на этот раз капитан, и звонок в машине громко зазвонил, предписывая остановить ход машины. Люди засуетились, спуская шлюпку, и, хотя ветер был свежий и море волновалось, все же им удалось сделать это ловко и проворно. Шесть человек команды под начальством молодого Кэлли сели в шлюпку; но последнее напутственное слово капитана было угрозой:

— Если вы не возвратитесь через час, я предоставлю вас самим себе! Этим лентяям и бездельникам полезно будет поработать. Знайте, что я уйду, если вы не вернетесь вовремя!

Он простоял еще несколько минут, пока шлюпка, ныряя между волнами, не скрылась из вида, и затем вернулся в свою каюту, крикнув на ходу, чтобы ему принесли чай. Когда мальчик, прислуживавший ему, пробежал мимо него с подносом и чайным прибором, капитан Кинг толчком швырнул его с лестницы, послав вдогонку и чайник с кипятком. Десять минут спустя он уже опять был на мостике и метался из стороны в сторону, как разъяренный бык, и его неразлучный товарищ, длинный бич, свистал в воздухе и чуть было не задел уха Фентона, прожужжав всего в нескольких вершках от него.

С быстротой молнии обернулся помощник капита-

на и занес угрожающим жестом бинокль над его головой.

— Еще немного, и я швырнул бы тебя в море, пьяная скотина! Пошел в свою каюту! Слышишь?! — грозно прозвучал над самым его ухом голос Фентона.

Невольно попятившись назад, Кинг прислонился к стенке рубки и, едва держась на ногах, заплетающимся языком стал как бы оправдываться:

— Разве я задел вас? Пустяки! Я только пошутил, вы это знаете... вы уж слишком обидчивы, Фентон... Я только пошутил... Где же шлюпка? Что они делают, эти негодяи, бездельники?

— Вон они возвращаются, и с ними в шлюпке мужчина и женщина, как я и говорил.

— Женщина? Откуда тут может взяться женщина? Вы лжете!

— Значит, я этому научился у вас! Смотрите сами!

— А ведь и вправду женщина, разрази меня гром на этом месте, если это не женщина... Что мы с ней будем делать, Фентон? Женщина для того, чтобы быть утехой и отрадой моей старости! Ха-ха-ха! Вот так случай!

Фентон повернулся и отошел в сторону. Минуту спустя он услышал, как капитан распоряжался приготовить каюту для приезжей и затем сам отправился приводить себя в порядок. Между тем марсовый уже окликнул шлюпку, и Фентон скомандовал спустить трап.

— Пусть кто-нибудь из вас поможет внести барышню, — сказал он, и сию же минуту явились десятки охотников. Матросы всего света всегда любят оказать помощь женщине и приласкать ребенка; в этом отношении эти часто грубые и угрюмые люди чрезвычайно мягкосердечны.

— Спасибо, спасибо, ребята! — благодарил их Вест, с трудом взбиравшийся наверх по трапу, неся бесчувственную девушку на руках. — Если бы вы только знали, что это было! Девять часов мы провели в воде. Этот голубой дым был бенгальская свеча, которую я засунул в карман еще накануне катастрофы. Я обернул ее своим платком, чтобы она сильнее дымила. При солнце дым виднее огня, не так ли? Благодарю вас, друзья, у вас, верно, найдутся теплые одеяла и горячий пунш... Мы, видите ли, промокли до костей. Да, барышня скоро оправится, ей только надо согреться. Есть у вас здесь на судне женская прислуга? Есть, негритянка! Ну, пре-

красно! Пусть она ее разденет и разотрет хорошенько... Мы, мужчины, так неловки, у нас руки что железные болты. Это ваш капитан? Нет? Я желал бы, конечно, поблагодарить его!

Но он едва держался на ногах, так что Фентон вынужден был поддерживать его, чтобы довести до предназначенной ему каюты.

Джесси была в обмороке, но этот обморок не внушал никаких опасений: она лишилась чувств в тот момент, когда к ним подходила шлюпка. Заботливый уход старой негритянки вскоре привел ее в сознание; она открыла глаза и прежде всего спросила о Мюрри.

Девушка, приподняв с подушки головку, в недоумении оглядывалась; кругом все незнакомые, чужие лица. Она еще не сознавала, что теперь ей не грозит опасность, что она спасена; все ее пугало, все внушало страх.

— Кто это? — спросила она у старой негритянки.

— Это наш капитан, наш добрый капитан! — залепетала старуха, моргая глазами.

— Так прогоните его вон из моей каюты! Прогоните сейчас же!

— Не бойтесь, мисс, вы теперь моя гостя! — заговорил капитан Кинг, несколько смущенный. — Клянусь честью, я весьма рад! Скажите только слово — все мое судно будет в вашем распоряжении. Не желаете ли распить теперь бутылочку шампанского? У нас найдется!

— Уходите вон! Уходите! Сейчас же! — крикнула ему Джесси возмущенным, негодующим тоном.

— Хорошо, хорошо! Я хотел только угодить вам, чем могу! Вы не бойтесь послать за мной, как только я вам понадобится, а теперь я пойду навестить вашего приятеля. Или это ваш брат? Ну, да это все равно. Бедняга, он, верно, будет рад стаканчику виски после того, как наглотался морской воды. А вы пока будьте здесь, на судне, как дома, да заставляйте эту старую хрычовку пошевеливаться. Лежебокам это весьма полезно! — И приветливо, даже дружелюбно кивнув девушке, очень довольный собой, капитан Кинг вышел и, столкнувшись в проходе с Фентоном, спросил его, куда поместили мужчину.

— В каюте, смежной с моей! — ответил сухо стар-

ший офицер, только что вышедший от Мюрри, который понравился ему с первого же взгляда.

Когда капитан вошел к своему незваному гостю, он нашел его укутанным по самый подбородок теплыми одеялами; стакан горячего пунша дымился подле него на столике у изголовья. Он находился в том возбужденном лихорадочном состоянии, какое обыкновенно сопутствует сильной нервной реакции. После горячей и искренней благодарности, высказанной капитану, Мюрри безостановочно принялся рассказывать ему о постигшей их пароход катастрофе и обо всем, что им пришлось вынести с Джесси. Особенно много распространялся он о Джесси, точно торопясь высказать все, что у него накопело на душе.

Капитан слушал его, сидя на соседней койке и болтая своими коротенькими ножками, как человек, чрезвычайно довольный собой.

— Ну, вот видите,— сказал он наконец.— Я вам сердечно рад, и все, что в наших силах, мы постараемся сделать для вас! Но я иду в Карлстон и, как вам известно, Лондон нам не по пути! Поэтому прошу вас прежде всего сказать мне, кто эта девушка и под каким флагом она путешествует. Без этого я ничего не могу сделать для нее.

Во всякое другое время Мюрри, наверное, задумался бы, прежде чем ответить капитану на его вопрос, но теперь он не вполне владел собою и машинально сообщил капитану всю истину, без всяких утаек.

Капитан Тэд Кинг слушал его с прищуренными глазами, не пропуская ни единого слова, потом сказал:

— Как вижу, вы сильно заинтересованы в этой девушке? Вы ей родней приходитесь, что ли? Какой-нибудь кузен или что-нибудь в этом роде?

И на этот вопрос Мюрри Вест отвечал, ничего не скрывая и не изменяя.

— Вы говорите, что это дочь Голдинга, этого известного железнодорожного короля, миллионера! Надо думать, что старик даст порядочный куш за ее спасение, хэ?

— Я в этом несколько не сомневаюсь! — отозвался Мюрри.— Мало того, вы получите от меня лично за это пятьсот фунтов!

— Это весьма приличная сумма. Но имеете вы ее при себе?

— Если бы я не имел ее, то не мог бы и предложить вам! Так обсудите все это хорошенько, а завтра дайте мне решительный ответ. Я смертельно устал... мне необходимо поспать!

Капитан Кинг понял намек и направился к двери. То обстоятельство, что на его судне находилась мисс Голдинг, дочь железнодорожного короля, одного из первых богачей Америки, вызывало в его воспаленном мозгу целый рой самых диких и несообразных мыслей.

— Прекрасно, я все это обдумую и увижу, что тут можно будет сделать! А вы выспитесь хорошенько. Судя по вашему виду, вы в этом очень нуждаетесь!

Он вышел, и Мюрри, повернувшись лицом к стене, почти тотчас же заснул крепким, тяжелым сном. Когда спустя часов десять он проснулся, то ощущал только сильную слабость, как после продолжительной болезни, но голова его была совершенно свежа и, перебирая воспоминания вчерашнего дня, он пришел в ужас от той откровенности, с какой он, всегда столь недоверчивый и осторожный с незнакомыми ему людьми, говорил с капитаном.

— Ребенок и тот был бы разумнее и сдержаннее меня! — укорял он себя. — Этот человек — настоящая акула. Он все время только о том и помышлял, как бы выжать побольше денег у ее отца. Как она себя чувствует теперь? Славная девушка, редкая девушка!

Он подавил вздох и протянул руку к своим часам, которые кто-то заботливо повесил у изголовья.

— Как видно, все-таки честные люди, часы целы! — Затем он сунул руку под подушку и достал оттуда свой кошелек. Раскрыв его, он пересчитал деньги, они были все целы. — Желал бы я знать, каков этот маленький капитан? Думается мне, что он негодяй!

Кто-то приотворил дверь его каюты, и он увидел нерешительно просунувшуюся в щель голову Фентона, видимо не решавшегося войти без приглашения.

— Входите, входите! — крикнул Мюрри. — Я рад видеть человеческое лицо. Вы, полагаю, старший офицер на этом судне?

— Да, именно, — отозвался Фентон, входя и тщательно запирая за собой дверь. — Ну, как вы себя чувствуете сегодня?

— Благодарю, я спал прекрасно, и в настоящее время мне недостает только одежды и стакана кофе. Не

может ли кто-нибудь ссудить меня платьем, пока мое просохнет?

Фентон приблизился к кровати, пряча что-то в руке; в его манерах было что-то странное, он, видимо, затруднялся, выбирая слова.

— Я полагал, что вам будет приятно поговорить со мной,— сказал он.— Капитан теперь у себя, а потому нам никто не помешает!

В этих совершенно обычных словах Мюрри, однако, сразу уловил их настоящий смысл и значение. Этот человек хотел сообщить ему нечто секретное и, вероятно, имеющее значение для новых пассажиров парохода.

— Я вам очень благодарен. Если не ошибаюсь, такого сорта люди, как капитан, бывают гораздо лучше, когда спят!— пошутил он.— Судя по его словам, вы идете в Карлстон, так что мы находимся вне пути пароходов, идущих в Лондон. Это для меня крайне прискорбно, так как я обещал мисс Голдинг доставить ее в Лондон возможно скорее.

Фентон сидел теперь на том самом месте, где вчера сидел капитан Кинг.

— Да, вам это должно быть весьма прискорбно!— с загадочной улыбкой подтвердил он.— Если вы думаете попасть в Лондон, то вы вряд ли туда попадете. Что же касается нашего места назначения, то его можно, пожалуй, назвать и Карлстон, и как хотите, с одинаковым правом!

— Значит, вы идете не в Карлстон?

— Одному Богу известно, куда мы идем, вам остается только попытаться убедить капитана высадить вас на Мартинике.

— Как?! Он намерен зайти на Мартинику?

— Он проговорился об этом, будучи пьян. В сущности же ничто никому не должно быть известно!

— А-а... так он напивается?

— Да еще как! Говорю вам одно: пусть ваша барышня не попадается ему на глаза в такое время; тогда ни за что поручиться нельзя!

С минуту Мюрри молчал.

— Моя фамилия Вест!— сказал он, немного погодя.— А как ваша?

— Меня зовут Джек Фентон!

— Благодарю. Теперь позвольте мне попросить вас

одолжить мне платье, если возможно. Я желал бы одеться!

— Платье я сейчас пришлю, а вот еще нечто для вас весьма необходимое. Эту записную книжку мы нашли в кармане вашей куртки, а вот и ваш револьвер. Мой совет держать его постоянно заряженным при себе: он вам может очень понадобиться!

Х

КАПИТАН КИНГ ЗАДАЕТ ВОПРОС

Утро было дивное, ясное, солнечное, море спокойное. Джесси вышла на палубу, когда было еще очень рано, и глаза ее стали разыскивать знакомую фигуру Мюрри. Увидав его наконец близ будки рулевого, она побежала к нему с распростертыми объятиями, радуясь, как ребенок, этому знакомому лицу, которое успело в короткое время стать для нее близким и дорогим.

— О, Мюрри! Что за счастье! Как хорошо жить! — воскликнула она, протягивая ему обе руки, и вдруг на сияющее радостью личико ее набежала тень. — Нет ли каких известий об остальных? — спросила она. — Что думает капитан, удалось им спастись? Ах, если бы мы только могли знать!..

Мюрри с минуту удержал ее руки в своих, затем, взяв ее под руку, стал ходить с нею взад и вперед по палубе, стараясь успокоить ее.

— Мы узнаем это тогда только, когда высадимся где-нибудь на берег! Но я надеюсь, что им была оказана помощь! Мне думается, что женщины и дети, во всяком случае, спасены. Но что меня заботит в настоящее время, так это наше теперешнее положение. Судно это идет в Карлстон, так, по крайней мере, утверждает капитан, а это вовсе не по пути в Лондон, и если мне не удастся уговорить его пересадить нас на какое-нибудь другое судно, то мы не скоро туда попадем. Впрочем, вы должны согласиться, что я сделал все, что только было в моих силах!

— О, тысячу раз да! — воскликнула Джесси, затем, помолчав немного, она лукаво спросила, глядя на него искоса:

— Разве вам так хочется, чтобы я поскорее очутилась в Лондоне?

— Почему вы спрашиваете меня об этом? — сказал Мюрри, не решаясь взглянуть на нее.

— Потому, что вы сами вынуждаете меня на этот вопрос! За все то время, что мы с вами, я только и слышу, что про Лондон: «мы попадем в Лондон», «мы опоздаем в Лондон», «когда вы приедете в Лондон»! Что же касается меня, то, право, меня Лондон теперь мало интересует, мне теперь важно только одно — что я жива, что мы живы!

— Ну, да, конечно, это вполне естественно! Вы так благодарны судьбе, что забываете обо всем остальном, — сказал Мюрри, — но на мне лежит обязанность по отношению к вам. Вы в настоящее время должны смотреть на меня, как на друга, на брата, на отца, если хотите, на этом основании я буду требовать от вас послушания. Вы знаете, что я человек положительный, для меня ясно, что моя обязанность препроводить вас в Лондон и сдать там на руки вашим родным или лорду Истрею. Я предпочел бы первое, но, пожалуй, можно будет удовольствоваться и вторым!

— Отчего вы всегда отзываетесь о нем так пренебрежительно? — спросила Джесси.

— Боже меня упаси! Я и не думаю этого делать. Монктон-Кэстл — чудное место, настоящий дворец, с картинной галереей величиной с ипподром, с таким множеством великих имен, что они могли бы составить художественную репутацию целому городу. Всего иметь невозможно, Джесси! Если вы чувствуете себя способной занять это высокое положение, то вы поступите благоразумно, заняв его. Главное, чтобы выбор ваш был свободен и независим от постороннего влияния или временных впечатлений данных обстоятельств. Теперь вы находитесь под свежим впечатлением тех небольших услуг, какие мне посчастливилось оказать вам, но когда будете в Лондоне, среди ваших друзей, впечатления эти сгладятся, и вы сумеете дать моим заслугам их настоящую оценку! Вот этого-то я и хочу! Когда вы останетесь одни, без меня, ваше суждение будет более свободным!

— Так вы хотите оставить меня?

— Да, это решено бесповоротно! Так будет лучше для нас обоих!

Он почувствовал, как маленькая ручка на его руке задрожала и тоненькие пальчики, почти ласково касавшиеся его кисти, тихонько отдернулись. Мюрри, кажется, отдал бы годы своей жизни за то, чтобы схватить в объятия эту стройную фигурку, прижать ее к своей груди и страстным шепотом прошептать признание в любви, которую он только благодаря своей железной воле умел сдерживать и подавлять. Но это значило бы воспользоваться преимуществами настоящей минуты, а он не хотел этого. Если бы это было в Лондоне, дело другое; но там она будет под влиянием своих друзей, которые будут говорить ей о святости брака, о Божьем благословении и Божеском вмешательстве в брачные дела, и, как знать, быть может, она не в силах будет устоять против этих внушений и в силу этих обстоятельств станет женой лорда Истрей.

От одной этой мысли живой родник вновь открытого счастья в душе Мюрри Веста иссякал разом, и он становился бесстрастным, как мрамор.

О чем же думала теперь Джесси, идя молча рядом с этим странным, таинственным человеком? Она думала о нем и о себе, о своих чувствах к нему. Чувство благодарности к нему брало в настоящее время верх над всеми остальными ее чувствами. Тайна, какой он окружал себя, привлекала девушку, но ее смущало, что в этом было что-то такое, что связывалось со смертью ее брата Лионеля. Это однажды запавшее в ее душу подозрение как бы оставило в ней тень сомнения в его правдивости. Если бы она знала, что Мюрри был участником, хотя и пассивным, той страшной драмы, то, вероятно, никогда не сказала бы с ним двух слов. Но ее мучила мысль: отчего он так упорно избегает говорить о смерти Лионеля? Кого он укрывает? И лишь в те редкие минуты, когда ей удавалось отогнать эти докучливые вопросы, душа ее всецело отдавалась этому сильному, мужественному и решительному человеку, железная воля которого покоряла ее. Никогда еще ни один человек не имел на нее такого влияния, не внушал ей такого уважения. Расскажи он ей хотя бы о части своей прошлой жизни, успокой ее сомнения и опасения, она открыто протянула бы к нему руки и, не стыдясь, сказала бы: «Я люблю тебя!» Но его упорное желание окружать себя непроницаемой тайной лишало ее даже надежды когда-либо сдернуть эту завесу.

Выйдя из своей каюты утром, капитан Кинг застал их вместе. Лицо его гневно нахмурилось, и, когда Джесси прошла к себе, чтобы переодеться, капитан обратился к Мюрри со своим обычным утренним приветствием:

— Ну, что, любезный, что вы виснете на ней?

На это Мюрри обернулся с таким видом, как будто кто спустил над самым его ухом курок. Он не мог себе уяснить ни самого этого вопроса, ни значения его.

— Это вы ко мне обращались?— спросил он с недоумением.

— Да, к вам!

Мюрри отступил на шаг и смерил его взглядом с головы до ног.

— Ах ты, дерзкая собака! Да как ты смел!..— он не закончил, не находя слов для выражения своего гнева.

Но Кинг, подступив ближе, занес свой кулак и прычал сквозь зубы:

— Ну, пошел, и пока девушка будет здесь, на судне, не смей близко подходить к ней, а не то смотри! Со мной шутки плохи... Понял?

— Да, понял!— отвечал Мюрри очень спокойно и не трогаясь с места.— Я вспомнил также, что уже видел вас когда-то. Да, ваше лицо мне очень знакомо! Да!— и он вдруг протянул руку и схватил капитана с такой силой, что тот чуть не закричал.— Да, да, я видел тебя, негодяй, в Сан-Луи, в тюрьме Яворе, ровно год тому назад... Вот где я тебя видел... Хочешь, я расскажу и дальше?..

Но Тэд Кинг как помешанный кинулся в свою каюту, и Фентон видел, как он поспешно принялся там заряжать свои пистолеты.

«Этим двоим тесновато будет на судне!— подумал он.— Недолго они здесь вместе уживутся!»

XI

НАПАДЕНИЕ

В это утро Мюрри уже не видел более капитана и не справлялся о нем. Он вполне сознавал всю опасность своего положения, но, побывав не раз во всякого рода передрягах, не боялся за себя; все его тревоги были исключительно за Джесси. Он был необходим ей, без него

она здесь погибнет, и некому будет заступиться за нее. Единственным честным и порядочным человеком здесь был Фентон; он сразу понравился Мюрри, и когда после завтрака этот молчаливый и угрюмый офицер постучался в его дверь, то он приветствовал его, как доброго товарища.

— Мистер Фентон, я сердечно рад поговорить с вами по душам! Присядьте и будем говорить без утайки. Судя по тому, что мне удалось узнать, вы, быть может, будете даже довольны тем, что судьба привела меня на ваше судно!

— Что касается вас, то я, пожалуй, не стану спорить. Ну а о барышне нельзя не пожалеть, что она попала сюда!

— Да, это так,—согласился Мюрри,—но раз это так, то я спрашиваю вас: что же нам теперь делать? Ведь что я поделаю один против тридцати человек, да еще таких отъявленных парней? Впрочем, надеюсь, Фентон, что вы будете стоять за меня, я на вас рассчитывал!

Помощник капитана утвердительно кивнул головой: он, очевидно, был доволен, что Мюрри Вест говорил с ним так прямо, так откровенно.

— Он уже теперь расправляет когти у себя!—сказал он, многозначительно указывая по направлению капитанской каюты.—Что он в состоянии сделать против вас в пьяном виде, это трудно предвидеть, только предупреждаю вас еще раз, это страшно опасный человек. Смотрите в оба! Да, вот еще! Не дай Бог, чтобы он высадил вашу барышню в Каракасе, там ей не уцелеть... Нет, нет! Я это знаю!

— Вот что, Фентон,—проговорил Мюрри Вест,—я надумал подкупить весь экипаж, если только его можно купить. Деньги будут выплачены им в Лондоне или Нью-Йорке, смотря по обстоятельствам. Вы говорите, что у вас до тридцати человек команды? Ну, так я предложу им по сто фунтов на каждого, что составит три тысячи фунтов. Как видите, предложение приличное. Надеюсь, эти люди польстятся на него. Впрочем, вы лучше можете судить об этом!

Фентон на минуту призадумался; такая мысль не приходила ему в голову, и потому он в первое время не знал, что сказать.

— Мысль ваша недурна,—одобрил он наконец,—

но какого рода обеспечение представите вы им? Вряд ли они поверят одному вашему слову. Это такого рода сброд, что для них пять долларов в руки больше значат, чем пятьдесят тысяч фунтов в будущем. Кроме того, не забывайте, что вам прежде всего надо будет считаться с самим шкипером: если он только проведает про это, то быть беде. Подумайте об этом раньше, чем станете говорить с экипажем!

— Будьте уверены, что я его не забуду! Видите ли, у меня при себе около десяти тысяч долларов; половину этих денег я сейчас готов отдать экипажу; насчет остальных они должны будут мне поверить на слово. Взамен обещанного они должны будут обязаться или переправить нас на встречное судно, или принудить капитана высадить нас в одном из портов Вест-Индии. Я выдам вам вексель или обязательство на обещанную сумму, а вы засвидетельствуете этот вексель. Вы же на всякий случай испытайте их, Фентон!

Фентон пообещал и вышел, а Мюрри отправился к дверям Джесси, чтобы объявить, что время пить чай. Девушка проспала почти все это время крепким, беззаботным сном; она так всецело положилась на Мюрри, что не допускала даже мысли, что может возникнуть затруднение, которого он не мог бы преодолеть.

Мюрри ничего не сказал ей, не желая пугать напрасно, а часов в десять вечера объявил, что устал, и пошел в свою каюту. Здесь он не сразу лег в постель, а прежде всего осмотрел, надежны ли стены, пол и потолок каюты, так как ожидал почему-то в эту ночь нападения. Прежде всего он тщательно проверил дверь своей каюты, затем переборки. Все было крепкое, надежное, но над самой койкой находился небольшой, вращающийся на оси иллюминатор. Когда он был поставлен горизонтально, то оставалось вполне достаточно места, чтобы в отверстие можно было просунуть руку. Приняв это обстоятельство во внимание, Мюрри внимательно осмотрел свой револьвер, зарядил его и после того, как вахтенные сменились во второй раз и все на пароходе заснуло, он крадучись, словно вор, выбрался из своей каюты. Затем, скрываясь в тени рубки и других предметов, загромождавших палубу, достиг, наконец, люка машинного отделения и притаился за ним, словно кошка, подстерегающая мышь.

Ночь была превосходная. Дул свежий юго-западный ветерок. Судно покачивалось плавно и равномерно, и хотя не было луны, но звезды проливали на море свой мягкий мерцающий свет. Вот чья-то тень упала на Мюрри, но он не шевельнулся; он только этого и ждал. То был действительно капитан Кинг в клеенчатом плаще с большим капюшоном, скрывавшим почти все его лицо. Он курил сигару и казался чрезвычайно довольным собой. Некоторое время он расхаживал взад и вперед по палубе, несколько раз обращался с вопросами к вахтенному матросу и, наконец, уснул его вниз с каким-то поручением.

Едва тот скрылся, как Кинг крупными шагами направился к каюте Мюрри и, ловко повернув небольшим ножом иллюминатор, проворно просунул в него руку, вооруженную другим, очень длинным ножом, и стал наносить им один за другим бешеные удары по койке, расположенной под окном.

«Так, так!» — едва сдерживая смех, одобрил мысленно его Мюрри. Но вот пьяный злодей вытащил из окна руку и, пригнувшись, стал внимательно прислушиваться к тому, что происходило в каюте.

В этот момент в него выстрелил Мюрри.

Пуля оторвала Кингу пальцы руки, в которой он держал нож, и заставила выронить оружие, которое теперь лежало у его ног и длинное лезвие его светилося.

Град бешеной пьяной ругани посыпался на невидимого врага. Но Мюрри, не желая ограничиться этим и наведя на него свой пистолет, теперь смело вышел на свет. Маленький капитан старался нащупать свой пистолет, но это ему почему-то не удавалось.

— Ах ты, негодный убийца! — крикнул ему Мюрри. — Бросай оружие сейчас же! Сдавайся, не то я буду опять стрелять!

Но пьяный, взбешенный Кинг силился выхватить застрявший у него в кармане пистолет.

— А, если так! — воскликнул Вест. Раздался второй выстрел и, сорвав кончик уха капитана, мгновенно протрезвил его:

— Бога ради, ради самого неба не стреляйте! — взмолился он и бросил свой пистолет.

— Ну, вот так! — сказал Мюрри, подняв оружие и разрядив его двумя выстрелами в воздух. — Теперь пляши, как медведь, пока я не разрешу тебе пере-

стать! — приказал Вест. — Если ты остановишься хоть на минуту, то простишься с жизнью!

И Кинг стал плясать. Он плясал до тех пор, пока от изнеможения и потери крови не лишился чувств и не повалился, как сноп, на землю. Между тем экипаж, сбежавшись на шум выстрелов, стоял кругом, но никто не шевельнул пальцем, чтобы защитить своего капитана. «Пусть себе попляшет!» — говорили они между собой, а когда он упал, тогда-то все дали волю своим языкам. Но Мюрри не стал прислушиваться к их брани, площадным ругательствам и проклятиям, а поспешил к каюте Джесси и разбудил ее.

— Что это? Что случилось, Мюрри? — спросила та.

— Оденьтесь скорее и идите на мостик, там вы найдете меня! — сказал он и с этими словами поспешил сам на мостик, где застал Фентона.

Когда Мюрри объяснил ему, в чем дело, голос его прозвучал ясно и повелительно с высоты капитанского мостика:

— Что у вас делается там, внизу?

— Капитан лежит в полном бесчувствии, сэр! Он не может сказать ни слова! Видно, плохо ему пришлось!

— Внести его в ближайшую каюту, живо!

Десятки голосов, сливаясь в общий гул, говорили и кричали впереमेжку.

— Это пассажир, сэр!.. Пассажир застрелил его, это верно!

— Я сейчас спущусь вниз! Расступитесь вы там! Что тут такое?

Все снова загалдели разом, споря и перебивая друг друга, противореча один другому, как обыкновенно бывает у матросов, когда обращаются к целой группе. Этим гамом воспользовался Фентон, чтобы шепнуть Мюрри:

— Идите наверх в капитанскую или служебную каюту, я пошлю к вам туда и барышню! Вы поступили очень неблагоприятно, мистер Вест!

— Не то что неблагоприятно, а преждевременно, быть может! — поправил его Мюрри.

В этот момент Джесси уже подымалась по лесенке к мостику.

— Что такое случилось, Мюрри? Что с капитаном? Ранен он?.. Зачем вы послали за мной? — спросила она.

— Дело в том, Джесси,— сказал Вест, решившийся сказать ей всю правду относительно их настоящего положения на судне,— дело в том, что этот капитан Кинг хотел убить меня, и я, в сущности, поступил несправедливо, оставив его в живых. Но не в этом дело! Главное то, что положение наше здесь скверное и опасное. Я прошу вас оставаться в этой каюте и не выходить из нее до тех пор, пока я не позволю!

Джесси удивленно смотрела на него; ей казалось положительно невероятным, чтобы женщине на английском судне могла грозить какая-либо опасность.

— Идите, Джесси, в каюту и ждите меня там, я должен говорить с экипажем. Вы не должны быть при этом. Надеюсь, что мне удастся уладить дело.

Она ушла в каюту, а Мюрри подошел к перилам мостика и перегнулся, чтобы видеть, что происходило внизу. До его слуха доносился спокойный голос Фентона и громкий, горячо спорящий голос ирландца боцмана; остальные же стояли молчаливой группой у дверей той каюты, в которую был перенесен бесчувственный капитан.

Молоденький Кэлли стоял среди матросов, но теперь поднялся вверх, чтобы сменить вахтенных.

— Мистер Фентон утверждает, что капитан Кинг не ранен, сэр. Правда это?

— Весьма сожалею, если так! Он старался меня убить.

Кэлли тихонько свистнул и приступил к исполнению своих обязанностей. Между тем люди экипажа один за другим стекались к капитанскому мостику, и Мюрри воспользовался этим, чтобы обратиться к ним со своим предложением.

— Ребята,— начал он,— будьте свидетелями, что во всем этом деле виноват не я! Ваш шкипер, то есть капитан, хотел заколоть меня на моей койке, хотя я не знаю, что я сделал ему. Но вот что я скажу вам: если вы будете стоять за него, то каждый из вас будет вздернут на виселицу, так вы это и знайте, потому что я написал обо всем этом и пустил свой отчет в море, где его выловит первое встречное судно! Об этой опасности не подумал ни ваш шкипер, ни вы! С другой стороны, если вы встанете на мою сторону, каждый из вас получит по сто фунтов в конторе Ллойда— в Лондоне или Нью-Йорке, где хотите! Если вы не согласны, делайте как

знаете; только, думается мне, что вы парни смышленные и поймете, что вам нет расчета служить шайке насильников, которые утопят вас, как только вы сдадите им свой груз! Подумайте об этом хорошенько, до завтра времени много, а поутру вы придете и скажете мне, что надумали. Вот и все, что я хотел сказать вам. Да, еще вот что: пришлите мне сюда вашего баталера или буфетчика, я хочу отдать ему приказание!

Матросы слушали молча, засунув руки в карманы, и только красные огоньки трубок у них в зубах светились яркими пятнами среди окружающего мрака. Затем они стали расходиться так же тихо и постепенно, как собрались.

Спустя несколько минут явился баталер, а за ним по пятам шел Фентон.

— Вы меня звали, сэр? — спросил первый.

— Да, — отрывисто произнес Мюрри. — Видите вы эту бумагу, что это такое?

— Это ассигнации в сто долларов!

— Совершенно верно! Так вот, видите ли, мне требуется сейчас кофе, сухари, вяленое мясо, пресная вода, спиртовая кухонька и котелок! Если вы добавите к этому еще три бутылки водки, я прибавлю двадцать пять долларов!

— Я не получал приказа от капитана! — заметил баталер.

— Ваш капитан пьян, мистер Фентон отдаст вам необходимое приказание.

— Верно это, мистер Фентон?

— Да, верно, — сказал Фентон, вынужденный подтвердить слова Мюрри, после чего баталер стрелой помчался вниз, а спустя минут десять все требуемое было уже на столе, а сто долларов в кармане буфетчика.

— Ну, хорошо, теперь приглядите за капитаном и, когда он протрезвится, навестите меня! Вы получите за это еще двадцать пять долларов, согласны?

— Это уж слишком! — едва слышно заметил Фентон, сидевший на койке, тогда как Джесси занимала кресло капитана. Мюрри же стоял в дверях, как бы опасаясь оставить мостик даже на минуту.

— Эту штуку нам придется довести до конца, Фентон, — сказал он. — Вам лучше знать, на чью сторону склоняется экипаж!

— Не на вашу! — лаконично ответил тот. — Они все против вас, мистер Вест!

— Ну что же! В таком случае надо быть настороже! Но вам нечего опасаться последствий этой истории: я принимаю все на себя. Прошу вас только присмотреть и позаботиться о мисс Джесси Голдинг!

— Может быть, вы хотите спать? Мы не будем вам мешать!

Но девушка отрицательно покачала головой.

— Вы обо мне не заботьтесь, Мюрри, они мне ничего не сделают. Меня заботит только мысль о вас.

— Не думайте обо мне! До утра, полагаю, ничего не будет, и в эту ночь нельзя ожидать нападения.

Вдруг Фентон вскочил со своего места и, схватив Мюрри за рукав, указал ему другой рукой на мостик.

— Смотрите... на лестнице! — прошептал он.

Мюрри обернулся и очутился лицом к лицу с капитаном Кингом.

ХП

ДЕЖУРСТВО ДЖЕССИ

Этот негодяй был уже почти наверху, когда Фентон его заметил. С ним были и немцы, и китайцы, и негры, словом, все, кто из-за наживы пошел за капитаном. Вероятно, они лишь наполовину поняли или вовсе не поняли предложения Мюрри и не поверили ему, поэтому и остались верны человеку, который их нанял, из страха, что, когда этот зверь вновь завладеет властью на судне, то заставит их дорого расплатиться за свою измену. В силу всех этих соображений они решились стоять крепко за капитана, недоумевая, кто этот посторонний, который распоряжается на мостике, как какой-нибудь флаг-адмирал. Как только Кинг встал на ноги, они не задумываясь выхватили свои ножи и пошли к лесенке мостика.

В одну секунду Мюрри очутился у лестницы и, загородив дорогу на мостик с пистолетом в руках, выстрелил в упор в самую гущу толпившихся на лестнице матросов. Ему ответили также выстрелом, но пуля прожужжала у него над головой, не причинив ему никакого вреда. Не долго думая, он обхватил поперек туловища

Кинга и заградил проход. В бешеной схватке, как два зверя, боролись эти люди, зная, что исход этой дикой борьбы будет решающим для того и для другого. Теперь с палубы не могли стрелять, так как каждая пуля с одинаковой вероятностью могла задеть и Кинга, а те из людей, которые, цепляясь руками за железные прутья поручней, старались взобраться на мостик, летели вниз, сбрасываемые Фентоном и младшим офицером, стоявшим подле него.

Борьба продолжалась, кости хрустели. Мюрри тщетно силился, несмотря на свою громадную силу, высвободить руки и схватить Кинга за горло, а остервеневшая команда внизу орала от бешенства и старалась ударить Мюрри своими длинными ножами.

— Тащи его вниз, капитан!

— Перекинь его через перила, шкипер, а я уж прикончу его ножом!

— Швырни его сюда, капитан, а мы уж тут управимся! — кричала снизу толпа, а один рослый негр свирепого вида, точно тигр подкравшись под лестницу, стал подтягиваться на руках под самыми ногами капитана, держа в зубах длинный нож. Ни Фентон, ни Кэлли не заметили этой опасности, но Джесси в дверях каюты увидала появившуюся над площадкой мостика кудлатую черную голову с зверским выражением лица и, пронзительно вскрикнув, вовремя предупредила Мюрри о нападении. В тот момент, когда негр вылез на мостик и занес нож, чтобы ударить его сзади, Мюрри нечеловеческим усилием в один миг перебросил Кинга через себя и нож негра по рукоятку ушел в тело капитана. В тот же самый момент Мюрри рукояткой своего револьвера со всей силы ударил негра между глаз, и тот с тихим стоном грузно упал вниз на палубу.

Все случившееся на мгновение так смутило шумевшую толпу, что она разом утихла. И когда находившиеся внизу стали кричать тем, которые стояли на верхних ступеньках лестницы, чтобы те шли вперед и разом покончили с пассажиром, последние вдруг увидели, что на них направлено дуло револьвера и в ужасе отшатнулись назад, давя и сминая стоявших ниже их. Раздались ругань и проклятия, удары и крики. Одни схватывались с другими. Драка становилась общей; сыпались упреки, укоризны; слышались стоны и глухой шум борьбы. Вдруг раздался спокойный, властный го-

лос Фентона с высоты мостика, где он, стоя у нактоуза, то есть ящика, в котором заключается большой судовой компас, наблюдал за толпой.

— Бросить ножи! — закричал он громовым голосом. — Все по своим местам! Слышите? Живо! Я сейчас сойду к вам вниз!

И он для пущей убедительности дал выстрел; пуля, скользя по стеклянному навесу машинного отделения, зазвенела долгим раскатом и как бы отрезвила озверевшую толпу; все притихли, оробев, как напроказившие ребята. Капитана не стало, все они это знали, поняв, что теперь командование судном в законном порядке перешло к Фентону, против которого они только что шли. Эти люди растерялись и лишились разом всей своей решимости.

Тем временем Мюрри, совершенно истощенный и обессиленный от ужасного физического и нервного напряжения, а также от ран, полученных им во время борьбы, не смертельных, но чрезвычайно болезненных, сидел на койке, предоставив Джесси возиться с ним. Он был крайне расстроен и возбужден и, как всегда в такие минуты, говорил почти без умолку.

— Это сущие пустяки, Джесси... Только не подходите к дверям, я вам не позволю... Какое счастье, что Фентон вовремя заметил... не то нам было бы плохо... Но теперь они не решатся на новое нападение сегодня ночью ни в коем случае!

Джесси же почти не раскрывала рта; вся она дрожала от страха и волнения только что пережитых минут, и сердце ее было преисполнено жалости.

— О, мой дорогой Мюрри! — говорила она. — Если бы я могла сделать как следует перевязку... но я так неловка. Это, должно быть, страшно больно, но потерпите, что делать... О, какой этот человек был зверь!..

И все время ей слышалась борьба и казалось, что вот-вот появится голова негра или подкрадется капитан, и душа ее замирала; она не могла дать себе отчета, что действительность и что галлюцинация.

Она еще не окончила перевязку, когда вошел Фентон. Теперь он уже более не стеснялся говорить откровенно при Джесси.

— Они усмирены на время, — проговорил он, — но не надолго! Что будет дальше, одному Богу известно, мистер Вест. Нас трое против тридцати семи, а до бли-

жайшего порта двести миль! Я бы дорого дал, если б мне сказали, как выпутаться из этого дела!

— Прежде всего дайте мне напиться, Фентон, я положительно умираю от жажды! — сказал Мюрри. — Ну а теперь скажите мне, Кэлли за нас или против нас?

— Сейчас он за нас и на несколько минут можно на него положиться! Ну а что дальше будет, не знаю!

— Я с ним поговорю! А нет ли еще кого, на кого бы мы могли рассчитывать?

— Старый Джо, наш судовой плотник, да еще юнга Ватсон, может, пристанут к нам, далее механики, которых нам нечего опасаться, они, безусловно, будут держаться в стороне от тех и от других!

— Ну, видите, Фентон! Вот уже нас пятеро против двадцати пяти. Это уже несколько лучше. Во всяком случае, мы должны быть настороже все время. Я буду дежурить первым, свежий воздух освежит меня, мне это будет полезно.

Джесси переглянулась с Фентоном и вдруг заявила, что дежурить желает она.

— Разве женщина не может закричать так же громко, как мужчина, когда она увидит опасность? Вы оба устали и нуждаетесь в отдыхе, а я еще бодр.

Пришлось уступить и, предоставив в их распоряжение каюту, Джесси вышла на мостик.

Кэлли, младший офицер, следил за ней с восхищением, наконец осмелился приблизиться к ней и спросил:

— Вы на нашей стороне, мисс?

— Ну, конечно! А вы думали как, мистер Кэлли?

— Я полагал, что вы англичанка! Вы можете рассчитывать на меня, мисс Голдинг, во всякое время!

— Благодарю, теперь нам это может пригодиться. Скажите, где же люди? Что они теперь делают?

— Верно, стараются разбудить шкипера, которого ваш приятель славно усмирил! Ну, уж и сила у него, у этого вашего друга! Как он поднял да перекинул Кинга, словно ребенка, и словно щитом прикрылся им! Удивительно!

— Как вы думаете, повторят они еще раз в эту ночь свое нападение? — спросила Джесси.

— В эту ночь наврядли, это можно почти с уверенностью сказать. Но что они надумают завтра, одному Богу известно. Конечно, ваш друг, быть может, упра-

вится с ними как-нибудь. Ведь это черт, а не человек! Не так ли?

Хотя Кэлли вел раньше довольно бурную жизнь, но, как у всякого истинного американца, чувство уважения к женщине жило в его душе, и теперь Джесси всецело овладела им; он следовал за нею, как пес, а когда вахта сменилась и он ушел к себе, думы его продолжали принадлежать ей.

Из всех странных происшествий этой ночи, быть может, ничто не было столь удивительно и странно, как то, что в определенное время часовые и вахтенные сменились в строгом порядке, как будто на судне ничего не произошло. Тела убитых были сброшены в море; в машинном отделении механики делали свое дело; только на палубе кое-где виднелись темные пятна — следы крови еще не успели смыть.

Когда рассвело, и тогда никто не упоминал о вчерашних событиях иначе, как только шепотом. Фентон, как всегда, невозмутимо и спокойно шагал по мостику, а старший механик у лесенки курил свою утреннюю трубочку. Весь экипаж выстроился на палубе в полном порядке, как бы ожидая расправы и вместе с тем надеясь, что она наступит еще не сейчас.

Мюрри почти не сомкнул глаз в эту ночь, и солнце едва взошло, как он открыл глаза и увидел Джесси у своего изголовья.

— Что же Фентон смотрит, что позволяет вам оставаться здесь, когда вам давно пора отдыхать? Джесси, как можно быть столь неблагоразумной! Где же Фентон?

— Мистер Фентон на мостике, — сказала Джесси, — и я сейчас пойду спать, если вы мне позволите сделать вам перевязку! Надеюсь, вам теперь лучше, Мюрри? Я только хотела узнать, как вы себя чувствуете.

Мюрри Вест откинулся на подушки, и глаза его остановились на мгновение с чувством невыразимой нежности на девушке, но он в ту же минуту спохватился и ответил:

— Благодарю, Джесси, мне гораздо лучше. Давно ли вы здесь?

— Я спустилась к вам после того, как сменились вахтенные! — отвечала девушка.

— Это было очень неразумно, Джесси! Конечно, я это очень ценю и очень тронут вашей добротой.

Скажите Фентону, что я сейчас приду. Это судьба послала нам такого человека, Джесси! Ведь вы верите в наше счастье? Я верю! Что-то говорит мне, что я вызволю вас из беды! Однако мне необходимо поговорить с Фентоном. Когда мы зайдем в какой-нибудь порт, непременно будет произведено следствие. Нам необходимо обелить, сколько возможно, экипаж и взвалить всю вину на того помешанного. Я очень рад, что он убит не мной, а его заколол один из его людей, этого не следует упускать из виду. Полагаю, что теперь вам нечего опасаться, хотя, не скрою, опасность еще не совсем миновала. Но могу с гордостью сказать, что в это трудное время я имел подле себя самую мужественную маленькую американку!

— Это неправда, Мюрри! Я вовсе не мужественна! Я была до того напугана всем происходящим, что у меня не хватило даже сил сказать вам об этом. У меня теперь в голове какой-то туман, мне кажется, что это вовсе не я, а какая-то другая девушка, которая все это видела, слышала и пережила, а настоящая Джесси Голдинг спокойно спит в своей каюте на пароходе, следующем в Лондон. Я даже не спрашиваю себя, живы ли наши друзья и спутники... Как вы думаете, Мюрри, живы они?..

— Я ничего не могу сказать, Джесси! Я сам постоянно спрашиваю себя, жив ли мой приятель Лэдло? Бедняга, ему тяжело будет без меня, если он уцелел. Вы знаете, это самый слабый, самый беспомощный мужчина, какого я когда-либо встречал в своей жизни, и вместе с тем я любил его, хотя и сам не знаю за что. Я бы много дал, чтобы он был жив!

Это доброе чувство Мюрри к своему другу отнюдь не повредило ему в мнении Джесси, но ей становилось досадно и больно, что этот человек говорил о любви к другу и никогда ни одним словом не хотел намекнуть ей о любви к ней. Почему он молчал? Как легко было бы у нее на душе, если бы он хоть раз только сказал ей: «Я люблю тебя», но он не говорил этого, и она уже потеряла надежду, что эти слова когда-нибудь будут произнесены между ними.

ХПІ ВЫЗОВ

Какой-то старый, опытный моряк заметил, что матросы на судах весьма походят на стадо овец в том отношении, что они способны проделать любую самую безумную штуку при случае, не задавая даже себе вопроса, для чего, зачем и к чему это приведет. Как овцы, они вдруг кидаются в какую-нибудь щель в изгороди или заборе, без всякой надобности, рискуя свалиться в пропасть. Но если нет такой щели, то и те и другие будут смиренно пощипывать травку на пастбище, не помышляя ни о каких стремительных скачках и прыжках. То же самое произошло и на пиратском судне, где люди собрались у общего стола на другой день после разыгравшейся страшной трагедии и рассуждали о вчерашних событиях так же спокойно и беззаботно, как о каком-нибудь самом обычном балаганном представлении, которое они уже видели не раз. Они вчера последовали за капитаном Кингом на мостик потому, что это было естественно, а затем покинули мостик по столь же основательной причине. Но теперь, когда совершившееся стало фактом и утро протрезвило их, а молчаливый Фентон стоял на вахте, все они снова стали овцами, мирно пасущимися на своем лугу и не способными к какому бы то ни было резко выраженному суждению или решительному поступку.

Трое из них приняли на себя роль представителей и выразителей общего мнения. Один из них был немец — и старый плотник Джо, боцман Бэтс, юнга Ватсон, а также и все остальные внимали ему с благоговением. Вопрос, который следовало теперь решить, был весьма важный: следовало ли позволить Фентону свободно расхаживать по палубе и распоряжаться по своему усмотрению судьбой судна или же прикокнуть его немедленно и отправить вслед за покойным шкипером, то есть капитаном?

— Вот он посмотрел на вас, — сказал немец, — и вы убежали, как малые дети! Почему? Разве он такой большой и сильный? Нет, но все вы трусы, и я вам говорю, что в Каракасе все вы будете качаться на крепких веревках!

Старый Джо покачал головой и запихнул себе в рот громадную жвачку табака.

— Это так,— согласился он,— глуп я был, что записался на это судно! Ну, да все одно! Где все, там и я, только кто мне скажет, где я буду завтра?

— Да, конечно! — подхватил Бэтс.— Но дело в том, товарищи, что капитан Кинг был мерзкой дрянью, что тут говорить, черного белым не назовешь. Я, конечно, не брошу камнем в человека, который выпьет лишний стаканчик — видит Бог, мы все не прочь, но если человек напивается до того, что может раскроить голову повару его сковородкой или кастрюлей, то воля ваша, надо что-нибудь сделать против этого. И ко мне, и к вам он тоже был нехорош, это доказывают и те бумаги, что находятся в моих руках. Конечно, он умел говорить хорошие слова, но все это была ложь. Вы все знаете, что это была ложь... Он уверял нас, что нам предстоит просто увеселительная прогулка, что груз свой мы мирным, добрым порядком сдадим в Каракасе и что мы столько заработаем на этом, что каждый из нас будет в состоянии купить кабачок по возвращении из плавания. Ну а на деле я бы за грош продал теперь свой кабачок!

И он сердито стал набивать и раскуривать свою трубку, а юнга Ватсон между тем с большим жаром рассказывал китайцу-матросу подробности смерти капитана.

— Я видел, как прошел нож! Вот так! — и он провел ногтями по шершавой доске стола.— И затем он протянул ноги. Но так как он отхлестал меня вчера, то мне было все равно. Он постоянно гонял меня своим проклятым арапником, я весь исполосован синяками и рубцами от спины до подбородка!

— И поделом тебе, мерзкий мальчишка! — проворчал старый Джо.— Какое тебе дело до этого, такому молокососу! Пошел наверх, да посмотри, не нужен ли ты мистеру Фентону, а кстати, ты, может, услышишь, что они там говорят. Я тебе целый сикспенс подарю, если ты сообщишь нам что-нибудь стоящее!

Бодману Бэтсу такое вознаграждение показалось излишней щедростью, а немец выслушал его с нескрываемым презрением...

— К черту твои сикспенсы! — воскликнул он.— Поднимите только германский флаг на судне, и все мы

останемся целы и невредимы. Немецкие матросы поддержат нас, без сомнения, это говорит здравый смысл!

— Какой тут здравый смысл? — возразил Бэтс. — Все мы попали в яму, и никакой германский флаг нас не спасет. А я говорю вам, что Фентон мог бы обелить нас, если бы захотел! Что же удерживает нас от сближения с ним? Вот что я желал бы знать! Все мы попали в беду, и Фентон заодно с нами. Кто же его спасет и обелит? Ведь и ему грозит та же веревка, что и нам. Кто за него заступится, спрашиваю я? Уж конечно не германский флаг и не китайский. Мы пойманы в ловушку и так и сяк, и я говорю вам, что дело наше плохо!

Все утвердительно закивали головами, но, в сущности, ни один из этих беспечных взрослых младенцев не был в состоянии дать себе полный отчет в случившемся и поставить печальные факты в должное отношение к своей личной жизни. Все они были бунтовщики на полупиратском контрабандном судне, везущем оружие в Венесуэлу, и потому всех ждала виселица. Они это прекрасно знали, но между тем дайте вы им по доброй трубке табаку, по полной миске горячей похлебки и по кружке хорошего кофе, и все они готовы сейчас же забыть о завтрашнем дне.

Когда юнга Ватсон вернулся с новой темой для разговоров, его сначала слушали безучастно.

— Ну вот, вынимай свой сикспенс! — сказал юнга. — Мистер Фентон говорит, что все вы все равно что умерли и похоронены, что и рассуждать тут не о чем!

— Врешь! — крикнул Джо.

— А вот и нет! Черный говорит, что все вы стадо баранов, и они нисколько вас не боятся, а в первом порту вас всех вздернут, вот и все!

— Ах, вот как, — сказал старый Джо. — Ну, так видишь ли, парень, раз мне все равно придется быть повешенным, то дай-ка я веревку-то на твоей шее попробую. Ах ты, наглый врунишка!

Мальчишка проворно вскочил на ноги и взбежал на несколько ступеней лестницы и уже оттуда продолжал увеселять и просвещать собрание.

— Вы не называйте меня врунишкой, мистер Джо-зеф! Я не вру, а вы лучше готовьтесь к смерти. Англичанин говорит, что он всех вас перепорет березовым веником. В ваши годы пора бы научиться не называть чест-

ных мальчиков лгунами. Смотрите, не троньте меня, не то я вопить стану!..

Никто его не тронул, боясь, чтобы на его крик не явился Фентон, и вместе с тем измышляя средство заставит юнга сказать им правду.

— Ты держи себя прилично,— угрюмо сказал Джо,— так я тебе отдам свой кофе!

— Не нужен мне ваш кофе, там наверху мне дают настоящий кофе, а у вас не молотый!..

— Ну, так я дам тебе мои часы! — сказал немец.

— Они ничего не стоят, твои часы. Что в них толку-то?

— Вот что я тебе скажу, парень,— решил, наконец, боцман,— ты скажи нам всю правду, и я тебе дам свой старый пистолет!

Против такого соблазна юнга не мог устоять и даже спустился с лестницы и ждал, когда пистолет будет выложен на стол.

— Ну, так вот,— начал Ватсон,— он не станет заходить в Карлстон, а просто продаст это судно генералу Матосу и спасет свою шкуру. Англичанин со своей барышней стоит за то, чтобы дать сигнал тому пароходу, что гонится за нами, они, англичане, ничего не боятся, но мистер Фентон боится и потому уходит от того судна что есть мочи. Слышите, как машина работает?

В заключение юнга подскочил к столу, схватил пистолет и удрал с ним наверх. При этом известии, которое казалось всем несомненно правдивым, все повскакали со своих мест и каждый схватился за свой нож, который, как всегда, болтался за поясом у каждого. Прежде всех заговорил немец; но его никто не понял, так как он говорил от волнения слишком невнятно. Тогда вместо него заговорил старый Джо.

— Черт побери, ребята! Мы действительно идем со скоростью четырнадцать узлов в час! Это наш самый большой ход. Что же это значит? Что он думает делать?

— Ах вы, глупые, не давайте ему воли, убейте его, и дело с концом! У вас все одно веревка на шее, а вы еще церемонитесь! Чего вы стоите, разиня рты? Наверх живо!

И все гурьбой молча ринулись вперед по узкой лесенке, на палубу. Здесь они увидели на краю го-

ризонта предмет их общего страха и ужаса: то было небольшое военное судно, какой-нибудь крейсер, но какой? Почему он преследует их, под каким он флагом? Ничего этого они не знали, и только Фентон мог сообщить им это.

— Ни шагу дальше! — крикнул он своим уверенным, авторитетным тоном. — Что, свинцу захотелось на обед, что ли? Можете на это рассчитывать! Видите этот венесуэльский крейсер? Это «Кюрасо». Его командир перевешает всех вас до единого, если только нагонит нас. Это вы желали знать? Что же мы будем делать, сражаться или бежать, не потрудитесь ли вы отдать мне приказание? Я только этого и жду!

Никто ему не отвечал. Многие впились бессмысленным взглядом в точку крейсера на горизонте, как бы не веря своим глазам, другие же засунули руки в карманы с видом затаенной враждебности и упорно молчали, наконец заговорил старый Джо.

— Вот что я скажу, ребята, — обратился он к команде, — делайте, как знаете, но так как я управиться с этим судном не могу, то я предоставил бы мистеру Фентону быть здесь хозяином!

Из толпы раздались голоса, что старик Джо спокон веков был сторонником офицеров, а немец уже выхватил нож и сделал несколько шагов к лестнице мостика, как вдруг оглушительный выстрел потряс воздух, немец упал, а юнга Ватсон, стоя с дымящимся пистолетом в руке, бледный как смерть, растерянно шептал:

— Право, это не я! Это не я, мистер Фентон... этот проклятый пистолет сам выстрелил... О, я надеюсь, что я не застрелил немца... Надеюсь, что я не застрелил его...

Действительно, он не только не убил его, но даже и не задел, а немец покатился в желоб просто от испуга под громкий смех всего экипажа.

— Смех — дело доброе. Нет основания бояться людей, которые смеются! — сказал Мюрри, склонившись к самому уху Фентона. — Пользуйтесь этим моментом, скажите им, что механики на нашей стороне!

Фентон утвердительно кивнул головой и, подойдя к перилам мостика, сделал знак, чтобы все молчали.

— Если бы вы не были слепы, — начал он, — то поняли бы, что я дал судну самый быстрый ход, какой только возможно требовать от нашей машины! Неужели

вы не понимаете, что наше положение не лучше вашего? Нам или плыть, или тонуть вместе, мне кажется, это ясно! Если вы будете стоять за меня, я сделаю все, что только в моих силах, чтобы спасти вас! Если же вы хотите другого, то пусть только кто-нибудь сунется к лестнице, я убью его не задумываясь! За кого вы принимаете меня? Что вы думаете, я не рассчитывал на это? Подите к главному механику да спросите его, будет ли он стоять за вас или, быть может, вы сумеете сами управиться с этим судном? Может, вы пойдете на веслах, если машину остановят? Вы ребята умные, подумайте хорошенько! Больше слова вам не скажу, убирайтесь каждый к своему месту, я просто видеть вас не хочу!

Все слушали его молча, и когда Фентон кончил и, повернувшись к ним спиной, обратился к Мюрри, все они сбились в кучу и стали сговариваться. Привыкшие с давних пор повиноваться тому, кто стоит на мостике, эти люди только в минуты озлобления находили в себе силу и способность сопротивляться законной власти. Теперь же, когда здоровый взрыв смеха убил в них чувство озлобления, они опять начинали рассуждать здраво и разумно. Всего важнее было теперь уйти от преследовавшего их судна, гнавшегося за ними на всех парах. «Эта погоня нешуточная,—решили они,—и единственный опытный и толковый офицер у нас Фентон! Он один может спасти нас!»

Таково было единогласное решение экипажа, и в течение некоторого времени Фентон мог положиться на них, как на каменную гору.

— Я думаю, дней через двадцать мы будем в Лондоне!—обращаясь к девушке, говорил Мюрри.—Фентон подтвердит вам это!

— Ну а если нас захватят, что тогда?—спросила Джесси.—Неужели венесуэльское судно может нанести обиду гражданке Соединенных Штатов?! Ведь они все боятся нас, не так ли?

Фентон не захотел оспаривать этой светлой уверенности девушки, хотя сам он, как англичанин, до некоторой степени сомневался в справедливости ее веры.

— Вы, конечно, правы,—отвечал он,—но мои представления и суждения ограничиваются сферой морских сведений. Вы желаете попасть в Лондон, мисс Голдинг, и потому я решил зайти в английский порт,

хотя бы тот порт и не помечен в моем рейсе. Там вы можете пересестъ на пароход, идущий на Ямайку, и отправиться в Англию на одном из пароходов Вест-Индской компании. Правда, на это потребуется более трех недель, но это уже не моя вина. Да, в сущности, мне кажется, теперь уже лишние два-три дня не имеют для вас большого значения! — закончил он.

— Решительно никакого значения! — сказала Джесси таким тоном, что Мюрри пристально посмотрел на нее и, прочитав смысл ее слов в глазах, почувствовал, как его обыкновенно бледное лицо залила на мгновение алая краска румянца, и он принужден был отвернуться, почувствовав известную неловкость.

— Ну, конечно, теперь это уже не важно, — проговорил он, — так как мы должны благодарить судьбу за то, что остались живы. Мне теперь кажется, что все это какое-то ночное видение, что всего этого никогда не было...

— Ну, как же? Разве, например, мисс Голдинг не действительность? — возразил Фентон.

— Мистер Вест не желает допустить этого, уж очень он любит иллюзии. Я для него нечто вроде старого чемодана, который приходится таскать за собой по железным дорогам и от которого он рад избавиться и сдать кому-нибудь другому на руки! Это он мне твердит с тех пор, как спас мою жизнь! Там, на плоту, я только и слышала от него «Лондон», «Лондон», «Лондон», и теперь он только об этом и думает. Я убеждена, что он будет плясать от радости, когда наконец посадит меня на другой пароход!

— Вы знаете, что я не танцую вовсе, — сказал Мюрри, — это я предоставляю другим, моя же личная радость найдет себе выражение в свежем белье и чистых воротничках. Помните, что у меня были украдены деньги на пароходе? Я даже хотел, чтобы их у меня украли — это были фальшивые ассигнации, которые я нарочно положил в тот бумажник, и некий господин Седжвик, если он остался жив и появится в Англии, наверняка отсидит за эти деньги свои семь лет в тюрьме, мои же настоящие деньги и сейчас при мне, они понадобятся нам, когда мы сойдем с этого парохода.

Мюрри Вест рассказал все это как бы для забавы, а между тем Джесси поняла: он хотел этим сказать ей,

что сможет ссудить ее деньгами что и впредь каждый ее шаг будет зависеть от него.

— Вы решительно обо всем подумали, мистер Вест, а я не захватила даже своих драгоценностей, а что касается денег, то кто о них думал, когда пароход стал тонуть? Из первого же порта я буду телеграфировать отцу, чтобы он выслал мне денег,— могу себе представить, как он будет рад!

Только теперь впервые вспомнила Джесси об отце. Страшные, захватывающие события, следовавшие одно за другим, до того поглощали все ее мысли, что ей ни разу не пришло в голову, как велико должно быть его горе и горе других родных и близких людей.

Весь этот разговор происходил за завтраком. Кэлли в это время находился на мостике, но все были еще за столом, когда он явился доложить Фентону неприятную весть.

— Он нагоняет нас, сэр! — воскликнул он несколько взволнованно. — Быть может, я ошибаюсь, но, во всяком случае, я желал бы, чтобы вы сами взглянули!

Все быстро встали из-за стола и поспешно последовали за Кэлли на мостик, где с первого же взгляда убедились, что младший офицер не ошибался.

— Мне это совсем не нравится, мистер Вест, совсем не нравится,— угрюмо заявил Фентон,— если крейсер будет и дальше так работать, то сегодня к вечеру нам придется выкинуть свой флаг и сразиться... Да-с!..

И он принялся молча расхаживать крупными шагами по мостику, как какой-нибудь зверь в клетке, ищущий выхода. Команда внизу на палубе собралась безмолвными кучками и старалась прочесть на бесстрастном, спокойном лице Фентона ожидающую их участь. Что им принесет эта ночь? Счастье или страшный конец? Никто не знает, но оба судна неслись на всех парах, напрягая все свои силы. Через каких-нибудь несколько часов все должно было решиться. И вот в то время, когда на пароходе все молили о скорейшем наступлении ночи или близкой гавани, громкий выстрел из орудия пронесся в воздухе и глухим раскатом своим возвестил беглецам вызов военного крейсера.

XIV

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Преследование продолжалось с переменным успехом в течение всего дня. Порывистый западный ветерок, дувший поутру, теперь совершенно спал, и все небо заволоклось какой-то прозрачной дымкой, воздух казался насыщенным серными парами. Если на море спустится туман, наши беглецы благословили бы судьбу. Но тумана не было. Все, что наверстал или нагнал в течение утра «Кюрасо», он утратил в течение дня, и к вечеру положение по-прежнему оставалось невыясненным. Чрезмерно раскаленная топка выбрасывала густые облака черного удушливого дыма, который низко стлался над водой. Люди на судне работали с каким-то бешеным усердием; на смену кочегарам являлись десятки рук; длинные лопаты работали непрерывно, никто не думал ни о соблюдении очереди, ни о смене с вахты — всякий охотно, даже с жадностью хотел приложить свой труд к делу общего спасения. Все они знали, что к ночи им необходимо было уйти из-под выстрелов неприятельского крейсера во что бы то ни стало. Фентон ни на минуту не сходил с мостика и ни с кем не делился своими мыслями и впечатлениями; только на вопросы Джесси он время от времени отвечал лаконично: «Мы уйдем», или: «Ничего, довольно благополучно», или же: «Право, не могу вам ничего сказать». Мюрри в служебной каюте прислушивался к модуляциям голоса Фентона и мысленно говорил себе: я бы предпочел, чтобы он не говорил ни слова; когда он молчит, то я более спокоен!

— Фентон неспокоен, — сказал он Джесси, — я в первый раз вижу его таким! Мне иногда даже кажется, что это не он. По-видимому, он забрал себе в голову, что венесуэльцы или разбойники — одно и то же! Я же полагаю, что командир этого крейсера обошелся бы с нами, как всякий порядочный человек. Но, очевидно, Фентон другого мнения!

— Может быть, он прав, — заметила Джесси. — Мой отец был однажды в Венесуэле по делам железнодорожной комиссии и всегда говорил, что он охотнее просидел бы в тюрьме, что все женщины хотели за него замуж и что мужчины хотели застрелить его, так что,

уверял отец, скорее он войдет в берлогу медведя, чем снова поедет в Каракас. Эти венесуэльцы — настоящие дикари, а мой отец не любит пистолетов и ненавидит женщин; да и мистер Фентон, кажется, тоже!

— О, я не спорю, Фентон — прекраснейший человек, — сказал Мюрри Вест, — он, бесспорно, имеет основание быть осторожным, когда молодая девушка спешит обвенчаться. Право, вам, Джесси, придется написать книгу под заглавием «Через огонь и воду к аналою» и посвятить эту книгу мне!

Джесси отвернулась и стала смотреть в окошки каюты, откуда ей был виден горизонт и черное облако дыма, почти совершенно заслонявшее собой крейсер.

Она не сердилась на Мюрри, зная, что он старался развлечь ее, но его сдвинутые брови, тревожный взгляд и нервно дрожавшие руки говорили, что он что-то скрывает. При каждом слове он взглядывал на преследующее их судно, и ей казалось, что она слышит, как сердце в его груди бьется сильнее.

— Если я попаду в Монктон, то мистер Фентон всегда будет там желанным гостем! — сказала Джесси. — Но вот именно это «если» томит мою душу, Мюрри! Ах, зачем я не ворожея, не ясновидящая? Почему я не могу читать в глазах людей?! Если бы вы были умный, Мюрри, вы бы сделали это за меня!

— Да, если бы я был умен! Если бы я мог еще интересоваться чем-либо, кроме настоящего. Но я уже не в силах: уверенность в злосчастье настоящего дня лишила меня веры в лучшее завтра и сделала меня тем, что я есть. Я даже не хочу заглядывать в это завтра... Неизвестность, без сомнения, единственный сильный импульс жизни. Именно потому, что мы не знаем, что будет завтра, мы и живем, чтобы узнать! В настоящий момент я спрашиваю себя, на чьей стороне будет победа, на нашей или на их, а все остальное для меня безразлично! Все, кроме хорошей сигары!.. Вы разрешите мне закурить сигару, Джесси? Столько тяжелого и неприятного в нашей жизни улетучивается вместе с голубоватым облачком сигарного дыма.

— Я желала бы, чтобы и это судно улетучилось с ним! — воскликнула Джесси. — Но все равно, ведь завтра мы все узнаем, не так ли?

— Нет, мы узнаем еще сегодня, Джесси! — возразил Мюрри как-то особенно серьезно. — Я обещаю вам это!

Девушка поняла настоящий смысл его слов; эта ночь должна была ответить ей на все ее вопросы, разрешить все ее сомнения, одним словом, решить ее судьбу так или иначе. После этого и ею овладела болтливость, она принялась говорить о всевозможных мелочах повседневной жизни, и Мюрри поддерживал разговор. И хотя по-прежнему он не спускал глаз с горизонта, смех его звучал так же весело и беспечно и нежность к ней светилась в каждом его слове и взгляде.

Во время первой ночной вахты, едва только пробили две склянки, «Кюрасо», сделав отчаянное усилие, подобное тем, какие он уже проявлял не раз в продолжение дня, понесся стремительно сквозь туман и на ходу дал выстрел по пароходу. Снаряд со свистом и шипеньем шлепнулся в море перед самым носом судна, причем часть людей с жадным любопытством кинулась смотреть, другая же легла плашмя в смущении и страхе. Мюрри при звуке первого выстрела оборвал на полуслове какой-то фантастический рассказ, которым он старался отвлечь Джесси от мучивших его и тревоживших ее мыслей, и, выбежав наверх, увидел второй снаряд, шлепнувшийся в воду на волосок от винта.

— Боже правый, Фентон! — воскликнул он. — Неужели они стреляют в нас из орудий?

— Как видите, мистер Вест! — отозвался тот.

— Но что же делают наши люди?

— Видите, они работают, как негры!

— Как все это внезапно!

— Такого рода вещи всегда бывают внезапно, сэр! Я еще не видал, чтобы снаряд бежал шажком или рысцой, — добавил он иронически в тот самый момент, когда третий снаряд ударил в бок, и в воздухе на мгновение замелькали щепки в густом облаке белого дыма.

— Через пять минут нам придется драться! — спокойно заметил Фентон.

— Так вы полагаете, что они решатся идти на abordаж?

— Думаю, что так!

— Надо во что бы то ни стало помешать этому, Фентон. Что, если мисс Голдинг попадет в их руки? Нет, этого мы ни за что не допустим, не должны допу-

стити! Что же делают наши люди? Почему вы не посылаете их всех к топкам — на помощь кочегарам?

Эти слова не только не вывели Фентона из терпения, но даже не раздосадовали его; он отлично понимал смысл этих несвязных вопросов, этой детски нервной суетливости и не удивлялся им.

— Они там точно сельди в бочке, мистер Вест! Да что они еще могут сделать? Нет, видно, нам остается только прижаться друг к другу потеснее, сидеть да пошвыстывать, а вам следовало бы увести мисс Голдинг вниз, в кают-компанию. Ведь этот картонажник сейчас разнесут в щепки, внизу ей будет лучше и безопаснее!

Но Джесси сама уже стояла в дверях верхней рубки.

— Нет, мистер Фентон, ей там будет хуже, — ответила она, — мое место здесь, я не уйду. Только Бога ради, Мюрри, не называйте меня малодушной трусихой, прошу вас, не называйте меня так!

— Я и не думаю, мне только кажется, что вы слишком безрассудны. Впрочем, пусть будет по-вашему. Только знайте, Джесси, что вы подвергаете себя страшной опасности, да...

— А вы? — спросила она его. — Неужели вы думаете, что я не думаю о других?

— Нет, я знаю ваше сердце, Джесси, — сказал он чуть слышно и быстро отвернулся: он не хотел глядеть на нее, но она стояла так близко к нему, что он ощущал теплоту ее дыхания на своей щеке, и когда на неприятельском судне снова показался огонек и дымок, он инстинктивно сделал шаг в сторону, чтобы заслонить ее собой. В момент полета ядра в порыве нервного возбуждения руки их сплелись, и они оба ждали с сильно бьющимся пульсом, куда упадет снаряд...

Он упал в воду на расстоянии целого кабельтова позади судна. Хриплый крик торжества вырвался у людей, бывших на палубе. На него отозвались внизу таким же сиплым, глухим, злорадным смехом.

— Видите! — воскликнул Фентон. — Мы еще, пожалуй, уйдем от них! Молодцы, ребята! Молодцы, за мной угощение!

И он крикнул баталера и приказал подать рому в машинное отделение.

В этот самый момент новый снаряд снес крышу верхней рубки, превратив ее в груды щепок и железа, и попал в одного негра, оторвав ему обе ноги выше

колен. С мостика его не было видно, и уже все начинали утешать себя тем, что снаряд не причинил никому вреда, когда окровавленный труп негра скатился в желоб.

— Не преждевременно ли мы радовались? — сказал Мюрри почти укоризненно.

Фентон только пожал плечами и указал рукой на густой туман, облекавший все кругом.

— Смотрите, можно подумать, что там гора объята пламенем! А ведь я знаю, что это только облако! Что будет, я даже и предвидеть не могу!

В это время в воздухе происходило что-то удивительное: весь западный горизонт застлали черные тучи, тогда как солнце еще светило низко-низко на самом краю горизонта, ныряя из-под черной завесы облаков или прорывая их на одно мгновение. Воздух становился все удушливее и обдавал точно пламенным дыханием; тонкий белый пепел, словно снег, стал падать на палубу парохода, засыпая ее все гуще и гуще и проникая в ноздри и горло людей, которые положительно начинали задыхаться.

Вдруг из топки, как обезумевшие, выбежали люди гурьбой, толкая и давя друг друга, взывая о помощи и клянясь, что все они там задохнутся. И «Кюрасо», и погоня — все было забыто; выстрелы врага были теперь не страшны: все они хотели только одного — воздуха, воздуха, воздуха!.. В страхе и отчаянии падали на палубу или простирали руки к черному как ночь небу, прося хоть капли дождя, хоть капли воды, чтобы утолить мучительную жажду, и думая, что смерть пришла. Фентон оставался, как всегда, невозмутимым.

— Уведите мисс Голдинг в нижнюю каюту, сэр, — сказал он, обращаясь к Мюрри, — никогда ничего подобного я не видал в море. Если это продолжится еще десять минут, ни один из нас не останется жив. Горло и легкие мои горят, как в огне!

Он приказал уже переменить курс к югу и уходить полным ходом в том направлении, где было сравнительно светло. То же сделал и крейсер, и в течение нескольких минут враждующие суда сошлись борт о борт, уходя от грозящей им смерти. На палубе только и слышалось, что свистящее дыхание задыхающихся и стоны людей, уверенных, что пришел их конец. Даже Фентон, стоя на мостике у руля, очевидно, изнемогал,

но не покидал своего поста, несмотря на то, что Мюрри, стоя подле него, изъявлял желание его сменить.

— Заботьтесь о мисс Голдинг, сэр, здесь вам не место!

— Нет, Фентон, мое место здесь! Мисс Голдинг в безопасности, а я останусь здесь, вы же должны уйти в каюту и отдышаться!

— Я не могу этого сделать... Как вы полагаете, что тут творится? Смотрите, как небо пылает...

— Это близкое извержение вулкана на одном из подветренных островов, без сомнения! Нам следует уходить к югу, Фентон, я там вижу свет!

— Я так и делаю, сэр. Помогите нам Бог! Смотрите!

В это время из-под самой кормы парохода вынырнула большая шхуна с передними и задними парусами, объятая пламенем, словно все они были пропитаны каким-нибудь газом; палуба его представляла собой такую картину отчаяния и ужаса, что даже поверить ей было трудно, шхуна неслась с такой быстротой, что, прежде чем можно было что-либо сообразить, потонула в тумане и скрылась бесследно.

— Видели, Фентон, как один человек там, на палубе, горел! Пламя обвивало его с ног до головы, беднягу!..

— Да, видел, мистер Вест! Быть может, через несколько минут будет и наша очередь... Мои легкие словно раскаленные уголья... Возьмите на минуту руль! Смотрите, этот бедняга, кажется, ослеп...

— Да, да, Фентон, не беспокойтесь! Мне не впервые управлять паровым судном! Дай-то Бог, чтоб это было и не в последний!

Наступило тяжелое молчание; только тихие вопли доносились с палубы. В будке рулевого Мюрри был несколько защищен от непрерывно падавшего на судно удушливого белого пепла, но при всем желании он ничем не мог облегчить участь несчастного рулевого, лежавшего почти замертво у его ног. Ему приходилось напрягать всю силу воли, чтобы сделаться нечувствительным к физической боли, не поддаваться изнеможению и во что бы то ни стало пережить эти страшные минуты. «Ради нее»,— шептал он мысленно, и образ Джесси витал перед ним, как во сне, но когда он упал без чувств на тело лежавшего у его ног рулевого,

то думал, что пришел и его последний час и что теперь все кончено и для него, и для нее.

XV

ИНТЕРВЬЮ И СВИДАНИЕ

Месяца два спустя, после того как наш пароход несся борт о борт с «Кюрасо», уходя из-под горячего пепла Мон-Пеле, в одно прекрасное июльское утро щеголеватый репортер ливерпульской газеты явился в Дворцовую гостиницу Ливерпуля и спросил швейцара, проснулся ли мистер Мюрри Вест и может ли он его видеть.

Получив утвердительный ответ, репортер вошел в маленькую гостиную первого этажа, где застал Мюрри за утренним чаем с пачкой телеграмм и писем на столике подле него. Одно письмо, адресованное на имя лорда Вудриджа, он проворно сунул в карман смокинга и затем предложил гостю садиться.

— Я к вам от местной газеты, относительно крушения «Джерси-Сити». Я был бы вам чрезвычайно обязан, если бы вы согласились сообщить нам некоторые подробности.

— Но, вероятно, вы больше знаете об участии этого парохода, чем я! — отвечал Вест. — Не лучше ли нам с вами поменяться ролями и начать мне интервьюировать вас? Вам, вероятно, известно, кто потопил нас и много ли пассажиров спаслось. Все это еще и сейчас мне неизвестно!

— Ваш пароход был потоплен наскочившим на него в тумане угольным транспортом; его шлюпки спасли девяносто два пассажира да шестьдесят женщин спаслись на паровой шлюпке. К рассвету все были приняты на транспорт, который сам не знал, в состоянии ли он будет держаться на воде, так как при столкновении тоже пострадал. В общей сложности было спасено до двухсот человек из семисот пассажиров парохода. Из двадцати девиц из нью-йоркского казино спаслась только одна. А также пожилая родственница мисс Голдинг, оказавшаяся в одной из шлюпок.

— А сам мистер Голдинг-старший, который, судя по газетам, находился в то время в Лондоне, находится и теперь еще там?

— Не могу вам сказать. Говорили, что он до того был сражен горем, что в течение нескольких недель не выходил из своего отеля!

— Не известно ли вам, остался ли жив викарий церкви на Соквилльской улице?

— О, да! В его церковь теперь пробраться нельзя, целые толпы народа ломаются в нее!

— Вот что значит реклама, трижды благословенная реклама! Ну а капитан Росс, тоже, наверное, погиб?

— Да, он погиб вместе со своим судном!

— Это все та же вечная история незаметных героев, о которых никто не говорит и которых никто не перевозит. Кстати, известно вам, что мисс Голдинг и я обязаны своим спасением Мартинике? Ведь мы вместе с венесуэльским крейсером «Кюрасо», преследовавшим нас, врезались в облака пепла, извергаемого вулканом. Люди валились, как мухи. Всего за час умерло десять человек, в том числе и один из самых редких и благороднейших людей, мистер Фентон, старший офицер парохода. Я находился в будке рулевого и был защищен от палящих газов, которыми был насыщен воздух. Этому обстоятельству я и обязан жизнью. Когда я пришел в себя спустя несколько часов, то увидел себя на американском военном судне. Да, грандиозная и поразительная была картина, когда наш пароход несся на всех парах без рулевого и капитана, без механиков и кочегаров, несясь, пока не угасли его огни и не опустели котлы, пока не осталось на нем ни одного человека, который был бы в состоянии шевельнуть рукой или ногой. Это был своего рода новый «Летучий голландец», на котором горами лежали безжизненные тела и которых машина сама несла вперед, туда, где их ждало спасение, на которое уже никто из них не надеялся.

— Да, мы все считали вас мертвыми!

— И прошу вас, продолжайте считать! Прошу вас нигде не упоминать моего имени и не упоминать вовсе о мисс Голдинг!

— Но о ней необходимо сказать хоть что-нибудь!

— Если уж это так необходимо, то скажите, что она здорова и очень рада, что находится наконец в Англии!

— Но говорят, что она должна сочетаться браком с лордом Истреом в самом скором времени?..

— Я не считаю себя вправе вмешиваться в личные дела посторонней молодой девушки!

— Но я могу, например, рассказать, каким образом она была спасена?

— О, конечно! Она находилась в капитанской каюте, окна которой я сам лично закрыл и запер на засов. Она не знала, что происходило наверху, а когда узнала, то опасность уже миновала. Командир американского судна наткнулся на пароход, на котором, по-видимому, не было ни одной живой души, только мертвые тела, кроме одной девушки, силившейся управлять этим судном. Действительно, смелости и решимости мисс Голдинг можно подивиться! Ей выпало на долю испытать то, что немногим женщинам приходится испытывать.

— Но позвольте узнать, что вы теперь предполагаете делать? — любопытствовал репортер.

При этом вопросе лицо Мюрри нахмурилось.

— Я предполагаю позавтракать в час дня и затем с послеобеденным поездом ехать в Лондон. А теперь позвольте мне пожелать вам приятного утра! Относительно экземпляра газеты, который предоставляется мне любезной редакцией, не беспокойтесь! Всего хорошего!

Репортер поспешил забрать свою книжечку и карандаши и, с нервной суетливостью откланявшись, удалился. А там, внизу, он признался швейцару, что этот господин буквально насквозь пронизывает своим взглядом и вселяет страх.

Когда молодой репортер удалился, Мюрри Вест снова принялся за то письмо, которое он читал, когда входил незваный посетитель. По правде говоря, он теперь только впервые вполне осознал то новое положение, какое должен был занять в Англии, после того как Альберт Бэнтам приезжал в Америку, чтобы известить его о перемене, происшедшей в его жизни со смертью герцога Вудриджа, его дяди, последовавшей семь месяцев тому назад в древнем аббатстве в Суффолке. Насколько это обстоятельство должно было упрочить его материальное положение в данное время и восстановить его право на высокое положение, Мюрри был, пожалуй, благодарен судьбе, но вместе с тем сознавал, что ему недостает некоторых свойств, необходимых пэру Англии. Демократический дух Америки

глубоко проник в него, научив его не считаться с теми преимуществами, которыми так гордится английская аристократия.

Сложив и заперев в бюро все свои письма и бумаги, Мюрри поспешно оделся, чтобы ехать к Джесси и сказать ей последнее «прости». Тяжело, невыносимо тяжело было ему решиться на эту разлуку с девушкой, которую он полюбил всеми силами своей страстной и сильной души, но девушка эта была помолвленной невестой лорда Истрея и даже в том случае, если бы его вовсе не существовало, он, Мюрри, не решился бы просить ее стать его женой до тех пор, пока не будет иметь права сказать ей: «Джесси, Лионель, брат ваш, умер так и так, и вот та рука, которая убила его». А этого признания он, быть может, никогда не вправе будет сделать ей. Он связал себя словом с человеком, которого, насколько ему было известно, уже не было в живых,— ни в одной телеграмме не упоминалось о Хуберте Лэдло, ни в одном списке судовых пассажиров, за которыми он так внимательно следил.

Итак, решение Мюрри было бесповоротно, но что ему это стоило, того не в силах передать язык. Никогда еще Джесси не была так прекрасна, так детски мила, так привлекательна, как в этот день. Сверх того, она была еще особенно оживлена, а в глазах ее светился совершенно невиданный им луч не то надежды, не то предвкушения новой жизни, к которой она готовилась теперь. «Что бы ни готовило будущее,— думала она,— все же оно будет совершенно иным, чем была до этого времени ее девичья жизнь и ее детство». Она чувствовала, что приобрела любовь недюжинного человека, и полагала, что это обстоятельство не может остаться без последствий. Не сегодня завтра ее молчаливый друг решится прервать свое молчание, тогда она даст волю своему сердцу.

Конечно, она ничего не знала о нем, кроме того, что в течение десяти лет он вел бродячую жизнь авантюриста в Америке. Но она ожидала, что он откроет ей все свое прошлое — и хорошее, и дурное — и тогда представит ей решить, может ли она его любить. Да, Джесси верила, что она может полюбить всем своим сердцем и душой, но она отдаст ему свою любовь не рань-

ше, чем он скажет ей все. И она была уверена, что это будет сегодня или никогда!

Она встретила его сияющая от радости и протянула ему обе руки. С минуту тонкие пальчики ее лежали в его руке, затем она указала ему на большой букет белых роз и сказала:

— Ах, Мюрри, как я люблю эти розы! Мне, право, кажется, что я не могу жить без них. Как мило было с вашей стороны подумать об этом!

— Ах, пустяки,— прервал он ее несколько резко,— цветы созданы для женских сердец. Но не в этом дело, Джесси, мне надо поговорить с вами откровенно и серьезно. Есть ли у вас время, которое вы можете уделить для разговора со мной?..

— Есть ли у меня время?! Вы шутите, Мюрри! Что мне делать, как не говорить с вами? Знаете, у меня сегодня перебивали чуть не все портнихи Ливерпуля! Ведь я же должна буду ехать в Букингемский дворец... Знаете, Мюрри, вы были так добры ко мне, что, право, я готова плакать, когда вспоминаю обо всем, что вы сделали для меня!

— Мне самому придется заплакать, если вы еще хоть раз упомянете об этом, Джесси! Ну-с, так вы поедете в Букингемский дворец, конечно, как жена одного из пэров Англии? Вы сразу займете самое видное положение. Но будем говорить о чем-нибудь другом... Когда вы ожидаете сюда вашего батюшку?

Слезы выступили на глаза Джесси, когда Мюрри заговорил о лорде Истрее и ее замужестве. Но последний его вопрос дал ей возможность оправиться, избавив от унижения ее женского достоинства, так как была минута, когда она готова была броситься к его ногам и воскликнуть: «Мюрри, я люблю тебя! Возьми меня и делай со мной, что хочешь!» Не глядя на него, она ответила спокойно, что, судя по полученной ею телеграмме, отец выедет со следующим пароходом — значит, он будет здесь, в Ливерпуле, в среду, через неделю. Но в голосе ее слышались подавленные слезы и побледневшие губы заметно дрожали.

— Вы, конечно, будете ожидать вашего батюшку в Лондоне, Джесси?! Мне кажется, это будет всего разумнее. На телеграмму, посланную мною лорду Истрею в Монктон, еще нет ответа. Думаю, он в Лондоне! Впрочем, мы через несколько часов узнаем все. Что вы

смотрите на меня так, Джесси? Я советую вам ехать в Лондон к вашим друзьям — так будет приличнее и лучше для вас. Там у вас, конечно, будет много хлопот, но, главным образом, испытайте себя еще раз хорошенько, обдумайте, дает ли вам счастье тот шаг, который вы решились сделать. Спросите себя, может ли высокое положение, которое вы, благодаря этому браку, займете в обществе, дать вам то полное душевное удовлетворение, какого вы вправе требовать от жизни? Истинное ли сердечное влечение руководит вашим выбором? Обдумайте и взвесьте все это хорошенько! Я не хочу ни советовать вам, ни руководить вашим решением, а только желаю, чтобы вы действовали по свободному выбору своего сердца, чтобы ни дружба, ни признательность не влияли на вас в этом отношении. Знайте только одно, Джесси, что сердце мое всегда с вами, и если бы случилась какая беда или несчастье, если бы вам почему-либо понадобилась моя помощь, телеграфируйте мне в мой отель, и я в ту же секунду поспешу к вам. Ну, кажется, я все сказал. Храни вас Бог, дорогая малютка, храни вас Бог!

Он встал, сознавая, что его решимость готова изменить ему, что одно лишнее слово или едва заметная дрожь в голосе могли разрушить все это с таким трудом воздвигнутое здание самоотречения.

Джесси, со своей стороны, понимала, что он уходит от нее. Он, этот испытанный, самоотверженный друг, этот отважный человек, лучше которого она не знала в своей жизни. Да, он уходит от нее в загадочную неизвестность, и это мучило ее, но ее женская гордость не позволяла ей произнести то слово, которое могло бы удержать его. Она хотела крикнуть это слово и не могла. Нервная судорога сжала ей горло.

— Мюрри, храни вас Бог! — проговорила она с усилием.

— Вы знаете, куда послать за мной?

— Да, да, знаю, Мюрри!

— Я не забуду никогда этого дня! — прошептал он.

— Я тоже, я буду всегда помнить его... Да еще как помнить!

— Прощайте, мой маленький друг... Прощайте!

— Уж если так должно быть, Мюрри, так прощайте!

Она видела, как его стройная фигура мелькнула

в дверях, и из груди ее вырвался слабый крик, похожий на стон. Точно обезумев, ступила она шаг-другой вперед, протягивая к нему руки, но его уже не было... Поздно! Дверь затворилась за ним, и он не мог ни видеть, ни слышать ее.

XVI

СТАРЫЙ ДРУГ ВНОВЬ НАЙДЕН

Мюрри сказал репортеру, что у него не было никаких определенных планов, но это было не так: он знал отлично, что будет делать. Хотя он счел за лучшее расстаться с Джесси сразу и в некотором роде таинственно, тем не менее отнюдь не был намерен предоставить ее самой себе в Лондоне, а решил следить за нею и там, ни на минуту не упуская ее из вида. Он тотчас же телеграфировал в Отель Старого Света на Трафальгарсквер, чтобы ему приготовили комнаты, и в день отъезда Джесси с одним из следующих поездов отправился и он вслед за нею в Лондон. Таким образом, получилось, что в то время, когда она думала, что находится совершенно одна и без друзей в громадном чужом городе, Мюрри знал каждый ее шаг, знал, когда и в какое время она выходила из своей гостиницы и когда возвращалась, где была и что делала. Сам же он никуда не выходил, нигде не бывал и никого не желал видеть. Но на десятый день его пребывания в Лондоне, поутру, в его кабинет вошел не кто иной, как наш старый знакомец Бертрам Седжвик. Он вошел свободно и бесцеремонно, все тот же, каким был раньше. Страшная трагедия не оставила на нем никакого следа. Его темно-багровое лицо было не менее багровым, а отуманенный вином взгляд был так же сонливо-бессмыслен, как и на пароходе.

На нем был светлый летний костюм и широкополая панама, которую он бесцеремонно бросил на стол, как человек, считающий себя вправе входить сюда, как в свою квартиру. Мюрри с первого взгляда понял, что его приход не предвещает ничего хорошего; несмотря на его, по-видимому, уверенный вид, тот с минуту замялся на пороге и последовал за слугой несколько нервной походкой. Когда слуга скромно притворил за со-

бой дверь, Седжвик, не дожидаясь приглашения, опустил в мягкое кресло и заговорил:

— Довольно странное приветствие, можно сказать, мистер Вест! Вы даже не удостоили меня простого «здравствуйте»! Ну, да вам незачем хмуриться! Я явился сюда исключительно для того, чтобы дружески побеседовать с вами!

Он, очевидно, чувствовал себя неловко и был чем-то встревожен и озабочен; он внимательно наблюдал за своим собеседником и в то же время нащупывал что-то у себя в кармане. Мюрри казался совершенно безучастным; он взял с подставки большую трубку и принялся медленно и тщательно набивать ее.

— А где же Маркс? Что вы сделали с ним?— спросил он.

— О, Маркс в полном здравии, он ожидает меня в моем номере и, вероятно, будет очень рад услышать о нашем свидании, так как он очень вас любил, несмотря ни на что!

Мюрри чиркнул спичку, и глаза его вспыхнули, точно два огонька.

— А,— сказал он сухо,— это весьма трогательно. Когда я видел его в последний раз, мы не разговаривали!

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что он был уже мертв, вот и все!

Седжвик тревожно заерзал в своем кресле.

— Так вы желаете дать мне понять, что вы все это знаете?

— Знаю ли я об этом? Я своими руками оттолкнул его, когда он стал цепляться за плот! Да! Он умер отвратительной смертью, но у меня не было даже желания спасти его!

— Вы всегда были бесчувственным чертом,— шутливо и как бы желая польстить, сказал Седжвик,— но он был мой брат, мы двадцать четыре раза пересекали с ним Атлантический океан. Подумайте только, двадцать четыре раза! А теперь мне приходится начинать игру сызнова. Моя физиономия стала слишком знакома всем, и потому вам, Вест, придется чем-нибудь помочь мне. Я порядком поистратился. А в такой нужде, конечно, обращаются к своим друзьям. Что пользы называть человека братом, когда он при первом неприятном случае поворачивается к вам спиной?! Если бы

мне удалось собрать двести—триста фунтов, я бы отправился в Южную Африку и попытал бы там счастья. Там на приисках можно будет поработать, когда Китченер вернется домой. У вас теперь куча денег, судя по вашей обстановке. Уплатите же мне пятьсот фунтов, и я даю вам слово, что вы никогда более не увидите меня. Это я, конечно, говорю как между добрыми товарищами, а я мог бы говорить и иначе!

И он принял такой вызывающий вид, как будто ожидал бурного взрыва со стороны своего собеседника. Но Мюрри сидел к нему спиной и ни разу не обернулся даже, чтобы взглянуть на него.

— Ничего из этого не выйдет,—спокойно отвечал он,—вы ничего там, в Африке, не сделаете. Да прежде бросьте возиться с пистолетом, если не хотите прострелить себе ногу. Выньте руку из кармана, глупый вы человек!

Пойманный врасплох Седжвик поспешно вынул руку из кармана, словно пистолет жег ему пальцы, и воскликнул растерянным, испуганным голосом:

— А почему вы знаете, что у меня есть при себе пистолет?

— Потому, что вы, вероятно, поднялись ко мне в лифте и не хотели спуститься через окно. Это очевидно. Смотрите, Седжвик, этот прыжок может окончиться не вполне благополучно!

Наступило продолжительное молчание, ни тот, ни другой не произносили ни слова; Мюрри невозмутимо курил свою трубку, а Седжвик нервно теребил поля своей грязной соломенной шляпы.

— Пятьсот,—повторил он,—вы неглупый человек, вы сами можете понять, что я прошу немного. Уплатите же мне пятьсот, и вы никогда больше не увидите меня!

— Но за что я буду платить вам эти пятьсот?

— За то, чтобы я держал свой язык за зубами! А у меня, знаете, очень дурной язык... Он мне стоил когда-то целого состояния, но и теперь он может заработать небольшую сумму. Что такое пятьсот фунтов?! Вы больше заплатите за пару лошадей или за какой-нибудь вонючий мотор!

— Тот мотор, который я приобрету, не будет вонючим, это во-первых, а во-вторых, ваше незнание моторов менее удивительно, чем то, что вы еще до

сих пор не знаете меня, Седжвик. Я знаю, что за вами водится одно положительное качество, это то, что вы превосходный лгун. Быть может, вы из этого сумеете выколотить что-нибудь. Я не вышвырну вас сию минуту на лестницу только потому, что мне любопытно: быть может, то, что вы сумеете сообщить мне, будет стоить этих денег — тогда вы и получите их!

— Да я хотя бы начну с того, что скажу вам: Лэдло в Лондоне!

— Продолжайте, — сказал Мюрри, — начало недурно!

— Я так и знал, что вам понравится! Ну, скажу вам, в незавидном он положении. Бедняга совершенно пал духом и забился в грязную трущобу Тоттенгама, даже на свет Божий нос высунуть боится, опасаясь полиции. Вам, вероятно, известно, что старик Голдинг узнал, что он бежал в Европу, и сыщики подстерегали его здесь? После крушения его подобрал пароход, и при моем содействии он улизнул от сыщиков. Я был ему за отца все это время, хотя он относится ко мне очень скверно. Не проходит дня, чтобы я не побывал у него в доме на улице Маргариты!

— Ну-с, продолжайте. Вы сказали только еще половину, прошу торопиться: к двенадцати часам я должен быть в одном месте.

— Готов побиться об заклад, что у Джесси Голдинг! Я и сам собираюсь к ней, надо сообщить ей кое-что, а потом уж можно будет отправиться и к Лэдло... Что ж, порешим, что ли, на семистах пятидесяти? Правда ведь я не завишаю цену?

— Хм! — сказал Мюрри саркастически и, подойдя к столу у окна, достал из его ящика связку бумаг, собираясь сказать что-то, как вдруг увидел направленное на него дуло пистолета Седжвика.

— Вот тут есть маленькая история, — продолжал Мюрри невозмутимо, все с тем же ироническим оттенком в голосе, — о некоем уличном воре Бертраме Седжвике, тогда именовавшемся Роджером Дау, история, которая, вероятно, покажется весьма интересной окружающему суду. Так вот, Седжвик, не валяйте дурака, если вы спустите курок, то наверняка попадете на виселицу!

— Я это отлично знаю, но бывает минута, когда человеку решительно все равно, повесят его или нет! И вот я решил или получить от вас семьсот пятьдесят

фунтов, или быть повешенным из-за них. Так вот я вам даю три секунды на размышление!

— Напрасно, я сейчас выпишу вам чек!

Седжвик был до того поражен этой быстрой сговорчивостью, что не в состоянии был произнести ни слова. Не отводя дула пистолета от своей жертвы, он жадными глазами впился в зеленую бумажку чека и при этом шептал вполголоса:

— Ну, вот это благоразумно! Ведь я же не желаю вам зла. Но когда человек доведен до крайности, вы сами понимаете, мистер Вест... Выпишите мне этот чек, и я клянусь, что вы больше не увидите меня.

Мюрри чувствовал, что в то время, как он писал, дуло пистолета почти касалось его уха, но даже мысль о том, что эти судорожно дрожащие пальцы могли непроизвольно спустить курок, не смущала его, и он спокойно подписал чек и передал его через плечо Седжвику с таким видом, как будто то была простая визитная карточка.

Дрожащие пальцы протянулись за чеком, и рука с пистолетом опустилась вниз. Этого было достаточно: длинные тонкие пальцы, словно клещи, впелись ему в горло и, словно тисками, сдавили его, в то же время железная рука схватила его руку. Негодяй не мог издать ни одного звука и только глухо хрипел; кровь шумела у него в ушах, красные круги ходили в глазах. Когда Мюрри, наконец, отпустил его, он упал на ковер и лежал с почерневшим лицом.

— Воздуху! Воздуху! — стонал он. Но Мюрри совершенно не обращал на него внимания, занявшись чем-то у стола. Пистолет лежал на полу почти под рукой у Седжвика, но заряды из него были вынуты и лежали в боковом кармане Мюрри.

Когда Вест окончил все свои приготовления, собрал бумаги, запер ящики и переоделся, то приказал Седжвику тоном погонщика рабов встать и идти за ним.

— Не думайте, Вест, что вы со мной разделились! У меня есть еще один козырь в запасе! — прохрипел тот.

— Тем лучше для вас! А теперь я возьму экипаж, и вы поедете со мной на улицу Маргариты. Если вы во время пути хоть раз откроете рот, я сейчас же сдам вас в руки полиции. Если же я буду вами доволен, то вы, пожалуй, заработаете проезд в Южную Африку!

— И еще сотенку фунтов на первые расходы!

— Может быть. Это будет видно после того, как я увидаю Лэдло.

Они сели в экипаж и поехали. Когда они остановились у подъезда грязного, убогого дома и поднялись по темной, неопрятной лестнице, Седжвик распахнул дверь в жалкую каморку, где Мюрри действительно нашел своего несчастного друга Хуберта Лэдло. Оба они были до такой степени растроганы, что не в силах были произнести ни слова. Даже Седжвик не захотел им мешать и предложил на время удалиться.

— Нет-нет, вы нам нужны,—сказал Мюрри,—сидите здесь, пока мистер Лэдло соберет свои вещи. Воздух Лондона ему вреден, ему надо немного попутешествовать за границей, и я хочу, чтобы он выехал сегодня же, а вам я успею выдать чек и после. Пожалуйста, не принимайте вида призового борца, вам пора бы уже знать, что я умею ладить с такими людьми, как вы!

— Я это хорошо знаю, но вы можете подписать чек здесь, прежде чем Лэдло выйдет на улицу. Видите ли, Вест, раз он уйдет отсюда, я выпущу вас из рук!

— Совершенно верно! Когда Лэдло выйдет отсюда, вы станете мне так же не нужны, как любой негодяй, которого я могу встретить на улице. Но вот что я вам говорю, садитесь и ждите, не заставляйте меня проучить вас еще раз!

Мюрри отозвал Лэдло в сторону и вполголоса стал давать ему какие-то наставления. Ужасно расстроенный, растерянный и печальный, Лэдло кое-как собрал свои пожитки в чемодан и, не дав себе даже труда закрыть, связал его на скорую руку ремнем. «Ах, Мюрри, я, право, не могу решиться на это! Это настоящее безумие!» — донеслись до Седжвика обрывки фраз. Затем, прежде чем этот последний успел опомниться, Лэдло вышел, сел в ожидавший у подъезда экипаж и уехал.

Тогда Седжвик грозно вскочил на ноги, но Мюрри тотчас остановил его, многозначительно положив ему руку на плечо.

— Неужели вы думаете, что такая тряпка, как этот человек, может укрыться от меня?! Я завтра же разыщу его! Конечно, если вы, Вест, не исполните данного мне обещания. Если вы называете себя джентльменом, то

должны выдать мне чек. Я положился на ваше слово, что сделал бы не каждый!

Убедившись, что Лэдло уже далеко, Мюрри отошел от окна, в которое он следил за своим другом, и взял со стола шляпу.

— Что ж, вы задумали меня обмануть? — крикнул Седжвик.

— Тише, тише, я прямо отсюда отправляюсь в компанию пароходства и приобрету для вас билет, как обещал!

— К черту этот билет, мне нужны двести фунтов!

— Проезд в Кейптаун и сто фунтов по прибытии туда — вот что было обещано!

Вместо ответа из уст Седжвика полился поток самой непристойной ругани. Теперь у него оставалась еще одна, последняя надежда: это Джесси Голдинг. Он мог пойти к ней и сказать: «Хуберт Лэдло застрелил вашего брата, а Мюрри Вест стоял и смотрел». Но, конечно, он не мог предвидеть, какого рода вознаграждение она даст ему за это. Кроме того, он прекрасно знал, что едва только сделает это, как Мюрри Вест не задумываясь передаст его в руки суда и полиции. Не находя выхода из положения, сознавая свое полное бессилие перед этим человеком, он впал в бешенство. Мюрри же, прислонясь спиной к двери комнаты, смотрел на него, скорее, с состраданием, чем с гневом.

— Полагаю, вам необходимо дать время одуматься, Седжвик, — сказал наконец Мюрри, — и если завтра вы снова явитесь умолять меня, то я, быть может, все-таки уплачу за ваш проезд в Кейптаун, но в настоящее время для вас несравненно безопаснее остаться здесь. Прощайте, Седжвик, и знайте, что если я, выйдя из дома, услышу ваш голос, то немедленно пошлю сюда полисмена!

С этими словами Мюрри вынул ключ из замка двери, намереваясь выйти, но Седжвик с бешеными проклятиями налетел на него и был тотчас же отброшен им, причем налетел на шаткий жалкий столишко, ножки которого подломились под его тяжестью, и он полетел вместе со столом к окну. Тем временем Мюрри Вест уже вышел за дверь, заперев ее снаружи на замок, а ключ от этих дверей вручил жильцу нижнего этажа, наказав ему крепко-накрепко ни под каким ви-

дом не отпирать двери до тех пор, пока господин не успокоится. Затем, вскочив в первый проезжавший мимо кэб, он вернулся в свою гостиницу. Странные мысли преследовали его. Он знал, что этот день должен был иметь для него громадное значение, так как сегодня Джесси должна была узнать всю правду о смерти ее брата, и притом от того человека, который был причиной этой смерти.

XVII

ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ

В тот самый день, когда Мюрри нашел своего друга Лэдло и отправил его с улицы Маргариты в свой блестящий отель на Трафальгар-сквер, Джесси принимала у себя подругу детства, которая приехала к ней завтракать. В отеле «Савой» собиралось в это время дня самое разнообразное и блестящее общество, так как его ресторан славился и посещался людьми всех профессий. Но ни сама эта пестрая толпа, ни кто-либо из отдельных личностей, входивших в ее состав, не интересовали Джесси и, если сказать по правде, то с того момента, как она рассталась с Мюрри Вестом, ничто решительно не занимало ее. У нее было здесь немало друзей и знакомых, начиная с американского посланника, друга их семьи. Но ни с кем из них она не могла поделиться своими чувствами, и до приезда отца ей суждено было справляться с ними одной. Ей и хотелось быть одной, хотелось никому ничего не говорить о том, что происходило у нее на душе, но временами это полное одиночество пугало и смущало ее.

До последнего времени Джесси не признавала в себе никаких сердечных волнений и, вероятно, по-детски рассмеялась бы, если бы кто-нибудь заподозрил ее в том, что романисты называют «страстной любовью». Во всяком случае, месяца три тому назад она, наверное, рассмеялась бы. Согласно распространенной в Нью-Йорке теории, она рассчитывала долиной брака достичь солнечных высот, блестящего положения в высшем свете, веселой жизни, невыразимой улады персской короны и тому подобных блаженств. Любовь же, утверждает эта теория, существует только для куха-

рок и героинь романов, а у Джесси не было ни одной подруги, которая могла бы научить ее смотреть иначе на это чувство. И потому, когда ее брак с лордом Истреем был решен, она согласилась на него с детской уверенностью, что это суждено судьбой, и брак нужен, даже необходим для ее счастья. Все друзья так радовались этому браку, так завидовали, так много говорили о ее необыкновенном счастье, о всех тех новых радостях и наслаждениях, какие принесет ей этот брак, что она действительно поверила им. Мало того, даже газеты в течение целой недели только и занимались, что ею и ее нареченным женихом, помещали портреты помолвленных, превозносили знатность рода и высокое положение жениха, восхваляли невесту...

Но в этом душистом венке были и свои тернии. В некоторых газетных статьях проскользнули и такого рода выражения, как: «Бернард Голдинг купил для своей дочери по дешевой цене баронета Истрея»; «Хромой банкрот быстро оправится, приобретя в Америке золотые костыли, но вряд ли старый ловелас помолодеет, приобретя молодую жену», или: «Старая аристократия гибнет благодаря молодым танцовщицам и бодрится благодаря богатым женам». Эти вещи, конечно, на мгновение обижали ее, но она очень скоро забывала о них, и перспектива первенствующей роли в высшем английском обществе невольно пленяла и забавляла ее даже и теперь. И ради чего стала бы она отказываться от всего этого? — спрашивала она себя. Только где-то в глубине души какой-то новый, незнакомый голос отвечал ей: «Ради того человека, который спас тебе жизнь, рискуя своей собственной жизнью». Но в то же время другой голос шептал ей: «Да, но он действовал из себялюбивых побуждений. Затем, если бы он не спас тебя, ты была бы спасена вместе с твоей теткой и другими». Наряду с этим она начинала рассуждать так: «Если бы в жизни Мюрри Веста не было ничего предосудительного, то он, наверное, рассказал бы ей больше о себе».

Как большинство молоденьких девушек в Англии, Джесси лишь изредка проглядывала английские газеты, а если проглядывала, то весьма невнимательно, потому ей было совершенно неизвестно, что в последнее время имя Мюрри Веста начало приобретать известность, что о нем много говорили и много занимались им

в лондонском обществе. Она даже ничего не знала о его материальных условиях и об истинных условиях его жизни и деятельности и боялась, чтобы, узнав все это, ей не пришлось разочароваться. Затем она начинала возмущаться своим собственным положением нареченной невесты, ожидающей своего жениха, который до сих пор даже не написал ни строчки, чтобы приветствовать ее; что она любила не его, а другого, почти незнакомого человека, который не решался просить ее любви. Не забавно ли было все это?

С такими мыслями ожидала Джесси свою приятельницу Нолли Баринг, молодую американку, вышедшую замуж за англичанина года четыре назад.

Проходя по вестибюлю, Джесси спросила, не было ли для нее телеграммы от лорда Истрей и, получив отрицательный ответ, испытала болезненный стыд, вызвавший с ее стороны решение не справляться более о телеграммах и совершенно перестать ожидать их и думать о них. Но едва только ее увидела Нолли Баринг, как первый вопрос ее между звонкими поцелуями был:

— Что же, дорогая Джесси, есть от него письма? Телеграммы? Узнала ты что-нибудь о нем?

— Ах, не спрашивай, мне даже надоело думать об этом! — отвечала Джесси и, взяв под руку свою приятельницу, направилась вместе с нею в ресторан отеля, где они и расположились у одного из отдельных маленьких столиков на балконе.

— Итак, твой отец приезжает завтра, Джесси, — продолжала молодая женщина. — Это, во всяком случае, приятная для тебя новость, не правда ли?

— О, да! — воскликнула Джесси, подавляя вздох. — Конечно, я очень, очень рада... Но он думает, что я теперь с Джеральдом, и потому не тревожится обо мне. Воображаю, что сказал бы отец, если бы я написала ему обо всем! Вообрази, ни слова от жениха, ни слова от других... точно на каком-нибудь необитаемом острове! Прямо-таки как в комедии. Я так и сказала Джеральду, когда писала ему вчера!

— А, так ты вчера писала ему?

— Да, писала и затем разорвала. Я всегда люблю изложить письменно то, что думаю и чувствую, это меня успокаивает. Я вчера сказала Джеральду все, что я думаю о нем. О, ты еще не знаешь меня, какова я бы-

ваю, когда дело идет неладно! Мне всегда кажется, как будто я должна сделать что-то ужасное, закричать, или расплакаться, или сделать больно себе или кому-нибудь другому, словом, сорвать как-нибудь свой гнев, тогда я делаюсь снова безмятежно спокойна, как ангелы на небесах!

— Я, дорогая, почти ничего о них не знаю. Но скажи мне, когда ты имела о нем последние известия? Ведь он, наверное, дал тебе телеграмму на пароход, где сообщал, что он намерен делать?— продолжала спрашивать мистрис Баринг.

— Да, он это сделал, только я теперь не помню, откуда была его телеграмма,— сказала Джесси.— Отец мой находился в то время в Лондоне, и я должна была приехать прямо к нему в этот самый отель. Последнее письмо от Джеральда пришло из Парижа; он мне написал тогда такую массу глупостей, что я и половины из них не запомнила. Уверял, что ездил на своей машине в Испанию, что там его принимали одни за германского императора, другие за царя. Все глупое тщеславие этой высшей породы, смешное и пустое тщеславие... Суета сует!— смеясь, добавила она.

— Если бы мужчины не были тщеславны, милая Джесси, то были бы еще более скучны! Мне кажется, что Джеральд в качестве мужа подает большие надежды. А ты, душечка, только начинаешь слушать эту интересную песенку мужа, заполучившего хорошенькую, молодую и богатую жену, а уже наслушалась такого, и потому я завидую тебе. На первых порах необыкновенно приятно слышать, как они, то есть мужья, все время повторяют: «моя жена делает то-то», «моя жена любит это», «моя жена хочет того-то» и т. д. И будь я на твоём месте, владелицей замка Монктон, я бы, кажется, убирала и разубирала его каждые три месяца для того, чтобы у меня было постоянно какое-нибудь занятие. Однако я не спросила еще тебя, сколько ты отправила телеграмм Джеральду с тех пор, как высадилась в Ливерпуле.

— Сколько? Да неужели ты думаешь, что мне нечего больше делать, как телеграфировать человеку, который умышленно держится подальше от меня!

— О, Джесси, как ты можешь говорить такие вещи?— воскликнула Нолли Баринг.— Он вовсе и не думает держаться умышленно вдали от тебя. Тут, очевид-

но, какое-нибудь недоразумение. Он или не получил твою телеграмму, или находится на своей яхте. Я решила разузнать об этом сегодня же, потому что твое положение становится смешным и глупым, тебя необходимо вывести из него!

— Бедная я, бедная! — смеясь, воскликнула Джесси. — Как будто мне это не все равно?! Неужели ты в самом деле думаешь, что для меня так важно выйти замуж за Джеральда? Могу тебя уверить, что нет!

— Тебе, дорогая, вовсе не разрешается рассуждать об этих вещах. Когда женщина начинает рассуждать, она погибла! — воскликнула молодая дама.

— Почему же она погибла, Нолли? Она, скорее, может думать о том, что спасена.

— Спасена? Что за дикая мысль! Спасена от обладания древним замком, от первенствующего положения в обществе, от знатного рода, ведущего свое происхождение от рыцарей Вильгельма Завоевателя?.. Помилосердствуй, Джесси! Ведь нет ни одной девушки, ни одной женщины в Нью-Йорке, которая бы не завидовала тебе. Я готова поспорить, что ты к нему несправедлива, что в этот самый момент Джеральд несется к тебе на всех парах, экстренным поездом и экстренными пароходами... Конечно, я не спорю, тебе обидно и неприятно дожидаться, но мы поможем делу. Я увезу тебя сегодня в Фентон-Карт, и поедем вместе в Аскот. Я оставлю здесь мистеру Голдингу письмо, что увезла тебя поразвлечься, а ты пошли записку на квартиру Джеральда, в которой известишь его, где ты находишься!

Джесси отрицательно покачала головой.

— Нет, нет, Нолли, я не могу ехать с тобой! Я так давно не видела отца, каждый час промедления будет теперь для него ужасен... Даже если бы теперь Джеральд прислал за мной, я не поехала бы к нему. Это не каприз, но, право, мне кажется, то если бы он искренне любил меня, то не поехал бы веселиться в Париж сразу после того, как услышал, что я погибла. Я писала ему это вчера и добавила, что не выйду за него замуж, но разорвала это письмо и бросила его в корзину, а теперь сожалею, что не отправила его ему!

— Нет, нет, Джесси! Это было бы настоящее безумие! Ты сама не знаешь, чего хочешь!

— Это правда... Знаешь ли, я пережила целую

жизнь с того момента, как мы с тетей покинули Нью-Йорк. Каждую ночь, когда я просыпаюсь, мне кажется, что я еще на море, и снова переживаю все эти потрясающие минуты. Мне кажется, что, пока я буду жива, я никогда не забуду этих минут и того человека, который пережил их со мной. Это был настоящий мужчина, да! И знаешь, Нолли, если женщина раз полюбит человека, ей нелегко позабыть его. Мюрри Вест—это истинный джентльмен и благороднейший человек, какого я знаю. Но, увы, я никогда больше не увижу его!

— И прекрасно!—воскликнула Нолли.—Обыкновенно, когда женщина начинает поддаваться такого рода чувствам, она погибла. Конечно, он охранял тебя, но при этом пользовался случаем ухаживать за тобой и вскружил тебе голову. Это обычный прием таких господ! Время и обстоятельства как нельзя лучше благоприятствовали ему и окружили его каким-то ореолом героя и мученика. Но здесь, в Лондоне, это дело другое, в обыденной обстановке оставаться героем трудно. Он умно сделал, что расстался с тобой в Ливерпуле, так как такого рода человек вполне понимает, что в Лондоне от сравнения с другими, изящными и элегантными джентльменами, представителями нашей аристократии, он сразу потускнеет. Здесь этот нешлифованный алмаз будет казаться невзрачным, подле настоящих бриллиантов в изящной оправе, к каким привык здесь в Лондоне наш глаз!

Джесси ничего не сказала и затем перевела разговор на другую тему. Вскоре они простились, и мистрис Нолли Баринг уехала в Фентон-Карт, а Джесси направилась в свои комнаты в первом этаже отеля. Проходя по коридору, она на минуту остановилась перед большим зеркалом с присущей всякой женщине привычкой, проходя мимо зеркала, убедиться, хороша ли на ней юбка и в порядке ли ее прическа. Вдруг она почувствовала на себе чей-то настойчивый взгляд и, подняв глаза, увидела в зеркале мужскую фигуру, а взглядевшись внимательнее, узнала в этом отражении своего жениха Джеральда, столь же удивленного и недоумевающего, как и она сама. В первые минуты она была до того поражена этим неожиданным открытием, что не нашла в себе даже силы и желания обернуться. Затем, сделав над собою усилие, воскликнула: «Как, Джеральд? Не-

ужели?» — и побежала к нему навстречу, но в коридоре было много людей, а Джеральда между ними не было.

XVIII ПРИЗНАНИЕ

Войдя в свою гостиную, Джесси придвинула большое покойное кресло к окну и расположилась в нем, чтобы на свооде разобраться со своими мыслями и чувствами.

Джеральд, ее жених, здесь, в Лондоне, в этом самом отеле! Нет, это уж слишком забавно! Он, чьи пламенные уверения и клятвы почти заставили ее поверить в его привязанность и любовь к ней, он здесь и избегает ее, прячется от нее?! Нет, вся ее женская гордость возмущалась против этого. Она ни минуты не сомневалась, что видела его, а никого другого, в зеркале. Она видела, как он шел по коридору и остановился на минуту против зеркала в глубине ниши, где находится камин. Он почти совсем не изменился: та же юношеская фигура, те же ровно ничего не выражающие глаза и тот же неопределенный взгляд, который она, шаля, изображала, когда еще не была помолвлена с ним. Несомненно, это был он. Он был здесь, в гостинице, видел ее и скрылся, не обменявшись с ней ни словом. Это было непозволительно, непростительно, необъяснимо. Наряду с этим ею овладело непреодолимое желание раззнать все и понять, как, что и почему.

Джесси была не более и не менее самолюбива, чем все женщины, но она имела над многими то громадное преимущество, что во всякое время подчинялась требованиям здравого разума. Обыкновенно склонная к страстной экспансивности в пустяках, серьезные случаи жизни всегда находили ее удивительно спокойной и сосредоточенной.

Так было и на этот раз. Первый взрыв негодования вскоре уступил место здравому и спокойному рассуждению. Ведь, возможно, что Джеральд не получил ее телеграмму, что он еще ничего не слышал об ее спасении и что, увидев ее отражение в зеркале, он, считавший ее погибшей, принял ее за привидение и испугался. Но в таком случае, конечно, он поспешит сейчас же навести

справки в гостинице, и не пройдет полчаса, как он сам явится к ней сюда.

«Ну а когда он придет, — продолжала размышлять Джесси, — что я скажу ему? «Бери меня, Джеральд! Вот я! Я ждала тебя и готова быть твоей женой» — или сказать ему всю правду, всю истинную правду: «Я не люблю вас, Джеральд! Я буду не верна себе, если стану вашей женой! Я полюбила другого человека, и все мои мысли и думы, все мои чувства и желания принадлежат ему, помимо моей воли». Что же сказать ему?»

Правда, воспоминание о Мюрри Весте ни на минуту не покидало ее — он постоянно был у нее в мыслях, а между тем она решительно ничего не знала о нем. Но этот молчаливый, сильный человек говорил ее воображению больше, чем кто-либо; он пробудил в ней чувство восторженного удивления, чувство женской любви, хотя окружающая его таинственность смущала ее. Она не могла решиться связать свою судьбу с человеком, который скрывал от нее свое прошлое и даже не позволял заговаривать о нем, а между тем отлично сознавала, что только он один мог ей дать счастье и он один мог лишить его; только если бы он забыл и разлюбил ее, она потеряла бы надежду на счастье, на светлое будущее.

Размышляя обо всем этом, Джесси напряженно прислушивалась к малейшему шуму шагов в коридоре и каждую минуту ждала, что вот-вот постучат в дверь и войдет Джеральд. Вдруг взгляд ее упал на маленький столик — на нем лежали письмо и телеграмма, которых она раньше не заметила. Она взяла их теперь со стола и уже вскрыла телеграмму, когда кто-то тихо постучал в дверь. Она вздрогнула, точно пойманная на месте преступления. Так, значит, Джеральд все-таки пришел, он действительно был здесь, в отеле, а странный случай с отражением в зеркале был в конце концов самой обыкновенной вещью, как она и предполагала.

— Войдите! — крикнула она, машинально поправила рукой свою прическу и, взглянув в зеркало на стене, заметила, что щеки ее разгорелись, а глаза заблестели от возбуждения. Через минуту она должна была увидеть перед собой человека, женой которого обещала быть. Без сомнения, он встретит ее страстными уверениями и показным проявлением нежности; непременно захочет обнять и поцеловать ее и сделает всякое объяс-

нение невозможным. Еще никогда в своей жизни Джесси так не расстраивалась, как в этот момент.

— Войдите же! — повторила Джесси. — Я здесь!

Дверь продолжала медленно открываться, и, наконец, в тени тяжелой портьеры появилось бледное, веснушчатое лицо с моргающими глазами и нерешительным видом. Джесси смотрела и недоумевала; она узнала это лицо и фигуру, но не могла себе объяснить, как этот человек попал сюда и зачем.

— Кто вы? Что вы делаете здесь?

Лэдло, так как это был он, сделал еще шаг-другой и остановился, как бы не решаясь ступить дальше.

— Я — Хуберт Лэдло... друг Мюрри Веста... если вы помните... — и при этом он растерянно оглядывался, как бы намереваясь сбежать.

С минуту Джесси думала, что он лишился рассудка, но затем, решив, что, быть может, он прислан к ней Мюрри Вестом, она поспешила успокоить своего гостя:

— Ах, да, да... Я отлично помню... Прошу садиться, я, право, очень рада вас видеть! Вы должны рассказать мне все, все... что с вами было... Я так желала бы знать, как все это случилось!

Лэдло немного оправился; он, собственно, явился сюда, чтобы сказать Джесси то, что должно было заставить ее отдать свою любовь Мюрри Весту, но мужество и решимость его таяли с каждой минутой, и теперь он уже думал, что лучше не говорить ей ничего.

— Я хотел заглянуть к вам, узнав, что вы здесь... Мюрри сказал, что я могу это сделать...

— Мюрри! — воскликнула девушка и тотчас же поправилась: — Мистер Вест здесь, в Лондоне? Он послал вас сюда? Да?

— О, да, он здесь, он... Но, быть может, мне не следует говорить вам, где он...

— А почему же нет? — спросила Джесси, тревожно глядя на него.

Лэдло спохватился, что сделал неловкость, проговорившись, и теперь, по свойственной ему привычке хитрить, старался поправить дело ложью.

— В сущности, это, конечно, все равно! Мюрри остановился в отеле «Метрополь», близ Чаринг-Кросс. Счастливее, как он спасся! Мне же тяжело пришлось. Я бросился в море, когда пароход почти затонул;

вместе со мной кинулся в воду и младший механик. Видите ли, какая-то женщина уронила спасательный круг как раз подле меня, я и схватил его...

— Это было весьма похвально, мистер Лэдло! — заметила Джесси.

— Вы хотите сказать, что мне не следовало хватать этот круг. Быть может, вы правы, но когда вода подступает к горлу, человек не всегда понимает, что делает. Я, конечно, не герой... Некоторые люди смелы и самоотверженны, ну а другие не таковы, и я говорю, что ни за что на свете не поеду больше на пароходе. Мы пробыли более восьми часов в воде; затем три дня я был чуть жив, да и теперь еще не совсем оправился!

— Считайте себя счастливым, мистер Лэдло, что вы остались живы! Подумайте только, сколько несчастных погибло. Мы никогда не должны забывать этого! Я постоянно спрашиваю себя, почему Провидение избрало меня и пощадило мою жизнь, такую незначительную и бесполезную. Спрашивали вы себя когда-нибудь об этом? Я уверена, что нет!

— Нет, все это чистая случайность. Быть может, лучшие люди погибли, а я вот жив! Что ж, это мое счастье, и больше ничего!

— Если вы не чувствуете благодарности к Богу, не чувствуете его благого попечения о вас, то вы не стоите жизни! Но неужели мистер Мюрри прислал вас сюда только для того, чтобы вы сказали мне все это? Нет, он такой хороший человек, я так уважаю его!

— И вы правы, он действительно очень хороший человек, лучшего человека я не встречал. Там, в Джексон-Сити, про него много говорили дурного из-за того, что он всегда был немного горд и заносчив, и это раздражало их. Но он один из немногих вернулся оттуда с чистыми руками! Ну а я нет, я несчастный человек, мисс Голдинг... Я всегда был несчастным, всю мою жизнь... и не надеюсь даже, что теперь будет лучше. Быть может, я бы лучше сделал, если бы не схватил спасательный круг. Эта мерзкая загадка, которая называется жизнью, никогда не находит себе разгадки. Гадаешь, гадаешь все время и все равно решения не находишь. Не родился я сыном священника, из меня, быть может, что-нибудь и вышло бы, но я был третий в семье и вскоре променял старика отца на молодых женщин. Тогда старик решил, что из меня ничего путного не будет,

и продал, что ли, свои церковные колокола или иным каким способом раздобыл денег и отправил меня в Америку. Там я и сапоги чистил, и полы подметал, и чего-чего ни делал, чтобы заработать корку хлеба, а затем отправился дальше на юг, и здесь, так как я всегда хорошо управлялся с лошадьми, мне нашлась работа в Джексон-Сити, где я и встретился с Мюрри Вестом и имел случай оказать ему услугу. Да, я спас ему жизнь, когда бешеная кобыла сбросила его в канаву, подмяла под себя и рвала его зубами, словно тигрица, и била копытами. Никто не смел подступить, чтобы помочь ему, а я выхватил клин из изгороди и в тот момент, когда она снова собиралась ударить его, поддел ее на кол и отбросил в сторону. Тогда мы общими силами вытащили его из канавы полуживого, и с того времени мы с ним стали братьями и всегда стояли друг за друга. Вы, я уверен, никогда не поверите ничему, что бы вам ни сказали про Мюрри. Не так ли? Вот это-то я и хотел вам сказать, и для этого я и пришел сегодня сюда, хотя это, конечно, большая смелость с моей стороны!

Джесси все время, слушая его, ломала себе голову над вопросом: для чего пришел сюда этот человек? Неужели он явился говорить от имени Мюрри? Неужели он теперь говорит то, что ему было поручено сказать?

Молодые люди расстались, условившись, что Лэдло пойдет к Джесси и скажет ей, что брат ее пал от его руки, как это и было в действительности, и испросит ее прощение именем Мюрри. «Скажи ей, что это моя к ней первая и последняя просьба, и я ручаюсь, что она ни в чем не откажет мне! Ты можешь быть уверен, что тебе не грозит никакая опасность!» — говорил Мюрри, и Лэдло сначала поверил ему и обещал отправиться в отель «Савой». Но что-то в тоне и манере Джесси смутило его; он усомнился в справедливости слов своего друга и, вспомнив Бернарда Голдинга и его непомерный гнев против убийцы сына, Лэдло совершенно оробел, стал колебаться и, наконец, окончательно решил не признаваться Джесси в своем преступлении ни под каким видом.

Но интерес Джесси был теперь возбужден до последней крайности, и она продолжала настойчиво расспрашивать своего гостя.

— Так вы прожили несколько лет с мистером Вестом в Теннесси? Значит, вы должны хорошо знать его?

— Да, конечно,—сказал он, с удовольствием заметив, что его собеседница больше интересуется Мюрри, чем им самим.— Я могу сказать, что знаю его хорошо, хотя он никогда не говорил ничего о себе, ни о том, кем и чем он был здесь, в Англии. Но я слышал однажды от кого-то, что он служил в кавалерии, и мы в шутку звали его всегда лордом в Джексон-Сити. Кажется, отец его разорился, но он не любил говорить об этом. Он занимался в Теннесси выездкой лошадей, и мы с ним вместе жили три года на одной ферме. Затем, после того как он поработал на приисках и нажил много денег, он стал торговать лошадьми на свой риск и страх. Дела у него шли хорошо. Быть может, он бы остался там и женился бы, если бы не случилось что-то такое, что потребовало его присутствия в Англии. Если не ошибаюсь, он, кажется, должен получить здесь кучу денег. Но, быть может, он уже говорил вам об этом?

Джесси отрицательно покачала головой.

— Вы говорите, что мистер Вест мог бы жениться там? Разве у него было там много друзей?

— О, все девушки там с ума сходили по нем. Самые лучшие из них были бы рады и счастливы пойти за него. Женщины всегда любят тех, кого они разгадать не могут. Но его нелегко заманить. А когда настала беда и тревожное время...

— Какая беда, мистер Лэдло, ваша или его?

Лэдло вдруг спохватился, что он опять чуть было не проговорился, опять смутился и начал лепетать и путаться в словах.

— То есть, я хочу сказать, что, когда он стал делаться непопулярным из-за его заносчивости, как я уже говорил вам... Почему вы думали, что я хотел сказать что-то другое?..

Джесси ничего не ответила, но, немного погодя, обратилась к нему с вопросом, которого он менее всего желал и ожидал:

— Если вы жили в Джексон-Сити, то должны были знать моего брата Лионеля. Не правда ли?

— Да! — пролепетал Лэдло, глядя куда-то в сторону.— Да, я знавал вашего брата!

— Ведь вы, кажется, находились в Джексон-Сити в то время, когда он был убит?

Лэдло продолжал смотреть в сторону и нервно теребил поля своей шляпы.

— Да, то есть жил в то время в городе... но не находился тогда в том месте...

— Так что вы не можете мне объяснить, почему люди связывали имя мистера Веста с убийством моего брата?

— Да, я знаю об этом, но в то время Мюрри там не было, он был в пятидесяти милях от того места, где это произошло. Он даже не знал ничего об этом, я готов поклясться. И если люди говорили о нем, то, вероятно, потому, что они с вашим братом никогда не сходились ни в чем. Но верьте мне, Мюрри хороший человек, он никогда никому не причинял вреда!

Джесси глубоко вздохнула и ничего не сказала. Она только дивилась теперь тому, что так долго и терпеливо слушала его вранье. Ведь Мюрри сам говорил ей, что брат ее умер на его руках. Какой же смысл был в этой лжи? Неужели Мюрри прислал его сюда для того, чтобы Лэдло содействовал его обману? Джесси решила более не слушать его и, поднявшись с места, протянула ему руку.

— Я никогда не забуду того, что вы мне говорили! — сказала она. — Смерть моего брата была величайшим горем моей жизни. Когда-нибудь я узнаю всю правду, мистер Лэдло! Но когда я узнаю ее, то виновному несдобровать!

Лэдло был страшно перепуган ее словами, но старался сохранить самообладание.

— Да, да, я вполне понимаю, но вижу, что вы заняты, и потому позволю себе удалиться! Мне было особенно приятно рассказать вам все, что я знаю. Вест всегда молчит о себе, и людям трудно распознать его!

— Ну, я давно уже успела узнать его! — сказала Джесси, ответив едва заметным кивком головы на почтительный поклон гостя.

Он просидел у нее более часа, и из всего, что он говорил, она не могла прийти ни к какому заключению. Теперь она вспомнила о письме и телеграмме, но когда прочла их, щеки ее вспыхнули и руки слегка задрожали.

«Нахожусь в Холли-Лодж, станция Витчерч, не в со-

стоянии приехать к вам. Жду вас сегодня вечером. Джеральд».

Так вот оно, это послание, которого она так долго ожидала. «Не в состоянии приехать к вам». Что это значит? Что он все время ожидал ее и, быть может, только сегодня узнал, что она жива? Чувствуя себя пристыженной за свои неосновательные, как ей теперь казалось, подозрения относительно его, она решила сегодня же ехать в Витчерч и там узнать все, хорошее или дурное. Она чувствовала, что долг повелевает ей пойти и сказать человеку, которого все считали ее женихом: «Этого быть не может, я люблю другого».

XIX ЖЕНЩИНА И КОЛЬЦО

Она решилась поехать на зов жениха, не предвидя для себя никаких неприятных последствий. Она боялась только одного, что, пожалуй, поддастся настояниям Джеральда и не скажет ему ту правду, которую она решила ему сказать. Она не взяла с собой горничную, так как не имела никакого багажа и рассчитывала вернуться в тот же вечер в свою гостиницу.

Будь она воспитана в Англии, она никогда бы не решилась отозваться на подобное приглашение; ведь ей ничего не было известно ни о подлинной жизни Джеральда, ни о том, кто с ним, из кого состоит его семья. Но такого рода соображения не удерживали молодую американку! Ведь она ехала в дом человека, который собирался назвать ее своей женой! Она ехала в эти зеленые леса и луга, которые скоро думала назвать своими. Что же могло грозить ей? Джесси чрезвычайно нравилась Англия, эта страна, утопающая в зелени и садах, с уютными коттеджами и одиноко стоящими среди своих обширных парков замками и усадьбами. В Америке, говорила она, мы все живем слишком на глазах у всех, так сказать, публично. Если американец строит дом, то не обносит его забором или оградой, а устраивает его так, чтобы каждый прохожий видел и серебро на его столе, и платье на его жене, и книги в его шкафах. Он хочет, чтобы весь город глядел в его громадные окна. В Америке нельзя испытать преле-

сти уединения, там ею пользуются только дикари, тогда как в Англии ею наслаждаются все классы общества.

Сойдя на станции Пангбурн, она осведомилась у начальника, очень любезного и франтоватого господина, далеко ли до Холли-Лоджа в Витчерче и можно ли туда пойти или надо брать экипаж.

— Очевидно, вас там, у лорда Истрей, не ожидают,— говорил ей молодой начальник станции с видимым сокрушением,— я не видел экипажа его сиятельства лорда сегодня. Во всяком случае, не видел его после того, как лорд Истрей сегодня утром изволил отбыть в Лондон, если не ошибаюсь, с десятичасовым поездом!

— Ах, так он сегодня уехал в город?— спросила Джесси.— Так будьте все же добры указать мне, где я могу получить экипаж.

— Холли-Лодж в добрых четырех милях отсюда, мисс, дорога грязная. Вам удобнее будет ехать экипаж у гостиницы «Старый лев». Они прекрасно доставят вас до места, я бы и сам с превеликим удовольствием отвез вас на своем пони, если бы только мог отлучиться со станции на это время. Но служба, знаете, не дружба, приходится отказывать себе в удовольствии и исполнять возложенный на вас долг.

Джесси поблагодарила его за доброе желание и уже несколько минут спустя сидела подле добродушного краснощекого толстяка, хозяина гостиницы «Старый лев», в заново выкрашенном экипаже, запряженном гнедой кобылой, и катила по дороге к поместью лорда Истрей.

Добродушный толстяк оказался весьма словоохотливым и без особого приглашения стал рассказывать Джесси все, что ему было известно о лорде Истрее.

— О, я прекрасно знаю его!— говорил он.— Еще прошлой осенью мы с ним так разбились, что стоило на нас посмотреть. Кто в тот раз правил лошадью, я уж и не знаю, только я очутился на полпути от Оксфорда, а кобыла моя смиренно стояла на нашем общественном пастбище. Его же сиятельство лорда нашли на дне канавы, где он, лежа в грязи, распевал гимны. Ей-Богу, мисс, это все судьба... так уж, верно, нам суждено было... Ну, с кем греха не бывает?!

Далее он продолжал указывать Джесси красивые

места и, между прочим, восхвалял красоту, миловидность и другие качества американок.

Джесси на этот раз не была так разговорчива, как обыкновенно. Красота пейзажа сильно действовала на нее, кроме того, собственные мысли отвлекали ее внимание от того, что говорил словоохотливый спутник. Временами она даже забывала, что едет в Холли-Лодж и что ее там ожидает.

Было уже около половины шестого вечера; солнце начинало заходить в большое почти черное облако. Легкий ветерок, дувший в течение дня, теперь разом стих, и только моментальными порывами проносился сильный ветер, предвестник бури и грозы.

— Эх, мисс, посмотрите-ка туда! Ну, кто бы мог подумать, что такой день, как сегодня, окончится грозой... Не без того! Такой будет ливень, что травинки сухой не останется... Вам и прикрыться-то нечем... Вот беда! Правда, я захватил с собой пару мешков! Не совсем это, конечно, приличные покрывала для такой нарядной молодой мисс, но в дождь все же лучше, чем ничего!

И при этом он старательно настегивал кобылу, которая не щадила своих сил. Толстяку, видимо, хотелось довести хорошенькую мисс еще до грозы, сама же Джесси мало интересовалась состоянием погоды; ее теперь занимало разъяснение новой загадки. Сначала она не обратила внимания на то, что ей говорил начальник станции, а теперь припомнились его слова, и она соображала, что если Джеральд уехал сегодня утром в Лондон, то отражение его в зеркале объясняется само собой. Значит, он действительно был в отеле и видел ее. Но, в таком случае, зачем же он прислал ей телеграмму из Витчерча, зачем звал ее сюда, зачем скрылся от нее и не разузнал ничего о ней в конторе гостиницы? Что значили в его телеграмме слова: «не в состоянии приехать к вам», когда начальник станции сам видел его в поезде, отправляющемся в Лондон?

Она совершенно не могла разобраться во всем этом и начала уже спрашивать себя, разумно ли она поступила, отправившись на зов. Теперь ее начинала мучить мысль, не станет ли этот необдуманный шаг ее последним «прости» по отношению к Мюрри, не увидит ли он в нем ее безмолвного ответа и решения, ее окончательного выбора. В этих мыслях она со-

вершенно забыла и про словоохотливого возницу, и про надвигавшуюся грозу, пока, наконец, Холли-Лодж не очутился перед ними, и краснощечный толстяк не привлек ее внимания громким, торжествующим восклицанием:

— Молодец, старуха! Постаралась!.. Видите, мисс, мы еще доедем до грозы! Я вас доставлю сухой, что былинку, и вы будете сидеть за чаем, когда грянет дождь, да-с!.. Обо мне не извольте беспокоиться, меня не скоро промочит. А домой я еще поспею к горячему ужину, да если бы и промок, так скоро обсушусь. Право, не могу вам сказать, мисс, какое удовольствие мне было везти вас! Уж если вы когда в другой раз сюда приедете, то пришлите письмецо старику Бельчеру, чтобы выехал вас встретить на станцию. Я с утра вас в тот день ждать буду, разве только что его сиятельство лорд сам пожелает отвезти вас на своих лошадях!

Джесси поблагодарила его, после чего Бельчер, так звали владельца гостиницы «Старый лев», продолжал обращаться к ней:

— Вы не будете ли родственницей его сиятельству лорду? Сходства-то, можно сказать, никакого между вами нет, что и говорить! А только, простите мне эту вольность, я всю дорогу спрашивал себя, уж не будет ли это одна из сестер его сиятельства? Нет, думаю себе, быть того не может... Ну, как вы скажете, мисс, ошибся я?

— Нет, вы не ошиблись, я не сестра лорда Истрей, а его невеста!

— Что вы изволите сказать, мисс? Простите, я не совсем расслышал!

— Я его невеста,—повторила девушка,—и думаю выйти за него замуж!

Том Бельчер при этом так дернул вожжами, что его гнедая кобыла разом присела на задние ноги.

— Повторите-ка еще раз, что вы думаете сделать?—сказал толстяк как-то недоверчиво.—Мне думается, что я ослышался.

С минуту краснощекий Бельчер сидел неподвижно, точно окаменелый, затем тихо, беззвучно рассмеялся и, хлестнув кобылу, почти карьером подкатил к подъезду.

— Ну,—сказал он, помогая Джесси выйти из экипажа,—будет у вас тут потеха. Да это уж дело такое женское, а мужчинам это забава... Покойной ночи,

мисс! Право, для меня было удовольствием глядеть на вас... поверьте!

— Не выпьете ли вы стакан вина или чего-нибудь? — предложила Джесси несколько неуверенно, стоя на лужайке у входа в коттедж. — Я уверена, что лорд Истрей пожелает угостить вас чем-нибудь!

— Не беспокойтесь обо мне, мисс, но я, право, охотнее выпью что-нибудь дома! Мне всегда вольготнее у себя в гостинице, чем в частном доме. Там я во всякое время дома, а здесь — не у места. А вот сейчас и дождь пойдет, так уж я лучше погоню свою тележку домой! Передайте мое почтение его сиятельству лорду и скажите, что на этот раз я его опередил. Доброго вам успеха, мисс!

Он на прощание помахал еще своей широкополой шляпой и быстро поехал по направлению Пангбурна. Нерешительно и с усиленно бьющимся сердцем толкнула Джесси зеленую калиточку палисадника и направилась к маленькому крыльцу.

Все здесь было живописно и уютно, все заново отделано и покрашено, цветы и куртины в полном порядке, свежие занавески на окнах, но из дома не доносилось ни звука. На стук Джесси отозвалась дворовая собака на соседнем дворе и пара голубей, спугнутая шумом, спорхнула и улетела, но изнутри дома никто не отозвался.

Джесси становилось жутко и неловко. Прошло не менее пяти минут; тяжелые капли дождя начали падать одна за другой; бурный порыв ветра, близкий предвестник грозы, зашумел по листьям деревьев.

Наконец, после вторичного стука Джесси на пороге появилась кокетливая, нарядная горничная, подвязывавшая одной рукой белый передник, в то время как другой осторожно приотворяла дверь, словно боялась нищих или бродяг, и вежливо, но нерешительно осведомилась у Джесси, что ей угодно.

— Я желаю видеть лорда Истрея! Насколько мне известно, он живет здесь!

Девушка еще немного приотворила дверь и с нескрываемым любопытством стала разглядывать Джесси.

— Вы изволили приехать из Лондона, мисс, не так ли? — спросила она несколько подозрительно.

— Да, да! Я — мисс Голдинг! Лорд Истрей вызвал меня сюда телеграммой! — сказала Джесси.

Прислуга по-прежнему несколько нерешительнопустила Джесси в узкие сени, ведущие в маленькую оранжерею, уставленную ценными растениями, но нигде не было видно обитателей дома. Немного погодя прислуга, заминаясь и как бы не зная, что ей делать, решилась, наконец, отворить дверь в небольшую гостиную, изящно обставленную, и попросила Джесси обождать здесь немного, пока она пойдет и доложит.

Уютные уголки нежных тонов, мебель и акварели на стенах, драгоценные фарфоровые безделушки на столиках и этажерках — все выказывало изящный и изысканный вкус Джеральда. Но наряду с этим во всем проскальзывал вульгарный порядок. Рояль был заперт на ключ, ноты чисто прибраны на этажерке, книги стояли на полках, щеголяя переплетами. Ни один предмет в комнате не говорил о том, что им пользуются. Возле ценных безделушек стояли грошовые вазочки и куколки, занавеси на окнах тоже были дешевенькие, как в небогатых мещанских домах, что странно контрастировало с дорогой мебелью.

Все это не укрылось от наблюдательного женского взгляда Джесси, которая теперь спрашивала себя, как могла она решиться поехать сюда. Более нелюбезного, даже, можно сказать, оскорбительного приема трудно было ожидать. Эта полутемная комната, долгое ожидание, мертвая тишина в доме и странное поведение прислуги — все это было мучительно и обидно для Джесси. Где же был Джеральд? Что он делал в это время? Что означала его телеграмма? Несомненно, его не было здесь! Вероятно, он был внезапно вызван в Лондон и кто-нибудь из его родственников примет ее и, наверное, объяснит ей все. Так утешала себя Джесси. Но этого утешенья хватило не надолго. Все же она чувствовала себя удрученной, униженной, обиженной! Как не похоже было все это на ту встречу, какой она ожидала!

Вероятно, какая-нибудь сонная экономка наряжается теперь для того, чтобы предстать пред нею с извинениями, и потому ей, Джесси, приходится ждать! Но прошло еще четверть часа, затем еще — и никто не показывался. В комнате почти стемнело. Если бы на дворе не лил ливень и не бушевала гроза, Джесси

не задумываясь встала бы и ушла из этого дома, никого не дожидаясь.

Но уйти в такую погоду, когда Том Бельчер уже далеко со своей гневной кобылой, было страшно. Оставалось или идти добрых четыре мили под проливным дождем, или сидеть, где она сидела, и терпеливо ожидать, что будет дальше.

Прошло еще около четверти часа. Вдруг без малейшего предупреждения кто-то неслышно вошел в комнату и не показывался, а скрывался за низкой ширмой у дверей. Джесси тотчас же встала и сделала несколько шагов в том направлении, как вдруг яркий электрический свет разом ослепил ее. Она невольно заслонила глаза рукой и в этот момент услышала приятный женский голос, приветствовавший ее и извинявшийся за промедление.

— Вы — мисс Голдинг, не правда ли? Ну, так я должна вам сказать, что Джеральд в Лондоне. Я не ожидаю его сегодня обратно, он будет ночевать в городе и вернется сюда только завтра к обеду.

— Вы не ожидаете его возвращения сегодня? — пролепетала растерянно Джесси. — Но он прислал мне телеграмму, в которой просил меня приехать.

Молодая особа кивнула головкой, и в глазах ее засветилась насмешливая улыбка. Это была, несомненно, красивая девушка, высокая брюнетка с правильными, почти классическими чертами и густой массой черных волос, красиво обрамлявших лицо и связанных тяжелым узлом на затылке. Однако, несмотря на ее природную красоту, статность фигуры и изящность линии плеч и овала лица, она не производила того хорошего впечатления, какое обыкновенно производит красивая женщина или девушка.

Быть может, этому мешали искусно усиленный румянец и цвет губ, подведенные углы глаз и брови и сильно напудренное лицо, причем все это было сделано весьма неумело и только придавало ей очень нежелательный отпечаток известного типа женщин. Кроме того, несмотря на то, что она была дома и, вероятно, не собиралась никуда в такую погоду, на ней было изящное манто и платье, претендующее на роскошь, что было весьма некстати, а грудь и пальцы были усыпаны драгоценными камнями, словно она хотела удивить и поразить такой выставкой драгоценностей.

Если бы Джесси встретила ее где-нибудь в другом месте, а не в доме Джеральда, она, вероятно, приняла бы ее за актрису, или танцовщицу, или кого-нибудь в этом роде, но здесь она положительно терялась в догадках.

— Я боюсь, что вам пришлось сильно промокнуть,— сказала молодая особа,— но обратный путь для вас будет еще хуже, а никакого экипажа здесь получить нельзя. Теперь я почти сожалею, что вы приехали!

Джесси широко раскрыла глаза от удивления и недоумения.

— Но Джеральд звал меня... Где же он? Что все это значит? Я ничего решительно не понимаю!

Молодая особа на этот раз оскорбительно рассмеялась и, расположившись по возможности удобно в одном из кресел, смерила Джесси с головы до ног наглым, небрежным взглядом и сказала:

— Да, конечно, но сейчас вы все поймете. Дело в том, что телеграмму вам послал не Джеральд, а я. Я желала вас видеть, моя милая! Мне хотелось посмотреть на ту девушку, на которой он должен был жениться. Почему же мне было не доставить себе этого удовольствия? Ну, пожалуйста, не смотрите так гневно. Ведь мне это решительно все равно, и Джеральд, наверное, будет смеяться, когда я ему расскажу все это. Он должен смеяться, если я прикажу! Ну, да вы хорошенькая девушка, этого отнять нельзя, и, говорят, вы богаты? Тем не менее вы опоздали... Вот поглядите-ка сюда, американская красотка! Видите эту вещицу у меня на руке? Он нашел себе нечто английское, душечка, и из моих ногтей никогда не выберется, за это я ручаюсь! — И она стала совать чуть не под нос Джесси свою руку с толстым и массивным обручальным кольцом на пальце, кольцом, казавшимся несколько подозрительным между другими ее многочисленными кольцами.

Джесси на этот раз не потеряла достоинства; не сказав ни слова, она гордо и спокойно повернулась и пошла к двери.

Итак, эта женщина была его жена!

Джесси казалось, что никогда в жизни она не забудет этого унижения и позора, этого оскорбления, нанесенного ей этой женщиной и тем человеком.

XX В КУЗНИЦЕ

Выйдя из дверей, Джесси спокойно прошла через цветник, затворила за собой калитку, затем не оглядываясь быстрым шагом пошла по направлению к станции. Несмотря на то что дождь лил потоками, а холодный, резкий ветер срывал ее шляпу и раздувал платье, Джесси ничего не чувствовала и не замечала. У нее было теперь только одно желание — скорее вернуться в Лондон, застать там отца и вместе с ним возвратиться в Америку с первым же пароходом. Она утешала себя только тем, что отец сумеет рассчитаться с этими людьми, позволившими себе так посмеяться над ней, так глубоко оскорбить ее.

Но все эти мысли не в состоянии были сделать ее нечувствительной к трудности и продолжительности пути. Ночь была до того темная, что она ничего не видела в двух шагах перед собой; дорогу размыло, в глубоких колеях стояла вода. Джесси выехала в такую чудную погоду, что не захватила с собой даже плаща или накидки; платье на ней было легкое, кисейное, а на ногах тоненькие ботиночки. Теперь все на ней вымокло до нитки. Большая французская шляпа с розовыми перьями начала уже пропускать воду; у нее был до того жалкий вид, что даже жесточайший враг пожалел бы ее. Дорога тянулась бесконечно в глубоком мраке беспросветной ночи; казалось, ей не будет конца.

И Джесси шла, шла, все вперед и вперед, хотя ноги отказывались ей служить, а промокшая одежда стесняла ее движения. Дождь слепил ее, слезы выступали на глазах. Только бы где-нибудь увидеть свет, услышать человеческий голос, думала она, но кругом было темно, и только ветер то жалобно, то сердито завывал в вершинах деревьев.

Ей казалось, что если бы только дождь перестал ей хлестать в лицо и небо разъяснилось, то всему горю ее был бы конец. Вдруг за поворотом яркий красный свет громадным пятном лег на дорогу; мерные тяжелые удары молота почти одновременно донеслись до ее слуха. Она подняла глаза и увидела у самой дороги ку-

зницу. Трудно передать, до чего она ей обрадовалась. Она чуть не бегом добежала до нее.

Кузнец Яков с помощью очень маленького мальчугана и под наблюдением Буббля, деревенского умника, любившего везде чему-нибудь научиться, трудился над починкой сломанной оси у тележки Буббля в тот момент, когда в воротах его кузницы появилась Джесси. По привычке своей Яков, слывший за человека книжного и ученого, подробно разъяснял Бубблю, в чем дело и какая могла бы выйти беда, если бы починка не была произведена, как следует, уснащая при этом свою речь обильными цитатами из Священного писания, в которых у него никогда не было недостатка. Он занес уже молот и готовился опустить его на наковальню, когда хрупкая женская фигура на пороге заставила его застыть в этой позе.

— Могу я здесь укрыться от грозы? — спросил чистый музыкальный голос. — Я так промокла и устала! Позвольте мне отогреться у вашего огня.

— Боже правый! — воскликнул мистер Буббль. — Да ведь это, кажется, молодая леди. Боже мой, Боже мой, Боже мой, как вы, должно быть, измучились и промокли... Входите, входите, леди, и располагайтесь, как вам удобно, только подумать... в такую погоду... добрый хозяин собаки не выгонит со двора... И вдруг такая молодая леди! «И поднялись воды над землею!» — процитировал почти машинально кузнец Яков. — Эй, Билли, слушай, сбегай-ка ты к матери да скажи ей, что здесь у нас молодая леди в большой беде. Ну, так беги, смотри не дожидайся, пока я тебя съезжу палкой по спине.

Билли, так звали мальчугана, пустился со всех ног, а Джесси приблизилась к огню и старалась обсушиться у него. Кузнец принялся усердно работать мехами, раздувая огонь, а мистер Буббль следил за ней несколько подозрительно.

— Как вы добры, — сказала Джесси, — что стараетесь обогреть меня. Я никогда этого не забуду. Я приезжая здесь. Я недавно из Америки и на днях уезжаю туда обратно. Вы, вероятно, местный деревенский кузнец, не правда ли?

— Да, леди!

— А у нас, в нашей стране, вовсе нет деревень, там все города!

— Там, говорят, всякий труд хорошо оплачивается,— сказал кузнец,— и у вас, мисс, хлебопашец— крестьянин то же, что сквайр, оба равны! Ведь так? Странное это дело, думается, потому что какая мне польза от равенства, когда я зарабатываю сорок шиллингов в неделю? Что бы с Бубблем сделалось, если бы сквайр пригласил нас в свою гостиную и сказал нам: «Ну, садитесь, друзья, по правую и по левую руку от меня!» Право, мисс, меня бы стало и в жар и в холод кидать. Кто по роду вам ровня, тот вам и товарищ... воля ваша, мисс! Ваш отец, вероятно, мог бы купить лучший дом в деревне, а вы сегодня промокли, как последняя деревенская девчонка. Это потому, что дождь на людей не смотрит, для него и крестьяне, и короли — все равны. Конечно, это могло бы служить всем нам в поучение, и вы, вероятно, не скоро забудете этот урок.

— Ну, как бы не так! Сейчас же забудет! — возразил Буббль.— Дайте ей только сухое платье да горячего чайку — и сразу все забудет... А ты посторонись, приятель, да уходи подальше. Вон, твоя хозяйка идет! — добавил Буббль, как будто перетрусив.

При виде жены рослый силач Яков присмирел, как овечка, и забыл все свои цитаты. Эта простая энергичная женщина сразу завладела молодой девушкой, увела в соседний домик, наградив предварительно мужчин целым рядом насмешливых и строгих замечаний, которые те приняли безмолвно и с полным смирением.

— Пойдемте со мной, моя милая, у меня найдется для вас что-нибудь из платья моей дочери! Вы что две булабочки — схожи друг с другом! Видно, сам Бог послал вас к нам. Я сейчас помогу вам переодеться.

Она поспешно перебежала через дорогу, приглашая Джесси не отставать, и ввела ее в маленькую комнату, светлую и убранную, щеголявшую безупречной чистотой и порядком. Тут она настояла на том, чтобы Джесси сейчас же сменила и белье и платье, заменив промокшее скромным, небогатым, но безупречно чистым, новеньким бельем и платьицем из приданого ее дочери, как старуха тут же объяснила Джесси.

— Моя дорогая Джен, моя единственная дочь, уже три года живет у лорда Веслея! Она собирается теперь замуж, и вот это ее приданое, которое она понемногу готовит себе. Нынешние молодые люди не те, что были в наше время, на них положиться нельзя, пока не наде-

то кольцо на палец. Нынче и из-под венца уходят! — говорила старуха. — Ну, да пусть готовится все по-маленьку. Вот наденьте это лиловое платьице. Если с ним что сделается, вы подарите ей другое, не так ли? Ведь это наша обязанность и вместе и удовольствие — оказать услугу такой барышне в беде. Вы и сами, верно, скоро выйдете замуж и тогда вспомните о моей дочке!

— Я никогда не выйду замуж! — сказала Джесси. — Но дочку вашу я все-таки не забуду и всегда буду вам благодарна за услугу.

Лиловенькое платье Джен оказалось не только миленьким и хорошеньким, но было даже очень к лицу Джесси, и теперь, когда она уже успела обогреться и обсохнуть, а платье и белье на ней было свежее и сухое, на столе же стояла большая чашка горячего чая и вкусные ломти хлеба со свежим маслом — все ее приключение начинало казаться Джесси забавным, а тот факт, что Джеральд был уже женат, даже отчасти радовал ее.

— Право, вы ко мне очень добры! — ласково сказала она старухе, жене кузнеца, упрасивавшей ее кушать побольше. — Я чувствовала себя такой несчастной, такой обиженной, когда шла сюда, а теперь я опять совершенно счастлива и весела! Я никогда не забуду, что вы сделали для меня, и непременно пришлю хороший свадебный подарок вашей дочери и что-нибудь вам, на память обо мне. Я хочу сегодня же вернуться в Лондон, если возможно, а через неделю уеду в Америку, но до отъезда своего я напишу вам письмо, в котором сообщу, что со мной случилось.

Старуха уверяла, что была очень рада помочь ей, чем могла, но что она весьма сомневается, чтобы барышня успела еще сегодня вернуться в город, так как последний поезд отходит в девять вечера, а раньше как к десяти Джесси не дойти до Пангбурна.

— Господин Кингстон, хозяин гостиницы «Голубь», побережет вас, — говорила она, — а мой лентяй Яков проводит вас, если вы боитесь идти одни: ведь дорога унылая, особенно в это осеннее время!

Но Джесси уверяла, что ничуть не боится и отлично дойдет одна. Старуха же, опасаясь, чтобы благодарность барышни не попала в руки ее беспутному пьянице, минуя ее руки, охотно согласилась предоставить ей идти одной, тем более что гроза прошла и полный месяц

светил ярко. При расставании Джесси сунула в руку доброй старухи ассигнацию в пять фунтов, которую та припрятала в надежное место, а мужу сказала, что молодая мисс оставила несколько шиллингов за услуги и обещала завтра прислать письмо.

XXI

ЭКСТРЕННЫЙ ПОЕЗД И ТО, ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Еще дождь барабанил в окна вагонов, когда последний вечерний поезд из Паддингтона прибыл в Пангбурн, и из вагона первого класса выскочил одинокий пассажир, искавший глазами на платформе кого-нибудь, кто бы мог дать ему необходимые разъяснения. Конечно, глаза его встретили нарядную фигурку щеголеватого маленького начальника станции, к которому он тотчас же и обратился.

— До Холли-Лодж, усадьбы лорда Истрей, далеко отсюда? — спросил он.

Франтоватый начальник станции улыбнулся и сказал:

— Я уже слышал сегодня этот самый вопрос, сэр...

— Да, да! Я знаю! Вы слышали его от одной молодой мисс, приехавшей сюда с шестичасовым поездом! На ней было светло-серое платье и большая соломенная шляпа с перьями. Разве я не пророк и не угадчик?

— Об этом мне ничего не известно, но что касается молодой мисс, то это верно! Право, удивительно красивая девушка! Она уехала в Холли-Лодж с Бельчером, хозяином «Старого льва». Я дожидался ее к последнему поезду, но она, как видно, опоздала, так что сегодня уже не попадет в Лондон!

Мюрри Вест, так как этот пассажир был не кто иной, как он, застегнул не торопясь свой легкий дорожный плащ и закурил дорогую сигару с видом человека, хорошо знающего, что ему следует делать.

— Вы хотели сказать мне, как далеко до Холли-Лоджа, — напомнил он своему собеседнику, затем, не дождавшись его ответа, добавил: — Надеюсь, у вас здесь можно достать экипаж?

— Вот видите ли, — вдруг оживился начальник станции, — я знал, что вы непременно до этого догово-

ритесь! Единственный здесь экипаж, кроме моего, это экипаж Бельчера, который сегодня уехал с той молодой мисс, и я не знаю, вернулся ли он, а до Холли-Лоджа добрых четыре мили по очень грязной дороге, сэр! Если вы полагаете, что управитесь с моим пони, я бы охотно предложил его вам!

— Управлюсь ли я с вашим пони? Да что он, дикая зебра, что ли? Боже правый, да есть ли в целом Оксфордшире такой пони, с которым я бы не справился? Прошу вас, прикажите запрячь его сейчас же! Я с удовольствием уплачу вам, что следует, а затем будьте добры сообщить мне, когда отправляется отсюда следующий поезд в Чиптенгам.

Начальник станции отрицательно покачал головой.

— Никакого поезда в Чиптенгам не будет теперь, сэр! Вам придется дожидаться того, который проходит здесь в пять утра из Паддингтона!

— Неужели, милейший, я похож на человека, который станет дожидаться целую ночь поезда? Вы, может быть, хотели сказать, что мне придется заказать экстренный поезд, так вы так и скажите и распорядитесь теперь же, чтобы через час поезд этот был здесь!

Конечно, экстренные поезда не часто требуются на таких маленьких промежуточных станциях, но франтоватый начальник станции не выказал ни малейшего изумления.

— Прекрасно,— сказал он,— я сейчас буду телеграфировать в Дадкот, сэр! Это будет стоить вам... Ну, да мне кажется, что это вам, в сущности, не так важно, сколько это будет стоить?

— Вовсе не важно,— подтвердил Мюрри.— Для меня важно только, чтобы поезд ожидал меня, когда я вернусь! Ну, а теперь позвольте мне взглянуть на вашего страшного зверя! Что же он такое ужасное делает? Бьет? Лягается? Кусается?... Э-э... настоящий маленький дьявол, который лягается, как заяц. Ну, что делать, придется мне с ним повозиться!

— Мой пони довольно спокойный, сэр,— принялся объяснять станционный начальник,— за ним нет никаких особенных пороков. Есть у него только одна не совсем хорошая привычка — ложиться посреди дороги, когда ему вдруг вздумается не идти дальше, что, конечно, не особенно приятно, когда приходится спешить. Быть может, он сегодня не ляжет: погода очень

плоха и дорога мокрая! — добавил успокоительно владелец пони, ласково потрепав его по крутой шее. — Ну, Бобби, милый мальчик, подымайся! Вот этот джентльмен желает на тебе проехаться... Будь молодцом!

Спустя пять минут пони был благополучно заложен в хорошенький кабриолет, а спустя еще три минуты Мюрри, получив необходимые указания относительно дороги и направления, какого следовало держаться, весело отъехал от станции.

— Послушайте,— крикнул Мюрри еще раз на прощанье владельцу пони,— что вы делаете обыкновенно, когда вашему пони приходит фантазия лечь посреди дороги?

— О, я тогда достаю из кармана книгу и принимаюсь читать!

— А-а! Ну, это не совсем удачный прием. Следующий раз, когда он это сделает, рекомендую вам сесть ему на голову и читать! Ручаюсь, что он скоро вскочит и побежит!

Затем, тряхнув вожжами, Мюрри тронул пони, и маленький кабриолет покатился по деревне по направлению к Витчерчу и Холли-Лоджу.

Ночь была тихая, лунная. Небо звездное. Кругом все спало глубоким сном. Ни в одном из домов не светился огонь. На душе у Мюрри было торжественно и тихо, хотя он знал, что эта ночь должна решить его судьбу, что сегодня маленькая Джесси, испытывавшая всю горечь обиды и унижения, или прильнет к нему, ища у него утешения и защиты, или же оттолкнет его навсегда. И он ехал, чтобы найти ее, чтобы завоевать себе сегодня счастье всей своей жизни или оставить надежды навсегда.

Каждый предмет, показывавшийся вдаль, заставлял его вздрагивать и придерживать добронравного пони, в то время как у него возникал вопрос: она или не она? Много раз неверный свет луны и смутные очертания теней обманывали его, нервное возбуждение его возрастало с каждой минутой и тревога в груди его росла и росла. Но он знал, что встретит Джесси где-нибудь на дороге. Или, быть может, она и теперь еще в Холли-Лодже, в полном неведении? Одна мысль о той обиде и унижении, какие низкая женская месть вздумала нанести Джесси, его дорогой, обожаемой

Джесси, доводила его до отчаяния, и он начинал что было мочи понукать своего пони.

Но вот он на перекрестке двух дорог. Тут добронравному пони, которому такая езда пришлось не по вкусу, вдруг заблагорассудилось встать и не двигаться ни взад, ни вперед. Лечь он не захотел, очевидно, потому, что кругом стояли лужи и ночь была свежая, почти холодная. Но и заставить его идти дальше не было никакой возможности. Сначала Мюрри отнесся к этому капризу животного довольно снисходительно, но ласковое обращение, очевидно, совершенно не действовало на пони. Тогда Мюрри наградил его двумя такими горячими ударами бича, что упрямое животное, словно бешеное, рванулось вперед и помчалось по дороге, грозя ежеминутно сбросить и седока и экипаж в канаву и изломать все в щепки, не щадя и себя. Ни сила, ни искусство, ни опытность Мюрри в деле выездки лошадей не могли ничего поделать с закусившим удила пони, и в течение добрых пяти минут все усилия Мюрри оставались бесполезными. Наконец, взлетев на гребень довольно крутого холма, злое животное разом остановилось как вкопанное, все трясаясь от нервного возбуждения, роняя пену и дико озираясь кругом. Здесь-то Мюрри и встретил Джесси.

Она шла не спеша и начала уже спускаться с холма, когда услышала бешеный топот копыт и стук колес экипажа, мчавшегося ей навстречу. Какое-то внутреннее чутье подсказало ей, что здесь близко друг и что, быть может, этот друг не кто иной, как Мюрри. Она остановилась и стала ждать приближения обезумевшего пони, замирая от страха, надежды и ожидания. Когда экипаж вдруг остановился не более как в двадцати шагах от нее, Джесси в первую минуту осталась неподвижна и безмолвна, затем, сделав несколько шагов, вышла на залитую лунным светом дорогу из-под тени деревьев, скрывавших ее, и спросила:

— Кто это? Что случилось? Никто не расшибся?

Он узнал ее голос, который показался ему в этот момент божественной музыкой.

— Это я! Мюрри! — отозвался он. — Я искал вас, Джесси!

Она ничего не ответила ему, но ее стройная фигурка закачалась из стороны в сторону, словно колос от ветра, и слезы благодарности, нежности и умиления зату-

манили ей глаза. И так, Мюрри пришел к ней... ее славный, сильный, благородный Мюрри... О, она знала, что он придет. Когда глаза ее стали видеть, то они увидели перед собой близко-близко дорогое лицо Мюрри, и его сильная рука обвивала ее стан, прижимая к груди.

— Вы были в Холли-Лодж? — спросил он.

— Да, Мюрри!

— Так вы знаете всю эту историю?

— Да, знаю!

— Пусть никогда больше об этом между нами и помину не будет, Джесси! — сказал Мюрри, ведя ее к экипажу. — Садитесь скорее, не то этот дьявольский пони опять нас понесет!

Она повиновалась, и он, повернув лошадь, крупной рысью поехал по направлению к Пангбурну. До сего времени он вовсе не замечал наряда Джесси; он был до того взволнован, что мысли в его голове кружились в какой-то бешеной пляске.

— Я был у вас в отеле и там узнал, что вы уехали! Там же я встретил Истрея и узнал у него все. Об этой подлой проделке ему решительно ничего не известно. Во всяком случае, он джентльмен и не допустил бы ничего подобного, если бы мог предвидеть. Ну а теперь мы едем домой. Согласны вы, Джесси, ехать домой, в мой дом, в наш дом? — спросил он, заглядывая ей в лицо.

— О... видит Бог, что я согласна, Мюрри! — воскликнула Джесси дрогнувшим от волнения голосом.

— Так придвиньтесь как можно ближе ко мне и повторите мне это еще раз! Нам предстоит долгий путь, и железная дорога будет началом этого пути. Вы не озябли, Джесси? Вы как-то странно одеты... Я никогда раньше не видел, чтобы вы так одевались!

— Ну, конечно, Мюрри! Это платье бедной прислуги, я одолжила его у жены старого кузнеца, и этот плавок тоже!

— Мы завтра отошлем его обратно, положив кое-что в карман! Но, право, оно мне очень нравится, Джесси! Этот наряд очень идет вам, за исключением только шляпы, которая, признаюсь, отвратительна!

— Но это единственная, какая там нашлась. Вы не сердитесь на меня, Мюрри?

— За что? За то, что эта безобразная шляпа портит

хорошенькое личико? Не беда, я завтра найду для нее сам по своему вкусу подходящую рамку. Вот и Витчерч, милая Джесси, а вот и наш поезд. А знаете ли вы, куда едете?

— Нет, Мюрри, я не имею ни малейшего представления об этом, но я положительно выбилась из сил. Мне кажется, что я сегодня прошла тысячу миль. А дождь-то, дождь... Это было жестоко и бесчеловечно... и я была одна, совершенно одна! Я не думала, что кто-нибудь думает обо мне и пожалеет меня...

— Не было дня, не было часа, не было минуты, Джесси, когда бы я не думал о вас с того времени, как мы расстались. Я все знал и всегда думал и любил вас. Когда-нибудь я расскажу вам все, а теперь мне надо поговорить с нашим приятелем, станционным смотрителем!

С этими словами он сбросил вожжи на спину пони, легко и проворно выскочил из экипажа и на руках вынес Джесси, как ребенка, и бережно поставил ее на землю.

— Поезд прибыл и ожидает вас,— сказал начальник станции.— Это будет вам стоить пятьдесят фунтов и несколько шиллингов!..

— Прекрасно,— отозвался Мюрри,— я сейчас пройду в вашу контору и выпишу вам чек на эту сумму!

Проводив Джесси в салон-вагон экстренного поезда, Мюрри прошел в контору начальника станции, а толкавшийся по платформе краснощекий Том Бельчер приблизился к окну вагона и вступил в разговоры с Джесси.

— Так, значит, его сиятельства лорда не было дома! Да где за ним угнаться! Он на своем моторе везде катает, то тут, то там! Ну а ее сиятельство леди, говорят, этого не любит. И что удивительного: того гляди, сдует ей все волосы с головы! Надеюсь, вы не очень промокли, мисс? Мы могли бы вернуться вместе, если бы я вас немного подождал, но я полагал, что вы останетесь там ночевать! Вы бы, вероятно, остались, если бы его сиятельство был дома. Но несколько лишних капель воды человеку не вредят. Спокойной ночи, мисс!

— Спокойной ночи! — отозвалась она.

В этот момент в вагон вошел Мюрри, и начальник станции, стоя на платформе в тот момент, когда поезд уже тронулся, громко и торжественно произнес:

— Спокойной ночи, милорд!

— Он назвал вас милорд? — сказала Джесси.

— Меня все теперь так будут называть с благословения епископа Кентерберийского!

— Но ведь я республиканка, Мюрри! — заметила Джесси.

— Что мне до того, когда ты будешь моей дорогой женой! — сказал он, наклонясь к ней и целуя ее.

Они были одни. Поезд катился вдоль берега реки, освещенной луной и оттененной лесом. Вся неловкость и сдержанность первых минут встречи прошли бесследно, и Мюрри привлек ее к себе и говорил ей о только что прошедшем дне и о будущем, их общем будущем.

— Джесси, скажи мне, я не ошибаюсь, мой друг Лэдло был у тебя сегодня в отеле «Савой», не так ли?

— Да, Мюрри, он был у меня!

— И он все сказал тебе?

Она не совсем поняла, что он разумел под этим словом «все», но, на всякий случай, наугад отвечала:

— Да, все!

Тогда Мюрри откинулся на спинку своего кресла и вздохнул полной грудью, словно с плеч его свалился тяжелый камень. «Ну, слава Богу, слава Богу! — шептали его уста. — Значит, тайна, лежавшая между ними, разлучавшая его с Джесси, перестала быть тайной».

— Он сказал тебе все, и ты все поняла, — продолжал он, — ведь для этого только он поехал с тем пароходом, с которым ехала ты. Теперь, когда ты все знаешь, Джесси, ты не можешь обвинять этого человека в смерти Лионеля. Есть люди, которым еще, кроме нас, известна истина, и ради твоего брата, ради него...

— О, теперь я все понимаю, все, все! — радостно воскликнула она, и сердце ее забилось быстро и порывисто, целый поток любви, нежности и ласки пролился из ее глаз на лицо Мюрри. — О, это был Хуберт Лэдло, а вы, вы только защищали и охраняли его, потому, что он был ваш друг, спасший вам жизнь. О, Мюрри, Мюрри! Прощу ли я себя когда-нибудь! Это странное подозрение... это недоверие к тебе...

Он привлек ее к себе и молча стал целовать ее белокурую головку, а она спрятала свое мокрое от слез личико на его груди.

— Да, — сказал он, — Лэдло совершил это. Но

твой брат выстрелил в него первый! Я был при этом и все видел. Ты веришь мне? Пусть отныне никто из нас не будет больше вспоминать об этом. На все воля Божья, которая выше нашей воли и перед которой все мы должны преклоняться.

Она ничего не могла ответить ему, слезы радости текли по ее щекам, и он принялся поцелуями осушать их.

XXII КОМБ-КЭСТЛ

Время было уже за полночь, когда поезд прибыл в Чиппингам, но на освещенной платформе ожидали ливрейные лакеи, и даже сам начальник станции не ложился, чтобы лично приветствовать молодого лорда, нового владельца Комб-Кэстла. Кроме того, сюда собралась, несмотря на поздний час, небольшая группа любопытных, пожелавших видеть «наследника», как они еще продолжали называть нового владельца замка и поместий покойного лорда Вудриджа. Каково же было их удивление, когда из вагона вышел не только сам молодой лорд, но и удивительно хорошенькая и привлекательная девушка! Правда, странный наряд девушки заставил многих подивиться, но ее красота делала все остальное незаметным. Бедняжка даже не подозревала, что она возбуждает такое внимание, считая себя скромной, заурядной пассажиркой. Она не расслышала также, как здоровался с Мюрри начальник станции и другие служащие, и никак не ожидала, что здесь ее встретят старые знакомые, когда знакомый голос приветствовал ее и знакомое лицо вынырнуло откуда-то из толпы.

— А-а, Бэнтам! — воскликнула Джесси, действительно сильно обрадованная этой встречей. — Откуда вы взялись? Как вы сюда попали?

— Приехал вас встречать, мисс Голдинг, из замка Комб. Я главный агент его сиятельства лорда Вудриджа. Ну, кто бы мог подумать, что это случится? Помните, я говорил вам, что скажу вам нечто о «Негодяе»? Боже, как все вы ошибались! Вы называли его негодяем, мошенником — его, лучшего и честнейшего человека, какого я знаю! И я играл эту роль потому, что он

того желал. Ну, разве вы не были неправы, мисс Голдинг?

— О, тысячу раз неправа! Тысячу раз! — воскликнула она страстно. — Все мы были неправы и всех больше высокочтимый викарий мистер Трю... Я так и скажу ему сразу, как его увижу.

— Вы увидите его завтра! — сказал Бэнтам. — Я сказал ему, чтобы он захватил с собой и эту... как она называется... Ну, недоуздок, что ли... Некоторые называют это священными узами Гименея... Ну, так вот, я просил его привезти сюда эти узы, чтобы возложить их на маленькую Джесси и большого и сильного Мюрри, лорда Вудриджа. Однако его сиятельство ожидает вас у экипажа, вы не должны заставлять его дожидаться теперь... После всему будет время, а теперь там, в замке, не спят и ожидают вас шесть старых дев теток... Надо и их пожалеть!

Подсадив Джесси в экипаж, Мюрри поместился подле нее, а Бэнтам, толкавшийся тут же, сообразив, что он здесь будет лишний, под предлогом заботы о багаже куда-то скрылся.

— Правда это? — спросила Джесси, когда экипаж уже выезжал за город, миновав улицы спящего старозаветного городка Чиппингама. — Правда ли это, Мюрри, что мы завтра увидим викария, мистера Трю?

— Совершенная правда, моя дорогая! Я ожидаю к нам завтра, во-первых, высокочтимого викария, а во-вторых, и это еще важнее, — твоего отца. Я просил его телеграммой ехать прямо в Комб-Кэстл и в кратких словах объяснил ему все!

— Когда же вы успели послать ему телеграмму?

— Из Пангбурна в то время, как краснощекий содержатель гостиницы беседовал с тобой!

— Значит, мистер Бэнтам знает решительно все?

— У меня от него нет никаких секретов! Он приезжал в Америку, чтобы сообщить мне о перемене, происшедшей в моем положении, и привезти меня в Англию, где я должен был вступить во владение унаследованными мною поместьями и титулом. Он положительно необходимый для меня человек и будет незаменим, когда мы поедем на несколько недель в Инсвич, другое из моих поместий, так как в настоящее время я являюсь владельцем не одного только Комб-Кэстла, а и многих других замков и поместий.

Джесси придвинулась еще ближе к Мюрри и ласковым голосом спросила его:

— Владелец замка Комб-Кэстл? А как его имя, его настоящее имя?

— Здесь его называют двенадцатым лордом Вудриджем, если ты хочешь знать!

Она ничего не сказала, он также молчал.

Так вот что принесла ей судьба, что она имела для нее в запасе, что она приберегала для нее до этого дня, в который она испытала столько обид, унижений и оскорблений! Любовь этого сильного, недюжинного человека, громкое имя, его громадные поместья, словом, все, о чем она даже не мечтала. И не зная, что делать и как благодарить судьбу, не зная, чем и как выразить ему свою радость, она впоотьмах, оцупью отыскала его руку и, слегка привстав, поцеловала его в первый раз прямо в губы.

— Мюрри, что я скажу тебе? — спросила она.

— Ты скажешь, дорогая, что любишь меня!

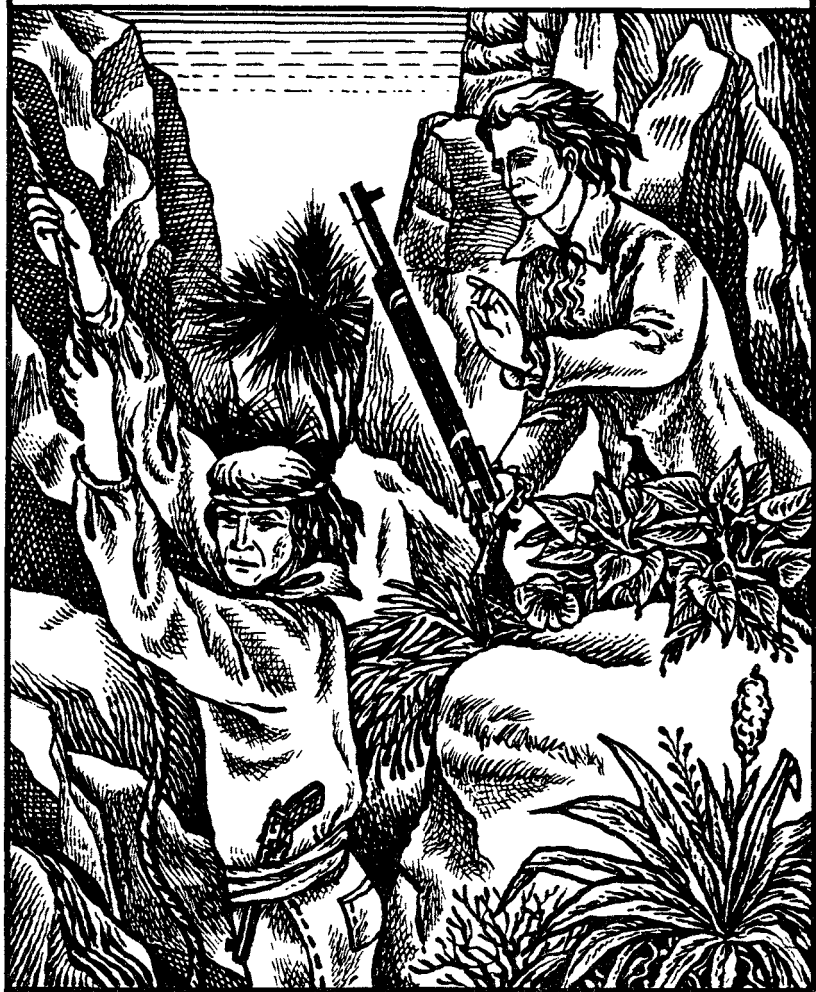
— О, я любила тебя всегда, с первой минуты, когда увидела на пароходе. Ведь ты научил меня этому чувству, до тебя я его не знала, Мюрри. И право, я не могу любить тебя сильнее теперь, чем любила вчера. Ведь ты согласишься этому, дорогой?.. Ты не подумаешь, что я так глупо тщеславна...

— Я верю только тому, что ты любишь меня! Посмотри, милая моя жена, вот твое новое гнездышко, твой и мой дом!

Высокие старинные ворота широко распахнулись перед ними; весь старый замок светился огнями, и они под руку вошли в высокие и пышные хоромы, словно путники, утомленные дорогой, но достигшие желанной цели, где их ждут отдых, счастье и покой.

БРИЛЛИАНТОВЫЙ КОРАБЛЬ

роман

I

ПРЕДИСЛОВИЕ ТИМОФЕЯ МАК-ШАНУСА, ЖУРНАЛИСТА

Мой друг, доктор Фабос, познакомился с мисс Фордибрас на великосветском базаре, устроенном по случаю празднества в кенсингтонском Тоун-Холле. Я прекрасно помню, что в тот вечер он хотел развлекать почтенную компанию из Гольдсмит-Клуба за свой счет.

— Мак-Шанус,— сказал он,— никто, кроме тебя, не сумеет заказать прекрасный ужин. Отправляйся на маскарад, и я приеду туда же. Не жалея денег, Мак-Шанус. Твои друзья — мои друзья. Я желал бы сохранить воспоминание об этом вечере... последнем в Лондоне до моего отъезда.

Нас было семеро, обедавших за его счет в Гольдсмит-Клубе, и все мы сели в один и тот же омнибус. Да будет вам известно, что вы не найдете ни одного человека, который не отдал бы справедливость замечательному гостеприимству Фабоса. Ночь была ясная, и небо усеяно мерцающими звездами.

— Мы, что ли, платим за омнибус? — спросил мой друг Киллок, актер.

— Не оскорбляй в этот вечер самое великодушное сердце во всей Великобритании! — сказал я.

— И прекрасно,— сказал он,— человеку, который не платит, незачем заботиться о сдаче,— и с этими словами он вошел в Тоун-Холл.

Наша компания выглядела весьма колоритно. Мой старый товарищ Барри Хиншоу явился в бархатной охотничьей куртке и красном галстуке, что не очень пришлось по вкусу служащим театральной конторы. Сам Киллок, любимец дам, явился в жилете, так густо усеянном бриллиантами, что их хватило бы на целую

брошь-хризантему. Все мы семеро, точно солдаты, выстроились у буфета, повернувшись спиной к танцевальному залу.

— Самое время для виски с содовой,— сказал Барри Хиншоу, знаменитый трагик.

— Стыдись,— сказал я ему,— не прошло и получаса с тех пор, как ты пил яд, известный под названием кюммеля. Остерегайся напитков, Барри!

— О! — сказал он.— Ты, я полагаю, из одного места приехал со мной? — И затем прибавил: — Будь Фабос настоящий джентльмен, он присоединился бы к нашей компании и заплатил за нее. Самое ужасное на всех этих базарах заключается в том, что ты всегда потеряешь из виду человека с деньгами.

Я пропустил мимо ушей это дерзкое замечание, и мы занялись буфетом. Великосветский базар, как они его называли, был в полном разгаре. Красавицы, одетые пастушками, приняли было меня и моих друзей за овец, которых можно постричь, но величественные манеры наши и два шиллинга и десять пенсов в кошельке уменьшили их рвение, и они сделали поворот направо. Базар этот был устроен для моряков из Портсмута. Стоило купить пучок незабудок за десять шиллингов у девушки с голубыми глазами и пунцовыми губками, и вы могли вальсировать с этой же самой маленькой волшебницей по пять шиллингов за раз. Мой друг Барри сильно побледнел, когда услышал это от меня.

— Уж будто ты не умеешь вертеться на носках? — спросил я.

— Друг,— ответил он,— это несравненно хуже, чем переплыть Ла-Манш.

— А Фабос танцует,— сказал я, указывая на последнего,— и будет танцевать, пока не взойдет солнце.

А танцевал он на этом базаре в Кенсингтоне с миниатюрной девушкой в красном. Я уверен, что его шесть футов один дюйм уменьшились до пяти футов с двумя третями, так низко приходилось ему наклоняться, чтобы нашептывать ей нежные слова всякий раз, когда он платил пять шиллингов за вальс, как это было сказано в программе. А обыкновенно он такой молчаливый человек! Его даже в клубе ничем, бывало, не расшевелить и ничего не добиться от него, кроме молчаливой улыбки. Каких только определений не давали этому Ину Фабосу! Одни говорили, что он циник.

Некоторые упоминали о его бессердечии, были и такие, кто утверждал, будто он эгоист. Что делал он со своими деньгами? Тратил ли часть их на своих друзей? Священным храмам Бахуса это было лучше известно. Говорили, что он скупал везде бриллианты. Да, именно крупные бриллианты, рубины и сапфиры, которые предназначались не для прекрасных ручек дам и их белых плеч, а для того, чтобы лежать под замком внутри несгораемого шкафа в его доме возле Ньюмаркетской дороги, лежать там скрытыми в ночной темноте. Так, по крайней мере, говорили люди. А я, со своей стороны, прибавлю, что во всем Лондоне не было совершенно ни одного истинного благодеяния без того, чтобы в нем тайно не участвовало его великодушное милосердие.

Почему же, однако, обращались все взоры на Ина Фабоса, когда он бывал в какой-нибудь компании? Весьма возможно, что у некоторых являлась при этом надежда занять у него денег. Быть может, надеясь на возможность занять у него денег, они тем самым думали спасти его от таких же притязаний со стороны других. В этом, надо полагать, и заключалась дружба, по их мнению. Но заметьте, что много было и таких, чуждых ему совершенно людей, врагов, завидующих ему в том, что он пользовался всеобщей благосклонностью, которые вместе с остальными были у его ног. Почему? Сейчас скажу. Причиной этому была та великая сила, которую зовут личным магнетизмом, сила, не имеющая до сих пор настоящего названия, но существование которой мы не можем, однако, отрицать. Не знаю ни одного человека, обладающего ею в той же степени, как Ин Фабос. Достаточно было ему сказать три слова за столом — и вся комната уже слушала его. Он молчал, и все-таки люди смотрели на него. Никто не имел собственной воли там, где он бывал. Нигде не проходил он незамеченным.

Таков был человек, которого я увидел танцующим с темноволосой пастушкой в красном костюме. Когда затем он отвел ее к отцу, надменному старому джентльмену, прямому как палка, я спросил его, кто она такая.

— Тимофей Мак-Шанус, — сказал он, — она дочь генерала Фордибраса, предок которого приехал в Америку вместе с маркизом Лафайетом. Здесь начинаются

и кончаются мои познания. Веди меня к буфету, я хочу утолить жажду. Нет, ни разу еще с тех пор, как я участвовал в гребной гонке в Ханлее, не струились по моему лицу такие почтенные капли пота. Пока жив, не соглашусь больше на это, даже за лучший рубин Джетатура!

— Мой дедушка был знаком с твоим другом Лафайетом,— сказал я, провожая его к буфету,— хотя я не помню, чтобы когда-либо встречался с ним. Что касается тяжелой работы, о которой ты говоришь, то зачем ты делаешь ее, если она тебе не по вкусу? Танцевать или не танцевать — неужели тут может быть вопрос? Не для таких людей, как мы с тобой, доктор Фабос! Не для тех, которые живут на олимпийских высотах и не прочь взлететь еще выше, если только ты можешь обязать их какой-нибудь ссудой...

Он сразу оборвал меня и, не обратив никакого внимания на мои слова, взял меня за руку, отвел в угол и удивил самым странным сообщением, которое когда-либо произносили уста такого человека.

— Я танцевал с нею, Мак-Шанус,— сказал он,— потому что на ней был жемчуг бронзового цвета, который у меня украли в Париже года три назад.

— Неужели во всем мире нет больше жемчуга бронзового цвета? — спросил я, удивленный его словами.

— Такого — всего десять штук, Мак-Шанус,— ответил он,— а в колье на ее шее целых четыре. В самом центре их розовый бриллиант, который принадлежал когда-то принцессе Маргарите Австрийской. На пальце ее я заметил кольцо с прелестным белым сапфиром, о котором я что-то, сколько мне помнится, слышал, хотя, говоря по правде, это улетучилось из моей головы. Если она согласится еще на один танец со мной, то я, быть может, еще больше расскажу тебе. Прошу только, пожалуйста, не следи так внимательно за моими действиями. Ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы говорить, будто вальс — единственное занятие, которое заслуживает моего внимания.

— Верно, как сама святая истина,— воскликнул я,— а между тем что это за история! Неужели ты воображаешь, будто я могу подумать, что девушка эта воровка?..

— О! — сказал он, уставив на меня свои голубые глаза. — С каких это пор ирландцы дают себе время думать? Ну-с, Мак-Шанус, пускай в ход свою проницательность и скажи: решилась бы она надеть эти драгоценности на бал в Лондоне, знай она или ее отец, что они краденые?

— Разумеется, нет!

— Ошибаешься, как всегда, Мак-Шанус! Она надела бы их из одной бравады. Вот что я говорил себе, танцуя с нею. Если она не знает всей правды, то отец ее знает.

— Что?! Тот воинственный на вид джентльмен, который так походит на моего друга, генерала Мольтке?

— Никто другой, кроме него. У меня свои взгляды на него. Он знает, что дочь его носит краденые драгоценности, но в то же время не имеет ни малейшего подозрения, что и я это знаю... Уж ты извини меня за навязчивость, Мак-Шанус! Это ведь действительно интересно.

Я сам видел, что он очень интересуется этим. Вот уже несколько лет, как я хорошо знаком с Ином Фабосом, но никогда еще не видел его таким взволнованным и не желающим отделаться от своих собственных мыслей. Необыкновенно красивый, изящный мужчина с широкими плечами, результат частых гребных гонок, представитель саксонской расы с головы до ног, с вьющимися каштановыми волосами, чисто выбритым подбородком, с юношескими глазами и мужественной душой, вот он, Ин Фабос. Никто из нас никогда не мог понять, о чем он думает. Вчера, например, я назвал бы его самым беспечным банкиром трех соединенных королевств — Ирландии, Уэльса и Англии. Сегодня он рассуждал, как философ, потому что наткнулся на несколько жалких жемчужин, украденных из его кабинета. И неужели только из-за этого изменю я свое мнение о нем? Черт меня возьми, если я это сделаю. Уж как вы себе там хотите, но сама девушка играет здесь не последнюю роль...

И вот Тимофей Мак-Шанус, удалившись от яств и напитков, отправился посмотреть на красивую пастушку, продававшую гравюры и шипучие напитки. Что же он увидел там? Ничего особенного, если смотреть издали, но стоило подойти несколько бли-

же — и он увидел самую черную и лукавую пару глаз, какую вы когда-либо видели на лице Венеры.

Я не похожу на всех мужчин, когда дело касается женского пола, но когда эта девушка взглянула на меня, я покраснел, как солдат перед военным судом.

Не выше среднего роста, с темно-каштановыми, почти черными волосами и губками как розовый бутон, в ней было нечто французское и в то же время американское, делавшее из нее какое-то чудо.

Она была молода — около восемнадцати, я думаю, — в ее фигуре было что-то, делавшее ее, сообразно нашим северным понятиям, на пять лет старше; но я, знающий Европу, скажу: нет! ей всего восемнадцать лет, Мак-Шанус, мой мальчик, и в Америке распустились эти персики на ее щечках. Если бы я ошибся, то достаточно было услышать ее голос, чтобы подтвердилось мое мнение. Голос этот, когда говорила молодая девушка, был так чист и музыкален, как звон серебряных колокольчиков.

— Не хотите ли купить какую-нибудь новеллу? — спросила она, расцветая, точно букет роз. — Последняя вещь, принадлежащая перу сэра Артура Холль-Ройдера с его автографом... одна гиней.

— Милая моя, — сказал я, — Тимофей Мак-Шанус читает только собственные произведения. Не говорите о его бедных соперниках.

— Ах, какой вы остроумный! — сказала она, глядя на меня с любопытством. — Лучше ваших книг нет, разумеется. Почему же вы не прислали мне несколько экземпляров на продажу?

— Потому что все они уже распроданы, — ответил я. — Архиепископ и лорд-канцлер, оба сожалеют об этом. «Тимофей, — сказал мне его сиятельство, — великие писатели умерли, Тимофей! Восстань и пиши, или мы погибли окончательно». Всех богатств не хватит на то, чтобы купить одну из моих повестей... если только вам не удастся получить ее за четыре пенсы у какого-нибудь букиниста.

Она решительно не понимала, как ей держаться со мной.

— Как странно, что мне незнакомо ваше имя, — сказала она с некоторым смущением. — Печатались ли рецензии в газетах на ваши сочинения?

— Моя милая, — ответил я, — все эти газетные ре-

цензенты не могут понять их. Будьте к ним снисходительны. Вы в той же мере не можете сделать шелкового кошелька из свиного уха, как не можете сделать черных жемчужин из леденцов. Будь это возможно, Тимофей Мак-Шанус всегда ездил бы на собственном автомобиле, а не наслаждался бы задней скамейкой омнибуса. Мир странен, и в нем больше плохого, чем хорошего.

— Нравится вам мой жемчуг?—спросила она.

Я ответил, что он достоин того, чтобы она носила его.

— Папа купил его в Париже,—сказала она самым естественным тоном.—Он не совсем черный, как видите, а с бронзовым отливом. Я отношусь к нему совершенно хладнокровно... Я предпочитаю вещи, которые блестят.

— Как ваши глаза,—воскликнул я, читая в них выражение полной искренности. Да, я мог бы теперь громко смеяться над тем, что мне рассказал о ней мой друг Фабос.—Как ваши глаза, когда вы танцевали с моим знакомым доктором.

Она покраснела до корней волос и отвернулась.

— О, доктор Фабос! Вы разве знаете его?

— Вот уже десять лет, как мы живем с ним, точно братья.

— Скажите, много людей умертвил он в Лондоне?

— Он не занимается такими почетными обязанностями. Он деликатный, честный, независимый джентльмен. Никого богаче не найдете вы, пожалуй, и в Америке. Человек, который осмелится слово сказать против него, будет призван к ответу самим Тимофеем Мак-Шанусом. Пусть он примирится с небом прежде, чем сделает это.

Она бросила на меня лукавый взгляд, еле удерживаясь от смеха.

— Я уверена, что он послал вас, чтобы вы сказали это!—воскликнула она.

— Ну да, послал,—ответил я.—Он очень беспокоится относительно вашего мнения о нем.

— Что же я могу знать о нем?—сказала она и, обернувшись в ту сторону, где он стоял, воскликнула:—Он разговаривает с моим отцом. Я уверена, он догадывается, что мы терзаем его здесь на кусочки!

— Каждый из которых — настоящая жемчужина,—ответил я.

— О, папа зовет меня! — воскликнула она, сразу прерывая наш разговор.

Спустя минуту после этого я увидел, как генерал, она и доктор Фабос уходили вместе, как будто всю жизнь были знакомы друг с другом.

— Да не прогневается великий Бахус на маленьких божеств, которые распоряжаются всеми этими банкетами, да простит он им! — крикнул я Барри Хиншоу и всем остальным. — Он ушел, не оставив нам денег для ужина, а у меня всего два шиллинга и десять пенсов — весь капитал мой в этом смертном мире.

Мы печально покачали головой и застегнули наши пальто. Пришли жаждущие и уходили жаждущие.

— И все это из-за безделушки, которую я мог бы спрятать в своем кармане, — сказал я, когда мы выходили из Тоун-Холла.

II

МИСС ФАБОС РАССКАЗЫВАЕТ О ВОЗВРАЩЕНИИ СВОЕГО БРАТА В ЗАМОК ДИПДИН

Меня просили написать вкратце все, что я знаю о генерале Фордибрасе и о таинственном отъезде моего брата из Англии летом 1904 года.

Брат мой, сколько мне помнится, встретился в первый раз с генералом Фордибрасом в Лондоне, в декабре прошлого года, на великосветском базаре. Об этом обстоятельстве он сообщил мне после своего возвращения. Я помню очень хорошо, что генерал в один весенний день явился из Ньюмаркета и завтракал с нами. Это чрезвычайно статный, видный человек, разговаривающий с заметным американским акцентом и манерами, ясно указывающими на его французское происхождение. Дочь его, прелестное, веселое дитя с необыкновенно странной манерой речи и идеями, совсем не походит на наших английских девушек. Ин так часто говорил мне о ней, что я не была подготовлена встретить нечто противоположное тому, что слышала от него.

Генерал Фордибрас питает, по-видимому, страсть к морским путешествиям. В Америке он бывает мало и живет больше в Париже или где-нибудь на юге. Ин

раньше страстно любил море, но уже несколько лет, как он отказался от него, и я очень удивилась, услышав, каким превосходным матросом он может быть. В настоящее время он пристрастился к лаборатории и обсерватории, к редким книгам, а больше всего — к редким драгоценным камням. Генерал Фордибрас мало интересуется всем этим, а дочь его настолько американка, что не полюбопытствовала даже взглянуть на наши сокровища. От нас они отправились в Лондон, а оттуда на свою собственную яхту в Шербург.

Ин очень мало говорил о них, когда они уехали, и я была очень счастлива, что он не упоминал об Анне. В противоположность своим обыкновенным привычкам, он теперь то и дело ездил в Лондон, и я не без некоторого неудовольствия стала замечать, что он делается очень нервным. Это тем более удивляло меня, что он всегда был бесстрашен и храбр и готов был при всяком пустом даже случае жертвовать своей жизнью за других.

Сначала я думала, что ему угрожает какая-нибудь болезнь, и хотела пригласить доктора Вилькокса, но так как Ин всегда восставал против моих покушений на нежности (его собственные слова), то я вынуждена была отказаться от своего намерения и искать другие причины нервного расстройства. Нет ли здесь сердечной привязанности? Но я скоро убедилась, что Ин совсем не думает об Анне Фордибрас и не ее отъезд за границу так волнует его. Не могло быть речи и о денежных делах, ибо я знала, что Ин очень богат, а тем более о каких-либо конфликтах с местными жителями по случаю выборов. Что же случилось с моим братом?

Ах, как была бы я счастлива, имей я возможность ответить на этот вопрос!

Первое, что я заметила, было его нежелание оставить меня одну в Маноре. В первый раз в течение нескольких лет отказался он от ежегодного обеда в своем любимом клубе.

— Я не успею на последний поезд, — сказал он мне утром во время завтрака, — невозможно, Гарриэт! Я не должен ехать.

— Что с тобой, Ин? — сказала я. — Неужели ты боишься за меня? О, голубчик, вспомни хорошенько, как часто я оставалась одна.

— Да, но впредь я не намерен так часто оставлять

тебя одну. Когда я вполне уясню себе причины своих опасений, тогда и тебе они будут известны, Гарриэт! А до тех пор я буду жить дома. Маленький японец останется со мной. Он сегодня приедет из города, и ты, надеюсь, все подготовишь для него.

Он говорил о своем слуге, японце Окиаде, которого привез из Токио года три назад. Маленький человек служил ему верно в Эльбени, и я была довольна его приездом в Суффолк. Тем не менее слова Ина меня очень встревожили; я вообразила, что ему угрожает какая-то опасность в Лондоне.

— Неужели ты не можешь ничего сказать мне, Ин?

Он засмеялся, и таким смехом, который должен был успокоить меня.

— Могу сказать кое-что, Гарриэт! Помнишь ты жемчуг бронзового цвета, украденный у меня в Париже три года назад?

— Разумеется! Я прекрасно его помню! Могла ли я забыть его? Не хочешь ли ты сказать...

— Что я нашел его? Не совсем. Но знаю, где он.

— Ты, следовательно, можешь вернуть его?

— Ах, оставим это до завтра. Прикажи лучше приготовить Окиаде комнату рядом с моей спальней. Он не будет вмешиваться в мои дела, Гарриэт, и ты можешь сколько тебе угодно нежничать со мной, а я даю тебе слово греть зимой ножницы всякий раз, когда захочу остричь себе ногти.

Будь я, однако, более сообразительной, я должна была бы сразу догадаться, что Ин просто-напросто боится вторичного посягательства на свою чудную и редкую коллекцию драгоценных камней, коллекцию, существование которой известно немногим людям и которая принадлежит к числу самых красивых и редких во всей стране. Ин прячет свои драгоценности в прочный сейф, который стоит в его собственной спальне; даже мне редко позволено заглянуть в эту святая святых. Здесь я нахожу нужным упомянуть еще об одной странности характера моего брата. Он, скорее, согласился бы татуировать себе лицо, подобно индейцу, чем украсить рубашку бриллиантовой булавкой. Спрятанные драгоценности свои он любил пламенно, и я искренне верю, что они играют некоторую роль в его жизни. Когда у него в Париже украли бронзовый жемчуг, он плакал, как ре-

бенок, которому сломали игрушку. Дело было здесь не в стоимости их, совсем нет! Он называл эти жемчужины своими черными ангелами — в шутку, разумеется, — он думал, мне кажется, что они приносят ему счастье.

В таком положении находились вещи в мае месяце, когда Окиада, японец, приехал из Лондона и поселился в Маноре. Ин ничего мне не говорил и не возвращался больше к своему рассказу об украденном жемчуге. Большую часть своего времени он проводил в кабинете, где занимался изучением легенд Адриатики, собираясь написать о них целую книгу. Свободное от занятий время он уделял машине и обсерватории.

Я начинала уже думать, что все беспокойства его улеглись, и продолжала бы так думать, не случись тревожных событий, о которых я собираюсь писать. Случилось это в середине лета — 15 июня 1904 года.

Ин, сколько мне помнится, вернулся после небольшой поездки в Кембридж часов в пять пополудни. Мы пили чай вместе, а затем он позвал Окиаду к себе в кабинет и сидел там с ним почти до самого обеда. Позже, в гостиной, он был в самом веселом расположении духа. Он все время говорил о прежних своих любимых занятиях и очень сожалел, что забросил свою яхту.

— Я состарился раньше времени, Гарриэт, — сказал он. — Тем не менее я думаю купить другое судно, и если ты будешь вести себя хорошо, я возьму тебя с собой покататься по Адриатическому морю.

Я обещала ему вести себя хорошо, и мы принялись весело болтать с ним о нашем пребывании в Греции и Турции, о путешествии в Южную Америку и о знойных днях в Испании. Никогда еще не видела я его таким веселым. Уходя спать, он два раза поцеловал меня и сказал такую странную вещь, которую я забыть никак не могла:

— Я буду долго работать в обсерватории вместе с Окиадой, а быть может, и еще два человека придут помогать нам. Не пугайся, Гарриэт, если ты услышишь какой-нибудь шум. Знай, что опасного ничего нет, я слежу за всем.

Ин бывает обыкновенно очень откровенен со мной, смотрит всегда мне прямо в глаза и говорит все, что думает, но очевидное намерение его скрыть от меня что-то в данный момент, его старание уклониться от моего

взгляда и натянутое со мной обращение не могли не затронуть моего любопытства. Я не настаивала на его откровенности, но у себя в комнате я много думала о его словах и совсем не могла спать. Книги также не помогли мне. Припоминая его слова и стараясь понять их значение, я не раз подходила к окну и смотрела в сад, находившийся прямо под ним. Дипдин представляет собой старинный замок Тюдоров, в котором осталось всего три стороны от прежнего четырехугольника. Мои собственные комнаты помещаются в правом крыле; под ними находится сад, за высокой стеной которого тянется парк вплоть до Перийской дороги. Можете себе представить, что я должна была почувствовать, когда, взглянув из окна в час ночи, увидела фигуры трех человек, крадущихся вдоль стены и в той же мере боявшихся быть обнаруженными, в какой я испугалась, увидев их.

Первым побуждением моим было разбудить Ина и сказать ему, что я увидела. Я никогда не отличалась храбростью и всегда пугалась появления незнакомых людей у нашего дома, да такое неожиданное посещение и в такой поздний час могло испугать и более храбрых людей, чем я. Страх мой увеличился еще, когда я по ту сторону парка увидела в окнах обсерватории яркий огонь, указывавший на то, что брат мой до сих пор еще занимается, а с ним, следовательно, находится и наш бесценный Окиада. Моя горничная Гемфри и старый дворецкий Вильям были единственными моими телохранителями, а какой защиты могла я ждать от них в таком критическом положении? Я говорила себе, что меня ждет серьезная опасность, если неизвестным людям удастся пройти в дом, несмотря на то, что помнила слова Ина, что какие-то люди придут помогать ему. Почему же я боялась в таком случае? А вот почему: в голове моей мелькнула внезапная мысль, что он ждал, вероятно, нападения на Манор и желал подготовить меня к тому, что могло случиться ночью. Другого объяснения я не могла придумать.

Представьте же себе, в какое затруднительное положение попала я вдруг. Брат мой в обсерватории, в полумиле от Манора, старый дворецкий и старая горничная в роли телохранителей, уединенный дом и неизвестные люди, пытающиеся проникнуть в него. Сначала я подумала, не лучше ли будет последовать совету

Ина — держаться, как трус, подальше от всего и лечь в постель. Я, пожалуй, так бы и поступила, но такое состояние было для меня невыносимо. Я не могла лежать. Сердце мое билось усиленно, каждый звук заставлял меня вздрагивать, и я, накинув на себя дрожащими руками халат, решила разбудить Гемфри; я говорила себе, что она, во всяком случае, испугается не больше моего. Не думаю, чтобы я действительно решилась привести в исполнение свое намерение, знай я, что меня ожидает. Забуду ли я это когда-нибудь, если даже проживу сто лет? Темная площадка, когда я открыла дверь своей спальни... Лестница и большое окно с цветными стеклами, через которое светила луна... Нет, не это испугало меня. Испугали меня шепот внизу и едва слышные шаги по ковру. Ах, я никогда не забуду этих звуков!

Какие-то люди вошли в дом и поднимались теперь по лестнице. Если я пройду по темной площадке, ведущей к комнате горничной, я встревожу их. Так думала я, когда стояла, в буквальном смысле парализованная страхом, не будучи в состоянии ни двинуться с места, ни произнести ни единого звука. Я слышала ясно, как воры шаг за шагом поднимались по лестнице, пока не увидела их на одном из поворотов. Я старалась уверить себя, что не сплю, и едва не упала в обморок от ужаса.

Шаг за шагом двигались они вперед с очевидным намерением обокрасть сейф моего брата, стоявший в спальне, где спал обыкновенно японец Окиада. Мысль эта еще более повлияла на мои и без того взволнованные чувства. Но как ни боялась я, что люди эти увидят меня и поспешат выместить на мне свою злобу, я не могла — предложи мне даже все золото мира — произнести ни единого звука. Чувство невыразимого ужаса лишило меня и силы, и воли, и речи. Я слышала биение собственного сердца, и мне казалось, что и они, проходя мимо, слышали его. Можете представить себе, что я чувствовала, увидев, что свет их фонарей падает прямо на дверь моей спальни, которую я только что закрыла за собой. Уклонись они на один дюйм вправо — они сразу увидели бы мою жалкую фигуру, с беспомощным видом прислонившуюся к стене. Но грабители слишком были заняты мыслью о драгоценностях, чтобы обратить на меня внимание, и про-

шли прямо в комнату брата, куда вошли, к моему удивлению, без всякого затруднения, закрыли дверь за собой и заперли на замок.

Я все еще стояла, дрожа всем телом, хотя чары, навеянные на меня страхом, начинали понемногу проходить. Не опасаясь быть больше обнаруженной, я медленно перешла площадку и вошла в комнату горничной, которая оказалась куда храбрее своей госпожи. Ирландка по происхождению, она не знала, что такое страх: она выслушала меня так спокойно, как будто бы дело шло о том, чтобы съездить за покупками в Кембридж.

— Мистер Фабос в парке,— сказала она,— и надо позвать его. Я сама схожу за ним, а вы подождите здесь, пока я вернусь.

Я боялась оставаться одна и без всякого зазрения совести сказала ей об этом.

— Как можно,— воскликнула она весело.— Я позову Вильяма. Они скоро уберутся отсюда, если только добудут бриллианты. Посидите здесь смиренненько и не бойтесь ничего. Я вернусь назад со скоростью автомобиля. Этакое нахальство! Не нашли себе другого дома во всем мире! Отправятся потом грабить Букингемский дворец, уж это точно!..

Разговаривая, она продолжала одеваться, и как только оделась и накинула на себя шаль, отправилась в парк. Я, как истая трусиха, заперла дверь на замок после ее ухода и сидела одна в темноте, моля Бога, чтобы брат пришел скорее. Мне помнится, я считала минуты, и мне казалось, что прошло три четверти часа после ухода Гемфри, хотя в данное время я уверена, что прошло не более пяти минут, когда раздался вдруг страшный крик, нечеловеческий и такой ужасный, что не только пронесся по всему дому, но эхом несколько раз повторился в нем.

Что случилось? Неужели мой брат вернулся? Его ли это голос слышала я? За сто тысяч фунтов не согласилась бы я остаться дольше в этой темной комнате, не имея возможности ответить на эти вопросы. Я поспешно отперла дверь, стремглав выбежала на площадку и крикнула:

— Ин! Ин! Скажи, ради Бога, что случилось?

Он сразу ответил мне, показавшись на пороге своей спальни. В лице его не было ни малейшего смущения,

и можно было подумать, что на рассвете он собирается выйти на охоту со своими собаками. Я успела бросить взгляд в его комнату и увидела там нечто, чего он, несмотря на свою ловкость, не сумел вовремя скрыть от меня. На полу лежал какой-то человек, казавшийся мертвым. На коленях подле него стоял Окиада, растирая ему руки и ноги и стараясь привести в чувство. Ин поспешил закрыть дверь и, уведя меня прочь, сказал:

— Вот видишь, милая Гарриэт, что бывает, когда притрагиваешься к научным приборам. Там лежит человек, пожелавший заглянуть в мой сейф. Он совсем забыл, что дверь его находится под сильным электрическим током. Не волнуйся и ложись в постель. Не говорил ли я тебе, что сегодня придут незнакомые люди?..

— Ин, скажи мне всю правду, хотя бы из жалости ко мне! Их было трое. Я видела их в саду, откуда они прошли на лестницу. Это грабители, Ин, ты не можешь скрыть этого от меня.

— Ох ты, моя бедняжка! — сказал он, целуя меня. — Ну разумеется, это грабители. Я уже целую неделю, а пожалуй, и более, ждал их к себе. Говорил я тебе, что буду в обсерватории? Это было бы неблагоприятно с моей стороны.

— Ведь она, голубчик мой, была освещена.

— Да-да! Я желал, чтобы гости мои подумали, будто я смотрю на звезды. Двое из них возвращаются теперь в Лондон, мчатся туда на своем автомобиле. Один из них останется у нас в качестве заложника. Ложись в постель, Гарриэт, и постарайся убедить себя, что все обстоит благополучно.

— Ин, — сказала я, — ты еще что-то скрываешь от меня.

— Милая сестра, — ответил он, — может ли человек, ходящий в темноте, скрывать что-нибудь от другого? Когда я все узнаю, ты первая услышишь об этом. Поверь мне, это не простой грабитель, не то я действовал бы совсем иначе. Здесь кроется великая тайна, и мне придется расстаться с тобой, чтобы открыть ее.

Слова его поразили меня. Благодаря своему собственному волнению я не могла понять его сосредоточенного и равнодушного вида, несмотря на странные события этой ночи. Что касается меня, то я несколько

часов подряд старалась распутать нити этой невероятной тайны. Наступило утро — и ни брата, ни Окиады не оказалось дома.

С этого дня я не видела его больше, а письма его мало о чем говорили мне. Он на море, здоров и счастлив, говорилось в них, и судно это его собственное. Он успел уже побывать во многих портах, но не можем сказать, когда вернется.

«Будь уверена, дорогая сестра, — писал он, — что дело, которому я посвятил себя, достойно твоего одобрения, и Бог поможет мне довершить его. Осторожность не позволяет мне писать тебе более подробно. Не отпущай охранников из Манора до моего приезда, а все драгоценности останутся до тех пор в банке. Не бойся за себя. Господа, почтившие нас своим посещением, то есть двое из них, теперь на пути в Южную Африку. Третий, который был когда-то джентльменом и может снова сделаться человеком, находится на моей яхте. Если он будет все время так вести себя, то в награду получит ферму в Канаде и небольшой капитал. Я ищу не исполнителей, а тех, кто их нанял, и когда найду их, дорогая Гарриэт, для нас с тобой настанут мирные и счастливые дни».

Далее он говорил о частных делах и о том, что касается только его и меня. Под охранниками он подразумевал отставного сержанта и двух солдат, которые обязались наблюдать за домом во время его отсутствия. Теперь я не боюсь больше. Я уверена, что не боялась бы так сильно, будь Ин более откровенен со мной, но его неясные намеки, сознание того, что он далеко от меня, и смутное предчувствие какой-то опасности для него больше всего способствуют моему волнению.

Последующие события оправдали мои предчувствия. Я слышала, что его яхта плавает в южной части Атлантического океана. Я редко получаю от него письма, но ни в одном из них он не говорит, какая тайна держит его так далеко от меня. Последнее письмо я получила месяц тому назад. Друзья его, лично мне не известные, делают плохие выводы из этого молчания, а последняя статья в лондонских газетах прямо утверждает это. Что может сделать для него беспомощная женщина, когда верные друзья его бессильны? Она мо-

жет только молиться Всемогущему, дабы Он сохранил ей самое дорогое для нее в этой жизни.

III

ДОКТОР ФАБОС НАЧИНАЕТ СВОЙ РАССКАЗ

15 июня 1904 года.

Итак, сегодня вечером приступаю к делу.

Я должен доказать существование преступной организации, так широко распространившейся и до того поразительной в своей смелости, что полиция всех цивилизованных стран до сих пор еще не в состоянии была установить ее обширность, а тем более уничтожить ее... Я намерен это сделать или поплатиться позорной и непоправимой неудачей.

Не могу с точностью сказать вам, когда впервые я подумал о существовании этой организации воров и убийц. Несколько лет тому назад я просто-напросто спросил себя, возможно ли это, ибо не случилось ни одной кражи драгоценностей, в раскрытии которой я не принимал бы такого же ревностного участия, как и полиция. Я могу сказать вам вес и величину каждого бриллианта, украденного в Европе или Америке за последние пять лет. Я знаю историю жизни людей, которых настигло возмездие за некоторые из этих преступлений. Я могу сказать вам, откуда они явились и что они были намерены делать, успеют ли они скрыться благополучно. Я знаю дома в Лондоне, Париже, Вене и Берлине, где вы можете обменять украденный бриллиант на деньги так же легко, как вы меняете банковские билеты в банке. Но здесь начинаются и кончаются мои познания. Я точно ребенок перед книгой, которую он не может прочесть. В ней целый мир неисследованных городов. Возможно ли человеку раскрыть их после этого? Невозможно, отвечаю я, пока судьба не откроет ему эту книгу.

Позвольте мне несколько подробнее объяснить вам свои слова. Я начну с изложения одного только единственного обстоятельства, то есть с рассказа о том, как года три назад нашли мертвое тело на уединенном морском берегу вблизи маленькой рыбацкой деревушки Паллинг в Норфолке.

Береговой сторож — кроме берегового сторожа ре-

дко кто посещает этот уединенный берег, береговой сторож, делая весной обход часов в шесть утра, наткнулся вдруг на тело морского офицера, лежащее на отлогом берегу бухты и выброшенное туда приливом. На пуговицах мундира не оказалось названия судна, на котором служил этот человек. Шапку его нигде не нашли. На нем были ботфорты, какие носят офицеры купеческих судов, и одежда из матросской саржи. В левом кармане его мундира нашли трубку, а в правом — серебряную табакерку и золотые часы, остановившиеся на пяти минутах шестого. Береговой сторож показал, что тело, по его мнению, три дня пролежало в воде.

Роковой случай этот был описан в коротенькой заметке одной из ежедневных газет. Я ничего не слышал об этом до тех пор, пока друг мой Мюррей из Скотланд-Ярда не прислал мне телеграмму вечером следующего дня. Когда я вошел к нему в канцелярию, он сразу поразил меня, показав объемистый отчет об этом деле и передав мне сверток из плотной ткани, какую всегда имеют при себе торговцы бриллиантами.

— Желаю знать ваше мнение, — сказал он мне без всякого предисловия. — Знаете вы что-нибудь о бриллиантах в этом свертке?

На вате сверкали четыре бриллианта. Один из них, большой ценности камень в сто двадцать каратов розового цвета, я узнал с первого же взгляда.

— Это красный бриллиант из Форд-Валлей, — сказал я. — Спросите о нем барона Луи Ротшильда, и он скажет вам, чья это собственность.

— Не удивляет ли вас, что его нашли на теле моряка?

— Мюррей, — ответил я, — вы слишком давно меня знаете, чтобы думать, будто я могу чему-либо удивляться.

— Но этот случай из ряда вон выходящий, не правда ли? Вот поэтому-то я и послал за вами. Другие камни, по-видимому, совсем не того класса. Все они, впрочем, ценные.

Я положил их себе на руку и осмотрел.

— Этот вот, чисто белый — из Бразилии, — сказал я. — Он стоит, вероятно, сто пятьдесят фунтов. Остальные два — самые обыкновенные. Из них выйдут пре-

красные сережки для вашей дочери, Мюррей! Вы можете предложить их в музей — пятьдесят за пару.

— У полицейских нет столько денег, чтобы тратить их на серьги, — сказал он довольно сурово, — мы предпочитаем женщин без всяких украшений... так они больше подходят для нас. Я думаю, вы желаете знать все подробности. Мы ничего не могли сделать больше, да и вам не удастся добиться большего. Такой вот морской офицер, как этот... Не можете же вы думать, чтобы он был укрывателем в самом обыкновенном смысле этого слова, и в то же время он последний человек, которого вы могли бы назвать профессионалом в Париже... Между тем, если это камень барона Луи, как вы говорите, он был украден в Париже.

— Ошибаетесь, Мюррей! Он находился в головном уборе его жены, который она надевала всего месяц назад, когда была в Принсе. Слышали вы об этом?

Он пожал плечами и сказал:

— Не стоит говорить об этом. Что можем мы сказать? Ни одно судно не печатало объявления об его исчезновении. У него нашли трубку, золотые часы и вот это. Где ключ от этой загадки? Скажите мне, и я начну действовать.

— Бумаг не было никаких?

— Нет... кроме этой бумажонки. Если вы можете мне объяснить ее, я пожертвую сто фунтов на госпиталь.

Он передал мне через стол испорченный и изорванный портфель для писем. В нем находились грязный календарь на этот год, локон темно-каштановых волос, золотое обручальное кольцо и клочок бумаги, на котором были написаны слова: «Капитан Три Пальца... вторник».

— И это все, Мюррей? — спросил я.

— Все, — ответил он.

— Обыскали вы потайные карманы?

— Все вывернули наизнанку.

— Где у него были спрятаны бриллианты?

— Во внутреннем кармане жилета... двойной карман, подбитый ватой.

— И никакого оружия?

— Ни даже зубочистки...

— У вас нет сведений о каком-нибудь судне?

— В Лойде нам ничего не могли сказать. Донесений

никаких. Человек этот упал, очевидно, с какого-то судна, но с какого судна и где, одному Богу известно.

Боюсь, что он был прав. Полиция просила меня опознать бриллианты, я сделал это — и она больше не нуждалась в моих услугах. Оставалось только узнать, что скажет барон Луи Ротшильд, и я, напомнив об этом Мюррею, простился с ним. Было бы глупо претендовать на то, что мнение мое в этом случае может помочь ему. Мне, как и другим, дело это казалось покрытым глубочайшей тайной. Мертвый моряк имел при себе бриллианты большой ценности, скрытые в его одежде, и он упал за борт судна. Моряк и судно... да, надо запомнить это.

Барон Луи выразил величайшее недоверие к известию о краже своего знаменитого бриллианта. Он дал знать об этом своему банкиру в Париже. Телеграмма, посланная в ответ, сообщала, что бриллиант цел и невредим и хранится в сейфе. На это я ответил через моего друга в Скотланд-Ярде, что банкиры, осмотрев еще раз бриллиант, наверняка найдут, что он или поддельный, или такого низкого достоинства, что ни один эксперт не признает его за красный бриллиант из Форд-Валлея. Предположения мои оправдались. Бриллиант в Париже оказался грубой подделкой ничтожной ценности, не имеющей ничего общего с настоящим бриллиантом. Итак, барона ограбили, но когда и кто — он не имел об этом ни малейшего понятия.

IV

ЧЕЛОВЕК С ТРЕМЯ ПАЛЬЦАМИ

Три года ждал я встречи с человеком, у которого три пальца, и наконец встретил его на балу в Кенсингтоне. Приступаю к изложению события, которое в данный момент должно перевернуть всю мою жизнь и, быть может, вызвать такие опасные для меня последствия, о которых мне лучше ничего не знать. Пусть будет, что будет, но я решил идти к своей цели.

Гораций сказал, что подчас недурно быть безумцем. Безумие мое заключается в возмущении против разных условностей, уклонении от служения приходской цивилизации и стремлении к шалахам неумытой богемы.

В Лондоне я состою членом Гольдсмит-Клуба. Там весьма ловко занимают у меня деньги, а за снисходительность мою платят мне тем, что обедают за мой счет. Пустые разговоры действуют на меня освежающим образом. Я нахожу в них приятный контраст с непонятным жаргоном, которым пользуются ученые люди. А сколько интересного для изучения человеческой природы найдешь у этих любителей денег! Сам архиепископ Кентерберийский не может держать себя с таким достоинством, как эти странные люди, жизнь которых поддерживается лишь жалкими авансами до будущей субботы...

Семь человек такой богемы взял я на свое иждивение, отправляясь в Кенсингтон, где в этот день был, по случаю праздника, великосветский базар. Я думал пробыть там полчаса, а пробыл три. Если вы скажете, что здесь замешана женщина, я вам отвечу: «до некоторой степени да!» Анна Фордибрас познакомилась со мной, поднеся к лицу моему букет роз. Я перекинулся с нею двумя словами — и мне захотелось сказать еще двадцать. Что-то скрытое в выражении лица девушки и сила духа, блеск в глубине ее глаз, восхитили меня и приковали к себе. Глаза эти не были глазами невинного ребенка девятнадцати лет, какими они должны были быть на самом деле; это были глаза девушки, которая видела и знала темную сторону жизни и страдала от приобретенных ею познаний, которая таила в душе своей великую тайну и встретила человека, готового проникнуть в нее.

Анна Фордибрас — так звали ее. Судя по ее внешности, по живости ее разговора и чарующей прелести ее смеха, трудно было найти в этот вечер более веселую и довольную девушку во всей Англии. Один только я, быть может, во всем этом зале мог сказать себе, что она носит тяжелое бремя, от которого может избавиться лишь силой неукротимой воли. В голосе ее слышалась нервность, доходящая до истеричности. Она рассказывала мне, что наполовину француженка, наполовину американка. Когда я два раза протанцевал с нею, она представила меня своему отцу, генералу Фордибрасу, статному мужчине с военной выправкой, прямому и мужественному, глаза которого в течение его жизни навсегда, вероятно, оставались в памяти многих женщин. Я с одного взгляда заметил все это, но то, что

я увидел сейчас, ускользнуло вначале от моего внимания. У генерала Фордибраса оказалось на левой руке всего только три пальца!

Повторяю, я отнесся небрежно к этому факту и в тот момент не обратил внимания на эту странность. Только позже, сидя у себя в комнате и закулив трубку, задал себе несколько вопросов. Человек, лишившийся двух пальцев на левой руке, не представляет из себя такого чуда, чтобы я особенно интересовался этим. Тем не менее интуиция моя, никогда не обманывавшая меня в течение десяти лет, упорно отказывалась вынести окончательное решение. Воображение представило мне гавань в Паллинге, и на берегу ее — тело мертвого моряка. Море выбросило его... Откуда? Не мстительная ли судьба написала те слова на бумаге: «Капитан Три Пальца»? Не сошел ли я с ума, что позволяю себе строить целую историю и говорить: сегодня я видел человека, которому служил покойный. Я жал ему руку. Я приглашал его к себе в дом. Время так или иначе ответит на этот вопрос. Знаю только одно, что, сидя здесь среди тишины ночи, я решил открыть истину, но не в этом доме, не в комнате, не на улице, а по всему миру. Ни с кем не поделюсь я этой тайной. Опасности и удачи должны выпасть только на мою долю...

Кто был этот генерал Фордибрас и что известно его дочери о нем? Я написал, что приглашаю обоих к себе в Суффолк, и они посетили меня весной того же года. Окиада, самый проникательный и верный слуга, какого могли создать любовь и благодарность к своему хозяину, не мог помочь мне установить личность генерала. Мы никогда не встречали его во время наших путешествий, никогда не слышали о нем, не знали места его жительства. Я пришел к одному только заключению, что по происхождению своему он француз, получивший права гражданства в Америке, что он богатый человек и владелец паровой яхты «Коннектикут», как он мне это сам сказал. Дочь его Анна поражала меня своей грацией, достоинством и обширностью своих познаний. Менее настойчивый человек отказался бы от всяких подозрений, ибо никакие обстоятельства не могли оправдать сомнений относительно этих людей, и было бы оскорблением предполагать, будто они путешествуют для чего-либо другого, а не для собственного удовольствия. Я и сам был близок к тому, чтобы

поверить этому. Нельзя разве предположить, что генерал купил на бирже жемчуг, украденный у меня в Париже? Надо признать его сумасшедшим, если предположить, что камень украден его агентами, а дочь надела его под самым моим носом. Я не знал, что мне думать. В те минуты, когда чувства брали верх, я припоминал женственную нежность и милое личико Анны Фордибрас и удивлялся, как мог я сделать такое быстрое заключение. В другое время я говорил себе: берегись... Здесь кроется опасность, люди эти знают тебя, они готовят тебе ловушку! Последнее подозрение весьма скоро оправдалось. В июне три человека решили ограбить мой дом в Суффолке. Двум из них удалось бежать, третий взялся руками за медную ручку моего сейфа, но электрические провода, устроенные мною, сжали его руки, как в железных раскаленных тисках. Он с криком упал к моим ногам — и не прошло часа, как я узнал все, что мне нужно.

Да, разумеется, я ждал этих людей. На такую интуицию, как у меня, не могут действовать ни романтические, ни платонические чувства. Рассудок мой с первого же раза сказал мне, что генерал Фордибрас явился в Дипдин с единственной целью — подготовить путь более скромным гостям, следующим за ним. Окиада, мой маленький японец, одаренный чутьем пантеры и зрением орла, держался настороже в течение всех этих недель, и ни одна былинка в парке не могла быть смята, чтобы он не заметил этого. Мы приготовились с ним ко всему. Мы знали, что какие-то незнакомые люди прибыли из Лондона на станцию Сикс-Майль-Боттом за час до того, как явиться к нам. Когда они вошли в дом, мы решили задержать только одного из них. Остальные убежали, уверенные в том, что перехитрили нас. Безумцы, они стремились к воротам тюрьмы...

Я поднял вора на ноги и, угрожая ему, стал допрашивать. Это был юноша лет двадцати с некрасивым лицом и растрепанными белокурыми волосами.

— Ну-с,— сказал я,— вас ожидают семь лет каторжных работ. Постарайтесь показать, что в вас осталась еще небольшая искра порядочности, не то...

Тут я указал ему на электрические провода, которые обожгли ему руки. Он вздрогнул.

— О, я готов на все,— сказал он.— Вы ничего не добьетесь от меня. Делайте, что хотите, я не боюсь вас.

Это была ложь, он очень боялся меня. Достаточно было одного взгляда, чтобы видеть, какой он трус.

— Окиада,— сказал я,— здесь есть кто-то, кто не боится тебя. Скажи ему, как поступают с такими людьми в Японии.

Маленький японец играл свою роль безукоризненно. Он схватил труса за обе руки и потащил его к электрическим проводам. Пронзительный крик пленника заставил меня вздрогнуть — я испугался за свою сестру Гарриэт. Я поспешил выйти, чтобы успокоить ее, а когда вернулся, юноша уже стоял на коленях и рыдал, как женщина.

— Я не в силах выдержать пытки... никогда не мог,— сказал он.— Если вы джентльмен, вы не будете требовать от меня, чтобы я выдал своих товарищей.

— Ваши товарищи,— ответил я спокойно,— подонки, мошенники, негодяи и шантажисты... Самая подходящая компания для человека, который играет в крикет от команды Харроу.

Он взглянул на меня с удивлением.

— Откуда вы это узнали, черт возьми?

— По цветам вашего галстука. Встаньте теперь и отвечайте на мои вопросы. Ваше молчание не спасет тех, которые послали вас сюда сегодня. Они прекрасно знали, что вы попадетесь; они желали даже, чтобы вы попались, и соврали мне, когда вас поймают. Я далеко не такой человек, которому можно врать. Поймите это. У меня у самого есть маленькие тайны. Вы испытали на себе одну из них. Не вынуждайте меня познакомить вас с другими.

Он задумался и наконец спросил:

— Что вы намерены делать со мной? И что я выиграю, если все расскажу вам?

— Отвечайте мне одну правду,— сказал я,— и я избавлю вас от тюрьмы.

— Это очень хорошо...

— Я избавлю вас от тюрьмы и постараюсь спасти вас от самого себя.

— Вы не можете этого сделать, сэръ!

— Посмотрим. В душе каждого человека всегда хранится искра Божия, которую не могут погасить ни время, ни люди. Я найду ее у вас, мой милый! О, поду-

майте об этом! Неужели для того стояли вы у ворот на крикетном поле в Харроу посреди любимых вами школьных товарищей, для того был у вас домашний очаг, мать и сестры, знакомые, которые всегда радовались вам, чтобы сегодня ночью тайно забраться сюда? Нет, разумеется! Душа ваша спит, надо ее разбудить... голос зовет вас к себе, рука прикасается к вашему плечу, чтобы вы оглянулись назад. Пусть это будет мой голос — выслушайте его. Он будет лучше, чем голоса тех других, которые ждут вас.

Лицо его страшно побледнело при моих словах. Час тому назад он, быть может, отвечал бы на них проклятием и бранью, но теперь вся бравада его пропала вместе с его мужеством.

Весьма возможно, что на него подействовало не мое воззвание к воспоминаниям его детства и юношества, а только страх и надежда на то, что признание будет выгодно для него.

— Я не могу много сообщить вам,— пролепетал он.

— Можете рассказать только то, что вам известно.

— Хорошо... Что, собственно, вам нужно?

— Ага! Это благоразумно с вашей стороны. Впервые, имя этого человека?

— О каком человеке вы говорите?

— О том, который послал вас сюда. Из Парижа, из Рима или из Вены? На вас надеты французские сапоги, я вижу... Следовательно, из Парижа, не так ли?

— Называйте это Парижем, если желаете.

— А человек этот — француз?

— Не могу сказать. Он говорил по-английски. Я встретил его в Куоз-Артсе, и он представил меня остальным... Человек большого роста, шрам на подбородке и лицо рябое. Он продержал меня в большом отеле недель шесть. Мне не повезло... Я отправился искать работу на автомобильный завод и меня там потрепали — я не скажу, за что. Тут явился Валь...

— Валь?.. Христианское имя?

— Я слышал, что его фамилия — Аймроз. Говорят, что он немецкий еврей и жил когда-то в Буэнос-Айресе. Я не знаю. Мы должны были запастись материалом и вернуться обратно разными путями. Мне назначили Соутхемптон — Гавр. Не будь вас, я завтра был бы уже в Париже. Ну и счастье, Бог мой!

— Лучшего счастья вам и не выпадало еще в течение вашей жалкой жизни! Продолжайте, пожалуйста. Вы должны были вернуться в Париж... с бриллиантами?

— О, нет! Руж-ла-Глуар должен был везти их... на корабль, разумеется. Моя обязанность была сбить со следа сыщиков. Вы не знаете Валя Аймроза! Такого человека, как он, не сыщешь во всем Париже. Если он только узнает, что я все это рассказал вам, он убьет нас обоих, хотя бы для этого ему пришлось объехать оба континента. Я видел его за этим делом. Бог мой! Если бы только вы видели все то, что я видел, доктор Фабос!

— Вы знаете мое имя, я вижу. Я не так счастлив, как вы.

Он опустил голову, и я, к великому удовольствию своему, увидел, что он покраснел, как девушка.

— Я был когда-то Гарри Овенхоллем,— сказал он.

— Сын доктора Овенхолля из Кембриджа?

— Да.

— Слава Богу, что отец ваш умер. Мы потом поговорим о нем... когда семя согреется и начнет прорастать. Я хочу немного вернуться назад. Судно, на котором должны были отправиться мои бриллианты...

Он вздохнул и взглянул на меня безумными глазами.

— Я никогда и ни о каком судне не говорил.

— Нет? Мне это, значит, приснилось. Итак, вы должны были вернуться в Париж через Гавр и Соутхемптон, сколько мне помнится, этот Руж-ла-Глуар приехал из Нью-Ховена.

— Как вы это узнали?

— О, мне известно многое. Судно ожидало его прибытия... Не в гавани ли Шорхем?

Я говорил наугад, но никогда еще не видел я человека, который был бы так поражен и удивлен, как он. В течение нескольких минут он не мог сказать ни единого слова. Отвечал он мне таким тоном, как будто не признавал больше возможным хитрить со мной.

— Ну, если вы знаете, так и знайте,— сказал он.— Вот только что, доктор Фабос! Вы хорошо говорили со мной, и я буду хорошо говорить с вами. Оставьте в покое Валя Аймроза, не то вам останется всего один месяц жизни!..

Я положил руку ему на плечо и повернул его так, чтобы можно было прямо взглянуть ему в лицо.

— Гарри Овенхолль,—сказал я,—неужели они говорили вам, что доктор Фабос—женщина? Слушайте, что я вам скажу. Завтра я отправляюсь в погоню за этими людьми. Вы поедете со мной, для вас найдется место на моей яхте. Мы отыщем вместе этого еврейшлифовщика... его и остальных и, да поможет нам Бог, не будем отдыхать до тех пор, пока не найдем их!

Он ничего не ответил.

Я позвал Окиаду и просил его приготовить спальню для мистера Гарри Овенхолля.

— С ранним поездом мы выезжаем завтра в Ньюкасл,—сказал я.—Смотрите за тем, чтобы мистер Овенхолль был вовремя на месте. И скажите моей сестре, что я желаю прийти к ней и побеседовать с нею.

Бедная сестра! Как она будет жить теперь, когда ей некому будет сушить туфли и некого приучать к опрятности! Она так преданно и нежно любит меня. Я желал бы принудить себя исполнить свой долг и остаться в Англии, чтобы дать ей возможность ухаживать за мной.

V

ВЫЗОВ ЖЕНЩИНЫ. ДОКТОР ФАБОС ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА СВОЮ ЯХТУ «БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ»

Свою новую турбинную яхту я назвал «Белые крылья», что вызывает смех и у старых, и у молодых моряков. Окрашена она в грязно-серый цвет, нос у нее как у торпедных судов, не говоря уже о нашей низкой корме, округленной наподобие спины у акулы и такой же страшной, если смотреть на нее в то время, когда мы делаем наши двадцать пять узлов. Судно это вполне мне по сердцу. Не могу отрицать, что я всегда, с самого раннего своего детства, отличался честолюбием, а потому стремился к тому, чтобы замки мои были безукоризненны как на суше, так и на воде.

Яхта выстроена на Темзе, а машиной снабжена на Тайне. Я помню, что заказал ее дня через три после того, как написал слово «корабль» в своем дневнике,

и после того утра, когда мне в первый раз пришла в голову мысль, что преступников надо искать на море, а не на суше. Я упоминаю в своем дневнике, почему это пришло мне в голову. Полиция подымет меня, конечно, на смех, а публика не поверит. Я храню свою тайну и везу ее с собой, но в какую гавань — одному Богу известно. Выехали мы из Ньюкасла 2 сентября 1904 года.

Длинная, некрасивая на вид яхта! Мне очень нравилось, когда так говорили мои друзья. Когда же я приглашал их к себе на борт и показывал им чудовищные турбины, обширные помещения для матросов в передней и задней части судна, мои собственные каюты, снабженные всем, что дают деньги и хороший вкус, — тогда они начинали говорить об отеле «Ритц» и забывали о некрасивом виде яхты. Моей собственной была именно такая каюта, какая всегда должна быть на яхте. Низкие окна с зеркальными стеклами позволяли мне видеть пенящиеся волны у кормовой части и голубой горизонт вдаль. Под рукой у меня были любимые мною книги, картины собственного выбора, искусно вставленные в филенчатые стены из испанского красного дерева. Серебряные орнаменты еще больше выделяли красоту и достоинства последнего. Комната не отличалась величиной, но была устроена в кормовой части, что давало мне возможность уединиться и делало из нее как бы отдельный домик. Никто не мог войти ко мне, не доказав предварительно маленькому японцу, что дело его не терпит отлагательства. Я мог писать целыми часами, и ничто не прерывало моих занятий, кроме крика чаек или корабельных звонков.

Лето улыбалось нам, когда мы двинулись вниз по течению гнусной, вечно зловонной реки Тайн и повернули наш китообразный нос к Северному морю. Мои служащие, соблазненные предложенными мной условиями и взятые из первоклассных портов Англии, представляли собой самый редкий экипаж, какой может быть только на безупречном судне. Бенсон, старший инженер-механик, принадлежащий к числу наиболее опытных специалистов в Ярроу; капитан Лорри, истый моряк, одинаково искусный и в открытом море, и у берегов, всегда чисто выбритый, голубоглазый человек с резкими чертами лица, — все богатство свое готов был я прозакладывать за их мужество. Могу ли я за-

быть Каина и Авеля, двух цветущих квартирмейстеров из графства Корк, не говоря уже о Валааме, шотландском боцмане, и о Мерри, нашем маленьком поваре! Перед отъездом я всех их собрал вместе и предупредил, что путешествие это грозит опасностями, но по окончании его они получают награду. Они согласились на все мои условия с полной готовностью. Я получил только три отказа и в том числе от Гарри Овенхолля, у которого, впрочем, не было выбора.

Таков был экипаж, отправившийся со мной из мрачного Ньюкасла, не зная, в какое море и в какую гавань. Говоря, впрочем, по правде, у меня были свои собственные мысли и предположения, и я начертил себе известный, хотя и смутный план действий. Я верил тому, что океан всегда является хранителем тайн живых людей и он откроет мне их. Один только человек во всей Европе знал, что я намерен отправиться в Гавр, а затем в Капштадт. Другим я говорил, что яхта — просто моя забава, и я от нечего делать буду путешествовать. Редко кто требовал у меня дальнейших объяснений.

В Гавр я решил отправиться не потому, что там у меня было какое-нибудь дело,— я узнал случайно, что Анна Фордибрас проведет несколько недель в Дьепе и что я найду ее в Отель-де-Пале. Мы сделали прекрасный переход по Северному морю, и утром, на следующий день после нашего прибытия, я был уже среди группы зрителей, которые наблюдали за купающимися в море. В числе последних находилась также Анна Фордибрас. Многие с любопытством следили за ней, и я сразу заметил, что она специалист по части плавания, что у нее чрезвычайно грациозная фигура и она может очень долго продержаться на воде, находя в этом случае мало последователей среди представительниц своего пола. Здесь ее явно очень хорошо знали и интересовались ею, ибо не успела она одеться и выйти на берег, как ее окружили со всех сторон, так что мне пришлось пройти несколько раз мимо нее, прежде чем она узнала меня.

— Да это доктор Фабос из Лондона! — крикнула она, подбегая ко мне. — Вы? Я подумала, не ошибаюсь ли. Кто мог подумать, чтобы такой серьезный человек явился в Дьеп проводить свои каникулы!

— Дня на два всего, — ответил я ей. — Я шел на

яхте вблизи берега, и какое-то чувство подсказало мне заехать сюда.

Она взглянула на меня несколько пытливо, как мне показалось. Несмотря на ее девятнадцать лет, в ней заговорило любопытство женщины. Она представляла из себя прелестную картинку, а окружающий ее вид служил ей достойной рамкой. Кто из вас знаком с летним видом французских курортов?.. Свежее синее море, желтоватая бухта, беленькие домики с зелеными жалюзи, старые готические церкви с ветхими колокольнями; кругом смех, шутки, автомобили, купальные костюмы с чудо-лентами — жизнь, оживление, радость и тысячи зонтиков, под которыми незаметно можно шепнуть словечко... Среди такой обстановки встретил я Анну Фордибрас. Она, эта пронизательная маленькая плутовка, начинала подозревать меня.

— Кто вам сказал, что я в Дьепе? — спросила она.

— Чутье — лучший руководитель. Где иначе могли вы быть?

— Почему не в Трувиле?

— Потому что меня там нет.

— Вот так причина! Надеялись вы встретить здесь моего отца?

— Разумеется, нет! Он отправился на своей яхте в Шербург три дня назад.

— Вы, по-моему, волшебник! Скажите, пожалуйста, зачем вы желали видеть меня?

— Вы интересуете меня. Не говорил ли я вам, что приеду? Неужели вы желали, чтобы я отправился в Истбоурн или Кромер и проводил там время с женщинами, которые трещат, как скворцы, и мужчинами, все честолюбие которых сосредоточивается на гнилых закромах? Я приехал, желая видеть вас. И такой прием! Я желал проститься с вами перед вашим отъездом в Америку.

— Но мы едем не в Амер... то есть я живу здесь. Не говорил вам этого мой отец?

— Возможно... У меня голова не всегда на месте. Здесь так много людей из Америки.

— Поэтому я люблю это место, — сказала она и, недовольно взглянув на меня, прибавила: — Никто, однако, не пытается разузнать о том, что они делали в Америке.

Это был хитрый вызов с ее стороны, и он говорил

мне многое. Дитя это не знает никакой тайны, сказал я себе, оно боится, что от него скрывают какую-то тайну. Мне нужно было держать себя крайне тактично. Как посмеется судьба надо мной, если я вздумаю влюбиться в нее! Но ничто не могло быть безумнее такого предположения, и его не следовало принимать во внимание.

— Любопытство,— сказал я,— является следствием одного из двух побуждений: или желания стать в дружеские отношения, или желания оскорбить. Заметьте это, пожалуйста, если только вам дадут на это время. Я вижу там целую дюжину молодых людей, которые жаждут сказать вам, что вы прекрасны. Не допускайте, чтобы я запретил им это. Так как мы остановились в одном и том же отеле...

— Как? Вы остановились в Пале?

— Неужели в Дьепе есть еще другой дом, где вас можно найти?

Она вспыхнула слегка и отвернулась от меня. Я видел, что испугал ее, и, подумав о том, сколько недоразумений может вызвать иногда так называемая тактика, я придумал какой-то предлог и оставил ее.

Да, положительно, глаза ее бросили мне вызов. А мужчине, сказал я себе, не подобает колебаться и следует поднять перчатку, брошенную ему так храбро молодой девушкой девятнадцати лет.

VI

МОЙ ДРУГ МАК-ШАНУС. ПЕРЕД ЗАВЕСОЙ ТАЙНЫ

Я думал, что никого не знаю в Дьепе, но ошибся, как вы это увидите. Не успел я войти в отель, как натолкнулся на Тимофея Мак-Шануса, журналиста с Флит-стрит, и в следующую минуту слушал уже его рассказы, представлявшие причудливую смесь фактов и фантазии. В первый раз в течение многих лет не понадобился ему немедленный заем.

— Клянусь,— воскликнул он,— лучше этого ты ничего и никогда не слышал! Здешний лорд-мэр устроил бал в честь провинциальных членов Совета и... между ними очутился я, Тимофей Мак-Шанус. Надо тебе сказать, что здесь в парламенте есть другой Мак-Шанус,

которого они пригласили на веселье. Письмо попало по ошибке в другие руки, и я сказал себе, что Мак-Шанус должен присутствовать на этом обеде как почетный гость от имени старой Ирландии...

Я поспешил умерить его пыл и пригласил его отобедать со мной, на что он немедленно согласился. Когда через некоторое время он присоединился ко мне за обеденным столом, первое лицо, которое бросилось ему в глаза, была Анна Фордибрас, сидевшая рядом с грозной на вид дамой на расстоянии трех столов от нас. Выражение, появившееся при этом на его лице, не поддается никакому описанию. Я боялся, чтобы сидевшие в этой комнате не услышали последовавшего взрыва с его стороны.

— Клянусь матерью своих предков! — воскликнул он. — Ведь это она, маленькая пастушка. Ин Фабос, тебе стыдно признаться в том, что к этому берегу влекли тебя не звезды неба и не красота окружающей природы. О, Тимофей Мак-Шанус, как падают великие! Не далее...

Я усадил его на место и открыто высказал ему свое неудовольствие. Анна Фордибрас не слышала его слов, но ее рассмешили его манеры, равно как французенек и англичанок, сидевших вокруг нас. Держу пари, что нет такого профессора, который в состоянии был бы противостоять этому легкомысленному ирландцу или сердиться, а не удивляться его забавным выходкам.

— Фабос, мой мальчик, выпьем шампанского за ее здоровье, — шепнул он мне, когда подали суп. — Супружество равносильно этому вину: хорошая вещь в самом начале, но далеко не так хороша, если переполнить меру. Я сам едва не женился на леди Кларе Ловенлоу из Кильдара... Ай! И несчастен был бы я теперь, сделай я это. Представь себе только Мак-Шануса в туфлях среди семьи и дочерей, поющих ему «Погибшую страну»! Его, свет Гольдсмит-Клуба! Да, подумай об этом, мой мальчик, и скажи, что он счастливо отделался от этой девицы...

Я не прерывал его болтовни. Говоря откровенно, я был очень рад его обществу. Я не желал, чтобы Анна Фордибрас подумала, будто я один в отеле и у меня нет знакомых в Дьепе, вследствие чего не мог бы отрицать своего желания возобновить с нею знакомства во время отсутствия ее отца. Теперь же присутствие этого

дородного ирландца могло служить ширмой моим намерениям. Как бы там ни было, я был очень рад этой встрече.

— Мак-Шанус,— сказал я,— не говори глупостей и не причисляй меня к семье подобного рода. Ну разве я похож на человека, которому дочери осмелятся петь «Погибшую страну»?

— По наружному виду трудно судить, доктор! У моего друга Люка о'Бриена, того самого, что написал «Философию уединения», семь детей в графстве Корк и граммофон. «Люк,— говорю я ему,— ты, я вижу, в полном уединении здесь». Он выругался, и с тех пор мы больше не говорим с ним об этом.

— Кстати, Мак-Шанус! Позволь мне успокоить твои чувства сообщением, что завтра вечером сюда придет за мной моя яхта «Белые крылья».

— Слава Богу, ты будешь в безопасности на море. Я не доверяю ей. Взгляни в ее глаза. Не видишь разве, как они то выглянут, то спрячутся... «Точно мышки из-под юбочки»,— говорит поэт. Ей не терпится показать свою маленькую ножку и дать тебе понять, что обувь ее недорого обойдется. Отвернись в сторону, Ин, мой мальчик, когда она смеется. Плохой это смех, он ведет к гибели человека...

— Я запомню это, Мак-Шанус! Не желаешь ли заняться старой леди, пока я побеседую с ней?

— Как? С той кошкой, у которой мужские волосы и телескоп на носу? Спаси меня, Господи, и помилуй! Лучше каторжные работы.

— Ну, полно тебе! Не видишь разве по ее взгляду, что она пользуется авторитетом на этом полуострове, Мак-Шанус? Я знаю, она играет в мяч. Я видел ее с палками сегодня днем.

— Чтобы проломить голову кому-нибудь. Неужели Тимофей Мак-Шанус так низко пал? Неужели он пойдет по пятам женщины с палками в руках? Прекрасное это зрелище будет, право, настоящий праздник!

— Выпей еще шампанского, это укрепит твои нервы, Тимофей.

Он покачал головой и погрузился в грустное раздумье. Нервы его, однако, успокоились после нескольких стаканов. По окончании обеда мы вышли на веранду, где застали мисс Фордибрас и ее компаньонку мисс Астон—они пили кофе. Они встали нам навстречу,

точно ждали нашего прихода, и я тотчас же представил им Мак-Шануса.

— Мистер Тимофей Мак-Шанус, автор «Ирландии и ее королей» и потомок одного из последних, сколько мне помнится. Не правда ли, Мак-Шанус?

— Не одного, а всех, доктор Фабос! Мой отец правил когда-то Ирландией, а сыновья мои будут править ею впоследствии. Ваш слуга, прелестная леди! Прошу не называть меня историком. Я поэт, когда не присутствую на суде.

Мисс Астон, леди с короткими волосами и в очках, отнеслась, кажется, серьезно к словам Мак-Шануса и сейчас же заговорила с ним о Броунинге, Уолте Уитмене и других. Я подвинул стул ближе к мисс Фордибрас и также принял участие в общем разговоре.

— Никто не интересуется теперь поэзией,— сказал я.— Мы сделались слишком циничны. Даже Мак-Шанус и тот не считает свои оды достойными печати.

— Они погибнут вместе со мной в могиле аббатства,— ответил он.— И только спустя тысячу лет какой-нибудь профессор из Новой Зеландии поведаст миру о том, что написал Мак-Шанус.

— Время—самая истинная критика,—воскликнула мисс Астон.

Мак-Шанус взглянул на меня, как бы желая сказать: «Однако она того... достаточно опытна в том, что касается времени».

Я обратился к Анне Фордибрас, прося ее защитить поэтов.

— Двадцатое столетие не дает нам возможности уединиться,—сказал я,—а поэты не могут без уединения. Мы все время живем среди толпы. Даже путешествие на яхте устарело теперь. Люди стремятся туда, где они могут показаться другим людям. Тщеславие охватило всех... Все желают казаться лучше, чем другие.

— На свете есть женщины, которые не знают, что такое тщеславие,—сухо заметила мисс Астон.— Мы живем нашим внутренним миром, и жизнь каждой из нас—наша собственная. Все наше существование—одно уединение. Мы большей частью бываем одни, даже когда многие окружают нас.

— Это комплимент моему другу Фабосу!—воскликнул Мак-Шанус, торжествуя.—Позвольте мне

иметь честь проводить вас в казино, леди, ибо такой человек, как он, не может быть вам компанией. Нет никакого сомнения, что он переманит мисс Фордибрас в другую партию, когда они покончат с поэтами. Не правда ли, доктор?

Я ответил ему, что буду, конечно, в восторге, и все мы отправились в казино. Тимофей увлекся игрой, и я остался один с мисс Фордибрас. Мы с нею не стремились войти в здание казино, а так как на берегу было сравнительно мало публики, то мы могли держаться в стороне, наслаждаясь видом луны, рисовавшей золотистые островки на поверхности спящего моря, и прислушиваясь к музыке в казино.

— Завтра в это время,— сказал я,— моя яхта будет ближе к Ушонту, чем к Дьепу.

Она робко взглянула на меня. Редко приходилось мне видеть такое красивое и в то же время такое трогательное лицо.

— Ближе к уединению?— спросила она.

— Быть может,— ответил я.— В этом преимущество яхты. Вы плывете, собственно, никуда, и, если это не понравится вам, вы возвращаетесь обратно.

— И вы положительно не знаете куда?

— Положительно не знаю.

— А я знаю,— сказала она.— Вы едете преследовать моего отца...

Никогда еще в своей жизни не был я так поражен. Я знал уже, что она подозревает меня, но такой вызов почти ребенка, это открыто выраженное недоверие... нет, это было выше моего понимания!

— Зачем же мне преследовать вашего отца?— спросил я.

— Не знаю, доктор Фабос. Но вы преследуете его. Вы подозреваете его в чем-то дурном и хотите сделать нам зло.

— Дорогое дитя мое,— сказал я,— Бог свидетель, я никому не желаю зла. Вы не то говорите, что следует. То же самое чувство, которое побуждает вас говорить это, должно подсказать вам, что все то, что я намерен предпринять и сделать,— вполне справедливо, правильно... и должно быть сделано.

Я взглянул на нее. Мы подходили в это время к самой воде. Волны медленно, лениво плескались у наших

ног — волны моря, которое я намеревался пересечь, дабы открыть истину, которая удивит весь мир.

Это был многозначительный момент в нашей жизни. Мы чувствовали, что это так, и не уклонялись от этого.

— О,— сказала Анна со слезами на глазах,— будь я только уверена, что вы мой друг!..

— Мисс Фордибрас,— сказал я,— верьте тому, что я говорю вам. Я буду вашим другом всегда, что бы ни случилось. Считайте меня им, прошу вас.

Мне показалось, что она хочет поведать всю историю своей жизни. Я всегда потом думал, что так оно и было в ту минуту. Но слова остались невысказанными: на нас упала вдруг чья-то тень, и когда я поднял голову, то увидел лицо человека, так близко стоявшего подле нас, что ему достаточно было протянуть руку, чтобы прикоснуться ко мне. В ту же минуту заметила его и Анна и, отойдя от меня в сторону, попросила проводить ее до казино.

— Мисс Астон беспокоится, вероятно,— воскликнула она в сильном волнении.— Пойдемте, пожалуйста! Уже девять часов.

Я поспешил исполнить ее просьбу и, перейдя через площадь, повернул с нею к казино. При свете фонаря я увидел, что лицо ее было бледно, как лучи луны, скользившие по морю. Я понял из этого, что человек тот следил за нею и что она боится его. Факт был налицо, и скрыть его было трудно.

Об этом, конечно, она не говорила со мной. Войдя в казино, она направилась прямо к ужаснейшей мисс Астон и пробормотала нечто вроде извинения за то, что опоздала. Я понял, что час доверия прошел, и слова, которые она собиралась сказать мне, никогда, быть может, не будут сказаны...

Хорошо ли, что так случилось? Бог знает. Путь, по которому долг обязывал меня идти, лежал ясно передо мной, и Анне Фордибрас не заставить меня сойти с него. Время, надеюсь, поднимет мрачный покров, и за ним я увижу солнце.

VII АФРИКА

— И чего ради, скажи, понесло тебя к этим берегам?

Я стоял на палубе, всматриваясь в низкий африканский берег, и совсем было забыл о существовании Мак-Шануса, пока он сам не заговорил со мной. Мы выехали из Дьепа почти месяц назад. Необыкновенно быстрый ход яхты, которую я назвал «Белыми крыльями», позволил нам зайти на два дня в Гибралтар, остановиться в Порт-Гранде на островах Зеленого мыса, затем прокрейсировать на досуге вдоль плоского африканского берега до того места, где за сильным прибоем начинались горы, указывавшие на близость английских владений. Зачем, собственно, мы приехали сюда, до сих пор еще оставалось загадкой для всего экипажа. Матросы имели право назвать своего хозяина человеком ветреным, зараженным причудливыми идеями. Но они молчали, и только Тимофей Мак-Шанус решил заговорить об этом.

— Ты захватил меня в Дьепе, сказав, что мы совершим небольшую увеселительную поездку,— начал он.— Я не отказался, надеясь, что мы высадимся в Испании, чтобы подурачиться с прекрасными синьоритами, а тут, черт возьми, ни одной синьориты за все путешествие! Напьюсь, думал я, испанского вина в Гибралтаре, а Рождество проведу в Пэл-Мэл... И это я, никогда не выезжавший из Лондона больше чем на неделю, чтобы не плакать по своим детям. Будь же честным человеком, Ин, мой мальчик! Ты едешь, наверное, по какому-нибудь важному делу, и тайна его известна только маленькому японцу... Скажи, что это так, и я, Тимофей, до конца мира буду верить тебе!

— Тимофей,— сказал я, чувствуя, что наступает время, когда я должен откровенно поговорить с ним,— ты настолько хорошо знаешь меня, что не назовешь ни безумцем, ни ребенком. Я поясню тебе в двух словах, зачем я приехал в Африку. Я желаю узнать, кто украл мой жемчуг, который был надет в Кенсингтоне на Анне Фордибрас.

Удивить Тимофея Мак-Шануса совсем нетрудно, ибо это человек, состоящий из восклицаний. Но в это

утро он был на грани удивления. Повернувшись ко мне, он взглянул мне прямо в лицо, затем дружески опустил свою громадную руку на мое плечо.

— Это не шутка, Ин?

— Никакой шутки здесь нет, Тимофей.

— Ты думаешь, что истина плавает по морю?

— Не только думаю, но верю этому так, что истратил пятую часть своего состояния на покупку этой яхты и готов истратить еще три пятых, если экспедиция эта поможет мне открыть истину.

— И нет ни единого человека, который, кроме меня, знал бы эту тайну?

— Есть... мужчина и женщина. Я не говорил о ней ни тому, ни другой. Мужчина — это японец, от которого ничто не скрыто под небом. Женщина... Она знает все сама по себе: это Анна Фордибрас.

Он с видом некоторого разочарования покачал головой.

— Японец — сам сатана во плоти, не могу отрицать этого. Девушка — другое дело. Этот сумасшедший старый джентльмен сам украл жемчуг и заставил свою дочь надеть его под самым твоим носом. Фабос, мой мальчик, ты не веришь этому?

— Я все скажу тебе в свое время, Тимофей! Ждать этого не так долго. С другой стороны, однако, я могу целый год проплавать здесь. Не печалься, мой друг! Я уже обещал тебе, что первый пароход, отходящий из Капштадта после нашего приезда, отвезет тебя обратно в твой любимый Пэл-Мэл. Мои обязанности вполне ясны. Я не могу уклоняться от них, каковы бы ни были последствия. Согласись, впрочем, Тимофей, что ты приятно путешествовал.

— Путешествие приятное и компания хорошая. Твой японец швырнул меня вчера в другой конец каюты, чтобы показать мне, как это делается у них на родине. У тебя тут есть шотландец, который заставил меня переплыть экватор в коротенькой шотландской юбке, и еще два проходимца из графства Корк, которые рассказывают мне, будто у них на штусборде луна вместо котла. Потом играю с тобой каждый день в пикет и проигрываю тебе свои сбережения — семь фунтов, четыре шиллинга и два пенса... это так же верно, как то, что я живой человек. О, да! Путешествие вполне

приятное! И ради чего, Фабос? Ты ведь волшебник, так не можешь ли сказать мне этого?

— Совсем я не волшебник, Тимофей! Предложи мне тот же вопрос в восемь часов вечера, и я в состоянии буду ответить тебе. Если я не ошибаюсь, то ответом будет дымок, виднеющийся на горизонте. Я тебе скажу, когда будет безопасно говорить об этом,— ни одной минутой раньше или позже.

Я сказал это, кажется, так горячо и серьезно, что он не мог не поверить мне. Не смешно ли, право, что пустая, собственно, вещь могла так взволновать меня, а между тем я ни разу еще не приходил в такое возбужденное состояние с того самого времени, когда подозрения мои впервые подтвердились находкой в бухте Паллинг. Туманная дымка на горизонте — сознание того, что какое-то другое судно идет по тому же курсу к южным берегам Африки. Вот все, что мы увидели, а между тем на борту не было ни одного человека, у которого не забилося сердце и не напряглись нервы при виде туманной дымки.

— Что вы скажете об этом, капитан Лорри? — спросил я краснощекого, всегда спокойного офицера, который подошел к нам во время нашего разговора. — Здесь ведь нет курса для судов. Думали ли вы встретить корабль так близко у берегов?

— О нет, сэр! Будь это канонерское судно, идущее в Порт-Ноллоз, оно делало бы не десять узлов. Такие суда делают по пятнадцати.

— Он держит курс на юг?

— На юг, сэр!

— Вы не удивитесь, если услышите, что оно останавливалось в бухте Святой Елены?

— После того, что вы мне сказали, сэр, ничто меня не удивит. Достаточно удивительно и то уже, сэр, что мы могли встретить здесь какое бы то ни было судно.

Я согласился с ним. Нет ничего более приятного в жизни, как подтверждение истинности какого-нибудь заключения, выведенного из целого ряда известных обстоятельств. Здесь, в этом далеком океане, раскрывалось одно из колец в цепи моих предположений...

— Капитан,— сказал я,— люди поймут, я думаю, что нам необходимо узнать, зачем судно это посещает бухту Святой Елены и куда оно отправляется, когда покидает ее. Остальное предоставляю вам... и маши-

нам. Если только догадаются о нашем намерении, нам немедленно помешают. Доверяюсь вполне вашему здравому смыслу и надеюсь, что ничего подобного не случится.

— Нет, сэр, не случится,— сказал он спокойно.— Машины еле-еле двигаются. Мистеру Бенсону даны уже инструкции.

Я прислушался к стуку наших сильных машин: они действительно еле двигались. Почти незаметная дымка поднималась над нашей безобразной толстой трубой. Матросы шепотом разговаривали между собой, наблюдая черное облако на горизонте. Я постарался, чтобы все они знали о том, что мы преследуем неизвестное нам судно, но не желаем, чтобы там догадались об этом. Одного этого было уже достаточно, чтобы пробудить в моряках страсть к приключениям. Когда же капитан Лорри приказал им в довершение всего немедленно заняться пушками, то они с жаром принялись за это.

Ночь должна была открыть нам всю истину. Кто будет удивляться после этого, что я ждал наступления ночи, как человек, ожидающий обещанной награды, о которой он мечтал в течение нескольких месяцев?..

VIII

НОЧЬ НЕ БЕЗМОЛВНА

Я пообедал с Мак-Шанусом в восемь часов вечера, а затем мы решили сыграть небольшую партию в пикет. Теперь он был уже посвящен в мои дела и знал многое из того, что я предполагал сделать.

— Так по-твоему,— сказал он,— люди на том судне отправляются за бриллиантами, украденными из рудников Африки? Ты произведешь сенсацию во всей вселенной, если только тебе удастся доказать это!..

В ответ на эти слова я напомнил ему о громадной ценности алмазов, которые похищаются ежегодно из рудников одного только Кимберлея.

А затем, несмотря на самый тщательный надзор полиции, отправляются в конце концов в Европу, где пускаются в оборот не очень щепетильными купцами. Как объяснить все это? Не все ли это равно, если бы мы спросили, возможно ли, чтобы украденные драгоцен-

ности стоимостью в несколько миллионов исчезали ежегодно чуть ли не на глазах у полиции?

— Тимофей,— сказал я,— я пришел к заключению, что драгоценности эти скрываются на море. Судно, которое мы собираемся проверить, получит часть украденных драгоценностей на пути между этим местом и Святой Еленой. Оно передаст их на большее судно, которое плавает теперь по Атлантическому океану. Это последнее судно, имея мы только возможность попасть на него, могло бы рассказать нам историю многих знаменитых грабежей, показать содержимое многих опустошенных сейфов, сообщить нам о том, где находятся многие ценные вещи, о пропаже которых объявлено полицией. Я надеюсь, что настанет тот день, когда я ступлю на палубу этого судна, а ты будешь сопровождать меня, Тимофей. Есть одна вещь на свете, в которой я никогда не сомневался, и вещь эта — мужество моего друга.

Ему понравился мой комплимент, и он, чтобы выразить свой восторг, ударил кулаком по столу.

— Я на горы готов карабкаться, только бы добраться до него,— сказал он с искренним чувством.— Не думай плохо обо мне, если я считаю все это нелепостью и жду разочарований. Ты говоришь, что ночь все разъяснит нам. Не обвиняй никого, если ночь будет безмолвна, Ин, мой мальчик.

— Она не будет безмолвна, Тимофей! А вот и капитан Лорри, который несется сюда, чтобы сообщить нам кое-что. Он спешит передать, что слышал какую-то новость. Послушаем его.

Честный Вениамин Лорри, истинный сын Портсмута, влетел в каюту с таким видом, как будто бы судно наше горело. Мне достаточно было взглянуть ему в глаза, и я сразу понял, что он сейчас подтвердит мои слова и скажет, что ночь не безмолвна, а красноречива.

— Доктор,— крикнул он, еле говоря от волнения,— пройдите, пожалуйста, наверх, там случилось кое-что.

Мы бросились вверх по лестнице... Мак-Шанус при этом с легкостью и быстротой давно прошедшей молодости. Было около десяти часов вечера — четыре склянки первой смены, как говорят моряки. Ночь была темная и на небе ни одной звезды. Море нежно раскачивало нашу яхту, точно любящая рука, нежно качающая колыбель. Я сразу заметил, что машины наши остано-

лены и огни погашены. Африканский берег еле виднелся вдали и только шум прибоя напоминал о нем. Весь экипаж собрался на носовой части яхты. Я заметил также, что орудия уже приготовлены и люки открыты.

Я, право, удивлялся активности своей команды в этот важный момент. Будь они еще вымуштрованы на каком-нибудь британском военном судне, я не обратил бы такого внимания на их ревностный пыл и в то же время утонченную осторожность. Никто из них не говорил громко, никто не выказывал овладевшего им волнения. Боцман, которого звали Валаамом, спокойно провел меня вперед, а когда я взошел на палубу, указал мне рукой на зрелище, которое привлекало всеобщее внимание, и ждал моих замечаний. Все остальные выразительно кивнули мне головой. Они точно хотели сказать: «А хозяин все-таки прав». Лучшего комплимента мне и желать нельзя было.

Что же так приковало наше внимание? Слабая полоса света, сверкавшая на воде всего на расстоянии одной трети мили от нашей собственной палубы, и полосы света с палубы парохода, отвечавшие, очевидно, на этот сигнал. Не нужно было быть провидцем, чтобы сказать, что из какой-то гавани поблизости вышла шлюпка и обменивается сигналами с пароходом, за которым мы следовали целый день. Но это было далеко еще не все: с палубы парохода направили вдруг прожектор в ту сторону, откуда приближалась шлюпка, и перед нами во всем своем блеске открылась целая картина на темном фоне ночи.

Мы увидели два судна; одно из них походило по наружному виду своему на канонерскую лодку, а другое было немногим больше морского баркаса, быстрое и змееобразное — на нем сидело всего три человека. Мы ясно увидели, как с мнимой канонерской лодки спустили веревочную лестницу и как один из гребцов баркаса поднялся по ней на борт парохода. Большое облако красноватого дыма над трубой большого судна указывало на то, что там готовятся к быстрому отходу, а также на очень короткое пребывание на нем его посетителей. Я могу сказать с точностью, что шлюпка пробыла там не более пятнадцати минут. Человек, поднявшийся на борт, спускался уже с лестницы по прошествии этого времени и сел в шлюпку, которая тотчас же

отчалила, не заметив нашего присутствия и не зная, что мы наблюдаем за ней.

Все это случилось с быстротой молнии, сверкнувшей на мрачном горизонте. Дрожащие лучи большого прожектора, как бы направленные на шлюпку рукой человека, державшего фонарь, скользнули вдруг по поверхности моря и на минуту осветили нашу палубу, открыв таким образом грозные и непонятные очертания нашей темной яхты. С берега в ту же минуту грянули сигнальные выстрелы. Огни моментально погасли, и все погрузилось в непроницаемую тьму, за исключением красноватого дыма над трубой парохода. Тут я услышал голос, говоривший на моей собственной яхте. Это был голос капитана Лорри.

— Они спешат на запад, сэр,— сказал он,— в открытое море. Все так, как вы говорили.

— И впредь так будет, капитан Лорри! На всех парусах вперед, пожалуйста! Мы не должны терять их из виду...

— Чего бы это ни стоило, сэр?

— Это ничего не будет стоить, капитан!

А остальным служащим я сказал:

— Пятьдесят фунтов каждому, ребята, если вы проследите за этим пароходом до самого порта.

Они отвечали мне звучным и веселым смехом и моментально были на своих местах. Наша яхта понеслась со всей быстротой, какую только могли дать ей сильные машины, управлявшие ее движением. На берегу слышался второй ружейный сигнал, значения которого я не понял. Вдали на горизонте не видно было никакого света, кроме красного отблеска огня, выдавшего нам направление, по которому шел пароход. Он был целью, к которой мы стремились... но, однако, не он один: океан имеет свои тайны, но я не верю, чтобы он мог скрыть их от нас.

— У нас такие же снасти, как и у них, капитан Лорри?— спросил я.

— Без сомнения, сэр!

— И мы догоним их через полчаса?

— Через четверть даже, если только будем идти тем же ходом. Мистер Бенсон лезет из кожи, как видите.

— Капитан Лорри,— сказал я,— у них наверняка есть с собой оружие, я же не желаю рисковать жизнью

ни одного из тех людей, которые согласились служить мне, ничего не подозревая. Посоветуйте мистеру Бенсону несколько умерить свой пыл. Мы должны держаться на расстоянии выстрела.

— Понимаю, сэр! Только бы не опоздать!

Он хотел этим сказать, что мы уже, пожалуй, находимся в досягаемости выстрелов преследуемых, и стремглав ринулся вниз, чтобы сказать относительно «полухода», как он выражался. Приказание поспело минута в минуту. Раздался оглушительный выстрел, и в море, на расстоянии одной восьмой мили от нашего штирборта, упало ядро. Нет слов для выражения впечатления, произведенного на мой экипаж падением этого ядра. Надо полагать, что до этой минуты никто не верил в возможность такого зрелища, представить которое они себе никак не могли. Выстрел и ядро! Наименее сообразительный из них понял значение этого. Что касается гениального ирландца, то он съежился, как старуха, которой кажется, что с крыши валится черепица.

— Ах, черт бы их побрал, Фабос! Не ранен ли я куда-нибудь?

— Под ложечку, пожалуй, Тимофей!

— Но это ядро, которым они стреляли?..

— Я пожалуйсь на него, Тимофей, когда мы взбе-ремся к ним на борт.

Он весь побелел... Что ж, я прощаю ему это. Он, как и все остальные, понял, чего может нам стоить преследование этого судна и сколько страниц прибавится к истории преступлений. Выстрел из большого орудия, нарушивший тишину ночи, больше слов дал ему понять настоящую истину.

— Нет, право, гнев так и кипит во мне!

— Вернемся в таком случае назад, Тимофей!

— Хоть выложи ты передо мной тысячу соверенов, ни за что!

Слова его вызвали общее веселье. На это нам ответили и с парохода, убегającego на всех парах; подхваченный слабыми порывами ветра ответ донесся к нам по водяной зыби моря, которое начинало уже волноваться, как бы заслышав отдаленный голос бури. Да, она надвигалась, пока еще не замечаемая нами, ибо глаза наши заняты были одними лишь чернеющими вдали очертаниями парохода.

— Вот вам и вода на суп, сэр! — сказал квартирмейстер Каин. — Ветру вам тут надует на целую чашку.

Мы почти не слышали его, но капитан Лорри, осторожный, как всегда, спустился в свою каюту, чтобы посмотреть на барометр, и вернулся назад с очень серьезным лицом.

— Сомнения не может быть, сэр, буря нагрянет, — сказал он мне.

— А если так, Лорри, что тогда?

— О, судно само покажет нам это.

— Я не сомневаюсь в нем. Будь это только днем, Лорри...

— Ах, сэр, превратись все наши желания в совершенны, какие бы из нас вышли волшебницы-бабушки!

— Они погасили огни, Лорри, — сказал я. — Счастьем своим они обязаны ночному мраку. Мы потеряем их теперь из виду, но найдем снова, когда будем переплывать Атлантический океан!

— И я с вами, будь это хоть два раза вокруг света и обратно.

Волнение этой ночи странно действовало на нервы людей, и они, подобно всем матросам вообще, были поражены суеверным ужасом под влиянием окружающей их тайны. Там, среди валов мрачного океана, находилось неизвестное судно, на поиски которого мы отправились. Ночная тьма скрывала его от нас, волны росли, и ветер начинал дуть с силой шторма. Нечего было и думать о выстрелах из пушки и о возможности открытой войны против нас. Там спешили в открытое море, надеясь спастись. Наш прожектор высвечивал пространство волнующейся воды и черный силуэт судна, борющегося с водопадами пены. Вскоре оно исчезло среди мрака бурной ночи...

IX

ПОЯВЛЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО СУДНА

Я уснул около полуночи, будучи уверенным в том, что ночь эта написала последнее слово всей этой истории. Ураган все еще не уменьшался, и ветер, дувший с юго-востока, гнал нашу яхту, точно деревянную щепку. Как ни была хороша моя яхта, она, подобно многим турбинным судам, становилась мокрой во время

бури и не доставляла особой радости человеку, привыкшему к суше. Мы стремительно неслись по взволнованному морю, и нос яхты то и дело врезался в целые горы шипящей пены. Даже матросы мои жаловались на ее неудобства, не говоря уже о моем бедном друге Тимофее Мак-Шанусе, который молил меня, ради любви моей к Богу, бросить его за борт.

— Для того ли покинул я дом моих отцов? — жалобно спросил он меня, когда я вошел в каюту. — Это ли страна с молочными реками и кисельными берегами, о которой ты говорил мне? Останови яхту, говорю тебе, и высади меня на берег! Дай мне умереть среди африканцев... Умертви меня опиумом... И я благодарю тебя, о человек! Я буду звать тебя лучшим другом Тимофея Мак-Шануса.

Бедняга! Я засыпал уже, а стоны его еще раздавались у меня в ушах. Голос его звучал мне упреком, когда я проснулся. Это было, я думаю, около трех часов утра. Рассвет забрезжил на небе, покрытом черными тучами. Раскачивание лампы, висевшей на медных кольцах, свист ветра за стенами моей каюты указывали на то, что ураган несколько уменьшился. Я спросил Мак-Шануса, не он ли разбудил меня; он ответил, что сюда приходил капитан и звал меня наверх.

— Высади Тимофея Мак-Шануса на берег, пусть негры сожрут его, — сказал он и продолжал почти со слезами на глазах: — От меня ничего уж больше не осталось. Я теперь — пустой барабан, годный только для потехи. Похорони меня там, где растет трилистник... Скажи при этом что-нибудь о превратностях судьбы, преследовавшей того же самого Мак-Шануса!

Я старался, насколько мог, развеселить его и затем отправился на палубу, куда меня звал капитан. Авель, квартирмейстер, стоял у штурвала, а наши офицеры вместе с капитаном — на мостике. Море все еще волновалось, но ветер значительно стих. Небо с подветренной стороны было покрыто темными грозowymi тучами, но на востоке уже прояснялось. Поверхность волнующегося моря светилась чудными оттенками — золотистые, серые и зеленые полосы переплетались между собой самым причудливым и чарующим образом. Волны все еще подымались высоко, но сила их натиска была теперь значительно меньше, и хотя по-прежнему шел дождь, но он слабел с каждой ми-

нутой. Все это я заметил сразу, как только вышел из люка. Но зачем капитан Лорри звал меня? Я узнал об этом, только очутившись с ним рядом на мостике.

Он протянул мне свою холодную как лед руку и помог взобраться на лестницу. Стоявшая там небольшая группа была, как мне показалось, слишком испугана, чтобы говорить. Лорри указал мне рукой на плывущее под парусами судно, которое сильно раскачивалось на волнах приблизительно в полумиле от нас. Подзорная труба, которую он мне сунул в руку, мало помогла мне, так густо покрывались брызгами ее стекла. С первого взгляда я заметил только, что судно имеет четыре мачты, что оно необычайной величины и, по-видимому, хорошо выдерживает ветер, несмотря на то, что мачты его обнажены. Что касается остального, то оно походило на любое судно, отправившееся из Европы «вниз за экватор» и теперь возвращавшееся обратно мимо мыса Горн.

Я сказал об этом Лорри и снова занялся наблюдением за незнакомым судном. В нем было, несомненно, что-то странное. Но что это было такое — не мог бы сказать и человек, живущий постоянно на море.

— Ну-с, Лорри, что теперь нам делать с ним? — спросил я капитана. Не знай я его так хорошо, я усомнился бы в его здравом уме после данного им ответа:

— Я думаю, что это именно то судно, сэр, которое вы ищете.

Я поднял подзорную трубу и навел ее на палубу плывущего судна. Ни единой живой души не было там. Можно было подумать, что оно брошено и случайно попало в великую Атлантическую пустыню. А между тем, судя по его движению, оно держалось определенного курса. Сзади я заметил ясный след, какой обыкновенно оставляет гребной винт. На носовой части судна находились какие-то черные предметы, очертаниями своими походившие на пушки.

— Это парусное судно, Лорри, — сказал я, — и, однако, не парусное.

— Далеко до этого, сэр! Совсем не парусное.

— Не думаете ли вы, что оно снабжено вспомогательной машиной?

— Я думаю, что на нем достаточное количество рук, годных для службы на минном крейсере. Пушки на

передней и задней части, а посередине — большая бочка с жиром. Все мачты, сэр, фальшивые. Судно это снабжено хорошими машинами, и мы должны благодарить Бога, что у нашей яхты более быстрый ход. Не будь волнения на море, они палили бы уже в нас.

— Вы думаете, Лорри?

— Так же верно, как голубое небо над нами, сэр, судно это могло бы потопить нас, подойди мы к нему ближе. Я говорю вам то, что вижу глазами опытного моряка. Десять минут назад мы внезапно увидели его сквозь туман. На корме его было пятьдесят человек, а одного они выкинули за борт. Звук выстрела из ружья привлек мое внимание. Я увидел на шканцах группу матросов, которые хладнокровно расстреляли какого-то человека. Они бросили его за борт и тут увидели нас. Что случилось тогда? Все они скрылись с наших глаз, как пауки в свои паутины. Судно управляется, но как — одному Богу известно. Оно держится вблизи нас, желая узнать, кто мы такие. Я послал им сигнал, но мне не ответили. Что мне делать, сэр?

Я ответил ему не колеблясь:

— Вы двинетесь полным ходом вперед, Лорри, теперь же, сейчас, и пусть яхта делает, что может.

Он отдал приказание машинистам, и «Белые крылья» понеслись по океану по направлению к экватору. Мы не говорили ни слова. Не успел пробить колокол, как ядро из пушки, замеченной зорким глазом Лорри на палубе неизвестного судна, полетело нам вдогонку. Оно упало вперед нас — безрассудная и бессмысленная угроза, которую, однако, судьба могла бы направить к нашей гибели. За этим ядром последовали второе и третье. Мы стояли как зачарованные; брызги слепили нам глаза, а чудовище-море посылало целые потоки воды к нам на палубу. Попадут ли в нас, или мы скроемся под покровом бури? Мы неслись наперегонки со смертью и считали минуты, которые приближали нас к спасению. А жизнь нашу спасти могла только яхта.

Странное преследование это продолжалось, я думаю, целых десять минут. Кончилось оно раньше, чем мы полагали, только благодаря быстроте «Белых крыльев» и силе ветра, бушевавшего кругом. Мы находились теперь в хвосте урагана, на внешней окраине циклона. Моментально охватил он нас, и на поверхность

моря спустился ночной непроницаемый мрак. Бушующие волны, сердито вздымающие свои пенистые гребни, с глубокими и темными впадинами между ними, неслись к северу, громясь, точно башни, и угрожая нам разрушением, то подымая нас на верхушку гребней, то швыряя вниз, в глубину. Страшны были свист и вой ветра. Невидимые армии воздушного эфира гревели и сверкали над нашими головами. Водяные брызги, точно плети, хлестали нам в лицо. Мы с трудом держались курса и моментально исчезли из виду наших преследователей.

Прошел целый час, прежде чем ураган уgomонился. Как быстро налетел он на нас, так же быстро и прошел, оставив после себя ярко сияющее солнце, чудный, свежий воздух и восхитительно зеленоватую поверхность моря. Нигде теперь на горизонте не видно было ни малейших следов какого-либо судна. Мы одни мчались по океану, и события прошедшей ночи казались мне видением умирающего или бредом спящего, о котором забывают с наступлением дня.

Все время в течение этих полных волнения часов наша яхта двигалась на север, но с наступлением дня мы повернули на северо-восток. Один только капитан Лорри знал о моем намерении отправиться к берегам Санта-Марии, одного из Азорских островов. Я не говорил ему о причинах моего намерения, а он не спрашивал меня. Он понимал, что успех зависит от него и яхты, — и повиновался мне, не спрашивая. Что касается матросов, то они поступили ко мне на службу, зная, что последняя сопряжена с известным риском. Размер платы, которую они надеялись получить, умерял их критическое отношение ко мне и служил гарантией их верности. Все они были моряки мужественные и храбрые, начиная с боцмана Валаама и кончая краснощеким мальчиком, которого мы окрестили именем Нимбль, то есть быстроногий. Они все называли мое судно «полицейской яхтой», но я не был за это на них в претензии. Мне кажется, что все они чувствовали ко мне расположение и уважали меня. Таким людям, как они, бывает все равно, где сложить свою голову — на севере или юге. Тайна интересовала их, и они говорили, что не помнят еще таких веселых дней на море.

Оставался мой бедный Тимофей Мак-Шанус. Бог мой, как смягчилось его сердце при виде солнца! И сле-

да не осталось от Тимофея во время урагана, когда он, надев свой парадный костюм, явился в маленькую гостиную, чтобы пообедать со мной. Море за это время улеглось уже и походило на тихое, спокойное озеро. Лунный свет, разливаясь по спящим водам, отсвечивал, как в зеркале. Не чувствовалось ни малейшего ветерка, и яхта наша двигалась вперед тем странным скольльзящим ходом, который дается турбинными машинами. Можно было подумать, что мы скользим по отполированной поверхности, как вагон по гладким рельсам. Тишина ночи нарушалась шипением пара, стуком вращающихся винтов и пыхтением клапанов. Палуба дрожала от быстрого хода, и движение яхты походило на движение живого, дымящегося существа, которое мчится в необъятные пространства, чтобы завоевать их.

Нет ничего удивительного, что Мак-Шанус явился обедать в такой вечер. К нему вернулся его аппетит — и суп, рыба и жареные птицы исчезали с такой же быстротой, как и в обеденный час. Вид, с каким он пил вино из венецианского бокала, мог даже богов соблазнить к утолению жажды.

— Клянусь душой Христофора Колумба, я — редкий моряк! — сказал он, когда мы вышли наверх, где нас ждали сигары и кофе. — Попроси меня указать земной рай, и я назову тебе яхту «Белые крылья». Ах, не говори мне о вчерашнем. Это был только приступ невралгии, и я лежал в постели исключительно ради спокойствия.

— Ты выражал, однако, желание, чтобы тебя выбросили за борт, Тимофей!

— Выражал, черт возьми!.. Но только из желания облегчить яхту во время бури. Я мог превратиться в Иону и пробыть три дня во чреве кита. Ведь такое неожиданное путешествие могло сделать из меня члена общества трезвости!

Он закурил сигару чудовищной длины и некоторое время излагал вслух свои наблюдения за морем, небом и яхтой, хотя все рассуждения эти представляли интерес исключительно лишь для него самого. Мало-помалу, говорил он, наблюдения эти появятся на страницах «Daily Shuffler». Я просил его быть менее мрачным и более практичным, и он тотчас же заговорил более серьезным тоном о «Бриллиантовом корабле».

— Ин, мой мальчик, что все это означает, черт возьми? Судно, которое так спешит куда-то, что ни с того ни с сего стреляет в нас за то, что мы смотрим на него... Лорри рассказал мне всю историю, и она поразительна, клянусь спасением моей души. Когда в следующем месяце я вернусь в Лондон...

— Ты, следовательно, мечтаешь о возвращении, Тимофей? В таком случае мы воспользуемся первым встречным судном и пересадим тебя на него,— спокойно сказал я.

Он стукнул своей чашкой по столу и взглянул на меня так, как будто я нанес ему оскорбление.

— Мы ведь идем к Британским островам... не будешь же ты отрицать этого?

— Отрицаю, Тимофей! Мы идем к Санта-Марии, одному из Азорских островов.

— Ради какого черта...

Он замолчал и не закончил начатую им сентенцию. Я видел, что он глубоко над чем-то задумался. Он откинулся на спинку стула и рассуждал вслух, как бы разговаривая сам с собой:

— Он взял меня из Лондона, меня, сироту, успешшего схоронить трех жен... Он захватил меня с собой в море и показал мне страну диких людей. Ах, какой он удивительный человек, мой друг Фабос. Точно ягненок, идущий на стрижку, должен я идти по его стопам.

— Не вернее ли будет, Тимофей, как овца?

Он не обратил внимания на мое замечание и, обратившись к звездам, заговорил тем напыщенным стилем, которому он научился у древних мелодрам.

— Вечная женщина, все преступления совершаются везде во имя твое.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что ты идешь на Азорские острова для свидания с нею.

— Анной Фордибрас?

— С кем же другим? С Анной Фордибрас. С маленьким чертенком в виде пастушки в красном платье. Ты идешь на свидание с нею. Не отрицай этого. Ты многим рискуешь, чтобы увидеть ее: твоим долгом, который заставил тебя купить эту яхту, тем, что ты узнал в Африке, и всей историей, которую ты хотел довести до сведения британского правительства. И все это по-

гибнет ради пастушки. Я буду возмущен, Ин Фабос, если ты вздумаешь утверждать, что все это неправда.

— Тогда возмущайся сразу, Тимофей! Я иду на Азорские острова, так как верю тому, что там кончится то, что начало море. Вот тебе вся истина. Мы видели, Тимофей, плывущее судно, которое скрывает величайших преступников в мире и награбленную ими добычу от полиции всех стран. Я раньше только предполагал это, а путешествие мое подтвердило это предположение. Я иду на Азорские острова, чтобы встретиться лицом к лицу с некоторыми из этих людей.

— И Анной Фордибрас!

— Надеюсь от всего сердца, что я никогда больше не увижусь с нею.

— Ни на что подобное ты не надеешься... В душе твоей кроется мысль, что ты увидишь ее и спасешь. Я уважаю тебя за это. Я не хочу отговаривать тебя от твоего намерения даже за целое состояние. Поезжай, куда хочешь, Ин Фабос, у тебя есть человек, который готов ехать с тобой на край света и обратно, и ради одной только дружбы к тебе!

— Не надо поэтому пересаживать тебя на другое судно, Тимофей?

— Пусть оно сгинет, это судно, на тех зеленеющих рифах!

— Но ты рискуешь своей жизнью, мой друг!

Он встал и стряхнул за борт пепел своей сигары.

— Жизнь,—сказал он,—это тот красный огонек, что горит в домах для нашего удовольствия, а затем — пепел в воду. Ин, мой мальчик, я еду с тобой на Санта-Марию!

Мы продолжали курить молча. Затем он спросил меня, каким образом пришла мне мысль об Азорских островах и почему надеялся я встретить там Анну Фордибрас.

— Не говорила ли она тебе об этом в Дьепе? — спросил он, испытующе глядя на меня.

— Ни слова,—сказал я.

— Быть может, у ее отца, генерала Фордибраса, нечаянно вырвалось такое словечко?

— Ничего подобного.

— Каким же образом тогда ты мог узнать...

— Тимофей,—сказал я,—когда мы обедали с Ан-

ной Фордибрас в Дьепе, компаньонка ее, пожилая, но прелестная мисс Астон, держала письмо в руках.

— Да, держала.

— Я видел его штемпель, Тимофей.

Он театрально поднял глаза к небу.

— Спаси, Боже, всех злых людей от Ина Фабоса.

Я сказал ему одну только правду, а что касается письма в руках пожилой леди, то тайна его и «Бриллиантового корабля» хранилась в открытом море.

Х

ПЛОТ МЕРТВЕЦОВ. ПУТЕШЕСТВИЕ НА АЗОРСКИЕ ОСТРОВА

Все люди, бывшие на борту «Белых крыльев», желали, не теряя ни единого дня, идти к порту Санта-Мария. Когда всегда осторожный капитан наш вздумал настаивать на том, что нам необходимо прежде всего зайти в Порто-Гранде и запастись углем, мы взглянули на него, сколько мне помнится, как на оскорбителя, посягающего на наши планы. Лихорадка поиска заразила даже кочегаров. В солнечные дни все только и делали, что смотрели на север, точно за этой морской поверхностью они могли увидеть и услышать что-то чудесное.

На меня нападали иногда страшное уныние и сомнения, которых не мог отогнать даже оптимизм окружающих. Подумать только, как злостно скованы были звенья цепи, которую мне приходилось разобрать по частям! Труп, найденный на уединенном берегу, женщина с краденым жемчугом на балу в Лондоне, уверенность в том, что бриллианты, похищенные из копей Южной Африки, скрываются в открытом море, обнаружение большого судна, плавающего, словно призрака брошенного корабля, по обширному пространству южной части Атлантического океана! Предположение же мое, что ко всему этому должен присоединиться и остров Санта-Мария, могло быть только предположением. Я направился туда как человек, которому адрес может помочь в его розысках. Можно найти дом пустым или занятым, враждебным или дружеским, но я считаю благоразумным отправиться туда и самому

разузнать обо всем, ибо никто, кроме меня, не может взять на себя такую ответственность.

Мы остановились в Порто-Гранде, чтобы запастись углем, а затем, стараясь по возможности щадить свои машины, направились к северу, и на третий день были уже в пятидесяти милях от острова Санта-Мария. Был ноябрь месяц, одиннадцать часов утра, суббота, девятнадцатое число. Несмотря на осеннее время, солнце сияло ярко и жара стояла почти как в тропиках. Капитан Лорри готовился в своей каюте к полуденным наблюдениям; квартирмейстер Авель стоял у штурвала, Валаам, боцман, сидел на бульварке и вязал шаф; мой друг Мак-Шанус находился внизу и наслаждался, по его выражению, «холодной водицей». Сам я читал прелестную книгу Метерлинка «Жизнь пчел», когда второй офицер дал мне знак сверху, что желает говорить со мной. Я понял, что он не хочет вызывать из каюты капитана, а потому немедленно поспешил к нему. Он был взволнован, указывая мне какой-то черный предмет, плывущий по ветру на расстоянии одной трети мили от нашей яхты. Передав мне подзорную трубу, он спросил, что нам делать.

— Это плот, Андру,— сказал я,— а на нем люди.

— То же самое подумал и я, сэр! Это плот и на нем люди... но боюсь, люди не живые. Я минут десять наблюдал за ними и уверен в том, что говорю. Бедняги никогда больше не будут матросами.

Я еще раз направил туда подзорную трубу и с любопытством рассматривал плот. Это не был спасательный плот, какие теперь часто встречаются на паровых судах,— он был сделан очень грубо и кое-как сколочен из неровных досок. Я посчитал людей и, по-моему, их было семеро; все они были привязаны к плоту веревками и морские волны то и дело заливали их.

Посмотрев на них еще в течение нескольких минут, я увидел, что вся одежда их превратилась в лохмотья. Двое из них были совсем почти под водой, и всех их, надо полагать, залило водой, если только они и без того не умерли несколько недель тому назад.

— Страшная это штука, Андру,— сказал я, возвращая ему подзорную трубу.— Следовало бы приблизиться и посмотреть, что мы можем сделать.

— Я и так уже изменил курс на целых два градуса, сэр,— сказал он.

— Не послать ли нам шлюпку?

— Ах, сэр, все зависит от вас. Если вы считаете благоразумным довести это до сведения людей, зная при этом, что такое матрос, то шлюпка к вашим услугам.

— Это надо принять во внимание. Если бедняги действительно мертвы...

— Они умерли много недель назад, сэр! И произошло это не вследствие кораблекрушения.

— Великий Боже! Не хотите ли вы сказать, что они были убиты?

— Не мне решать этот вопрос, доктор Фабос! Посмотрите внимательнее, как они привязаны к плоту. Разве они могли это сделать собственными руками? Все, что у меня есть, готов поставить на пари, что нет. Их привязали сначала, а затем пустили по течению. Это ясно видно в подзорную трубу.

Надо вам сказать, что в этот день мы делали по пятнадцать узлов в час и находились почти у самого плота. Мы предупредили часового на передней части судна, чтобы он ничего не говорил, а квартирмейстер Авель получил то же приказание от дежурного офицера.

Мы прошли, таким образом, мимо ужасного зрелища, и экипаж остался в полном неведении.

Я был рад этому, ибо знал, как впечатлительны моряки. Нет сомнения, что бедняги на плоту умерли несколько недель назад.

Двое из них не походили даже на человеческие скелеты. Как ни было ужасно предположение офицера, но я не сомневался больше в нем. Ни опасность на море, ни роковая случайность не были причиной того, что людей этих послали на смерть.

Я знал теперь, что они умерщвлены, и человек, совершивший это преступление, был тот, кого я искал.

— Мы ничем не можем помочь им, Андру! — воскликнул я. — Будем хранить нашу тайну. Недалеко уже тот день, когда люди разделят ее со мной. Хорошо будет, если мы доживем до него, чтобы отомстить за это!

Вряд ли мог он ответить мне. Ужас, навеянный путешествием на людей, сменился вдруг увлеченностью.

Все были готовы идти на край света со мной, и никто из них не роптал. Я чувствовал себя поэтому обя-

занным не предавать их даже ради женщины, достойной того, чтобы мужчина беззаветно полюбил ее.

ХІ

САНТА-МАРИЯ. ДОКТОР ФАБОС ПОКИДАЕТ «БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ»

Остров Санта-Мария занимает крайнюю юго-восточную часть Азорского архипелага и включает в себе около тридцати восьми квадратных миль. Гавань его, если только это можно назвать гаванью, находится в Вилла-до-Порто, красивом, но не имеющем особого значения городке, представляющем из себя небольшую колонию богатых португальских купцов. Не может быть и речи о том, чтобы здесь останавливались суда с большим грузом. Суда такого рода отправляются сначала в порт Св. Михаила, откуда груз перевозится по частям на небольших шлюпках к Вилла-до-Порто. Почва здесь очень плодородная и дает богатый урожай пшеницы. Все это я узнал из книг задолго до своего путешествия. Ниже я расскажу то, что увидел собственными глазами.

Я намеревался отправиться на Санта-Марию после захода солнца, и было уже совсем темно, когда мы следили за огоньками на острове, которые отражались в воде, подобно фонарям рыбацких лодок. С юго-запада дул легкий ветерок, и поверхность моря была покрыта мелкой зыбью. Когда мы проплывали мимо земли, матросы молча, с любопытством смотрели на нее. Некоторые шептались о том, что хозяин высадится в Вилла-до-Порто, куда его будет сопровождать один только японец Окиада. Я чувствовал, что у них язык чесался от желания заговорить и сказать мне, что они считают меня сумасшедшим. Честный Мак-Шанус еще раньше пытался высказать мне то же самое, когда я был с ним в каюте.

— Фабос, твой ум гораздо выше обыкновенного, и я не хочу верить глупым рассказам о тебе,— сказал он.— Милостивый Боже! Если правда все то, что ты говоришь, то тебе безопаснее попасть в логово льва, чем в убежище воров. Почему ты не позволяешь никому сопровождать себя? Быть может, тебе неприятно мое об-

щество? Нет, я не желаю ни одному человеку дважды оскорблять меня и ни в каком случае не желаю оставаться на яхте такого человека, будь она так же велика, как дворец Букингема, и наполнена всей конной гвардией!..

Я дружески похлопал его по плечу и попросил не говорить глупостей. Если я просил его остаться на яхте, то лишь ради собственной моей безопасности.

— Тимофей, — сказал я, — твой костюм живописен, а потому я отказываюсь идти по твоим следам. Не будь ты невежественным глупцом! Пойми, что пока яхта стоит в открытом море и на ней находятся мои друзья, я в такой же безопасности, как и твоя тетушка, разъезжающая в кэбе по улицам. Если ты не желаешь, чтобы со мной случилось что-нибудь, ты сам будешь знать, что тебе делать. Яхта эта доставит тебя прямо к Гибралтару, где ты передашь мои письма адмиралу Гаррису и затем поступишь так, как я тебе скажу, хотя я не думаю, чтобы здесь понадобилось что-либо подобное. Люди такого сорта всегда трусы. Я затеял серьезную игру, а начну ее, как только сойду на берег. Не беспокойся обо мне, Тимофей! Я не спешу уйти из этого мира, и раз я знаю, что высадкой своей на берег могу ускорить свой отъезд, то никто во всей Европе не убедит меня в противном.

— Это ничего не говорит мне о другом поле, — отвечал он мне довольно свирепо. — И неужели тебе неизвестно, там Анна Фордибрас или нет?

— Я не считаю это вероятным, Тимофей.

— Ах, чтоб ее, с ее красивым личиком! Когда мы получим известие от тебя?

— Каждый день после захода солнца высылайте капитанский катер к молу. Если не к молу, то ждите сигнала в стороне. Мы все устроим завтра вечером. Ты высадишься на берег, и мы пообедаем вместе с тобой. А сегодня вечером, дружище, я должен ехать один.

Он согласился с большим неудовольствием. Гребцы сидели уже в катере и ждали меня. Мы находились в целой миле от порта, и у нас не было лоцмана, кроме адмиралтейской карты, но нам благоприятствовала тишина ночи, и не прошло получаса, как я стоял уже, здоровый и невредимый, на улице Вилла-до-Порто, а рядом со мной — мой японец. Было около девяти часов вечера. Жизнь маленького городка была в полном

разгаре. Если бы меня попросили описать, что я увидел, я сказал бы, что все окружающее меня напоминало итальянские озера. Зато кустарники, деревья и цветы перед домами говорили о тропиках: воздух был насыщен благоуханием южных садов, атмосфера — сырая и пронизывающая, но теплая. Не имея абсолютно никакого понятия об этом месте, я обратился за указаниями к чиновнику таможни. Где здесь лучший отель и как к нему пройти? Ответ его удивил меня сверх всякого ожидания.

— Лучший отель, сеньор,— сказал он,— это вилла Сент-Джордж. Не ошибаюсь ли, предполагая, что вы англичанин, которого ждет к себе генерал Фордибрас?

Я постарался скрыть свое удивление и сказал, что я в восторге, получив известие о возвращении генерала Фордибраса из Европы. Если это известие встревожило меня, то лишь потому, что я не мог приписать его самому себе. Неужели они следили за мной со дня моего отъезда из Дьепа? Они, следовательно, ждали моего посещения Санта-Марии! А это было равносильно тому, если бы я сказал, что Анна Фордибрас была их орудием, хотя в то же время я не мог определить, добровольным орудием или бессознательным. Ночь покажет это мне — ночь с неизвестными мне приключениями, навстречу которым я должен идти, несмотря ни на какие последствия.

— В таком случае я отправлюсь на виллу,— сказал я чиновнику таможни.— Если можно достать экипаж, то прикажите подать его немедленно.

Он ответил, что вилла Сент-Джордж находится в пяти милях от города на склоне не очень большой горы, которая составляет гордость острова Санта-Мария. По этой дороге ездят верхом, и генерал прислал лошадей. Он думал, что я приведу с собой слуг, которые нисколько не помешают в его доме. Несмотря на кажущуюся искренность приглашения, видна была тревога, за которой скрывалась известная доля предостережения. Меня ждали на вилле, а сам хозяин спешил куда-то. Ничего не могло быть более зловещего.

— У генерала много посетителей из Европы?— спросил я чиновника.

— Иногда бывает много,— ответил он,— но он не всегда бывает здесь, сеньор! Мы целыми месяцами не видим его... чем дольше, тем хуже для нас.

— Ага! Он покровительствует вашему городу, как я вижу?

— Великодушный, щедрый джентльмен, ваше превосходительство... а дочь его точно маленькая королева среди нас.

— Она теперь на вилле Сент-Джордж?

— Она приехала из Европы три дня назад, ваше превосходительство.

Мне нечего было больше спрашивать, и я, не теряя больше ни минуты, передал свои вещи слуге-негру, который подошел ко мне от имени генерала, и вскочил на лошадь, поданную мне красивым французским грумом. Окиада, мой слуга, сопровождал меня, и мы выехали из города. Всех нас было двенадцать человек и все мы отправились в горы. Человек менее подозрительный и менее придающий значения каждому обстоятельству нашел бы все это восхитительным. Дикая, извилистая горная тропинка, чистое небо вверху, блестящие скалы, превращавшиеся мало-помалу в пики и купола, сверкавшие золотом при свете луны, факелы в руках негров, португальцев, мулатов, все время распевавших свои национальные песни,— настоящая романтическая картина, не будь она так реальна на самом деле. Но я больше всего наблюдал за сопровождавшими нас людьми, которые были вооружены чудовищными ножами и револьверами, спрятанными в кобурах. Для каких опасностей предназначались они на этом острове, где жизнь была так тиха? Неужели эти люди—убийцы, а я явился на этот остров лишь для того, чтобы сделаться предметом самого гнусного и в то же время неосторожного преступления? Я не хотел верить этому. Огни стоявшей на якоре моей яхты светили мне и говорили о спасении. Люди эти не осмелятся убить меня, говорил я себе. Я мог бы громко посмеяться над их стараниями показать мне свою мнимую силу.

Я уже говорил, что мы поднимались по опасной тропинке на склоне горы. Тропинка эта прервалась вдруг, и мы ступили на современный железный мостик, перекинутый через довольно глубокую пропасть, отвесные стены которой я ясно видел при свете факелов. Переехав мостик, мы очутились на плато длиной в одну треть мили, и на заднем плане его я увидел огромный пик, выраставший из этой же самой горы. Какой вид

имела эта местность со стороны моря, я не мог рассмотреть в темноте, а огни в доме, блеск среди деревьев парка, я заметил, только когда мы въехали в ворота. По крику, поднятому провожатыми, по ускоренному ходу лошадей и по следующему за этим шуму и гаму я понял, что мы достигли места назначения и подъехали к дому мистера Фордибраса.

Спустя пять минут раздался лай собак, из открытых дверей блеснул свет — и чья-то фигура выступила из тени, чтобы приветствовать меня на вилле Сент-Джордж. Я соскочил с лошади и очутился лицом к лицу не с Губертом Фордибрасом, а с его дочерью Анной.

На ней, как и подобает молодой девушке, было белое платье, сшитое, очевидно, в Париже. Я заметил, что на ней не было никаких драгоценностей и что она держала себя так просто и естественно, как только можно было этого желать. Она сказала мне с некоторым смущением, что отца ее вызвали по делу на соседний остров Св. Михаила, и он вернется только через три дня.

— Не правда ли, как ужасно, — сказала она, — что вам придется проводить время со мной?

Я ответил, что могу вернуться обратно на яхту, если только мое посещение затрудняет ее, что я приехал посетить ее отца и могу свободно располагать своим временем. На все это она ответила своими обычными выразительными жестами, которые так привлекали меня к ней: она еле заметно пожала плечами и мило надула губки.

— Что ж, если вы так желаете вернуться обратно, доктор Фабос...

— Не говорите так... Я думаю только о вашем спокойствии.

— Вы желаете, следовательно, остаться?

— Говоря откровенно, желаю.

— Тогда войдите... пожалуйста нашего бедного повара, который еще час назад ждал вашего приезда.

— Правда? Так вы не...

— Что? Заставить голодать человека, который нарочно приехал из Европы, чтобы посетить нас!..

— Надо признаться откровенно, у меня волчий аппетит. Можете передать генералу, что я был очень послан.

— Вы сами это скажете ему. О, не думайте, что вы так скоро уедете отсюда! Никто не уезжает скоро с виллы Сент-Джордж. Здесь гостят недели и месяцы. Это, знаете ли, верно, как небо... Мы приготовили для вас комнату «Синей Бороды», названную так потому, что в ней есть потайная дверь, впрочем, вы сами сейчас сможете осмотреть ее. Пусть генерал Вашингтон сию минуту проводит вас туда.

— А мой слуга? Надеюсь, он не доставит вам хлопот. Он японец и питается рисовыми пудингами. Но если он мешает вам, не стесняйтесь и скажите.

— Чем же он может мне мешать? Тем более что отец мой ждал его.

— Он говорил вам об этом?

— Да, и того ирландского джентльмена... как его имя? Того, который ухаживал за мисс Астон в Дьепе. Она теперь наверху и читает о королях Ирландии. Джентльмен указал ей эту книгу. Как, вы этого не знали, доктор Фабос! Разумеется, он ухаживал за ней.

— На ирландский манер, вероятно... Завтра он, быть может, высадится на берег... боюсь только, что надежды будут обмануты. Все ухаживания его заключаются в цитатах из его рассказов в "Pretty Bits". Я так часто слышал их. Во всем мире найдется женщин двести, и все они были единственными женщинами, кого он любил. Не верьте Тимофею и попросите мисс Астон вспомнить, что он происходит из рыцарского, но увлекающегося рода.

— Как смею я нарушить ее мечты о счастье! Она уже снабдила полной обстановкой гостиную... в своем воображении.

— Заставьте ее в таком случае вообразить, что Тимофей опрокинул лампу и весь дом сгорел.

Мы посмеялись от души над этой глупостью, и затем я последовал за огромным мулатом, которого она называла генералом Вашингтоном, и тот провел меня в приготовленное для меня помещение. Дом, насколько я мог заметить, походил на бунгало значительных размеров; с задней стороны он расширялся, превращаясь в солидное здание с верхним этажом, где было много комнат. Моя собственная комната была обставлена с превосходным вкусом и без всякой вычурности. Рядом со спальней помещалась ванная, устроенная на американский манер, и не одна ванная, но еще и небо-

льшая прелестная гостиная. Особенно понравились мне изящные рисунки на стенах, старомодные английские занавески из ситца и целый ряд книг в гостиной и спальне. Приятное впечатление произвели на меня также электрические лампы, очень красиво поставленные у кровати на столах в стиле Людовика XV, тогда как огонь в камине напоминал мне английский дом и царящий там комфорт.

Поспешно переоделся я в своей прекрасной комнате и, как только услышал мелодичный звук колокольчика, возвещавшего о том, что ужин готов, спустился вниз, где меня ждала Анна. По своему современному устройству столовая виллы Сент-Джордж совсем не походила на верхние комнаты. Всюду были развешаны хорошо известные всем картины, и даже металлическая посуда на буфете была из старого Шеффилда. Стулья были здесь американские, мало, впрочем, гармонизировавшие с украшениями из красного испанского дерева и толстым персидским ковром на полу. Но такие пустяки не лишали столовую комфорта и уюта, которые придавали ей такой характер, как будто бы она служила любимым местопребыванием семьи. Стоило представить себе, что прямая как палка мисс Астон—хозяйка этого дома, а Анна Фордибрас—дочь ее, иллюзия становилась полной. Тем не менее я никак не мог отделаться от мысли, что в эту самую минуту в нем укрываются, быть может, величайшие негодяи, когда-либо известные в Европе, с которыми мне придется разговаривать завтра. С этой мыслью сел я за стол, она же мучила меня все время, пока я разговаривал о Нью-Йорке, Париже и Вене с «ученой женщиной», называемой просто-напросто компаньонкой, а глаза Анны Фордибрас были обращены на меня и детский голосок ее шептал мне на ухо всякие нелепости. Дом величайших преступников с его хозяином во главе! Тогда я так думал, а теперь я знаю это.

Разговор наш за столом вертелся около самых пустых вещей, и только одно присутствие Анны напоминало мне о нашем дружеском, но неоконченном разговоре в Дьепе. Надо сознаться, что только такой мечтатель, как я, мог вспомнить о нем... о недосказанной мольбе и о моем сомнении. Кто мог бы думать об этом, глядя на маленькую кокетку, которая так непринужденно болтала о театрах в Париже, о магазинах

в Вене, о знаменитом Шерри в Нью-Йорке. О них самих я ничего не узнал, кроме того, что мне было уже известно.

У них был дом на берегу Гудзона, квартира в Париже; в Лондоне они всегда останавливаются в отелях. Генерал Фордибрас обожает свою яхту. Мисс Астон поклоняется Джейн Остин и считает императорский театр Меккой для всех порядочных леди. Пустячки, как я уже сказал, самые обыкновенные пустячки. Только два факта бросились мне в глаза и заставили обратить на себя внимание. Один из них — отъезд Анны Фордибрас из Дьепа и приезд ее на Санта-Марию.

— Бог мой, как сердилась я, — воскликнула она, — когда подумала, что мы можем поехать в Aix-les-Bains!

— Так вы неожиданно уехали из Дьепа? — спросил я.

Она ответила, ничего решительно не подозревая:

— Нас спровадили на яхту, точно экстренный груз. Я пришла в такое ужасное настроение, что разорвала свое кружевное платье на куски. Мисс Астон выглядела как убийца с кинжалом. Хотя я не знаю, собственно, как выглядят убийцы, но она походила на него. Капитан сказал, что ему незачем включать сирены, раз она так кричит.

— Что вы говорите, милая Анна? Капитан Дубльдей не такой человек, чтобы забыться. Он прислал мне букет роз в каюту, как только я взошла на борт!

— Он думал, что вы поможете ему управлять яхтой, кузина! Он говорил, что вы прирожденный моряк. Когда я вернусь в Лондон...

— Вы теперь же, зимой, вернетесь туда? — спросил я, стараясь говорить самым равнодушным тоном. Она с досадой покачала головой.

— Мы никогда не знаем, куда поедет мой отец. Мы всегда куда-нибудь спешим и суетимся, за исключением того времени, когда живем на Санта-Марии. Кроме приходского священника, здесь никого нет, с кем можно было бы провести весело время. Мне было так скучно с ним, когда мы в первый раз приехали сюда... смешной такой, маленький, желтый человечек, настоящая мартышка. Сердце мое едва не разбилось, когда кузина Эмма оттеснила меня.

«Кузина Эмма» — как она называла мужеподобную

мисс Астон—громко запротестовала против этого, и разговор наш снова перешел на Европу. Вернувшись к себе в комнату, я немедленно внес эти два факта в свою записную книжку:

1) Анна Фордибрас уехала из Дьепа неожиданно. Отъезд ее, следовательно, был результатом моего;

2) яхта генерала вышла в море, но вернулась, когда я уехал. Не его, следовательно, была яхта, которую я преследовал до Южной Африки.

Факты я задумал внести в свою книжку в тот момент, когда желал спокойной ночи Анне и оставил ее внизу лестницы, глядя на ее веселое детское личико с лукавым взглядом, обращенным на меня, и приветливыми словами. Она, я был убежден, ничего не подозревала о намерениях генерала, с которыми он привез ее на Санта-Марию. Для меня же вся история была так ясна, как будто я прочитал ее в книге.

— Он надеется, что я влюблюсь в нее и перейду на его сторону,—сказал я. Мысль такого рода была достойна этих людей и их поступков. Я предвидел, какие плоды созреют из этого, и главным образом—мои собственные опасения и безопасность на несколько дней. Что ж, сыграем роль любовника, если это окажется необходимым.

— Мне нетрудно будет,—сказал я себе,—назвать Анну Фордибрас своей и наговорить ей вечных историй о любви и почтении, которые никогда еще и ни одну женщину не огорчали.

ХII

ПЕЩЕРА. ДОКТОР ФАБОС ЗНАКОМИТСЯ С ВИЛЛОЙ СЕНТ-ДЖОРДЖ

Анна сказала, что у меня в спальне потайная дверь «Синей Бороды». Я открыл ее перед тем, как ложиться спать. Она была в наружной стене комнаты и вела в какое-то помещение, находившееся выше. В замке внутренней двери находился механизм. Ребенок даже мог бы догадаться, что он помещен здесь для того, чтобы приводить в движение звонок всякий раз, когда дверь открывается. Я невольно рассмеялся при виде такой наивности и сказал себе, что генерал Фордибрас

не должен быть слишком страшным противником. Он хотел узнать, как далеко заведет меня в его доме любопытство, и устроил детскую игрушку, чтобы поймать меня.

Было двенадцать часов, когда я лег в постель и пролежал так до половины первого. В камине горел яркий огонь, а у кровати моей стояла лампа с красным абажуром. Я поставил ее таким образом, чтобы тень моя падала на веранду, и начал делать такие движения, которые всякий наблюдающий за мною мог принять за движения человека раздевающегося, затем погасил лампу, заставил экраном камин и стал прислушиваться к шагам Окиады. Ни одна кошка не могла ходить тише, чем он; ни один индеец не умел так искусно выслеживать следы, как этот бесценный, преданный мне человек. Я приказал ему прийти ко мне без четверти час, и стрелки показывали ровно это время, когда дверь открылась и я увидел почти невидимые очертания человеческой фигуры с парой блестящих глаз и двумя рядами белых зубов — Окиаду, непобедимого и неподкупного.

— Что нового, Окиада?

Он ответил шепотом, но каждое слово его так же ясно отдавалось у меня в ушах, как звонки, слышные по другую сторону уснувшей реки.

— Здесь тот, кого вы ищете, мастер! Он здесь, в этом доме. Я видел его спящим. Пойдем со мной... Здесь опасно, мастер!

Я удивился тому, что все движения его необыкновенно тревожны, ибо это был слуга, который никогда и ничего не боялся. Было смешно спрашивать его дальше, когда я сам мог удостовериться в необходимых фактах. Я осмотрел пистолеты, натянул на ноги пару больших войлочных туфель и вышел вслед за ним из комнаты.

— Прямо вниз по лестнице, мастер, — сказал он, — в коридорах у них стража. Один-то кончил свою службу сегодня вечером... я убил его. Мы пройдем там, где он стоял.

Я понял, что он поступил с одним из часовых, как истый сын Хорошимы, и, не находя нужным отвечать, последовал за ним по лестнице и затем в столовую, откуда я недавно вышел. Все там было так, как я оставил час назад. Тарелки и стаканы стояли на столе, горячие угли тлели в камине. Я сразу заметил, что ставни

окна, выходявшего на веранду, были открыты так, что можно было просунуть руку, и догадался, что слуга мой вошел именно через это окно. Мы вышли через него на веранду, и он тотчас же закрыл ставни с помощью веревки и небольшого кусочка воска. Затем он присоединился ко мне, и мы направились с ним по широкой лужайке, в конце которой находился сосновый парк, так густо насаженный, что даже искусственный лабиринт и тот не мог быть более запутанным.

Мне вдруг пришло в голову, что человек, которого я искал, был не в доме, и что не здесь я увижу то, что мне хотел показать Окиада. Тропинка, по которой мы шли, вела к горе у подножия высокого пика, видневшегося с каждого судна, которое подходило к Санта-Марии. Туда, надо полагать, вела она. Окиада крался, как пантера, и предложил мне следовать его примеру, когда мы приблизились к скале. Подкравшись осторожно, он поднял руку и указал мне лежавшее у подножия скалы мертвое тело человека, который охранял это место не более часа назад.

— Мы встретились наверху лестницы, мастер,— сказал мне мой слуга.— Я не мог пройти. Он упал, мастер!.. Упал оттуда, где вы видите огни. Там его друзья, и мы идем к ним.

Я вздрогнул при этом зрелище... нервы мои, вероятно, дали себя знать. В эту минуту я понял значение путешествия, предпринятого мною, и какую цену придется мне заплатить за успех. Ну а это преступное общество? Что значила жизнь и смерть для него? Они убьют меня, если только смерть моя спасет их, как человек убивает муху, севшую ему на руку. Но все рассуждения эти не могли прогнать внезапно овладевшего мною неудовольствия, когда я увидел, что случилось. Я был безумцем, не подумав об этом, и ужас все более и более охватывал меня, когда мы остановились вдруг у подошвы крутого подъема и я заметил, что Окиада делает мне знаки подниматься. Более отчаянного подъема не совершал, я думаю, ни один человек, и я до сих пор не понимаю, как это я решился последовать за своим слугой.

Надо вам яснее изложить положение этого места. Тропинка через лес привела нас к обрыву горы, черному, крутому и ужасному. К самой верхушке его вела тонкая железная лестница, прикрепленная к скале обы-

кновенными скобами. Как далеко вела эта лестница, я не видел. Боковые стороны ее, казавшиеся издали ниточками, терялись в тени высот; а там дальше, вверх, за широким темным пространством, виднелся отблеск огня, время от времени вспыхивавшего в отверстии скалы и говорившего о присутствии там людей и о том, что они там работают. Лестница эта охранялась, как говорил мне уже Окиада.

Дальнейших объяснений мне не нужно было, ибо мертвое тело у подножия скалы говорило о рьяности моего слуги. Оно говорило мне, как среди переходов от света к тьме, на самом ужасном месте, встретились вдруг два человека, как руки их сцепились, как, не издавая ни единого крика, они продолжали бороться до тех пор, пока один из них не рухнул вниз с этих ужасных скал. Быть может, исчезновение этого человека уже открыто. Что, если это увидят в ту минуту, когда мы будем на лестнице, с которой его сбросили? Мысли эти, подумал я, могут прийти в голову только трусу. Я решил не думать и, попросив Окиаду указать мне путь, последовал за ним.

Мы поднимались быстро; войлок на ногах заглушал наши шаги. Я много раз карабкался на Альпы и не боюсь высоты. В другое время я пришел бы в восторг от свежего воздуха и чудесной панорамы земли и моря, открывшейся передо мной. С левой стороны я увидел Вилла-до-Порто; далеко впереди мерцали огни моей собственной яхты, как бы говорившие мне о том, что друзья мои близко. Внизу под нами чернела вилла Сент-Джордж, ничем не освещенная и казавшаяся покинутой. Я говорю «казавшаяся», потому что повторный взгляд мой на нее указал мне движущиеся тени по освещенной луной тропинке, фигуры часовых, поставленных у дверей. Они, наверное, уже обнаружили нас. Весьма возможно, что они говорили о нас сторожу лестницы; весьма возможно, что они преднамеренно держались в стороне. Но я не задумывался над этим, ибо после тяжелого подъема мы добрались наконец до скалистого прохода и очутились на дорожке, годной только для верховой езды — шириной в тридцать дюймов и без всякой защиты со стороны пропасти. Здесь, как и в лесу, Окиада двигался вперед ползком с необыкновенной осторожностью. Тропинка огибала гору на расстоянии почти четверти мили, пока мы не очутились

на открытом плато с огромным отверстием впереди, напоминающим вход в пещеру внутри самой горы. Я понял, что мы достигли конца нашего путешествия. Несколько минут лежали мы молча вместе с моим проводником.

У входа в пещеру стояли два стража, от которых мы находились в пятидесяти ярдах. Свет, указавший нам этих двух человек, был тот самый, который виднелся в отверстии... сильный, яркий красный огонь, временами разгоравшийся так сильно, как будто дверь какого-то горнила открывалась и потом закрывалась. Огонь этот вызывал перед нашими глазами волшебные и грозные эффекты: все погружалось в непроницаемую тьму, но уже в следующую за этим минуту на красном фоне перед нашими глазами отчетливо вырисовывались силуэты двух темных фигур, стоявших у отверстия пещеры. Все это сопровождалось странными звуками... шумным током воздуха из каких-то исполинских мехов, стуком молотков о стальные наковальни, гулом голосов и пением. Будь это на моей родине, при другой обстановке, всякий, услышавший эти звуки, сказал бы, что там честные кузнецы, продолжающие трудиться, тогда как другие спят. Но я знал истину и не допускал никаких заблуждений. Люди эти добывали золото, я это знал. Другого занятия у них не было.

Трудно выразить словами, что я чувствовал. Ночь эта обещала, по-видимому, оправдать мои надежды, но пока я сам лично не видел того, что там делалось, я не мог быть уверен в этом. Положение наше было, во всяком случае, крайне опасное. В каких-нибудь пятидесяти шагах от нас разговаривали часовые с револьверами за поясом и ружьями на плече. Достаточно было вздоха, чтобы выдать себя. Мы не смели ни обменяться словом, ни поднять руку. Я лежал скорчившись в самом неудобном положении и готов был ползком вернуться обратно домой, но неподвижность Окиады, лежавшего, как камень, указывала на то, что у него есть какие-то более тонкие замыслы. Не думал ли он, что часовые пойдут сейчас с обходом? И мне это приходило в голову, но прошло двадцать минут, прежде чем они подали какой-нибудь знак, которого я все же не заметил. Один из них лениво вошел в пещеру и скрылся там. Второй, взяв ружье наперевес, направился прямо в нашу сторону, тихо, крадучись, как будто бы знал уже

о нашем присутствии или собирался узнать о нем. Весьма возможно, что мысли эти были плодом воображения, и он шел к лестнице, чтобы удостовериться, все ли благополучно с его товарищем. Путешествию его не суждено было кончиться. Японец неожиданно бросился на него в ту минуту, когда он едва не наступил на нас. Не произнеся ни единого звука, упал он у моих ног как подкошенный.

Окиада схватил его одной рукой за горло, а другой ударил под колени. Не успел он повалиться на скалу, как японец всунул ему в рот кляп и связал его по рукам и ногам с такой быстротой, какой я никогда еще не видел. Страх, вероятно, был союзником моего слуги. От испуга глаза этого человека вышли почти из своих орбит, он не оказал ни малейшего сопротивления и скорее готов был подчиниться своей судьбе, чем бороться против нее. Не успел Окиада затянуть последний узел, как тотчас же вскочил на ноги и драматическим жестом указал на открытый вход, где не было больше часовых. Добраться туда было делом одной минуты. Я вытащил свой револьвер и, пройдя открытое пространство, осторожно заглянул в пещеру. История виллы Сент-Джордж лежала у моих ног. У генерала Фордибраса не было больше тайн, которые он мог бы скрыть от меня.

На меня напало вдруг нечто вроде безумия. Я смотрел на открывшееся передо мной зрелище, как человек, опьяненный окружающей его атмосферой. Сознание времени, места, личного «я», все исчезло для меня. Великая книга неведомого открылась передо мной, и я читал ее в полубессознательном состоянии. Но это мои личные ощущения, а потому я отбрасываю их в сторону, чтобы поговорить о более реальном.

Пещера в горе, насколько я мог судить, тянулась в глубину на одну треть мили. По виду своему она напоминала, пожалуй, огромный подземный собор. Ее высокий известковый свод был покрыт сталактитами такой огромный величины и до того разнообразными, что они превосходили всякое понятие, составленное мною о природе и ее чудесах.

Сверху спускались тысячи разнообразных форм: пластинчатые кронштейны, колонны и шпили, цилиндры и серпы, чудовищные трубы. По красоте своей, количеству и великолепию эти чудные фигуры вряд ли могли уступить всем чудесам известкового мира.

В придачу к ним здесь находились и сталагмиты, но их было очень мало, так как все они были уничтожены, потому что обширная пещера была нужна для производимых в ней работ. С первого взгляда я насчитал не менее девяти горнил... пылавших горнил, яркий и невыразимо жаркий огонь которых слепил глаза и освещал все окружающее каким-то неземным светом.

Пещера была полна людей, полуобнаженных людей в кожаных передниках, с лоснящимся телом, как бы покрытым водой. Естественная красота этого зрелища и удивление при виде его положительно очаровали меня. Они служили людям, которым я так беззаботно бросил перчатку; они служили людям, которые плавали в открытом море, чтобы избежать городов и правосудия. Все это я знал с самого начала, но количество их удивило меня выше всякой меры.

В чем, собственно, заключалась работа их у этих горнил? Сперва я подумал, что они занимаются обработкой драгоценных металлов, то есть золота и серебра, которые вручались им самыми ловкими ворами Европы. К немалому удивлению моему, факты не подтвердили, однако, моего предположения. Здесь работали корабельные плотники, и делались вещи, какие делаются в горнилах Шеффилда: здесь ковали, и формировали, и стругали... Никаких признаков преступных занятий, ничего, что могло бы свидетельствовать против них. Но обстоятельство это не обмануло меня. Оно вполне согласовалось с предположением, сделанным мною до приезда моего на Санта-Марию и открытия генералом Фордибрасом моего путешествия. Люди эти не обрабатывали драгоценные металлы... не сегодня вечером, по крайней мере. Все это пришло мне в голову одновременно с сознанием своего положения; я понял безумие дальнейшего выслеживания и повернул назад, думая вернуться с Окиадой.

Слуги моего не оказалось на месте, а вместо него я очутился лицом к лицу с безобразным евреем невероятно отталкивающей наружности.

ХІІІ

ВАЛЕНТИН АЙМРОЗ

Представьте себе человека ростом пять футов шесть дюймов, тощего, с шаткой походкой, с трудом передвигающего ноги при помощи палки.

Зеленые очки, всегда, по-видимому, прикрывающие его выпуклые и налитые кровью глаза, были теперь сдвинуты на высокий, конусообразный лоб, на коже которого виднелись шрамы давнишних ран. Козлиная борода, длинная, лохматая и нечесаная, спускалась с его подбородка, острого, как клин; нос у него был выпуклый, большой, руки морщинистые и дрожащие, но жадно хватающиеся за жизнь. Вот то, что я увидел при ярком свете горнил. Когда же последние закрылись, все, и эта отталкивающая фигура, погрузилось во тьму.

— Доктор Фабос из Лондона! Не так ли, доктор? Я старик и глаза мои не так служат мне, как раньше. Но я все-таки думаю, что это доктор Фабос.

Я повернулся и назвал себя, чтобы он не думал, будто я боюсь его.

— Я доктор Фабос... да, это так. А вы, я думаю, тот самый польский еврей, которого зовут Валентином Аймрозом?

Он засмеялся каким-то сухим гортанным смехом и еще ближе подошел ко мне.

— Я ждал вас раньше, три дня назад,— сказал он голосом мурлыкающей кошки.— Вы сделали этот переход медленно, доктор!.. Очень медленно. Все хорошо, что хорошо кончается. Вы у нас на Санта-Марии, а ваша яхта стоит там. Приветствую вас на моей вилле.

Так стоял он, раболепствуя передо мной и почти шепотом ведя разговор. Что мне было делать, я не знал. Гарри Овенхолль говорил мне об этом ужасном еврее, но представление о нем всегда связывалось у меня с Парижем, Веной или Римом. Теперь же он очутился вдруг на Санта-Марии. Присутствие его отравляло воздух холодным дыханием угрозы и смерти. Никогда еще поспешное стремление мое приехать на этот остров не казалось мне так достойным осуждения и лишенным всякого права на извинение. Этот страшный старик будет глух ко всякому аргументу, предложенному мною. Нет преступления в мире, на которое он не

был бы способен! С генералом Фордибрасом я мог мириться, а с ним — нет.

— Да, — сказал я спокойно, — это моя яхта. Завтра, если я не возвращусь на нее, она отправится в Гибралтар. Все будет зависеть от моего друга, генерала Фордибраса!

Я сказал это с полным самообладанием, в котором была моя сила. В ответ на это он разразился беззвучным смехом и холодными как лед костлявыми пальцами притронулся к моей руке.

— Переход к Гибралтару очень опасен, доктор Фабос! Не слишком рассчитывайте на него. Бывают случаи, когда судам не удастся больше увидеть берег. И ваше может принадлежать к таким же.

— Если яхта не вернется в Гибралтар, а затем в Лондон, то в таком случае, господин Аймроз, здесь, в Санта-Марии, есть несколько судов и они отправятся крейсировать под белым флагом. Будьте любезны поверить мне, что я принял маленькие предосторожности. Вряд ли я стоял бы здесь, не взвесь я заранее, какой опасности могу подвергаться, и не прими я меры. Вы не фигурировали в моих расчетах, но присутствие ваше, поверьте мне, не повлияет на эти меры.

Он с видимым интересом и терпеливо выслушал меня, и я сразу заметил, что слова мои произвели на него впечатление. Признаюсь откровенно, я боялся не умысла, а какой-нибудь случайности, и хотя у меня был револьвер, я не притрагивался к его курку. Мы так хорошо понимали друг друга, что следующие слова его служили как бы ответом на мои опасения:

— Умный человек, кто рассчитывает на случай, описываемые в газетах. Мой милый друг, никакие книги великой библиотеки Рима не спасут вас от тех вот людей, если только я подам голос и позову их. Полно, доктор Фабос, вы или сумасшедший, или герой. Вы охотитесь на меня, Валентина Аймроза, за которым тщетно охотилась полиция двадцати городов. Вы поступили как школьник, приехав к нам, и вы так же прекрасно знаете, чем можете поплатиться, как и я. Что я скажу о вас? Что вы скажете о себе, когда зададите себе вопрос: выпустят ли меня эти люди на свободу? Позволят ли они моей яхте вернуться в Европу? Позвольте мне ответить вам, и я скажу, почему вы стоите здесь неведимый, тогда как достаточно одного моего слова,

одного кивка головы, чтобы одна из тех вот раскаленных добела дверей открылась и вы превратились бы в кучу пепла прежде, чем я сосчитаю до десяти. Нет, мой друг, я не понимаю вас. В один прекрасный день я это сделаю, и да спасет вас тогда Бог!

— Господин Аймроз,— ответил я спокойно,— понимаете вы меня или не понимаете, это мало касается меня. Для чего я приехал на Санта-Марию, вы узнаете в свое время. Пока я имею для вас некоторое сообщенье, и исключительно для вас одного. В Париже на улице Gloire-de-Marie номер двадцать живет молодая женщина...

Я замолчал, потому что огонь, вспыхнувший снова, показал мне такое выражение на лице старика, за которое я готов был бы заплатить половину своего состояния, чтобы только увидеть его еще раз. Страх, и не один страх — ужас, более чем ужас... человеческая любовь, нечеловеческая страсть, злоба, вожделение, ненависть — чувства эти горели в его глазах, читались в опущенных углах рта, в дрожании рук. А крик, вырвавшийся из его груди... крик ужаса... как страшно прозвучал он среди тишины ночи! Это был крик волчицы, скорбящей о своем детеныше, или шакала, у которого отняли его добычу. Никогда еще в ушах моих не раздавались такие звуки, никогда не приходилось мне наблюдать такую страсть.

— Дьявол! — крикнул он. — Дьявол преисподней, какое тебе дело до нее?

Я схватил его за руку и притянул к себе.

— Жизнь за жизнь! Что, если она узнает историю старика, который является к ней как супруг под личиной добра и милосердия? Что, если она узнает истину? Или вы думаете, что друзья мои в Париже будут молчать? Отвечай, старик, или, клянусь Богом, ей завтра же расскажут всю историю.

Он не произнес ни единого слова.

Это было началом угрожавшей мне опасности. Не успел я кончить последней фразы, как свет от фонаря упал мне на лицо, а где-то в глубине, чуть ли не в самых недрах земли, раздался гул набата.

Еврей не мог вымолвить ни единого звука, зато люди, внезапно выбежавшие из пещеры, нарушили безмолвие ночи громкими и злобными криками.

Что пережил я среди поднявшейся кругом меня суеты, громкого набата и под влиянием овладевшего мною безумного испуга, я положительно припомнить не могу. Кто-то, кажется, ударил меня, и я упал. Весьма возможно, что меня потащили внутрь пещеры и если я остался неискалеченным, то лишь благодаря тому, что меня окружала тесная толпа. Суть не в этом, а в том, что я очутился среди целой сотни людей разных наций, тела которых были покрыты потом, глаза горели жаждой убийства, и я знал это так же верно, как знал и те средства, которыми они воспользуются для этого.

Они, как я уже сказал, потащили меня в глубь пещеры с видимым намерением убить. Способ смерти был мне совершенно ясен из недавно сказанных евреями слов. пытка огнем всегда наводила на меня невероятный ужас, и когда распахнулись раскаленные двери горнил и ослепительно белый огонь жаром пахнул мне в лицо, я сказал себе, что люди эти не остановятся ни перед чем, чтобы скрыть все следы совершенного ими преступления, и одному Богу известно, какую нравственную пытку испытал я в ту минуту. Нечего, я думаю, говорить, какое ужасное зрелище должен представлять огонь как орудие казни. Лица окружавших людей лишали меня всякой надежды. Ни на одном из них я не замечал сострадания... Ничего, кроме жажды моей жизни, моей крови и злобы на то, что они открыты. Не отними они у меня револьвер, я, клянусь Богом, застрелился бы на месте. Невыразимый страх! Ужас, не поддающийся никакому описанию! Ужас, который доводит человека до унижения, заставляет его плакать, как ребенка, или просить пощады у самого злейшего врага. Вот что я испытывал, когда на помощь моим мыслям явилось также и мое воображение, ясно рисовавшее мне, что должен выстрадать человек, беспомощно брошенный в недра пылающего горнила, где он превратится в пепел, подобно углям, под дуновением огромных мехов.

Люди, притащившие меня в пещеру, продолжали стоять вокруг меня и бесноваться, как голодные волки. Вдруг еврей, пробравшийся сквозь толпу, заговорил какие-то странные и непонятные речи, что-то вроде того, что он уже допрашивал меня и осудил. В этом смысле, надо полагать, его и поняли люди, ибо двое из них, схватившись за огромные рычаги, открыли двери горнил, и в глубине их я увидел чудовищный огонь, желтовато-белый, как сияние солнца. Целое море пламени, ослепительно яркого, жгучего, к которому меня потянули сильные руки, нанося мне удары, и толкали обнаженные, потные тела! Револьвер они отняли у меня, а потому я пустил в ход свои сильные руки, свои гибкие плечи, стараясь отпихнуть их от себя и нанося удары с бешенством дикого зверя. То упираясь ногами, то приседая, то кулаками попадая в их обращенные ко мне лица, оттягивал я до некоторой степени окончательный исход. Но тут на помощь мне явился неожиданный союзник, на которого не рассчитывали ни я, ни они. Он помог мне выше всякого ожидания.

Оказалось, одним словом, что они могли дотащить меня к горнилам лишь до известного места, дальше они становились бессильны... раскаленная атмосфера брала верх над ними. Как ни привыкли они к жару, они не в силах были вынести его. Я видел, как они отскакивали от меня один за другим. Я слышал, как они кричали, что надо принять те или другие меры. Я остался в конце концов один напротив открытых дверей... Я пошатнулся и со всего размаху рухнул на пол.

Свежий, прохладный ветер, дувший мне в лицо, вернул мне сознание... хотя не знаю, через сколько времени. Открыв глаза, я заметил, что меня несут в чем-то вроде паланкина по скалистому проходу и что в руках у моих носильщиков смоляные факелы. Туннель этот был очень высокий и как будто бы сделан руками человека, а не природой. На носильщиках были длинные белые блузы, но никакого оружия. Я обратился к ближайшему и спросил его, где я. Он ответил мне по-французски и очень приветливым тоном, видимо, довольный тем, что может сообщить мне приятную новость:

— Мы несем вас в Валлей-Гоуз по приказанию господина Аймроза.

— И вы из числа тех людей, которые были там с ним?

— Некоторые из нас... Господин Аймроз говорил, что вас знают. Не бойтесь ничего... они будут вашими друзьями.

Говоривший не мог не видеть моей сардонической улыбки. Я понял, что к еврею вернулась способность говорить как раз вовремя, чтобы спасти мне жизнь, что подтверждалось моим теперешним путешествием. Страшная слабость, овладевшая мной, привела меня снова в сонное состояние. А когда я опять пришел в сознание и открыл глаза, то увидел, что комната, где я лежал, освещена солнцем, а подле моей кровати стоит сам генерал Фордибрас. Я понял теперь, что француз называл Валлей-Гоузом и почему слуги еврея принесли меня сюда из пещеры.

Весьма естественно, что я надеялся увидеть отца Анны вскоре после своего приезда на Санта-Марию, а потому признаюсь откровенно, что присутствие его в комнате не так удивило, как доставило мне удовольствие. Каков бы он ни был, как ни была сомнительна его история, он все же представлял резкий контраст с евреем и с дикарями, которые работали для последнего в тех пещерах. Человек с военной выправкой, вежливый и сдержанный в разговоре, он с самого начала был загадкой для меня, и мне гораздо приятнее было видеть его у своей постели, чем кого бы то ни было из живущих на острове Санта-Мария, за исключением, конечно, слуги моего Окиады. Несмотря на то что ко всем словам его я относился как к самой бесстыдной лжи, я все же ничего не имел против того, чтобы говорить с ним.

— Я пришел узнать о здоровье безумного человека,— сказал он сурово,— ваше посещение пещеры оказалось, по-видимому, совершенно лишним.

Я сел на своей кровати и попытался вдохнуть свежий воздух всей грудью.

— Так как вам уже известна эта история,— сказал я,— то мы не будем больше останавливаться на ее частностях. Я приехал сюда с целью узнать, что вы и слуги ваши делаете на острове Санта-Мария, и это обернулось для меня весьма неприятными последствиями. Я согласен с вами относительно моего безумия, но прошу избавить меня от вашей жалости.

Он немедленно отошел от моей кровати и, подойдя к окнам, раскрыл их еще больше.

— Как вам угодно,— сказал он,— может, наступит время, когда никто не будет щадить друг друга. Если вы думаете, что оно уже...

— Можете поступать, как вам угодно. Я всегда к вашим услугам, генерал Фордибрас. Говорите или молчите, вам все же придется немного добавить к тому, что мне известно. Но если вы вздумаете торговаться со мной...

Он покраснел от досады и быстро повернулся в мою сторону.

— Что это еще за оскорбление? — воскликнул он. — Вы явились сюда, чтобы шпионить за мной, выходите тайком из моего дома, как обыкновенный грабитель, и отправляетесь в рудники...

— Рудники, генерал Фордибрас?

— А что же это, доктор Фабос? Вы думаете, меня легко обмануть? Вы явились сюда с целью украсть мою тайну, хранить которую я считаю себя вправе. Вы хотите обогатить себя. Хотите вернуться затем в Лондон и сказать вашим товарищам-мошенникам: «На Азорских островах есть золото, завладейте им, выкупите людей и заключите договор с португальским правительством». Вы открыто подсматриваете за моими рабочими, а потому, не будь там моего управляющего Аймроза, вы не были бы теперь живы, чтобы сегодня утром расписывать мне эти истории... И неужели я, Губерт Фордибрас, хозяин этой местности, захочу торговаться с таким человеком, как вы? Бог мой, что еще придется мне услышать от такого господина, как вы?

Я откинулся на подушку и смотрел на него упорно, с выражением сожаления и презрения к его поистине редкой лжи.

— Вы услышите,— ответил я спокойно,— что английскому правительству известны настоящие владельцы «Бриллиантового корабля», а также и местопребывание их.

Всегда чувствуешь себя несколько взволнованным при виде унижения человека с утонченными манерами и присушим ему выраженным чувством собственного достоинства. Признаюсь откровенно, в тот момент я чувствовал симпатию к генералу Фордибрасу. Ударь я его, и передо мной был бы мужчина, но слова мои

мгновенно лишили его сознания своей значимости. Несколько минут он молчал, видимо затрудняясь, что сказать, и вся фигура его представляла вид жалкого, убитого горем человека.

— По какому праву вмешиваетесь вы в мои дела? — спросил он наконец. — Кто поставил вас моим обвинителем? Чем выше вы других, чтобы судить людей? Бог мой! Неужели вы не понимаете, что жизнь ваша зависит от моего великодушия? Одного моего слова...

— Оно никогда не будет произнесено, — сказал я, не спуская с него глаз. — Преступления, совершенные вами, Губерт Фордибрас, совершены отчасти под влиянием насилия чужой воли, отчасти случайно. Вы лично не так виновны. Еврей — ваш учитель. Когда еврей попадет на эшафот, я выступлю вашим защитником. Это вы мне позволите, конечно. Видите, я понимаю вас и могу читать ваши мысли. Вы принадлежите к числу тех людей, которые прикрываются преступлениями и позволяют одураченным ими людям открыто приносить им жертвоприношения. Вы не смотрите на их лица, вы редко слушаете их голоса. Таково мое суждение о вас... можете предполагать, что вам угодно, мое мнение не изменится. Такие люди говорят все, когда наступает время суда и приговора. Вы не будете отличаться от других, когда наступит это время. Я уверен в этом так же, как и в своем существовании. Вы захотите спасти себя ради своей дочери...

Он прервал меня взрывом неожиданного, странного волнения, которое поразило меня тогда, но которое, я чувствовал, не смогу забыть до конца моей жизни.

— Неужели дочь дороже мне моей чести? Оставьте ее в покое, прошу вас. Вы прямо поставили мне вопрос, и я в том же духе отвечу вам. Посещение ваше этого дома — заблуждение, слова ваши — ложь. Если я не наказываю вас, то лишь ради своей дочери. Благодарите ее, доктор Фабос. Время изменит ваше мнение обо мне и сделает вас благоразумнее. Только время примирит нас. Для меня вы остаетесь гостем, а я для вас — хозяином. Что будет потом, то должно свершиться для нашего общего блага. Еще рано говорить об этом.

Я не отвечал, как я мог это сделать, ибо это «общее

благо» должно было заставить меня держать язык за зубами... продать ему свою совесть, и за такую цену, какую продиктует их желание безопасности. Слишком рано, сказал он, приступать к состязанию, которое может или разрушить великий заговор, или привести к моему собственному бесчестью. «Примирение с течением времени» превосходно отвечало моим желаниям. Я знал теперь, что люди эти боятся убить меня. Они щадили меня, желая удостовериться, кто и что я такое, какие друзья у меня, что мне вообще известно. Великодушные их будет продолжаться лишь до той поры, пока будет продолжаться их неуверенность.

— Перемирие, пожалуй, будет,— сказал я, стараясь воспользоваться его страхом,— больше я ничего не скажу. Честь ваша должна обеспечить мне безопасность. Я, в свою очередь, буду содействовать вам, и если буду в состоянии спасти вас от самого себя, то спасу. Больше я ничего не могу сделать, и большего вы не можете просить у меня.

Он уклончиво, как и перед этим, отвечал мне, что время приведет нас к обоюдному соглашению, а до того времени я буду в такой же безопасности на острове Санта-Мария, как и у себя дома в Суффолке.

— Мы оставим вас здесь в шале,— сказал он.— Здесь теплее и суше, чем в том доме. Моя дочь приедет к завтраку. Вы найдете ее внизу, если пожелаете. Я же сам должен отправиться сегодня в порт Святого Михаила... у меня неотложные дела. Анна покажет вам все, что здесь можно увидеть, а завтра вечером мы снова встретимся за обедом, если море останется таким же, как и теперь.

На это я ответил, что выйду к завтраку, и просил его прислать мне моего слугу Окиаду. Мысль о том, что случилось с верным малым, беспокоила меня с той минуты, как я проснулся час назад.

— Мы все думаем, что слуга ваш еще вчера вечером вернулся на яхту,— сказал он.— Нет никакого сомнения, что вы встретите его, когда вернетесь к себе на борт. Ирландский джентльмен, мистер Мак-Шанус, был сегодня рано утром в Вилла-до-Порто и осведомлялся о вас. Мои слуги могут передать ваше поручение, если желаете.

Я поблагодарил его и выразил желание вернуться на яхту не позже обеда. Он несколько не удивился и не

пытался переубедить меня. Он был воплощенное чистосердечие, хотя я не мог не подумать невольно, какого жалкого мнения должен он быть о моей проницательности и доверчивости. Что касается меня, то у меня не было никаких сомнений на этот счет, и я знал, что являюсь пленником в этом доме и что меня будут держать здесь до тех пор, пока я не присоединюсь к ним или они не найдут возможность прилично и безопасно отделаться от меня.

XV

В ВАЛЛЕЙ-ГОУЗЕ. АННА ФОРДИБРАС ДЕЛАЕТ ПРИЗНАНИЕ

После ухода генерала Фордибраса ко мне явился француз-лакей и предложил мне отправиться на яхту за необходимыми для меня вещами, а также, если я желаю, пригласить ко мне английского доктора Вильсона, живущего в Вилла-до-Порто. Последнее предложение было от имени генерала Фордибраса, но так как я не получил никаких повреждений, за исключением нескольких синяков и ссадин на коже, то вежливо отклонил это предложение. Что касается вещей, то я привез с собой на виллу Сент-Джордж небольшой чемоданчик, который, по словам лакея, находился теперь в шале. Я сказал ему, что мне хватит этого на время моего короткого пребывания на Санта-Марии. Одевшись, я спустился вниз, желая поскорее ознакомиться с домом и его жителями.

Представьте себе красивое швейцарское шале, выстроенное высоко в расселине горы, в зеленой долине, которая начинается от дверей шале, а за долиной, на самом отдаленном конце ее, каменистый склон меньшего пика, который грозно высится, точно огромная стена крепости или замка. Таков был Валлей-Гоуз... Закрытый жалюзи, с красной крышей коттедж со своим собственным маленьким парком, поражающим почти тропической роскошью растительности. Никогда еще, ни в одном саду Европы или Африки не видел я такого разнообразия кустарников и такого подбора растений. Бук, сосна, апельсиновые и лимонные деревья в цвету, цитроны, гранаты, африканские пальмы,

австралийские эвкалипты, папоротники...— все росло здесь, в этой атмосфере теплых долин острова под покровом неба, какое вы можете видеть на Ривьере. Вот что я увидел сразу, как только вышел на веранду дома. Люди, которые задумали выстроить здесь шале, выстроили такое убежище среди гор, которому мог бы позавидовать самый богатый человек в мире. Неудивительно, что генерал Фордибрас говорил о нем с такой гордостью.

Вблизи дома не было видно других слуг, кроме старика негра, проходившего мимо веранды. Сказав мне «добрый день, масса доктор», он не выразил больше стремления к общению. Часы в столовой показывали четверть двенадцатого. Стол был уже приготовлен для завтрака и на нем стояло два прибора. Второй — для Анны Фордибрас, подумал я. Сердце мое забилося при этой мысли, и я решил, если удастся, обдумать свое положение до ее прихода и узнать, что в нем самое худшее. В том, что я пленник этой долины, я не сомневался. Мне оставалось только смотреть в лицо фактам и найти дверь, которую эти люди так искусно закрыли за мной.

Первое наблюдение, сделанное мною, когда я стоял на веранде дома, касалось моря и моего по отношению к нему положения. Я заметил прежде всего, что гавань Вилла-до-Порто скрывается от моих взоров восточными утесами долины. От Атлантического океана виднелось только два лоскутка голубовато-зеленой воды — один почти на юго-западе, другой, больших размеров, на севере. Кроме этих двух лоскутков, ничего не было больше видно... ни крыши, ни шпиля, ни даже дыма, указывающего на близость человеческого жилья. Тот, кто выбирал это место в горах для устройства шале, сделал это с целью, чтобы человек не мог дать знать отсюда о своем пребывании и чтобы суда, стоящие на море, не могли следить за ним. Факт этот был так очевиден, что я не мог отрицать его, а потому занялся исследованием самой долины. Место это занимало пространство в пять акров, и первоначальное мое мнение об его безопасности несколько не изменилось после этого осмотра. Оно было скрыто от всех отвесными стенами чудовищных скал. К своему ужасу, я открыл, кроме того, что оно защищалось со своей слабой стороны кипящим потоком, который вырывался из

какого-то глубокого естественного водохранилища и ниспадал водопадом у самого склона горы в том месте, где только искусный горец мог бы вскарабкаться на верхушку пропасти. С первого взгляда я не мог составить себе должного понятия о значении всего этого и понял только позже, как вы увидите.

Всюду только скалистые стены — никаких ворот, ни тропинки или дороги, ни трещины или оврага, откуда можно было бы попасть в эту удивительную долину. К такому заключению я пришел к концу первого же моего обхода. Нет в мире тюрьмы, так искусно задуманной, нет человеческого убежища, которое было бы так неприступно. С тех пор как вчера вечером меня пронесли через туннель в горах, я знал, что владелец шале приходил и ушел, и что до тех пор, пока я не найду выхода из этой расселины, я так же хорошо скрыт от взоров людей, как и за дверями крепости.

Открытие это ничего, кроме ужаса, не могло вызвать во мне. Стараясь хоть сколько-нибудь забыться, я вернулся в сад, где были видны доказательства самого тщательного ухода. На всем лежали следы заботы человека. Если предположить, что долина эта была местом неведомых преступлений, жестокости, страданий и алчности, то, одновременно с этим, нельзя было отрицать и того, что люди, жившие здесь, обращали взоры свои к солнцу и отдавали должную дань розам. Несмотря на время года, я нашел здесь такое обилие цветов, какое в Англии можно встретить только в мае. Никогда не забуду я одной прелестной беседки, устроенной на газоне с прудом и фонтаном! Вся она покрыта была вьющимися растениями и большими красными цветами бегонии, которые красиво выделялись среди целой массы зелени. Я вошел туда, собираясь записать все, что я узнал в это утро. Не успел я войти, как увидел, что беседка занята уже, и, к удивлению своему, очутился лицом к лицу с Анной Фордибрас.

Она сидела у простого стола из переплетенных сушьев, опустив голову с рассыпавшимися темно-каштановыми волосами на руки. Когда она подняла голову, я увидел, что она плакала, и слезы еще блестели на темных ресницах ее выразительных глаз. На ней было простенькое кисейное платье, а на полу подле нее валялись лепестки и листья роз, которые она срывала

дрожащими от волнения руками. При моем появлении краска прилила к ее щекам, и она привстала, как бы испугавшись меня. Я преодолел свои чувства ради нее и ради себя. Я решил поговорить с нею и сказать, зачем я приехал на Санта-Марию.

— Мисс Фордибрас,—спокойным голосом сказал я,—вы чем-то огорчены, могу ли я помочь вам?

Она не ответила, по-видимому, слезы душили ее.

— Да,—сказала она, и как мало походила она на маленькую Анну в Дьепе!..—Да, доктор Фабос, я очень огорчена.

Я подошел ближе и сел подле нее.

— Вы огорчены тем, что вас принимают за дочь человека, недостойного быть вашим отцом? Скажите мне, если я ошибаюсь. Вы не дочь Губерта Фордибраса? Вы даже не родственница его?

Никогда не забуду я выражения лица Анны Фордибрас, когда я высказал ей свое предположение, составленное мною полчаса назад. Она не была дочерью генерала. Тон, которым он говорил о ней со мной, не походил на тон отца, говорящего о своем ребенке.

— Мой отец сказал вам об этом?—спросила она, с удивлением обращаясь ко мне.

— Он ничего не говорил, кроме того, что я буду пользоваться вашим обществом и обществом вашей компаньонки во время завтрака. Что-нибудь задержало мисс Астон?

Искусная и невинная ложь эта внушила ей, по-видимому, доверие. Мне показалось, что она поверила ей. Высказанное мною предположение, что мы здесь не одни с нею, способствовало тому, что положение показалось ей более сносным. Она сидела теперь прямо, хотя пальцы ее по-прежнему обрывали лепестки роз.

— Мисс Астон осталась на вилле Сент-Джордж. Я не хотела быть здесь одна, но отец настоял на этом. Вот почему я плакала. Я ненавижу все это. Ненавижу это место и все, что в нем есть. Вы знаете это, доктор Фабос. Они не могут скрыть всего от вас. Я так и сказала, когда в первый раз увидела вас в Лондоне. Я ничего не хотела бы скрывать от вас, ничего, пусть даже жизнь моя зависела бы от этого.

— Разве это так необходимо, мисс Фордибрас? Не лучше ли поделиться некоторыми тайнами со своими друзьями?

Я видел, что ей очень хочется этого, но обещание, данное генералу Фордибрасу, удерживало девушку от откровенности. Влияние этого человека она не могла ни скрыть, ни отрицать. Она дала ему слово и не хотела нарушать его.

— Я ничего не скажу... я не смею!— воскликнула она наконец, с трудом преодолев свое желание рассказать мне все.— Это не поможет ни вам, ни мне. Уходите, доктор Фабос. Никогда не думайте больше о нас и не говорите. Бегите сейчас же. Проститесь со мной и постарайтесь забыть, что я существую на свете. В этом моя тайна. Чтобы сказать вам это, пришла я сюда... Мне все равно, что бы вы ни подумали обо мне.

Яркий румянец вспыхнул на ее прелестном личике, но она боялась взглянуть на меня. Я уже оставил свое мнение о том, как поступать с нею, и действовал соответственно этому. Я с уважением отнесся к ее обещанию.

— Мудрые слова,— сказал я,— но мне кажется, что для исполнения вашего совета мне необходима будет пара крыльев. Не говорили вам, что я здесь в плену?

— В плену... о, нет, нет...

— А между тем это так... я пленник, и мне нужно найти дорогу, которая приведет меня к берегу моря. Раньше или позже я найду ее, и мы вместе выйдем отсюда. В настоящую минуту мои глаза ничего не видят, кроме гор. Быть может, я несколько ослеп, милое дитя! Если это так, то вы должны вести меня.

Она с удивлением взглянула на меня и подбежала к дверям. Сердце ее билось так сильно, что видно было, как дрожала легкая материя ее платья. Я видел, что она пристально смотрит в тот угол сада, где кипящий поток бурлил и шумел внизу скалистой стены.

— Там должен быть мост, перекинутый через поток!— воскликнула она в сильном возбуждении.— Я час назад переходила через него... железный мостик, доктор Фабос! Несколько ступенек ведут к нему. Что это вы говорите? Безумная я, что ли?

Я подошел к ней и взял розу из ее букета.

— Эльфы вздумали подшутить над нами,— сказал я уклончиво,— ваш мостик исчез с утренним туманом. Волшебные духи унесли его через горы. Не будем больше думать о нем. А что, если бы вдруг нам пришлось в голову, что мы можем выстроить другой?

Я сказал это с той целью, чтобы она поняла более глубокий смысл моих слов, но это было напрасно. Бледная, испуганная, с ужасом смотрела она на меня, точно считая меня до некоторой степени причастным ко всему этому дьявольскому заговору. Затем, как бы раскаиваясь в своих мыслях, она вдруг вскрикнула:

— Я не могу поверить этому, я так беспомощна! Скажите мне, доктор Фабос, скажите, ради Бога, что мне делать?

— Подарите мне вашу дружбу и удостойте меня вашего доверия. Обещайте мне, что вы покинете это место, когда я покину его, и навсегда покончите с этими людьми. Больше я ничего не прошу. Моя тайна уйдет вместе со мной. Я буду называть вас Анной и не будет для меня имени дороже этого... Согласны вы на это, мой маленький товарищ?

Она отвернулась от меня, и глаза ее наполнились горячими слезами. Я знал, что она никогда больше не будет бояться меня. Когда она успокоилась немного, я повел ее домой, где мы, как брат и сестра, сели завтракать и беседовали о самых обыкновенных вещах.

И только одному Богу известно, каким тяжелым, постыдным воспоминанием лежит теперь этот час на мне.

Неужели же люди эти хотели купить собственную безопасность ценой чести этой девушки?

XVI

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ МОЛЧАНИЯ. ДОКТОР ФАБОС ДЕЛАЕТ ВЫВОДЫ

Мы пробыли в Валлей-Гоузе девять дней вместе, не получив извне ни единого известия. Каждый день с одной и той же поразительной пунктуальностью старый негр и другие слуги сокрушались о таком неприятном ходе дел, который был единственной причиной того, что я не мог вернуться на свою яхту. Мостик погиб по несчастной случайности, а проходом в горах никто никогда не пользуется, кроме самого генерала Фордибраса. Так говорили они. Что касается генерала, то, по их словам, огорчению его не будет предела, когда он услышит об этом. К несчастью, его что-то задержало в порту Св. Михаила, и они полагают, что причиной

этому является волнение моря, которое продолжается все эти дни. В этом нет ничего ужасного, мост делали те же инженеры, что находились теперь внизу. Благодаря операциям в рудниках теперь много рабочих на острове. Чтобы освободить меня и их молодую госпожу, потребуется всего несколько часов.

Недавно я пересматривал дневник свой за эти девять дней и нахожу, что некоторые выводы мои будут, вероятно, интересны читателям. Вот они:

1. Преступники не боялись моей яхты. Одно из двух: или остров находился под наблюдением какого-нибудь большого вооруженного судна, или капитана Лорри убедили в том, что со мной все обстоит благополучно.

2. Они находятся в союзе с местными португальскими чиновниками в Вилла-до-Порто, которые, я не сомневался в этом, получали богатое вознаграждение за то, что благоразумно закрывали глаза на некоторые события.

3. Они уверены, что я влюбился в Анну Фордибрас и ради ее безопасности или буду молчать, или присоединюсь к ним. Все это штуки их главаря, устроившего апофеоз своему безумию.

Представьте при всем этом мое собственное затруднительное положение. Кроме двух старых слуг, горничной и негра, молодая девушка и я, мы были одни в шале и так удалены от всего мира, как будто были пленниками какого-нибудь восточного деспота. Она знала и я знал, с какими намерениями устроена была эта чудесная ловушка.

Заставляя нас искать утешения в обществе друг друга, они думали, что страсть наша подвергнется гораздо большему испытанию, чем под влиянием какого бы то ни было нравственного возбуждения, направленного против Валентина Аймроза и его приверженцев. Они хотели подвергнуть меня осуждению со стороны общества, если я буду упорствовать, или заставить молчать, если я буду содействовать их планам. Все это было задумано так смело и так неожиданно для нас, что план их мог удасться, не выпустили они из виду одного факта. А заключался последний в том, что маленькая подруга моя, одаренная необыкновенным здравым смыслом

и мужеством, пошла мне навстречу и предложила свою помощь в этот тяжелый час.

Все время говорили мы загадками, и в Дьепе и на вилле Сент-Джордж. Теперь же мне приходилось говорить с ней, как с человеком, с которым я делю все свои тайны. Но чего бы это мне ни стоило, как бы ни росла моя любовь к ней, я решил не обмолвиться ни единым словом до тех пор, пока нахожусь на острове Санта-Мария. Ради себя и ради нее решил я так поступить. У нас было столько тем для разговоров, но для начала я избрал историю ее жизни.

Это было на второй день нашего плена. Погода была теплая, солнечная, дул свежий ветерок с северо-запада, а над нами расстился голубой небесный свод. Я помню прекрасно, что на ней было кружевное платье и бирюзовая цепочка на шее. Мы завтракали вместе и слушали фамильярные разговоры прислуги. Генерал наверняка придет сегодня из порта Св. Михаила, говорили они, инженеры мигом, к заходу солнца, исправят мостик. Я совсем не слушал их, а когда мы вышли с нею в сад, спросил ее, всегда ли она была знакома с генералом Фордибрасом и какие воспоминания связаны у нее с этим обществом. Она ответила на это, что помнит его с того времени, с которого помнит и все остальное.

— Мне помнится, я видела и другое лицо... так давно, так много лет тому назад,— сказала она.— Я всегда надеялась и верила, что это было лицо моей матери. Когда я была еще маленькой девочкой, то жила в доме, стоявшем на берегу большой реки. Это была, я думаю, река Гудзон. Генерал Фордибрас бывал у нас в доме. Я была так мала тогда, и меня удивляет, что я все это помню.

— Вы покинули этот дом,— сказал я,— и поступили в школу. В Америке это было или в Лондоне?

— Сначала в Нью-Йорке, потом в Лондоне, а окончила я образование в Париже. Я вышла из заведения три года назад, и с тех пор мы объездили весь свет. Генерал Фордибрас никогда не остается долго на одном месте. Он говорил, что у него слишком беспокойный нрав. Я не знаю, доктор Фабос... я отказалась от всяких размышлений об этом.

— И ненавидите меня за мои вопросы. Я постараюсь, чтобы они побыстрее кончились. Как давно

знаете вы мистера Аймроза и где вы в первый раз встретились с ним?

Вопрос этот смутил ее. Я видел, что она без удовольствия отвечает на него.

— Не говорите, пожалуйста, о мистере Аймрозе. Я боюсь его, доктор Фабос. Мне кажется, я боюсь его больше, чем кого бы то ни было из известных мне до сих пор людей. Если со мной случится несчастье, то виноват в нем будет мистер Аймроз.

— Естественная антипатия. Когда-нибудь, Анна, вы поймете все это и поблагодарите Бога, что к вам на остров явился чужой человек. Я сам буду иметь дело с мистером Валентином Аймрозом. И вам не нужно будет больше бояться его.

Она не поняла меня и забросала множеством вопросов. Некоторые из них были необыкновенно тонкие, но все направлены на одно — она желала бы знать все самое хорошее и самое плохое из прошлой жизни этого человека и какое участие принимал в ней генерал.

На это я ответил, что не могу быть судьей, пока не узнаю всех за и против в этом деле.

— Очень может быть, что его самого обманывают, — сказал я, — время откроет истину. Вы говорили мне, что обязаны ему за ту доброту, с которой он относился к вам в детстве. Я не забуду этого, когда наступит день возмездия. Я не забуду, Анна, никого, кто был добр к вам.

Мне было так приятно видеть ее благодарность, которую я много раз замечал в течение длинных часов этих опасных дней. С утра до вечера была она моей спутницей в саду. Я узнал ее так, как редко приходится мужчине узнать женщину, которая не жена ему. Она делалась все более и более доверчивой; веселый смех ее музыкой разносился по долине, голос ее звучал в ней, как песня, она царила в ней, как божество. Я знал тайну ее доверия и тайна эта — моя. Я решил хранить ее как сокровище до того далекого дня, когда она откроется. Мои заботы были слишком тяжелы, чтобы я захотел разделить их с нею. Яхта моя, друзья мои, Окиада, где все они? Что случилось там, за этой чудовищной завесой гор, за этой пропастью, скрывавшей весь остров от нас? Неужели они ничего не предприняли, мои товарищи, которым я так верил? Возможно ли, чтобы мой верный Окиада покинул меня? Я ни минуты

не верил этому. Глаза мои говорили, что это неправда, какой-то голос говорил мне это. Я знал это, как человек, читающий книгу судьбы... образ, мелькнувший на воде, знак, в значении которого нельзя ошибиться.

Кому приходится иметь дело с преступниками, тот должен запастись естественным оружием. Нет ничего здесь более важного, как наблюдательность... в ней единственное спасение для исследователя. Наученный долголетним опытом, я заметил в долине такие приметы и предзнаменования, которые для другого прошли бы незаметно. Странные следы ног на самых темных тропинках, сломанные кусты, обрывки бумаги, брошенные без всякой осмотрительности, ничто не ускользнуло от меня. Но больше всего обратила на себя мое внимание и поразила меня наша водяная пенящаяся крепость.

День за днем уменьшалось количество воды в бурном потоке. В первый раз заметил я это на третий день нашего заключения, а окончательно уверился на пятый день. Дюйм за дюймом, слой за слоем понижалась вода потока. Кто-нибудь другой на моем месте мог бы взглянуть на это, как на естественное явление. Я же слишком верил человеку, служившему мне, чтобы думать, что так оно и есть на самом деле. Окиада приступил к делу, сказал я себе. Час моего освобождения приближается.

Можете представить себе, как взволновало меня это открытие и как были заняты им все мои мысли, когда я говорил с Анной о приближающихся днях свободы. На мой вопрос, посетит ли она снова мой дом в Суффолке, она вся вспыхнула и, бросив на меня быстрый взгляд, который бывал иногда так красноречив, ответила уклончиво:

— Сестра ваша не любит меня. Она смотрела на меня так, как будто я хотела похитить вас у нее.

— Неужели вы считали бы себя виноватой, если бы сделали это?

— Да,— сказала она так серьезно, что я даже пожалел, зачем предложил ей этот вопрос.— Виновной до конца своей жизни, доктор Фабос!

Я понял, что она намекает на историю своей жизни и на людей, судьба которых заставила ее жить. Она хотела этим сказать, что прошлое ее всегда будет прегра-

дой между нами. Эта мысль часто волновала меня, но не о себе думал я, а о ней.

— Клянусь Богом, Анна,—сказал я,— нет большей вины в мире, как слова, сказанные сейчас вами. Вы запрещаете мне говорить это. Сказать вам, почему?

Она кивнула, продолжая смотреть в ту сторону, где через узкий проход в горах виднелась полоса голубой воды. Я сидел подле нее, мне так хотелось обнять ее и сказать то, что мне подсказывало сердце все эти дни. Да, Богу известно, что я полюбил это хрупкое, нежное дитя судьбы выше всех надежд своей жизни, выше всякого честолюбия.

— Вы запрещаете мне говорить это, Анна, потому что не доверяете мне.

— Не доверяю вам, доктор Фабос?!

— Недостаточно, чтобы поверить, что я готов спасти вас от всех опасностей... даже от опасностей прошлых лет.

— Вы не можете сделать этого... не можете, доктор Фабос!

Я взял ее за руку и заставил взглянуть мне в лицо.

— Когда женщина научилась любить и любила, у нее нет прошлого,—сказал я.— Все, что ее касается, составляет счастье человека, которому она отдала свою жизнь. Что касается вас, я уверен, мы прочтем историю прошлых лет вместе и найдем ее приятной для нас. Не знаю, Анна, верно или нет, но попытаюсь отгадать. Я думаю, что это история любви женщины и страданий отца и невинного человека, который долго был заключен в тюрьме. Я скажу, что дитя двух людей, утвержденная в правах на принадлежащее ему имущество, она сделалась добычей негодяя, и я буду недалек от истины. Вот что думает ваш пророк. Анна, он дал бы много за то, чтобы факты были таковы, как он их представляет себе.

Она повернула голову ко мне и взглянула мне прямо в лицо. Никогда еще не видел я такой смены настроений на этом детском личике... радость, сомнение, любовь, страх. Со свойственной ей сообразительностью она поняла все, пока я говорил. Глаза ее засветились чудным огнем благодарности. Несколько минут просидели мы молча, и я ничего не слышал, кроме бие-ния ее сердца.

— О! — воскликнула она наконец. — Если бы это была правда, доктор Фабос, если бы это была правда!

— Я докажу, что это правда, раньше, чем мы приедем в Англию через месяц.

Она засмеялась с некоторым смущением.

— Англия... Англия! Как далеко отсюда Англия! А моя дорогая Америка?

— Семь дней на моей яхте «Белые крылья».

— Ах, зачем мы не птицы, чтобы перелететь через эти горы?!

— Горы будут добры к нам. Сегодня, завтра или когда-нибудь мы переберемся с вами через эти горы, Анна!

Она сказала мне, что это вполне отвечает ее желанию. Опасаясь дальше говорить об этом, я оставил ее и отправился к потоку, чтобы посмотреть, какую весть он мне принес. Убывает ли вода или это только фантазия расстроенного воображения?

Стоя на краю пропасти, по которой протекала вода, я видел, что не ошибся. Поток уменьшился еще на один фут: он не бурлил и не шумел теперь в проходе. Тот, кто изменил его течение, запрудит его, когда придет время. Когда оно придет, я не знал, но мне было ясно, что я должен делать. Я не должен отдыхать ни днем, ни ночью, пока не наступит освобождение; ни сна, ни покоя не должен я иметь, пока Окиада не явится ко мне и не откроет мне ворота.

А как же Анна и мое обещание? Оставлю ли я ее пленницей в долине или перенесу через горы, как обещал? Ответственность оказывалась больше, чем я себе представлял. Если я возьму ее с собой, чего только не расскажут по всему миру эти негодяи! Если я оставлю ее, каким жестокостям, каким преследованиям может подвергнуться она в Валлей-Гоузе! Я не знал, что делать! Надо полагать, что судьба распорядилась хорошо, взяв все это дело в свои руки, и, не оставив мне выбора, заставила уйти одного. Как бы там ни было, но когда Окиада вошел ко мне в комнату в десять часов вечера и я направился к комнате Анны, чтобы разбудить ее, она не ответила мне и, несмотря на самые тщательные поиски, я не нашел ее нигде в доме. А между тем время нельзя было терять.

— Милосердный Боже! — воскликнул я. — Неужели я должен оставить ее с этими людьми?!

Я понял, что так должно быть и что я один, подвергаясь опасностям, тем самым спасаю нас обоих.

XVII

ДОКТОР ФАБОС ПОКИДАЕТ ВАЛЛЕЙ-ГОУЗ

Ни один звук в доме, ни одно окно, открытое на площадку, не допускали возможности какого-либо тревожного сигнала из сада. Я мог предположить только, что маленький японец перебрался по руслу реки и таким путем пробрался в долину. Спрашивать его об этом было глупо — это могло задержать нас. Он был здесь, и дверь была открыта. Когда он дал мне револьвер в руки и попросил следовать за ним через нижнюю веранду в сад, я повиновался без малейшего колебания. Таинственное исчезновение Анны нетрудно было объяснить. Сегодня ночью, сказал я себе, еврей хотел убить меня. И только тут впервые понял я ту смертельную опасность, которой подвергался в Валлей-Гоузе.

Окиада не принадлежал к числу разговорчивых людей. В эту ночь, я думаю, он произнес не более двух слов, когда мы шли по саду, направляясь к берегу реки. «Стрелять, мастер!» — сказал он, подразумевая под этим, что в случае какой-нибудь встречи нам некогда будет думать о бегстве. Я кивнул вместо ответа и поспешил за ним, когда он вошел в лабиринт кустов, покрывавших ущелье. Царившая тишина страшно действовала на нервы. Неужели в саду не было никого из людей еврея? А между тем их, по-видимому, там не было.

Так добрались мы до берега потока и несколько минут лежали на земле под прикрытием целого ряда скал, подымавшихся над ущельем. Позади нас виднелись освещенные окна спальни, только что покинутой мною, и темные очертания шале. Сад и парк казались черными пятнами на фоне синего ночного неба. Внизу, под нами, между стенами темных скал и по каменистому дну протекала вода, синяя, как индиго. Ни одно дуновение ветерка не шевелило веток сосен, покрывавших склоны гор. Еще немного, и мы должны были увидеть океан, пустынный или с дружескими огнями, приветствующими нас. Мне казалось, что мы одни на необитаемом острове, и заблуждение мое могло

бы долго продолжаться, не раздайся в отдалении выстрел из ружья, который разнесся эхом по горам и в одну минуту вернул меня к действительности... Окиада мгновенно вскочил на ноги и с живостью, на которую он редко бывал способен, сказал мне:

— Они нашли почтенного капитана... Скорее, мастер, мы должны спешить к нему.

В ответ на это я указал ему на лужайку сада, откуда мы только что ушли. Там ясно виднелись фигуры семи человек, шедших по направлению к шале. Не успел я обратить на них внимание, как в кустах непосредственно за нами послышалось движение, выдававшее присутствие еще троих... Они двигались со стороны воды и в десяти ярдах от того места, где мы стояли. Остановившись на минуту, они окинули беглым взглядом ущелье и затем отправились по парку дальше, чтобы присоединиться к своим товарищам.

— И сидят же мысли в черепе этого старого Валя,— сказал один из них.— Уж если найдется такой негодный англичанишка, который проберется сюда ночью, так будь я проклят, если он не водяной!

Другой заметил на это, что вода стоит сегодня ниже, чем когда-либо, а третий выразил свое мнение, что ниже ли, выше ли, но она достаточно тепла, чтобы согреть грог для негра с Конго, а для полиции и того хуже.

Мы прислушивались к их разговору, притаившись у скал и держа револьверы наготове. Достаточно было самой ничтожной случайности — падения камушка или неловкого движения, — чтобы выдать нас, а там, я убежден, был бы и конец всей истории. Но мы лежали как люди, давно уже практиковавшиеся в такого рода молчании, и только когда неизвестные скрылись вдали среди деревьев, вскочили, собираясь идти через ущелье.

— Идите вперед, мастер! — сказал Окиада. — Вот веревка. Наши друзья с почтенным капитаном ждут вас внизу. Принесем им скорее хорошие вести.

Говоря таким образом, он взял веревку, один конец которой был прикреплен к обломку скалы на противоположном берегу потока. С помощью нее он перебрался по воде, когда спешил за мной в Валлей-Гоуз. Он прикрепил ее к скале, находившейся подле нас, и устроил таким образом мост, по которому легко мог перебраться мало-мальски сильный человек, особенно

при такой низкой воде, какая была теперь. Я, не колеблясь, пустился по веревке и скоро уже стоял на противоположном берегу. Первый переход Окиады был, я думаю, несравненно опаснее, так как ему прежде всего нужно было перебросить веревку и затем прикрепить петлю на ее конце к железному крюку на стене сада. Теперь он перешел так же, как и я, а затем мы вместе с ним перетаскивали веревку к себе. Мы не были больше пленниками долины и горы были позади нас. Что означала, однако, тревога, поднявшаяся вдруг в саду? Хриплые голоса, громкие свистки, беготня взад и вперед. Еще более зловещим показался нам второй ружейный выстрел, пробудивший спящее эхо гор. Выстрелил, надо полагать, кто-нибудь из наших товарищей с яхты. Наткнулись ли они на какую-нибудь засаду или попали в ловушку, поставленную на той дороге, по которой мы должны были следовать? Решение этого вопроса было весьма важно для нас. Мы могли их найти или пленниками, или свободными людьми, подвергавшимися только минутной опасности. Нельзя было медлить ни минуты.

— Ты пришел один, Окиада?

Японец отрицательно покачал головой, продолжая складывать веревку.

— Там еще почтенный шотландец... Он ждет с фонарем.

— Далеко это отсюда?

— А столько, ваше превосходительство, сколько вы можете пройти в минуту.

Я ничего больше не сказал, а последовал за ним по скалистому склону, карабкаясь и скользя подобно мальчику, отправившемуся на праздничную прогулку, и не менее его проворно взбираясь на высоты. Жизнь моя и моего верного слуги зависела от темноты ночи и быстроты наших движений. Вся долина была наполнена теперь криками тревоги, которые разносились с одного конца ее до другого. Раздавались неумолчные свистки, слышались звонки и ружейные выстрелы. Слух мой не обманывал меня — я слышал ясно, как пули ударялись в скалы выше нас и ниже. Двигайся мы днем, нам легче было бы переносить все неудобства, сомнения и случайности этого бегства. Но в данном случае мы двигались наудачу, хватаясь руками за шероховатые осколки скал и спотыкаясь о валуны на нашем пути. При этом

мы ясно сознавали, что какая-нибудь шальная пуля может случайно вытянуть счастливый билет и свалить одного из нас, а пожалуй, и обоих, как зайцев, поддавшихся на обман. Трудно найти человека, который был бы так благодарен судьбе, как я, когда увидел широкую расселину в склоне скалы, точно дверь святилища, открытую мне рукой неведомого друга. С великой радостью поспешили мы войти в нее, скрывшись от взоров тех, кто находился в долине... Глубокое молчание и мрак окружили нас. Теперь нам не нужно было дрожать от страха и карабкаться по неровному склону. Сама природа провела здесь удобную тропинку, которая шла, по-видимому, в самые недра горы.

Мы направились по этой тропинке, шедшей на расстоянии двухсот ярдов параллельно с долиной, которую мы только что покинули. Она привела нас в конце концов к низкой пещере, и здесь мы встретили боцмана Валаама, который сидел, прислонившись спиной к скале, и курил трубку, спокойно охраняя свой корабельный фонарь. Услышав наше приближение, он пошевелился лишь настолько, чтобы достать фонарь, и затем обратился к нам.

— Не доктор ли это и его дикарь? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Я узнал ваши шаги, доктор, и сказал, что вы ловкую штуку проделали. Там, на горах, стреляли, сэр, и вы умно поступили, что не остались. Я не очень-то люблю бегать... Ваш слуга может взять фонарь, я уже обойдусь без него. Ах, доктор, будь тут у меня хоть небольшой ослик...

Я сказал ему, чтобы он перестал бояться и указывал нам дорогу, хотя в душе я был очень рад, слушая голос славного малого. Звали его Мэчи, но после одной поездки верхом на осле его окрестили Валаамом, и под этим именем поступил он ко мне на борт «Белых крыльев». Спокойно, присущей моряку походкой, двинулся он по пещере, а следом за ним Окиада. С удивлением смотрел я на окружающие нас подземные чудеса: одному человеку тут было бы страшно идти, будь он с фонарем или без фонаря, — пещера представляла собой вместилище множества кипящих ручейков и состояла из большого зала с ужасным для дыхания воздухом, насыщенным паром и горячими брызгами. У меня вряд ли хватило бы духу оставаться здесь, не имея я

перед своими глазами примера в лице своих двух товарищей. Они бодро шли вперед, не говоря ни слова, а когда мы наконец почувствовали более чистый воздух, они предупредили меня, что мы приближаемся к весьма опасному месту и должны двигаться дальше с большой осторожностью. Я увидел, что проход быстро сужается, и спустя несколько минут мы очутились в узком проходе такой правильной формы, что только человеческие руки могли устроить его. Вдали, в конце этого прохода, виднелись воды Атлантического океана, несмотря на то, что ночь была безлунная. Никогда еще не билось так весело мое сердце при виде воды. Свобода, друзья!

Громкое восклицание шотландца и внезапная остановка Окиады мгновенно прервали мои размышления о свободе и вернули меня к осознанию своего положения и сопряженных с ним опасностей. Оказалось, как я потом увидел, что они заметили фигуру человека, прислонившегося спиной к скале и как бы стоящего на часах у входа в туннель, но в стороне от нашей тропинки, и затем другую фигуру, лежавшую прямо на дороге и похожую на мертвого человека. Я нашел весьма естественным, если они пришли к заключению, что последний — один из наших, убитый из ружья, выстрелы которого мы недавно слышали. Предположение мое оказалось верным, и мы остановились у выхода из пещеры, рассуждая о том, что нам делать. Мы не могли, само собой разумеется, испугаться одногоединственного часового, хотя у него и было ружье в руках. Но весьма возможно, что поблизости находились еще другие: достаточно было бы одного крика, чтобы они набросились на нас и, не дав нам времени опомниться, захватили в плен.

— Вот что значили выстрелы, которые я слышал,— прошептал боцман.

Я повернулся к Окиаде и спросил, что мы будем делать. Во всей фигуре его видна была некоторая нерешительность. Он стоял, точно изваянная из мрамора статуя.

— Пусть мастер подождет,— сказал он.— Закройте фонарь. Я увижу и в темноте.

Я сказал, что запрещаю ему идти, ибо было безумием думать, будто часовой один. Он не послушал

меня и скрылся с наших глаз так быстро, как будто земля разверзлась под его ногами и поглотила его.

Я всегда говорил, что трудно себе представить более расторопного и верного слугу. Я знал, что он убьет часового, если это будет нужно, и для меня было нечто ужасное в том, что живой человек, фигура которого виднелась при смутном свете за пещерой, стоял на краю вечности и, быть может, только что произнес последнее слово на земле. Это были мои мысли, боцман же не думал, по-видимому, ни о чем и, прикрыв фонарь, сидел на корточках у стены.

— Тонкая штука, ваш желтый парень,— шептал он.— Часовой этот теперь почти что мертвый. Нет ли у вашей чести чего-нибудь вроде табачку? Нет? Ну, в таком случае я подожду.

Я улыбнулся, но не отвечал ему. Говоря по правде, минуты ожидания становились для меня невыносимыми. Удушливая атмосфера туннеля, горячий, насыщенный паром воздух и вдобавок призрачное видение у входа в пещеру — все это внушало мне опасение, что я не проберусь здоровым и невредимым мимо этого часового. Что задержало Окиаду? Часовой между тем ни на йоту не пошевелился с тех пор, как мы впервые увидели его. В пещере не слышно было ни единого звука, кроме шипения пара позади нас. Как ни старался я всматриваться в темноту, я нигде не мог увидеть своего маленького слугу. Неужели он пришел к заключению, что нам опасно идти? Это казалось возможным, и я сделал уже несколько шагов по направлению к туннелю, когда фигурка его вынырнула вдруг откуда-то рядом с часовым и затем послышался тихий свист, призывавший нас к нему.

— Это, пожалуй, один из наших,— сказал боцман.

— Там на земле лежит кто-то мертвый, а он, вероятно, стережет его,— ответил я.— Дай только Бог, чтобы это не был кто-нибудь из нашего экипажа.

— Аминь, сэр! Что ж, христианин должен спокойно смотреть на то, что все мы умрем, когда наступит наш час.

— Только не на этом проклятом острове и не в руках негодяя еврея! Большое это будет несчастье, если случится здесь, мой друг!

Любопытство мое было страшно возбуждено тем

фактом, что часовой оставался по-прежнему неподвижным и что Окиада не обменялся с ним, по-видимому, ни единым словом. Кто был этот человек и что заставляло его держаться в таком странном положении? На расстоянии пятидесяти ярдов от него я, конечно, не мог сказать этого, но на расстоянии двадцати я понял, в чем дело. Человек этот был так же мертв, как и товарищ его, лежавший на земле. Пуля из неизвестно кому принадлежащего ружья попала ему прямо в сердце, когда он стоял в засаде, поджидая меня. Так подумал я в ту минуту. Настоящую же истину я узнал только позднее — на палубе своей яхты.

Говоря о своей яхте, я тем самым указываю вам, что мы, выйдя из туннеля, увидели ее на некотором расстоянии от мыса. Здесь же на берегу нас встретили друзья, которые так беспокоились, так страдали от неизвестности в течение стольких дней долгого ожидания после того, как я покинул их. И теперь мне ничего не оставалось больше, как спуститься вниз, пожать им руки и сказать, что все со мной обстоит благополучно.

И чей первый голос услышал я, как не голос моего несравненного Тимофея Мак-Шануса! «Мой мальчик!» — крикнул он мне таким голосом, который мигом разнесся по вершинам гор.

Да, Тимофей первым приветствовал меня, и мне кажется, если не ошибаюсь, я видел слезы радости на его глазах...

XVIII

ДОКТОР ФАБОС ПОЛУЧАЕТ НОВОЕ ИЗВЕСТИЕ

Мы немедленно отправились к яхте и принесли хорошие вести нашему экипажу. Половина населения Вилла-до-Порто слышала, вероятно, их веселые возгласы. Глубоко уверенный в том, что японец вытащит меня из ловушки, капитан Лорри распорядился, чтобы приготовили ужин в каюте, и не успели мы ступить на борт яхты, как захлопали пробки и на столе появились горячие кушанья.

Я был положительно тронут выражением добрых чувств матросов, которые всевозможными способами выказывали мне их.

Окиада был настоящим героем дня, и мы повели его с собой в каюту. У нас столько накопилось рассказов, что мы положительно не знали, с чего начать. Я был так взволнован и нервы мои находились в таком напряженном состоянии, что я мог только вкратце рассказать им, как меня силой заперли в горах, куда они могли бы явиться только на мои похороны, опоздай они хоть на час. Вслед за мной раздался пронзительный голос Тимофея, который почти без передышки изложил мне целых двадцать обстоятельств, начиная, по своему обыкновению, с середины и заканчивая началом.

— Мы представились властям, как ты приказал нам, и... чтоб их!.. Нет там ни одного англичанина, с которым можно было бы поговорить. Это было уже после того, как друг мой Лорри охотился по всему городу за хозяином гостиницы, чтобы усмирить его. Ну вот, пришел я к консулу и говорю: «Я англичанин в открытом море, а на берегу — совсем другой нации, а потому прошу обращаться с нами вежливо, — говорю, — или, будь я проклят, если не вымету вами этот пол». Да, это была превеселая компания, не такая только, чтобы ею дорожить. И жандармы не лучше. Меня вздумали уверять, будто ты отправился в порт Святого Михаила и по собственному желанию. Я поблагодарил того человека, который мне это сказал, и назвал его лгуном. Ин, мой мальчик, друг твой Фордибрас и его друг еврей купили этот остров с телом и душой. Все служащие на телеграфе — их приятели. Нам пришлось идти к Святому Михаилу, чтобы отослать телеграмму.

Я сразу оборвал его.

— Так ты посылал телеграммы, Тимофей?

— А по-твоему, и посылать не надо было? Пусть себе другу копают могилу! Я послал третьего дня. Для доктора Ина, мертвого или живого, сказал я, это будет равносильно новому вину. Ну, вот мы и отправились к Святому Михаилу. А тонкая штука твой японец! Двадцать часов пробыл один в горах. Слушай, у него глаза, уши, ноги змеиные, и если он не под стать самому еврею, то пусть я никогда больше не пью шампанского.

Эти известия были очень важны для меня. Надо вам сказать, что перед своим отправлением в Вилладо-Порто я поручил Тимофею и капитану Лорри отправить кое-какие телеграммы в Европу, но только

в крайнем случае. Телеграммы предназначались в Скотланд-Ярд, оттуда должны были дать знать правительству, адмиралтейству и банкам обо всем, что мне было известно о Вале Аймрозе и делах его в открытом море. С этого времени можно было ожидать, что военные суда трех наций будут крейсировать по океану, чтобы проверить мое донесение. Хотя, с одной стороны, я не мог не приветствовать такого события, удовольствия мое все же омрачалось некоторым обстоятельством. Если арестуют еврея, думал я, а с ним вместе человека, известного под именем генерала Фордибраса, что будет тогда с Анной? Я был уверен, что люди эти способны на всякую низость. Они принесут в жертву девушку, чтобы отомстить человеку, который открыл их деяния. Они отправят ее на скамью подсудимых по обвинению в сообщничестве с ворами, которые в течение стольких лет совершали разные преступления. С этой именно целью надели они ей на шею украденный у меня жемчуг, готовя ей ловушку с самых ранних лет. Я убежден в том, что они намерены были совершить убийство, имей они возможность сделать это без всякой для себя опасности и знай они всю мою историю.

— Вы отправили телеграммы дня два назад, Тимофей? И что же? Получили вы ответ от Мюррея?

Капитан Лорри вмешался в разговор и заметил, что телеграммы были отправлены из порта Св. Михаила.

— Мы должны были вернуться назад, сэр! — сказал он. — Я решил не уезжать без вас, даже если для этого нам пришлось бы ждать целый год. Что касается властей, то все они, как говорит Мак-Шанус, пьяницы и мошенники и денежки генерала звенят у них в карманах. Когда мы вернулись со Святого Михаила, в гавань явился маленький японец и рассказал всю историю. Вы, сказал он, находитесь в горах и вам мешает выбраться оттуда поток. Он сделал все, что мог, скатывая собственными руками камни в воду до тех пор, пока не в состоянии был больше стоять на ногах от усталости. Мы послали лодку с людьми из нашего экипажа вчера вечером, а другую сегодня, и они вели себя там как подобает таким порядочным людям. Я хотел отправиться туда с вашим слугой, но он сказал, что пойдет один. Это естественно для такого человека... Ни лишних слов, ни суеты, а только веревка за поясом

и пара револьверов в руках. Он взял с собой моего шотландского боцмана потому, что «шотландцы мало болтают, а у почтенных англичан длинный язык». Я отпустил его с ним, ибо это правда. Когда они ушли, мы оставили двух человек на берегу, а сами с мистером Мак-Шанусом заняли место у вершины скалы. Мы не пробыли там и получаса, как послышался первый ружейный выстрел. Мы увидели нескольких человек на склоне горы и подумали, что они подали сигнал тем, которые находились внизу. Немного погодя мы услышали второй ружейный выстрел, но больше никого не видели. Тут вскоре после этого и вы пришли.

Я рассказал, что у входа в туннель мы нашли двух мертвых человек, и это очень удивило всех. Мы могли предполагать только то, что часовые еврея поссорились между собой и что второй выстрел был сделан раненым, когда товарищ его собирался уйти из туннеля. Каким образом удался мой отчаянный побег, становилось мне все более и более ясным. А когда капитан Лорри сказал мне, что два часа назад от острова отчалил какой-то пароход, я пришел к окончательному заключению, что жизнь моя спасена каким-то чудом.

— Они получили известие из Европы, что игра их открыта, и поспешили в другую гавань,— сказал я.— Они ничего больше не надеялись добиться от меня и прекратили свою игру. Если они вздумают бросить якорь в одном из северных портов Танжера, полиция наложит на них свою руку. Но вряд ли это будет. Я думаю, что они отправились к большому судну, которое мы видели в южной части Атлантического океана. Если мое предположение правильно, то игра становится крайне интересной. Мы не можем ручаться за то, что телеграммы наши будут доставлены по адресу. Если правительство и снарядит крейсер, то капитан его вряд ли согласится играть в жмурки. Будь только у нас достаточно угля...

Капитан Лорри не дал мне договорить и сказал:

— Вот одна из причин, по которой я ездил в порт Святого Михаила. Мистер Мак-Шанус скажет вам, что нам повезло. Мы наполнили все наши закрома — за высокую цену, правда, но все-таки наполнили. Яхта может сию же минуту выйти в море, если вы желаете.

Известие это удивило меня и смутило. Не буду отрицать, что мне страшно хотелось остаться у острова,

пока я не услышу чего-нибудь определенного относительно Анны Фордибрас. А между тем оказывалось, что я должен был немедленно отправиться для исполнения возложенной на себя обязанности. Я был уверен в том, что еврей ищет убежища на «Бриллиантовом корабле». Но вместе с этой уверенностью мною овладел ужас при мысли о том, что он захватил с собой и девушку в виде залога за себя и своих подчиненных, сделав ее посредницей между моим правосудием и наказанием. Я считал это весьма возможным. А в таком случае преследование преступников подвергало ее страшной опасности и всевозможным оскорблениям в одном из таинственных логовищ, выстроенных преступниками в разных городах Европы.

— Капитан,— сказал я,— дайте понять моим людям, что мы предпринимаем путешествие, из которого никто из нас, быть может, не вернется.

— Они это понимают, доктор Фабос!

— И они охотно соглашаются на это?

— Вернитесь обратно — и вы вызовете настоящее возмущение.

— В таком случае,— сказал я,— наступает час, когда мы обязаны исполнить долг, к которому мы призваны!

ХІХ

ТЕЛЕГРАММА С «БРИЛЛИАНТОВОГО КОРАБЛЯ»

Сегодня ровно месяц после моего бегства с Азорских островов, и мы с вами переносимся в южную часть Атлантического океана. Чудесное утро, знойный воздух и яркое солнечное сияние. Море блестит и сверкает, точно отполированное серебряное зеркало — безграничное, тихое, молчаливое море с безоблачным горизонтом и дыханием весны южного полушария... Яхта «Белые крылья» мало изменилась с тех пор, как вы ее видели в Вилла-до-Порто.

Внимательный наблюдатель заметит сразу мачту, на которой находится аппарат беспроволочного телеграфа Маркони. Яхта движется медленно, машины ее пытят тихо, точно мурлыкают, готовясь ко сну.

Наблюдательный пост носовой части занят дежур-

ным матросом, а на мостике расхаживает мерными шагами второй офицер с видом человека, который давно уже перестал вести активную жизнь. На середине яхты слышны взрывы хохота — они привлекают мое внимание, и я направляюсь туда. Это смеются моряки, а жертва их смеха — мой друг Мак-Шанус.

Он поднимается с палубы, методически отряхивает свое платье и говорит мне, что они занимались джиуджитсу.

— Опять этот маленький желтый дьявол повалил меня на спину, точно черепахе. Говорит: «Почтенному ирландцу не свалить Окиады на пол». Говорю ему: «Ах ты, соломинка, одним большим пальцем собью тебя с ног». «Пусть ирландец попытается», — говорит. Ну, я положил ему руки на плечи и дал ему толчка. О, сыны Ирландии! Не успел я притронуться к нему, как он свалился на пол и... куда делись останки Мак-Шануса? Я повалился вслед за ним, а он подхватил меня на подошвы своих ног и швырнул на двадцать ярдов от себя — меня, в жилах которого течет кровь королей! Он подбросил меня, точно кролика, сэр, а они вот смеются.

Я постарался, как мог, успокоить Тимофея и сказал ему, что нам приготовили завтрак на палубе.

— Я хочу сказать несколько слов Лорри и тебе, — сказал я, — а голодные люди плохие слушатели. Ты развеселил экипаж, Тимофей, это что-нибудь да значит для таких дней. Радуйся, что тебе удалось сыграть такую благородную роль, и идем сейчас же завтракать. У нас сегодня превосходная рыба, приправленная пряностями, и горячие булочки прямо из печи.

— Слушай, — ответил он, — если ты согреешь меня внутри в той же мере, в какой мне жарко снаружи, я продам всю свою одежду туземцам.

А затем спросил меня жалобным тоном:

— Не значит же это, что ты собираешься обратно в Европу, Ин, мой мальчик?

— Ничего подобного нет у меня на уме, Тимофей! Я поговорю с тобой, когда мы получим нашу «грушевку». Мы не для того рождены, чтобы бесполезно проводить время в стране снов. Напомни мне об этом после завтрака.

Когда мы позавтракали и закурили наши сигары,

я обратился с откровенной речью к Тимофею и капитану.

— Упрямый человек решил, наконец, уступить своим друзьям,— сказал я.— Вот уже почти месяц, как мы разъезжаем взад и вперед. Мы проплыли полпути до Бразилии и обратно — и не открыли ни малейших следов «Бриллиантового корабля». Когда я согласился покинуть Вилла-до-Порто, я был уверен, что мы захватим еврея, Валентина Аймроза, на море и на том самом судне, которое мы видели, когда возвращались из Южной Африки. Я и теперь уверен в этом... Но что нам от этой уверенности, когда океан хранит свою тайну и никто из нас не может открыть ее? Он убежал от нас, скрылся, как облако, и заставил нас мучиться угрызениями совести, что мы потеряли так много драгоценного времени. Весьма возможно, что заключения мои были ложны с самого начала, и он бежал в Париж или Америку, а «Бриллиантовый корабль» стоит в полной безопасности в какой-нибудь гавани, где ни одно цивилизованное правительство не найдет его. В таком случае все наши поиски никуда не годны. Мы дали ему время привести в исполнение свои планы, скрывая от властей результаты наших исследований, а между тем они вправе требовать от нас полной откровенности. Такие умозаключения вынуждают меня согласиться на ваши желания и вернуться обратно. Мы потерпели неудачу в открытом море. Попытаемся узнать, что скажет нам берег.

— Да, доктор, тяжело отказываться от этого,— сказал капитан, когда я кончил говорить,— но вы, я думаю, совершенно правы. Если бы правительство выслало нам судно на помощь, то курс наш был бы несравненно легче. При настоящем же ходе дел мы ничего не можем сделать, даже если накроем их, и можем лишиться многих людей. Едем в Портсмут и доведем все до сведения правительства. Таково мое слово и так думает, вероятно, Мак-Шанус. Мы сделали все, что могли, и даже больше, чем могли.

— Ай! Как здраво он рассуждает,— прибавил Мак-Шанус.— Я последний человек на свете, который побегит прочь, когда увидит лисицу. Но Ин, мой мальчик, мы пошли ко дну, это так же верно, как свет солнца, а к чему хлестать хорошую лошадь до смерти? Целое состояние просажено на уголь, а море такое горячее, что

вся рыба сварится в нем,— и никакого следа, точно от гребного судна. Капитан не отстаёт от меня в познании других людей, которые имеют право на твоё внимание. Поезжай в Европу и наведи справки об их благосостоянии. Там, быть может, есть кто-нибудь, кому скучно без тебя. Поезжай в Европу, говорю тебе, и узнай, что случилось с Анной Фордибрас. Это будет гораздо лучше, чем жариться здесь на солнце и превращаться в подобие негра!

Наши мысли, как видите, вполне совпадали. Мы отправились на поиски «Бриллиантового корабля» и потерпели неудачу. Тем не менее я был по-прежнему глубоко убежден в том, что он плавает в южной части Атлантического океана. Весьма возможно, что Анна Фордибрас находилась именно на нем, а не в Европе. Осторожность говорила мне: «Вернись», тщеславие, напротив, шептало: «Иди вперед!» Я послушался первого голоса и уступил убеждениям товарищей. Матросы выслушали наше решение молча и заложив руки в карманы. Редко случается, чтобы на судне, возвращающемся домой, были такие довольные сердца и такой молчаливый экипаж. Мы должны были скоро увидеть белые скалы Англии, но мы оставляли позади себя «Бриллиантовый корабль».

Мы направили нашу яхту к северу и провели все утро в мрачном молчании. Мак-Шанус отказался от завтрака, кроме небольшого сухарика и огромной сигары, и затем стал предаваться воспоминаниям. Он, сколько мне помнится, принялся спорить о законе случайностей, вспомнил о каком-то американском гражданине, который на вопрос, счастливый ли он человек, отвечал, что у него как-то раз были на руках четыре туза, когда он играл в покер в бытность свою в Мексике, и что он за всю жизнь получил один только выстрел в ногу. Затем плаксивым тоном он заговорил о том, что ему решительно все равно, жить или умереть, зато он многое дал бы, чтобы иметь возможность узнать, что теперь делается в Гольдсмит-Клубе в Лондоне.

Я не отвечал ему, потому что в эту минуту я увидел капитана Лорри, шедшего поспешно по палубе, и по выражению его лица сразу догадался, что он несёт мне какое-то известие.

— Что такое, Лорри?

— Телеграмма, сэр!

— Телеграмма?

— Не знаю, что вам сказать на это, сэр... Телеграф работает, как часы. Я думаю, вам лучше немедленно узнать, в чем дело. Никто здесь на борту не может понять, что происходит.

Мое восклицание удивило их обоих. Наш аппарат Маркони являлся чем-то таинственным для всего экипажа, и даже капитан смотрел на него с благоговейным ужасом. До сих пор мы почти совсем не пользовались им и обменялись всего только двумя телеграммами — с пароходством и североамериканским судном. Теперь с нами говорили в третий раз, и я был уверен, что послание это было не с судна, шедшего по океану, и не с прибрежной станции, но что это был голос неведомого, сулившего нам добро и зло в такой мере, в какой не может представить себе ни одно воображение. Могу только сказать, что я спустился вниз с такой тревогой и в таком возбуждении, которого не изобразить словами. Неужели это соединение стали и меди, проволоки и простейших электрических батарей откроет мне так долго скрытую от меня истину? Я надеялся, что да.

Второй офицер наблюдал за аппаратом, любопытство его было возбуждено в высшей степени. Когда я вошел в каюту, где мы установили аппарат, он пробовал послать какой-нибудь ответ.

Я поспешил остановить его и так грубо схватил за руку, что он подумал, вероятно, не потерял ли я внезапно свой рассудок.

— Бог мой! — воскликнул я. — Ни слова, пожалуйста, ни слова! Дело здесь может идти о смерти или жизни для нас. Оставьте их... пусть они говорят, а ответим мы потом.

— Аппарат начал действовать пять минут назад, сэр! Я до некоторой степени знаком с кодом Морзе, но не знаю, с этой или с той стороны начать. Только это не с парохода Р. & О., сэр!

— Ни с Р. & О., ни с какой другой буквы нашей азбуки, мой милый! Спуститесь вниз к мистеру Бенсону, машинисту, и попросите его осмотреть батареи и соединители проводников. Я сам присмотрю за аппаратом.

Он ушел, а я остался один у аппарата, наблюдая за ним, как человек наблюдает за лицом другого челове-

ка, на котором он надеется прочесть историю своей судьбы. Аппарат выстукивал какое-то послание, но так слабо, так неясно, что я, при всех познаниях своих, не мог записать его. Далеко от нас, быть может, в стах милях, неизвестное судно, плывущее по пустынному океану, сообщало нам какие-то известия. Что за судно и чьи это были голоса? Как зачарованный, стоял я у аппарата, так тихо и неподвижно, что мог слышать каждый удар своего сердца. Неужели эти неизвестные не заговорят яснее? Не рискнуть ли предложить вопрос вместо ответа, послать его с нашей собственной высокой мачты, где все было приготовлено для этого? И какой вопрос? Нет ли у еврея какого-нибудь неизвестного мне пароля? Я не знал, что мне думать. Только один человек на всей яхте мог сказать мне это — молодой Гарри Овенхолль, который молча, с полной готовностью и благодарностью работал с нашими машинистами в течение всех этих долгих недель напрасного преследования. Гарри явился ко мне из глубины машинного отделения с бледным лицом, но более ясными голубыми глазами, чем в то время, когда я взял его с собой из Европы и дал ему возможность исправиться, исполняя человеческий долг по отношению к каждому согрешившему юноше. Он сказал мне прямо, что пароль у еврея действительно есть, как для Англии, так и для Франции.

— Мы брали обычно полоску бумаги и писали на ней букву «А» раз пять — с левой стороны и сверху вниз, а с правой снизу вверх. Это мы делали в тех случаях, когда дело шло о наших делах в Лондоне, Париже или Брюсселе. Если мы встречали на улице друга, мы говорили на романском языке: «Kushto bokh», или «тего ра!»», или что-нибудь в этом роде. Сказав это, один из нас спрашивал, как поживают старые пять А. Паролем было у нас однажды слово «Фордибрас», в Блуа, например, когда мы ограбили дом графа Сенса, который только что приобрел несколько изумрудов императрицы. Не помню, чтобы нам еще раз приходилось где-нибудь пользоваться им.

Я улыбнулся... Намерения еврея были для меня ясны и в Европе, и на острове. Робкий трус, Губерт Фордибрас, которого хитрыми и льстивыми речами успели убедить в его невиновности во всех этих преступлениях, первый должен был попасть в руки полиции,

когда все откроется. Это было ясно... ясно, как и неспособность Гарри помочь мне.

— Здесь, в открытом море, не может быть ни «Фордибраса», ни целой азбуки ваших «А», Гарри! — сказал я. — Но вы не виноваты в этом, мой милый! Будь вы на борту у них, тогда дело другое. У них есть в данный момент какой-нибудь пароль, я уверен в этом, и употребляется он только для судов. Я должен выждать... жаль очень, если только сожаление может пригодиться кому-нибудь.

— Вы никогда не встречались ни с одним из их моряков, доктор Фабос?

— Нет, никогда! Милосердный Боже! Что я говорю? Никогда не встречался ни с одним из их моряков? Гарри, почему вы предложили мне этот вопрос?

— Я был уверен, что вы были на борту одного из их судов.

— Я не был ни на одном из их судов, но... посмотрим еще! Кто знает, Гарри, не поможете ли вы мне в этом. Пойдите к капитану Лорри и скажите ему, что у меня есть кое-что новенькое для него и для мистера Бенсона. Весьма возможно, что Европа тут ни при чем.

Он ушел так же спокойно, как и пришел, а я остался у аппарата. Я ни с кем не хотел делиться тем, что у меня было на уме. Мысль, мелькнувшая у меня, могла способствовать тому, что мне достаточно было сказать одно только слово, и я выигрывал или проигрывал окончательно все. Я хотел с помощью телеграфа отправить такое послание «Бриллиантовому кораблю», которое должно было привести нас к их обнаружению и выяснению конечного назначения. Для этого мне достаточно было послать пароль его командиру. Я был уверен теперь, что знаю этот пароль. Он дан был мне несколько лет назад, когда труп мертвого моряка был выброшен на берег Паллингской бухты и на теле его нашли один из самых драгоценных бриллиантов Европы. Можете представить себе мое волнение, когда я сел, чтобы привести в исполнение мелькнувшую у меня мысль. Передо мной был аппарат, выстукивавший послание, которое я не мог разобрать. Я сел перед нашей собственной клавиатурой и твердой рукой отстукал на ней слова: «Капитан Три Пальца». Несколько раз повторил я слова «Капитан Три Пальца», и больше ничего.

Прошел час, а я все еще сидел один. Никакого ответа не последовало на мое послание и ни малейшего волнения со стороны получателя, послание которого так одурачило меня. Исполняя мое желание, ни Лорри, ни Мак-Шанус не приходили ко мне. До меня доходил ропот волн, плескавшихся о борта нашего судна.

Пальцы мои устали повторять одни и те же слова. Я сидел, откинувшись на спинку кресла, и размышлял о безрассудстве порыва и заблуждениях человеческого разума. Если на палубе «Бриллиантового корабля» существовал какой-нибудь пароль, мне необходимо было его знать. Мои предположения потерпели неудачу. Люди на борту далекого судна забили тревогу и не подавали больше признаков жизни. К чему продолжать это бесцельное занятие? Я отвечаю, что меня побуждало к тому лишь обычное мое упорство. Разум мой настойчиво повторял мне, что я был прав. Для меня существовали одни только эти слова. Я не мог придумать других. И желая доказать себе, что я прав, я раз сто повторил слово «Фордибрас». И вот, к великому удивлению моему, не успел я отправить это послание, как получил немедленно ответ с «Бриллиантового корабля» и от тех, кто командовал им.

Я сидел как зачарованный, руки мои дрожали от волнения, и мне казалось, что я услышу сейчас историю какого-то чуда. Ясно, рядом со мной стоял мой приятель, когда услышал я памятный для меня ответ: «Как поживают старые пять А?»

Следуя рассказу Гарри, я отвечал им на романском языке — на языке, которому обучается всякий, проходящий курс преступлений. Теперь нечего было больше думать о словах. Тревога их улеглась. Они должны были теперь поведать мне свои тайны — тайны, за которые я готов был бы отдать половину своего состояния.

— Мы находимся на 90°15' западной долготы и 35°15' 15" южной широты. А вы где?

Я дал ложное указание на два градуса севернее того места, где мы находились. Далее я прибавил:

— За всеми портами следят. Фабос в Париже; белый флаг удалился со Святого Михаила; станция в безопасности; ждите приезда.

Ответом был нетерпеливый вопрос:

— Кто — Росс или Сикамор?

Я подумал, что они ждут два судна, капитаны которых Росс и Сикамор. Наудачу я назвал первое имя и ждал, что будет дальше. Никогда еще в мире не имело электричество такого значения для смертного человека...

— У нас на исходе уголь и вода,— последовал ответ.— Поспешите, ради Бога, или мы отправимся в Рио.

На это я горячими от лихорадочного волнения руками передал:

— В Рио известно; держитесь моря; мы завтра будем у вас.

Несколько минут длилось молчание. Я представлял себе, что неизвестный мне экипаж ведет дебаты относительно моих слов, как бы вселяющих надежду на спасение. Вспомогательное судно идет к ним. Они будут избавлены от необходимости выйти на берег и от жажды. Когда аппарат снова начал свою доверчивую исповедь, меня еще раз просили поспешить.

— Я Валентин Аймроз. Что задержало вас на берегу?

— Полиция и Фабос.

— Фордибрас, значит, изменник!

— Дочь его с вами?

— Разве это известно в Европе?

— Подозревают.

— Благодаря болтуну Фабосу. Он получил мое послание. Сикамор вышел в море.

— Он на два дня позади нас.

— Какой уголь у вас на борту?

Я отошел от аппарата и не отвечал ни единого слова. Надо вам сказать, что я был уже убежден в том, что таинственный «Бриллиантовый корабль» был в действительности судном буксирным и, следовательно, должен был поджидать прибытия других судов. Из Европы или Америки выходили с правильными промежутками тендеры значительной величины, которые снабжали водой, провизией и углем судно еврея, где он скрывал свою добычу и скрывался сам со своими сообщниками. Получалась, таким образом, целая система правильных переездов взад и вперед, совершаемых этими негодьями в качестве вспомогательного экипажа. Большое судно никогда, вероятно, не показывалось у берегов, за исключением только случаев крайней не-

обходимости. Выбор же такого места для постоянного крейсирования объяснялся тем, что в этих широтах царствует полная тишина и отсутствуют ураганы. Все это было мне вполне ясно. Когда же этот архинегодяй спросил меня, какой уголь у нас на борту, я понял, что это грозит нам опасностью, и моментально ушел от аппарата. Я не имел сведений о тендере. Малейшая неосторожность могла испортить так удачно проведенную мной операцию.

— Там хотят узнать, вероятно, насколько осторожен получатель,— сказал я себе, выходя из каюты в таком возбужденном состоянии, в каком я еще не был со дня своего отъезда из Англии.— Тем лучше. Пусть себе спрашивают, что хотят, я знаю о них достаточно, а завтра узнают об этом и в Европе.

Лорри был на палубе, когда я поднялся наверх, а рядом с ним стоял Мак-Шанус. Я удивился, узнав, что уже шесть часов и солнце садится. Друзья мои сразу же заметили бледность моего лица и спросили, что так долго задержало меня в каюте.

— Джентльмены,— ответил я,— «Бриллиантовый корабль» находится в нескольких стах милях от нас и на борту его еврей и Анна Фордибрас. Капитан Лорри, сделайте необходимые распоряжения! Тимофей, пришли мне сюда наверх виски с содовой и самую длинную сигару, какая есть на яхте. Мне нужно кое-что обдумать... да, обдумать.

Я повернулся и направился к своей каюте. Когда я входил туда, позади меня раздались веселые восклицания. Ах! Славный малый! К какой пристани повернули они так решительно нашу яхту? Не к пристани смерти и к могиле на этом спокойном океане, по которому мы мчались теперь с такой быстротой, словно там, за этим тусклым горизонтом, находился желанный рай земной?

Я ничего не соображал. Мною снова овладела лихорадка преследования, и правь нашим рулем сама смерть, я бы и тогда не послушал голоса жизни, звавшего меня назад...

XX
ЯХТА «БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ»
ИДЕТ НА РИСК

Мерри, наш маленький повар—хвастун в белом переднике, утверждающий, что он француз,—покаялся в этот вечер, что если он когда-либо еще изготовит рагу «a la truffe a Perigord» для такого господина, который вместо обеда пьет виски с содовой и курит сигару, то «пусть его повесят на крючке для котла». Я успокоил доброго малого, заказав ему ужин к одиннадцати часам и пригласив на него Лорри и Бенсона, нашего инженера-механика. Нет надобности говорить, что разговор наш вертелся около одного и того же. Не успели мы наполнить стаканы, как я начал предлагать им вопросы и писать на бумаге ответы.

— На сколько дней хватит нам угля, мистер Бенсон?

— В зависимости от того, как далеко и как быстро будем мы идти, сэр!

— Предположите, что мы лежим в дрейфе. В таком случае не может быть большого потребления угля?

— Нет, сэр! Если же вы вздумаете снова мчаться на всех парах, то закрома ваши быстро опустошатся.

— Все будет зависеть от того, как поступят те люди, Бенсон. Они могу быть в том же положении, что и мы. Если друзья наши на родине поверят нашему донесению, то не думаю, чтобы на Валя Аймроза или на кого бы то ни было из его компании вышло больше угля. Надо полагать, у него есть другие источники. Он не может полагаться на помощь судов, идущих из Европы. Что касается американского правительства, то вряд ли оно пожелает вмешиваться в дела подобного рода. Газеты в той же мере заговорят об этом деле, в какой полиция будет уклоняться от действий. Мы должны приготовиться к недоверию. Если кто нам поверит, так разве только те люди в Южной Африке, которые ежегодно теряют сотни тысяч фунтов. В этом и есть ключ к разгадке тайны. У еврея есть сотни агентов, которые крадут для него бриллианты из Кимберлея, а он скрывает и людей этих, и добычу на своем огромном судне, пока не минует опасность. Один намек тем приятным людям, магнатам Парк-Лэна,— и вы будете снабжены достаточным количеством денег

для какой угодно цели. Я сомневаюсь, однако, в их здравом смысле. Мы не должны в этом деле принимать их во внимание.

— Тебе нужно думать о себе и о молодой леди, а не о других,— прервал меня Тимофей.— Какое тебе, черт возьми, дело до Парк-Лэна, до меня и до кого бы то ни было другого? Обязаны ли мы думать о том, в сохранности их бриллианты или нет? Ни капельки, мой мальчик! Если ты охотишься за евреем, то лишь исключительно для собственного тщеславия, а не для блага человечества. Я был бы безумцем, скажи я тебе что-либо другое. Ты хочешь славы, а венцом этой славы будет та девушка. Будем откровенны друг с другом, и все пойдет тогда скорее.

— Тимофей,— сказал я,— ты философ. Не будем спорить об этом. Слава эта ничего для тебя не значит и, будь это в твоей власти, ты с первым пароходом вернулся бы в Европу, только бы там согласились взять тебя. Пусть будет так.

— Черт возьми! Я ничего подобного не желаю.

— Ах! В груди каждого человека таится тщеславие. Не говори больше ничего. Будь я в серьезном настроении духа, я сказал бы тебе, что тщеславие гораздо меньше беспокоит меня, чем безопасность Анны Фордибрас и ее свобода. Я считаю, что обязан охранять ее. Она на борту «Бриллиантового корабля» — подумай, в обществе каких негодяев, воров и убийц находится она. Капитан, Тимофей, у меня не хватает мужества подумать о том, что может с ней случиться. Лучше, быть может, чтобы она не осталась в живых, чем говорить об этом. Вы знаете, в чем дело, а потому должны помочь мне там, где рассудок отказывается служить мне.

— Мы все с вами, до последнего человека на яхте! — торжественно провозгласил капитан Лорри.

Тимофей не ответил. Легко поддающийся волнению, как все ирландцы, он выслушал меня в полном молчании, которое говорило слишком красноречиво о его преданности. Я и сам не люблю публичного выражения чувств. Друзья поняли, что значит для меня безопасность Анны,— и этого было достаточно.

— Мы увидим судно через восемь часов,— сказал я, поспешно меняя тему разговора,— и дело наше начнется. Я надеюсь одурачить их и вынудить уступить нам. Весьма возможно, что это не удастся. Мы рискуем

даже погубить нашу яхту. Я ничего не могу обещать, кроме того, что до тех пор, пока я жив, я буду охотиться за евреем и на море, и на суше. Выпьем, джентльмены, за успех этого дела. Быть может, пройдет несколько дней, прежде чем нам представится для этого случай.

Мы наполнили наши стаканы и провозгласили тост. Я отправил лакея с приказанием от моего имени, чтобы матросам дали двойную порцию грога, и вскоре после этого до нашей каюты донеслись звуки пения. Было около полуночи, но никто не думал ложиться в постель. Хотя мы разговаривали о самых обыкновенных вещах, но все находилось под влиянием необыкновенного возбуждения, которое трудно выразить словами. Когда второй офицер сообщил мне, что телеграф работает снова и весьма даже ясно, я выслушал его с полным равнодушием. В данную минуту опасно было посылать какую бы то ни было телеграмму через обширное водное пространство. Никаких дальнейших разговоров не могло быть между мной и евреем, пока я не выяснил себе всего дела.

— Они думают, вероятно, изменить свое местоположение, капитан! Мы должны удержать их и идти по их следам. Вы думаете, что мы увидим их в два часа средней вахты. Я сойду вниз, послушаю, что они говорят, и, если нет ничего особенного, не буду отвечать им.

Я подошел к аппарату, который отчаянно стучал, подтверждая слова второго офицера. Я разобрал слова «Ко мне, Росс» — имя офицера на одном из вспомогательных судов, о чем они уже сообщали мне. Имя это повторялось несколько раз, заставив меня прийти к заключению, что я должен поспешно отвечать. Надо им дать знать, будто вспомогательное судно в неисправности, сказал я себе. Таков должен быть мой первый ход.

«Фордибрас», — отстучал я, и затем снова: «Фордибрас», после чего несколько самых простых слов: «сломалась ось двигателя... все матросы работают... завтра будет исправлено...»

Я повторил это послание, но, к немалому удивлению, не получил ответа. Как вчера я сам перестал отвечать «Бриллиантовому кораблю», так сегодня вечером перестали мне отвечать оттуда. Я пришел к заключению, что сообщенные мною новости были на-

столько поразительны, что говоривший со мной человек стремглав бросился к капитану судна и мне ответят немного погодя. Прошло полчаса, а я все еще ждал. Было уже около часу пополудни. Мне помнится, что часы показывали семнадцать минут второго, когда наш дежурный матрос заметил на далеком горизонте огни «Бриллиантового корабля» и капитан Лорри влетел ко мне, чтобы сообщить эту новость. Теперь, разумеется, мне не было надобности ни в каких телеграммах. Вы можете представить, с каким волнением последовал я за ним на палубу, чтобы насладиться этим зрелищем.

— Вы только сейчас увидели его, Лорри?

— В эту секунду, доктор! Скорее этого я не мог спуститься вниз, сэр!

— А Мак-Шанус знает?

— Он весь трясется, точно у него лихорадка. Я предложил ему идти в каюту и выпить виски.

— Не другое ли это судно, Лорри?

— Может ли это быть, сэр? Здесь нет курса для судов. Это то самое, за которым мы гонимся.

— Далеко оно от нас, Лорри?

— Не могу сказать, сэр! Судите сами.

Я поднялся с ним на мостик и тотчас же увидел зрелище, сильно взволновавшее меня. На расстоянии многих миль от нас лился над спящим океаном столб ослепительного света, яркого, безумного света, который то направлялся к покрытому перистыми облаками небу, то покрывал потоками золотистого огня зеркальную поверхность воды, то превращался во всепожирающий, могущественный круг, который захватывал все дальние и близкие предметы, открывая их присутствие наблюдательному взору. Чья-то искусная рука управляла им, и я сказал себе, что прожектор находится в руках опытного офицера, который распоряжался им, как распоряжаются нарочно для того, чтобы опровергнуть предположение, будто это военное судно, чудовищный столб огня заколыхался, задрожал, точно фонарь в дрожащей руке пьяного человека, который устал от серьезного исполнения своих обязанностей, превратив их в забаву. Подобную вещь ни на одну минуту не допустили бы на военном судне. Я не сомневался больше, что капитан Лорри не ошибся.

— А у нас на яхте нет огней, Лорри? — воскликнул

я и прибавил, чтобы извинить себя: — Об этом, впрочем, и говорить не следует.

— И говорить не следует, доктор! Я приказал погасить огни в восемь часов.

— Но ведь они могут заметить отблески красного огня над нашими трубами?

— Да, не будь там предохранительных загоронок, которыми их снабдил мистер Бенсон.

— Как вы думаете, Лорри, можем мы попытаться подойти к ним ближе?

— Риск будет небольшой, когда они устанут пускать свои фейерверки, доктор.

— Мы это сделаем, Лорри! Не забывайте, что там Анна Фордиграс. Я много дал бы, чтобы сказать ей хоть слово, которое она могла бы понять...

Он кивнул мне многозначительно и поспешил вниз в машинное отделение, чтобы сделать необходимые распоряжения, а вслед за этим я увидел Мак-Шануса. Он не говорил со мной, как я это узнал потом, вследствие смешного предубеждения, что опасно говорить даже шепотом. Все наши матросы собрались у верхней каюты и, как дети, любовались зрелищем, которое разыгрывалось перед их глазами на воде. На яхте у нас не было огней. Начиная от носовой части и до кормы не горело ни единой электрической лампочки, которая нарушала бы темноту ночи. Стука машин совсем не было слышно.

Я обратился к Тимофею и удивил его своим приветствием:

— Ну, рука твоя не дрожит, Тимофей, не правда ли?

— Попробуй ее сам, мой мальчик!

— Ну, это, разумеется, не холодная рука поэта. Она справится и с пушками, если понадобится, Тимофей?

— Тс!.. Нельзя! Не говори так громко, мой мальчик!

— Полно тебе! Неужели ты думаешь, что они могут услышать нас за пять миль отсюда, Тимофей? Можешь кричать, если хочешь, старый дружище! Надеюсь, что все успокоится мало-помалу. Мы скоро увидим их, Тимофей! Чтобы узнать цвет их сюртуков, сказал бы ты.

— Надеюсь, ты не подойдешь под выстрелы их пушек?

— Тимофей, — сказал я, говоря совсем тихо, как он

того желал,— я скоро узнаю, что случилось с Анной Фордибрас.

— Ах, беда, когда женщина управляет фонарем... Это поможет им затопить нас, Ин!

— Не думаю, чтобы им удалось затопить нас.

— Боже, смилуйся над нами! Я не лучше всякого труса сегодня вечером. Что я говорю?

— Что ты совершенно одного мнения со мной, Тимофей!

Мы засмеялись оба и замолчали. На темном фоне неба ясно виднелся теперь свет рефлектора. Море кругом нас было темное, страшное и безмолвное. Мы сами представляли собой такой же темный предмет, который быстро двигался по морю, выставив вперед свой нос, трепеща турбинами и пытая топками, раскаленными добела... Мы были невидимым врагом, осторожно подкрадывающимся к своей добыче среди непроницаемых теней, которые затемняли поверхность тихих вод. Никто из находившихся на борту яхты не скрывал от себя того риска, которому подвергался. Стоило «Бриллиантовому кораблю» навести на нас столб своего ослепительного света — и мы были бы моментально обнаружены. Одного меткого ядра из пушки современного устройства было достаточно, чтобы уничтожить нас. Какое торжество для еврея! Мы только одни знали его тайну... Чего, следовательно, не дал бы он, чтобы уничтожить нас!

Так, миля за милей, продвигались мы вперед. Все глаза на борту «Белых крыльев» устремлены были на этот столб света, как будто бы он был наделен непостижимой силой и мог сам по себе защитить экипаж мощенников. Не думаю, чтобы мы хоть на минуту поверили в счастье, сопровождающее нас, ибо казалось невероятным, чтобы пункт их наблюдения не был лучше нашего. Минута за минутой спешили мы к столбу света, уходящему в небо, — столбу, который был нашей целью, вратами нашей судьбы и мог рассказать нам больше того, что мы когда-либо слышали.

Я прислушался, как капитан Лорри отдавал приказания, и узнал, что яхта наша сейчас остановится.

XXI
АННА ФОРДИБРАС
НА «БРИЛЛИАНТОВОМ КОРАБЛЕ»

Представьте себе безмятежное море и большое четырехмачтовое судно, лежащее в дрейфе. Непроницаемая ночная тьма и длинные полосы мелких облаков на фоне голубого неба. А вдали, на самом краю горизонта, серебристо-радужный круг, как бы края опрокинутой вверх чаши, внутри которой все суда мира бывают заключены с первого и до последнего дня своего плавания.

Все громадное судно, начиная с передней части и вплоть до конца его, блестело ослепительными огнями. Время от времени к нам доносились звуки песен и взрывы смеха. Чуткое ухо мое ясно различало мужской голос, певший необычайно фальшиво. Я сказал себе, что там, на палубе, нет никакой дисциплины; никто, по-видимому, не думал об опасности и не боялся быть обнаруженным. Столб света казался мне теперь какой-то насмешкой.

Да, в такую ночь можно было на многое решиться и многое выиграть.

— Примите во внимание,— сказал я капитану Лорри,— что у них есть пушки, но кто обучал их пушкарей? Пусть начнут только свою артиллерийскую практику— и два против одного, что они пустят свое судно на воздух. Мы должны рискнуть, капитан! Должны рискнуть ради спасения женщины...

Лорри был человек мужественный, но, как и все люди его сорта, крайне осторожный.

— Если вы желаете, сэр! Но вы обязаны подумать о матросах. Не забывайте, что на родине у них остались жены и дети, сэр!

— Они говорили об этом, Лорри?

— Бог с вами, сэр, никогда! Стоит мне только сказать слово, и они готовы утонуть вместе с судном!

Я задумался над этим, и мне показалось, что Лорри прав. Привыкнув работать один и очень часто рисковать собой, я забыл на минуту ответственность, лежавшую на мне по отношению к тем людям, которые так верно служили мне. Ни ради необходимости, ни ради долга не имел я права требовать, чтобы эти честные малые следовали за мной дальше. Даже в том месте, где

мы находились, могло уничтожить нас любое шальное ядро. Не раз уже в течение этих минут трепетало мое сердце, когда огромный столб света передвигался на другую часть неба или моментально исчезал. Стоило им только направлять постепенно эти лучи света по всему обширному пространству воды, и мы были бы открыты. И не я один так думал — то же самое читал я и на лицах своих друзей. Инстинктивное чувство опасности держало нас всех в напряженном состоянии. Музыка, все время раздававшаяся у этих негодяев, прекратилась. Чутье подсказывало нам, что они снова примутся за осмотр моря — и тогда могут увидеть нас.

Я держусь того мнения, что писатель никогда не должен описывать своих личных ощущений — как веселое настроение, например, или ужас, которые овладевают им в минуты большой опасности. Если он скажет правду, его назовут хвастуном или лгуном, если он скроет ее, слова его покажутся банальными. Ближнему другу своему я сказал бы, что в ту минуту, когда негодяи снова направили столб света на поверхность моря, я несколько не думал о последствиях, но как зачарованный следил за этим поразительным светом и с изумлением смотрел на него, когда он проносился над нами. Чудовищный, сверкающий, страшный сноп огня сосредоточивался на нас лишь на одну секунду и затем моментально описывал круг по всему морю. Два-три раза повторилось это — сердца наши замирали всякий раз, когда он приближался к нам, и начинали биться с большей силой, когда он удалялся. И вдруг, к удивлению нашему, он остановился на самом отдаленном месте от «Бриллиантового корабля», а вслед за этим на северо-западе вынырнула откуда-то из ночной тьмы красная ракета, взвилась вверх и рассыпалась золотисто-красными шариками, которые исчезли в море.

— Что вы думаете об этом, Лорри?

— Не с обыкновенного судна этот сигнал, сэр! Мы не употребляем таких ракет.

— Лорри, — сказал я, — это один из их патрулей. Мне сдается почему-то, что на борту его находится человек по имени Колин Росс. Если это так, то еврея ждет удар.

— Желал бы я, сэр, чтобы они попались в руки ка-

ких-нибудь моряков. Да, все так, как вы сказали. Там пароход, а вот и ответная ракета.

Он указал на небо над «Бриллиантовым кораблем», где сверкнула вдруг полоса ярко-зеленого света — ответный сигнал с далекого судна. Теперь мне становилось совершенно ясно, почему нас не заметили. Дежурный часовой на том судне заметил огни вспомогательного парохода и воспользовался рефлектором, чтобы указать местопребывание своего судна. Огромные дуги и круги были лишь предварительными сигналами, которые подаются обычно фонарем. Я уверен, что никто не следил за направлением этого света. Мы не были замечены лишь потому, что все люди на том судне заняты были приближающимся пароходом, который нес им известия из Европы, весьма, быть может, важные для данной минуты.

— Лорри,— сказал я,— теперь или никогда. Двигемся вперед, пока они занимаются переговорами. Жизнь свою ставлю на то, что на сторожевом мостике нет ни одного часового. Посмотрим на них, пока они не ждут нас.

— Вы хотите сказать, сэр, что готовы на любой риск?

— Здесь нет риска, Лорри!.. Если не будете медлить...

— Вы, я думаю, правы, сэр! Вперед! И да сопутствует нам удача.

Он отдал необходимые приказания в машинное отделение, и мы понеслись вперед. Ни один человек не произносил ни звука, ни один огонек не горел у нас на борту. Чувствуя, какая ответственность лежит на нас, мы осторожно приближались к огромному неизвестному судну, стараясь держаться в тени. Сказать, что мы попали в самый центр событий, значило бы слишком легко относиться к положению наших дел. Одно слово, сказанное некстати, могло погубить нас. Впереди нас высились чудовищные очертания плавучей тайны, массивного судна, выстроенного по образцу атлантических пароходов, с четырьмя мачтами и такой низкой трубой, что приходилось внимательно всматриваться, чтобы заметить ее. Благодаря яркому освещению мы могли пересчитать людей на палубе — людей в самых разнообразных одеждах: одни из них были в одежде модного покроя, другие — в обыкновенном рабочем ко-

стюме, некоторые — в матросской форме. И какая пчелиная деятельность кипела там на палубе! Как все бежали взад и вперед, переходя с места на место каждую минуту, то становясь на ванты, то на верхнюю каюту... Вся эта волнующаяся, ожидающая толпа обращалась в одну сторону, лицом к пароходу, который шел к ним на помощь и нес известие о спасении или опасности. Стоя на переднем сторожевом посту, я мог видеть все очертания большого корабля и старался запечатлеть их в своей памяти. Ни одна мысль об опасности не тревожила меня в ту минуту.

Я наблюдал за всем так же спокойно, как человек, осматривающий судно, которое готовится войти в док. Я заметил черные очертания закрытых пушек, жалкое, кое-как сваленное посреди судна вооружение — несоответствие большого судна с теми целями, для которых оно предназначалось, кажущееся отсутствие всякого порядка и дисциплины на его палубе. Это чудовищное плавучее убежище преступлений и ужасов не выбрал бы, я уверен, ни один опытный моряк. В другое время я сказал бы, что судно это было когда-то второклассным крейсером. Еврей, надо полагать, купил его у правительства, которое продавало его за ненадобностью, исправил на нем машины, поставил новые мачты, замаскировал его и приспособил для своих целей. На палубе его я заметил несколько женщин, но среди них не было видно Анны Фордибрас. Ночь эта не принесла мне никаких известий о ней...

Мы находились, я думаю, в двухстах ярдах от большого судна, готовые при первой надобности скрыться среди ночной тьмы. Смелость нашу не следует приписывать ни мужеству нашему, ни безумию. Дело в том, что глаза всех людей на борту судна Валентина Аймроза были устремлены на приближающийся пароход и слух их жаждал известий, которые он должен был привезти с собой. Убежденные в абсолютной безопасности, мы любовались этим зрелищем с уверенностью и самодовольством тайного сыщика, который чувствует приближение момента своего торжества.

— На том судне нет Анны Фордибрас, — сказал едва слышным шепотом Тимофей. — Здесь, я думаю, мы скорее найдем царицу Савскую, чем ее.

— Да, сэр, — прибавил Лорри, — мне кажется, мистер Мак-Шанус прав. Они не посмели бы поместить

леди среди такого сброда. Да я и придумать не могу, какая им польза от этого. Мы не должны отрицать присутствие джентльменских чувств у генерала Фордибраса, если их нет у других. Будьте уверены, что он увез мисс Анну с собой в Европу.

Я не отвечал, ибо мнение мое, составленное на основании известных умозаключений, отличалось тем упорством, которое должно сопровождать всякую логическую мысль, если только логика имеет какую-либо цену. Я решил, что лучше не спорить с ними, потому что перед нами разыгрывались такие события, которые могли отвлечь мысли человека даже от более серьезных сомнений. Вспомогательный пароход подошел теперь так близко к первому судну, что между людьми обоих судов завязался громкий веселый разговор, и тотчас же с «Бриллиантового корабля» и с прибывшего судна спустили шлюпки. До нас ясно доносились приветствия на французском, немецком и итальянском языках. В ту же минуту поднялась страшная суета, и все приступили к разгрузке привезенных припасов. Я увидел, что оба судна сцепились железными лапами и оставались в таком положении все время разгрузки. Что входило в этот груз, я мог только догадываться. Пароход привез, разумеется, бесценный уголь, съестные припасы, новости и, быть может, новых негодяев, бежавших от правосудия из Европы и Африки. Повторяю, это было мое предположение, я не мог подтвердить его, ибо когда я случайно взглянул на большое судно, я увидел на гакаборте одинокую фигуру, в которой сразу узнал маленькую Анну, стоявшую в стороне от всех и печально смотревшую в ту сторону, где в засаде стояла наша яхта «Белые крылья».

И я понял, что хорошо поступил, рискнув на такое путешествие, и сказал себе, что не пожалею ни крови, ни сокровищ, только бы спасти это бедное дитя от еврея и от того, что он готовил для нее.

XXII

МЫ ПОСЫЛАЕМ ВЫЗОВ И ПОЛУЧАЕМ УЛЬТИМАТУМ В ОТВЕТ

Опыт показывает, что способности человека больше и лучше всего проявляются в минуты серьезной опасности. Я лично, например, часто подвергаюсь чему-то вроде летаргии в обычные, спокойные дни. События в такое время имеют для меня самое смутное значение. Но стоит только наступить действительной опасности, как все духовные силы мои просыпаются, суждения становятся быстрыми, и я редко ошибаюсь в своем анализе. Такой момент наступил для меня на палубе «Белых крыльев», когда я увидел Анну на гакаборте «Бриллиантового корабля» и понял, что путешествие было бесполезным. Моментально сообразил я, в чем заключается предстоящий нам риск и все последствия его. Положение, до сих пор смутное и неопределенное, сделалось вдруг таким же понятным, как самое простое правило в детской арифметической книжке.

— Лорри,— сказал я капитану,— они откроют наше присутствие минут через десять, и тогда мы узнаем, как они стреляют. Мы сделаемся мишенью для стрельбы, а потому не лучше ли нам вернуться, пока есть время?

Капитан Лорри, следивший за странным судном с напряженным любопытством молодого юнги, повернулся ко мне с видом человека, внезапно очнувшегося от сна.

— Я думал об этом еще до того, как пришла к ним помощь,— сказал он,— пар каждую минуту может выдать нас, доктор! Мы находимся прямо против их кормы, а это что-нибудь да значит. Пока они не пускают в ход свой рефлектор...

— Они собираются уже сделать это, капитан! Они хотят отыскать незнакомое судно, которое отправляло им фальшивые телеграммы. Проследите вместе со мной, и вы увидите всю историю. Вот ее первая глава.

Я указал на палубу большого судна, откуда маленькая фигурка Анны исчезла так же таинственно, как и появилась. Затем я обратил его внимание на группу людей, которые о чем-то разговаривали с одним из только что приехавших на пароходе; последний стоял теперь почти бок о бок с большим судном. Быстрые

движения их и оживленные жесты указывали на то, с каким любопытством и в то же время удивлением следили они за рассказом приехавшего. Я вообразил, что нахожусь среди них и ясно слышу каждое слово этого рокового разговора: «Мы не отправляли телеграмму... Вас одурачили... Какой-то враг плавает по морю... Нет, с нами не было никакого приключения... что вы говорите, черт возьми?.. Это ложь». Вот что говорил он, вероятно, изумленному экипажу. Не надо было быть пророком, чтобы сказать, что последует за этим. Даже Тимофей Мак-Шанус пришел к этому заключению прежде, чем я кончил.

— Не Росс ли у них на борту? — спросил он.

Я ответил ему, что вряд ли кто-нибудь другой, кроме него.

— Назови меня лгуном, если он не рассказал им всю правду о телеграммах.

— Да, он открыл им всю историю о телеграммах, и ты не лгун, Тимофей! Он даже в эту минуту рассказывает им эту историю.

— Клянусь честью, они будут стрелять в нас.

— Весьма возможно, Тимофей, если ты очень любопытствуешь на этот счет...

— Любопытствуешь, черт возьми! Тебе хочется, чтобы я пошел на дно?

— Советую быть похладнокровнее, Тимофей! Они будут стрелять в нас, но это не значит, что они попадут. Придет и наша очередь. Не сегодня, так завтра конец всей этой истории. Я только начинаю ее, Тимофей! Когда я покончу с ними, да поможет им тогда Бог, и больше всех — еврею. Пока же жди терпеливо и смотри. Сейчас пустят в дело прожектор. Они собираются приступить к обследованию моря.

Несмотря на пустую, по-видимому, болтовню, мы все находились в лихорадочном возбуждении. Мы мчались теперь по морю и находились уже в нескольких сотнях ярдов от большого судна. Все люди нашего экипажа говорили шепотом, пар, шипя, вырывался из клапанов, а дым густыми удушливыми облаками тянулся к северу. Пользуясь несколькими минутами, которые еще работали на нас, мы дали знать мистеру Бенсону, чтобы он пустил машину в ход со всей быстротой, на какую только она была способна.

И вот наступил для нас час сомнений. Мы считали

минуты, ожидая, что чудовищный сноп света вот-вот поймает нас в ловушку. Короткие восклицания, веселые слова надежды переходили от одного к другому, наподобие электрического тока, перебегающего с быстротой пламени. А может быть, свет и не появится совсем? Но нет! Вот он залил море — здесь, там, прошел по горизонту мерцающим, ослепительным светом, точно маяк с неизвестного острова. И вдруг он упал на нас, и каждый из нас мог видеть лицо другого так же ясно, как при дневном свете... все стихло кругом...

Несмотря на далекое расстояние, мы ясно слышали крик торжества, который донесся к нам по морю, когда нас увидели с корабля еврея, — сноп лучей упорно освещал корабль. Мы не могли рассмотреть своих врагов из-за облаков дыма, вырывавшихся из нашей трубы, а тем более следить за их движениями. За снопом света не последовало, однако, непосредственного выстрела из пушки. Когда же налетел внезапный порыв южного ветра и отогнал дым в сторону, мы снова увидели оба судна и шлюпки, плавающие от одного к другому. С этого момента кончилась окружавшая нас темнота: на небе сиял диск луны, заливая океан и нас своим серебристым светом. Безопасность наша зависела теперь только от скорости яхты. Мы безжалостно жгли драгоценный уголь, ибо жизнь наша находилась в зависимости от наших котлов.

— Что останавливает их, Лорри? Чего они ждут? — спросил я капитана, который сошел со своего мостика и стоял теперь рядом со мной, наблюдая за находившимися вдали пароходами. Мак-Шанус тем временем метался по палубе, подобно льву в ожидании корма. Он говорил, по своему обыкновению, что находит эту задержку крайне невыносимой.

— Не думаю, чтобы нам пришлось долго ждать, сэр! — сказал Лорри. — Они, видите ли, вряд ли приготовились к тому, чтобы стрелять из пушек, а дисциплина, по моему предположению, отсутствует у них. Если они попадут в нас, то это будет делом случая.

— А такой случай все же возможен, Лорри! Вот вам и выстрел... и весьма плохой, должен прибавить...

Странно было, что они выстрелили в тот именно момент, когда я отвечал ему, но так было и таково было совпадение. Не успел я договорить, как над носом «Бриллиантового корабля» (который готовился в пого-

ню за нами) вспыхнуло желтоватое пламя и, спустившись длинной струей на поверхность воды, оставило после себя облако черного дыма, закрывшего пушкарей. Что касается ядра, то я и до сих пор не знаю, куда оно упало. Мы не слышали ни взрыва, ни плеска воды, не видели ни пены, ни брызг на море, и ни один из нас не получил ни одной царапины. Вторая попытка тоже не имела результата, за исключением того, что на этот раз мы видели ядро, которое шлепнулось прямо в воду на расстоянии одной пятой мили от нашего штирборта. Неудачные выстрелы и длинный промежуток между ними, а также быстрота, с которой мы двигались вперед, вернули уверенность нашим матросам, которые начали подшучивать над пушкарями и даже решили послать им сигнал.

— Мое предположение верно, Лорри,— сказал я,— у них есть пушка, но они не имеют ни малейшего понятия о том, как ею управлять. Еврей напрасно только убаюкивал себя ложными надеждами, и нам нет надобности тратить так много угля. Ляжем в дрейф и будем ждать. Риск слишком ничтожен, чтобы думать о нем.

— Их пушкарям никогда, наверное, не приходилось стрелять в цель на ярмарке,— подтрунивал Мак-Шанус, только что пришедший наверх.— И чего ради лететь нам по океану? Уголь, что ли, спешим доставить в Китай и обратно? Мы здесь в такой же безопасности, как ребенок на коленях матери!

Мы от души расхохотались над его серьезным видом, но тем не менее отдали приказание вниз — и тотчас же услышали, как кочегары стали закрывать печи, а вскоре после этого яхта наша спокойно заколыхалась на волнах. Не решаюсь сказать, кого именно надо винить за последующее событие. Временами я сам себя обвиняю в этом и горько сожалею о выраженном мною тогда мнении. Одно только могу сказать вам, что не успела наша яхта замедлить ход, как над палубой пролетело ядро под углом в пятьдесят пять градусов и попало в молодого моряка по имени Холленд, разорвав его на наших глазах. Трагедия эта имела для нас тем большее значение, что мы всего только несколько минут назад подсмеивались над пушкарями еврея. Смех этот закончился смертью. Крик, нарушивший тишину ночи, был ответом на вызов честного человека и мою собственную браваду. Что касается бедного Холленда,

то ядро в буквальном смысле слова разрезало его пополам. Он, вероятно, не успел почувствовать ни малейшей боли, так быстро отправился в вечность. Я видел, как он стоял на бульварке, всматриваясь в дальний сноп света, а в следующую минуту превратился в нечто страшное, от чего люди отворачивались с ужасом и боялись даже говорить о случившемся.

Можете представить себе, в какое смущение повергло нас это происшествие. В течение нескольких минут никто ни слова не говорил друг другу. На палубе воцарилось такое глубокое молчание, что можно было подумать, будто мы сами были причиной такого ужасного несчастья, а не капризная игра судьбы. Было бы несправедливо сказать, что матросы наши испугались. В военное время только случайности пугают солдат и сгоняют кровь с лица самых храбрых. Наши добрые матросы отправились со мной, думая, что понимают весь риск моего предприятия, но на самом деле совсем не понимали этого. Теперь только увидели они истину, и тем не менее скажи я им, что хочу вернуться немедленно в Европу, они взбунтовались бы тут же на месте. У меня не было необходимости просить их о поддержке. Я знал, что они последуют за мной на край света, если это даст им возможность отомстить за своего товарища.

— Лорри,—сказал я,—во всем случившемся следует винить только одного меня. Бог да простит меня за мою поспешность. Я чувствую, что безумие мое—главная причина того, что один из моих товарищей заплатил жизнью.

— Сэр,—ответил он,—вы в этом так же мало виноваты, как и сам король. Я не хочу слышать таких речей. Шансы были одинаковы для всех нас. Вы сами, сэр, могли попасть под это ядро.

Мак-Шанус настаивал на том же.

— Мы здесь для того, чтобы исполнить свой долг,—сказал он.—Если среди нас есть хоть один человек, который стыдится своего долга, мы должны стыдиться его самого!

Я не ответил. Матросы, успевшие к тому времени опомниться, бросились на помощь своему товарищу, который не нуждался больше в ней. А «Бриллиантовый корабль» все еще продолжал посылать в нас свои бессильные ядра. Бесполезные выстрелы эти застави-

ли меня думать, что бедняга Холленд погиб действительно случайно, и я сказал себе, что, быть может, самому Богу угодно было, чтобы один из нас пал на алтарь нашего правосудия и жизнь его была первой жертвой, которую Он потребовал от нас. Когда же я остался один в своей каюте, на меня напало сразу страшное уныние, и я невольно спрашивал себя, почему, собственно, я выбран был для участия в этом деле и почему из тысячи людей, ограбленных Валентином Аймрозом, я один должен был отправиться на поиски его. Бесполезным казался мне теперь мой триумф. Мы послали вызов негодьям, и они ответили. Правда, ответ был не окончательный, зато ответом этим был ужас смерти, которая никогда не бывает так ужасна, как на обширном пространстве безграничного океана.

Не прошло, однако, и часа без новых приключений. Бессильные по части пушек, они прибегли к словам, которые так ясно передавались нашему приемнику, что даже ребенок мог бы прочитать их.

«Послание Валентина Аймроза англичанину Фабосу... Принимаю ваш вызов. Анна Фордибрас полностью уплатит все ваши долги».

XXIII

ВТОРОЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ СУДНО

Сколько мне помнится, удивительное послание было получено в час ночи, или в два часа средней смены. Лорри и ирландец спали в это время, третий офицер дежурил на мостике и послал за мной, чтобы вызвать меня к аппарату Маркони. Как ни неутомимы и энергичны были друзья мои в своем желании помочь мне, но силы человеческие имеют свой предел.

Я не могу спать во время каких бы то ни было критических обстоятельств. Я вообще не склонен ко сну. Чувство усталости мне незнакомо. Зато я могу спать часов по тридцать, когда вопрос решен окончательно. Конец моего дня соответствует концу того дела, которое я провел с самого начала его.

Все спали, и зачем же было будить их? Фэллин, молодой офицер, сообщил мне мало нового. «Бриллиантовый корабль» не тратил больше ядер в бессильной злобе. И сноп света от его прожектора перестал сколь-

зить по освещенным луной водам. Новость, которую он мне сообщил, заключалась в том, что на вершине мачты какого-то парохода появлялся свет, проходил над левой стороной носовой части яхты и снова исчезал.

— Бродячие суда не держатся такого курса, сэр,— сказал мне молодой офицер,— и, говоря по правде, я не был настолько уверен в этом, чтобы будить капитана. Если это судно идет из Буэнос-Айреса, оно держится гораздо больше к югу, чем следует, но перед этим я измерил курс по звездам... Такого моряка, как капитан Лорри, не приходится будить, когда надо ему донести о том, что сделано. Он приказал мне спускаться вниз и доносить ему всякий раз, когда случится что-нибудь необычное. А свет с корабля — не такая уж необычная вещь.

Я согласился с ним, хотя и не был моряком. Я даже думаю, что в этом случае я лучше понимал значение этого факта, чем он. Если он видел свет с неизвестного ему парохода, то последний был тем вторым вспомогательным судном, которое ждал еврей.

На основании этого можно было составить себе много тревожных предположений. Раз негодяи эти получают большое количество угля и съестных припасов, то что помешает им отправиться в какой-нибудь американский порт, переправить на берег награбленную ими добычу и разойтись в поисках убежища у своих друзей? Я сразу понял, что это грозит разрушением всех моих планов и позорным концом начатому мною делу. Не было ничего невероятного в том, что большой корабль улепetyвал уже под флагом какой-нибудь нейтральной страны, Венесуэлы, например, или Гондураса, или Никарагуа. Порты таких государств всегда готовы дать убежище кому угодно, лишь бы только получить барыши. К чему тогда все наши старания? Что будет тогда с малюткой Анной?

Нечего, я думаю, и говорить, что полученная мною телеграмма сильно встревожила меня и что я принял решение по этому поводу. Еврей, сказал я себе, не решится ничего предпринять против Анны Фордибрас, пока у него есть еще какой-нибудь выход. Она будет его последней картой. Если он осмелится нанести ей какой-нибудь вред, ему придется бежать, чтобы скрыться не только от правосудия, но и от мести человека. Я все это

ясно понимал и тем не менее среди ночной тишины слышал звуки ее детского голоса и слова, сказанные из глубины чистого сердца.

Я говорил себе, что малютка Анна, которая в часы душевной тревоги проникала своим взором в самую глубину моей души, была там пленницей, одинокой заложницей в руках грубых негодяев, их первой и последней надеждой на спасение от виселицы и тюрьмы.

Она страдала... Она должна была испытывать муки сомнений, переносить оскорбления. А я, который говорил ей такие красивые слова, мог только приходить в бешенство, угрожать ее преследователям и посылать им бесполезные телеграммы!

Я говорил уже, что третий офицер сообщил мне о неизвестном пароходе около двух часов средней смены. Не менее заинтересованный, чем он, я до самого рассвета ходил по капитанскому мостику, но ничего нового больше не заметил. За час до восхода солнца ко мне пришел Лорри, и мы вместе с ним наблюдали пробуждение дня, пытливо всматриваясь в расстилавшееся перед нами пространство воды и надеясь увидеть подтверждение рассказа молодого офицера.

Как все было тихо кругом, величественно и чудесно! Пробуждение дня, всегда неизбежное и таинственное,— зрелище одинаково красивое и величественное, откуда бы вы ни наблюдали его, с палубы ли корабля, с вершины ли горы или даже из центра большого, спящего города.

В эту минуту как бы сам Предвечный говорит с морем и землей из разверзающихся небесных врат, приказывая снова приниматься за труд этого дня, над которым носится дыхание Святого Духа.

На океане впечатление это еще усиливается благодаря необъятному горизонту, обширному воздушному пространству и постепенно блекнущим звездам. Удаляясь на покой, как пишет поэт, ночь уводит с собой свою армию, уступая место колеснице солнца. Вдали, в самом низу купола, покрытого звездами, вы видите проблеск холодного, сероватого света. Ветерок. Как-то раздражительно стонут мачты, паруса над вами надуваются и дрожат, воды тихи и безмолвны... Небольшие струйки пены спешат к волнам, точно детеныши, прижимающиеся к матери, чтобы найти у нее защиту и тепло. На небе идет сражение, но войска, принимающие

в нем участие, скрыты от наших взоров. Кое-где виднеются клочки облаков. Восточная часть неба загорается золотистым радужным светом.

Передовые посты спешат возвестить победу дня, и люди протягивают к ним руки, прося у них помощи.

Зрелище ежедневное, но неизменно прекрасное! Я стоял на мостике рядом со своими друзьями, и мне казалось, что сияние утра отражается на наших лицах, вселяя в нас надежду. Ночные тени не обманывали больше наших усталых взоров. Мы плыли по морю, окруженные дневным светом, а вдали на чистом горизонте виднелось судно, о котором говорил мне ночью офицер.

XXIV

МЫ РЕШАЕМСЯ ПОТРЕВОЖИТЬ «БРИЛЛИАНТОВЫЙ КОРАБЛЬ»

Пароход, громадные очертания которого были нам ясно видны, быстро двигался к западу, не прошло и четверти часа, как Каин, наш квартирмейстер, признал в нем судно для перевозки угля, которое он несколько месяцев назад видел в Кардиффе.

— На нем был бразильский флаг и русский шкипер с красным носом,— сказал он со смехом.— Я помню, мне еще рассказывали, что ему на лице нарисовали кусочек сцены из цирка, когда он в последний переезд напился пьяным в Рио-де-Жанейро. Я где угодно признаю это судно по его кукольному домику позади трубы. Если нет нигде его двойника, то это тот самый.

Его слова показались нам похожими на правду, и мы стали расспрашивать его.

— Есть на нем какое-нибудь оружие, Каин?

— Ничего не видел, сэр, кроме лопат.

— Известно вам, куда он направляется?

— Говорили, что в Рио-де-Жанейро, сэр! Я разговаривал немножко с португальцем, служащем на нем, и сказал ему, что я отправляюсь в Порт-Артур. «Когда мы приедем в Рио-де-Жанейро,— сказал он,— я оторву тебе нос». Я подумал, сэр, что это слишком далекий путь для такой шутки, и решил, что вернуться домой будет стоять гораздо дешевле. Я больше никогда не

встречался с ним, потому что пароход ушел на следующий день.

Мы очень смеялись над его манерой рассказывать, хотя новости, сообщенные им, показались нам достойными внимания. Я принял уже решение и немедленно сообщил о нем Лорри.

— Мы должны его задержать,— сказал я.— Если мы хотим спасти Анну Фордибрас, пароход этот не должен доставить свой груз на борт «Бриллиантового корабля». Риска почти нет, капитан. Я думаю, это можно сделать с помощью сигнала, а если не сигнала, то пушечного выстрела. Попытаемся! Успех или неудача имеют для нас гораздо большее значение, чем вы думаете.

Он повиновался мне без всяких вопросов, и мы направились прямо к пароходу, стараясь подойти к нему с левой стороны кормовой части, чтобы не попасть под пушечный выстрел, если на нем было орудие. Мне лично казалось, что его там не было: чтобы обезопасить себя от преследования таможенных чиновников порта, ему несравненно выгоднее было придерживаться всех правил, практикуемых грузовыми океанскими судами. Я был уверен, что квартирмейстер сказал нам правду, а потому начал действовать в этом направлении.

— Подайте сигнал, Лорри! — сказал я, и он немедленно исполнил мое желание.

Приятно было смотреть на наши флаги, развевающиеся под дуновением утреннего ветерка, и на движение, поднявшееся на палубе парохода. Мы поняли, что они заметили нас еще до того, как мы пустили наши машины. Вдали на горизонте не видно было ни малейших следов «Бриллиантового корабля». Только наши два судна виднелись на обширном пространстве воды.

На наш сигнал нам ответили вопросом — кто мы такие и чем мы занимаемся. На мостике мы рассмотрели трех или четырех человек. Экипаж был, по видимому, небольшой, задняя часть палубы была совсем пустая. Мы немедленно ответили на их сигнал:

1) Аймроз, еврей, собирается бежать от британских военных судов;

2) безопасность ваша зависит от немедленного подчинения.

Это была неправда, хотя я надеялся, что так и будет, ибо все время думал, что правительство в конце

концов направит сюда крейсер. На этом основании я и отправил упомянутое выше послание и ждал ответа. Капитан парохода попросил меня, к великому моему удивлению, приехать к нему на борт.

— Поедем вместе, поедем!—сказал я Мак-Шанусу.— Незачем говорить о пистолетах, ребята! Лорри распорядится в случае опасности. Мы в пять минут можем пустить их ко дну, если только пожелаем... Место это безопасное.

— Безопасного места нет для человека, который поддается женской красоте. Отправляйся на борт, Ин, мой мальчик! Я поговорю с тобой, когда вернусь обратно.

Мы спустили спасательную лодку со штирборта. Пароход, находившийся в двухстах шагах от носовой части, спустил мне веревочную лестницу, за которую я тотчас же ухватился и вскарабкался на борт. Оставшийся в лодке тучный Тимофей спросил у меня снизу, не принимаю ли я его за птицу. Я оставил его ругаться в лодке, а сам немедленно представился капитану.

— Говорите вы по-английски?—спросил я.

Он покачал головой и сказал по-русски: «Нет». Зато он отвечал мне немедленно, когда я обратился к нему по-немецки. Это был человек чрезвычайно грубого, топорного сложения, лет пятидесяти от роду; нос его действительно оказался покрытым шрамами, как говорил квартирмейстер Каин, а крикливая и грубая манера говорить вполне, надо полагать, соответствовала желанию его хозяина-еврея.

— Какое у вас дело ко мне?—спросил он, глядя пальцами револьвер, спрятанный в кармане брюк.

— Хочу вытащить вашу шею из петли,—сказал я без всяких предисловий.— Ваша игра кончена, Валь Аймроз арестован. Вот что привело меня сюда.

Он плюнул на палубу и кликнул к себе своего помощника, тоже русского и такого же красавца, как и он сам. Несколько минут разговаривали они между собой на непонятном мне языке.

Мне было ясно только одно: выдуманная мною история поразила их, но тем не менее они готовы были поверить ей. Они решили прибегнуть к обману, который не мог бы обмануть даже наивного простака.

— Какое мне дело до этого человека!—сказал капитан.— Слуга я ему, что ли?

— Без сомнения, раз вы везете ему уголь.

— А что, если я пошлю вас к черту и попрошу заниматься своими делами?

— В таком случае вы придете к месту назначения раньше меня. Я даю вам десять минут. Если вы по прошествии этого времени не повернете к востоку, я обещаю отправить вас ко дну. Подумайте об этом спокойно. Вы не можете помочь еврею и должны спасти самого себя. Я сейчас скажу вам кое-что. Если у вас есть уголь для продажи, я буду вашим покупателем. Не беритесь, пожалуйста, за пистолет, потому что он может выстрелить и тогда, клянусь Богом, минут через пять весь экипаж ваш будет на дне Атлантического океана. Приведите в порядок ваши чувства и говорите. Если военный корабль выследит вас, он не так нежно поступит с вами. Что такое еврей для вас и зачем вам терять свою свободу ради него? Подумайте хорошенько! Я не принадлежу к числу терпеливых людей, но тем не менее готов дать вам достаточно времени, чтобы вы могли отказаться от безумного дела.

Клянусь жизнью, я лгал самым бесстыдным образом, когда указывал на далекий горизонт, где виднелось облачко дыма величиной не больше человеческой руки и когда говорил при этом о военном корабле. Что касается капитана, то он был изумлен и ошарашен. Одного взгляда на нашу яхту было ему достаточно, чтобы увидеть на ней пушку и торпедную трубу. Он понял, разумеется, что вздумай он ударить, его пустят ко дну раньше, чем увидят с «Бриллиантового корабля», если только он думал, что дым, видневшийся на горизонте, принадлежит судну еврея, а не британскому военному кораблю. И в том и в другом случае он находился между двух огней, а потому я старался не терять ни единой минуты.

— Игра ваша кончена,—продолжал я,—и друг ваш, еврей, скоро поплатится за нее. Если желаете разделить его участь, отправляйтесь и присоединитесь к нему. Не думаю, чтобы полиция очень заботилась о таком сбросе, какой у вас тут на борту. Отвезите их в Кардифф и пусть ищут себе работу на других судах. Вы думаете о деньгах? Если вы наполните мои трюмы, я заплачу вам настоящими английскими соверенами.

При этих словах он с любопытством взглянул на

меня. Тупые люди бывают часто упрямы в своем подозрении. Он понял свои преимущества и хотел воспользоваться ими.

— О,— сказал он,— так у вас не хватает угля?

— Да, не хватает,— ответил я, удивляя его своей откровенностью.— А вам незачем его беречь. Если мы не купим его у вас, нам придется ехать в Порто-Гранде. В таком случае вы свезете ваш груз обратно в Европу, где вас арестуют, как только вы ступите на землю. Я позабочусь об этом, когда прибуду к островам. Полиция будет поджидать вас. Возьмите-ка лучше мои деньги — по десяти фунтов на каждого из ваших матросов... Нечего упоминать о размерах суммы, ибо вы не найдете ее удовлетворительной.

Почти целый час спорили мы с ним и торговались. К счастью, пока мы разговаривали, «Бриллиантовый корабль», дым которого виден был одно время, удалился к западу и скоро исчез с наших глаз. Капитан был человек тупой, алчный, не поддающийся угрозам, но чрезвычайно падкий на деньги. В конце концов мы сговорились, и я купил у него уголь за такую цену, которую охотно удвоил бы. Мне кажется, что это был один из лучших деловых дней за всю мою жизнь. Отрезать от еврея вспомогательное судно, наполнить свои трюмы драгоценным горючим материалом, который с таким риском был вывезен из Кардиффа, отправить пароход туда, откуда он пришел... Даже Лорри ничего не мог возразить против этого. Что касается моего бедного друга Тимофея, волнение его было ему не под силу.

— Доктор,— сказал он,— я сомневался в твоём спасении и говорю тебе это прямо. Но скажи мне теперь, что мы сейчас отправимся обедать на корабль еврея,— и я поверю тебе. Это не будет удивительнее того, что мне недавно показали мои бедные старые глаза.

Я сказал ему, чтобы он не строил из себя шута, а исполнял лучше обязанности часового, пока мы подъедем с яхтой к пароходу и перегрузим на него весь уголь. Капитан мог задумать какой-либо обман против нас, хотя я и сомневался в этом. Мы поставили на мостике вооруженного часового и выдвинули из бойниц наши пушки... Волнения на море не было, и поверхность его была гладкой, как зеркало. Не веря своим глазам, но тем не менее повинуясь моему приказанию, добрые

матросы с рвением, достойным негров, принялись за работу и скоро наполнили трюмы драгоценным углем. Приступили они к делу часов в семь утра и было только три часа пополудни, когда они все кончили. Я расплатился с капитаном и посоветовал ему на всех парах уходить на восток.

— Возвращайтесь тем путем, каким пришли, и держите язык за зубами,— сказал я.— Я буду отвечать за вас полиции, если это окажется необходимым. Сами будете виноваты, если дело дойдет до этого.

Он вежливо поблагодарил меня, и я видел, что он остался вполне доволен. Спустя полчаса после его отъезда он совершенно вылетел у меня из головы, а когда волнение, вызванное его появлением, окончательно прошло, я приказал подать чай в каюту, где мы собрались для окончательного и серьезного обсуждения дела. Мы должны были решить, что нам следует предпринять для освобождения Анны из дьявольских когтей «Бриллиантового корабля».

Какими способами мог ничтожный экипаж яхты справиться с большим ульем негодяев? Какого курса следовало нам держаться? Могли ли мы надеяться на помощь Великобритании или какого-нибудь другого государства? Вот о чем рассуждали мы, сидя за чаем.

— Мы должны прежде всего обратить внимание на их угрозу,— сказал я.— Я уверен, что они будут пытаться и даже способны убить Анну, если только вынудить их к этому. Но сделают они это только в крайнем случае. Она их заложница. С того момента, когда они причинят ей какое-либо зло, они ничего больше не смогут сделать против нас. Если же они вздумают оскорбить ее, то им придется бороться с человеком, который отличается необыкновенным мужеством и не пожалеет своих денег. Я предполагаю, что нам необходимо заставить их думать, будто мы постоянно наблюдаем за ними. Будем играть по отношению к ним ту же роль, какую косатка-убийца играет по отношению к киту: день и ночь будем идти по их следу и сообщать по телеграфу в Европу все, что мы узнаем о них. Если они отправятся в Южную Америку, мы последуем на судах, идущих в Рио-де-Жанейро и Монтевидео. На почтовых судах, следующих в Аргентину, есть аппарат Маркони. Мы всегда успеем попасть на одно из них. Я скорее готов сжечь свою яхту, чем вернуться обратно. Если же

вы, друзья мои, придерживаетесь другого мнения, не бойтесь высказать его. Мы погубили уже одного беднягу, можем погубить и других. Мы обязаны сказать им, как далеко мы идем и какому риску подвергаемся.

— Матросы ничего не боятся, сэр,— ответил Лорри.— Смерть бедняги Холленда сделала их решительными. Они готовы идти в огонь, чтобы наказать тех негодяев. Я вижу, решение ваше твердо. Мы с помощью торпеды пустим ко дну их судно, и это нам не составит никакого труда. Об этом не стоит даже думать. Мы можем держаться на определенном расстоянии от них,— только чтобы их ядра не достали нас,— и дразнить их, сколько нам угодно.

— Доктор говорит,— сказал Мак-Шанус,— что ле-ди придется переносить оскорбления, и вы видели, как кровь то прилиwała к его лицу, то отлиwała, пока он говорил. Я уважаю его за это. Мы должны добыть девушку с корабля и не терять при этом еврея из виду. Это дело самое подходящее для волшебника-японца. Негодяи отправятся наверняка в какой-нибудь южноамериканский порт, и как только он сойдет на берег, так и поминай как звали. Сами говорите это, а браните правительство. Скажу больше, как я вижу, вы ничего не можете сделать.

— Я далек от того, чтобы так думать, Тимофей,— сказал я,— но твои речи мало помогут нам. Мы должны преследовать этих людей и дать им понять, что мы преследуем их. Мы остановили одно их судно, можем остановить и другое. Я хочу посмотреть, насколько находчивость поможет мне справиться с самим евреем.

Я еще много говорил на эту тему, но не считаю нужным повторять это. Достаточно будет сказать вам, что мы решили день и ночь держать негодяев в напряжении и заставить их напасть на нас. А что будет дальше — нам было безразлично. Мы спокойно смотрели на возможный исход этого дела, как для себя, так и для той, спасения которой мы так горячо желали.

XXV СПУСТЯ СЕМЬ ДНЕЙ

В течение последующих семи дней мы все время держались на расстоянии двух-трех миль от большого судна, на котором укрывался еврей со всей своей компанией. В безлунные ночи мы отважно неслись вперед и ближе присматривались к кораблю, выказывая полное пренебрежение неумелым пушкарям и наблюдая за всем, что мы могли увидеть на их палубе. На задней части судна находилась каюта, которую, сколько мне помнится, я считал принадлежащей Анне. Я мысленно представлял себе, как она прячется там, скрываясь от гнева еврея и оскорблений его сообщников. Как должна она была измениться и как не походила, вероятно, на ту Анну, которую я видел в бухте Дьепа, на смеющуюся маленькую Талию песчаного берега, на Анну, которая покорила меня своими серьезными вопросами, смотрела на меня глазами, полными сомнения и желания верить! Я не мог даже надеяться ни в каком случае быть героем ее романа. Она могла не знать о том, что «Белые крылья» следят за нею... Быть может, она ничего не подозревала о нашем преследовании и о том, к чему оно нас приведет.

Таковы были мои предположения, когда я следил за желтоватым огоньком, светившимся в окнах ее каюты, и говорил себе, что Анна не спит и ждет моего прихода.

Смущала нас, главным образом, нерешительность действий тех, кто управлял судном. Мы думали сначала, что они отправляются в какой-нибудь из южно-американских портов, но они, пройдя двадцать часов по направлению к западу, остановились и легли в дрейф без всякой видимой причины, за исключением разве той, что их захватило Южно-Атлантическое течение. Каковы были их намерения, я положительно не мог себе представить. Весьма возможно, что они поджидали второе вспомогательное судно из Европы... возможно и то, что они скрывались в открытом море, и Аймроз не решался двинуться дальше. Я мог только строить догадки, но они мало помогали мне. Безымянное судно слишком ревниво хранило свои тайны, чтобы я мог овладеть ими.

Так прошло шесть дней, и наступило утро седьмого,

когда я, подойдя рано утром к юту, встретил там Валаама, нашего боцмана-шотландца, который обратил мое внимание на видневшееся вдали судно и на то, что происходило на его палубе.

— Там сегодня утром что-то происходило,— сказал он,— со вчерашнего полудня, сэр, не стреляют из пушки. Может, это от радости. Не знаю наверное, но сами подумайте, ведь это замечательно.

Это было действительно нечто новое, и я вознаграждал славного малого за его наблюдательность.

— Происходит это, вероятно, вследствие того, Валаам, что у них мало снарядов,— сказал я.— Не заметили ли вы еще чего-нибудь?

— Ничего особенного, сэр! Хлопнули сегодня утром раз-другой, от чрезмерного веселья, быть может. Сами слышали, вероятно, сэр! Погодите минуточку, я кое-что покажу вам.

Он занял свое место на гакаборте и пальцем, измазанным дегтем, указал на видневшееся вдали судно. День начинался, по-видимому, благоприятный. Высоко на небе виднелись кое-где перистые облачка, и ослепительные лучи солнца заливали всю поверхность тихо плещущихся вод. «Бриллиантовый корабль» находился от нас на расстоянии двух миль. Паруса его были подняты для предупреждения боковой качки, но над трубами не было видно ни малейшего признака дыма и никакого указания на то, что на нем разводят пары. Я навел свою подзорную трубу на его палубу и увидел, что вся она кишит людьми.

— Что это,— сказал я,— дерутся они, что ли, между собой?

— Ай! Скоты эти не прочь заняться таким делом!..

— И опять стреляют из ружей... Нет! Само Провидение вмешалось. Пойди и позови капитана Лорри!

Я вообще не имею привычки выказывать своих чувств, но признаюсь, что открывшееся передо мной зрелище лишило меня всякого самообладания. Я, правда, не раз уже мечтал о возможности неожиданного исхода дела, каким часто кончаются самые мрачные эпизоды жизни, а одним из таких исходов могло быть возмущение матросов против еврея. Когда же надежды мои стали воплощаться в реальность и я собственными глазами увидел начало их осуществления и услышал ружейные выстрелы, подтверждающие мои мечты,

я был поражен, и это показалось мне самым чудесным из всего, что случилось с самого начала нашего путешествия.

— Лорри,— сказал я, когда он поднялся на палубу, а за ним по пятам Мак-Шанус,— они стреляют друг в друга, Лорри! Известие это сокрушит вас, я думаю...

Он не сразу ответил мне, но взял подзорную трубу и навел ее на палубу корабля. Тимофей, в свою очередь, стал подле меня и, положив мне руку на плечо, ответил вместо капитана:

— Я желаю им достойного пробуждения. Думал ты об этом, доктор?

— Не считал это правдоподобным.

— А что может случиться с Анной Фордибрас, если они перессорятся между собой?

— Не смею даже думать об этом, Тимофей!.. Она, вероятно, у себя в каюте. Зачем ты напоминаешь мне о ней? Не достаточно ли красноречиво и без этого говорят за себя обстоятельства?

Он съехался и отошел от меня... Превосходный малый, он, я знаю, порицал свою собственную нескромность... В течение нескольких минут после этого он не сказал больше ни единого слова. Все матросы на яхте вышли на палубу, чтобы посмотреть на зрелище, одинаково страшное и непредвиденное. Я продолжал стоять на гакаборте, наблюдая за облаками густого белого дыма и стараясь представить себе подробности трагедии на палубе «Бриллиантового корабля». Какие ужасные события должны были происходить там! Я воображал себе, что там образовались две группы, которые спорили сначала на словах, а затем перешли к смертоносному оружию. Одни из них, говорил я себе, настаивали на том, чтобы идти к южноамериканскому порту, а другие хотели ждать прибытия помощи Сикамора. Завязался горячий спор, перешедший постепенно в драку. А теперь мы слышим выстрелы из ружей и видим облака дыма, которые поднимаются вверх среди парусов вплоть до верхушки грот-мачты. Какое зрелище, какие звуки скрывала от нас эта завеса дыма? И кто удивится после этого, если такое положение дел побудило нас к более быстрому образу действий, чем раньше?

— Лорри,— сказал я,— я собираюсь узнать, что там случилось. Передайте мистеру Бенсону, чтобы он

довел силу пара до крайних пределов. Мы ничем не рискуем. Объясните это, пожалуйста, матросам.

— Вы собираетесь на тот корабль, сэр?

— На расстояние брошенного сухаря, а может быть, и ближе...

— Это слишком рискованно, сэр!

— Так мало рискованно, Лорри, что мы будем завтракать, наблюдая за ними. Даже мистер Мак-Шанус, как вы видите, нисколько не беспокоится. Я уверен, что он воображает себя в театре...

Но Тимофей Мак-Шанус сам ответил за себя.

— Напротив, очень беспокоюсь,—сказал он,—не меньше, чем человек, которого собираются повесить. Поставь передо мной блюдо с ягодами—и ты увидишь. Да неужели же я должен проливать слезы потому, что один вор режет горло другому? Пусть себе все передерутся, если хотят!

Мы расхохотались, видя, с каким серьезным видом он говорил. Затем Лорри отправился на мостик, а Тимофей подошел ко мне и заговорил еще серьезнее.

— Ты теперь спокойнее,—сказал он, всматриваясь в мое лицо.—Это приятно видеть, Ин, мой мальчик! Ты не думаешь больше, что мисс Анна пострадает... не думаешь?

— Она страдает, но только от страха, Тимофей! Опасность придет позже, когда все это кончится. Я не думаю об опасности потому, что надеюсь разделить ее с нею.

— Боже милостивый! Неужели ты думаешь отправиться на борт этого воровского судна?

— Думаю, Тимофей,—в том случае, если я сочту это возможным. Я скажу тебе это через полчаса.

Он был слишком удивлен, чтобы ответить, и несколько минут стоял молча, пощипывая свои седые бакенбарды и тихонько посвистывая. Яхта наша находилась теперь в полумиле от большого судна, и чем больше мы приближались, тем яснее открывалось перед нами поразительное зрелище. Я ни одной минуты не верил, что за нами наблюдали или обращали на нас какое-либо внимание. Какова бы ни была причина их ссоры, но волки эти, вцепившись друг другу в горло, дрались с отчаянием сумасшедших.

Стоя на переднем мостике, я мог ясно видеть, как одна группа людей защищалась у бака на палубе, а дру-

гая держалась в засаде позади надстроек в средней части палубы. Сильно увеличивающие стекла моей подзорной трубы давали мне возможность видеть лежащие ничком фигуры людей. Когда же налетал ветерок, отгоняя дым к востоку, передо мною открывалось зрелище, возмутительное в своих подробностях.

Негодяи дошли до высшей степени бешенства. Я сразу увидел, что они ведут смертельный бой. Одни из них боролись, как атлеты на подмостках, другие сцепились руками и ногами, точно дикари, которые режут и рубят по лицу, и по голове, и по сердцу под влиянием непреодолимой жажды крови и жизни. Но самый большой ужас для меня заключался в том, что на корабле этом находилась Анна Фордибрас, которая была невольной свидетельницей этого побоища. Что должна была она выстрадать? Я не имел мужества думать об этом, да и собственное положение наше не допускало таких мыслей. Мы летели вперед, как на крыльях. Мы слышали уже голоса дерущихся, при ярком солнечном освещении мы ясно видели блеск ножей, извивающиеся фигуры людей и предсмертную агонию наших врагов. Пожелай мы только, мы могли бы с помощью торпеды мгновенно послать их ко дну, и никто из нас не поплатился бы за это. Но мы не стремились к такого рода мести, ибо мы могли только смотреть, пока Анна оставалась их заложницей. Достаточно было наблюдать за всем происходившим, ждать и надеяться на первые плоды, которые принесет эта трагедия.

Мы не говорили относительно того, насколько можем приблизиться к кораблю и в каких границах осторожности должны держаться. Я предоставил все мудрой голове Лорри и лучше этого не мог ничего придумать. Превосходный моряк, он в этот день выказал себя искусным тактиком, держа нашу яхту за кормой большого судна, и притом под таким углом к ней, что трудно было предполагать, чтобы нас заметили. На расстоянии ста сажений он приказал остановить яхту, и мы стояли теперь, слегка покачиваясь на волнах. Половина матросов высыпала на палубу, разместившись на такелаже, тогда как офицеры, Тимофей и я расположились на мостике.

Я говорил уже вам, что разделившиеся группы на большом корабле занимали место у бака на палубе и подле надстроек в средней части судна. Это привело

меня к заключению, что там начался бунт против офицеров. Лорри был одного мнения со мной.

— Все матросы высыпали наверх,— сказал он, равнодушно относясь к тому страданию, которое мы видели перед собой и на которое я не мог почти смотреть.— Я не думаю, сэр, чтобы вы могли как-нибудь вмешаться во все это. Воровской экипаж любит хорошую погоду. Пусть на небе появится облачко величиной с человеческую руку — и они понесутся к порту как угорелые. С них достаточно уже, всякий, зажмурившись даже, увидит это. Стоит только еврею спустить флаг, и никто ему не поможет, кроме неба.

— Вы думаете, Лорри, что мы подействовали на их нервы, и они не будут больше противиться нам? Я не удивляюсь этому. Они думают, что за нами движется подкрепление в виде правительственного крейсера. Все дело в этом, вероятно... А если так, то чего они требуют от Аймроза? Чтобы он приказал капитану идти в какой-нибудь порт? Вряд ли они могут надеяться, что им удастся спокойно высадиться на берег.

— Люди подобного рода никогда не знают, чего они хотят, доктор! Видели вы когда-нибудь малайца, который внезапно сошел с ума? Я выходил из-за угла хижины на плантации, когда одному из таких желтых дьяволов явилась фантазия, что упражнения полезны для меня, и он заставил меня прыгать. Он, собственно, ничего особенного не хотел. Такова уж восточная привычка — рвать газеты и бить посуду. Те вот молодцы не понимают, в чем тут дело, а поймут — так зарежут еврея. Желаю им счастья, но я предпочитаю быть здесь на борту и не есть миндальное печенье. Спросите МакШануса, что он думает. Быть может, он желает отчалить туда в маленькой шлюпке?..

Я взглянул на Тимофея и увидел, что лицо у него такое же белое, как и доски, на которых он стоял. Когда мы издали смотрели на это зрелище, оно казалось нам хаосом из огня, дыма и какого-то барахтанья. Но вблизи оно предстало олицетворением кровопролития, возмутительного своей жестокостью и ужасного в своих подробностях.

Одна из этих подробностей, более ужасная, чем другие, осталась до сих пор у меня в памяти и может служить примером того, что я видел несколько дней подряд. Помню, что в то самое время, когда мы подошли

к ним на яхте, какой-то человек пытался выйти из большой каюты посреди судна, где укрывались приверженцы еврея. Матросы у бака сразу заметили его, и один из них выстрелил... Пуля попала ему, очевидно, в плечо, так как он поспешно схватился за него рукой и пустился бежать к товарищам, но споткнулся и грохнулся на палубу. Тут началась сцена, повторения которой я никогда больше не желал бы видеть. Раненый лежал на палубе, скрытый от наших взоров, но превратившийся в объект самого настоящего побоища.

С одной стороны находились его товарищи, которые употребляли отчаянные усилия, чтобы спасти его; с другой — обезумевшие матросы, которые наудачу стреляли туда, где он лежал, не давая ему возможности бежать и не подпуская к нему его товарищей.

Пули не достигали цели — угол средней каюты скрывал его, — они тем не менее так напугали раненого, что он лежал притаившись, точно птица, боясь подняться на ноги или сделать какое-нибудь усилие для своего спасения. Тогда один из матросов у бака пополз осторожно кругом каюты и зацепил железным крюком несчастного.

Жертва в ту же минуту попала в руки матросов. Крюк зацепил беднягу за тело или за платье — этого я не мог видеть. Я видел только, как матросы схватили веревку от крюка, и услышал бешеные крики восторга, вызванные этим успехом. Шаг за шагом приближался несчастный к ожидающей его участи. Кто обладает богатым воображением, тот может ясно представить себе, с каким безумием должен был цепляться несчастный то за отверстие люка, то за кабестан или ворота, отстаивая каждый дюйм этого ужасного путешествия, в конце которого его ждали десятки ножей. Я поспешил отвернуться в этот момент и закрыл уши, чтобы не слышать предсмертного крика. Они убили его, и торжествующие крики разнеслись эхом среди окружающей тишины. Тело его бросили за борт, и оно мгновенно скрылось под водой. Такова была их месть, таково было наказание за что-то, чего мы не знали и о чем не могли спросить...

Страшная трагедия эта завершилась глубоким молчанием. Можно было подумать, что ужас ее вызвал перемирие между сражающимися. Не могу сказать с точностью, когда Лорри отдал приказ, но только яхта

начала медленно удаляться от «Бриллиантового корабля» в ту минуту, когда тело убитого скрылось под водой. Сделав быстрый поворот, она на всех парах понеслась к югу, как будто нас кто-нибудь преследовал. Я не находил возможным протестовать против этого. Стоило негодьям заметить нас, и положение наше становилось крайне опасным. Лорри понял это и благоразумно поспешил удалиться.

— Они упадут в объятия друг друга, как только увидят нас,— сказал он.— Я не думаю, чтобы у них были ядра для больших пушек, доктор, но все же эти негодяи могут во многом навредить нам, а потому нам лучше отправиться туда, где мы не можем доставить им столько удовольствия.

Мудрость этих слов не требовала возражений. Мы довели скорость нашей яхты до предела и очень скоро были в безопасности.

Ко мне подошел слуга и напомнил, что мы еще не завтракали.

— Подайте завтрак сюда, на палубу,— сказал я ему.

И вот четыре молчаливых человека — мы пригласили и мистера Бенсона — сели за стол, приготовленный под натянутым тентом на задней части палубы. Каждый, опасаясь высказать окрылившую его надежду, пил медленно, маленькими глотками свой кофе и говорил при этом о самых обыкновенных вещах.

XXVI

ДОКТОР ФАБОС НА БОРТУ «БРИЛЛИАНТОВОГО КОРАБЛЯ»

Наше предположение, что негодяи заключили между собой перемирие и собираются напасть на нас, на самом деле не подтвердилось. Мы завтракали в свое удовольствие и курили трубки, причем никто, по видимому, не наблюдал за нами и не думал беспокоить нас. Весьма возможно, что они привыкли к нашему присутствию. Семь дней и столько же ночей неустанно преследовали мы их. Телеграммами, выстрелами из ружей, светом прожектора преследовали мы их с необыкновенным упорством, которое должно было в конце концов деморализовать их и изменить все их намере-

ния. Они были бессильны что-либо сделать, беспомощны против нашего нападения, в чем я, впрочем, был уверен с самого начала.

Они не послали ни одного выстрела нам вдогонку, и все утро прошло в терпеливом ожидании. Но «Бриллиантовый корабль» не отправил нам ни одного послания, да и море ничего не сказало нам. Южный океан от одного края горизонта и до другого тихо дремал под лучами жгучего солнца, внушая нам то чувство отчуждения от всего мира и людей, какое может внушить одно только море. Некоторые из нас готовы были даже впасть в отчаяние, но тут с корабля снова донеслась пальба. Случилось это после третьего звонка вечерней смены. Слабый ружейный выстрел донесся к нам по воде, указывая на то, что там опять началась резня. Я услышал вскоре треск целого залпа, за ним второй и третий. Через подзорные трубы мы увидели целую массу столпившихся на самой середине палубы людей. Спустившийся на палубу дым скрыл на несколько минут это зрелище от наших взоров.

Можете представить себе, как бились наши сердца и с какими почти безумными надеждами наблюдали мы за второй стычкой, ожидая ее исхода. Лорри нашел более благоразумным не приближаться на этот раз к месту побоища и не подвергаться опасности, на которую мы так охотно пошли перед этим. Какова бы ни была собранная нами жатва, мы в той же мере могли и в отдалении наполнить ею наши закрома, как и в том случае, если бы любопытство погнало нас в более опасный пояс. Если негодяи задумали перерезать друг друга, то какую пользу могли мы извлечь, сделавшись свидетелями всех ужасов этой трагедии или приняв участие в ней? Что касается более глубокого значения ее, то я сразу постарался обуздать свои мысли и запретил себе думать о нем. Сознание того, что Анна Фордибрас находится в плену у такого экипажа, что на борту «Бриллиантового корабля» находятся, быть может, и другие порядочные женщины, осознание этого, если бы только я позволил ему всецело овладеть мною, могло довести меня до таких безумных поступков, которые я ничем потом не мог бы загладить. Я старался поэтому не думать о том, что было в действительности, и закрыл глаза на все. «Ее нет на корабле»,—

говорил я себе... или, «они не тронут ее, потому что только она одна стоит между ними и виселицей».

Одному Богу известно, как мало значения имела такая оговорка, а между тем она-то, быть может, и способствовала нашему спасению. Несвоевременное нападение на этих негодяев могло испортить все дело.

Мы терпеливо ждали, пока дым, закрывавший от нас Левиафана, рассеялся наконец, и мы могли, насколько позволяло расстояние, видеть, что происходит на этой печальной палубе. Ружейные выстрелы, которые мы слышали сначала, сменились отдельными залпами по два, по три и, наконец, общей перестрелкой, говорившей о том, что наступил кризис битвы. Последовавшая за этим тишина не могла еще служить предвестницей чего-либо хорошего. Это была тишина победы, окончательное торжество одной группы над другой. Я обратил на это внимание Лорри, когда мы раз в двадцатый наводили на палубу наши трубы.

— Я уверен, Лорри, что матросы возьмут верх над негодяями. Нам ничего лучшего нельзя желать, как известия об их успехе.

— Вы думаете, сэр?

— Я не смотрю на матросов, как на сухопутных акул, на каком бы корабле они ни служили и к какой бы национальности они ни принадлежали. Они способны уважать женщину, Лорри!.. В них есть известная доля честности. И если бы дело дошло до голосования, то они спустили бы свой флаг тотчас же, как только попросят об этом. Почему им этого не сделать? Им нечего бояться на берегу... Негодяи насильно держат их на море. Ставлю сто гиней за то, что главная причина их раздора — тоска по родине, и она приведет их к нужному нам решению... в том случае, если матросы выиграют.

— А если они не выиграют, сэр?

— Тогда один только Бог может им помочь, Лорри!.. Они и недели не пробудут в море.

Мак-Шанус поспешил вернуть свое словечко и сказал, что корабль находится теперь между огнем и пламенем. Я нашел его необыкновенно серьезным. Не странно ли, что многие люди, которые так весело и легко рассуждают в газетах и журналах о жизни и смерти, никогда не видели серьезного сражения и не смотрели прямо в лицо смерти?..

— Я всегда был трусом,—сказал он,—и не стыдился этого. Теперь я дрожу, как женщина, хотя женщины часто дрожат от сострадания, а не от страха. Смотрите туда, на дым, который носится над кораблем. Что скрывается за ним, друзья мои? Всемогуший Бог! Что должны они чувствовать, и думать, и страдать, когда идут к своему Творцу? И будто кто-то советует мне в эту минуту подумать, что и я мог быть таким, как и они... кто знает когда, кто знает как? Это жестокая, мучительная мысль... Боже, помоги мне!

Дым, о котором говорил Мак-Шанус, постепенно поднялся, и мы увидели, что матросы одержали верх и судно перешло в их руки. В подзорные трубы видно было, как они бегали взад и вперед, от бака до кормы, в люк и из люка, то вверх, то вниз, то вступая врукопашную с тем или другим из побежденных или в порыве безумной жажды мести нанося удары уже мертвым врагам. Каким именно оружием они пользовались, я не могу сказать. Время от времени слышались пистолетные выстрелы, как будто бы направленные в какого-то скрытого в засаде врага. Но больше всего пускались в ход складные ножи. Слов не найти для описания овладевшего ими бешенства, вызванного, быть может, весьма веской причиной. Точно звери к своей добыче, то и дело возвращались они к телам убитых ими врагов.

Мы наблюдали победителей в разных видах: они то хвастались, то говорили о чем-то с пренебрежением, танцевали, прыгали, даже вступали в единоборство друг с другом. Последнее продолжалось иногда долго, и я начинал уже говорить себе, что жертвоприношение доведено будет до конца и ни единого человека не останется в живых, чтобы рассказать о случившемся.

Страшная схватка эта кончилась только в четыре часа пополудни. «Какая ирония!»—подумал я, услышав, что на палубе «Бриллиантового корабля» пробило восемь склянок, как это делается на каждом судне, где все обстоит в добром порядке.

Поразительна сила привычки! Она управляет матросами даже в самые ужасные минуты их жизни.

— Лорри,—сказал я,—они будут менять своих часовых даже и в том случае, если море высохнет. Что делать теперь? Что, скажите ради Бога, можем мы сделать? Я отправился бы на борт, не считай я, что это

преступление — рисковать таким образом. Об этом и думать нечего... В пасти льва было бы теперь гораздо безопаснее, чем у них. И подумать только, что может еще...

— Я старался бы не думать об этом, сэр! Что бы ни случилось, все теперь прошло. Они выбросят мертвых за борт... а затем спустят шлюпку. Я не удивлюсь даже тому, если они явятся сюда, сэр!

— Сюда, Лорри? Это будет нечто новое. Вы говорите серьезно?

— Можете сами судить, сэр!

Мы взяли наши подозрительные трубы, — причем Тимофей объявил, по своему обыкновению, что его стекла заклеены пластырем, — и принялись с новым интересом следить за всеми движениями победивших матросов. Они действительно выбросили мертвых за борт и, как и предсказал Лорри, спустили шлюпку на воду. Воображая, вероятно, что они придумали нечто очень хитрое, они спустили еще вторую, а затем и третью. Кто-то из них выстрелил из ружья, чтобы привлечь наше внимание, и вслед за этим они вывесили сигнал с помощью флагов. Это показалось мне до того вежливым с их стороны, что я попросил немедленно ответить им.

— Мы просим помощи. Надеемся, что вы разрешите подойти нашей шлюпке.

На это мы ответили, что разрешаем их шлюпке подойти к нам и, чтобы еще больше ободрить их, двинулись по направлению к «Бриллиантовому кораблю» и встретились с ними на расстоянии полумили от последнего.

В шлюпке было семь матросов и, кроме того, маленький юнга у руля. Шлюпка была обыкновенная спасательная, покрашенная белой краской, но грязная и в плохом состоянии. Что касается национальности экипажа, то среди матросов я заметил огромного негра и мулата. Все остальные были большей частью смуглые, а одного из них я принял даже за египтянина.

Кто бы такие они ни были, но все находились в крайне возбужденном состоянии. Они были, видимо, очень довольны, что закончилась жаркая бойня, и хотели передать нам какое-то послание. Чтобы успокоить их, мы поспешили спустить лестницу и разрешили прислать на борт депутата, что они исполнили тотчас же без малейших отговорок, отклонив тем самым от себя

всякое сомнение в честности их намерений и подозрение в желании расставить нам хитрую ловушку.

— Пошлем наверх Билла Ивенса,—крикнули все в один голос. На это английское имя ответил человек с рыжими бакенбардами и хорькообразным, простодушным лицом. Приняв неуклюжую позу, он стоял перед нами, нервно переминаясь с ноги на ногу, теребя руками свою широкополую войлочную шляпу, и говорил с большим трудом и смущением.

— Товарищи,—сказал он,—вы очень обяжете меня, если скажете, что у вас на яхте есть доктор.

Лорри взглянул на меня, но я продолжал молчать. Мы должны побольше выслушать, решил я, а затем уж отвечать на такие вопросы.

— За этим вас и послали, сэр?—спросил Лорри довольно строгим голосом.

Ивенс снова принялся теребить свою шляпу и продолжал, как попугай:

— Вы очень обяжете меня, если скажете, что у вас есть доктор на яхте. Это первое. Мы попали в мертвый узел и не ошибаемся. Некоторых нет уже, им пришел конец. Остальные будут очень благодарны доктору, уж никто этого отрицать не может. Товарищи, если вы христиане, придите к нам на борт и помогите бедным матросам.

Он говорил очень искренне. Я подумал, что теперь самое подходящее время для перекрестного вопроса.

— Хорошо,—сказал я,—но мы должны узнать кое-что о вас. Что это за корабль и кто командует им? Отвечайте правду на мои вопросы, и тогда весьма возможно, что мы поможем вам. У вас был бунт, а вы руководили им. Зачем же нам принимать в нем участие!

Он бросил на меня лисий взгляд, как мне показалось, и приступил к самому странному повествованию, какое я когда-либо слышал.

— Старая морская лошадь отправилась на покой,—сказал он, подразумевая под этим еврея.—Капитан Росс командовал после него. Он был за то, чтобы мы продолжали лежать в дрейфе в этом жирном море, а мы были за то, чтобы высадиться на берег. Этого желала и леди и, будь я проклят, если кто-либо мог противоречить ей!.. Восемь месяцев плаваем мы уже с товарищами в этом океане, словно стая уток. Для этого разве отправился я с морской лошадью? Так же вер-

но, как есть Бог на небесах, я сам с Лондон-Роада в Плимуте и зовут меня Билл Ивенс, как звали до меня отца моего и мать. Приезжайте к нам на борт, сделайте, что можете, для нас, и мы отправимся в Рио-де-Жанейро. Никакого вреда никто не сделает молодой леди, но она останется на борту, пока мы не выйдем на берег,— и это мое последнее слово, хоть пусть меня повесят за это!

Ивенс держал теперь себя смелее, чем вначале, и, кончив говорить, с вызывающим видом бросил шляпу на палубу и взглянул на нас, точно посол, передавший поручение своего короля. Весьма возможно, что он мало понимал значение своих слов и тот чрезмерный интерес, с которым я слушал его. Валь Аймроз бежал! И все обстоит благополучно с моей малюткой Анной...

Да иначе и не могло быть, раз он просил прибыть к ним на борт!

Налицо два факта, которые сразу должны были изменить все наши планы и поколебать их до самого основания.

Я забыл всякую осторожность, все человеческие соображения и думал только, как бы мне привести в исполнение свое намерение спасти Анну Фордибрас и сделать для этого, по крайней мере, все, что было в нашей власти. Я должен был отправиться на борт «Бриллиантового корабля», должен был переговорить с Анной.

— Лорри! — крикнул я так громко, что сидевшие в шлюпке должны были слышать каждое слово.— Лорри, я хочу помочь этим людям. Следите за моим сигналом. Если меня обманут, вы будете знать, как поступить. Покажите этому молодцу, что у нас есть... не следует обманывать их на этот счет. Они пойдут ко дну или поплывут дальше... Никаких полумер, Лорри! Да поможет мне Бог, если я не пушу их ко дну в каких-нибудь пять минут, вздумай они только сказать хоть одно слово против меня!

В ответ на это Лорри приказал нашим матросам спустить на воду шлюпку и занять свои места у пушек. Я подождал только, пока ко мне вызвали Окиаду, и последовал за странным послом в шлюпку.

Экипаж шлюпки парламентаров с восторгом налег на весла, и мы понеслись со скоростью парового баркаса. Первый раз в жизни плыл я в маленьком судне по Атлантическому океану, и, признаюсь откровенно, путешествие это, несмотря на прекрасную погоду, показалось мне не особенно приятным. Длинные водяные валы то поднимали нас на громадную высоту, то погружали в глубокую пропасть, скрывая от моего взора оба судна и позволяя мне изредка взглянуть на них, когда шлюпка наша поднималась на верхушку водяного вала, который, казалось, готов был поглотить нас. И я, как это бывает иногда со всеми моряками, невольно задумался над тем, какое громадное значение имеет для человека его победа над морем и его богатствами.

Возбуждение мое было так сильно, что я не чувствовал ни малейшей тревоги, отправляясь туда, куда в иной ситуации я не поехал бы без страха.

Сейчас я должен был встретиться со своей маленькой Анной на этом большом судне, взять ее с собой, вырвать из логовища негодяев, куда судьба забросила ее в самом раннем детстве. Она так много страдала, и я надеялся, что собственное ее мужество и присутствие на судне спасут ее от страшного несчастья, которое при других обстоятельствах могло сгубить ее. Аймроз, я был твердо уверен в этом, спасал ее и теперь, несмотря на то, что он бежал,—спасал ее ужасом, который был связан с его именем.

Мысли эти все больше и больше успокаивали меня по мере того, как путешествие наше близилось к концу, и мы с каждым валом все яснее и яснее видели очертания огромного судна, которое возвышалось над поверхностью воды подобно неприступному замку. Я нес с собой вести для Анны Фордибрас, и ей первой хотел я рассказать об ожидающем ее спасении.

Солнце собиралось уже садиться, когда я покидал яхту, а когда мы подошли к судну, нас охватила вечерняя прохлада, надвинувшаяся вместе с туманом, который тянулся по поверхности моря. Вид огромного парохода, на какой я никогда еще не попадал в открытом

море, произвел на меня впечатление глыбы, громоздящейся передо мной наподобие крепостной стены или мрачного горного обрыва. Свешенная вниз лестница, по которой я должен был взобраться на палубу, казалась хрупкой и тонкой, как ниточка...

Нигде не видно было признаков пара, и я не мог уловить ни одного звука, который указывал бы на присутствие множества людей. Только три или четыре бледных, взволнованных лица, выглядывающих из-за борта, подтверждали существование экипажа. Люди эти ждали моего приезда с трогательным нетерпением.

Не успел я вскарабкаться по лестнице, как они окружили меня и жалобно умоляли помочь их товарищам. Вопрос мой, предложенный повелительным тоном, показался мне самому резким и жестоким.

— Здесь у вас должна находиться одна леди... Где она?

— Она исчезла, сэр!

— Исчезла? Милостивый Боже! Как могла она исчезнуть?

— Мы знали, что вы спросите о ней, и посылали к ней в каюту четверть часа назад, сэр. Ее там не оказалось. Мистер Росс, тот, что командует нами вместо мистера Аймроза, ничего не знает о ней. Клянусь Богом, сэр, мы никакого зла не сделали леди и не сделали бы, пробудь она у нас хоть двадцать лет! Ни одного человека не найдется здесь, который не отдал бы жизнь свою за нее. Мы не знаем, где она, сэр, и это святая правда...

Можете представить себе мои чувства. Я стоял на открытой палубе незнакомого мне парохода, убранного и украшенного с таким великолепием, изяществом и роскошью, каких на протяжении всего Атлантического океана вы не встретите ни на одном линейном корабле. Мостик надо мной поражал своей чистотой, блестящими на солнце медными украшениями и белыми лестницами, как на военном судне. Пушки были вычищены до блеска. Каждая каюта, в которую я заглядывал, могла по своей роскошной обстановке занимать место гостиной на самом богатом судне. На кормовой части судна находилась огромная столовая, которая была под стать пароходу в десять тысяч тонн. Здесь было изобилие шлюпок, спасательных плотов — обыкно-

венные принадлежности плавающего по океану судна...

В то же время я заметил здесь нечто, резко отличающееся это судно от всех, когда-либо виденных мною, и сразу ставившее его в разряд особой категории судов. Это была перегородка из крепких стальных брусков в десять футов высоты, которая защищалась сверху целым рядом гвоздей, острых, как кинжалы, и не поддающихся никакой силе. Перегородка эта разделяла все судно на две части и служила, очевидно, еврею защитой от тех, кто находился здесь вместе с ним. Я решил сразу, что матросы занимали переднюю часть судна, а на кормовой части помещался еврей со своей компанией. Сообщением между двумя отделениями служила калитка такой ширины, что через нее мог пройти только один человек. Что касается стальной решетки, то она была так искусно проведена через болверк, что делала совершенно невозможным доступ к каютам кормовой части не только для всех матросов вообще, но и для всякого в отдельности шпиона, которому пришла бы фантазия подсмотреть, что делает еврей.

Калитка в перегородке была открыта, когда я вошел на главную палубу, и матросы свободно входили и выходили через нее. Самое ужасное зрелище не сразу представилось моему взору. Я пробыл на борту несколько минут, прежде чем глаза мои рассмотрели валявшиеся фигуры людей. Одни из них сидели, скорчившись и прислонившись к болверку; некоторые были уже мертвы, а остальные страшно кричали в муках предсмертной агонии.

Чем больше это зрелище представало передо мной, тем ужаснее оно казалось.

Здесь были матросы разных национальностей: из южноевропейских и средиземных портов, турки в национальной одежде, крепкие здоровые греки, тунисцы, моряки из Алжира и Адриатики. Среди окружавших меня людей я заметил двух американцев, одного негра и маленького француза, который болтал без умолку. Но все они одинаково ждали от меня помощи.

— Помогите нашим товарищам, доктор! Спасите их, ради Бога! У нас на борту нет доктора... Мистер Клейн уехал вместе с мистером Аймрозом. Мы сами ничего не можем сделать...

Страдания их привели меня в ужас. Я не знал, что

отвечать и как помочь. Много уже времени прошло с тех пор, как я занимался практикой. И вдруг очутился в роли хирурга на поле битвы!

— Есть у вас аптека? — спросил я. — Комната для операций?

Они в один голос ответили утвердительно. Человек шесть из них выказали готовность провести меня вниз. Я остановился на минуту, чтобы отдать одно приказание Окиаде, а затем исполнил их желание и отправился с матросами.

— Мисс Анна здесь, на пароходе, — сказал я верному японцу. — Найди ее и отвези на яхту.

Окиада бросил на меня быстрый, пристальный взгляд и мгновенно исчез куда-то.

Дородный американец, вызвавшийся быть моим провожатым, растолкал своих товарищей, провел меня через калитку, и мы спустились с ним по большой лестнице у капитанской каюты. Слов не хватит для описания роскоши и великолепия этой части парохода. Все лампы были из массивного серебра. Панели на стенах из самого дорогого дерева — тик, испанское красное дерево и атласное дерево. Я заглянул в столовую и увидел на ее стенах дорогие картины известных художников французской и испанской школ.

Мы прошли мимо будуара, который был обставлен с таким вкусом и изяществом, какие присущи только Парижу.

Здесь была и карточная комната, как в большом лондонском клубе, с маленькими столиками и электрическими лампами на них; карты, брошенные как попало, валялись еще по голубому персидскому ковру, покрывавшему паркетный пол.

Пройдя эту комнату, я вышел через дверь, ведущую к центральной части судна, и очутился в широком коридоре, который освещался сверху и стены которого казались стальными.

Если я имел какое-либо сомнение относительно того, что это означает, то откровенный американец сразу разрешил его без малейшего вопроса с моей стороны.

— Кладовая старика, — сказал он. — Он держал здесь все, что не годится для еды. Я думаю, он увез на берег самое лучшее. Все перешло на судно Колина Росса. Купите хоть один золотой кирпичик из того, что

осталось,— не станете беднее от этого. Теперь мы все делим и делим между собой. Тут внизу стоял часовой день и ночь, когда старый Исаак был на борту. Вы, я думаю, здорово напугали его. Он бежал в Бразилию через день после того, как мы увидели вас...

Я, в свою очередь, спросил его:

— Был ли генерал Фордибрас здесь на борту вместе с тем человеком, о котором вы говорите?

— Не в этот раз. Я слышал, что он уехал в Европу. Он слишком податлив для такого дела. Три Пальца никогда не мог смотреть в лицо Шеффилдскому Ножу. Все мужество его перешло к дочери.

Мы прошли, пока он говорил, через вторую стальную дверь и спустились по коротенькой лестнице во второй коридор, по сторонам которого шли обыкновенные каюты. Здесь находилось помещение для лекарств и медицинских материалов: это была комната в современном стиле, устроенная, по-видимому, доктором, который прекрасно знал, как оснащены европейские больницы.

Я поспешно осмотрел все и нашел антисептические средства, вату, бинты и скальпели, без которых я почти ничего не мог бы сделать для раненых.

Я превысил бы свое право, вздумай я рассказывать вам о тех продолжительных часах, которые последовали непосредственно за моим вступлением в роль доктора.

Я провел их как человек, попавший в страну снов и беспокойных мыслей. Раненых на пароходе оказалось не менее тридцати одного человека, из них семь принадлежали к группе у бака, а двадцать четыре — к группе у спуска в каюты. Последние очень меня заинтересовали, так как среди них были англичане и лица, которые были мне известны по истории недавних преступлений. Один из них, юноша, получивший на лбу тяжелый порез складным ножом, упоминался в связи со знаменитым делом о поджогах в английском банке, совершенных лет пять назад.

Я узнал также итальянского вора Дитуччи, германского мошенника Уриха, молодого бельгийца Монтерри, который, по всеобщему мнению, отбывал каторжные работы, присужденные ему за покушение на жизнь короля Леопольда. К счастью, не многие из этих людей были ранены ружейными пулями. Убитые

падали мгновенно, и тела их были уже выброшены в море. Все мои пациенты были жертвами порезов, страшно зияющих у некоторых, и тяжелых переломов у других. Двое умерли, пока я перевязывал их. Это была полная страданий работа, и я надеюсь, что меня никогда больше не позовут к таким людям — в качестве врача или кого-нибудь другого.

Честные люди, как я называл матросов парохода, страдали теперь гораздо меньше. Они благодарили меня за оказанную им помощь. Что касается американца, то он откровенно рассказал мне историю этого страшного побоища.

— Мы стояли за то, чтобы ехать в Рио-де-Жанейро, а мистер Росс был против этого,— говорил он.— Ждали вспомогательного судна, и на нем были, как я думаю, люди, согрешившие против закона. Еврей обращался с нами, как с самыми грязными, низкими людьми, и часто поговаривал о плотах. Знаете ли, для чего эти плоты, доктор? Живых людей бросают через борт на такой вот плот величиной с большой широкий стол и желают им счастливого пути. Колин Росс заболел лихорадкой и теперь лежит внизу и бредит. Мы получили оружие после того, как подмаслили подштурмана и пообещали ему место Росса. Рано или поздно, но это должно было случиться. Мы убивали их, как овец, а теперь мы собираемся высадиться на берег и сорить там нашими деньгами... Я говорю, разумеется, только о тех, что остались в живых, хоть их в общем-то очень мало,— вы знаете сами, доктор.

Он говорил правду, в этом не было сомнения. Я стоял на палубе поистине зачумленного корабля. Он был полон предсмертных воплей и рыданий. Наступила ночь, и густой белый туман покрыл океан. Яхта больше не была видна. Из всех проведенных мною часов среди этого великого испытания это был самый ужасный и грозный по своему значению.

Яхта не могла найти меня среди тумана, и мне грозила опасность остаться пленником этих отчаянных людей и их заложником на случай ожидающего их возмездия...

НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ.
ДОКТОР ФАБОС ПОСЕЩАЕТ КОЛИНА РОССА

Я подвергался серьезной опасности, но было бы неблагодарно выказывать это. Весьма возможно, что люди эти не догадывались о том, что все преимущества на их стороне, и могли только случайно понять это. На судне не было теперь ни дисциплины, ни начальника — никого, кто мог бы сдерживать их. Страдания раненых мешали им думать о том, что делать. Я видел, что все смотрели на меня как на доброго ангела, платя мне полным доверием и повинаясь мне так же беспрекословно, как они повиновались своему капитану. Они не забыли даже и того, что я уехал с яхты без обеда, и предложили мне закусить и выпить.

— У старого Валентина хороший вкус на этот счет, и у него здесь много всяких запасов, — сказал мне простодушный американец. — Скажите только, чего вы хотите, пробки, как ракеты, полетят вверх... Скажите, доктор, чего вы желаете, и пусть только найдется лежебока, который откажется принести вам требуемое, я шкуру сдеру с него! Богу одному известно, что случилось бы с моими товарищами, не согласись вы приехать к нам...

Он говорил искренне то, что думал. Но, несмотря на желание мое принять его чистосердечное предложение, я удержался из страха возможных последствий. Да и кто осмелится пить, находясь среди такого экипажа, или только напомнить этим людям о желании получить напитки? Могу представить себе, какая попойка последовала бы за этим! Человеку трезвому она показала бы каким-то невероятным, ужасным сном, и даже По не в силах был бы описать ее.

Больше всего беспокоился я о том, чтобы отвлечь их мысли от моего положения и заставить смотреть на меня, как на своего, а не на чужого им человека. Что касается таинственного исчезновения моей маленькой Анны, то благодаря их извинениям по этому поводу и очевидной искренности их слов я не знал, что и думать о причине, следствием которой являлось это исчезновение.

Одно время я начал уже сомневаться, что она действительно пребывает на борту этого судна, хотя мне

казалось, что я видел ее, а затем я почти верил тому, что негодяи эти убили ее и она находится в числе жертв этой ночи. Иногда это приводило меня в отчаяние, которое я забывал, когда новая забота отвлекала меня от моих мыслей. Люди эти клялись мне, что Анна была жива.

Почему же я должен был сомневаться в искренности того, что, казалось мне, подтверждалось всеми моими наблюдениями?

Вот так обстояло дело, когда ночная тьма и густой туман окружили «Бриллиантовый корабль». Окиада, мой слуга, исчез непонятным для меня образом, и я не слышал ни слова о нем после того, как мы взошли с ним на борт. Яхта исчезла теперь совсем из виду, и даже самые зоркие глаза и самый тонкий слух не могли бы определить, где она находится. Тут, к удовольствию моему, ко мне обратился один из матросов с просьбой посетить Колина Росса, капитана судна и представителя Валентина Аймроза.

Я нашел его серьезно раненным. Пуля прострелила ему левое легкое и засела там таким гнусным образом, что жить ему осталось несколько часов. В выражении лица его ничего не было неприятного и ничего отталкивающего в его обращении.

Я откровенно сказал ему, когда он спросил меня об этом, что он не будет жить. Он отвечал мне на это с улыбкой, которая, казалось, готова была перейти в рыдание:

— Милостивый Боже! Как мало думает человек о том, что его ожидает, когда начинает идти по кривому пути. Два года назад я был капитаном судна, грузившегося углем. Я жил честно, у меня была родина. Когда мистер Аймроз нашел меня, я не был повинен ни в одном худом деле, которое могло пасть на голову моей дочери... она ждет меня теперь в Ньюкасле. Деньги подкупили меня... не отрицаю этого. Я обещал за тысячу гиней провести это судно в Бразилию... Вот там печать Аймроза на договоре, который лежит на столе. Вы можете не верить мне, но я в той же мере, как и папа римский, знал, в чем заключается это дело, зачем ехали сюда эти люди и для какой цели!.. Это истина, и я плачу за нее своей жизнью. Было бы безумием с моей стороны, сэр, отрицать, что это плохое дело. Я знал с первого дня, как только увидел Валя Аймроза,

что он плохой человек... и все его компаньоны на этом корабле были ужасные люди. О, милостивый Боже! Здесь были бы убийства каждый день, не питай все такого страха к этому человеку и его словам. Шаги его слышат, бывало, так немеют от ужаса... Дыхание его — адское пламя... Вся толпа трепетала при одном взгляде на него. Только страх и сдерживал всех, пока он не бежал на берег. Страх пошлет их всех в конце концов на скамью подсудимых...

Не считаю нужным скрывать от вас, какое сильное впечатление произвело на меня это свидание. Передо мной лежал здоровый британский моряк, человек лет тридцати пяти, не более, с каштановыми волосами, голубыми глазами, открытым лицом, который готовился расстаться с жизнью и лишиться навсегда любви дочери, ожидавшей его в Англии, лишь потому, что тлетворное дыхание чудовища коснулось его и лживый язык его наговорил ему басен о золоте. Сотни людей, таких же невинных, как и этот человек, покинули своих жен и детей, сделались отщепенцами общества, тюремными птицами, преступниками, человеческими отбросами потому, что дьявольские сети опутали их, преступные руки вцепились в них, лживый голос прельстил их.

Многих людей видел я умирающими, но ни один из них не умирал так, как этот: с именем ребенка своего на устах и образом его перед своими глазами.

О чем должен был говорить я в эту минуту? О вечной ли надежде на правосудие Всемогущего и Милосердного Бога или о тех местах, где благочестивые люди находят себе успокоение? Колин Росс думал о дочери, которая никогда больше не будет называть его отцом и которую он никогда не назовет своей дочерью...

Я был бы рад о многом расспросить этого человека, но у него не хватило бы сил отвечать. Матросы клялись мне, что все обстоит благополучно с Анной, и он, в свою очередь, поддерживал их с таким жаром, какой только мог выказать, несмотря на свои падающие силы.

— Мы собирались ехать в Бразилию и устроить переезд мисс Анны в Лондон. Там отец ее, генерал Фордибрас. Если с ней что-нибудь случилось, то лишь после того, как я покинул палубу. Матросы боготворят

ли ее... Я не могу не согласиться с вами, что они грубы, но я собственной рукой убил одного, а матросы поручились мне за второго, спаси его Господи! Вы найдете мисс Анну здоровой и невредимой и отвезете ее к отцу. Больше я ничего не могу посоветовать вам, сэр! Вы в достаточной безопасности на борту, пока продолжается эта смута, но как только все успокоится, спасайтесь, ради Бога, ибо тогда ни одной минуты нельзя будет поручиться за вашу жизнь. Вспомните, чем рискует это судно, вступая в порт, да еще с вами: ведь о нем могут спросить вас. И матросы, и пассажиры поспешат в равной мере предупредить это. Нет, доктор, спешите обратно на яхту, пока можете, и предоставьте этих людей собственной судьбе.

Он говорил с большим достоинством, но я не нашел нужным сказать ему, что и сам уже думал о том, что он советует мне. Уходя от него, я пообещал ему посетить его жену и ребенка в Ньюкасле и сделать для них все, что смогу, а главное — скрыть от них истину и не говорить о мрачной истории его жизни, ибо, говорил он, «имя мое дорого для них». Ему оставалось недолго жить, и благодатная сонливость, так часто бывающая предвестницей смерти, быстро овладела им, навевая на него тихие сны.

Случилось это с ним около одиннадцати часов ночи. Туман был теперь гуще, но он тянулся больше к северу, и воздух вокруг нас понемногу светлел.

Я питал некоторую надежду, что увижу яхту, когда усилится ветер, и ожидание это было самым ужасным для меня за все время этого смелого предприятия, повергая меня в отчаянное состояние духа и внушая сомнения относительно благоприятного исхода дела.

Почему друзья мои не спешат до сих пор ко мне? Что задерживает их? Как решаются они оставлять меня здесь, во власти этих головорезов, в тенетах паутины, где всякая вспышка гнева могла лишить меня жизни, где свобода моя зависела от негодяев? Здравый смысл должен был мне подсказать, что они ничего не могли сделать в данную минуту, но здравому смыслу не было здесь места, и для меня это был самый мрачный час за все время моего пребывания там. Напрасно возмущался я своими поступками и тем рассуждением, которое заставило меня ступить на борт

этого судна. Было безумием с моей стороны приехать сюда, безумием поверить этим людям.

Я начинал уже замечать кое-какие проявления меньшего почтения к себе... Быть может, это была чистейшая фантазия, но мысль эта засела у меня в голове, а разговор с американцем не способствовал тому, чтобы рассеять ее.

— Я хочу отправиться к себе на яхту, — сказал я ему приблизительно около часа ночи. — Я отправлюсь на яхту, но на рассвете вернусь обратно и посмотрю, что я еще могу сделать для вас. Мистер Росс сказал мне, что вы собираетесь в Бразилию. Это меня не касается. На судне у вас нет больше человека, которого я ищу. Ко всем остальным я никакого отношения не имею, как и они ко мне. Устроим прежде все как следует, а потом будем говорить о высадке на берег.

Этого мне не следовало говорить. Не успел я произнести последних слов, как заметил, что американец совсем не думает о яхте и, отступив к лестнице, ведущей вниз, объяснил мне положение дел.

— Не поехали ли ваши люди на сенокос, доктор? — сказал он далеко не шутливым тоном. — Не думаю, чтобы дело было в этом. Мои товарищи нуждаются в вас, а пока они нуждаются в вас, придется оставаться здесь. Не спуститься ли вам лучше вниз и посмотреть на Гарри Джонсона? Он неистовствует как безумный. Вы можете войти туда потихоньку... я посмотрю, что может сделать для вас Вильямс... хотя вам прежде всего нужно позаботиться о гамаке — об этом нет двух мнений.

На это я ответил в таком же решительном тоне, что только я один могу распоряжаться своими приездами и отъездами, а приятель его может подождать своей очереди. Продолжительное знакомство с нравами подобных негодяев убедило меня в том, что слабость и вежливость не имеют для них никакого значения и единственным оружием против них может служить только твердость характера, доведенная почти до бесчеловечности. Я готов был убить этого человека, осмелев он только грубо ответить, и надо было видеть, с каким удивлением он выслушал мои слова.

— Не обижайтесь, доктор, — сказал он, — я скажу Гарри, что вы хотите уехать на время. Не думайте, что мы не чувствуем себя обязанными вам за то, что вы для

нас сделали. Матросы много чего готовы сказать вам за это. Пользуйтесь своим временем и поступайте, как вам лучше. Всемогущему Богу известно, сколько здесь еще дел...

Он выплюнул в море пережеванный им табак и, круто повернувшись, отправился к своим товарищам у бака.

До сих пор не могу забыть окружающего меня зрелища.

Представьте себе густой серый туман, поднимающийся над поверхностью воды, серебристые волны лунного света, прорезывающие туман, неподвижное судно, фигуры валяющихся повсюду людей, среди которых слышались то рыдания, то вздохи и стоны; фонари на палубе, темные очертания большой грот-мачты, рейки и реи и чудовищная труба. И не забывайте, что судно это было священным притоном всех друзей преступления, которые преклонялись перед Валентином Аймрозом и приносили ему награбленную добычу.

Чего только не могли рассказать эти каюты! Какие преступления были здесь совершены... убийство, сладострастие, пролитие крови...

Какие ужасные крики раздавались на этой палубе, предсмертные крики сильных мужчин и стоны женщин! Вот какие призраки мелькали передо мной, когда я ходил взад и вперед по шканцам, спрашивая себя с отчаянием, что удерживает моих друзей и как долго продолжится этот туман.

Я представлял себе тот день, когда гениальная мысль впервые зародилась в изворотливом уме еврея, и он с восторгом приветствовал возможность исполнения ее. Какая полиция и какое правительство могли найти преступников в открытом море и драгоценности, которые сбывались предводителями шаек мошенников в такое верное убежище? Кто мог решить правильно эту загадку, пока случай не подсказал ему верного ответа?

Стоило только мне уйти с борта этого судна — и как быстро мог я привести все дело к окончательному финалу! Я мог, разумеется, довести его до сведения правительства, мог открыть двери этого храма убийц... Но мог ли я вместе с тем дать возможность уничтожить такую обширную организацию? Как единодушно должно было действовать интернациональное вмешатель-

ство, чтобы захватить опаснейших злодеев, выгнать тигров из их логовищ или освободить города от их союзников? И все, что я делал для этого, к чему стремился, привело лишь к тому, что еврей был на свободе, а я очутился пленником на палубе его судна...

Я стоял у лестницы и наблюдал за слоившимся туманом, который то разрывался местами, образуя серебристые полосы, то клубился, соединяясь в густые облака и скрывая все от моего взора. Матросы оставили меня одного, отсутствие их указывало на еще большую опасность для меня.

Я слышал громкий спор у бака, откуда доносились то убеждающие, то гневные голоса. Сам чудовищный корабль казался беспомощным, напоминая огромное раненое животное, которое борется с агонией и ищет места, где бы оно могло закончить свое существование.

Все чувства мои говорили мне, что я нахожусь в большой опасности. Негодяи эти собрались, вероятно, идти ко мне с каким-нибудь предложением. И они действительно, смущенные и нерешительные, двинулись ко мне в составе двадцати или более человек, как бы в виде делегации, готовой убить меня на том же месте, где я стоял, затем напиться рому, в изобилии доставленному им судовым комиссаром...

Американец, я заметил сразу, был их предводителем, а рядом с ним шел человек, известный под именем Билла Ивенса. Они прошли тесной толпой по палубе для прогулок, но, видимо, чувствовали большое затруднение, когда дело дошло до объяснения на английском языке. Не будь мое положение так опасно, все это показалось бы мне очень смешным.

— Ну-с, ребята,— крикнул я, считая необходимым заговорить первым,— в чем дело? Говорите, я не съем вас.

— Просим извинения, сэр, но мы желаем сообщить вам, что Вилли Райнер избран капитаном этого судна, и он желает, чтобы вы спустились к нему вниз.

Говорил человек по имени Ивенс, и я должен сказать, держал он себя крайне забавно.

— Много чести со стороны мистера Вильяма Райнера,— сказал я со смехом.— Не желает ли он сделать первый шаг?.. Буду ли я иметь удовольствие видеть его?

— Он там, позади кабестана. Мы, если угодно, сэр,

делегация. Вилли не желает, чтобы кто-нибудь был позади кухни, это его подлинные слова. Вы должны спуститься вниз и ждать, пока за вами пришлют.

Я взглянул говорившему в лицо и громко расхохотался.

— Ребята,— сказал я спокойно, обращаясь ко всем,— чего желаете вы: плыть по морю или вместе с этим судном очутиться на дне Атлантического океана?

Слова эти озадачили их. Джентльмен по имени Билл Ивенс продолжал:

— Я и товарищи мои просим извинения, сэр!.. Мы здесь ни при чем. Вы попали на чужой остров, поэтому так все получилось. Вилли говорит, что он ничего не имеет против вас, но раз вы на этом судне, то должны повиноваться ему и никому больше. Мы скромно передаем вам это, сэр, и просим, чтобы вы сделали так, как говорит Вилли.

Я вынул пистолет из кармана и взвел курок. Это было испытанием для меня, так как дело шло о моей жизни. Убей я хоть одного из этих людей — и я знаю, что в ту же минуту все бы изменилось: они или пали бы передо мной на колени, или убили бы меня на месте.

— Теперь слушайте! — сказал я. — Яхта моя находится на расстоянии брошенного с вашей палубы сухаря. Если вы осмелитесь мне сказать еще одно такое бесстыдное слово, то я и вас, и всех негодяев на этом судне отправлю на тот свет... Это так же верно, как и то, что у меня в руке пистолет и в нем патроны. Пойдите и передайте мистеру Вильяму Райнеру, что я вам сказал, не то я пойду сам и притащу его сюда, если вы этого не сделаете.

Я говорил уже — и это истинная правда, — что никогда еще в своей жизни не переживал более критического момента. Мы стояли друг против друга: с одной стороны — сдерживающие свой гнев матросы, с другой — я, и все мы знали, что исход этого дела близится, и в то же время никто из нас не хотел ускорить окончания его. Что касается этих жалких людей, то не думаю, чтобы они решились поднять руку на меня, не будь среди них американца, который подначивал их. Он был зачинщиком и с презрением относился к вновь избранному капитану и к его мнимой власти. Это был самый

опасный человек, с которым мне приходилось бороться.

— Весьма возможно, что яхта ваша находится там, где вы говорите,— сказал он, растягивая слова,— но ей придется сильно поработать, если она пожелает догнать нас в эту летнюю погоду. Не обращайтесь так свободно с вашим пистолетом, сэр, не то мы отнимем его у вас. Вы попали в западню, и вам выгоднее придержать свой язык, не то мы вырежем его и посмотрим, что с ним делать! Следуйте лучше за мной и не заставляйте нас нервничать. Вилли Райнер не съест вас, и вы не съедите его, а потому живо вперед, доктор! Дайте нам посмотреть, как вы маршируете.

Наглая речь эта сопровождалась взрывом аплодисментов. Американец выступил на два шага вперед и положил мне руку на плечо. Не успел он притронуться ко мне, как я со всего размаха ударил его кулаком по лицу — и он растянулся на палубе.

В следующий момент я, спасая свою жизнь, вскарабкался по лестнице на мостик и схватил веревку, которая сообщалась с паровой сиреной.

Милостивый Боже! Какая это была минута! Был ли уменьшен огонь внизу и был ли пар в котле? Я дернул изо всей силы веревку, но не получил ответа. То и дело принимался я дергать веревку, как будто одного отчаяния моего было достаточно, чтобы поднять тревогу, призвать моих друзей и тем самым спасти меня от этого сборища негодяев. Матросы, стоявшие внизу, наблюдали за мной с любопытством и открытыми ртами, а когда звук сирены пронесся, наконец, над поверхностью моря, то внизу на палубе слышались осторожные шаги и приказание, переданное кому-то шепотом.

Матросы растерялись и не знали, что им делать. Явление это, по моему наблюдению, весьма обычное среди матросов, когда они узнают о каком-нибудь бедствии, которое готово обрушиться на них и может застигнуть врасплох. Среди группы матросов в низу лестницы одни стояли, заложив руки в карманы, другие лениво потягивали дым из трубки, остальные с недоумением поглядывали на своих соседей, как бы надеясь прочесть в их лицах ответ на загадку, заданную в эту ночь. И пока они так стояли, звуки сирены продолжали раздаваться, густые, предостерегающие, страшные, как голос Минотавра. Если до сих пор я сомневался в своих

добрых товарищах на яхте, то теперь сомнения исчезли: яхта «Белые крылья» почти в ту же минуту ответила на мой сигнал в более высоком, вызывающем тоне и как бы говоря: «Яхта здесь... все благополучно... как могли вы сомневаться в нас?»

Глубокая тишина опустилась на «Бриллиантовый корабль», когда раздался этот пронзительный ответ на мой сигнал. Прошло несколько минут, прежде чем хоть один из моряков произнес слово или двинулся с места.

Я спрятал пистолет в карман и вынул папиросу из портсигара. Я хотел дать понять матросам, что самый критический момент уже прошел, но сам я не обманывался на этот счет. Вспомните, что я взобрался на мостик в самую опасную минуту и что вздумай я спуститься вновь на палубу, мне надо было бы сойти по лестнице между двумя рядами людей, пройти как человек, который идет к дому мстителя, к его товарищам, а те будут судить его и приговорят к наказанию.

Спасение этих негодяев находилось в зависимости от моего плена; я был их заложником, и через меня могли они получить снисхождение, если только они могли надеяться на него.

— Ну-с, ваше намерение? — спросил американец, поднимаясь на одну ступеньку. Манеры у него были теперь более робкие и не такой свирепый вид.

— Мое намерение, сэр, — ответил я, стараясь казаться совершенно спокойным, — отправиться к себе на яхту и решить там, как должен я поступить с вами. Все будет зависеть от вашего поведения, прошу вас запомнить это.

Я закурил папиросу и ждал его приближения. Яхта была уже вблизи нас. Я слышал пыхтение ее турбин и то и дело повторяемый крик сирены. Победа была за мной, не случись только чего-нибудь. А между тем мне казалось, что непременно должно что-нибудь случиться, если не помешает этому какое-нибудь чудо.

— Да, верно, это ваша яхта, — сказал янки. — А когда она будет здесь, то мы сами попадем в западню. Вопрос в том, кто поможет вам попасть на ее борт и что будет с ним, когда он это сделает? Итак, будем говорить, как мужчина с мужчиной. Вы дадите нам торжественное обещание не предпринимать ничего против экипажа нашего судна, и вы будете свободны: можете приходить и уходить, когда вам угодно. Это первое

условие... Второе: вы должны подписать бумагу, которую составил Вилли Райнер, и подчиниться ее условиям. Сделайте это, и друзья ваши не больше нашего пожелают вам помочь. Но если вы не сделаете этого... тогда берегитесь, ибо, клянусь Богом, вы не проживете и десяти минут!

Он поднялся еще на одну ступеньку, довольный, видимо, своим собственным красноречием. Что касается матросов, они не открывали рта с той самой минуты, когда мне ответили с яхты; теперь же все они подняли рев, который грозил мне их собственным судом, причем голоса их поражали тем хриплым, неприятным тембром, который приобретает человеческий голос при постоянном пребывании на море. Случись все это при менее опасных обстоятельствах, я мог бы дать им требуемое слово, чтобы они отпустили меня, и даже подписать бумагу, о которой говорил их предводитель, но теперь, перед лицом угроз, мною овладел страшный гнев, и я, ступив на самую верхнюю перекладину лестницы, отвечал им так, что даже тупые головы их не могли не понять значения моих слов:

— Ни слова, ни подписи, клянусь Богом! Вот вам мой ответ. Можете соглашаться с ним или не соглашаться, но если вы не согласитесь, то некоторые из вас будут, разумеется, повешены за сегодняшние ночные деяния, и это так же верно, как и то, что я держу пистолет в руках. Теперь же отойдите прочь от лестницы, потому что я хочу спуститься вниз. Посмотрите вон туда... Там ждет меня шлюпка.

Я поднял руку и указал в ту сторону судна, где находились шканцы. Море было пусто с той стороны, но зачем было говорить им об этом? Глаза мои различали уже темные очертания шлюпки у самого штирборта, а так как моя жизнь зависела от хитрости, то я и поспешил отвлечь их внимание от шлюпки. Никогда не сомневался я в том, что эти негодяи очень скоро убили бы меня, как убили недавно своих товарищей на судне, представь я только другой какой-нибудь аргумент.

Я видел выхваченные из-за пояса ножи, слышал быстрые переговоры друг с другом и тихое ворчание человека-зверя, который почуял добычу и ноздри которого раздулись от жажды крови. Стоило мне только допустить дальнейшие переговоры, и они, не обращая ни на

что внимания, взобрались бы по лестнице, бросились на меня и перерезали мне горло.

Я понял это и поспешил указать им на шканцы, куда они двинулись всей толпой, как дети, которые не верят тому, что им говорят, и хотят увидеть все собственными глазами. Маневр мой, по-видимому, вполне удался.

Моя свобода, моя жизнь зависели от этой хитрости. Я не лгал, говоря, что друзья мои спешат ко мне. Перпендикулярно к пароходу, в пятидесяти ярдах от его штирборта, я увидел длинную шлюпку, высланную за мной.

Взглянув в последний раз на валявшиеся внизу тела и взвесив все с обычной, вследствие долголетней практики, быстротой, я решил рискнуть всем и, презрев людей и море, бросился стремглав с мостика и предоставил Богу исход своей судьбы...

С этой минуты для меня наступила трагедия! Плеск воды, точно похоронная песня, зашумел у меня в ушах, одежда показалась мне камнем, который тащил меня вниз.

Мрак и ужас моря окружили меня, темное небо взглянуло мне прямо в глаза, когда я всплыл на поверхность воды... Я не знал больше, где находится шлюпка и в каком направлении плыть.

Я был уверен, что друзья видели меня или имеют какое-нибудь понятие о моем положении... Тишина кругом полная, длинные валы, несущие меня, затем вдали, на расстоянии крика, звуки пистолетных выстрелов, сопровождаемые человеческими голосами, и снова тишина... До того полная, до того глубокая, что шум маленьких волн, как шум водопада, отдавался у меня в ушах.

Я находился на расстоянии кабельтова от тех, кто готов был отдать свою жизнь за меня, и в то же время так далеко от них, как будто я стоял на вершине горы и взывал к небу о своем спасении. Ни звука, ни шепота не приносил мне ветер. Сильный пловец, я лежал глубоко в воде, чувствуя ее холод на своем лице и журчанье ее струек в своих волосах, и видел над собой синее небо. Как далеко в те минуты были от меня все человеческие интересы и все человечество вообще!

Когда я спокойно припоминаю все это с самого начала, я удивляюсь тому, зачем, собственно, взялся я за это? Какое было мне дело, что негодяи придумывали

разные хитрости против своих братьев-мошенников на берегу? Кто поставил меня судьей преступления и его служителей или разрешил мне называть одного человека вором, а другого честным? Великий океан смеется над такими законами и законодателями. Могучий и великолепный трон ветров не представляет ли собой королевство, изумительное в своем величии и несравнимое в своей обширности? Я не чувствовал никакой опасности, когда бросился в воду.

Я прислушивался к ее приятному голосу и отвечал ему... Я видел знакомые мне и любимые образы и не чувствовал ни малейшего сожаления. Неугасимый огонь веры горел в моей душе. Я верил, что снова увижу свою малютку Анну, несмотря на то, что воды грозили поглотить меня.

Я несколько не вменяю себе в заслугу мое душевное состояние. Я знал многих людей, которые были извлечены из воды почти на пороге смерти, и ни один из них не припомнит, чтобы испытывал страх. В одном из двух случаев говорили о страшной боли в легких, но большинство испытывало необыкновенное удовольствие и глубокое чувство покоя, как будто бы мир и уединение в глубине воды сообщались и их душам, снимая с них всю тяжесть жизни.

Переходя снова к самому себе, я не думаю, что искажаю факты, говоря, что не испытывал в эту минуту страстного, захватывающего желания быть спасенным. Мне представлялось тогда, что нет ничего более долговечного в жизни, чем любовь, ничего более желанного, никакого человеческого качества более драгоценного, чем эта потребность любви. И, переходя от общих рассуждений, я снова возвращался к собственной истории и спрашивал себя, зачем я оставил Анну Фордиграс в Дьеппе, зачем принял ее вызов, вместо того чтобы заключить ее в свои объятия и вписать золотую страницу в нашу жизнь?

Размышление это вызвало в ту же минуту глубокое чувство сожаления и безумное желание искать какого-нибудь берега, чтобы спастись. Я говорил себе: «Я поступил нехорошо, я достоин порицания». И с этой минуты я думал только об одной Анне. Видел лицо ее, склоненное надо мной, и слышал жалобную музыку ее голоса.

Как долго продолжалось все это, я не могу сказать.

Помню, что я сознавал лишь то, что не плыву, а, скорее, лежу на поверхности воды вблизи корабля. Попеременно я переходил от состояния полного довольства к отчаянию, а от него — к состоянию бесчувствия...

Знаю только, что чья-то грубая рука вытащила меня из воды, чьи-то бледные лица склонились надо мной — и самое доброе и милое из них было лицом Анны Фордибрас... маленькой Анны из Валлей-Гоуза. Она склонилась надо мной и поцеловала меня в губы, и слезы молодой девушки выразили мне привет ее души, не высказанный словами.

XXIX

АННА РАССКАЗЫВАЕТ СВОЮ ИСТОРИЮ. МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ НА РОДИНУ

Мистер Боб Соьер, сколько мне помнится, сказал по поводу некоего случая, что во всем мире нет более верного медицинского средства, чем пунш, оговорившись при этом, что он не помогает только в тех случаях, когда его выпьешь недостаточное количество. Доктрину эту и я со своей стороны считаю неоспоримой. Прием слишком большой дозы холодной воды ничем не может быть так быстро и верно исцелен, как средством, прописанным превосходным Бобом.

Я в высшей степени здоровый человек и, несмотря на все опровержения моей дорогой сестры, утверждаю, что здоровье у меня железное.

Обыкновенная работа не утомляет меня; я могу ходить целый день и больше всего люблю гулять, когда все спят. Раза два я плавал в море миль по пять, и сколько раз ни случалось мне промокать, я не помню, чтобы когда-либо принимал какие-нибудь меры против простуды. Глупо, конечно, хвастаться своими физическими качествами, но я не хвастаюсь, я говорю о них, имея в виду лишь последствия моего пребывания в воде.

Из воды меня вытащили Окиада и Лорри, который правил рулем шлюпки, следующей за мной. Несмотря на туман, этот капитан с рысьими глазами следил за каждым движением «Бриллиантового корабля», нахо-

дьясь все время так близко подле него, что мог бы бросать сухари на его палубу.

Когда сброд этот вынудил меня взобраться на мостик, его чуткое ухо сразу уловило поднявшуюся суматоху. Он же расслышал мой прыжок в воду и сразу сообразил, как обстоят дела, вынудившие меня на такую крайнюю меру. Он распорядился, чтобы длинная шлюпка держалась на море с самого начала этой истории, и двинулся с места в самую необходимую для меня минуту. Он говорил мне потом, что матросы уселись в нее и отъехали прежде, чем он успел сосчитать до двадцати.

Добрые малые все сразу, как по команде, втащили меня в шлюпку и завернули в одеяло; затем налегли дружно на весла и примчали меня на яхту. Здесь, пройдя среди собравшихся встревоженных людей, они отнесли меня в каюту и уложили на постель, прежде чем я пришел в себя и понял, что нахожусь среди друзей, которые спасли меня от гибели. Придя в себя, я не чувствовал ни боли, ни слабости, никаких, одним словом, признаков крайнего упадка сил или потрясающего озноба.

Я сильно волновался, но волнение это вызывалось доказательством дружбы окружающих и уверенностью в том, что Анна Фордибрас у меня на яхте, что она ходит и дышит возле меня и с Божьей помощью останется моей пленницей до конца дней моих. Ибо, не обращая внимания на старого Тимофея, который орал во все горло, чтобы подали горячей воды и лимонов, она взяла под свою команду всю каюту спустя пять минут после того, как я очутился в ней, точно командир судна, выкинувшего свой флаг в Портсмуте. Никто не считал себя вправе предложить ей уйти отсюда, чтобы занять ее место.

Как приятна помощь женщины в часы наших несчастий! Как безгранична ее преданность и неутомимо терпение! Это так же известно нам, как прописная истина, а между тем многие узнают это лишь в то время, когда подвергаются недугу или попадают в заключение.

Я не был болен, мне вовсе не нужно было лежать в постели, но я лежал, наблюдая за Анной, не говоря ни слова и жадно ловя каждое ее движение. Как грациозно и как легко переходила она с места на место!

Она снова превратилась в Анну, которую я встретил в Дьепе. Не было больше на ее милом детском личике и следа тени, наложенной на него пребыванием в Валлей-Гоузе.

Было, сколько мне помнится, еще очень рано, когда Анна приняла на себя заботы обо мне. Старый Тимофей готовил мне пунш, а Лорри то входил в каюту, то выходил из нее и спешил на мостик, очень взволнованный всеми событиями и в то же время довольный, что все это случилось. Безумные няни, ухаживавшие за мной, ни о чем решительно не хотели говорить и волновались всякий раз, когда я начинал расспрашивать их. Моряки считают обыкновенно страшной трагедией падение человека в море. Мало кто из них умеет плавать, и вода — их личный враг. Вот почему Лорри настаивал на том, чтобы я оставался в постели, укрывал меня одеялом и, как старого пьяницу, накачивал меня пуншем Тимофея. Нет ничего удивительного, что заботы эти в конце концов очень рассердили меня.

— И зачем все это делается, Анна? — спросил я по прошествии получаса. — Ребенок я, что ли, с которым все возьмется потому только, что он промочил себе передник? Скажите капитану Лорри, что я сейчас приду к нему на мостик. Неужели же вы думаете, что я очень доволен тем, что меня уложили в постель? Скажите ему, что я приду сейчас. Все эти ухаживания — такая нелепость!

Анна покачала головой, видимо, недовольная мной.

— Только мужчина может так говорить, — сказала она, — только мужчина может быть таким неблагодарным.

— Я сомневаюсь, чтобы все это было необходимо. Вокруг меня собралась целая толпа тиранов, которые хотят силой удержать меня в постели и говорят при этом о неблагодарности. Не понимаете вы разве, милая девушка, что я должен знать все, что происходит? Могу ли я лежать в постели, когда дела наши так сомнительны... когда то и дело может что-нибудь случиться? Сделайте, пожалуйста, то, что я вам говорю, и передайте мои слова капитану Лорри.

Она встала и, подойдя к моей кровати, слегка при-
ткнулась к моей руке и сказала совершенно спокойно:

— Ничего еще не случилось, доктор Ин! Когда вы подниметесь на мостик, вы ничего не увидите, кроме

тумана. Мистер Мак-Шанус только это и видит в настоящее время: туман и свой стакан с пуншем. Мы не можем видеть тех... и надеюсь, никогда их больше не увидим.

Она сказала это совершенно спокойно, а между тем сколько горя слышалось в ее словах! Они говорили об ужасных днях, проведенных среди разбойников, о невыносимых часах страданий и отчаяния. Я подумал тогда, что она самая мужественная из всех известных мне женщин, да и теперь так думаю.

— Анна,— спросил я,— как вы попали сюда? Где вас нашел Окиада? Я все думал об этом, и мне кажется, я все знаю. Но вы лучше сами расскажите мне. Вы спрятались, вероятно, в какой-нибудь шлюпке, не правда ли? В одной из тех трех, которые были спущены матросами на воду, когда они отправились за мной. Я так думаю... Другого ничего не может быть.

Она сидела у меня в ногах, ножки ее качались как бы в знак того, что она совершенно спокойна, руки ее были сложены на коленях, а глаза между тем избегали встречаться с моими: она, видимо, боялась, чтобы я не сказал ей правду.

— Вы всегда были настоящим волшебником, доктор Ин! Мой отец, то есть генерал Фордибрас, говорил так... Мистер Мак-Шанус думает то же самое и капитан Лорри того же мнения. Да, я скрывалась в одной из этих шлюпок. Я видела, как их спустили, и, когда все уехали на первой из них, я сошла по лестнице и спряталась под брезентом. Приходилось ли вам когда-нибудь бояться, доктор Ин... бояться чего-то, что кажется вам хуже всего, что вы когда-либо представляли себе? Я боялась этого с той самой минуты, когда Аймроз взял меня с собой на корабль... Сказать не умею, как боялась... Да, так боялась, что готова была лежать там часами, чтобы ничего не видеть и не слышать, и молиться о том, чтобы день этот кончился моей смертью. Прошу вас, не говорите мне больше об этом... я не в силах выносить это... Богу известно, что не в силах!

На минуту, на одну только минуту мужество покинуло ее, и она, закрыв лицо руками, заплакала, как ребенок. В этом порыве выявилась та страшная душевная мука, которую она так долго таила в себе. Я не нашел нужным успокаивать ее и ни слова не говорил ей. Обстоятельства, при которых свершилось ее освобождение

ние, могли быть единственным ответом на все ее опасения.

— Не будем говорить об этом, Анна,— ласково сказал я ей.— Вы поступили очень благоразумно, спрятавшись в шлюпке, и я удивляюсь, как это пришло вам в голову. Я был бы недоволен, если бы оказалось, что я ошибся. Когда мне сказали, что вас нет на корабле, я сразу догадался, что вы успели скрыться в одной из оставшихся шлюпок, и подумал, что Окиада найдет вас там. Он понимает мои мысли несравненно лучше, чем я сам понимаю их. Вот он — настоящий волшебник! Мы всегда будем держать у себя Окиаду, когда вернемся в Англию, Анна! Я ни за какие богатства «Бриллиантового корабля» и ни за что другое не соглашусь расстаться с ним. Да, мы никогда не расстанемся с Окиадой!

Все это я сказал с определенным намерением, и Анна была бы недостойна присущей ей сообразительности, не догадайся она, в чем дело. Она сразу поняла меня...

— Я должна ехать в Париж,— ответила она.— Генерал Фордибрас ждет меня там. Я должна ехать к нему, доктор Ин! Он никогда не собирался посылать меня на корабль... нет! Меня обманом завлекли туда Аймроз и его сообщники. Мой отец хотел отвезти меня обратно в Америку. Он обещал мне это в тот день, когда я отправлялась в Валлей-Гоуз. Я верю, что он говорил серьезно, он никогда не лгал мне.

— Факт, говорящий в его пользу, и один из лучших. Так, следовательно, еврей увез вас в ту ночь, когда друзья спасли меня? Я должен был подумать об этом... должен был догадаться.

Незаметно для нее, как видите, я заставил ее рассказать все, что случилось с нею после того, как нас разлучили в Валлей-Гоузе. Решение ее ехать в Париж вполне гармонировало со всем поведением, а необыкновенно честное отношение ее к этому негодяю Фордибрасу поразило меня своим постоянством.

Человек этот относился к ней хорошо и исполнял взятые на себя отцовские обязанности. Не собираясь преднамеренно втягивать ее в преступления, совершаемые его агентами. Все это было делом еврея, делом человека, который был краеугольным камнем всего этого изумительного заговора. Я не мог порицать Анну, она все поняла сама.

— Вы помните, конечно, доктор Ин, что после обеда я ушла к себе в комнату,— продолжала она в ответ на мои слова.— Я пробыла там не более получаса, когда старая служанка пришла наверх и сказал, что отец ждет меня в саду. Я сбежала вниз, и она повела меня к воротам у горы, через которые проходил один только генерал. Там я встретила негра, и он сказал мне, чтобы я шла за ним в обсерваторию, которая, если вы помните, находится на скалах. Я ничего не подозревала, да и могла ли я подозревать? Мой отец часто бывал в обсерватории вместе с Аймрозом, и я подумала, что они хотят сообщить мне какую-нибудь приятную новость. Это были мысли, достойные ребенка, но я не стыжусь их. Не успели мы пройти через туннель, как из-за скалы выскочили два матроса и сказали мне, что генерал отправился на борт яхты и что я должна ехать туда же. Меня обманули: яхта ждала меня, но генерала не было на ней. Я была беспомощна в их руках, и мы в ту же ночь отправились на «Эллиду».

— «Эллида»! Вот как называется этот корабль. Еврей ученый, по-видимому, человек. Не «Эллидой» ли назывался корабль Фритиофа в сказаниях? Остроумная выдумка! Его принимали за норвежский и подозрения улетучивались сами собой. Я понимаю значение этого и удивляюсь его уму. Он взял вас с собой не для того, чтобы сделать вам какое-нибудь зло, а чтобы напугать меня. Но я не испугался, Анна, хотя было бы неправдой, скажи я вам, что вел себя благоразумно. Бывали минуты, когда большинство моих людей теряли мужество. Я окончательно потерял его в ту ночь, когда получил послание, касавшееся вас. Будь я более благоразумен, я должен был бы сразу сообразить, что это была только вспышка бешенства, не имеющая никакого значения. В это время вы, по всей вероятности, спокойно спали в своей каюте. Всегда одна и та же история... один из двоих доходит до безумия от беспокойства, а другой спит. Не будем больше говорить об этом. Я уверен, что обстоятельства такого рода никогда не повторятся, проживи мы еще тысячу лет. Все это лишь ненужное самомнение, достойное такого молодого человека, как я, Анна!

Слова мои вызвали у нее улыбку, и она принялась рассказывать мне много таких вещей о корабле еврея,

каких при других обстоятельствах она никогда не рассказала бы мне. На борту его находится тридцать два так называемых пассажира и в числе их одиннадцать женщин... Что касается экипажа, он состоит, как она слышала, из пятидесяти человек. Незначительное количество людей нисколько не удивило меня. Это было судно, редко входившее в гавань и почти постоянно пребывающее на обширных пространствах Атлантики: к чему было ему больше людей? Матросы целыми днями лентяйничали на палубе, как говорила Анна, а ночью происходили сцены, не поддающиеся никакому описанию.

— Мы жили, как вы живете в больших отелях Лондона. К нам часто приходили суда из Европы и Америки и доставляли все необходимое. Аймроз редко выходил из каюты, остальные играли целые дни в карты, а когда не играли, то ссорились. Ночью все каюты освещались, и там до самого утра танцевали, пели и творили самые невероятные вещи. Пока Аймроз находился на корабле, я почти ничего не видела. Он приказывал мне не выходить из каюты и поступал правильно. Когда он уехал от нас, тогда началось нечто другое. Там есть один русский молодой человек, который с самого начала преследовал меня своей любовью... Были и другие, о которых я даже говорить не могу. Мистер Росс всегда был добр ко мне, но он не пользовался таким влиянием, как Аймроз. Как только он ступил на борт, Аймроз уехал в Бразилию — и начался бунт. Одни хотели сойти на берег, другие хотели дожидаться своих товарищей, которые должны были приехать из Европы с вспомогательным кораблем. Бог мой, какая там поднялась тревога, когда узнали, что вблизи находится ваша яхта и вы наблюдаете за нами! Аймроз все рассказал своим людям о вас, и когда вы были уже на виду, они вообразили, что за вами следом идут другие суда и что пришел их конец. С этой ночи начались бесконечные сцены ужаса и кровопролития. Я жила... я не могу сказать вам этого, доктор Ин! Вы поверить не можете, чего я насмотрелась и наслушалась!..

Я сказал ей, что прекрасно понимаю все, что происходило. Когда у таких отщепенцев расходятся страсти и среди них в это время есть женщины, то они теряют свой человеческий облик и начинают издеваться над ними. Я представлял себе невероятные сцены: крики

женщин, проклятия и бешенство преступников, ужас матросов, ночи пьянства и разврата, кровопролитное побоище, бешенство и злоба против человека, который все это затеял. Жизнь моя не стоила бы ни одного пенса, попади я к этим людям до того, как они проиграли или выиграли свою битву или в час самого разгара ее. Я считал чудом спасение Анны от всех этих ужасов. Я был неизмеримо благодарен всемогущему Богу, спасшему ее от страшной судьбы.

— Постарайтесь забыть все это, Анна,— сказал я.— Пребывание в Англии поможет вам стереть все это из памяти. Слишком рано еще говорить о том, что нам следует предпринять; мы многому научились, но так мало времени прошло... Мы отправимся теперь на родину, которая никогда не будет для меня родиной, если там не будет со мной малютки Анны. Вот все, что я хотел сказать вам сегодня вечером. Завтра засияет солнце, Анна, и для нас начнется новый день. Мир не мог дать мне большего счастья!

Она не ответила. Я знал, что она думает о прошлой горькой жизни своей и говорит себе, что не будет моей женой до тех пор, пока я не узнаю тайну ее рождения и детства. А зло здесь заключалось в том, что люди, которые могли открыть эту тайну, были преступниками, скрывавшимися от правосудия и избегавшими встречи со мной, дабы мир не узнал истории их преступлений.

XXX

КОНЕЦ «БРИЛЛИАНТОВОГО КОРАБЛЯ».

ДОКТОР ФАБОС

ОБРАЩАЕТ СВОИ ВЗОРЫ К АНГЛИИ

Я заснул почти к концу ночи, а проснулся вскоре после восхода солнца и отправился на мостик к Лорри. В это утро, я думаю, на всем южном полушарии не было человека более любопытного, чем я. Вспомните, в каком состоянии оставил я «Бриллиантовый корабль», нерешенные проблемы на его палубе, отчаяние экипажа, суд и приговор, ожидающие его на берегу, верная смерть в открытом море... Туман вчера вечером все скрыл от нас, но сегодня день был ясный и солнечный, туманная завеса поднялась — и перед нами откры-

лось зрелище, требующее нашего сострадания и до некоторой степени нашей благодарности. Лежат ли на нас какие-нибудь обязанности по отношению к находившимся там честным людям — если только там были таковые, — или же мы должны повиноваться долгу и вернуться домой в Англию, чтобы всему миру рассказать эту историю? Вот вопросы, которые мы обсуждали с Лорри, стоя на мостике в это солнечное утро и рассматривая в подзорную трубу стоявший далеко от нас корабль. Оставить его на волю судьбы или вернуться к нему? Говоря откровенно, я не мог решить, какова наша обязанность в этом случае.

— Там на борту есть женщины, Лорри, — говорил я.

И он всякий раз отвечал:

— А здесь на борту мужчины, которых ждут дома жены и маленькие дети.

— Мы поможем им, Лорри, — говорил я. — Если они образумятся, мы сделаем все возможное, чтобы помочь их раненым и тем, которые заслуживают нашего сострадания.

— Вы не можете помочь им, сэр!.. У нас нет ни одного лишнего фунта угля. Мистер Бенсон говорит, что вы доставите ему много хлопот, если заставите идти на Азорские острова. Хороши мы будем, если, подражая им, останемся здесь до Страшного Суда! А музыки на борту у нас нет, сэр! Мы будем танцевать под аккомпанемент наших собственных стонов. Думали вы об этом, доктор?

— Там на борту и раненые, и лихорадка, и смерть... Женщины во власти негодяев, корабль, лежащий беспомощно в дрейфе, скамья подсудимых в любом честном порту, мало шансов попасть в какой-либо порт... Что делать матросу в таком случае? Ответьте мне на эти вопросы, и я соглашусь с вами. Мы люди и должны принимать участие в несчастье людей. Скажите мне, повторяю вам, в чем заключается наша обязанность, — и мы исполним ее.

Я должен отдать справедливость Лорри и сказать, что в тех случаях, когда он принимал какое-либо решение, он редко отказывался от него. Собственный экипаж был ему несравненно дороже необузданной толпы преступников, скрывающихся на исполинском судне среди Атлантического океана.

— Доктор,— отвечал он мне,— если вас призовет к себе умирающий брат и в то же время сын вашего соседа, который разбился, убегая от полиции, как поступите вы? Вы спрашиваете меня, в чем заключается наша обязанность, и я объясню вам это в нескольких словах. Первая наша обязанность относится к мисс Анне: мы должны постараться, чтобы ни малейшая тень воспоминаний о случившемся не пробежала больше по ее детскому личику. Вторая — к тем людям, которые так верно служили вам, к их семьям и всем, кто им дорог. Тот корабль собирается уходить, как и мы. Он направится по пути почтовых пароходов, идущих в Аргентину, и скоро получит подкрепление. Если вы отправитесь туда на борт, вам перережут горло, а затем постараются захватить нас. Предоставьте их правосудию Всемогущего. Судьба их в других руках. В этом вся суть нашей обязанности.

Я знал, что он прав, но, несмотря на это, с большой неохотой подчинился его решению. Среди моряков существует неписанный закон, что никто не имеет права бросать на произвол судьбы матроса, как бы ни была справедлива и заслуженна судьба, постигшая его. Я хотел настоять на том, чтобы взять оттуда ни в чем не повинных людей и сделать все от нас зависящее для больных. Я боялся, что впоследствии меня будет мучить совесть при воспоминании об этом дне.

Я навел на корабль свою подозрную трубу, но не заметил на палубе, теперь совершенно ясно видной, ни малейшего признака жизни. Он был в том положении, в каком я его оставил,— во власти ветра и течения, среди раскачивающих его волн, представляя собой жалкое зрелище бессилия и отчаяния. Паруса на его мачтах были истрепаны и разорваны в клочья, точно рука матроса давно уже не прикасалась к ним. Дым не выходил из его труб, шлюпки были подняты наверх.

Я не видел капитана на мостике, не видел суетившихся матросов у бака, что служило бы указанием на приготовления к отплытию. Он походил на призрачный корабль, вызванный воображением мечтателей...

— Вот что, Лорри,— сказал я наконец,— взглянем на него еще раз поближе. Мисс Анна спит, она не узнает об этом, а матросы не подумают, будто я забыл все, чем обязан им. Постараемся только узнать, что там происходит... Затем мы повернем к родине с более

легким сердцем. Даже Бенсону не придет в голову сказать, будто у нас не хватит угля для такого развлечения.

Он не мог предложить мне никакого разумного возражения на это, тем более что курс наш лежал в этом направлении. Мы всю ночь простояли на виду судна, находившегося против нашего носа на расстоянии двух миль и окруженного морем, которое волновалось под влиянием западного ветра, постепенно усиливавшегося.

Когда мы продвинулись ближе, я увидел в подзорную трубу зрелище, в значении которого нельзя было сомневаться. Я увидел нескольких матросов подле люка на баке, одного на гакаборте и двух или трех на главной палубе. Нигде больше не было заметно признаков деятельности.

Если бы перед этим я не видел несчастных собственными глазами, не перевязывал их ран и не слышал их стонов, я не поверил бы, что на этом заброшенном корабле кроется столько человеческого горя. Мне казалось невероятным, чтобы судно это могло как-нибудь повредить нам. А между тем, когда мы находились в нескольких полумилях от него, с его палубы раздался выстрел из пушки, и в море в ста ярдах от нашей фок-мачты упало вдруг шальное ядро. Вслед за этим раздался страшный треск, и громадный сноп пламени взвился над палубой корабля, хотя при этом самый зоркий глаз не мог бы обнаружить место упавшего ядра.

— Лорри,— сказал я,— я ждал этого... одна из их пушек лопнула. Могу представить, сколько людей погибло при этом!

— Надеюсь, сэр, вы не отправитесь туда?

— Нет!.. Взрыв этот был ответом на все мои вопросы. Теперь мы двинемся на родину, Лорри... на всех парах и как можно скорее... Да поможет Бог невинным людям, если они есть на том корабле!

Вместо ответа он позвонил в машинное отделение. Затем крикнул квартирмейстеру звучным капитанским голосом: «Право руля!» На это тот ответил: «Есть!» Я не заметил, как мы изменили курс и двигались уже по направлению к северо-востоку, то есть к Азорским островам, так как мы нуждались в угле.

Если был здесь один человек, который сожалел об этом, он молча и терпеливо переносил свои сожаления. Я так уверенно приступал к исполнению своего смелого предприятия, так надеялся на успех его и в то же время боялся неудачи, что это хладнокровное бегство, этот отказ от дальнейшего расследования дела, это невольное подчинение необходимости казались мне унижением моей личности, сознание которого, каковы бы ни были последующие события, навсегда должно было остаться при мне.

Я отправился с целью привлечь еврея к правосудию. А теперь в ушах моих раздавался насмешливый голос, напоминавший мне, что Валентин Аймроз пользуется свободой, смеется над собранными мною сведениями и дурачит в данный момент полицию. Большое здание преступлений, воздвигнутое им, будет, конечно, скрыто на это время, но кто поручится, что оно не будет вторично основано на фундаменте человеческого легковерия?

Мне не удалось привлечь к суду этого негодяя, я ничего не узнал о союзниках его в открытом море, о дружественных ему судах, о других таких же безопасных и безымянных убежищах, как и то громадное судно, которое погружалось теперь за горизонт и исчезало у меня из виду. Вот о чем я рассуждал, о чем думал, когда очертания его исчезали из моих глаз, уходя туда, где их будут приветствовать голоса отверженных душ.

Долго стоял я, устремив глаза на горизонт в далекое пустое пространство. Мы были одни на обширной водяной поверхности. Честно послужившая яхта мчалась на родину, к городам и коттеджам Англии, увозя с собой мужественные сердца и веселых людей, которые в своем воображении слышали уже лепет маленьких детей, подымали их на руки и целовали в губки. Но я не принимал участия в этой радости. Что мне была родина и берега Англии, если, приехав туда, я не встречу любви и преданности малютки Анны?

Не как ребенок, а как сознательная женщина сказала она мне вчера вечером: «Расскажите мне историю моей жизни — и только тогда сочту я себя вправе слушать вас». Для меня не могло быть ни покоя, ни любви, пока я не добуду доказательств того, что она не дочь генерала Фордибраса, а его жертва. Я предчув-

ствовал это с самого начала, но неизбежность этого только тогда предстала ясно перед моими глазами, когда «Бриллиантовый корабль» исчез из виду, а с ним вместе исчезли и мои мечты.

XXXI

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛОНДОН

Я не принадлежу к числу тех людей, которые прикасаются к перилам судна с редким восторгом, изобличающим истого лондонца. Чужеземные картины действовали на меня более успокаивающим образом, чем вечная сутолока наших собственных городов. И хотя я бываю рад, возвращаясь в Лондон, вряд ли не с большим удовольствием покидаю я его. Не потому ли, что замечаю подкрадывающиеся перемены, которые много отнимут у его былой прелести? Он мне кажется большим ребенком, который продолжает еще расти и терять при этом свою силу.

Благодаря своей непомерной величине он заметно ослабевает. Он не может больше служить примером для провинций, которые не подражают больше его обычаям и готовы смеяться над его притязаниями.

Старый Лондон с его мрачными театрами, узкими, грязными улицами, Лондон Симпсона и Ивенса с его комнатами для ужина, был, по моему мнению, в тысячу раз романтичнее «современного Вавилона» с его хриплыми пророками и вечным нытьем о нравственности.

Можете осыпать меня упреками за такой предательский образ мыслей. Я чувствую себя одиноким на широких улицах, а современные нововведения угнетают меня...

Я несколько не раскаиваюсь в том, что написал эти строки,—они вызывают передо мной видение столь желанного Лондона, которое даже по истечении многих лет не могло бы изгладиться из моей памяти. Вот уже два месяца, как я нахожусь в Лондоне. Письменный стол с разбросанными на нем бумагами, который стоит в моей гостиной в Стренд-Отеле, служит доказательством моей деятельности. Нетронутый эликсир в рюмке, стоящей подле меня, указывает на заботу женщины и ее преданность. Дорогая сестра моя Гар-

риэт оказала сильное влияние на окружающих нас людей, доказав им необходимость подвергнуть дезинфекции все ковры и занавески, а также применить согревающий метод по отношению ко всем шляпам, которые предназначаются для украшения мужских голов. Она решила раз и навсегда, что я не должен стричь себе ногти недезинфицированными ножницами, и пришла к заключению, что лучший способ спасти меня от всяких беспокойств состоит в частом применении патентованных средств. Я терпеливо подчинялся ей и был счастлив. Не приятно ли знать, что в мире есть женщина, которая живет для вас и готова бескорыстно жертвовать своей жизнью, не думая при этом о своих собственных нуждах?

Я вдвойне счастлив, что к имени своей сестры могу прибавить еще одно имя и также не щадить похвал. Анна Фордигбрас, моя малютка Анна из Дьепа, как и солнечное сияние, была также с нами в отеле и не менее сестры моей ухаживала за мной. Каждый день, когда я спускался вниз к завтраку, я находил любимые мною цветы, принесенные Анной из Ковент-Гардена. Проворные пальчики Анны перебирали разбросанные мною на столе бумаги и находили затерявшиеся документы. Анна рассказывала мне вечером, что случилось в течение всего дня в мрачном мире политики, среди которого мы возвращаемся, называя мошенниками людей, не сходных в своих мнениях с нами, и отрицая все заслуги их, за исключением тех, которые слишком явно апеллируют к нам.

Редко бывала она теперь в том веселом, почти детском настроении, в каком я встретил ее на кенсингтонском празднике... Как давно это было! В ней сказывалась теперь больше женщина, а не ребенок, и она явно страдала, чувствуя себя среди двух течений: прошлого, которое было ей известно, и будущего, которого она боялась,—стараясь не думать в то же время о настоящем.

Между нами стояла непроходимая преграда перемирия с той минуты, когда мы вместе с ней очутились на палубе «Белых крыльев». Никогда больше не говорил я ей, чем она была и чем должна была быть для меня... никогда не говорил о любви самой безграничной, превышающей все существующее под прекрасным Божьим миром, да и не хотел говорить до тех пор, пока

не откроется тайна и я скажу ей: «Вот тайна твоего рождения, вот история твоего детства».

Итак, Лондон сделался для меня желанным городом, и в нем приступил я к своему делу. Я видел Анну каждый день, слушал мелодичный смех ее и чувствовал ее присутствие, наслаждаясь счастьем, какое редко выпадает на долю человека занятого.

Мой письменный стол, покрытый бумагами, служил доказательством моей деятельности и того воодушевления, с которым я предавался ей. Много честолюбивых замыслов было у меня в прежние годы, но никогда еще не задавал я себе такой трудной задачи, как эта. Успех мог доставить мне неслыханное вознаграждение, а неудача должна была навсегда разлучить меня с девушкой, которую я любил.

Сказать, что я неутомимо работал над этим делом, было бы мало. Мысль о тайне ни на минуту не покидала меня. Целые ночи и во сне ломал я себе над нею голову; она преследовала меня на улицах, в театрах, в домах моих друзей. Она брала верх над любым занятием; я видел ее в голубых глазах, в которых ежедневно читал один и тот же невысказанный вопрос; она окружала малютку Анну покрывалом, скрывавшим от меня истину; выступала черным по белому на каждой написанной мною странице — неизбежным приговором, мукой сомнения. Тайный голос говорил мне о годах, покрытых мраком неизвестности. Я скрывался от света и в темноте слышал его. Он прорывался сквозь городской шум и гул толпы. Тайна или ночной мрак! Другого выбора у меня не было.

Обратный переезд свой мы совершили превосходно и, отплыв от Азорских островов, направились прямо к Лондону. Не теряя ни минуты драгоценного времени, я немедленно отправился в Скотланд-Ярд, а из Скотланд-Ярда в Уайтхолл и рассказал всю историю, как она написана в этой книге. Я никого не буду порицать, если ее прочтут с недоверием.

Телеграммы, отправленные мною на родину, должны были предупредить полицию и сообщить ей гораздо больше того, что я мог рассказать и о чем я мог только догадываться. Даже Мюррей, мой старый друг Мюррей, предположения которого побудили меня предпринять самое необыкновенное и странное путешествие, Мюррей уверял меня, что он уведомлял поли-

цию Франции, Германии, Америки и Португалии о том, что сделано, и о фактах, на основании которых все это было сделано. Но сам он начинает уже терять веру в это.

— Мы обыскали в Париже все дома, указанные вами,— сказал он,— и засадили под замок около полдюжины людей. Человек пять арестовали в Берлине и предали гласности нашу удачную поимку в Нью-Йорке. Говоря откровенно, это все, что мы могли сделать. Ваш еврей не фигурировал ни в одном из этих случаев. Имя его нигде и ни в одном деле не упоминается. Намеков на него нет ни словом, ни письмом, ни какой бы то ни было безделушкой. Губернатор острова Санта-Мария утверждает, что рудники ничего, кроме обыкновенных рудников, не представляют, что он посещал их вместе с генералом Фордибрасом, которого он находит весьма честным джентльменом с военной выправкой. Что касается вашего «Бриллиантового корабля», он поверит в его существование, когда увидит в порту. Я навел справки о нескольких пароходах, указанных вами. Все бумаги у них оказались в порядке. Говорю вам прямо, доктор Фабос, явись ко мне в канцелярию сам еврей, я не нашел бы никаких доказательств против него. Одному только лицу из всей этой компании могут повредить все ваши разоблачения, и лицо это — мисс Фордибрас.

Мы рассмеялись оба, но я тут же поспешил сказать ему, что это нисколько не разочаровывает меня.

— Вы стоите лицом к лицу с мастером своего дела,— сказал я,— и ожидаете найти одни только детские игрушки в его руках. Если мне скажут, что Валентина Аймроза поймали в каком-нибудь воровском притоне в Германии или в Париже, не говоря уже о Лондоне, то я готов держать сто против одного, что это не тот человек, которого я встретил на острове Санта-Мария, не тот еврей, который командует «Бриллиантовым кораблем». Не верьте этому, Мюррей! Успех этой шайки зависит от ее организации. Девять десятых этой шайки никогда не слышали имени Аймроза, никогда не видели его и даже не знают об его существовании! Первоклассных мошенников, составляющих его кабинет, так же трудно захватить в каком-нибудь трактирчике, как трудно представить себе еврея, говорящим речь в Вестминстере. Мы добрались до окраин редкостной фа-

брики, но в руках наших одни только подозрения. Сэр Джеймс Фримен сказал мне сегодня в адмиралтействе, что на будущей неделе отправляется второй крейсер в южную часть Атлантического океана. Я буду крайне удивлен, если ему удастся найти этого бродягу. Спросите меня почему, и я не смогу вам ответить. Сидя здесь, в Лондоне, я могу описать этот громадный корабль так ясно, как будто бы в данный момент я вижу его с палубы своей яхты. Он плывет, наполненный негодьями, он полон крови и смерти... плывет, одному Богу известно куда, без надежды на что-нибудь, не думая ни о чем. Он будет плыть так до самого дня Страшного Суда, и ни один человек не обнаружит его. Я в этом убежден. Но серьезных оснований говорить таким образом у меня нет, и я готов согласиться с тем, что это смешно с моей стороны.

Мюррей не оспаривал мою точку зрения, но он не мог помочь мне. Никаких следов Аймроза не было найдено; Фордибрас не был арестован и не было известий с острова Санта-Мария. Дом, по всей вероятности, оказался закрытым, а так называемые рудокопы несколько недель назад уехали на пароходе в Европу. Самые тщательные поиски не помогли найти в пещерах сокровищ, существование которых я предполагал. Там нашли инструменты для сверления и мехи, наковальни, крапы, патроны, но никаких признаков тайного жилища. Относительно Валлей-Гоуза сказали, что это причуда какого-то американца, что проход в горах существует с незапамятных времен и хорошо известен всем жителям. Такие простосердечные показания куплены были, по-моему, за хорошую цену.

— Все они подкуплены, Мюррей,—сказал я,—и если мы не постараемся заплатить им больше, нам не стоит тревожить их. Не они одни, я думаю, воспользовались щедростью этого человека. Я смело говорю, что в южноамериканских республиках у него достаточное количество друзей, которые в состоянии спасти целую армию от виселицы. Нам придется идти с ними наперегонки. Я не интересуюсь тем, будут ли в Парк-Лен вести дальше это дело. Вы говорите, что не можете арестовать этого человека потому будто бы, что не имеете улик против него. Следовало это сказать ему, когда мы встретились с ним: я заплатил бы ему до некоторой степени за его тайну. Я намерен силой вырвать ее у него,

хотя бы для этого мне пришлось рисковать своей жизнью. Ничто больше не касается меня теперь, Мюррей! Пусть тысячи преступников снаряжают суда и отправляются в открытое море, я не двинусь с места. Я жажду тайны... Дело мое начиналось и кончается ею.

Он не понял меня, а я не хотел быть с ним откровенным. Неудача моего путешествия не могла, само собой разумеется, ничего вызвать при моем возвращении на родину, кроме недоверия. Какое право имел я порицать полицейского служащего, когда я не мог представить в суд никакого доказательства против Валентина Аймроза? Богатства его были искусно скрыты от человеческих взоров. Дружественное ему правительство покрывало его; те, кого он обманул, неспособны были выдать его. Влияние, которое он оказывал на них, было так могущественно, что служило ему защитой даже во время его отсутствия.

Я больше прежнего был убежден, что финал всего этого разыграется между архинегодяем и мною... хотя бы с опасностью для моей жизни.

Как же это произойдет, спросите вы? Как смогу я вытащить из мрака человека, который боится света, человека, которого будто бы ищет полиция пяти государств, человека, который сразу попал бы в когти дьявола, осмелюсь он приехать в Англию? Обстоятельства ответят вам за меня. Я получил письмо от самого еврея дня через три после того, как Мюррей уверял меня, что самые талантливые сыщики Европы не в состоянии будут найти его. Двадцать четыре часа спустя после этого один из самых быстрых на Темзе паровых баркасов вез меня от Лондонского моста к дому, где до начала следующего дня я мог все потерять или все обрести.

Я ехал к дому еврея, и меня сопровождал один только Окиада, мой маленький японец. Величайший из преступников, каким я считал этого человека, был жив и призывал меня к себе, а я ответил ему «да!». Вечная история, доходящая порой до безумия и исключаяющая всякую мудрость, когда дело идет о любимой женщине.

XXXII

МЫ ПОСЕЩАЕМ КАНВЕЙ-ИСЛАНД

Еврей написал мне, и я ответил на его письмо. В нескольких коротких фразах, достойных этого человека и истории его жизни, доверился он моему честному слову и выразил желание заключить договор между нами.

«Доктору Фабосу, Лондон — от хозяина корабля. Я буду ждать вас на Канвей-Исланде, куда вы должны приехать один или только с вашим слугой (других ваших спутников прошу не высаживать на берег) вечером на закате солнца в пятый день мая. Не бойтесь ничего, как и я не боюсь. Слово я так же свято храню, как и вы. Я даю честное слово и прошу вас приехать».

Откуда было послано это странное письмо, как обошел я полицию и вошел в сношение с евреем? Я постараюсь коротко рассказать это.

В Париже выходит три раза в месяц юмористическая газета, известная под названием «Журнал шалунов». На первый взгляд это был обыкновенный журнал, но я давно уже знал способ, каким в нем воры и убийцы сообщали друг другу о местопребывании своих друзей. Я воспользовался своим знанием, и мне стало сразу ясно, что Валентин Аймроз избежал сетей закона и смеется над полицией, которая утверждала, будто против него нет никаких улик. Я напечатал в этой газете объявление, употребив для этого обыкновенный секретный шифр преступных обществ. Не прибегая ни к каким уловкам, я сообщал хозяину корабля, что могу оказать ему большую услугу, если и он, в свою очередь, согласится оказать мне такую же.

Спустя неделю после этого я получил ответ от еврея, за которым, очевидно, следили многие, интересующиеся его судьбой. Из него я узнал, что так называемый хозяин скрывается на Канвей-Исланде — уединенном болотистом острове позади Тайльбери, которое хорошо известно всем, кто ездит на судах до Нора. Он назначал мне свидание там, чтобы выслушать меня. Я вынужден был послать ему вызов, чтобы он ответил мне... Ах! Чего бы только не дал я за то, чтобы узнать, каким будет этот ответ!..

Еврей прекрасно понимал, с кем имеет дело, и я резонно рассуждал, предполагая, что он никогда не дойдет до такого безумия, чтобы предпринять что-нибудь против меня в тот момент, когда я мог оказать ему великую услугу.

Говоря откровенно, я находил все это таким же унижительным, как и неудачу свою в океане, которая навсегда останется самым отчаянным эпизодом моей жизни.

Я, устроивший целую охоту на этого человека, должен был сказать ему: «Отправляйтесь, куда хотите! Мне нет до вас дела. Полиция говорит, что у нее нет улик против вас. Это ее дело, я больше никакого участия в этом не принимаю». Он, со своей стороны, наверняка догадывался, с какими намерениями я приду к нему.

Я помнил хорошо, что к Канвей-Исланду можно подъехать со стороны открытого моря или отчалить от берегов Эссекса. Сотни глаз, думал я, будут наблюдать за моим баркасом, шпионить на воде и на берегу — все меры предосторожности приняты заранее. Он окажет мне доверие, держа в руке саблю наголо. Я буду в полной безопасности, пока мы будем говорить с ним, но стоит нам поссориться и... да хранит меня тогда Бог!

Я не буду говорить о своем путешествии к устью Темзы и о различных сценах, которые так часто и с таким увлечением описываются современными романистами. Река здесь сильно изменилась с тех пор, как большие суда ушли с верфей у Лондонского моста. Тем не менее она по-прежнему является соединяющим звеном со всем миром. Здесь водяной храм, где громоздятся гигантские мачты, здесь все наречия становятся красноречивыми, поклоняясь морю, и люди всех наций соединяются в одно братство, способствуя нашему богатству и величию, которое не умалется в течение многих сотен лет. Всюду вдоль этой части реки видны лужи вследствие частых приливов, громоздятся помосты и пристани и высятся дома с остроконечными кровлями. Это река тайн и мрака, возлюбленная города, который покинул ее, неотделимо связанная с историей своего народа.

Мы отчалили от пристани Св. Екатерины незадолго до наступления вечера, и было уже почти темно, когда мы увидели свет Чепменского маяка. Грубый чертеж,

сделанный евреем на оборотной стороне письма, указывал, в каком месте острова я должен высадиться на берег и где меня будут ждать его слуги. Имей я хоть некоторые сомнения на этот счет, зеленый фонарь, раскачивающийся у низкой стены старой фермы—первой, которая вам попадает на глаза,—привлек бы сразу мое внимание, указав место высадки. Я согласился на сделанное мне предложение никого не брать с собой, кроме Окиады, а потому, верный своему обещанию, разрешил ему одному выйти со мной на берег и сопровождать до самого дома. Баркас был взят мною у братьев Ярроу и управлялся их машинистом. Я не посмел пригласить с собой даже капитана Лорри, а что касается моего друга, болтливового Тимофея, то присутствие его здесь было бы безумием с моей стороны. Еврей в самых точных выражениях дал понять, что жизнь моя находится в зависимости от точного исполнения всех пунктов нашего договора, а я знал его слишком хорошо, чтобы сомневаться в его словах. За этим уединенным берегом следили сотни глаз. И каких глаз! Всматриваясь в густые тени его, человек может подумать, что он попал в убежище вечной меланхолии, в приют беспокойных духов, которых река принесла сюда из омута несчастий и сутолоки городской жизни. Холодная рука мертвой природы прикоснулась к нему. Дыхание его было подобно чумной заразе.

На пристани, когда мы причалили, стоял старый негр, державший фонарь в руке. Никто не показывался, хотя я совершенно ясно слышал пронзительный свисток и в ответ на него второй, со стороны Эссекса. Негр старался, по возможности, скрыть свое лицо от меня, не произнес ни одного слова и не выказал ни малейшего волнения, увидев нас. Тем не менее я заметил, что он ждал, пока баркас отойдет от пристани. Вслед за этим раздался второй свисток, и только тогда он повел меня по узкой, поросшей травой тропинке прямо к ферме, у дверей которой и оставил меня.

Тем временем наступила ночь, и над болотами стал подниматься белый туман. Ферма выглядела так, как будто она была построена каким-нибудь голландцем, который помогал защищать Канвей-Исланд от напора моря, когда Эссекс омывался еще водами устья реки. Только одно окно в ней было освещено, но кругом все было темно, как и река, черневшая перед ее воротами.

Я постучал раза три в старую, ветхую дверь, и в ответ на это ко мне вышла красивая служанка. «Да,— сказала она,— мистер Аймроз дома и ждет вас». С этими словами она провела меня к преступнику, которого полиция искала во всех городах мира. Он сидел в низком кресле в маленькой комнатке передней части дома. Комнатка была бедно и безвкусно обставлена, наподобие меблированных комнат в Маргэт. На глаза Валентина Аймроза был надвинут зеленый козырек, но не настолько низко, чтобы это мешало ему все видеть. Стул, приготовленный для меня, и лампа на столе были поставлены так, чтобы он мог следить за выражением моего лица, как настоящий художник, от наблюдательности которого ничто не может ускользнуть. Приняв вполне беспечный вид, он с видимым удовольствием курил громадную сигару, а подле него стояла черная бутылка, содержимое которой, судя по наружному виду, состояло из голландского джина. Он во многих отношениях отличался теперь от еврея, которого я встретил на высотах Санта-Марии, и свирепое выражение его лица несколько уменьшилось. Сбоку кресла стояла большая палка, а у ног лежал безобразнейший бульдог, какого я никогда не видел в своей жизни и который при входе моем поднял свою свирепую голову. Все это я заметил сразу и сделал, конечно, соответствующее заключение. «Он не вооружен,— подумал я,— но где-то поблизости скрываются его друзья... Стоит ему сказать слово, и собака схватит меня, а негодяи dokonчат остальное».

Я положил шляпу на пол и отодвинул стул от стола.

— Я приехал сюда в ответ на ваше письмо,— сказал я.— Условия нашей встречи точно соблюдены мною. Мой слуга ждет меня у ваших дверей, а баркас стоит на реке в стороне от пристани. Приступим сейчас же к делу. Надеюсь, что и вы желаете этого.

Он сдвинул выше на лоб свой зеленый козырек, и я увидел его глаза, окаймленные красными веками, бесцветные и устремленные на собаку у его ног. Длинная, тонкая рука его, державшая сигару, казалась покрытой серебристой кожей, а ногти были темны и как бы из черного дерева. Огромный бриллиант сверкал в перстне на его мизинце. Подобно всем своим товарищам, он

до сих пор еще не отказывался от заботы о своей наружности, несмотря на то, что ему было уже восемьдесят лет.

— И я надеюсь на то же самое,— повторил он без некоторого достоинства.— Надеюсь видеть великого доктора Фабоса в Лондоне и принимать его в своем доме... Это большая честь для скромного старика. Чем заслужил я это? Как могло такое счастье посетить жалкую старую жизнь?

Он захихикал, как старая ведьма, сидящая у костра, разведенного у дороги. Но это был тщеславный смех, который трудно бывает скрыть... Движением руки я заставил его умолкнуть.

— Счастье явилось в дом по собственному вашему приглашению,— сказал я.— Прошу оказать мне внимание. Я приехал сюда не ради тщеславных обоюдных словоизлияний и не ради желания пользоваться вашим приятным обществом. Я приехал с целью узнать историю Анны Фордибрас.

Он кивнул головой, хихикая втихомолку, и откинулся на спинку кресла, чтобы лучше наблюдать за мной.

— Великий доктор Фабос из Лондона,— повторил он,— в доме бедного старого еврея! Как я этим польщен! Какой почет! Великий английский доктор, который преследовал бедного старика по всему свету и явился сюда, чтобы в конце концов просить у него милости! Повторите ваши слова, доктор! Повторите их несколько раз. Слова эти— музыка для меня, я упиваюсь ими, как вином... словами моего друга доктора... Смогу ли я когда-нибудь забыть их?

Страшно было слушать его зубоскальство, но еще ужаснее было помнить, что достаточно одного его слова, чтобы люди, наблюдавшие за нами (я был в этом глубоко убежден), мигом лишили меня жизни. Я не сразу сообразил, как продолжать разговор. Прошло нескольких долгих минут, а он по-прежнему сидел в кресле, продолжая болтать и хихикать, как старая ведьма у очага. Я ничего не находил нужным говорить пока... К тому же была его очередь продолжать.

— Да-да, мой дорогой,— говорил он,— да-да! Вы великий доктор Фабос из Лондона, а я бедный старый еврей. И вы желаете узнать историю маленькой Анны Фордибрас! Как ничтожен мир, если нам пришлось

встретиться в этом старом ветхом доме... бедный старый еврей и богатый доктор! И вы приехали просить у меня помощи! Еврей должен дать вам возможность жениться, еврей должен спасти малютку для ее возлюбленного. Ах, дорогой мой! Какая штука эта любовь и какие безумцы эти мужчины! Великий богатый доктор покидает свой дом, своих друзей, свою страну, тратит половину своего состояния на яхту — и все из-за любви и чтобы еще раз увидеть бедного старого еврея. Лучше этого я никогда и ничего не слышал... О, Бог моих отцов, для этого одного стоит жить!

Он несколько раз повторил последние слова, точно они были для него пищей и питьем. Я начинал понимать, что он находится под влиянием ложного тщеславия и что постигшая меня неудача была ему дороже груды золота.

— Нуждаюсь ли я в деньгах? — спросил он, почти с бешенством обращаясь ко мне. — Клянусь небом, они для меня что грязь под моими ногами. Нуждаюсь ли я в прекрасных домах, мраморных залах и шелковой одежде? Взгляните на комнату, в которой я живу. Подумайте о моих обстоятельствах, о моем счастье, о моих богатствах, об одежде на моих плечах, о слугах, которые ухаживают за мной! Деньги — нет! Но видеть великих людей униженными, разбить их счастье, сердца — это нечто, и старый бедный еврей готов умереть ради этого. С сегодняшнего вечера начинается мое вознаграждение. Великий доктор Фабос становится передо мной на колени, чтобы вымолить у меня сердце женщины. Сколько людей приходило ко мне с тех пор, как я был в возрасте доктора, молодым человеком, отвергнутым своим народом, живущим честно, молящимся в храмах, выстроенных человеком! И я всем говорил, как говорю и ему, нет, тысячу раз нет! Уходите от меня с тем, с чем вы пришли. Согласитесь, наконец, что еврей держит вас в руках. Живите, чтобы помнить его, носите раскаленное железо в душе вашей, подобно проклятию, которое наложено на него по воле вашего народа, по учению вашей веры. Вот вам слова мои... В последний раз встречаемся мы с вами, и кто знает, сегодня, быть может, последний день вашей жизни, доктор Фабос!

Он склонился вперед, и в глазах его засверкали огоньки всех страстей, какие только скрывались в глубине

его души. Никому, я думаю, не приходилось слышать таких угроз, какие он наговорил в эту ночь мне. Одного тона их достаточно было, чтобы кровь застыла у вас в жилах, всякое движение его указывало человека, жаждущего человеческой крови с бешенством дикого зверя. Признаюсь откровенно, у меня мороз пробежал по коже в то время, как я слушал его. Вспомните отдаленность фермы от всякого жилья, уединенное болото, ночную тишину, жизнь, поставленную на карту,— и вы не удивитесь, что я не мог отвечать сразу.

— Вы угрожаете мне,— сказал я, стараясь казаться спокойным,— и, однако, как один ученый вашего племени, я на вашем месте догадался бы, что час исполнения угрозы не наступил еще. Я приехал сюда, чтобы просить у вас услуги и в то же время сделать вам не менее ценное предложение, от которого вряд ли вы откажетесь. Рассмотрим все это с одной исключительно деловой точки зрения и посмотрим, не можем ли мы прийти к соглашению. Вы должны прежде всего знать, что я пришел не с пустыми руками...

Он прервал меня диким криком, таким диким, что я оцепенел от удивления.

— Безумец!— крикнул он.— Я владею царским состоянием... Что вы можете дать мне более ценного?

Я не медля ответил ему:

— Свободу вашей жены Лизетты, которую сегодня утром арестовали в Вене.

Я видел, что нанес ему страшный удар в сердце. Крик, раздавшийся вслед за моими словами, мог вырваться только из недр ада. Я никогда еще не видел человеческого лица, до такой степени искаженного и любовью, и ненавистью, и злобой. Задыхаясь и с хриплым свистом, вырывающимся из груди его, вскочил он на ноги и стал дрожащей рукой искать палку, стоявшую у кресла... Бульдог тоже вскочил и приготовился к прыжку.

— Удержите вашу собаку, или, клянусь Богом, я убью вас там, где вы стоите,— крикнул я и затем заговорил с ним тем же тоном, каким он до сих пор говорил со мной: — Великий доктор Фабос из Лондона снова принял присущий ему образ, как видите. Безумец, скажу я вам в свою очередь, неужели вы думали, что имеете дело с ребенком? Женщина эта в тюрьме, го-

ворю вам. Деньги мои заключили ее туда... Я один могу освободить ее — я один, Валентин Аймроз. Выслушайте это и на коленях просите ее свободы... Слышите вы, олицетворение зла? Становитесь на колени, или она дорого поплатится за вас. Будете вы теперь слушать меня или прикажете уйти? Ваша жена Лизетта, маленькая брюнетка из Марселя... Не говорил ли я вам еще на Санта-Марии, что имел честь познакомиться с нею? Безумец! Как можно было это забыть?.. Она будет отвечать за вас.

Слова срывались у меня с истым красноречием безумца, и я никак не мог остановиться. Я сделал мастерский ход и с этой минуты был так же в безопасности в этом доме, как будто бы сотни друзей охраняли меня. Еврей был повержен к моим ногам. Бледный, как призрак, с судорожно сжатыми руками и дрожа всем телом как в лихорадке, опустил он медленно в кресло. Глаза его с ужасом устремились на меня, и казалось, что ему остается всего несколько минут жизни.

— Моя жена, Лизетта... да-да... отвечать за меня... Я старик, и вы сжадитесь надо мной... Скажите же, что вы сжадитесь надо мной... вы, доктор Фабос из Лондона! Что сделал худого вам старый бедный еврей? О, не трогайте ее, ради самого Бога!.. Я скажу вам все, что вы желаете, дайте мне время... Я старик, и свет гаснет в моих глазах... дайте мне время, и я расскажу вам. Лизетта... да-да... я поеду в Вену, она ждет меня. Черт возьми! Вы не разлучите меня с Лизеттой...

Я налил в стакан джину и поднес к его губам.

— Слушайте,— сказал я.— Ваша жена арестована, но я могу освободить ее. Напишите мне правдивую историю мисс Фордибрас, и я сегодня же отправлю телеграмму, чтобы ее освободили. Никаких других условий я не желаю. Историю Анны Фордибрас — только этой ценой можете вы мне уплатить... сейчас, здесь... Других шансов у вас нет!

Напрасно будет говорить о последовавшей за этим сценой — о злобном ворчании, о жалобных мольбах, об истерических воплях. За неделю до того, как я уехал из Англии на своей яхте, сделал я удивительное открытие, что старик этот женился в Париже на молодой женщине и что — таковы бывают разительные контрасты в жизни, — он любил ее со всей преданностью и страстью молодости.

Сделанное мной открытие спасло меня уже на острове Санта-Мария; сегодня оно должно было спасти мою маленькую Анну и снять с нее гнет сомнений. Шансы мои не могли ни на одну минуту больше подвергаться риску. Каждое слово в адрес этого гнусного человека все больше и больше приближало меня к цели.

— Лизетту,— продолжал я, видя, что он молчит,— Лизетту обвиняют в присвоении бриллиантов, принадлежащих когда-то леди Мордент. Я признал тождественность этих бриллиантов. Гарри Овенхолль, который по вашему наущению собирался обокрасть меня в Суффолке, обвинил ее в этом преступлении и начал дело против нее. Вам решать, должны ли мы ехать в Вену или постараться убедить леди Мордент взять обратно свое обвинение. Даю вам сроку десять минут по часам на камине. Употребите их с пользой, умоляю вас. Подумайте, пока еще не поздно, как вам лучше поступить: свобода для этой женщины или суд и наказание. Что из двух, скажите, старик? Скорее, время для меня дорого.

Он сидел несколько минут молча, с закрытыми глазами, барабанил пальцами по столу. Я знал, что он думает о том, выиграет он или проиграет, если позовет кого-нибудь из скрывающихся приверженцев и прикажет убить меня. Один свидетель будет устранен... Но кто может отвечать за других? И возможно ли, что старый враг, который так часто дурачил его, не одурачит его и сегодня? Так размышлял он, казалось мне. Он приподнялся вдруг в кресле, устремил взор во тьму, видневшуюся за окном, и снова сел. Не хватило у него мужества или это было время, назначенное для нападения,— я никогда не мог решить этого с точностью. Для меня это были минуты страшного напряжения, нервного прислушивания к шагам и быстрого решения. Услышь я самые слабые, сомнительные звуки, я убил бы этого человека на месте.

— Я не могу писать,— сказал он задыхаясь.— Предлагайте мне вопросы, а я буду отвечать на них.

— И подпишете документ, принесенный мною. Пусть будет так... Предлагаю вопросы по порядку. Отвечайте по возможности кратко.

Я сел на другом конце стола и положил документ

перед собой. Ясный кружок от света лампы падал на бумагу, оставляя всю комнату в темноте.

— Чья дочь Анна Фордибрас?

— Дочь Давида Кеннарда из Иллинойса.

— Мать ее?

— Я не знаю ее имени... Француженка из Канады. Вы узнаете это из архивов в Иллинойсе.

— Каким образом попала она под опеку генерала Фордибраса?

— Трусость или совесть, как называют ее люди. В 1885 году Кеннард был привлечен к ответственности за грабеж... Он был невиновен. Это входило в мои планы... Все устроили мои агенты. Но Кеннард... Ах! Он выдал меня, и я удалил его, чтобы он не стоял на моем пути.

— И он был признан виновным?

— Признан виновным и приговорен к заключению в тюрьме на двадцать лет. Фордибрас под именем Шангарнье... его настоящее имя... он двоюродный брат того самого Шангарнье, который наделал Франции столько зла в 1870 году... Фордибрас был тогда директором в тюрьме Гудзон. Он был у меня на жалованье, но Давид Кеннард был его другом, а потому он взял к себе его дочь и воспитал ее как собственное дитя. Как мог я запретить ему? Женщина, да еще хорошенькая, всегда полезна для моих планов. Я хотел унижить этого железного человека и унижил. Какую жалкую фигуру изображает он теперь из себя! Прячется в Тунисе, точно мелкий мошенник... Боится меня... Боязливый и в то же время гордый, мой друг!.. Гордый, очень гордый, как ваши лорды... Вот он, Губерт Фордибрас. Скажите слово полиции, и она арестует его. Я пришлю вам доказательства. Он горд, и у него есть сердце. Вырвите его у него, потому что он изменник. Он закрывал глаза и протягивал руки, и я клал в них деньги. Вырвите сердце у него, он хочет убить женщину, которую вы любите.

Я не подозревал до сих пор такой гнусности, жестокости и ненависти. Гордость генерала была тяжелым бременем для этого пресмыкающегося негодяя, с таким непомерно развитым тщеславием и стремлением видеть всех людей у своих ног. Но его слова не имели для меня никакого значения... Я желал только, чтобы Гу-

берт Фордибрас не попадался мне больше на дороге.

— Изменник он или нет, это касается только вас,— сказал я.— Здесь вопрос о другом. Когда Анна Фордибрас надевала в Лондоне украденный у меня жемчуг, было ли известно генералу, что он краденый?

Отвратительная, сардоническая улыбка пробежала по его лицу.

— У него не хватило бы мозгов на это! Она надевала их по моему приказанию. Я долго следил за вами... Вы не знали этого, но потом вы многое узнали. Я сказал себе, что должен удалить вас со своего пути. О, Бог мой на небесах! И зачем это не убили вас до того еще, когда Гарри Росса нашли мертвым в Паллингской бухте!

— Вы говорите о молодом моряке, которого нашли с розовым бриллиантом из Форд-Валлея? О брате капитана Росса, занявшего ваше место на «Эллиде»? Я начинаю понимать... Он вез эти бриллианты в Лондон и с ним случилось несчастье? Для вас это была серьезная неудача.

Он сжал руки и взглянул мне прямо в лицо.

— Останься он в живых, я на мелкие кусочки разорвал бы его тело. Он украл бриллианты с моей почтовой яхты и утонул, плывя к берегу. Да, мой друг, Бог смилостивился над ним, послав ему неожиданную смерть.

Я не мог не улыбнуться такой своеобразной набожности. Я должен сознаться, что мной снова овладело сильное беспокойство, а желание мое вырваться поскорее из этого дома превратилось в настоящую лихорадку нетерпения. Что, если случится что-нибудь, и между мной и Анной встанет вдруг какой-нибудь посланник ада?! Что, если живительную чашу оторвут в самый последний момент от моих губ! Боже милостивый! Какая это была агония!

— Мистер Аймроз,— сказал я, поднимаясь сразу под влиянием неожиданного импульса,— я сейчас же телеграфирую в Вену и сообщу, что я не могу представить доказательств, а потому обвинение будет снято с Лизетты. Можете ехать, куда желаете, но не оставайтесь в Англии. Сегодня я щажу вас. Но если пути наши еще раз встретятся, я повешу вас... Это так же верно, как и то, что Всемогущий судит убитых вами и накажет вас за них. Это мое последнее слово. Молю Бога от

всей души, чтобы никогда больше не встречаться с вами.

Он не двинулся с места, не произнес ни одного слова, продолжая сидеть в кресле, точно каменное изваяние. Так оставил я его и поспешил во мрак ночи.

Я поспешил к Анне, чтобы сообщить ей результаты своей миссии, положить дар этот к ее ногам и в милых глазах ее прочесть наконец истину, которая была для меня выше всего на земле и составляла единственное стремление мое.

Эпilog

ТИМОФЕЯ МАК-ШАНУСА

Мой друг Мюлок в своем «Magnus and Morgna» пишет: «Пейте на свадебных торжествах умеренно, чтобы потом вам не сбиться с прямого пути».

Вот человек принципов, рассуждения которого я никогда не решился бы оспаривать.

Сегодня мы собираемся в Гольдсмит-Клубе и будем пить за потерю свободы моего дорогого товарища Ина Фабоса, пить, надеюсь, в той мере, о какой говорит поэт. Если я сомневаюсь в возможности последнего, то лишь припоминая слова Горация, что вино вдохновляет нас новыми надеждами и заглушает горечи и заботы жизни. Неужели же мы будем рассуждать о такой потере для клуба и для общества, не промочив ни разу горла и не положив руку на сифон с холодной содовой?

Сохрани нас от этого Бахус! Мы погрузимся в него наилучшим образом... по просьбе моего друга, выразившего это желание, и — о, благородное сердце, — за его счет.

Он венчался в своей приходской церкви в Гемпшиде, и Тимофей Мак-Шанус проводил туда невесту. Маленькая волшебница-пастушка, из-за которой честные люди два раза объехали вокруг света и вернулись назад, заставила других женщин завидовать ей и прибыла сама к верной гавани, предназначенной ей судьбой...

Как мало походит она теперь на черноглазую кокетку, которую я видел в Кенсингтоне! В ней меньше лукавства, меньше игривости, в ней сказывается женщина, а не прелестный ребенок со школьной скамьи. Нет, говорю, тысячу раз нет! Золотистый свет заливает ее путь, и лучи смеха сверкают в ее глазах. Обыщи я все

города, то и тогда лучшей жены не найти для моего друга... Я выбрал бы для него только это золотое сердце, эту спутницу жизни избрал бы я для его счастья. Она приобрела любовь редкого человека и счастлива. Спаси ее Господи, говорит старый Тимофей, а он хорошо умеет читать в сердцах женщин.

Итак, я снова возвращаюсь к своим старым привычкам, становлюсь прежним бродягой, который ворчит из-за всякой безделицы. Мой дорогой друг, памятуя, что я когда-то жевал и пережевывал юриспруденцию, не прочь был бы определить меня на государственную службу и сделать чиновником. Но у меня не хватает духу на это. Я дожил до старости во грехе бездействия. Единственная моя заслуга заключается в том, что я знаю благодать ничегонеделания и ожидаемую за это награду. Оставьте же меня и позвольте и впредь идти по прежнему пути. Моя дружба с Ином Фабосом слишком для меня драгоценна, и люди не могут называть меня собирателем мхов и катальщиком камней.

Я хочу сказать этим, что не имею в виду никакой карьеры; подобно маленькому японцу, которого мой друг почти усыновил, мое место за воротами. Неужели я «прошлого» Ина Фабоса, дорогое его воспоминаниям, член его дома, но безмолвный, как ночь, неуважаемый, всеми забытый, никем не воспетый? Да хранят нас боги, скажу я на это.

Книга, которую я пишу о наших приключениях в южных морях, будет напечатана в одном томе ценой в шесть шиллингов; книга эта будет мне памятником более солидным, чем медный. Читатель, ты найдешь в ней много вещей для развития своего ума и возвышения своего духа, но больше всего поразит тебя в ней любовь и преданность Ину Фабосу, вернейшему руководителю моей полной приключений жизни.

Он женился и уехал на запад, а я один и в горе, но двери клуба открыты для меня. Много людей и городов видел я, но Лондон... Ах! Благословен ты, Лондон, ибо люди, погруженные в отчаяние, находят в тебе родину, а дети-сироты гнездятся на твоей груди. В метрополии Британской империи схороню я свое великое горе.

Ибо друг мой Ин Фабос вернется, только когда наступят летние дни, а маленькая жена его начнет говорить о родине и тех, кто любит и не забыл его.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВОДНОЕ ЖИЛИЩЕ. <i>Роман</i>	5
КРОВАВОЕ УТРО. <i>Роман</i>	199
БРИЛЛИАНТОВЫЙ КОРАБЛЬ. <i>Роман</i>	355

МАКС ПЕМБЕРТОН
СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ
Том первый

Редактор И. Шурыгина
Художественный редактор И. Марев
Технический редактор Г. Шитоева
Корректор Н. Кузнецова

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 05.10.95 г. Уч.-изд. л. 30,69.
Цена 19 600 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Scan Kreyder - 25.12.2018 - STERLITAMAK

